О. В. МААН

АБЖУА

Историко-этнологические очерки

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ИМ. Д.И.ГУЛИА

О. В. МААН

А Б Ж У А

ИСТОРИКО–ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ ОЧАМЧИРСКОГО РАЙОНА АБХАЗИИ

СУХУМ – 2006

ББК 63.5 (5 Абх).
М 12

Ответственные редакторы:
докт. ист. наук ,академик АНА О. Х. Бгажба
докт. ист. наук, проф. А. Э. Куправа
канд. ист. наук Л. Х. Акаба
Рецензент: канд. ист. наук Ю. Г. Аргун
Редактор Л. Е. Аргун

МААН О. В. АБЖУА. ИСТОРИКО–ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ ОЧАМЧИРСКОГО РАЙОНА АБХАЗИИ. – СУХУМ. 2006.

Настоящая работа является комплексным историко-этнологическим исследованием (серединной) Абхазии – одного из юго-восточных регионов республики. С древности и вплоть до начала XX века объект исследования являлся важным военно-стратегическим и социально-экономическим районом Абхазии. Абжуйская Абхазия, отличается рядом существенных черт культуры, не сопоставимых с общеизвестными этнологическими обычаями других регионов Абхазии.

Научной базой монографии являются письменные источники и полевой этнологический материал, собранный в период экспедиционных работ (1994-2004) в Абжуйской Абхазии.

К работе прилагаются картографические и иллюстративные материалы. Рассчитана на специалистов и широкий круг читателей.

Автор выражает искреннюю благодарность за оказание финансовой поддержки в издании книги общественности с. Адзюбжа, Президенту Республики Абхазия С. В. Багапш, генеральному директору Госкомпании «Абхазское морское пароходство» З. Д. Ардзинба, генеральному директору Госкомпании «Абхазлес» А. Н. Шамба, генеральному директору Госкомпании "Абхазхлеб" Н. Н. Агрба.

© Маан О.В. (2006 г.)

ВВЕДЕНИЕ

Вряд-ли существуют в мире страны, которые можно понять, не вникая в особенности их внутреннего территориального разнообразия. Изучение территориальных различий явлений культуры и быта является одной из важных задач этнографической науки[1]. Их этнографическое исследование связано с выявлением общих и различных черт в культуре народов, отражающих как местные этнические особенности, так и широкие стадиальные закономерности социально-экономического развития общества[2].

Среди исследователей нет единства в вопросе о том, существовали ли районы в доиндустриальную эпоху. Можно, однако, заметить, что растёт число сторонников точки зрения, что «нет общества не организованного районно, развивающегося однородно, недифференцированно, – район есть конкретное бытие общества, вернее, историческая форма совокупной жизни людей, воплощение его территориальности», что, «территориализация равно присуща всем общественно-экономическим формациям, является условием и формой их развития»[3]. Следует добавить, что в доиндустриальную эпоху увязка районов друг с другом была слабой, и это открывало большой простор для перераспределения районов в разные политические объединения.

Автором данной монографии предпринята попытка комплексного историко-этнологического исследования одного из юго-восточных районов Абхазии – Абжуа, с надеждой на то, что

---

[1] Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. – М.1973. С.18; Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Историко–этнографические области (проблема историко–этнографического районирования). // СЭ. 1975. 3. С.15.

[2] Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Историко-этнографические области. Там же: См. также: Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. – М.1985. С.31; БСЭ. Изд.2. Т. 49. С. 248: Бромлей Ю.В. Этнос и этнография… С. 32.

[3] Ишмуратов Б.М. Региональные системы производительных сил: Методологические основы географического анализа. – Новосибирск. 1979.

появятся аналогичные историко-этнологические работы и по другим районам нашей страны.

Приморская Абхазия, до её включения в состав России в 1810 г., как известно, делилась на следующие основные части: Бзыбь (совр. Гудаутский район), Гума (территория между рр. Шицкуара и Кодор), Абжуа (совр. Очамчирский район) и Самурзакань (совр. Гальский район).[1] Название Абжуа или Абжуйская Абхазия буквально переводится как "серединные люди", – от основы "абж" (абжь, абжьа-ра) "середина" и "уа" "люди"[2] , или "люди серединной Абхазии". В соответствии с наименованием "Абжуа", абхазов населяющих территорию Очамчирского района, между реками Кодор и Охурей и ныне называют "абжуаа" ("абжьуаа, абжуйцы"). В литературе встречаются и другие наименования исследуемой территории – Закодорская Абхазия, Кодорский район, по названию реки Кодор, по которой проходит северо-западная граница Абжуйской Абхазии.

Исследуемый район с древности был довольно интенсивно заселён и входил в Апсилию – раннеклассовое политическое образование, занимавшей в I-VIII веках центральную и восточную часть современной Абхазии. Центр её находился в Цебельдинской долине, между 15 и 35 километрами Военно-Сухумской дороги. Позднее административный центр Апсилии переместился к юго-западу, в средневековый Севастополь–Цхум (древние Диоскуриада – Себастополис)[3].

В период Абхазского царства, Абжуа входила в состав Цхумского (Сухумского) воеводства. К концу XIV в. Цхумское воеводство насильственным путём было отделено от Абхазии и введено в состав княжества, которое в грузинских источниках носит на-

[1] История Абхазии. – Сухум.1991. С. 189. Политическая граница Абхазии на северо-западе проходила по р. Бзыбь. Однако этнические границы страны в тот период были гораздо шире политических. Так, территорию примерно от р. Бзыбь до р. Хоста населяли садзы-джигеты – одна из абхазских этнографических групп.
[2] Ср. Агуыуаа – "центральные люди"; Ахыуаа – "головные люди" (Кварчия В.Е. Историческая и современная топонимия Абхазии (Историко-этимологическое исследование). – Сухум. 2006. С.68).
[3] Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия. – Сухум. 1998. С.3.

звание Сабедиано[1]. Вплоть до второй половины XVII в. эта территория находилась под властью бедийских воевод (Бедиани), а затем Дадиани[2]. В этот же период абхазы возвратили междуречье Кодора и Ингура. Тогда же трое сыновей абхазского князя Зегнака Чачба (Шервашидзе) поделили между собой Абхазию: старший сын Ростом занял территорию между реками Кодор и Бзыбь, средний сын Джикешия взял себе в удел Абжуа – между реками Кодор и Галидзга, а младший – Квапу занял земли между Галидзгой и Ингуром. Впоследствии по имени сына Квапу – Мырзакана, территория нынешнего Гальского района получила название – Самырзакан[3].

В период русского правления в Абхазии, вплоть до 1866 г., Абжуа называлась «Абжуйским округом»; в 1868-1883 гг. – «Кодорским участком»; в 1919-1930 гг. – «Кодорским уездом». С 1930 г. Абжуа официально стало именоваться Очамчирским районом.

По данным за 1975 г., общая площадь Очамчирского района – самого крупного в Абхазии, составляла 1868,6 км^2 [4]. На севере, северо-западе и западе Очамчирский район граничит с Гульрипшским районом по реке Кодор; на северо-востоке – с Республикой Грузия; на востоке – с Ткуарчальским районом[5]. На юго-

[1] По мнению З.В. Анчабадзе, своё название Сабедиано, получило от титула бывших бедийских воевод, которые принадлежали к знатнейшему феодальному роду Мегрелии Дадиани (Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.) – Сухуми. 1959. С. 237).
[2] Анчабадзе З.В. Указ. соч. С. 237, 270–271.
[3] Антелава И.Г. Очерки по истории Абхазии XVII–XVIII веков. – Сухуми. 1949. С. 37–38.
[4] Абхазская АССР. Административно-территориальное деление. – Сухуми. 1975. С. 82. К сожалению, более «свежих» данных о площади района на настоящее время на имеются.
[5] Постановлением Верховного Совета Республики Абхазия от 26 ноября 1994 г. образован Ткуарчальский район. В его состав вошли г. Ткуарчал и сс. Ткуарчал, Агубедиа, Бедиа, Бедиа (Санардо), Чхуартал, Первая и Вторая Царча, Уакум (Окум), Мухур, Гумрышь (Нижний, Верхний), Кохора, Первый Гал, Речх (Речхо-Цхири), которые ранее входили в состав Гальского и Очамчир-

востоке – с Гальским районом. С юга район омывается Чёрным морем[1]. До 1994 г. Очамчирский район включал 27 сел, в настоящее время – 30.

Приводимые ниже историко–этнологические материалы свидетельствуют о том, что исследуемая территория с древности являлась значительным социально–экономическим и военно–стратегическим регионом страны, по которой проходила Келасурская или Великая Абхазская стена – крупнейшее фортификационное сооружение на Кавказском Причерноморье.

Абжуйская Абхазия представляет важную для научного исследования область. Она, в природно-климатическом и историко-этнологическом отношениях по ряду черт не сопоставима с другими районами страны. В течение многих веков территория объекта исследования служила дорогой различных народов и культур, двигавшихся преимущественно, как об этом свидетельствует древняя и средневековая история Западного Кавказа, с юго-востока на северо-запад. Абжуйские абхазы не одно тысячелетие являются одним из важнейших охранительных звеньев, принимая на себя основную тяжесть сопротивления ассимиляционно–миграционным процессам, угрожающим стране с юго-востока..

Источники и историография. В коллективной монографии Н. С. Куфтырёвой, Ш. В. Лашхия и К. Г. Мгеладзе «Природа Абхазии» (1961) приводятся подробные сведения, характеризующие географию Абхазии, её рельеф, климат, почвы, растительный и животный мир. Авторы осуществили физико-географическое районирование территории страны, показав тем самым различия в природе каждого из районов Абхазии.

Конкретные сведения о природе Абжуйской Абхазии содержатся в книге С. А. Захарова «Почвенно–географический очерк

ского районов. Одновременно сс. Ачгуара (Ачигвара), Анариа, Первая и Вторая Гудаа (Гудава), Первый и Второй Шешелети переданы из состава Гальского района в состав Очамчирского района.

[1] См. карту: Республика Абхазия. Масшт. 1:200000. – Сухум. 1997; Кварчия В.Е. Топонимика Абхазии. – Сухум. 2002. С. 366 (на абх.яз.).

Абхазии» (1930). На основании проведённой под руководством С. А. Захарова экспедиции установлены основные типы почв республики, прослежена закономерность их распределения в прибрежной полосе.

При рассмотрении вопросов почвенно–климатических особенностей, а также гидрологии реки Кодор автором монографии использована работа С. П. Басария «Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении». По определению проф. Г. А. Дзидзария, в ней раскрыты объективно существующие взаимосвязи и взаимоотношения между отдельными элементами природного ландшафта, с одной стороны, природой и хозяйством, с другой[1].

Важную информацию по вопросам географии, в частности рельефа, гидрологии Абжуйской Абхазии исследователю любезно предоставили в Управлении по геологии, геодезии и картографии Абхазской республики.

Из наиболее значительных работ, касающихся растительного покрова Абхазии, в том числе и интересующего нас района, следует отметить труды А. А. Колаковского по флоре Абхазии[2].

Некоторые вопросы особенности природы Абжуйской Абхазии нами почерпнуты из работ К. Сатунина и Х. Вейцмана (по орнитологии), Г. Барача (ихтиофауне реки Кодор и других водоёмов), А. Кобахия и А. Тарасова (по Скурчинской заповедной территории).

Источники и литература по древнему и средневековому периоду собственно Абжуйской Абхазии – на территории между реками Кодор и Охурей, не столь многочисленны и к тому же фрагментарны и отрывочны.

Для ранних этапов истории – это главным образом археологические материалы, которые на сегодня оставляют желать много лучшего.

---

[1] Дзидзария Г.А. С.П. Басария // Басария С.П. Избранные сочинения. – Сухуми. 1967. С. 14.

[2] Колаковский А.А. Флора Абхазии. Т. I. – Тб. 1980; Т. II. – Тб. 1982; Т. III. – Тб. 1985; Т. IV. – Тб. 1986.

Большое значение для освещения древнего периода истории Абжуйской Абхазии имеют работы Л. Н. Соловьёва. Так, в 1935–1936 гг. близ города Очамчира им было выявлено древнее поселение раннебронзовой эпохи, где было обнаружено большое количество орудий из кремня и морской гальки, фрагментов глиняных сосудов, костей животных. Там же были раскопаны остатки поселения с чернолаковой посудой V–II вв. до н.э. Для характеристики древнего периода большое значение имеют и другие работы Л. Н. Соловьёва о «селищах с текстильной керамикой». На примере Абжуйской Абхазии автор, в частности, даёт описание технологии выпарки соли из морской воды, которая применялась абхазами в XIX столетии.

Из археологических работ, отражающих быт и культуру населения Абжуа, основное значение имеют труды Ю. Н. Воронова, О. Х. Бгажба, Г. К. Шамба, С. М. Шамба, М. К. Хотелашвили–Инал–Ипа. Благодаря уникальному археологическому материалу, выявленному Г. Шамба и С. Шамба в верховьях реки Галидзга (Джантух), можно судить о материальной культуре и религиозных верованиях «населения указанного региона в I тыс. до н.э.»[1]. Интерес для исследования представила полевая запись М. М. Трапш, сделанная им в 1960-х гг. во время осмотра местности Ашьашла в районе бухты Скурча, где археологом было выявлено наличие укреплённого поселения. Указанная запись была обнаружена нами в отделе древней истории и археологии Абхазского Государственного музея.

Среди археологических материалов, отражающих историю и культуру местного населения, огромное значение имеют результаты исследований, осуществлённых в 1978–1979 гг. в окрестностях с. Адзюбжа. Выявленный во время раскопок инвентарь имеет очень важное значение для археологической характеристики Абхазии в целом.

Отдельные предметы материальной культуры случайно выявлялись в Абжуйской Абхазии крестьянами во время земляных работ, а по свидетельству старожила Фоменко, «раньше, в этом

[1] Шамба Г.К., Шамба С.М. Археологические памятники верховья реки Галидзга (Джантух). – Тб. 1990.

районе, крестьяне находили множество древних монет», ряд предметов были найдены и автором этих строк. Часть его материалов публиковалась в республиканской прессе.

Интересные сведения о древностях и истории Абжуйской Абхазии приводят Ф. Дюбуа де Монпере, А. Д. Нордман, Ж. Шарден, В. И. Чернявский, К. Д. Мачавариани, Д. И. Гулиа. Весьма любопытны легенды, записанные Д. И. Гулиа и Ш. Д. Инал-Ипа, о существовании в древности в прибрежной части исследуемого района крупного населённого пункта городского типа.

На территории исторической Апсилии за последние десятилетия накоплен богатейший археологический материал. Настоящая работа естественно, не может претендовать на освещение всех памятников апсилийской культуры. Тем более, что в этом нет необходимости, поскольку эти вопросы освещены в труде Ю. Н. Воронова «Древняя Апсилия», который представляет собой свод и краткий анализ большинства свидетельств об Апсилии и апсилах, сохранившихся в древних и средневековых источниках, рассмотренных в трудах исследователей XIX–XX веков и выявленных в ходе археологических исследований. Эволюция взглядов на расселение апсилов и размещение памятников Апсилии отражена в сопровождающих текст картосхемах и планах[1].

При рассмотрении вопроса о древнем населении исторической Апсилии основное значение имеют сведения о кораксах автора VI в. до н.э. Гекатея Милетского, анонима IV в. до н.э. Псевдо-Скилака Кариандского, автора I в. н.э. Плиния Секунда, дающего наиболее конкретную локализацию этого племени.

Из имеющихся многочисленных работ, содержащих сведения о кораксах или касающихся их вопроса, следует отметить труды З. В. Анчабадзе, В. Ф. Бутба, М. М. Иващенко, Б. А. Куфтина, Г. К. Шамба, Ю.Н. Воронова, Ш.Д. Инал-Ипа, Н. Ю. Ломоури. Этому вопросу были посвящены и тезисы доклада автора этих строк.

Архитектурные памятники Абжуйской Абхазии в разное время изучались С. Саблиным, М. Броссе, Д. Бакрадзе, А. Павлиновым, И.Е. Адзинба, Л.Д. Рчеулишвили, А.К. Кация, М.М. Трапш, М. К. Хотелашвили и А. Л. Якобсоном и др. Среди работ по ар-

[1] См.: Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия...

хитектурным памятникам района следует отметить работу искусствоведа А. К. Кация «Мармал-абаа – архитектурный памятник средневековья» (1958 г.). Рукопись этой работы была любезно предоставлена автором. Часть её исследователем использована для характеристики архитектурных особенностей (планировка, конструкция) этого средневекового церковного сооружения.

Для освещения периода генуэзской колонизации источниками послужили кандидатская диссертация Р. Н. Кация «Итальянские колонии на Черноморском побережье Кавказа и их взаимоотношения с местными народами (конец XIII–XV вв.)», работы К. Д. Мачавариани, А. В. Фадеева, К. Кудрявцева, Д. К. Чачхалиа, особо следует отметить рукопись 1982 г. М. Хотелашвили «Село Дранда», где помимо разнообразного материала по древней истории района содержатся сведения о наличии на исследуемой территории генуэзской фактории «Каво зизибар».

Основными источниками для освещения периода позднего средневековья Абжуйской Абхазии послужили сообщения многократ цитированного в исторической литературе итальянского католического священника Арканджело Ламберти, а также данные французского путешественника того же XVII века Жана Шардена. Ценность описания Ламберти состоит прежде всего в том, что оно основано, главным образом, на непосредственных, личных наблюдениях автора, прожившего в Мегрелии" почти восемнадцать лет и изъездившего весь этот край"[1]. Ламберти даёт сведения о том, что пограничной в то время рекой между Мегрелией и Абхазией служила река Кодор. Хотя как следует из его же слов, до самого Кодора ему добираться вряд ли приходилось. На критическом отношении к его сообщениям мы не будем останавливаться здесь, с тем, чтобы коснуться их в соответствующем разделе настоящей работы.

Сведения Ж. Шардена вообще являются важным источником наших знаний по истории Абхазии XVII в. В настоящей работе они широко были использованы при освещении вопроса о торгово-экономических взаимоотношениях Абжуйской Абхазии в период позднего средневековья. В разделе привлекаются также некоторые материалы, содержащие сведения о внешней торговле района в XVIII–XIX веках.

[1] Инал–Ипа Ш.Д. Ступени к исторической действительности. – Сухум. 1992. С. 52.

Основным источником для освещения вопросов истории Абжуа средних веков послужил фундаментальный труд профессора З. В. Анчабадзе «Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.)», написанный на основе грузинских, армянских, русских источников. З. В. Анчабадзе убедительно доказывает автохтонность абхазов на современной территории Абхазии, рассматривает вопрос о времени и условиях образования абхазской феодальной народности, в ней излагаются сведения по исторической географии Абхазии, устанавливаются южные и северные границы основных областей страны. Автор, в частности выдвигает положение о том, что в основу образования единого языка абхазской народности лежит апсильский диалект. По мнению З. В. Анчабадзе, на это указывает и то обстоятельство, что самоназвание апсилов было принято как самоназвание всей абхазской народности – «апсуаа»[1].

Нами также использованы материалы двух капитальных работ проф. Г. А. Амичба: 1. «Культура и идеология раннесредневековой Абхазии (V–X вв.)» (1999) по вопросам раннего христианства, письменной культуры и антропонимии раннефеодальной Абхазии; 2. «Абхазия в эпоху раннего средневековья (Очерки по истории народного хозяйства и социально-экономических отношений в VI–X вв.)» (2002), где прослеживаются основные отрасли сельскохозяйственного и ремесленного производства, а также вопросы торгово-экономических связей Абхазии с внешним миром в период поздней античности и в эпоху раннего средневековья.

Если история древнего и средневекового периода Абжуйской Абхазии характеризуется скудностью источников, то по вопросам истории XIX века имеется сравнительно больше источников – это и значительные архивные материалы, и изданные работы, и официальные различные донесения, и мемуарная литература.

[1] Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии...С.69.

Политические события начала XIX века почерпнуты исследователем из фундаментальной монографии Г. А. Дзидзария «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия» (1975, 1982). На богатейшей документальной основе Г. А. Дзидзария глубоко раскрывает трагический процесс миграции абхазов в Турцию и другие страны Ближнего Востока, выявляет политические и экономические цели переселенческой политики царизма по отношению к абхазам. В монографии Г. А. Дзидзария также отражены и события, дающие достаточное представление о политических процессах, происходивших в Абжуа в тот период. Отдельные материалы этого периода, имеющие отношение к Абжуйской Абхазии, извлечены из статьи Г. З. Анчабадзе «Абхазская хроника XIX века», опубликованной в газете «Кавказский акцент» в 2000 г. (№№ 14,15); из работы военного историка В. А. Потто «Кавказская война» (1994); из «Описательного путеводителя по городу Сухуму и Сухумскому округу» К. Д. Мачавариани (1913).

Ценным источником для освещения темы послужила статья Н. С. Джанашиа «Село Адзвибжа или Швацкали», опубликованная в газ. «Иверия» в 1897 г. (№ 200), в котором сообщается о выселении абхазов, последствиях русско–турецкой войны и др. Важными источниками фактологического содержания послужили и другие материалы, опубликованные в периодической печати того времени, в частности в газ. «Кавказ», журн. «Квали».

Интересные статистические сведения о численности населённых пунктов Абхазии в начале XIX века содержатся в отчёте профессора–естествоиспытателя А. Д. Нордмана, опубликованном в Петербурге в 1838 г. в журнале Министерства народного просвещения. Хотя главной целью экспедиции был сбор материалов по зоологии и ботанике, Нордман, как он сам отмечает, «не упускал возможности собирать замечания этнографические, географические, исторические и археологические». При этом он даёт не только список сёл каждого округа Абхазии, но и указывает фамилии князей и дворян.

Весьма широко освещаются этно-демографические, хозяйственные и урбанизационные процессы в Абхазии, частности в Абжуа в XIXв., в монографии Л. И. Цвижба «Этно-демографи-

ческие процессы в Абхазии в XIX веке» (2001). В Приложении к данной работе, в таблицах приводятся сведения о численности населения Абхазии по отдельным сёлам до и после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., списки землевладельцев Сухумского отдела и другие материалы.

При характеристике этно–демографических процессов были также использованы: работа Н. Г. Волковой «Этнические процессы в Закавказье в XIX–XX вв.», опубликованная в IV томе Кавказского этнографического сборника (М. 1969); З. В. Анчабадзе «Очерк этнической истории абхазского народа» (1976); Г. П. Лежава «Изменение классово-национальной структуры населения Абхазии (конец XIX в. –70-е гг. XX в.)» (1989); Т. А. Ачугба «Этническая революция в Абхазии» (1995); Материалы Всесоюзной переписи населения 1989 г., хранящиеся в архиве Государственной статистики Республики Абхазия и другие материалы.

Вопросы хозяйственного развития Абхазии в 70–80 гг. XIX в., а также становление в Абжуйской Абхазии лесной промышленности достаточно хорошо изучены. Из досоветских авторов следует отметить работы: А. Пахомова «Абхазия в сельскохозяйственном отношении» (опубликована в «Записках Кавказского отделения Сельского хозяйства» в 1868 г.); Н. В. Фон-Дервиза «Сухумский округ (Заметки бывшего лесничего)», (опубликована в «Записках Кавказского Отделения Русского Географического Общества» в 1906 г.), а также сообщения о Кодорском лесозаводе, печатавшиеся в журн. «Квали» (1898 г.) и газете «Кавказ» в 1900 г. Из советских исследователей, по данной тематике, автор обращался к работе А. А. Олонецкого «Очерки по развитию капиталистических отношений в Абхазии (конец XIX – начало XX вв.)» (1934); монографии Г. А. Дзидзария «Присоединение Абхазии к России и его историческое значение» (1960). Последняя являет собой фундаментальное исследование, в котором использованы обширные документальные материалы.

В конце 60-х и начале 70-х годов XX века группой энтузиастов из с. Адзюбжа был собран довольно интересный материал по истории села советского периода. К сожалению, большая часть этих материалов исчезла в период грузино-абхазской войны 1992–1993 годов. Только в семейном архиве агронома И. Д.

Инал–Ипа – брата профессора Ш. Д. Инал–Ипа – сохранилось 11 машинописных страниц, датированных 1965 годом под названием «Отдельные моменты из истории села Адзюбжа Очамчирского района» Г. Манджгаладзе. В записях охвачен период с конца XIX в. по XX в. Ныне материалы сданы автором этих строк в Архив Абхазского института гуманитарных исследований им Д. И. Гулиа. В указанных материалах, несмотря на их идеологизированность, приводится довольно объективная последовательная история основания Кодорского лесопильного завода. Весь этот материал максимально использован при освещении вопросов проникновения в Абжуйскую Абхазию экономики, ориентированной на рынок.

Как известно, присоединение Абхазии к России имела для абхазов значительные культурные последствия. Влияние русской культуры один из важных факторов образования абхазской интеллигенции. Для освещения этих вопросов исследователь главным образом опирался на монографию Г. А. Дзидзария «Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции» (1979). Немаловажные материалы приводятся в «Избранных сочинениях» Д. И. Гулиа, работе В. П. Пачулиа «Здесь помнят Дмитрия Гулиа», в работе «Георгий Шервашидзе (Чачба). Лирика, эпос, драма», под редакцией и с добавлениями С. Н. Джанашиа и др. В этом же разделе монографии использован ряд архивных материалов, извлечённых нами из фондов Абхазского Государственного музея. Культурное состояние населения Абжуйской Абхазии объективно освещается в статье С. Я. Чанба «На пути к сознательности», опубликованной в 1915г. в газ. «Сухумский вестник». Представляют интерес и другие сведения об отношении абжуйцев к образованию и школе, публиковавшиеся в газ. «Сухумский вестник» за 1912 и 1913 гг.

В качестве источников для освещения участия населения Абжуа на стороне Российской армии в первой мировой войне послужила книга Е. К. Габелия «Абхазские всадники» (1990), написанная на основе выявленных автором документов и воспоминаний бывших добровольцев: очерк Н. Н. Брешко-Брешковского «Дикая дивизия», опубликованный в журнале «Эхо Кавказа» (№3, 1994 г.); К. Д. Мачавариани «Светлой памяти павшего на

войне героя, корнета К. Ш. Лакербай» (Батум, 1917). Использованы данные статьи И. В. Карпеева «Дикая дивизия» (журн. «Эхо Кавказа. №3, 1994 г.); публикации научного сотрудника Абгосмузея Р. Гуажба «Абхазские всадники» (газ. «Республика Абхазия». 18–19, 21–22 августа 2001 г.). В настоящей работе приводятся и некоторые новые материалы о том, как шёл призыв добровольцев на первую мировую войну.

Что касается советского периода, в научной литературе лучше раскрыта тема установления советской власти в Абхазии, в частности, в трудах Г.А. Дзидзария: «Очерки истории Абхазии. 1910–1921.» (1963); «Борьба за Октябрь в Абхазии» 1917–1921 гг. Сборник материалов и документов (1967); «Советская власть в Абхазии в 1918 году» (1972). В них подробно прослеживается ход боевых действий на Кодоре в 1918 году. В процессе проведённого исследования автором этих строк был выявлен ряд документов о начале и ходе боёв в этом районе. По возможности автор стремился также объективно показать всю сложность политической ситуации, в которой оказались абжуйские абхазы в 1918 году.

Вопросы истории советского времени Абжуйской Абхазии и в целом Абхазии нашли широкое отражение в работах А. Э. Куправа: «Аграрная политика Советской власти в 1921–1925 гг.» (1958); «Крестьянство Абхазии в годы восстановительного периода» (1959); «Первые мероприятия Советской власти в Абхазии.(1921–1922 гг.)» (1960); работе А. А. Абшилава «История промышленности Абхазской АССР. 1921–1941 гг.» (1969) и др. При несомненных успехах абхазской историографии в исследовании важнейших проблем и аспектов истории Абхазии советского периода, нельзя не отметить, что в условиях жёсткого идеологического давления, исследовательская мысль ограничивалась, не могла выходить за строго очерченные рамки и оценки. Исследователи нацеливались на показ преимущественно положительного опыта социалистических преобразований, недостатки, упущения и нерешённые проблемы умалчивались или о них говорилось мимоходом. В трудах абхазских историков освещавших советский период обобщён богатейший фактический материал. Однако некоторые теоретические положения и выводы, которые в значи-

тельной степени являлись следствием жёстких идеологических установок, не выдержали испытания временем.

В 1990-е годы начинается новый период изучения истории Абхазии. У исследователей появились возможности высказывать разные точки зрения, использовать немарксистские концепции. Стали доступны ранее закрытые материалы. Это, в частности, относится к периоду политических репрессий, проводимых в 1937–1938 и последующих годах, что явилось самыми тяжёлыми последствиями культа личности Сталина и националистической политики Берия в Абхазии. Важным вкладом в освещение этого малоизученного периода истории Абхазии явился труд видного историка С. З. Лакоба «Очерки политической истории Абхазии» (1990), а также издание книги «Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953 гг.» (1992), составители Б. Е. Сагария, Т. А. Ачугба и В. М. Пачулия. В последней приводятся данные о количестве грузинских переселенцев, о географии их размещения, о форме и размерах оказываемой им материальной помощи и др.

Для характеристики сталинско-бериевского периода истории Абхазии весьма важный интерес представляют материалы, содержащиеся в книге «Абхазский архив. XX век» (М. 2002, составители С. З. Лакоба и Ю. Д. Анчабадзе).

Большое значение для освещения этого периода истории имеют выявленные исследователем в архиве КГБ «Следственные материалы по делу контрреволюционной, правотроцкистской, повстанческо-вредительской организации молодёжи в Абхазии». «Дело «Организаторы» или «дело Адзюбжской молодёжи» (1938 г.).

Из работ, освещающих тему Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., основными источниками для нашего исследования послужили работы А. А. Абшилава, Э. Г. Минасяна, Г. П. Лежава, Л. М. Прицкера, сборник документов «Абхазия в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.» (1978). Отдельные материалы, характеризующие участников войны из Абжуйской Абхазии, были извлечены из личных архивов участников войны.

Послевоенный период, как известно, являлся важным периодом в наращивании индустриального потенциала республики. Однако в промышленности, как и в других сферах жизни населения Абжуйской Абхазии, нарастали кризисные явления. В 1970-е годы значительная часть экономически слабых колхозов были преобразованы в совхозы. Несмотря на определённые позитивные сдвиги, колхозы и совхозы оставались в основном нерентабельными. Для освещения этих вопросов, а также обострения в 70–90-е годы межнациональных отношений в монографии использованы материалы республиканской периодической печати – газ. «Советская Абхазия», «Абхазия».

В исследований использованы и некоторые работы, в которых изложены краткие исторические сведения о населённых пунктах Очамчирского района, в частности отдельные, наиболее важные, содержащиеся в статьях А. Э. Куправа по сс. Агу-Бедиа, Охурей, Река, статье С. М. Шамба по истории самого районного центра г. Очамчира.

Если приведённые выше материалы свидетельствуют о том, что те или иные периоды истории Абжуйской Абхазии имеют разную степень освещённости, то практически не изученной остаётся период грузино-абхазской войны 1992–1993 гг.

В основу этого раздела настоящей работы легли полевые материалы, собиравшиеся автором этих строк в сёлах Абжуа в 1994–1995 гг. Ему любезно предоставил свой военный дневник начальник Отделения режимного отдела при Генеральном штабе Министерства Обороны Абхазии подполковник Ю. А. Романов: военные материалы также исследователю предоставил командующий Восточного фронта полковник (впоследствии генерал-майор) М. Б. Кишмария, устную информацию – заместитель командующего Восточным фронтом (с 14 августа 1993 года) Д. Асландзия (погиб 6 октября 2001 г. при проведении антитеррористической операции в Кодорском ущелье). Для освещения этих вопросов в работе привлекались и материалы официальных радиосводок по Восточному фронту 1992–1993 гг. из архива Министерства Обороны Абхазии. И, наконец, использована статья военного историка В.М. Пачулия «Отечественная война народа Абхазии 1992–1993 гг.», опубликованная в газ. «Эхо Абхазии» за

12 октября 2003 г. В статье предпринята попытка краткого анализа боевых действий периода грузино-абхазской войны 1992–1993 гг., в том числе и в Юго-Восточной Абхазии.

Весьма важной источниковедческой базой для исследования этнологии Абжуйской Абхазии послужили работы С. Т. Званба, Н. С. Джанашиа, Г. Ф. Чурсина, Ц. Н. Бжания, Л.Х. Акаба, Ш. Д. Инал–Ипа, А. М. Чочуа и др.

Бесценный материал по вопросам брачно-семейной жизни абхазов содержится в статье С. Т. Званба «Поцелуй за занавесом»[1]. Званба описывает свадебный обычай, которого уже давно не существует у абхазов живущих в Абхазии. Обычай описываемый наблюдался автором на правобережье реки Кодор – в Цкыбыне – Дранда, где он родился и вырос.

Наиболее значительный и во многом бесценный материал для нашего исследования содержится в ряде статей Н. С. Джанашиа, вошедшие в сборник статей по этнографии Абхазии, изданной в Сухуме в 1960 г. (составитель и автор предисловия Х. С. Бгажба). Ценность этих работ, прежде всего, состоит в том, что они насыщены обильным фактическим материалом, собранным автором в результате многолетних полевых этнографических работ, при этом, по его же словам, он старался не упускать деталей, усматривая в них любопытные переживания, сохранившиеся тогда ещё во множестве в народных верованиях и обычаях абхазов. Автор справедливо полагал, что они явятся ценным материалом для науки. Он писал, что обряды, зафиксированные им «описываются лицом, которое принимало деятельное участие в их исполнении сначала, в детстве, с глубокой религиозностью, а впоследствии, хотя без веры, но с большим интересом с целью изучения их». Главную свою цель автор видел в том, чтобы «не мудрствуя лукаво», изложить наиболее полно подлинные этнографические факты. Так, в работе «Религиозные верования абхазов» содержится богатый материал о главном божестве абхазов Анцва (Анцəа), религиозных обрядах и жертвоприношениях, связанных

[1] Званба С. Т. Абхазские этнографические этюды. Составитель, автор биографо–библиографического очерка, ответственный редактор, проф. Г. А. Дзидзария. – Сухуми. 1982. С.26.

с культом божества Аитар и многих культах и религиозных обрядах. Прямым продолжением вышеназванной работы Н. С. Джанашиа является работа «Абхазский культ и быт». Причём в обеих работах описание традиционного быта абхазов ограничено пределами родной автору Абжуйской Абхазии.

Богатейший фактический материал научного значения содержится во второй главе его монографии, трактующей о многих сторонах традиционного быта абхазов. Широкое освещение получил здесь круг вопросов, связанных с болезнями и народными способами их лечения.

Третья глава работы Н. С. Джанашиа посвящена семейно-брачным отношениям. Завершается работа описаниями обычаев, соблюдаемых при рождении и воспитании детей.

Значительные этнологические материалы были собраны известным кавказоведом Г. Ф. Чурсиным в Абжуйской Абхазии во время своей поездки в этот район в 1928 году. На основании этих материалов, а также собранных в сёлах Бзыбской Абхазии этнографических фактов из жизни абхазов, им была написана основательная работа. Этот труд был издан в 1957 г. под редакцией и с предисловием Л. Х. Акаба под названием «Материалы по этнографии Абхазии». По заключению проф. Ш. Д. Инал–Ипа, должны быть отмечены две особенности этой работы, отличающих её от всех более ранних публикаций по вопросам этнографии Абхазии: во-первых, насыщенностью сравнительными данными из быта почти всех кавказских народов, доходящей порою до того, что основной материал тонет в море сравнительных сопоставлений; во-вторых, небезуспешным стремлением автора к историко-сравнительному объяснению тех или иных явлений религиозной жизни абхазского народа (тотемизм, магия, фетишизм)[1]. Помимо материалов об обычаях и религиозных воззрениях абхазов, Г. Ф. Чурсин приводит данные и о ряде элементов материальной культуры, в частности о жилище, одежде и пище, а также сообщает о свадебной обрядности, о родильных обычаях абхазов.

[1] Инал–Ипа Ш.Д. Абхазы. (Историко-этнографические очерки). – Сухуми. 1965. С. 23.

Весьма ценные материалы этнологического характера приводит в своих воспоминаниях А. М. Чочуа, вошедшие впоследствии в сборник его «Избранных сочинений» (1987). В частности, он дал описание до двадцати спортивных игр детей и взрослых, (причём ряд игр, связанных исключительно с этнографическим и социальным строем абхазов – алабакурс, ахылпахас, джит, аркил, аимцакиачара и др.), разнообразных дохристианских обрядов (до двадцати) абхазов, способов ведения охоты, сословных взаимоотношениях и т.д. в Абжуйской Абхазии. Многие из этих материалов вошли и в настоящую работу.

Видный вклад в изучение этнологии абхазов внёс Ц. Н. Бжания. Его перу принадлежит до двух десятков научных работ, изданных в Сухуми. Из них наиболее значительными являются: «Из истории хозяйства абхазов (Этнографические очерки)» (1962); «Скотоводческое хозяйство в Абжуйской Абхазии» (1957); «К вопросу изучения каменных построек ацангуара» (1960); «Земледельческие орудия труда дореволюционной Абхазии» (1958); «Молочное хозяйство абхазов (Этнографический очерк», 1958); «Виноградарство и виноделие абхазов в XIX–XX вв.» 1960) и др. Он является также автором ряда статей по вопросам семьи и семейного быта, наибольшую научную и практическую ценность из которых представляет очерк «Семья и семейный быт в абхазской колхозной деревне» (по материалам села Атара Очамчирского района, 1963).

Указанные и другие работы включены в сборник работ Ц. Н. Бжания под названием «Из истории хозяйства и культуры абхазов (Исследования и материалы)», изданный в 1973 г. Составители Л. Х. Акаба и В. Б. Агрба.

Особое внимание заслуживают исследования Ц. Н. Бжания специфических особенностей скотоводческого хозяйства абхазов, в частности абжуйцев, в XIX– начале XX вв.

На основе богатого полевого материала, он широко раскрывает значение отгонного скотоводческого хозяйства абхазов, значение пастбищ и специфики их эксплуатации в Абжуйской и Бзыбской Абхазии. Он подробно охарактеризует институт наёмного пастушества абжуйцев, трудовые объединения пастухов – агуп и многое другое.

Немало историко-этнологических материалов, касающихся культуры и быта населения Абжуйской Абхазии появилось в разное время, как в специальных изданиях, так и на страницах периодической печати. Так, в Актах Кавказской археографической комиссии, «Сборнике материалов для описания местностей и племён Кавказа», «Сборнике сведений о кавказских горцах», «Записках Кавказского общества сельского хозяйства», в журналах «Черноморское сельское хозяйство» и «Черноморский селянин», «Трудах съезда деятелей Черноморского побережья Кавказа»; газетах «Кавказ», «Черноморский вестник», «Дроеба», «Цнобис пурцели», «Апсны» (за 1990, 2002 гг.), «Республика Абхазия» (1999 г.) и др. публиковались, хотя и фрагментарно, но ценные сведения по разным вопросам этнологии Абжуйской Абхазии.

В статье И. И. Пантюхова нашло отражение антропологическая характеристика населения Абжуйской Абхазии; некоторые вопросы брачных отношений освещены в статье Л. Е. Кучуберия; о неграх с. Адзюбжа писал М. К. Делба. В кандидатской диссертации Л. Х. Акаба «Абхазы Очамчирского района», опубликованной в первом томе «Кавказского этнографического сборника» за 1955 год, на основе полевых исследований 1950-х годов автор рассматривает такие стороны быта абжуйских колхозников, как хозяйство и материальная культура, семейный и общественный быт, идеология. Нами также были привлечены материалы, приводимые в работе В. Л. Бигвава «Современная сельская семья у абхазов» (1983). В ней рассматривается круг вопросов, связанных с этнографической характеристикой особенностей эволюции абхазской сельской семьи и тенденции её развития. Результаты обследования абхазских сёл Абжуа показаны в таблицах, составленных по данным похозяйственных книг 1976–1978 гг.

При освещении этнологии абхазов наиболее важное значение имеют труды профессора Ш. Д. Инал–Ипа. Так, монография «Очерки по истории брака и семьи у абхазов» (1954) написана автором главным образом на основе полевой этнографической работы, которая велась им в абхазских сёлах, в том числе и в Абжуйской Абхазии, почти ежегодно, начиная с 1946 г. В труде приводятся очень ценные факты из истории семейно-брачных отношений абжуйцев, к настоящему времени уже давно исчез-

нувшие из их быта. Благодаря огромному количеству этнографических сведений, приводимых автором, ему удалось пролить свет на изучение вопросов одной из самых сложных проблем социальной жизни абхазов – брачного института, отличающегося чертами этнического своеобразия в глубокой древности. Ценные сведения по интересующим нас вопросам содержат и другие работы Ш. Д. Инал–Ипа, главным образом «Абхазы», «Вопросы этно–культурной истории абхазов» (1976), «Памятники абхазского фольклора» (1977), «К абхазо-осетинским этнокультурным связям» (1967), «Воспитание ребёнка по обычаю аталычества», включённую в его «Труды» (1988), «Традиции и современность» (1973) и др.

Наконец, следует отметить, что, помимо коротко перечисленных литературных источников по истории и этнологии, в процессе работы над настоящей работой были использованы и многочисленные кавказоведческие труды, опубликованные в виде книг и статей, а также собственный полевой материал, собранный автором во время экспедиционных работ (1994–2004) в Очамчирском районе Абхазии. Письменные источники в настоящей работе дополняются картографическими и иллюстративными материалами.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ОЧЕРК ГЕОГРАФИИ

Абхазия своеобразная горная страна, характеризующаяся природными особенностями, существенно отличающими её от других районов Закавказья. Основные причины этого различия вызваны орографическими особенностями территории страны, местными изменениями циркуляционных процессов воздушных масс и близостью Чёрного моря. Под влиянием сложных геоморфологических и климатических условий, на территории республики формируются некоторые индивидуальные черты и других компонентов ландшафта (гидрографической сети, почвенно-растительного покрова, животного мира). Изучая как отдельные ландшафтообразующие элементы, так и весь природный комплекс Абхазии, можно убедиться, что имеются существенные различия и между её отдельными частями[1].

На востоке страны Абхазский Кавказ (точнее расположенная в системе Главного Кавказского хребта гора Домбай – Ульген) достигает наибольших высот – до 4000 м над уровнем моря. От вершины горы Ходжал (3309 м) к западу – до реки Кодор (Кудры), параллельно главному водораздельному хребту Кавказа поднимается мощный широтный вал Кодорского, или Панавского, хребта. На юг отходит Акиба-Апшарский отрог, а на север – Абхазо-Сванетский хребет, являющийся южным отрогом Главного Кавказского хребта. На гребне Кавказского хребта расположены перевалы, связывающие Абхазию с бассейном реки Кубань: из них издревле наиболее значительным является Клухорский перевал, лежащий на высоте 2815 м. Горная область опоясана холмистыми предгорьями, которые, постепенно снижаясь, на востоке страны переходят в обширную приморскую равнину, так называемую Самурзаканскую низменность (0–200 м над уровнем моря), между нижними течениями рек Кодора и Ингура (Егры). Низменная полоса Абжуйской Абхазии являет собой узкую бере-

[1] Куфтырёва Н. С., Лашхия Ш. В., Мгеладзе К. Г. Природа Абхазии. – Сухуми. 1961. С.257.

говую террасу, значительно расширенную в низовье Кодора и Галидзги (Аалдзга) конусами довольно далеко вдающуюся в море[1]. Между реками Келасур и Галидзга лежит более узкая полоса Кодорской низменности[2]. На востоке этого региона страны, в междуречье Кодора и Моквы (Мыку), проходит береговой вал, за которым в сторону моря распространены прибрежные дюны.

Кодор – крупнейшая из рек Абхазии. Длина реки – 117 км[3], площадь бассеина – 2030 км^2, ср. годовой расход воды 119 м^3/сек.[4].

По мнению исследователей, наиболее крупные реки Абхазии, к числу которых относится и Кодор, из-за узости поперечных долин, проложили свои русла вдоль тектонических структур[5].

Реки Абхазии отличаются большим выносом крупного и мелкого обломочного материала с гор. Величина этого выноса (твёрдый сток) зависит от площади бассейна, от состава подстилающих пород, от скорости течения реки, количества атмосферных осадков, выпадающих в долине реки и типа питания реки. По мнению специалистов, из всех рек Абхазии у Кодора самый мощный твёрдый сток, наибольший бассейн и наибольший уклон падения[6]. Кодор также является наиболее многоводной[7].

Из других рек Юго-Восточной Абхазии следует отметить Тоумыш, Дгамыш, Мокву (Джикумыр) с притоками Отап и Дваб; Галидзгу, Окум, Ерцкар, Гагиду и пограничную с Западной Грузией реку Ингур.

В Абхазии в целом достаточно много озёр. Наиболее крупное из них реликтовое озеро Бебесыр, между реками Галидзга и

---

[1] Схема землеустройства Очамчирского района на 1986–2010 годы. – Тб. 1988. С. 16.
[2] Природа Абхазии... С. 91.
[3] См. напр.: Грузинская Советская Энциклопедия.– Тб. 1981. С. 322. Вторая крупная река Абхазии – Бзыбь имеет длину 110 км, площадь бассейна – 1510 км^2, ср. годовой расход воды 5,8 м^3/сек. (Там же).
[4] Географический энциклопедический словарь. – М. 1989. С. 241.
[5] Природа Абхазии... С. 143.
[6] Там же. С. 152.
[7] Там же.

Окум. В окрестностях с. Гуп находится озеро Папанцкур, озеро Скурча – в с. Адзюбжа. В Абжуйской Абхазии в бассейне реки Галидзга имеются минеральные источники. Особый интерес представляют высокотермальные воды сс. Кындыг и Охурей и вблизи г. Очамчира.

На западном склоне одного из южных отрогов Кодорского хребта, в с. Члоу (Отап) расположена пещера Абрскила, из которой вытекает река Ачкитызго. Она относится к типу подземных рек, получающих питание из закарстованных областей. Протяжённость пещеры более 1,5 км. По исключительной природной красоте внутренних залов пещера Абрскила превосходит все известные пещеры Кавказа[1].

В Абжуйской Абхазии представлены разные виды полезных ископаемых. В бассейне реки Галидзга, в окрестностях Акармары имеются месторождения коксующего каменного угля, на базе которого в советские годы был построен промышленный центр Абхазии – г. Ткуарчал. В верховьях реки Моквы имеются месторождения барита. К низовьям Кодора приурочены россыпи магнетитовых песков очень высокого качества, а также – малопластичные мергелистые глины, мощность пластов которых достигает до 2,5 м. Глины эти пригодны для производства строительного кирпича, черепицы, гончарных и других керамических изделий. Пойма дельты Кодора изобилует галечно-гравийным материалом и песком. Галька большей частью хорошо окатана, (состав её: песчанистые известняки, порфириты, диабазы, диориты и граниты). Песок и галька применяются для производства щебня, обычного

---

[1] Природа Абхазии... С. 324. В 1946 г. в глинистых отложениях Члоуской пещеры обнаружены череп и отдельные кости пещерного медведя, жившего несколько десятков тысяч лет тому назад (этот вид медведя на территории Абхазии сохранялся долго и после того, как он везде вымер давно). Часть медвежьих трубчатых костей была сложена в кучу, очевидно, с целью извлечения костного мозга, что говорит о том, что пещера могла служить жилищем первобытного человека. Согласно легенде в ней обитала русалка, охранявшая пролегавшую мимо дорогу: она вступала в единоборство со всяким всадником, проезжавшим здесь на белом коне (Газ. «Советская Абхазия». 14 марта 1965 г.).

бетона, гидротехнического бетона, кладочных растворов в дорожном строительстве[1].

Согласно «Карте перспективных нефтегазоносностей мезозойских отложений Абхазии» (масш. 1:250000, сост. в 1996 г.) Абжуйская Абхазия, в частности, континентальный шельф в устье реки Кодор, перспективный район нефтедобычи.

Приморская полоса Юго-Восточной Абхазии, в отличие от северо-западной, слабо защищена от проникновения холодных ветров, что не создает здесь благоприятного прибрежного климата.

Среднегодовая влажность воздуха в нижнем течении Кодора составляет 79% (в июне и июле влажность воздуха доходит до 92%), атмосферных осадков здесь в среднем выпадает 1437 мм[2], из них на тёплый период года приходится 780 мм. Среднемесячная температура января + 4,9°, а августа + 22,7°, среднегодовая температура воздуха + 13,7°, абсолютный минимум температуры воздуха – 15°, абсолютный максимум + 41°[3].

В восточных районах Абжуйской Абхазии (междуречье Кодора – Моквы) годовое количество осадков около 1500 мм. Среднеянварская температура здесь – 5,4°, что на 1,6° ниже, чем в Гагре, которая расположена гораздо севернее[4]. На территории исследуемого района наблюдаются частые порывистые ветры, бывают стихийные бедствия, как это имело место 6 сентября 1996 г. Гидрометслужбой Абхазии предполагается, что тогда в районе р. Кодор и в г.Очамчира сила ветра превышала 25 м/сек (или 10 б), с порывами до 29 м/сек (11 б).

Несмотря на несколько неблагоприятные климатические условия, береговая полоса от устья Кодора на юго-восток весьма

[1] Букия С. Г., Колосовская О. В. и др. Геологическая карта и карта полезных ископаемых Абхазской АССР. – М. 1971.С. 189, 263, 276–277.
[2] Справочник по климату СССР. Вып.14. Влажность воздуха атмосферные осадки, снежный покров.– Л. 1970. С. 114, 194.
[3] Справочник по климату СССР. Вып.14. Температура воздуха и почвы. – Л. 1967. С. 75, 158, 183.
[4] Природа Абхазии... С. 277.

привлекательна. Широкие песчаные пляжи этих мест, пожалуй, лучшие на всём Черноморском побережье Кавказа[1].

Весьма существенное влияние на климат рассматриваемого района, как и в целом всей Абхазии, оказывает Чёрное море, особенно в образовании тёплых периодических ветров (в долине Кодора образуется так называемый щелевой или охлаждающий поток нисходящего горного воздуха, что снижает зимние температуры и смягчает летний зной). По данным С. П. Басария, «если смотреть с Кодорского моста вверх по течению реки Кодора, на первой же горной цепи, разрезанной руслом реки, называемой у абхазов «Аҩы разара» («Место процеживания»), виднеется Гора-конус (абх. Адагуа. – О.М.), очень заметная в низовьях Кодора, а также с моря, с парохода. Если наблюдать с подножья этой горы за направлением туч и облаков с моря по единственной этой кодорской расщелине, то представится интересная картина: покажется, что на вершине Горы-конуса есть какой-то распределительный пункт, так сказать, выражаясь по-современному, отдел снабжения: из этих ворот тучи вереницей идут с берегов Чёрного моря; побывав на вершине Горы-конуса, часть их идёт на ущелье реки Амткел, снабжая влагой Ԥшьоу, Ашәлашара, Чамҳагәара и др., другая – по ущелью Чхалты»[2].

В Абжуйской Абхазии хорошо просматриваются почвенные особенности субтропической зоны Черноморского побережья Кавказа. На современной приморской низменности, в междуречье Кодора и Моквы, развиты влажно-субтропические аллювиальные почвы. У самого берега к ним примешивается, морской песок, переходящий в гальку. С удалением от берега моря поверхностный слой почвы становится иловатым или мелкопесчанисто–иловатым, на значительной глубине он переходит в гальку[3]. На древних речных и морских террасах развиты подзолистые субтропические и желтозёмные почвы, граничащие с краснозёмами.

[1] Пачулиа В.П. Черноморское побережье Кавказа. – М. 1980. С.8–9.
[2] Басария С.П. Избранные сочинения... С. 127.
[3] Захаров С. А. Почвенно-географический очерк Абхазии. – Сухум. 1930. С. 27,104; Государственная почвенная карта СССР. Изд. АН СССР. – М. 1959. С. 10–11; Колаковский А.А. Плиоценовая флора Кодора. – Сухуми. 1964. С. 12.

Почвы приморской низменности, и, особенно, склонов предгорий, благоприятны для выращивания субтропических культур. По мнению специалистов, вкусовые качества мандарин на правобережье Кодора лучше, чем на левобережье, поскольку правый берег реки чаще затопляется в периоды повышения уровня Кодора и здесь мощнее слой аллювиальных почв, благоприятных для произрастания цитрусовых. Кроме того, уровень расположения грунтовых вод на левобережье Кодора выше, что также отрицательно влияет на урожайность (рост и развитие) цитрусовых.

Кстати, С.П. Басария в 1923 году писал: «Почва Абхазии слишком разнообразна в разных уездах своими условиями для произрастания сельскохозяйственных растений. Например, нынешний Гумистинский уезд исстари славился баснословным плодородием почвы, богатством горных пастбищ, изобилием мёда и т.д. Это сердце Абхазии испокон веков считалось лакомым куском, яблоком раздора для населения, куда стремились все племена абхазов, но где могли поселиться только сильные из них…

После насильственного выселения абхазов из этого уезда, большая часть опустевших земель была пожалована за воинские, гражданские и прочие заслуги перед царём разным лицам. Абхазы, которые отказались от эмиграции в Турцию и пожелали остаться на насиженных веками местах в этом уезде, были насильственно расселены в Кодорский и Гудаутский»[1].

В низменной части Абхазии встречаются болотистые почвы на высоте 10-20 м над уровнем моря, главным образом на юго-востоке страны (кодорские, ачигуарские, джакобские и др.) Принято считать, что приморские дюны мешают стоку поверхностных вод и таким образом способствуют заболачиванию низменности, наклонённой в сторону моря. В прошлом эти болотистые места (ныне осушённые) наносили значительный урон населению, поскольку трясина засасывала скот. В 1962 году болота, например, в дельте Кодора занимали не более 6 км^2.

В непосредственной связи с климатическими и почвенными условиями находится и растительный покров. В приморской по-

[1] Басария С. П. Избранные сочинения… С. 130.
[2] Природа Абхазии… С. 193.

лосе – на песках, у самого моря произрастает множество прибрежных растений, например: мачок жёлтый, молочай прибрежный (абх. ацгәыхш), синеголовник приморский (аҟәарамза), павой лесной (акәыкәы). Выше от моря эти растения сменяют кустарниковые: ежевика (амаахыр), иглица шиповатая (аеадқәыц), мушмула дикая (абацә), барбарис (акатцахәыр), облепиха крушиновидная (ачыҷҳәаса), боярышник (ақәыц шкәакәа, аҩстаа ицәа). Кустарниковые заросли далее переходят в лиственный приморский лес из грабинника (ахьараць), ильма или вяза (араш), клёна полевого (ачамҳа).

Для торфяных болот дельт рек характерны заросли камыша (ачалиа, ачалеи), лютика клубненосного (амар, амарч, абаиа), ситника раскидистого (аць҆кыз), осоки различных видов (аисыр). Выше по течению, вдоль берегов рек, преобладает ольха (ал). К ольхе примешивается шелковица (амжәа), ясень (ажа), лапина (алацан) – реликт третичной эпохи. Верба, инжир (алаҳа), хурма, дуб (аць), граб (ахьаца), каштан (ахьа) – в прошлом весьма обычный а приморской низменности[1], и приуроченный к долинам рек Гумиста, Амткиал, Джампал, Кодор, Моква, Окум. Каштан, древесина которого широко применялась для постройки домов, изготовления мебели, почти полностью истреблен, особенно в долине Кодора[2]. В этой же зоне, отмечены и наиболее крупные массивы грецкого ореха (аратцла)[3]. В лесах Абжуйской Абхазии произрастают крушина кавказская (алакәымҳа), дикорастущие фруктовые деревья и кустарники: кизил (абгызра), груша (аҳа), яблоня (ацәа). К сожалению, за последние пятьдесят лет и особенно последнее десятилетие, лесные массивы значительно поредели вследствие неконтролируемой вырубки. Здесь много заносных растений и даже карантинных сорняков родом из Северной

[1] Колаковский А. А. Растительный мир Колхиды. – М. 1961. С. 44.
[2] Природа Абхазии… С. 217.
[3] Колаковский А. А. Флора Абхазии. Т. II. – Тб.1982. С. 238–239; Ган К.Ф. Поездка в Мингрелию, Самурзакань и Абхазию // КВ. №4. – Тифлис. 1902. С.47.

Америки – бакхарис лебедолистый[1], золотарник канадский, бородач вергинский – особенно вдоль Черноморского шоссе и железной дороги.

В Абжуйской Абхазии, на территории с. Адзюбжа, расположен Скурчинский заказник (далее в тексте заповедник), организованный в июле 1971 года в целях охраны ценных древесных реликтов третичного периода и в целом колхидской флоры. Общая площадь заповедника составляет 85 га. Из них 70 га покрыты лесом; 44 га – ольховые леса, 19 га – самшитовая роща, около 5 га – эвкалиптовые и примерно 2 га – бамбуковые плантации; 8 га занимают поляны, 6 га – песчаный пляж[2]. Заповедник был создан на базе приморского лесничества Очамчирского лесхоза. В 1977 году заказник был присоединён к Псху-Гумистинскому заповеднику. Своим учреждением Скурчинский заповедный участок обязан учёным – лесоводам В. Гулисашвили, А. Кобахия, А. Тарасову и С. Бебия.

В настоящее время на Скурче произрастают некоторые виды древнейших реликтовых растений. Среди них самшит колхидский (ашыц), инжир, рододендрон понтийский (ахәажә), плющ колхидский, обвойник греческий, сассапариль высокий (агәымаркатыл) и др. Примечательно, что эти растения сохранили некоторые биологические особенности, которые они имели в третичную эпоху, будучи тогда в составе ещё тропических и субтропических

[1] По свидетельствам старожилов, бакхарис завезён в район приморской низменности Юго-Восточной Абхазии во время Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) вместе с тюкованной соломой, поставлявшейся из США в порядке экономической помощи для (лошадей) частей Красной Армии, защищавших от гитлеровских войск перевалы Кавказа. Впервые же бакхарис обратил на себя внимание в 1952г., когда площадь, засорённая им доходила до 200 гектаров. В 1955г. Правительством Абхазской АССР было принято специальное решение об уничтожении этого сорняка. Однако мероприятия в борьбе с бакхарисом не дали положительных результатов.

[2] Кобахия А., Тарасов А. Леса Абхазии. – Сухуми. 1984. С. 17; Заповедники СССР.Заповедники Кавказа. – М. 1990. С.124, 132–133.

лесов. Например, дуб Гартвиса[1], инжир, лапина крылоплодная по-прежнему имеют несколько периодов роста и по два цветения в году[2]. В заповеднике произрастает около 30 видов древесных пород, кустарников и лиан. Некоторые из них как редкие или исчезающие – самшит колхидский, тис ягодный (аа, аатцла), клекачка колхидская (ақампыр), лапина крылоплодная и др. – занесены в Красную книгу.

Большую научную ценность представляет Скурчинская самшитовая роща. Возраст отдельных экземпляров самшита в Скурче от 100 до 160 лет, а некоторых около 200 лет, более же старые не сохранились. Высота деревьев – 6-7 м диаметр – 10-12 см. На небольших площадях есть чистые самшитники, без примеси других деревьев. Обычно в самшитовых лесах встречаются ольха бородатая, лапина, грабинник, инжир и др. Под пологом леса в большом количестве сохраняется подрост самшита.

На Скурче до сих пор встречаются крупные пни тиса ягодного (Кавказское красное дерево), отдельные из которых в диаметре достигают 1,5 м.

Сегодня таких заповедных участков, как Скурчинский, в Абхазии немного, а существовавшие обширные самшитовые рощи в районе гг. Очамчира и Гудаута вследствие хищнической рубки почти полностью исчезли. Часть самшитника на Скурче также

[1] В честь Гартвиса, бывшего (1824–1869) директора Никитского ботанического сада в г. Ялта (Крым). См. Флора СССР. Т.V. – Л. 1936. С.337. Н. А. Гартвис – знаток природы и сельского хозяйства Кавказа – оказал большую помощь в устройстве Сухумского ботанического сада. С 1837 по 1851 гг. им были организованы четыре научные экспедиции по Кавказу, в том числе и Абхазии. Изучая местную флору, члены экспедиции одновременно собирали саженцы для Никитского ботанического сада (Дзидзария Г.А. Декабристы в Абхазии. – Сухуми. 1970. С. 97–98).

[2] Кобахия А., Тарасов А. Леса Абхазии... С.17; Заповедники СССР. Заповедники Кавказа... С. 132. На Сухумской горе и в окрестностях с. Атара обнаружены отпечатки листьев деревьев и кустарников, произраставших на побережье Абхазии 2–5млн. лет тому назад, всего более 200 видов (Природа Абхазии... С. 196.)

была раскорчевана под бахчевые и кукурузу[1]. Однако и сегодня ещё самшитники сохранились на ограниченных площадях в ущелье некоторых рек.

В современном ландшафте Абжуйской Абхазии яркими пятнами выделяются интродуцированные растения – акация серебристая, которая известна как мимоза[2], эвкалипт, тунг. Культура тунга была внедрена в Абхазии после установления советской власти. Согласно данным за 1980-е годы, в Юго-Восточной Абхазии, культура тунга занимала более 2/3 общей площади тунговых насаждений Абхазии[3]. Плоды тунга используются для изготовления специального высококачественного технического масла. Впоследствии, в силу различных причин, его площадь была значительно сокращена. Освобождённые земли были засажены цитрусовыми. В целом, цитрусоводство, как и табаководство, плодоводство и виноградарство, в Юго-Восточной Абхазии развиты слабее чем в центральной и северо-западной экономико-географической части Абхазии (Гульрипшском, Сухумском (включая г. Сухум), Гудаутском районах, зоне г. Гагра). В Абжуйской Абхазии культивируется китайская веерная пальма (трахикарпус), эфиромасличные культуры, благородный лавр (адапа), бамбук и др. Плантации эфиромасличных культур в стране размещались главным образом в Абжуйской Абхазии. Сырьё (герань, базилик, пачули и др.) перерабатывались на Гальском и Тамышском эфиромасличных заводах. На изучаемой территории выращивают один из лучших сортов персика[4]. Хотя садоводство, как и пчеловодство, старинное и любимое занятие абжуйцев, но в настоящее время в связи с увлечением цитрусоводством, здесь, как и в целом в Абхазии, оно, к сожалению, сократилось.

Путешественники и исследователи прошлых веков указывали на дремучие столетние здешние леса всевозможных пород. По сообщению Дюбуа де Монпере «нет страны более богатой лесом, чем Абхазия. Такой лес можно достать по всему побережью, начиная от Сухума до устья Ингура, в особенности за мысом Искурия и в Илори»[1]. «Исгаур (Скурча-О.М.) сплошь покрыт лесами», – писал француз Ж. Шарден[2]. Итальянская исследовательница Карла Серена писала: между имениями кн. Шервашидзе (Чачба), Атарой и Цкургилом «простираются прекрасные, почти нетронутые леса,… где зелёные своды настолько густы, что едва пропускают дневной свет»[3]. И до наших дней на правобережье Кодора сохранилось абхазское название целого округа – Аджбна (Ацьбна), т.е. Дубрава. Леса Абжуйской Абхазии изобиловали породами деревьев, представлявших ценнейший материал для строительства морских судов[4]. Ещё к началу XX века сохраня-

---

[1] Кобахия А. Самшитники Абхазии // Земля – наша кормилица. Проблемы охраны земельных ресурсов Абхазии. – Сухуми. 1988. С. 73, 75.

[2] Лесная энциклопедия. Том первый. – М. 1985. С. 21.

[3] Юго-Восточная Абхазия являлась и основной базой чайного хозяйства Абхазии. Плантации чая (1978 г.) здесь занимали 13,2 тыс. га, т.е. 90% общей площади всех чайных плантаций Абхазии.

[4] Бгажба М. Т. Растительные ресурсы Абхазии и их использование. – Сухуми. 1964. С. 247. Небезынтересно свидетельство А. М. Горького о своеобразной суровости ландшафта Абжуйской Абхазии: «Слева от меня по вершинам гор тяжело нависли, уг-

рожая дождём, дымные облака, от них ползут тени по зелёным скатам, где растёт мёртвое дерево самшит». Мало кто знает и то, что ставшее известным всему миру горьковское изречение: «Превосходная должность – быть на земле человеком: столько увидеть чудесного, как мучительно сладко волнуется сердце в таком восхищении перед красотою!» – связано с рекой Кодором и районом с. Адзюбжа (см. Горький М. Рождение человека // Горький М. По Руси. – М. 1973. С. 3–4.)

[1] Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа. Т.1. – Сухуми. 1937. С. 138.

[2] Путешествие Шардена по Закавказью в 1672–1673 гг. – Тифлис. 1902. С. 102.

[3] Карла Серена. Путешествие по Абхазии. Предисловие и комментарии Дениса Чачхалиа. Перевод с французского Р.Черниковой. – М. 1999. С. 115.

[4] Путешествие Шардена по Закавказью в 1672–1673 гг. // Жур. «Кавказский вестник». 1900–1901 гг. С. 102; Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа... С. 138, 143, 150 и др.

лись крупные лесные массивы[1] – Уракь - в районе с. Адзюбжа, Опархьа – между рекой Тоумыш и Адзюбжей, Чачал – между сс. Тамыш и Джгиарда, Бескуа и Бецхаркута в с. Тамыш и т.д.

В Абжуйских лесах до сравнительно недавнего времени водились во множестве дикие кабаны (абынҳәақәа), медведи (амшәқәа), волки (ақәыцьмақәа), а в суровые зимы, по воспоминаниям А. М. Чочуа, «сюда спускались даже представители горных лесов – косули и серны»[2] (хотя и сомнительно, чтобы в низовья Абжуйской Абхазии спускались серны, поскольку они являются обитателями сугубо альпийских и субальпийских зон). А вот косулю охотники встречали в этих лесах ещё лет тридцать тому назад (не исключено, что можно её встретить в Абжуа и сейчас). По свидетельству Арк. Ламберти, на границе Абхазии и Мегрелии[3] водились зубры[4]. В настоящее время здесь водятся волки, шакалы (абгалацқәа), лисицы (абгахәчқәа), барсуки (аашьарақәа), ласки (апшзақәа), лесная кошка (абнацгәы), изредка встречается выдра (апслы). В послевоенное время, по опросным данным, стало больше лесных кошек, много зайцев (ажьабаҕьқәа), лесных мышей (абынҳәынацқәа), сони-полчки, полевок (адәыаҳәынацқәа), летучих мышей (ахәылапцысқәа), ежи (ахьапарчқәа), кроты (ацәышлампырқәа), белозубки и т.д. В целом же зверья после грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. в районе увеличилось.

Очень разнообразна фауна Юго-Восточной Абхазии. Здесь обитают вальдшнепы (ацаблыкьқәа)[5], поганки (в народе нырки –

---

[1] Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов. – Сухуми. 1973. С. 12.

[2] Чочуа А. М. Избранные сочинения. – Тб. 1987. С. 15.

[3] Во времена Ламберти эта граница, как об этом подробно будет сказано в «Очерках истории», проходила по нижнему течению реки Кодор.

[4] Ламберти Арк. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией // СМОМПК. Вып. 43. – Тифлис. 1913. С. 217. Вообще кавказский зубр водился в Абхазии до 1925 г., когда последний экземпляр его погиб в районе озера Рица (Инал–Ипа Ш.Д. Абхазы… С. 44).

[5] См.: Бгажба М.Т.Дрозд песню поёт. – Сухуми. 1968 (на абх.яз.).

абакәа), удоды (абжьобжьыкқәа), стрижи (апкьаатқәа), коршуны (акьарапцыцқәа), ястребы (ахьышьқәа), совы (атқәа), иволги (апысөежьқәа, апымҳатцысқәа, что досл. значит жёлтые птицы, лавровишнёвые птицы), кукушки (акәыкәуқәа), воробьи (абиҕьрқәа), ласточки (ажәцысқәа), снегири (акәаитқәа), синицы (апшнаҕьычқәа), дрозды (ардәынақәа), горлицы (акәарацқәа). Ранее на заболоченных берегах устраивали свои гнёзда чирки-свистунки (акәыргъацқәа) и кряквы (абынкәатақәа), лысухи – болотные курочки (азмахкәты), селилась серая цапля (ачыцәа гра), а также обитали филины (атыфарфарқәа), которые изредка встречаются зимой и сейчас. В настоящее время эти виды обычны лишь в период миграций и зимовок. Весной на пролёте на побережье останавливаются жёлтая и черноголовая трясогузки, осенью перепела (ачақәа), вальдшнепы и кроншнепы (ацаблыкьқәа), а также на пролёте изредка можно видеть пеликанов (абабыркәа, ахкәажәқәа), аистов (акараҳанқәа), лебедей (азыпшҳәақәа). Почти регулярно последние 8–10 лет в озерах Абжуйской Абхазии группами до 50 особей зимуют лебедь – шипун и лебедь-кликун. В прошлом в Абжуа во время миграции сотнями тысяч останавливались дикие голуби (абынҳәыҳәқәа), перепела, утки (акәатақәа), цапли, гуси (абынкызқәа, ацәышқәа), лебеди и т.д. Охота на перелётных птиц, исходя из географических условий региона, была в Абжуйской Абхазии традиционной.

По территории Абжуйской Абхазии, согласно данным зоологов, проходит один из интенсивных миграционных путей птиц – Восточно-Черноморский. Небольшой миграционный поток проходит и через Клухорский перевал, причём эти пути – через горы и по побережью – смыкаются в нижнем течении реки Кодор. В местах скопления водоплавающих птиц много хищников, таких как болотный и степной лунь (аандрыхьшь), канюки (ачауарбажәқәа, в народе их часто считают коршунами), ястреб-перепелятник (ахьшьыцба), ястреб-тетеревятник (ахьшь ду), сокол-сапсан (ашьхарыхьшь), а ранее здесь обитал и хищный орлан-белохвост. Последние два вида включены в Международную Красную книгу.

По устному сообщению орнитолога В. И. Маландзия, по реке Кодор, проходит северо-западная граница ареала распростране-

ния «короля дичи» – колхидского подвида фазана (абныкәты). Фазан являлся украшением лесов Юго-Восточной Абхазии. В 80-е, 90-е годы XIX в., по воспоминаниям А. М. Чочуа, фазан в абжуйских лесах попадался часто[1]. В начале XX в. (1913г.), фазан был ещё обычен[2]. В 1930-е годы, встречались лишь одиночные особи[3]. По-видимому, в период активного освоения района в 1950-е годы, фазан полностью исчез. В целом, хотя природа в последние годы сильно изменилась, сейчас условия для воспроизводства фазана колхидского вполне перспективны. Однако следует учитывать, что для этого необходимо выпускать только указанный подвид – колхидского фазана (Phasianus colchicus colchicus). По сообщению В.И. Маландзия, охотниками в 2001 году в районе с. Тамыш фазан зарегистрирован несколько раз.

Видовой состав амфибий и рептилий в районе невелик: водится несколько видов ящериц (аинцәышқәа), в том числе и ящерица-веретенница (азырлашә), медянка, ужи – обыкновенный и водяной (случается, что они заплывают и в море.) К югу от Кодора, в Самурзаканской низменности, редко, но встречается эндемичная красная кавказская гадюка. Встречаются серая жаба (адажә), озёрная лягушка (азырдаҕъ), квакша (адаҕь–иацәа), тритоны, обычна болотная черепаха (акәуа). Что касается рыбы, сейчас её стало меньше, но видовой состав не изменился. В озёрах Бебесыр и Скурча водятся бычок-кругляк (аҕәарцьа), бубырь, бычок-песочник, голавль (азыжьцсыз), пескарь (алыкьцсыз, ацәымсы), карп (ацқыш), сом (аҕлам), горчак, окунь, плотва (ақьацсцсыз), шемая (абаслар), щука (акәатацсыз) и др. На Кодоре водится форель (акалмаха), а также колхидский усач (асеиҳач), рыбец, подуст (афарцеи), голавль, пескарь, шемая, быстрянка, горчак, колюшка, бычок, луфарь[4]. В устья Кодора и Галидзги отмечался заход очень редкой в настоящее время рыбы – севрюги (асакадла): в устье Кодора – осётра (ақьаукьад) и белуги (абарзал), на нерест и икрометание также поднимается в Кодор черноморский лосось (амлагәыр). Основное промысловое значение имеют лосось и форель. Последняя в Кодоре встречается, начиная с низовья, вплоть до альпийской зоны. Кодорское стадо являлось самым мощным в Абхазии. Отлов лосося здесь давал до 27% всей учитываемой промысловой его добычи по среднегодовому улову в период 1938–1942 годов[1]. В настоящее время из-за сокращения численности лосося, промысловый и любительский его лов запрещены, однако имеются случаи браконьерства.

[1] Чочуа А. М. Избранные сочинения... С. 17–18.
[2] Сатунин К. А. К орнитологии Абхазии // Птицеведение и птицеводство. Год 4. Вып.2. – М. 1913. С. 95–106.
[3] Вейцман Х. С. К охране и восстановлению фазана в Абхазии // Природа и социалистическое хозяйство Т.7. – М. 1933. С. 132–140.
[4] Газ. «Республика Абхазия». 5–6 сентября 2002 г.

[1] Барач Г. П. Внутренние водоёмы Абхазской АССР, их промысловая ихтиофауна и рыбохозяйственное значение. – Сухуми. 1960. С. 50–51.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ

ГЛАВА I. ДРЕВНИЙ ПЕРИОД И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

§ 1. Данные археологических и письменных источников

С ранних этапов человеческой деятельности территория Абжуйской Абхазии являлась одним из наиболее заселённых и обжитых районов. Здесь обнаружены стоянки первобытного человека эпохи палеолита (древнего каменного века) в пунктах Елыр, Моква, Тхина, г. Очамчира. Наибольшее же количество предметов эпохи палеолита было выявлено по Кодору, в низовьях же реки, начиная от поселения Наа[1] (в районе населённых пунктов Атара (арм.), Наа (арм.), выявлены скопления кремневых верхнепалеолитических отщепов, обсидиановая пластина, отдельные лавалуазские и мустьерские орудия[2]. Причём, на правом берегу реки, у поселения Адзыдакуара (бывш. Анастасьевка, Ганахлеба), а также в сс. Гуада, Гуп, Отап и г. Гал найдены археологические остатки даже более ранней ашельской культуры[3]. Для верхнепалеолитических памятников ашельского периода Абхазии, как известно, характерно обилие грубых массивных отщепов при незначительности ручных рубил, представленных, однако, типичными экземплярами.

---

[1] Воронов Ю.Н. Археологическая карта Абхазии. – Сухуми. 1969. С.16: его же. Памятники каменного века Военно-Сухумской дороги. – Тб. 1984. С.18–20.

[2] Воронов Ю.Н. Археологическая карта... Там же.

[3] Соловьев Л.Н. Палеолитические стоянки долины р.Кодор в связи с историей Кодорской долины//Выездная сессия Груз. филиала АН СССР в г. Сухуми 26–29 сент.1940 г. – Тб. 1940. С. 35; Замятнин С.Н. Очерки по палеолиту. – М.–Л. 1961. С.71; Цвинария И.И. Раскопки в с. Псырцха Гудаутского района и разведки в с. Гуп Очамчирского района // Археологические открытия 1983 года в Абхазии. – Тб. 1987. С. 13–14.

В XI-VII вв. до н.э. в Абхазии широко была распространена знаменитая колхидская бронзовая культура. Она представлена в Абжуйской Абхазии, в основном, многочисленными кладами бронзовых предметов – топоры, слитки, наконечники копий, медные топорики и др. – в населённых пунктах Адзюбжа, Араду, Атара-Абхазская, Атара-Армянская[1], Джгиарда, р.Джикумыр, Кудчара, Лабра, Моква, Маркула, Очамчира, Тамыш[2], Члоу[3]. Наибольшее количество предметов медно–бронзового века найдено по Кодору и в районе г.Очамчира. Самыми известными из них являются памятники Очамчирской культуры, выявленные Л. Н. Соловьёвым в 1935г.[4]. Исследователи по-разному датируют эти памятники: одни третьим тысячелетием, другие – первой половиной второго тысячелетия до н.э.[5] Находки из Очамчирского поселения свидетельствуют о том, что его обитатели уже занимались земледелием, морским рыболовством, скотоводством. Это подтверждается наличием на селище зернотёрок, каменных пестов, кремневых зубчатых вкладышей серпов, мотыг, топоров, грузил, многочисленных костей домашних животных – коров, коз, свиней, овец.

Находки грузил также говорят о наличии среди древних очамчирцев умения изготовлять разнообразные льняные ткани. В отличие от предшествующих эпох, носители Очамчирской культуры умели изготовлять металлические орудия[6].

---

[1] Воронов Ю.Н. Археологическая карта... С. 39.

[2] Бжания В.В., Бжания Д.С., Когония Л.М., Джопуа А.И. Раскопки Тамышского поселения//Археологические открытия 1983 года в Абхазии. – Тб. 1987. С. 9–12.

[3] Джопуа А.И. Клад бронзовых топоров из с.Члоу//Археологические открытия в Абхазии 1985 г. – Тб. 1990. С. 17–18.

[4] Соловьев Л.Н. Энеолитическое селище у Очемчирского порта в Абхазии // Материалы по истории Абхазии. 1. – Сухуми. 1939.

[5] История Абхазии... С. 26.

[6] Соловьев Л.Н. Указ. соч. С. 29–38 и др.; Шамба Г.К., Бжания Д.С. Археологические работы Абхазского института // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 75-летию Абхазского ин-

Одним из богатейших историко-археологических районов Абхазии являются верховья реки Галидзга. По мнению учёных, древние люди обитали здесь, по крайней мере, с мустьерской эпохи. В этом районе обильно представлены материалы бронзовой эпохи. Доказательством сказанному служит наличие бронзовых топоров колхидско–кобанского типа; могильник начала первых веков I тыс. до н.э. и связанный с ним целый ряд находок (шейные гривны, браслеты, бусы, вотивные предметы и т.п.)[1]. Носители местной бронзовой культуры занимались скотоводством, металлургией бронзы и железа. Они были одними из первых горских племён, установившие торговые связи с греческими центрами Кавказского Причерноморья, из которых, надо полагать, и поступали греческие товары (керамика, украшения и т.п.)[2].

К числу ярких памятников исследуемой территории эпохи бронзы относится Тамышское поселение. Оно расположено в западной части с. Тамыш, на левом берегу реки Тоумыш, у её впадения в море. Поселение было открыто в 1946 году археологом В. В. Бжания, который установил существование там одного культурного слоя с двумя горизонтами: второй половины II и начала I тыс. до н.э. Поселение занимает площадь не менее 20 га.

На поселении выявлены остатки жилищ с полами, вымощенными мелкой морской галькой; производственные помещения и мастерские, где обнаружены формы для отливки наконечников стрел, тигли для плавки бронзы и др. Большую часть находок составляют обломки глиняных сосудов-пифосов, горшков, мисок, бокалов и др. Каменные изделия включают зернотёрки, мотыги, грузила, кремневые наконечники дротиков; металлические – бронзовые наконечники копий, стрелы, фибулы, браслеты, железные серповидные ножи. Материалы, обнаруженные на Та-

---

ститута гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА 28-31 мая 2001 г. – Сухум. 2004. С. 171–172.

[1] Шамба Г.К., Шамба С.М. Археологические памятники верховья реки Галидзга (Джантух)... С.52.

[2] Там же... С. 42, 53. О культуре местных племён в начале I тыс. н.э. можно судить по отдельным дошедшим до нас керамическим сосудам с чашечкообразными венчиками типа Цебельдинских (Воронов Ю.Н. Археологическая карта Абхазии... С. 65).

мышском поселении, сопоставляются с известными материалами жилых холмов Колхиды и датируются IX–VIII вв. до н.э.

Исходя из вышеизложенного мы можем утверждать, что основными занятиями древнего населения Тамышского поселения являлись земледелие, рыболовство, изготовление бронзовых и железных изделий. К числу главных занятий этого поселения следует отнести и скотоводство[1].

Расцвет колхидской культуры VII–VI вв. до н.э. совпадает с массовым распространением железных предметов в Западном Закавказье[2]. В эпоху раннего железного века, в основном в первой половине I тыс. до н.э., по всему Восточному побережью Чёрного моря имели распространение т.н. «селища с текстильной керамикой», аналогичные которым были открыты в 30-е годы XX столетия Л. Н. Соловьёвым в этом же ареале – между реками Гумиста и Галидзга[3]. Археолог Г. К. Шамба, например, исходя из осмотра местности в районе Скурчи в 1998 году, утверждает наличие здесь крупного селища с «текстильной керамикой»[4] (об особенностях селища смотри в разделе «Материальная культура»).

О назначении «селищ с текстильной керамикой» в литературе высказаны различные мнения. Ряд исследователей вслед за Л. Н.

---

[1] Бжания В.В., Бжания Д.С., Когония Л.М., Сангулия Г.А., Джопуа А.И. Работы в селе Тамыш//Археологические открытия в Абхазии 1986–1987 гг. – Тб. 1990. С. 11.

[2] Бгажба О.Х. История железообрабатывающего производства в Западном Закавказье (I тыс. до н.э. – середина II тыс. н.э.). Автореф. докт.дисс. – М. 1994. С.7.

[3] Соловьев Л.Н. Следы древнего соляного промысла близ г. Сухуми и г. Очамчира//ТАГМ. Вып.1. – Сухуми. 1947. С. 24 и сл.; его же. Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии//СА. Т.14. – М. 1950. С.265–286. О «текстильной керамике» см. также: Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии. – М. 1964. С.96, 98.

[4] Маан О. В. Находка в Адзюбже // Газ. «Республика Абхазия». 7 – 8 октября 1998г.

Соловьевым связывают их с добычей соли[1], выпарка которой из морской воды, развившаяся в промысел, началась, как предполагают, в раннебронзовый период. Так, население Абжуйской Абхазии выпаривало соль по следующей технологии: морская вода запускалась в небольшие бассейны, вырытые за береговым валом, и после естественного испарения воды рассол выпаривали на огне, а затем уже досушивали соль дома на широких досках[2].

Ряд же других исследователей связывают «селища с текстильной керамикой» с получением железорудного сырья путем промывки магнетитного песка[3]. Еще Псевдо-Аристотель писал о промывке выносимого реками песка, который в результате морских прибоев распределяется вдоль пляжей и отлагается более или менее насыщенными рудой слоями. Как полагают некоторые исследователи, первое «земное» железо было выплавлено из магнетитового песка[4]. Есть и такие, кто считает «селища с текстильной керамикой» местом для исполнения религиозных обрядов[5]. В

[1] Куфтин Б.А. Материалы к археологии Колхиды. Т. II. – Тб. 1950. С.174; Трапш М.М. Археологические раскопки в окрестностях Сухуми // Труды АИЯЛИ. Т.29. – Сухуми. 1958. С.187 и сл; Шамба Г.К., Квициния В.К. Открытия в пос. Агудзера близ Сухуми // ТАГМ. Вып. 5. – Сухуми. 1980. С.120; Шамба Г.К. Абхазия в I тысячелетии до нашей эры. – Сухум. 2000. С. 12–13, 16–17, 18–19, 26, 33–34; Бгажба О.Х. История железообрабатывающего производства в Западном Закавказье... С.12.

[2] Соловьев Л.Н. Следы древнего соляного промысла... С.45.

[3] Рамишвили А.Т. О назначении стоянок с «текстильной керамикой» Восточного Причерноморья//СА. №4. – М. 1975. С.36; Хоштария Н.В. Археологические исследования в Уреки // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Вып.1.– Тб. 1955. С.25.

[4] Хахутайшвили Д.А. Производство железа в древней Колхиде. – Тб. 1987. С. 61–62.

[5] Кахидзе А.Ю. Города Причерноморья Грузии в античную эпоху (Кобулети-Пичвнари). – Тб. 1971. С. 32–33; Цвинария И.И. Поселение Гуандра. – Тб. 1978. С. 32–38. Следует в этой связи указать на то обстоятельство, что в античную эпоху, с переходом местного населения на потребление более дешевой соли, завозившейся греческими купцами, фактически прекращается функционирование прибрежных солеварен коренного населения.

последнее время высказаны компромиссные мнения, согласно которым на этих поселениях занимались всеми тремя отмеченными выше сферами деятельности[1].

Занимались ли в действительности на этих селищах добычей сырья для выплавки железа или нет, покажут будущие исследования, но месторождения железа (магнетит, красный и бурый железняк) известны по Кодору и по Галидзге, как и по Бзыби. Здесь и там, на прибрежье и в предгорье, обнаружены следы плавки железных руд и железного шлака[2]. Железоплавильное производство развивалось, обычно, вблизи железорудных месторождений[3]. На интересующей нас территории этому благоприятствовало наличие наилучшего топлива (дубовый уголь) для плавки железа[4]. В Абжуйской Абхазии и в настоящее время существуют,

Именно на период угасания приморских солеварен, т.е. к VI в. до н.э. как раз и падает период интенсивного развития местной черной металлургии (Бгажба О.Х. История железообрабатывающего производства... С. 12–13). Все это также должно говорить в пользу солеварения. Несмотря на прекращение в VI в. до н.э. существовании прибрежных солеварен коренного населения, очевидно, и в средние века, как и в первой половине XIX века, когда связь с другими странами становилась затруднительной, добыча соли из морской воды возобновлялась.

[1] Хахутайшвили Д.А. Приморье Юго-Западной Грузии в эпоху раннего железа. – Тб. 1986. С. 99–101; Апакидзе Д. Б. Центральная Колхида в эпоху поздней бронзы – раннего железа. – Тб. 1991. С.50.

[2] Абрамишвили Р.М. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии. Автореф. канд. дисс. – Тб. 1962. С. 17–18; Бгажба О.Х. По следам кузнеца Айнара. – Сухуми. 1982. С. 8–9.

[3] Бгажба О.Х. Черная металлургия и металлообработка в древней и средневековой Абхазии. – Тб. 1983. С. 11–12; Шамба Г.К. Абхазия в I тысячелетии до нашей эры... С.9.

[4] Ученик и преемник Аристотеля, древнегреческий ученый-ботаник Феофраст (370–285 гг. до н.э.), в своем фундаментальном «Исследовании о растениях» писал: «Самые лучшие угли получаются из самых плотных пород, например...дуба и земляничного дерева. Угли из этих деревьев очень тверды: потому они

например, топонимы – «арацәа блырҭа» («место сжигания угля»); «арацәа ахьҭажьу» («место свалки угля»)[1]. Эти названия, по мнению О. Х. Бгажба (устное сообщение), напрямую могут быть связаны с железоплавильным производством. Для получения угля (сжигания древесины) рыли круглую или четырехугольную яму нужного объема, на дне которой разводили огонь и, по мере сжигания древесины, подкладывали подготовленные заранее дрова. «Угольные ямы» делались открытые или закрытые со сводчатым перекрытием[2].

Появление с VIII века до н.э. на всей территории Колхиды приморских солеварен (наряду с поселениями открытого типа) указывает, по мнению исследователей, на рост производительных сил, демографические сдвиги (густозаселённость) и экономический прогресс[3]. Древние поселения, локализовавшиеся по Кодору, вследствие указанных причин носили некоторые черты городского типа, правда, проживавшее здесь местное население, находилось еще на уровне общинно-родового строя. Выявленные археологами материалы: античный четырехугольный верхний жернов ручной мельницы[4], множество зернотёрок[5], клады бронзовых

горят очень долго и дают жару больше всех других углей. Поэтому ими пользуются в серебряных рудниках для первой переплавки руды... (см.: Черных Е.Н. Металл-Человек-Время. – М. 1972. С. 146).

[1] Кварчиа В.Е. Материалы топонимики Очамчирского района Абхазской АССР. Ч. 1. – Сухуми. 1988. С. 25 (на абх.яз.).

[2] См.: Хахутайшвили Д. А. Производство железа в древней Колхиде... С. 189 – 192.

[3] Апакидзе Д. Б. Центральная Колхида в эпоху поздней бронзы... С. 63.

[4] Хотелашвили М.К. Античная ручная мельница из Скурчи // Жур. Дзеглис мегобари (Друг памятников). №15. – Тб. 1968. С. 51–54 (на груз.яз.).

[5] Барамидзе М. В., Бжания В. В., Квирквелия Г.Т. Раскопки в Адзюбжа // Археологические открытия 1978 года. – М. 1979. С. 496; Бжания Д.С., Вардания Г.И., Джопуа А.И., Сангулия Г.А. Раскопки в селе Тамыш//Археологические открытия в Абхазии 1985 г. – Тб. 1990. С. 14.

топоров и других орудий[1], а также обилие рыболовных грузил, говорят о занятиях населения земледелием и рыболовством. Об уровне культуры населения свидетельствуют такие находки, как подвеска – шар (украшение для волос)[2], тонкий браслет, орнаментированный мелкими полосками; браслет с пятью вздутиями со сквозными отверстиями; две подвески с изображением быка и барана[3] и др.

В 1962 году группа ученых АБНИИ в составе: М. М.Трапш, Х. С. Бгажба, Б. П. Джанашиа, а также агроном-плодовод Э. М. Акшба произвели осмотр местности Ашьашла (старожилы так называли район бухты Скурча). М. М. Трапш было выявлено наличие здесь укрепленного поселения. Им была сделана полевая запись следующего содержания: Городище на возвышенном плато, округлой четырехугольной формы с крутыми искусственными откосами со всех сторон. Городище занимает господствующее положение в том районе, находится между магистральным шоссе и морем, северо-восточнее оз. Скурча. На городище найдены: обломки посуды (пифос, горшки, кувшины и т.д.): один метательный камень шарообразной формы, большая кремневая бусина с голубыми и синими полосками (двухстороннее сверление цилиндрическое (пополам?), куски раствора (глина, песок, гравий) от стен здания, керамические шлаки; обмазка глиняная[4].

---

[1] Хотелашвили М.К. Земледельческие орудия Абхазии античного и раннесредневекового времени // Материалы по археологии и искусству Абхазии. – Сухуми. 1974. С.27; Маан О.В. Находки в селе Адзюбжа // Газ. «Республика Абхазия», 24–25 апреля 1996г.

[2] История памятника: из раскопок в с. Адзюбжа. 1962 г. Фаянс ярко-синий. Дм. 4. Датировка – 1 тыс. до н.э. (Древнеегипетские памятники из музеев СССР. Каталог выставки. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина). – М. 1991. С.79.

[3] Воронов Ю.Н. Археологическая карта... С. 64; Иващенко М.М. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. – Тифлис. 1935. С.52.

[4] Трапш М.М. Полевая запись. 7 марта 1962 г. Пос. Балан. Хранится в Отделе древней истории и археологии Абхазского Государственного музея.

Причерноморская экспедиция Института археологии АН СССР совместно с Центром археологических исследований АН ГССР во время раскопок в том же районе пос. Балан в 1978-1979 гг. выявили обломки чернолакового сосуда, несомкнутое золотое колечко. В могильниках поселения обнаружили довольно богатый инвентарь: серебряную тарелку, синопскую и колхидскую амфоры (сохранились их стенки), бронзовый сосуд (сохранились ручки), импортные амфориски, чернолаковую ихтию (рыбное блюдо), золотые предметы – две бляхи в виде пальметок с рельефной розеткой у основания и с ушками для привешивания с обратной стороны, круглопроволочный браслет с прогибом на спинке, крупнопроволочная серьга с поперечными насечками на концах, две конусовидные полые подвески с шестью ушками для подвешивания у основания и 29 бляшек в виде розеток с ушками на обратной стороне. Особый интерес представляет уникальнейшая бронзовая конская маска, рядом с последней обнаружено пять серебряных блях, скорее всего от конской сбруи. Там же, найдено множество железного оружия.

Судя по обряду погребения и составу инвентаря могильники относятся к III в. до н.э. Захоронение явно принадлежало эллинизированным представителям местной знати[1].

Здесь же обнаружено три богатых погребения, в которых находились кувшины и миски из местной глины, обломки раннеэллинистического чернолакового лекифа (сосуд для масла, используемый в похоронном церемониале), золотое колечко, серебряная гривна, стеклянные бусы; рядовые захоронения, в которых инвентарь состоял в основном из глиняных кувшинов, мисок, железного копья и топора раннеэллинистического типа[2].

Отдельные находки специфической керамики и железных изделий населения Юго-Восточной Абхазии (топоры, мотыги и др. относящиеся ко II-VII вв.н.э.) указывают, по мнению Ю.Н. Воронова, на возможность существования в сс. Адзюбжа, Джгиарда, Кутол, Тамыш, г. Очамчира, сс. Царча, Гумуриш (Гумрышь) Гальского района и ряде других пунктов Юго-Восточной Абхазии могильников цебельдинской культуры[1]. Причем если ряд исследователей (М. М. Трапш, Г.К. Шамба, М. М. Гунба) считают отдельные комплексы погребении Цебельды родовыми могильниками (предполагая тем самым наличие на территории Абхазии классового общества), то Ю.Н.Воронов полагает, что они являются их семейными кладбищами. Различие версий указывает на актуальность и необходимость проведения на рассматриваемой территории целенаправленных археологических раскопок.

На рассматриваемое время – первое тысячелетие (точнее в VII–VI вв. до н.э.) – приходится, как известно, начало греческой колонизации Черноморского побережья. Греческие поселения, по общепринятому мнению, никогда не возникали в безлюдных, незаселенных местах, но лишь там, где открывались возможности использования природных ресурсов для развития сельского хозяйства и различных ремесел, «а главное – по утверждению В. Гайдукевича, – где имелось наличие человеческих контингентов, которых можно было бы заставить работать в качестве рабов и зависимых полусвободных производителей»[2]. Не во всем можно согласиться с приведенной точкой зрения. Ранее было принято упрощать взаимоотношения колонистов (т.е. поселенцев) и аборигенов, превращая первых в колонизаторов (в современном смысле слова), обращавших местное население в рабочую силу. У античных авторов нет указаний на конфликты между греками и

---

[1] Барамидзе М.В., Бжания В.В., Квирквелия Г.Т. Раскопки в Адзюбжа... С.496.

[2] Барамидзе М.В., Чигошвили Т.В., Квирквелия Г.Т., Хубутия Г.П., Чумбуридзе В.Г., Гамкрелидзе Г.А. Основные итоги археологической экспедиции Абхазии // Полевые археологические исследования в 1981 году // Краткие сообщения. – Тб. 1984. С. 29.

[1] Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. – М. 1975. С.45. Особое место занимает погребальный комплекс, обнаруженный в с. Тагелон (правобережье реки Ингур) в Гальском районе, включавший богатый набор золотых, серебряных, бронзовых и железных изделий, которые принадлежали представителю местной романизированной знати (Амиранашвили А.И. Новая находка в низовьях реки Ингура. – Тифлис. 1935. С. 71; Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия... С.281).

[2] Цит.: Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии... С. 146.

жителями древней Абхазии, безусловно, некоторые вооруженные столкновения неизбежны при любом соседстве. Нет также указаний и на создание каких-либо предприятий, требовавших привлечение местной рабочей силы. Греки занимались торговлей и ремесленничеством, привозили свои товары и перерабатывали скупаемое сырье. Однако развитие ремесел в греческих центрах все же требовало какой-то определенной рабочей силы, очевидно, поставляемую местным населением из числа похищенных представителей соседних народов.

Колонистами-выходцами из различных городов древней Греции (главным образом из крупного малоазийского торгового центра Милета) на территории Абхазии были основаны города-государства (полисы) – Питиунт (совр. Пицунда), Диоскурия (совр. Сухум) и Гюэнос (близ Очамчирского порта); последний является одним из наиболее мощных и ярких памятников античного времени Восточного Причерноморья[1].

Исследования показали, что античное поселение Гюэнос возник во второй половине VI в. до н.э. Основными занятиями поселенцев являлись земледелие и животноводство, а также они занимались ремесленничеством, охотой, рыболовством[2]. В жизни Гюэноса наблюдались периоды запустения, однако всякий раз город вновь возрождался на том же месте[3]. На территории Гюэноса выявлены конские захоронения с уздечками скифского облика (вторая половина V– первая половина IV в. до н.э.). В конце IV–III вв. Гюэнос вновь переживает расцвет.

В III–VII веках на развалинах греческого города Гюэнос находилось небольшое поселение предков абхазов, связанное с существовавшей здесь стоянкой римско-византийских кораблей.

Существование на территории Абхазии античных городов–государств сыграло значительную роль в социально-экономическом и культурном развитии местного населения. Однако античную колонизацию нельзя рассматривать лишь как одностороннее приобщение местного населения к более высоким

[1] Шамба С.М. Гюэнос –1. – Тб. 1988. С. 5.
[2] Там же. С. 64.
[3] История Абхазии... С. 45.

формам хозяйствования и культуры. Это был, как известно, двухсторонний процесс, обусловленный определённым уровнем хозяйственного и общественного развития, достигнутого как греками, так и местным населением. Это прекрасно иллюстрируется материалами из Гюэноса, например, наряду с многочисленной привозной посудой в быту греков широко использовались и местные изделия. Многие обычаи и нравы аборигенов также проникали в среду населения Гюэноса. А контакты между аборигенами и колонистами должны были приводить к смешению населения – к смешанным бракам[1].

Основным же поводом устремлений древнейших греков к берегам Колхиды ещё в VIII в. до н.э., несомненно, служило золото, о добыче которого с помощью овечьих шкур рассказывал в начале н.э. греческий географ Страбон.

Следы месторождения золота действительно отмечены в верхнем течении Кодора[2] – у юго-восточного меридионального отрога Кавказского хребта (Абхазо-Сванетского), являющегося водоразделом бассейна рек Кодора и Ингура. Не случайно Кодор древние греки назвали «Хрисоррой», что и значит «золотая»[3].

С древности и вплоть до первой четверти XIX века в этих местах был невольничий и обычный рынок. По материалам А.В. Фадеева, «этот рынок был расположен на восток от Кодорского мыса на берегу небольшой бухты, соединенной узким каналом с маленьким озером, представляющим как бы вторую внутреннюю бухту. В те времена...естественные данные маленькой...но достаточно вместительной для парусных фелюг и галер, хорошо защищенной Скурчинской бухты были весьма благоприятны для стоянки торговых судов»[4].

[1] Шамба С.М. Гюэнос –1... С. 64–65.
[2] Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины... С. 70.
[3] Соловьев Л.Н. Диоскурия-Севастополис-Цхум // ТАГМ. Вып.1. – Сухуми. 1947. С.109.
[4] Фадеев А.В. Краткий очерк истории Абхазии. Ч.1. – Сухум. 1934. С.129.

Представляет большой интерес найденная в этом районе (в пос. Балан) уникальная бронзовая маска коня[1], очевидно, имевшая ритуально-парадное назначение. Она изготовлена из тонкого металлического листа. Очень точно передает рельефное изображение лошадиной морды: глаза, гриву и т.д. Безусловно, что такую роскошь мог позволить себе только воин-всадник и, притом, военачальник. Такая находка также свидетельствует, что в этом районе в древности могло проживать богатое и многочисленное племя. Многие исследователи район устья Кодора связывали с античным городом Диоскуриадою[2].

На карте Птолемея (II века н.э.) Диоскурия (Dioskurias) помещена юго-восточнее Коракса – Кодора[3], а еще юго-восточнее Гюэнос (Gyaneus). Дюбуа де Монпере писал, что на берегах речки Мармал (Искурия, Цхузамели) находятся руины, скрытые великолепными лесами (он пишет «мы видим»)[4]. А. Д. Нордман со своей стороны свидетельствует: «На мысе Оскурия видны следы

[1] См.: Kvirkvelia G. On the Early Hellenistic buriails of North-Western Colchis. – Archaologischer Anzeiger, Heft 1, 1995. – pp. 75 – 82; его же. Hoplite Armour in Colchis. – Phasis (Tbilisi State University, Institute of Classical Philology, Byzantology and Modern Greek Studies), №2–3, 2000, pp. 232–241.

[2] Мысль о местоположении г. Диоскурии на берегу бухты Скурча первым высказал Иерусалимский патриарх Досифей-Натара (а не Дюбуа, как пишут многие), а затем Шарден (1662 г.), Де-ла-Мотре (1712 г.), Броневский (1810 г.), Дюбуа (1838 г.) и др.

[3] См. карту в кн.: Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе Т. 1. – СПб. 1890. В послесловии к первому тому «Известий» В. В. Латышева читаем: «При составлении своей карты я искал только дать возможность читателям ориентироваться во взаимных отношениях и сообщениях Птолемеем географических и этнографических названий, не стремясь к полной точности воспроизведения его представления о сарматах (Латышев В.В. Известия... С. 946). Это дает нам возможность считать карту не дающей достоверных сведений о расположении интересующих нас географических объектов.

[4] Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа... С.150.

развалин древнего города Диоскуриас или Севастополя»[1]. Там же Дюбуа де Монпере указывает и на несколько абхазских селений[2]. Еще ранее, в 1817 г. Роттье видел на берегах реки Мармар руины города и рядом с ним абхазское селение Искурия[3]. Правда, французский путешественник Де ла Мотре, ожидая встретить здесь множество руин, увидел «только несколько колонн красивого глянца в двух мечетях и изуродованную голову статуи, найденную одним из жителей в своем винограднике». Там же у жителей он купил несколько монет (речь идет о монетах понтийского царя Митридата VI Евпатора – 132-63 гг. до н.э.), одна из которых была происхождением из Диоскурии[4].

В свое время старожил Сухума краевед В. И. Чернявский писал, что «у устья р. Кодор (Corax или Hipp древних)[5] верст 25 к

[1] Путешествие профессора Нордмана по Закавказскому краю. ЖМНП. №11.– Спб. 1838. С. 427. Карла Серена, пишет о «развалинах» древнегреческого города и об «обломках более позднего происхождения» (Карла Серена. Путешествие по Самурзакану и Абхазии. 1881 г. Рукопись. Архив Абхазского Государственного музея. Ф.3.Д.146.С. 370. Перевод с французского Р.Г. Крючкова).

[2] Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие... С. 150.

[3] Там же. С. 156.

[4] Там же. Ряд исследователей (М.М.Иващенко, Ю.Н.Воронов и др.) полагали, что Де ла Мотре видел указанные предметы в совр. Сухуме. Простая логика вещей в данном случае подсказывает, что если Де ла Мотре видел эти предметы на берегу Сухумской бухты, то тогда вряд ли Дюбуа для обоснования своей точки зрения о нахождении Диоскурии у Кодорского мыса стал бы вообще «хвалить» своего оппонента, видевшего вышеуказанные мечети с колоннами и диоскурийскую монету.

[5] На основе критического разбора сведений Флавия Арриана о Восточном Причерноморье, а также мнении К. Мюллера, Ф. Дюбуа де Монпере, Ф. Бруна и др., В. В. Латышев и М. П. Инадзе отождествляют р. Гипп Фл. Арриана с рекой Кодор (Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. Вып. XIX–XXX. – М. 1947–1949. С.396–397. Цит.по: Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия... С.102; Инадзе М.П. К истории Грузии античного периода (Флавий Арриан и его сведения о Грузии).

югу от Сухума, на наносном мысе, видны развалины древнего римского городка»[1]. М. Селезнев также писал, что «если с Драндского мыса следовать 9 верст по песку и голышу, то затем, вступив в лес, можно увидеть остатки развалин», которые он видел в 1837 году[2]. Здесь же он добавляет, что, возможно, их уже не существует.

Высадившийся на этой земле Шарден в 1672 году не увидел здесь ничего, кроме нескольких хижин. В этом нет ничего удивительного, так как в мае 1637 года в районе Кодорского мыса, турки высадили большой военно-морской десант и подвергли опустошению весь прилегающий район[3].

Об остатках каких-то построек и глиняных черепков на Скурче писал и К. Д. Мачавариани[4].

Археолог Б. А. Куфтин полагал, что единственным основанием в пользу расположения Диоскурии к югу от Кодора «является созвучие в названиях города Диоскурии и реки Скурчи (к северу от Кодора) и Скурчинской бухты, а также… абхазского селения Искурия в устье реки Мармар… или Цхузамели. Но одно это сходство являлось бы слишком недостаточным даже в том случае, если бы удалось доказать, что название Скурча не есть туземное слово, а отголосок греческой Диоскурии, так как перенос и повторение названия не является чем-нибудь необычным»[1].

В 80-е годы XIX века археологом В. Сизовым был произведен специальный осмотр местности, указанной Дюбуа де Монпере, на берегу бухты Скурча. Но его разыскания следов древней жизни «не были удачными: только в середине бухты на берегу был замечен земляной вал в несколько сажень длиной»[2]. Вал этот, по мнению Сизова, мог служить только защитой для легких судов во время бури, что весьма сомнительно, поскольку их можно было просто вытаскивать на сушу.

С 1973 года в спасательную службу ОСВОДА Абхазии поступали сообщения рыбаков о том, что неоднократно при соответствующей погоде они видели прямо с лодки на дне залива очертания каких-то сооружений.

В июне 1980 года в Скурчинском заливе, в районе с. Кындыг была проведена подводная разведка для определения расположения руин и их очертаний.

21 июня и 4 сентября 1980 г. в бухте Скурча аквалангистами были обнаружены плотные нагромождения булыжника. По утверждению искусствоведа А. К. Кация, это были руины каменных стен на известковой кладке[3]. Техника кладки (известковый рас-

---

Автореф. канд. дисс. – Тб. 1953. С. 16). Л.А. Ельницкий, посвятивший специальную статью вопросам локализации географических названий, упоминаемых Фл. Аррианом, также отождествляет Гипп с рекой Кодор (Ельницкий Л. А. Из исторической географии древней Колхиды // ВДИ. № 2(3). – М. 1938. С. 314–315).

[1] Чернявский В.И. Записка о памятниках Западного Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно. Протоколы подготовительного Комитета V археологического съезда в Тифлисе. – М. 1879. С.19.

[2] Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. Кн. II. – Спб. 1847. С.174.

[3] Хотелашвили М.К. Село Дранда. Рукопись. 1982 г. С.11.

[4] Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии. – Сухум. 1913. С.226.

[1] Куфтин Б.А. Материалы к археологии Колхиды. 1. – Тб. 1949. С.126. В связи с вышеизложенным, небезынтересно отметить, что в низовьях Кодора существуют две одноименные местности и речки под названием Скурча (Искурия). Соединенные названия этих географических точек на левом и правом берегах Кодора, т. е. две «Скурии», «Скурчи» переводятся как «Диоскурия» – «ди» в греческом «двойной» – в значении приставки (см.: Иллюстрированный словарь научных терминов и иностранных слов. – М. 1908. С. 250).

[2] Куфтин Б.А. Материалы по археологии Колхиды. 1... С. 128.

[3] Кация А. К. Скурчинский залив. Дневник. Рукопись. 1980 г. В обследовании объекта в заливе Скурча помимо А. К. Кация, приняли участие Ш.Д. Инал–Ипа, зам. директора АбНИИ; Г.К. Шамба, зав. отделом археологии АбНИИ; научные сотрудники Института – Л.А. Шервашидзе, И.И. Шамба, В.В. Бжания, О.Х. Бгажба.

твор с различными примесями) относится к позднеантичному (или генуэзскому) времени. Если это даже и так, то вряд ли римляне (или генуэзцы) создавали бы свои опорные пункты на пустом месте.

Развалины какого-то поселения обнаружены и в лесах Скурчи.[1] Согласно абхазской легенде, которую приводит Д. И. Гулиа, на этом месте в далеком прошлом располагался большой город[2]. В свою очередь и Ш. Д. Инал–Ипа приводит предание, согласно которому в местности Ашьашла в древности стоял город[3].

25 сентября 2001 года научная экспедиция АбИГИ в составе В.В. Бжания (руководитель экспедиции), Д.С. Бжания, З.Г. Хондзия, С.М. Сакания и автора этих строк в местности Ашьашла осмотрела и определила координаты городища, указанного М.М. Трапш. Экспедицией были уточнены местоположения могильников и поселений эпохи развитой бронзы, намечены объекты для последующих археологических исследований. Здесь же, в северо-восточной части одного из поселений, на поверхности распаханного поля, экспедиция выявила археологические находки: восемь каменных грузил, несколько обломков гранитных зернотерок, каменное пряслице.

В 2003 г. совместная археологическая экспедиция АБИГИ, Института археологии РАН, Географического факультета МГУ, Магнитогорского госуниверситета и Управления охраны историко-культурного наследия Абхазии были продолжены исследования по теме «Историческая и палеогеографическая реконструкция Кавказского побережья Чёрного моря в античную эпоху». Основные работы экспедиции были сосредоточены на территории Сухумской бухты и междуречья Кодор–Моква. Экспедиция,

---

[1] Хотелашвили М.К. Античная ручная мельница из Скурчи... С.54; «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении». Под общей редакцией П.П. Семенова (Вице-председателя Императорского Русского Географического Общества). Том девятый. Кавказ – С.-Петербург – Москва. 1883. С.120.

[2] Гулиа Д.И. Собрание сочинений. Т. 6. – Сухуми. 1986. С.315.

[3] Инал–Ипа Ш.Д. О топонимике Очамчирского района. Рукопись. 1949г. С.19.

в частности, приступила к составлению «археологической базы данных» в сс. Моква, Тамыш, Атара, Адзюбжа. Одновременно в с. Адзюбжа изучался жилой холм (городище), описанного М.М. Трапш. Здесь были открыты культурные слои эпохи поздней бронзы – раннего железа. В результате шифровки юго-восточной части холма были выявлены обломки бытовой и текстильной керамики VIII—VII вв. до н.э.[1].

К сожалению, множество различных бронзовых и железных предметов, в том числе древние монеты, находимые крестьянами в различных пунктах Абжуа во время полевых работ, во многих случаях дети, не понимая их ценности, обращали в игрушки.

§ 2. Древнее население региона

На территории Юго-Восточной Абхазии с древних времён упоминаются этнические группы кораксов, апсилов и мисимиан.

Кораксы, как и ряд других этнических объединении древней Абхазии, видимо, покрывались собирательным названием гениохов[2].

---

[1] Горлов Ю.В., Бжания Д.С. Работы совместной экспедиции Абхазского института АНА и Института археологии РАН//XLVIII итоговая научная сессия АБИГИ. Тезисы докладов. – Сухум. 2004. С. 24.

[2] Многоплеменные гениохи и страна Иганиехи (у южного побережья Чалдырского озера) фигурируют также в урартских источниках (764–735 гг. до н.э.). Принято считать, что с названием иганиехи урартских надписей связано название гениохов античных источников, упоминающих гениохов как в Абхазии, так и у истоков Аракса и на юго-востоке Чёрного моря, в районе современных местечек Атины и Ризе, и что гениохи античных источников являются потомками иганиехов урартских царских текстов (см. напр.: Инал–Ипа Ш. Д. Вопросы этно-культурной истории абхазов. – Сухуми. 1976. С.182). Существовала вместе с тем ещё одна страна (Махелония), связанная с гениохами – на побережье Каспийского моря (Инал–Ипа Ш.Д. Указ.соч. С.186). Интересно, что все гениохи или политические образования гениохов локализуются у воды, на побережье.

Вопрос о том, кто есть гениохи, упоминаемые в источниках, начиная с середины первого тысячелетия до н.э. и почти до середины первого тысячелетия н.э., представляет собой сложную научную проблему. В разное время ею занимались П.Услар, Н. Марр, И. Орбели, Д. Гулиа и др. Рассматривает вопрос о гениохах и проф. Ш. Д. Инал–ипа: Слово «ениохос», – поясняет учёный, – по-гречески буквально значит «держащий за повод», отсюда «возчик», «возничий», «извозчик», «кучер», иногда «тот, кто сражается на колесницах». На основании такой этимологии некоторые авторы считают возможным говорить, что в лице гениохов мы имеем не отдельное особое племя, а профессиональных возчиков, специально занимавшихся торговыми перевозками в соответствующих прибрежных и других пунктах. Так, Н. Квезерели-Копадзе, резюмируя свой взгляд по вопросу о гениохах, пишет, что в «обстановке массовых перевозок из различных районов Северного Кавказа к Абхазскому побережью Чёрного моря и обратно была создана в античный период целая система торговых путей с возчиками», что обширностью этой торговли вызывалась необходимость в целой армии возчиков, формировавшихся из местных жителей, которых античные авторы якобы могли принять за отдельную этническую группу населения. Однако с этой довольно искусственной точкой зрения, трудно согласиться. Имеющиеся исторические источники дают основание не сомневаться в том, что под гениохами древние авторы понимали, очевидно, не группу профессиональных возчиков, а, по всей вероятности, многоплеменную причерноморскую кавказскую этническую среду»[1].

Видный учёный – ученик Н. Я. Марра – профессор Г. Ф. Турчанинов в своей книге «Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа», в которой специально исследован данный вопрос, пишет: «Слово «гениох» – которое звучало по-абхазски «гьаныуаҳә» показывает род занятий части населения –

[1] Инал–Ипа Ш.Д. О мореплавании в Абхазии в античный период и феодальную эпоху // Труды АбИЯЛИ. Вып. XXX. – Сухуми. 1959. С. 74.

пиратство. Абхазский компонент этого слова подчёркивает, что гениохи были абхазами»[1].

Известно, что древние греки (как и другие народы) имели традицию называть племена по их месту жительства, по роду занятий или по каким-то иным признакам. Античные источники разных веков упоминают гениохов в разных регионах Восточного Причерноморья, в частности, в районе современного Сочи, Питиунте, в окрестностях Диоскурии, Фасисе, в районе Трапезунта. Коль скоро гениохи населяли разные места побережья Чёрного моря и «были опасны для высадки купцов и переселенцев»[2], очевидно, тем и другим трудно было совершать «путешествия» вдоль восточного и юго-восточного побережья Чёрного моря без проводников-возничих из туземцев-гениохов[3]. Определённым указанием в пользу этого положения служит тот факт, что в те времена, греки, предпринимая плавания по Чёрному морю, за плату приглашали лоцманов-варваров[4]. Гениохи занимались торговыми перевозками и на суше, но не только вдоль абхазского побережья, но и на Северный Кавказ и обратно по важнейшему древнекодорскому торговому пути[5]. Следует в этой связи ещё раз вспомнить и свидетельство Тимосфена о том, что в Диоскурию в птолемеевское время с торговой целью сходилось до 300 представителей разноязычных народов, а римляне постоянно держали там 130 переводчиков. Сколь бы преувеличенным ни было это сообщение, очевидно, что торговля здесь в античный период имела международный размах и ничего удивительного нет в том, что была необходимость «в целой армии возчиков, формировавшихся из местных жителей».

Первыми сведениями об этническом союзе кораксов мы обязаны автору VI в. до н. э. Гекатею Милетскому: «Кораксы племя

[1] Турчанинов Г.Ф. Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа. – М. 1999. С. 14.
[2] История древнего мира. Ч. 2. Греция и Рим. – М. 1982. С.41–42.
[3] Гулиа Д.И. Собрание сочинений. Т. 6... С. 65.
[4] Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. №3. – М. 1949. С.263.
[5] Маан О.В. Из истории судоходства в Абхазии // Абхазоведение. Вып. 1. – Сухум. 2000. С.165–166.

колхов, вблизи колов. Кораксийская крепость и кораксийская страна»[1]. Более определенные сведения о них дает анонимный автор IV в. до н.э. (Псевдо-Скилак Кариандский), который перечисляя племена Кавказского Причерноморья, среди прочих народов называет и кораксов: «… за иниохами народ кораксы, за кораксами народ колика»[2]. Диоскурию и Гюэнос аноним увязывает с колхами. Далее, римский автор I в. н.э. Плиний Секунд помещает кораксов вблизи «колхского города Диоскуриады»[3].

В литературе неоднократно высказывалось мнение относительно отождествления реки Коракс (или Корак) Птолемея и реки Кодор[4].

---

[1] Латышев В.В. Известия древних… С.2.

[2] Латышев В.В. Известия древних… С.85; Скилак Кариандский. Перипл Обитаемого моря. Перевод с древнегреческого и комментарии В.Ф. Шелова–Коведяева // ВДИ. №2. – М. 1988. С.266.

[3] Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии… С.134.

[4] См.: Воронов Ю.Н. К вопросу о локализации кораксов и их крепости в Абхазии // ВДИ. 3. – М. 1968. С.140; см. также: карту в кн.: Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т.2. – СПб. 1904.; Бутба В. Ф. Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуйцу». – Сухум. 2000. С.82–83; Шамба Г. К. Абхазия в I тысячелетии до нашей эры… С.146–148 и др. Ряд других авторов (Иващенко М. М. Великая Абхазская стена // Известия АБНО. Вып. 4. – Сухум. 1926. С. 69; Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. 1… С.102, 104; Ломоури Н.Ю. Из исторической географии древней Колхиды // ВДИ. № 4.–М. 1957. С.106) придерживаются мнения, что Коракс древних это не река Кодор, а древнее русло р. Бзыбь, и на этом основании помещают кораксов в бассейне последней реки. В частности, по мнению Н.Ю Ломоури, кораксы локализовались «примерно в Бзыбском ущелье» (Ломоури Н.Ю. Абхазия в античную и раннесредневековую эпохи.– Тб. 1997. С.8). Разумеется, не исключено, что и в Бзыбском ущелье могли размещаться представители (или некоторая часть) этого племени, так как между истоками рек Чхалта (правого притока реки Кодор) и Бзыби примерно 2-3 км, а в радиусе 5-7 км от них находятся истоки рек Амткиала, Восточной Гумисты и Келасура. Здесь же пролегали естественные перевальные тропы, которыми пользовались скотоводы. Там же проходил и Марухский перевальный путь (Маан

Вслед за большинством исследователей, мы также полагаем, что основное местоположение кораксов располагалось скорее всего по реке Кодор (по Ю.Н. Воронову в среднем течении Кодора, где находится крепость, сопоставляемая им с Кораксийской)[1]. Кроме того, Птолемей упоминает на реке Коракс населенный пункт Наана, что соответствует современному с. Наа на берегу реки Кодор[2]. Необходимо в этой связи обратить внимание и на то, что абхазы называют Малый Кодор – Кудры вторым наименованием Куараш (абх. Ҟәараш). А в верховьях Кодора и поныне существует озеро Куараш, и вытекающая из нее одноименная река Куараш – правый приток р. Чхалта. Само название Куараш с абхазского языка переводится как «белокаменный берег» (от «аҟәара» – берег, русло[3], и «ш» – указание на беловатость камня). По Д. И. Гулиа, «ҟәара» исторически означало «камень». Он же предполагает, что по названию стены (каменной) греки стали называть и местное племя «кораксиенами» (ҟәарашаа)[4]. Таким же образом или по созвучию с этим названием (Ҟәараш) античные авторы, видимо, называли и реку Куараш Кораксом. При этом можно допустить, что отсутствующий в греческом языке звук «ш» мог быть заменен на «с» или на сочетание «кс», что подтверждает потомок понтийских греков, гражданин Абхазии Н.

О.В. К вопросу о племени кораксов // XLV итоговая научная сессия АбИГИ. Тезисы докладов. – Сухум. 2001. С. 31). Серьезным аргументом в пользу подобного предположения служат данные археологов, согласно которым, уже с середины 1-го тыс. до н.э. на довольно большой территории, примерно в междуречье Кодор–Гумиста, в верховьях рек прослеживается сравнительно однородная материальная культура, которая могла быть оставлена кораксами (Шамба Г.К. Абхазия в I тысячелетии… С.147).

[1] Воронов Ю.Н. К вопросу о локализации кораксов и их крепости в Абхазии… С. 142.

[2] Инал-Ипа Ш.Д. Вопросы этно-культурной истории абхазов… С.181; Бутба В.Ф. Племена Западного Кавказа… С.83; Шамба Г.К. Абхазия в I тысячелетии… С.148.

[3] Словарь абхазского языка. Т. 1. – Сухуми. 1986. С. 392.

[4] Гулиа Д.И. Собрание сочинений. Т.6… С. 149.

Патулиди. Поэтому, исходя из сказанного, вряд ли должна вызывать сомнение связь названия реки Коракс с племенем кораксов.

Античные историографы начала н.э., писавшие о кораксах, помещают их как в горной полосе, так и на побережье. Так, автор первого века н.э. Помпоний Мела сообщает, что часть Кавказских гор называлась Кораксийскими[1]. Упомянутый выше Плиний Секунд, дающий наиболее конкретную локализацию кораксов, сообщает: «…и кораксы с… городом Диоскуриадою…»[2]. Из чего следует, что «кораксы частично занимали и побережье Абхазии»[3], являясь, таким образом, жителями вообще бассейна реки Кодор. Подтверждением тому может служить и ныне существующая в нижнем течений Кодора местность, которая и сегодня называется неабхазским населением Корас(и), хотя, конечно, следует отдавать себе отчет в том, что использование топонимического материала, когда это касается отдаленного прошлого, требует большой осторожности [4].

Кораксы в источниках фигурируют либо рядом с гениохами, либо относятся к гениохам. По Плинию Секунду, «Кир берет начало в Гениохийских горах, которые другие называют Кораксийскими»[1]. Сам этноним «кораксы» – «вороны», иногда равнозначный этнониму «гениох», возник, по-видимому, на основе греческой этимологизации какого-то местного наименования, возможно совмещенного с мифологическими ассоциациями[2].

Автор III в.н.э. Дионисий, на территории, где локализуются кораксы (в узком значении) называет «страну тиндаридов», в которой видят «милетскую колонию Диоскуриаду»[3], некоторые же авторы названия тиндариды, тиндары связывают с названием Даранда, Дранда[4]. Поскольку Тиндарей, согласно греческой мифологии, был отцом Диоскуров, «то, надо полагать, под Тиндаридами подразумевалось либо население собственно Диоскуриады и ее хоры, либо одно из окрестных гениохийских племен, скорее всего, кораксы»[5].

Уточнением этнической номенклатуры Апсилии античными авторами объясняется замена названия населения Юго-Восточной Абхазии – кораксы на апсилы. Некоторые исследователи увязывают кораксов с апсилами, считают, что у древних авторов эти названия являются синонимами[6].

Ю. Н. Воронов возражает З. В. Анчабадзе, который отождествляет кораксов с апсилами и санигами[7]. В основе возражения ле-

---

[1] Латышев В.В. Известия… Т. II. – Спб. 1904. С. 117.
[2] Воронов Ю.Н. К вопросу о локализации… С.139.
[3] Воронов Ю.Н. Диоскуриада - Себастополис - Цхум. – М. 1980. С.147.
[4] На наличие топонима Кораси в нижнем течении реки Кодор первым указал проф. Ш. Д. Инал–Ипа, увязав это название с Куараса (Кәараса – по абх. «горлица») (Инал–Ипа Ш.Д. Вопросы этно-культурной истории… С. 181). Следует еще раз отметить, что в верховье реки Кодор абхазское название гидронима Куараш сохранило свой первоначальный облик, благодаря тому, что иноземцы обычно не селились в предгорной и горной частях Абхазии, тогда как в низовье реки сохранилось (название местности) в форме Корас(и). Иноэтничное население, которое, как правило, селилось на побережье моря и по нижнему течению рек, на побережье переиначивали местные абхазские названия на свой лад. Считаем совершенно справедливым, что Корас(и) в 1996г. постановлением Парламента Республики Абхазия было переименовано в Куараш (ныне с. Куараш) (см.: газ. «Апсны». 30 июля 1996г. (на абх.яз.).

[1] Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия… С.35.
[2] Воронов Ю.Н. Археологическая карта Абхазии… С. 59, 75; его же. Древности Военно-Сухумской дороги. – Сухуми. 1977. С.16. Имя кораксов звучит также в названиях реки Кораканды, озера и города Корокондамы на Таманском полуострове, западнокавказского горного кряжа Корак и одноименной пограничной между Сарматией и Колхидой реки, мыса Коракс в Крыму, горного хребта Коракссит в северо-восточной Малой Азии, в имени божественных братьев Кораков (Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия… С.35).
[3] Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия… С.35.
[4] Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1. – М. 1823. С. 295; Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель… С. 114; Гулиа Д.И. Собрание сочинений. Т. 6… С. 312.
[5] Воронов Ю.Н. Диоскуриада – Себастополис… С. 47.
[6] Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии… С. 134.
[7] Там же. С. 134.

жит несходство, как полагает Ю.Н. Воронов, апсилийской и т.н. пацхирской, т.е. кораксийской керамики. Он локализует кораксов в среднем течении р. Кодор, где, как указывалось, находится крепость, сопоставляемая им с кораксийской и где, по его мнению, на рубеже н. э. произошла смена культуры кораксов культурой апсилов[1]. Однако, как полагает Ш. Д. Инал–Ипа, мнение которого мы разделяем, различия в керамике, пожалуй, не являются столь резкими, они могут быть объяснены разновременностью её производства, (тем более, что археологический материал представляет собой поверхностный сбор), а вместе с тем и локальными особенностями одного и того же этнического происхождения.

Основываясь на показаниях источников, исследователи полагают, что в I–II веках н. э. апсилы заселяли значительную часть северо-западной Колхиды от районов, прилегавших с севера к Фасису (совр. Чхороцку и др.) до Себастополиса. Наиболее чёткие сведения относительно VI века н. э. по этому вопросу сохранил Прокопий Кесарийский, локализовавший апсилов по побережью Чёрного моря от того места, где береговая линия резко поворачивает на запад (юго-восточнее совр. Очамчиры) до крепости абасгов Трахеи (совр. Новый Афон), а их пределы в горах определивший до границы с аланами, т.е. до перевалов Большого Кавказа[2].

Апсилы создали знаменитую цебельдинскую культуру, ядро которой находилось в Кодорском ущелье (М. М. Трапш, Ю. Н. Воронов, Г. К. Шамба и др.). Здесь же проходила Даринская дорога, одно из ответвлений Великого шелкового пути в VI–VIIIвв. (О. Х. Бгажба и др.).

Ближайшим к апсилам племенем, а может быть, даже в известном смысле частью апсилийской этнической группы являлись мисимиане.

Согласно сообщению византийского историка VI века Агафия Миринейского, мисимиане «живут… севернее народа апсилиев и

[1] Воронов Ю.Н. К вопросу о локализации кораксов… С. 141.
[2] История Абхазии… С. 46–47.

несколько восточнее»[1]. Причём Тзибила (совр. Цебельда) являлась апсилийской крепостью, находившейся недалеко от страны мисимиан. Выше Тзибилы Агафий указывает также укреплённое место Тцахар[2]. Согласно этим данным, мисимиане локализовались в Кодорском ущелье[3]. По мнению Ю. Н. Воронова, исходя из основных характеристик, данных Агафием, Тцахар локализуется на месте укрепления на горе Пскал (левобережье Кодора, на территории с. Джгиарда). Поскольку в цебельдинском секторе, по его мнению, отсутствует иная возможность локализации Тцахара, напрашивается закономерный вывод о том, что, и поскольку Пскальская крепость входит в число основных памятников цебельдинской культуры, речь может идти лишь о тесной этнокультурной связи мисимиан с апсилами, разрыв между которыми был обусловлен главным образом, вероятно, географическими условиями (ущелье Кодора)[4]. Последнее замечание полностью согласуется и с сообщением Агафия о том, что апсилы близки мисимианам «по образу жизни»[5].

Вместе с тем ряд исследователей (Ц. Н. Бжания, Ш. Д. Инал–Ипа, М. М. Гунба и др.) не согласны с отождествлением главной крепости мисимиан Тцахары с Пскальской крепостью, и считают, что вероятнее отождествление Тцахары с абхазским названием реки, источника и селения Адзгара (Азгара) в верховьях р. Кодор. Причём и реку Чхалта также иногда называют Адзгара, что в переводе с абхазского означает «мелководье». У слияния Адзгары с р. Сакен, в с. Чхалта, находятся на утёсе развалины древней двухъярусной крепости[6], которая специально никем ещё не исследована. Мнения о том, что мисимиане локализовались выше

[1] Агафий. О царствовании Юстиниана. – М.–Л. 1953. С. 87; Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины… С. 150; Инал–Ипа Ш.Д. Вопросы этно–культурной истории… С. 226; Бутба В.Ф. Племена Западного Кавказа по «Ашхарцуйцу»… С. 130–131.
[2] Бутба В.Ф. Племена Западного Кавказа… С. 130–131.
[3] Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины… С. 150.
[4] Там же.
[5] Инал–Ипа Ш.Д. Вопросы этно-культурной истории… С. 241.
[6] Там же. С. 241.

апсилов («севернее Цебельдинской крепости») придерживается и Г.К. Шамба[1].

Касаясь этнической принадлежности мисимиан, Ш. Д. Инал–Ипа, также совершено объективно утверждает этническое родство мисимиан с апсилами. В частности, он говорит, что «апсилы были родственны мисимианам и ничем особенным не отличались от них по языку и обычаям», «мисимиане и апсилы говорили на общем, не требующем перевода языке», что вытекает из соответствующего контекста сочинения Агафия[2].

§ 3. Архитектурные памятники раннего и зрелого средневековья (VI – XIV вв.)

Памятники зодчества Абхазии раннего и зрелого средневековья – источники чрезвычайно богатой информации о религиозной и культурной стороне жизни её населения. Будучи одновременно памятниками культурного строительства, они дают ценнейшие сведения о создавшем их обществе, об его идеалогии, художественных вкусах и т.д. эпохи.

На территории исторической Апсилии известно несколько десятков храмов, крепостей, дворцов раннего и зрелого средневековья. Они являют собой значительный вклад местного населения в сокровищницу мировой культуры. Заслуживают особого внимания наиболее значительные, и некоторые из малоизученных сооружений, главным образом, церковных и фортификационных.

Необходимо подчеркнуть, что торгово–экономические и культурно-исторические связи Апсилии с греками и римлянами, а затем и с Византией, наложили определенный отпечаток на развитие местной культуры и религии, а господство в прибрежных частях в этот период раннеклассовых отношений с достаточной социально-экономической базой, привели, как известно, к началу

[1] Шамба Г.К. Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии. – Сухуми. 1970. С. 80.

[2] См.: Агафий. О царствовании Юстиниана... С. 87. См. также: Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии... С. 13–15.

новой важнейшей вехи в историческом развитии Абхазии – сравнительно быстрому проникновению и распространению главным образом на побережье новой мировой религии – христианства.

С начала IV века на территории Абхазии была образована древнейшая парикия (Д. Дбар), о чем свидетельствует участие питиунтского епископа Стратофила на Первом Вселенском Соборе в Никее (на территории Малой Азии), состоявшемся в 325 году.

На территории Апсилии наиболее важными центрами христианства являлись Севастополис (совр. Сухум), Цибилиум (Цебельда), Зиганис (Гудава), Дранда и др. Ещё в V или начале VI в. в Зигане были выстроены первые сооружения для отправления христианского культа. А уже к VII в. здесь имелась епископская кафедра[1]. На территории древнего Гюэноса была выявлена однонефная церковь с двумя пристройками, датируемая рубежом V–VI вв. Особо следует отметить, что здесь был обнаружен золотой четырёхугольный крестик[2]. К VI в. относится и величественный Драндский собор, по мнению ряда исследователей, ставший важным культурно-политическим, стратегическим и религиозным центром Апсилии, где находилась резиденция епископа[3].

Драндский храм принадлежит к купольным сооружениям, в котором созданы своеобразная пространственная структура, напоминающая Софию Константинопольскую. Это наталкивает на мысль, что ее создатель или прибыл из Византии, или если он ме-

[1] Амичба Г.А. Культура и идеология раннесредневековой Абхазии (V–X вв.) – Сухум. 1999. С. 18.

[2] Там же; Хрушкова Л.Г. Абхазия. Краткий исторический очерк. – М. 2003. С. 16.

[3] Хотелашвили М. К., Якобсон А. Л. Византийский храм в с. Дранда / Абхазия // ВВ. Т.45. – М. 1984. С.192. Отдельный оттиск. Ю.Н.Воронов, считая наиболее основательными по Драндскому храму работы А.Л.Якобсона и В.А.Леквинадзе пишет: Исследователь (В.А. Леквинадзе) поддержал мою точку зрения, согласно которой Дранда являлась резиденцией сначала архиепископа Себастополя, через который осуществлялся контроль над Апсилией, а с XI века и верховного пастыря уже объединенной Абасгии (Воронов Ю. Н. Древняя Апсилия... С.300–301).

стный, то побывал в Константинополе[1]. Все христианские храмы того времени воздвигались в черте укреплений (Гагра, Пицунда, Анакопия, Зигана и др.). В центре Дранды (Цкыбына), вероятно, находилось не сохранившееся к настоящему времени укрепление, которое могло быть выстроено еще в позднеантичный период[2].

Стены Драндского собора, церквей в Цибилиуме, Гюэносе и др. возводились из камня и кирпича на прочном известковом растворе, полы покрывались водонепроницаемой цемянкой, крыши перекрывались черепицей, карнизы выкладывались фигурным кирпичом, окна делались широкими. Наружная строгость зданий подчёркивалась внутренним великолепием мраморной отделки, мозаик, фресок, резьбы по камню, колоннад, сидений, алтарей, гробниц – мощехранилищ, преград, крещален, церковной утвари (золото, серебро, медь, стекло).

Об отношении местного населения к Драндскому собору, один из авторов середины XIX века сообщал, что «окрестные жители-абхазцы, не только христиане и магометане, но даже не исповедующие никакой религии…имеют особое уважение к этому храму и во всех важных случаях прибегают к нему. Очень часто у дверей его зажигают восковые свечи, приносят в храм все найденное ими: подкову, гвоздь, камушек, ремешок»[3].

Как и во всех крупных замках, крепостях и церквах, Драндский собор имел подземное сообщение с рекой Кодор. К северо-востоку от храма, в 250-300 м у подошвы обрыва имелись три подземных выхода, два из которых были объединены целой сетью коридоров, идущих довольно глубоко внутрь горы. Подземные ходы имели площадки, ниши в стенах и сводчатые потолки, высотой в 2-2,5 м. Третий ход вел внутрь горы к храму[4].

---

[1] Кация А.К. Абхазская архитектура. Рукопись. 2002 г. С. 5.
[2] Хотелашвили М.К. Село Дранда… С. 14.
[3] Саблин С. Древний собор в Драндах // Газ. «Кавказ». №8, 1846г.; Успенско-Драндский общежительный монастырь в Абхазии, на Кавказе, близ г. Сухума. Историко-археологическое описание Епископа Агафодора. – Ставрополь. 1894. С. 19.
[4] Адзинба И. Е. Архитектурные памятники Абхазии. – Сухуми. 1958. С.72.

Очевидно, что Драндский собор, являясь одним из крупнейших церковных владений, расширял монастырские земли и увеличивал численность своих верующих. Собору со второй половины XIX века принадлежало 300 дес. земли, «он вел широкую торговлю лесом и скотом, а на монастырских землях трудились послушники и крестьяне близлежащих сел[1]. Собор, как видно, являлся не только важным христианским, но и торговым центром. Окрестное же население, находясь в постоянном страхе из-за угрозы быть угнанными в рабство, сами искали себе церковного покровительства как наиболее надежного. Немало было и лиц, просивших у церкви временного приюта, которые также превращались в зависимых и обязывались выполнять феодальные повинности в пользу своих покровителей, а кроме того, для церковных крестьян строго обязательной являлось несение военной службы[2]. Несомненно, что Драндская церковь, обладая значительной материальной базой, становилась и объектом нападений. Такое произошло в мае 1637 года, когда около устья Кодора турки высадили военно-морской десант[3]. М.Селезнев, со ссылкой на источник 1605 года, пишет, что из всех христианских церквей Абхазии «к началу XVII века оставался только невредимым один Драндский монастырь, где соединялись остатки христианства Абхазии»[4]. О том, что Драндская епархия прекратила свое функционирование в первой половине XVII века может свидетельствовать и следующий факт: антиохийский патриарх Макарий, пребывавший в Мегрелии (1664–1665 гг.) ничего не сообщает о посещении им храма, в то же время соседей мегрелов – абхазов,

---

[1] Адзинба И. Е Архитектурные памятники… С. 78; Пачулиа В.П. Абхазия. – Сухуми. 1976. С. 124.
[2] Антелава И.Г. К вопросу о феодальных отношениях в Абхазии в XVII–XVIII веках // ТАГМ. Вып. 1.– Сухуми. 1947. С. 68, 70.
[3] Чачхалиа Д. Хроника Абхазской церкви // Газ. «Абхазия». №1 (29). 1994 г.
[4] Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. Кн. III. – Спб. 1850. С.76; Смыр Г. В. Религиозные верования и свободомыслие у абхазов (Этнокультурологические аспекты). Дисс. на соискание учён. ст. докт. ист. наук. – Майкоп. 1997. С. 128.

изъявивших желание принять христианство, он поручил окрестить бедийскому епископу, а не драндскому[1].

В период интенсивного храмового строительства наряду с Драндским и другими большими храмами сооружались, как известно, и рядовые церкви. На левом берегу Кодора, в трех километрах от его устья, была построена одна из таких церквей, которая была приписана к Драндскому собору. Церковь была сооружена на месте существовавшего здесь языческого святилища мореходов Ага-ныха. Поскольку она была облицована известняковыми плитами, местное население назвало её Мармал-абаа (мраморное сооружение).

Церковь имеет два входа: западный и южный боковой вход и одно окно с восточной стороны. Внутри алтарная часть церкви представляет в плане полукруг, а снаружи – прямоугольник.

От церкви сохранились три стены, а четвертая, северная, полностью развалена. Но сохранились свод и часть конхи. Полностью развалился западный притвор – от него остались лишь фундамент и некоторые фрагменты. В плане это довольно вытянутый четырехугольник размером 7х11м, в который вписаны почти квадратное зальное помещение и примыкающее к нему полукружие алтаря с глубокими нишами по бокам. Очертания церкви строги и правильны.

На внутренней стороне стен, которые, несомненно, были оштукатурены, нигде не сохранились следы фресок, хотя можно с уверенностью сказать, что с таким мастерством построенная церковь не могла быть не расписана[2].

Краевед И. Адзинба, исследовавший церковь в 30-е годы XX века, до того, как исчезла облицовка и декоративное убранство, свидетельствует о том, что облицовка камнем хорошей тески подтверждается остатками стен, найденными здесь в 1939г. и фрагментом – орнаментированный кусок капители. Как видно, церковь была богато оформлена, с применением мрамора в отделке и оборудовании, что подтверждается названием самих развалин[1]. По-видимому, И. Адзинба исходил из названия, которым окрестило местное население развалины. А В. П. Пачулиа пошел еще дальше – он утверждал, что «храм был облицован мраморными плитами»[2]. Это, разумеется, не соответствует действительности[3]. Исследователь же скульптуры раннесредневековой Абхазии Л. Г. Хрушкова, исходя из местного названия церкви, считает, что «в древности сооружение, видимо, было украшено мрамором»[4].

В 1888 году Мармал–абаа посетил русский архитектор А. М. Павлинов, который пишет, что в толще стены апсиды находились «глиняные горшки большого размера, напоминающие голосники». По стенам полукружные поперечные арки и коробоватые своды, которыми перекрыта церковь… пустоты с остатками древесины… в которые, вероятно, были вставлены концы поперечных связей. С западной стороны находилась входная дверь: перед ней была небольшая пристройка… «Юго-восточнее храма виден фундамент еще какого-то продолговатого здания»[5]. Краевед И. Адзинба отнес Мармал-абаа к такому же типу церквей, что и на горе Пскал (с. Джгиарда), в Абаа-хыбе (с. Гуада) и в Куланба (с. Арасадзых), т.е. к числу сооружений X века[6]. Искусствовед А. К. Кация, занимавшийся последующим исследованием Мармал-абаа, утверждает, что нынешние развалины церкви являются частью более древнего и значительного храма и укрепления, о чем свидетельствуют фрагменты крупных стенных блоков, характерные для строительного мастерства VIII–X вв., и резные детали с орнаментикой, исполненные в технике, свойственных тому времени. В планировке и конструкции церкви прослеживаются и византийские архитектурно-строительные традиции. Вполне воз-

---

[1] Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии… С. 296.
[2] Кация А.К. Мармал-абаа – архитектурный памятник средневековья. Рукопись. 1958 г. С. 7.

[1] Адзинба И.Е. Архитектурные памятники Абхазии… С. 75.
[2] Кация А.К. Мармал–абаа – архитектурный памятник средневековья… С. 8.
[3] Там же.
[4] Хрушкова Л.Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. – Тб. 1980. С. 18.
[5] Воронов Ю.Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. – М. 1978. С. 110–111.
[6] Адзинба И.Е. Архитектурные памятники Абхазии… С. 75.

можно, что Мармал-абаа построили территориально-патронимические общины, исповедовавшие христианство. При замкнутости феодального хозяйства целесообразнее было использовать в строительстве подручные материалы (главным образом, местный камень, известняк, гранит, мрамор), а не доставлять их извне[1]. Очевидно, церковь функционировала до 40-х годов XVII века.

К сожалению, память старцев не сохранила, кому она была посвящена и по какой причине покинута. Однако причина, по всей вероятности, была связана с появлением в XV–XVI вв. на абхазском побережье турок-османов (в 1637 г. высадивших десант около устья Кодора), которые стремились утвердить здесь свое господство и мусульманскую религию и, в частности, изгоняли священников, в связи с чем Мармал-абаа пришла в запустение[2].

По неполному списку памятников культуры Юго-Восточной Абхазии между реками Кодор и Ингур насчитывается более трёх десятков зальных церквей. Среди них особое место занимает Илорский храм Св. Георгия IX–X вв. в одноимённом с. Елыр (Илори). Он выделяется из числа ординарных зальных сооружений своими значительными особенностями: размерами, конструктивными решениями и архитектурными формами. Храм окружён каменной оградой из булыжника с воротами, увенчанными колокольней. Церковь – однозальная, с внутренним алтарным полукружием. Помещение перекрыто каменным сводом на арках, которые опираются на выступающие из стен массивные пилястры, и освещается пятью окнами. Зал имеет три входа – с севера, запада и юга. В кладку наружных стен вставлено несколько плит с надписями, а также резное изображение креста и императора Диоклетиана, признанного святым. Выложенный из булыжника, храм облицован плитами, поверх которых нанесена штукатурка с фресками. Илорский храм, по свидетельству А. К. Кация, является типичным для своего времени образцом, на котором выявляются технические и художественные приёмы, утверждавшиеся в

[1] Черняк В.В. Уроки старых мастеров. – М. 1989. С. 83, 85.
[2] Маан О.В. Очерки истории и культуры населения низовьев реки Кодор. – Сухум. 2004. С.39.

строительном деле Абхазии в период зрелого средневековья. Видимо, Илорская церковь в прошлом представляла собой большую купольную церковь. Нынешняя же была сооружена из развалин старого храма[1].

На территории Абжуйской Абхазии расположен пятинефный крестово-купольный Моквский собор. Он был построен во второй половине X в. абхазским царём Леоном III (955–967 гг.). В «Летописи Картли» по поводу сооружения Моквского собора сообщается, что Леон III «…построил церковь в Мокве и учредил (в ней) епископскую кафедру, освятил её и снабдил полным распорядком»[2]. По сохранившимся сведениям, собор изнутри был очень богато украшен. Его стены покрывала редкая по искусству фресковая роспись (фрагменты которой сохранились и сегодня). Посетивший Мокву в 1659 году иерусалимский патриарх Досифей видел здесь надпись, согласно которой храм был «расписан при императоре Алексее Комнине, при великом абхазском царе Давиде»[3]. То есть в конце XI – начале XII века.

В конце XVII в. Моквский собор был покинут. Известный кавказовед М. И. Броссе, посетивший эти места в 1848 г., оставил интересное описание собора: «Обширные размеры корпуса церкви, опутанного сетью ползучих растений, его кровля, превращенная в воздушный сад, его прекрасный купол, удлинённый высокими стволами деревьев, – всё это приводит зрителя в удивление. Внутри стрелою уходящие столбы из превосходно вытесанного камня… помост, весь устланный белым мрамором без пятен: осколки цветного стекла: остатки карнизов с замечательною резьбою свидетельствуют о большом великолепии и об искусстве, достигшем высокой степени совершенства. Прекрасная галерея окружает главный корабль до столбов купола: кирпич употреблён во всём здании в одних лишь сводах между столбами. К сожалению, паперти обрушились, в окнах выбиты стёкла, помост по-

[1] См.: Кация А.К. Илори. – Сухуми. 1963.
[2] Амичба Г.А. Культура и идеология раннесредневековой Абхазии (V – X вв.)… С. 45.
[3] Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу… С. 343.

крыт на полфута сором… вне храма большая колокольня… вправо руины помещения епископа, влево маленький придел, обвалившийся и опутанный растительностью…»[1]. В 60-х годах XIX века храм был отремонтирован, пол вымощен заново известняковыми плитами, с запада возведён придел, а на куполе сооружена маленькая ротонда[2].

Во второй половине XIX века Моквский собор был превращён в усыпальницу – здесь похоронен последний владетельный князь Абхазии Михаил Чачба (Шервашидзе), его сын Георгий – поэт и общественный деятель, абхазские военачальники, служившие в русской армии[3].

В 1985 г. научной экспедицией АБИЯЛИ под руководством Ю. Н. Воронова и О. Х. Бгажба в Моквском соборе выявлен фундамент храма более древнего, чем пятинефный, который предварительно был датирован VI веком. К этому периоду относятся найденные там же фрагменты мраморной колонны и капитель с раннехристианскими символами, а также резная плита с изображением евангельской сцены. Эта плита была использована в качестве строительного блока при возведении нынешнего пятинефного храма[4].

Ценным памятником архитектуры Абхазии зрелого средневековья является Бедийский собор, сооружённый в XI веке. Ещё с конца X в. Бедиа становится одним из важных религиозных центров Юго–Восточной Абхазии. В самом начале XI века к северу от небольшой однозальной церкви был возведён крестово – купольный собор.

Стены храма снаружи и изнутри облицованы гладкими песчаниковыми плитами. В интерьере они были покрыты довольно богатыми фресковыми росписями, в которых на южной стене хорошо сохранились изображения Баграта III, группы светских лиц

---

[1] Броссе М. История Грузии. – Спб. 1848. С. 263.
[2] Воронов Ю.Н. В мире архитектурных памятников… С. 118.
[3] Пачулиа В.П. Древняя, но вечно молодая Абхазия. – Сухуми. 1991. С. 83.
[4] Сакания С.М. Моквский храм. Параллели Византии и Киевской Руси // XLIV итоговая научная сессия АБИГИ. Тезисы докладов. – Сухум. 2000. С. 24–26.

рошо сохранились изображения Баграта III, группы светских лиц и орнаментальные мотивы. Весьма интересны фрески XIV века, среди которых выделяются Ветхозаветная троица в алтаре, полосы с медальонами и евангельские сцены – («Христос и Самаритянка», «Исцеление слепого») на северной стене, фигура Константина и другие фрагменты – на западной стене. Также интересны древнегрузинские надписи на ободке и на ножке знаменитой бедийской золотой чаши (хранящейся ныне в Музее искусств Грузии в Тбилиси). Есть надписи на стенах храма, откуда мы узнаем, что Бедийский храм был выстроен абхазским царём Багратом и матерью его Гурандухтой в честь Влахернской богоматери, что в Бедии жил епископ, который управлял паствой на обширной территории – вплоть до реки Ингур[1].

Среди архитектурных сооружений Абжуйской Абхазии следует отметить памятники горы Пскал. Здесь, на вершине горы, расположены мощные крепостные стены с панцирем из грубых полутораметровых известковых глыб. Кольцо стен охватывает площадку, на краю которой у 100-метрового обрыва находятся белокаменные руины небольшой, прямоугольной в плане церкви X в. На её стенах видны фрагменты орнаментированных плит, относящихся к более раннему храму. Среди изображений – фигура человека, солнце, геометрические орнаменты[2]. Здесь также найден обломок камня с греческой надписью.

Размеры самого Пскальского укрепления невелики: общая длина её стен – 125 м, охваченная ими площадь составляет 650 кв.м. Толщина стен до 2 м, высота до 4 м. В северо-западной части стена укреплена квадратной башней. Крепость имела два входа. Первый – со стороны перешейка, второй – в сторону поселения, на юго-восток. Подступ к крепости труден – тропа на протяжении 290 м проходит по узкому (до 4–10 м) скальному перешейку, соединявшему вершину Пскала с окрестными горами[3].

---

[1] Пачулиа В.П. Древняя, но вечно молодая Абхазия… С. 294; Воронов Ю.Н. В мире архитектурных памятников… С. 131–133; Амичба Г.А. Культура и идеология раннесредневековой Абхазии… С. 45.
[2] Адзинба И.Е. Архитектурные памятники… С. 88–89.
[3] Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины… С. 37–38.

Судя по обильным находкам древней посуды, среди которых – обломки стеклянных сосудов, металлический шлак, кости животных, местные поселенцы, по крайней мере, с конца IV – начала V в. н. э., использовали это укрепление[1].

Крупнейшим оборонительным сооружением исторической Апсилии является крепость Цибилиум или Тзибила[2] византийских источников VI в. По Прокопию Кесарийскому, «… в этой стране есть крепость в высшей степени укреплённая: местные жители называют её Тзибилой»[3].

Крепость расположена на двух известковых утёсах, спадающих 100-метровыми обрывами к реке Кодор. Оба утёса соединены узким перешейком. Внешняя линия обороны охватывала их полукругом, длиной до 350 м. Высота основных крепостных стен – 8–10 м, ширина – до 2,5–3,5м. Сложены они облицовочной кладкой с заполнителем из ломаного камня на простом растворе. В западной части крепости высится 16-метровая квадратная башня, сложенная из крупных гладко обработанных блоков, положенных в ряды в духе римско-византийских традиций, на прочном известковом растворе.

На этом же утёсе сохранились остатки ещё одной квадратной башни, а также развалины двух параллельных стен. На вершине второго утёса толщина крепостных стен достигает местами 3,2 м. В этом месте, для обеспечения внешней линии обороны также была построена прямоугольная в плане башня, размером 6х6х4м: высота её стен достигает 8 м[4]. Строительство крепости началось в III в. н. э. и продолжалось до VI–VII вв.

Прокопий Кесарийский сообщает о событиях, имевших место в крепости Тзибил в VI в.

Персы, стоявшие лагерем в Колхиде, мечтали завладеть Тзибилой. С помощью предателя – военачальника Тердета – им удалось без труда войти в крепость. Но вскоре предводитель персов стал домогаться жены начальника крепости. Когда же она отказала ему, перс без колебания применил насилие. Муж апсилийки в ярости ночью убил насильника и всех, кто вошли с ним в это укрепление и сам завладел укреплением[1].

Примером крепостных сооружений зрелого средневековья (X–XIII вв.) является Атарская (или Кодорская) крепость – оборонительное сооружение, расположенное в с. Атара[2]. Слева от крепости, в двух метрах, к реке спускался отвесный обрыв, достигавший более 50 м. С остальных трёх сторон подступиться к крепости было несложно и поэтому вдоль её стен был прорыт ров. Длина западной стены крепости 62 м, восточной – 65 м, северной – 68 м, южной – 35 м. Площадь крепости около 5 тыс.м. Ширина крепостных ворот – 2,4 м. С права от выхода стоит квадратная боевая башня, площадью 10х10 м и высотой 15 м. Толщина фундамента, на которую опирались стены крепости и башня достигала до 2 м, толщина же стен крепости – 1,6–1,8 метра, высота стен от 5 до 10 метров[3]. Возведены стены из булыжника, поднятого сюда окольными тропами от русла реки[4]. Крепость имела узкий проход к реке. Саму крепость в народе называют «апсха ибаа», т.е. «крепостью царя абхазов».

В позднесредневековый период Кодорская крепость принадлежала одному из абжуйских князей Чачба (Шервашидзе). Князь использовал её не только как укрепление, но и как тюрьму, куда заточал непокорных ему подвластных[5].

---

[1] Воронов Ю.Н. В мире архитектурных памятников… С. 111.
[2] Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Главная крепость Апсилии. – Сухуми. 1986.
[3] Прокопий из Кесарий. Война с готами. – М. 1950. С. 403.
[4] Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Главная крепость Апсилии… С.20–23, 29, 32 и др.; Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины… С. 32–34.

[1] Прокопий из Кесарий. Война с готами… С.403; Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Главная крепость Апсилии… С. 4–5.
[2] Хашба В. Атарская крепость // Журн. «Апсны аказара» (Искусство Абхазии). 1. – Сухуми. 1986. С.8 (на абх. яз.).
[3] Хашба В. Атарская крепость… С.9.
[4] Воронов Ю.Н. В мире архитектурных памятников Абхазии… С.111.
[5] Пачулиа В.П. В краю золотого руна. – М. 1968. С.58; его же. Древняя, но вечно молодая Абхазия… С.287–288.

О фортификационном искусстве средневековых зодчих Абхазии можно судить по оборонительному сооружению Нарджхьоу на одноимённой горе, в 5 км к востоку от г. Ткуарчал[1].

Крепость Нарджхьоу с севера и востока ограничена 200-метровыми обрывами, а с юго-запада – мощной стеной, протянувшейся более чем на 1 км. Существовала и вторая, теперь сильно разрушенная внутренняя линия стен. Часть сохранившейся наружной стены высотой до 3–6 м с внешней стороны имеет прямоугольные выступы и углубления с рядами бойниц. Им с тыльной стороны соответствует боевая дорожка. Стена была укреплена несколькими башнями, имела сложную воротную систему, а изнутри к ней примыкал ряд больших прямоугольных зданий казарменного типа. Наиболее интересна юго-восточная башня, в которой сохранилось три этажа. Стены крепости Нарджхьоу сложены из известняка, снаружи подтёсанного, а в башнях использовался кирпич. Время возведения этих сооружений пока неизвестно. Их конструкция, а также найденные здесь обломки древней посуды очень разнохарактерны, что говорит о длительном использовании сооружений вплоть до позднего средневековья[2]. Крепость Нарджхьоу в народе связывается с обществом нартов[3].

Как указывалось выше, всю юго-восточную территорию Абхазии охватывает Келасурская или Великая Абхазская стена.

В ходе археологических изысканий последних десятилетий установлено, что общая длина Абхазской стены составляет до 100 км. Эта линия прослеживается от устья р. Келасур до правобережья р. Ингур. Наиболее укреплён левый берег р. Келасур, где, помимо башен и соединяющей их стены, были сосредоточены основные гарнизонные укрепления. Большое внимание строителями стены также было уделено заграждению выходов из ущелий, по которым проходили тропы из долины Кодора. Начиная от реки Моквы, число оборонительных сооружений резко сокращалось и практически сходило на нет в районе Ткуарчала. Далее, до Ингура, на протяжении 40 км, зафиксированы лишь четыре отдельно стоящие башни. Келасурская стена не была сплошной[1]. Её строители хорошо использовали рельеф местности. Из 58 км основной линии лишь 25 занимала стена[2]. На участке от устья Келасура до р. Геджыра, (западнее Ткуарчала), разрывы в стене составляют в общей сложности 33 км.

По мнению М.М. Трапш в оборонительную систему Абхазской стены входили крепости Речабаа, Абаажваху, Ахаруа (Оджиха), расположенные в современных Ткуарчальском и Гальском районах. Кроме того, в той или иной степени с Келасурской стеной он связывал сохранившиеся к северу от предгорной полосы остатки жилых и хозяйственных построек, развалины церквей, крепостей (храм Киач–ныха IX–Хвв. в с. Джгиарда, в 3 км к северу от стены: Лашкиндар – Нарджхьоу в с. Ткуарчал, в 2 км от стены) и другие следы поселений и человеческого жилья[3].

Из 280 башен в системе Абхазской стены большее количество приходится на участок Келасур–Ткуарчал. В большинстве случаев, по-видимому, возводились сначала башни, а затем между ними встраивалась стена. Расстояние между башнями колеблется от 40 до 120 м. Там же, где сплошная стена отсутствовала по условиям местности, это расстояние доходило от 300 до 1000 и более метров. Все башни имеют четырёхугольную в плане форму с наружными размерами 7х8 или 8х9 м, а высота их достигает 4–6 м. Как и вся стена, башни сооружены из крупного булыжника, необработанного или ломаного известняка[4]. Каждая башня имела вход. Двери обрамлялись массивными прямоугольными брусьями и запирались на засов бревном. Ширина дверей не более 1,2 м, высота 1,7 м.

---

[1] Трапш М.М. Труды. Т. IV. Материалы по археологии средневековой Абхазии. – Сухуми. 1975. С.181; Адзинба И.Е. Архитектурные памятники... С.128; Пачулиа В.П. Падение Анакопии. Легенды Кавказского Причерноморья. – М. 1986. С. 149.

[2] Воронов Ю.Н. В мире архитектурных памятников Абхазии... С.125.

[3] Трапш М.М. Труды... Т. IV. С. 181–182.

[1] Воронов Ю.Н. Келасурская стена //СА. №2. – М. 1973. С. 101.

[2] Там же. С. 106.

[3] Амичба Г.А. Абхазия в эпоху раннего средневековья... С.138.

[4] Воронов Ю.Н. Келасурская стена... С. 109, 111.

Стена, соединявшая башни, сохранилась лучше всего у устья реки Келасура, в районе пос. Чегем (с. Джгиарда), и в ущельях Дваба (с. Члоу) и Улыса (сс. Отап, Арасадзых). Высота её составляет в среднем 4 м, толщина у основания – до 2 м, сужающаяся вверху – до 1 м. В местах пересечения стеной троп, ведущих в глубь гор, в ней делались ворота, по форме мало отличавшиеся от башенных дверей. Другим видом оборонительных сооружений Келасурской стены являются рвы и валы, наиболее заметные следы которых сохранились в районе Чегема. Глубина и ширина рвов достигает полутора метров[1].

Вопрос о дате возведения и роли Келасурской стены давно дискутируется.

Ряд историков время её сооружения относит к началу раннего средневековья (VI в.). Ю. Н. Воронов и некоторые другие исследователи, в том числе грузинские, строительство памятника относят к позднему средневековью (XVII в.)[2].

Для принятия за истину последней точки зрения, вряд–ли имеются объективные и достаточные фактические данные. Уже хотя бы потому, что Арк. Ламберти писал о «деревянной крепости», построенной Дадиани только в «одном месте», тогда как Келасурская стена является исключительно каменным сооружением, длиной не в 60 тыс. ламбертиевских шагов, а около 100 км. К тому же Мегрелия в то время простиралась только до р. Кодор, а стена, как известно, начинается у устья р. Келасур. Надо полагать, что основы строительства Келасурской стены, продолжавшей функционировать вплоть до XIXв., были заложены в период раннего средневековья[3].

---

[1] Воронов Ю.Н. Келасурская стена... С. 109.

[2] Воронов Ю.Н. Келасурская стена... С. 119–121. См. также: Бгажба О. Х. Где проходила «Клисура» Джуаншера? // Абхазоведение. Вып. II. – Сухум. 2003. С. 62–68.

[3] Шамба Г.К. По следам древностей Восточной Абхазии (Гальский р–н) // Абхазоведение. Вып. 1. – Сухум. 2000. С. 9.

§ 4. Регион в XIV-XVII веках

Со второй половины XIII в. и почти до конца XV в. на процесс культурно-исторического развития абхазов, как и соседних адыгов, определенное влияние оказывали генуэзцы, так как Северное и Восточное Причерноморье являлись в указанное время важнейшими объектами колониальной экспансии Венеции и Генуи. Итальянцы преследовали, главным образом, торгово-экономические интересы, и с конца XV в. их фактории из пунктов эпизодических сделок превращаются в центры регулярного торгового обмена.

Генуэзские фактории располагались на завершении крупных континентальных и речных путей, в удобных для навигации и стоянок бухтах и заливах, где и происходило подавляющее большинство коммерческих сделок[1]. На побережье Абхазии были основаны следующие фактории: Севастополис (Сухум), Какари (Гагра), Санта–София (Алахадзы), Пеконда (Пицунда), Каво-ди-Буксо (Гудаута), Никоффа (Анакопия), Таманса (Тамыш), Коробендия[2] (Очамчира) и др. В числе генуэзских факторий, располагавшихся на территории современной Абхазии, близ мыса Кодор (Gotto), были также фактории Цикаба (Цкыбын-Дранда)[3] и Исгаур (Скурча)[4]. В этой связи необходимо отметить, что на карте Майоло 1519 года район устья Кодора назван «Каво зизибар»[5]. Название cava (cavo) с итальянского переводится как «карьер»,

---

[1] Кация Р.Н. Итальянские колонии на Черноморском побережье Кавказа и их взаимоотношения с местными народами (конец XIII–XV вв.). Дисс. на соискание учен. ст. канд. ист. наук. – М. 1985. С. 38.

[2] Кация Р.Н. Итальянские колонии... С. 40.

[3] Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. – Сухум. 1922. С. 136; Кация Р.Н. Итальянские колонии на Черноморском побережье... С. 40.

[4] Чачхалиа Д. К. Через века и расстояния (к истории итало-абхазских отношений) // «Колокол». (Общественно–политический, научно-публицистический, литературно-художественный журнал). № 4. – Сухум. 2001 г. С. 21.

[5] Цит. по: Хотелашвили М.К. Село Дранда... С. 11.

«копи»: cava di pietra – «каменоломня»: cava di sabbia – «песчаный карьер»: cava di marmo – «мраморный карьер» и т.д.[1]. Что касается названия «Каво зизибар», то вторая часть слова «зизибар», по фонетике не итальянское слово, это скорее интерпретация на иноземный лад какого-то местного, абхазского наименования, о чем говорят следующие примеры: абхазское название Анакопиа генуэзцы передают как Анакофо, Пицунда – Пеконда, Гагра – Какари, Трабзон – Трапизонда и т.д. На основании сказанного, можно не сомневаться в том, что «зизибар» это не что иное, как переиначенное на итальянский лад трудновыговариваемое название Адзюбжа и его варианты – Ад-**зиб**-ж-**ар**-а, Авид-**зиб**-ж-**ар**-а (кстати, абхазское название воды – «адзы» – в итальянском языке передается через «зи»). Следовательно, в дословном переводе «Каво зизибар» означает «Адзюбжский карьер»[2]. Это указывает на то, что генуэзцы в районе устья Кодора что-то разрабатывали и вывозили в свой главный центр в Черноморье Каффу (совр. г. Феодосия в Крыму). Нелишне напомнить, что в этом районе, согласно геологическим исследованиям, имеются россыпи магнетитовых песков высокого качества, мергелистых глин и др. Надо полагать, из района Адзюбжи – Скурчи генуэзцы вывозили главным образом древесину самшита (см. ниже). Наличие на карте в исследуемом районе пункта «Адзюбжский карьер» само собой указывает на существование там и генуэзского поселения. Заслуживает в этой связи внимания то обстоятельство, что в 1980 г. в заливе Скурча в районе с. Кындыг, были выявлены вышеотмеченные руины каменных стен на известковой кладке, относившиеся, по мнению специалистов, к позднеантичному или генуэзскому периоду.

Около с. Тамыш, как указывалось, была основана генуэзская торговая фактория Таманса или «Санто–Томассо». По мнению

[1] Скворцова Н.А., Майзель Б.Н. Итальянско-русский словарь. – М. 1977. С.158; Русско-итальянский учебный словарь. – М. 1990. С. 226.

[2] По аналогии с «Каво зизибар», «Каво–ди–Буксо» (название г. Гудаута) означает «Самшитовый карьер», но не указываемый в письменных источниках его перевод как «Пальмовая (самшитовая) гавань».

Р.Н. Кация, название этому поселению было дано в честь Фомы Аквинского (1225–1275), который был канонизирован в 1323 г. Как предполагает Р.Н. Кация, фактория «Санто–Томассо» могла быть основана только после 1323 г., около села, которое ещё до прибытия генуэзцев называлось Тамыш[1], и что название самому сеттльменту итальянцы дали по созвучию с этим абхазским топонимом. И уже по созвучию с «Санто–Томассо» этот торговый район наименовали грузинским словом «Сатамашо», что в переводе означает «место для игрищ», «ярмарка». На основании произведённых на территории этого памятника разведочных работ, определения его топографии и стратиграфии, автор делает вывод о том, что судя по архитектуре сооружения и найденным в шурфе материалам, время постройки и функционирования «Санто–Томассо» следует отнести к эпохе деятельности генуэзских негоциантов на территории средневекового Кавказа, а наличие бойниц для огнестрельного оружия указывает на XIV–XVвв.[2].

Поселения представляли собой, по-видимому, обнесенный стеной участок города с торговыми конторами, гостиными дворами, магазинами, жилыми домами, защищенный высокими оборонительными башнями[3]. Фактории управлялись консулом или комендантом. Чиновники и гарнизон слагались из латинян, закрепившихся на постоянное жительство. В конце XIV века поселениями, наряду с консулами, управляли небольшие постоянные советы, состоявшие из представителей торговой аристократии латинского происхождения. Местная знать в эти советы не допускалась, у нее была возможность принять участие в одной из многочисленных временных комиссий, которые под надзором вышестоящего органа принимали решения по тем или иным секторам деятельности: администрирование, снабжение, вопросы обороны и т.д. В границах поселения проживали лишь те из аборигенов, кто непосредственно служил у генуэзцев (переводчики, различного рода прислуга, матросы). Генуэзцы привлекали в сферу своей деятельности торговцев, ремесленников, прислугу,

[1] Кация Р.Н. Итальянские колонии... С. 168.

[2] Там же. С. 173.

[3] Фадеев А. В. Краткий очерк... С. 110.

корабелов, различного рода мелких служащих из числа местного населения. Обычно эта категория населения селилась вокруг самой фактории. Основная масса местного населения исключительно занималась земледелием, скотоводством и рыболовством. Среди местных жителей были владельцы крошечных фрахтовых судов и лодок. Они перевозили грузы на короткие расстояния[1].

Важное значение для генуэзских купцов имел Кодорский путь (бывший Даринский). По этому пути купцы доставляли свои товары на Северный Кавказ и в Поволжье – в Золотую Орду. В числе разнообразных товаров, ввозившихся в Абхазию (часть из которых затем отправлялись далее), были ткани (сукно, холст, лен, шелк), хлопок-сырец, ковры, изделия из железа, соль, специи (имбирь, шафран, горчица), благовония (ладан, амбра), рыба, рис; в меньшей мере – вино и растительное масло; сушеные фрукты; украшения (в том числе кораллы), мыло, пеньковые веревки и канаты, особые сорта мехов; драгоценные металлы, включая обработанные, а также дорогая стеклянная посуда. Вся эта продукция доставлялась преимущественно морем в портовые фактории, оседала на складах и оттуда, по мере необходимости, расходилась по побережью и в глубь Кавказа. Основными потребителями предметов роскоши (например, ковров), дорогих французских и ломбардских тканей, популярных на Кавказе сабельных клинков с инкрустацией или гравировкой, дорогого оружия была местная знать[2].

Одним из экспортных товаров, вывозившихся генуэзцами в XIII-XV вв. из Абхазии, была древесина самшита и бука, – корабельный лес. В Геную и другие города Средиземноморья и Причерноморья поступали и предметы караванной торговли (драгоценные металлы и камни, шелк, меха), из товаров местного происхождения – кожи, в том числе необработанные звериные шкуры; мед, воск, смола, зерно и др. Основным же источником доходов генуэзских купцов была торговля рабами. В этом отношении Исгаур и Севастополис, являлись важнейшими на абхазском побережье невольничьими рынками. «Живой товар» генуэзцы отправляли как на рынки Средиземноморья, так и в Золотую Орду.

[1] Кация Р.Н. Итальянские колонии... С. 72, 85, 95, 104.
[2] Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии... С. 245.

По свидетельству К. Д. Мачавариани, развалины крепостей, храмов в районе распространения факторий указывают на большую плотность населения, на оживленное торговое общение с Западом и на зажиточность жителей[1].

В первой половине XIV века, после распада единого Абхазо-Грузинского государства, начались междоусобные войны, которыми воспользовались бывшие воеводы, а затем уже владетельные князья, чтобы еще больше упрочить свою власть в подчиненных им владениях. Один из таких усилившихся феодалов – мегрельский правитель Г. Дадиани – в первой половине XIV в. вторгся в юго-восточные области Цхумского воеводства и силой присоединил к своим владениям его территорию вплоть до Анакопии[2]. Между тем владетельные князья Абхазии Чачба (Шервашидзе) при первом удобном случае готовы были восстановить свое владычество в Юго-Восточной Абхазии. На это Дадиани отвечал карательными действиями. Мегрельский правитель, помимо захваченной территорий, претендовал на абхазские земли вплоть до реки Бзыбь[3].

В течение XIV–XVвв. политические границы Абхазии и Мегрелии то расширялись, то сужались за счет территории друг друга. Несомненно, что на причины и характер неоднократных передвижений политических границ и вообще серьёзных этнодемографических изменений в Юго-Восточной Абхазии в позднесредневековую эпоху, своё влияние оказало и нашествие турок в Абхазию в 1440 году, как об этом сообщает турецкий учёный первой половины XIX в. Фераизи[4]. Ш. Д. Инал–Ипа полагает, что с разгромом «абхазов и апшилов» турками связаны многочисленные коллективные захоронения в Абжуйской Абхазии (сс. Тхина,

[1] Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель... С. 239.
[2] Анчабадзе З.В. Очерк этнической истории абхазского народа. – Сухуми. 1976. С. 65.
[3] Там же. С. 66.
[4] Шенгелия Н.Н. Османские источники истории Грузии XV–XIX вв. – Тб. 1974. С. 126, 251 (на груз. яз.).

Ткуарчал и др.)[1]. С этого времени начинается и переселение значительных групп абхазоязычного населения на Северный Кавказ[2]. Письменные источники подтверждают, что граница между Мегрелией и Абхазий к 70–м годам XVII века проходила уже по нижнему течению реки Кодор.

По свидетельству Арк. Ламберти, жившего в Мегрелии в 1633–1650 годах, «границей Колхиды со стороны абхазцев или абасков служит река, называемая местными жителями Кодором (Coddors), а по моему мнению, он и есть древний Коракс»[3]. В другом месте он пишет, что у Мегрелии две границы – Корач (Кодор) и Фазис (Рион)[4]. Относительно Драндского (Dandra) монастыря, Ламберти отмечает, что эта епископская церковь находится «на реке Кодоре, на границе с Абхазией»[5]. Завершая свою характеристику рек Колхиды, он снова обращает наше внимание на Кодор, но уже как на этнически пограничную реку. «Последняя из всех рек Коддорс (Кодор): это, должно быть, Кораче, потому что вся Колхида расположена между Фазисом и Кораксом, и совершенно так, как Фазис отделяет Мингрелию от Гурии, так и Коракс отделяет ее от Абхазии, а как за Фазисом мингрельский язык сразу сменяется грузинским, так за Кораксом сменяется абхазским. Отсюда ясно, что Коддорс мингрельцев есть древний Коракс, потому что сейчас после переправы через Коддорс живут абхазцы (Abcassi) со своим особенным языком»[6].

Комментируя эти сообщения Арк. Ламберти, проф. Ш. Д. Инал–Ипа предполагает, что тогда «в результате ряда военно-политических акций одишских (мегрельских) владетелей, начиная с Сабедиано, мегрелами было занято морское побережье на левой стороне нижнего течения Кодора»[7].

---

[1] Инал–Ипа Ш.Д. О моём народе, его истории и Отечестве // Газ. «Советская Абхазия». 16 сентября 1989 г.
[2] Инал–Ипа Ш.Д. Ступени к исторической действительности… С. 144.
[3] Ламберти Арк. Описание Колхиды… С. 2.
[4] Там же. С. 88.
[5] Там же. С. 128.
[6] Ламберти Арк. Описание Колхиды… С. 200–201.
[7] Инал–Ипа Ш. Д. Ступени… С. 52.

Хотя Ламберти нигде прямо не говорит, что он был в Абхазии, но сведения о ней и ее жителях, рассыпанные по книге, описания природы, этнографического быта, занятий и пр., заставляют думать, по мнению Ш.Д, Инал-ипа, что автор (Ламберти) «по-видимому путешествовал частично и среди абхазов, скорее всего в Самурзакани и Абжуа. Ибо он хранит полное молчание о каких-либо привлеченных информаторах или других источниках информации по Абхазии, которыми он мог бы пользоваться»[1] .Тем не менее Ламберти, надо полагать, пользовался сведениями информаторов. Это видно на том примере, что когда Ламберти пишет о жене Левана Дадиани - абхазской княжне Шервашидзе, то он лично ее не знал, так как появился в Мегрелии через пять лет после ее высылки в Абхазию, и, тем не менее, характеризует ее положительно «со слов знавших ее»[2]. Очевидно, таким же образом, он мог получать сведения об Абхазии, со слов знавших ее информаторов, проживавших в Мегрелии. «Но что до самого. Кодора, - пишет Ш.Д. Инал-ипа - Ламберти не приходилось добираться видно из следующих его слов: «Переправа через Рион и Кодор без помощи лодки невозможна, потому, что они очень широки и глубоки. Как известно, «очень широкой и глубокой» река Кодор не является, в обычное время ее легко переходили не только верхом, но и пешком... в отличие от Риони (Фазиса), которую он подробно описал, ибо «видел собственными глазами», чего нигде не сказано в отношении Кодора[3].

В середине XVII века в грузинских официальных документах принято было считать, что эта политическая граница проходила по Кодору и эту официальную версию, как видно, принял на вооружение Ламберти. Другими словами, по Ламберти, за Драндским монастырем (нанесенном на карту Мегрелии XVII в., на правобережье Кодора) «начиналась» в его время собственно Абхазия. Согласно З. В. Анчабадзе, в состав Мегрельского княжества входили и некоторые пункты, расположенные непосредственно к западу от Кодора[4].

---

[1] Инал-ипа Ш.Д. Ступени… С. 53.
[2] Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии… С. 262
[3] Инал-Ипа Ш.Д. Ступени… С. 52 – 53.
[4] Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии… С. 295.

Разумеется, приводя сведения Ламберти и его характеристику политических и особенно этнических границ Абхазии и Мегрелии в рассматриваемое время, надо иметь ввиду, что он прежде всего являлся миссионером, прилагавшим, как и другие миссионеры, разносторонние усилия для восстановления в Мегрелии сильно пошатнувшихся там устоев христианства и христианских нравов. Поэтому, очевидно, он стремился услужить Левану II Дадиани, чтобы перевести его на свою сторону для обращения в католицизм, почему и пожертвовал семнадцатью годами своей жизни, прожив их в Мегрелии. Свою работу «Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией» Ламберти писал не столько для Мегрелии, сколько для папы Урбана VIII, по поручению которого он и вел свою миссионерскую службу. Когда Ламберти пишет, что политическая и языковая граница Мегрелии проходила по Кодору, он показывал папе, что тем самым он выполняет более высокую миссию, чем на него было возложено. Указывая в своей работе, что он излагает там «только верные факты», Ламберти хочет, чтобы не было сомнений в том, что написанное им - это правда. Из того, что он в своих обследованиях (если даже он частично бывал в некоторых пунктах Самурзакани и Абжуа), не доходил до Кодора, видно, очевидно, что он не хотел обострять отношений с Дадиани, так как в противном случае он должен был писать истину о виденном в Абхазии. Примером того, что Ламберти хотел услужить Дадиани является и то, что хотя Леван Дадиани в 1628 году прошелся по Абхазии «огнем и мечом» и опустошил ее, тем не менее Ламберти характеризует его как «великодушного и благородного», «добрейшего человека». Надо иметь ввиду, что в первое время, когда Ламберти явился в Мегрелию, для быстрого ознакомления со страной, надо полагать, пользовался свидетельствами благожелательно относившихся к мегрелам иностранцев, и затем уже дополнял эти сведения сообщениями местных информаторов и личными наблюдениями.

Французский путешественник XVII века Жан Шарден, прибывший в Изгаур (Скурчу) 10 сентября 1672 года, пишет: "Коракс (Corax) и Фазис (Phasis) реки, прославленные древними историками, называемые теперь Кодур и Рион, составляют ее (Мегрелии) границы. Первая отделяет ее от Абхазии, вторая – от Имеретии»[1]. Об Исгауре Шарден пишет, как о «мингрельском рейде», и «главном рынке Мингрелии». О Кодоре, Шарден хотя и пишет, как о пограничной реке между Абхазией и Мегрелией, однако в некоторых местах создается впечатление, что речь об этой реке идет не как об этническом рубеже, а как политической границе между двумя княжествами, что собственно Мегрелия начиналась на Ингуре («Лангур», по его терминологии) и простиралась далее на восток[2]. Из контекста разговора итальянского монаха Цампи, предостерегавшего Шардена от поездки «в злую и дикую страну» вытекает, что Мегрелия по существу начинается не там, где ведется беседа, то есть в Исгауре, а дальше на Ингуре, где служил и сам итальянский миссионер, пригласивший к себе французского путешественника и ознакомивший его с местными условиями. То, что Мегрелия начиналась не на Кодоре, а в основном на Ингуре, следует из беседы Шардена со своими спутниками на исгаурском рейде: «Я сказал отцу Цампи, что несчастья, которые могут встретиться нам в Мингрелии…», «…с утра до вечера приходит множество абхазцев и мингрельцев», следуя в Мингрелию «мы рискуем подвергаться опасностям только в течение четырех дней, в каковой срок достигнем безопасного места», «направляясь из Исгаура в Анарги "(Анаклию)" близ устья Ингури, называемой туземцами Лангур, мы сели в лодку со всем багажом нашим и товарами, закупленными на сто экю по моей просьбе отцом Цампи, как человеком, знающим, что имеет сбыт в Мегрелии»[3]. Таких примеров из путевых записок Шардена можно привести еще немало. Исходя из сказанного Ш. Д. Инал–Ипа вполне резонно замечает: «И мог ли он (Шарден. – О.М.), находясь в Исгауре, если бы этот пункт являлся мегрельским, говорить о поездке в Мегрелию. Иными словами, как можно отправляться в Мегрелию, пребывая в той же Мегрелии? Если путешественник пишет о «несчастьях, которые могут встретиться ему в Мингрелии», то он знает, что еще не добрался до этой страны. К этой же мысли склоняет и такая его фраза: «Следуя же в Мингрелию, мы

---

[1] Инал-Ипа Ш.Д. Ступени… С. 61.
[2] Там же. С. 63.
[3] Там же.С. 65.

рискуем подвергаться опасностям только в течение четырех дней». Выходит, что им нужно было еще четыре дня (по тогдашним временам), чтобы доехать с грузом из Исгаура до настоящей Мегрелии. А подчеркнутое указание Шардена о том, что «с утра до вечера приходит множество абхазцев и мингрельцев», свидетельствует, вероятно, о том, что в левобережных окрестностях Исгаура находились уже, в то время как абхазские, так и мегрельские селения»[1].

Таким образом, из анализа сведений Шардена совершенно однозначно вытекает, что фактически настоящая Мегрелия начиналась не на Кодоре, а на Ингуре.

Что касается указания Шардена о том, что Исгаур являлся «главным рынком Мингрелии», может означать, что, хотя абхазы проживали в окрестностях Исгаура, они, за исключением отдельных лиц, не выходили на рынок с торговыми целями, т. е. торговля была сосредоточена в руках мегрелов. Следует отметить, что, поскольку последним особо нечем было торговать, то они являлись, скорее всего, покупателями товаров, завозимых в Исгаур. Поэтому Исгаур являлся мегрельским рынком (что касается осевших в Исгауре мегрелов, то они являлись, надо полагать, торговыми посредниками). Именно по названным здесь причинам Исгаур и назывался мегрельским рынком, а не потому, что Исгаур входил в состав Мегрелии.

В начале XVIII века Турция предприняла широкомасштабные операции против Абхазии – по суше и морю. Несмотря на сопротивление, турки к 1723 году взяли под свой контроль все прибрежье и заняли крепости Поти, Анаклию и Сухум, где в том же году начали строить крепость. Позже Мегрелия, воспользовавшись поддержкой турков, продвинула свои границы до Кодора. Согласно данным Пейсонеля, абхазы вернули Исгаур еще в 1762 году, а в «Географическом месяцеслове» (1776 год), в очерке А. Гюльденштедта (где приводятся подробные сведения о морской торговле Восточного Причерноморья и в том числе в Абхазии)

[1]Инал-Ипа Ш.Д. Ступени... С. 65–66.

сообщается, что граница между Абхазией и Мегрелией проходила на Изгауре, приблизительно в 20 верстах от Сохум-кале[1].

По мнению З. В. Анчабадзе, к середине II тыс. н.э., когда мегрельские феодалы отторгли от Абхазии значительную часть ее юго-восточной территории, здесь появляется постоянное мегрельское население, а с течением времени территорию Юго-Восточной Абхазии, вплоть до реки Кодор, мегрелы «сумели даже этнически освоить»[2], что именно в этот период (XIV–XV вв.) территории «между Галидзгой и Кодори, в их приморской и предгорной частях, стали интенсивно заселяться мегрельскими элементами, ассимилировавшими ту часть абхазского населения, которая здесь оставалась»[3]. Иными словами, по З. В. Анчабадзе, часть территории Абхазии между Галидзгой и Кодором с XIV–XV веков стала заселяться мегрелами, ассимилировавшими часть коренного абхазского населения. В междуречье Кодора – Ингура в тот период, по мнению проф. Ш.Д. Инал-Ипа, не наблюдалось значительных миграционных процессов, т.е. радикальной смены населения[4]. Свидетельством тому может служить топонимический материал. Из зафиксированных нами более чем 2 тыс. топонимов и микротопонимов Абжуа, мегрельских топонимов, по мнению языковеда В. А. Касландзия и других специалистов-абхазоведов, сравнительно немного. По их мнению, примерами мегрельских топонимов служат Цкургили[5], Олагуана[6], Набешь,

[1] Берадзе Т.Н. Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии. – Тб. 1989. С. 135.
[2] Анчабадзе З.В. Очерк этнической истории... С. 65–67.
[3] Там же. С. 66–67.
[4] Инал–Ипа Ш.Д. Ступени... С. 144.
[5] Постановлением Парламента Республики Абхазия, в 1998г. населенный пункт Цкургили (в районе бухты Скурча) получил наименование Скурча.
[6] Правда в литературе высказано мнение, согласно которому Лагуана, происходит от латинского Lacuna, что означает «трясина», «топь», «впадина» (см.: Хагуш Б.А. Вопросы топонимики в абхазском языке // Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики. – Сухум. 2000. С. 263 (на абх.яз.) Заслуживает в этой связи внимания тот факт, что местность Олагуана,

Накодор, Латашькиар, Гуалан, Джамгуаргуал, Дабакур, Сатамашо, Цхенцкар, Папанцкур, Бедиа и др. Появление этих и других географических названий в прибрежной части Юго-Восточной Абхазии относится, по-видимому, к феодальному периоду, времен мегрельских Дадиани. Причем, реальные следы пребывания в этом районе самого Дадиани (в просторечье абхазов – Адиан) обнаруживаются, по данным Ц. Н. Бжания, в таких топонимах верховья Кодора, как Дианцвыш (позднее Генцвиш) – что значит «кол, столб Адиана»: Диантара (Диантәара) – «место сидения Диана»[1]. По сообщению мегрела Г. Арчая, в с. Адзюбжа существовало название «Дадианиш намарани» («винный погреб Дадиани»)[2]. Согласно топонимическим данным и в с. Маркула имеются названия «Адиан ипан» («брод Адиана») и «Адиан икиапта» («пустырь Адиана»)[3]. Следует также отметить, что миграции картвелов в Абжуа прослеживаются и в народных преданиях. Так, старожилы с. Пакуаш вспоминают о том, как у них ещё не так давно женщины пугали своих детей словами: «Перестань плакать, Лауан идёт!» (Уаҟәыц ацәыуара, Лауан дааyеит!), «Чтобы тебя Лауан забрал!» (Лауан уигаait!) Эти абхазские выражения донесли события, имевшие место около середины XVII в. и связанные с именем жестокого мегрельского владетеля Левана II[4]. Кроме того, переселенцы просто калькировали или переводили абхазские выражения. Абхазский комоним Адзюбжа («междуречье») видоизменился в мегр. Шкацкари, с тем же значением; церковь Мармал-абаа (абх. «мраморное сооружение») превращается в Мармарискари (картв. «Мраморные ворота»); абх. Тамыш (связано с абх. родовым именем Ҭам, Ҭамаа)[5] – в Сатамашо

по словам старожилов, называлась Гулкан, и лишь некоторые называли ее Олагуана.

[1] Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства абхазов. Этнографические очерки. – Сухуми. 1962. С.15.

[2] Инал-Ипа Ш.Д. О топонимике Очамчирского района. Приложение.

[3] Кварчиа В.Е. Материалы топонимики Очамчирского района... С. 108–109.

[4] Инал-Ипа Ш.Д. Ступени... С. 97.

[5] Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. – М.–Л. 1938. С. 242.

(картв. «место игрищ»); абх. Дзхиамцкуар («не выходящая из русла») или Ачдзы («конская вода») было переведено в Цхенисцкали (картв. «лошадиная река»)[1]; Акра (абх. «маяк») – в Анаклию[2] и т.д.

Таким образом, данные топонимики района свидетельствуют о том, что отмечаемая Ламберти и некоторыми другими авторами абхазо-мегрельская языковая граница по Кодору в середине XVII века все же отражает исторически ограниченный отрезок времени. Незначительное количество мегрельских топонимов Абжуа, очевидно, свидетельствует о том, что мегрелы проживали в этом районе в небольшом количестве. Поэтому справедливо говорить, что на данной территории, начиная с XIV–XV веков, происходило не столько ее «этническое освоение» и «интенсивное заселение» мегрелами, сколько необоснованное утверждение того, что указанная территория Абхазии этнически является мегрельской[3].

Вместе с тем для Юго-Восточной Абхазии определенного периода более чем вероятным является существование абхазо-мегрельского двуязычия. Можно полагать и то, что языком-посредником между абхазами и мегрельскими селами левобережья Кодора чаще всего становился мегрельский в силу легкости его усвоения, с учетом и отсутствия у абхазов национальной нетерпимости. Причем в нашем случае допустима еще, если так можно сказать, формальная ассимиляция, когда части местного абхазского населения, не имевшего еще устойчивых фамильных имен, присваивались мегрельские фамилии с последующей записью в церковных книгах, вследствие чего такие лица юридически превращались в мегрелов, фактически оставаясь абхазами.

Таким образом, хотя в отношении Абжуа нельзя говорить об её этническом освоении, но в то же время нельзя отрицать происходивших здесь этнических процессов, которые никогда не носят

---

[1] Второе название реки Цхенцкар – Дзхиамцкуар употребляют – или во-всяком случае употребляли – жители с. Гуада (записано со слов этнолога Ю. Г. Аргун).

[2] Инал-Ипа Ш.Д. Ступени... С. 97.

[3] Маан О.В. Этнополитическая ситуация в Абжуйской Абхазии в XVII в. // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Материалы Международной научной конференции... С. 315.

односторонний характер. Часть абхазского населения воспринимала мегрельский язык, но и сами пришельцы воспринимали не только местные обычаи, но и язык, что, в конечном счете, сказывалось на этническом самосознании. Конечно, и язык местных абхазов в результате длительных экономических и культурных контактов, брачных связей, не мог не испытать влияния речи соседних мегрелов.

С 80-х годов XVII века абхазским князьям Чачба (Шервашидзе) удается возвратить ранее утраченные земли вплоть до р. Ингур. С целью утвердиться на закодорской территории, они начали переселять сюда (в начале между рр. Кодор и Галидзга, а затем и далее до р. Ингур) представителей абхазского дворянства[1]. Немецкий учёный и путешественник Я. Рейнеггс, например, отмечает «большую абхазскую деревню, лежащую … у реки Энгури» под названием Kyr (Kugh). Рейнеггс указывает также на «город, а около него крепость Анаклею» – резиденцию абхазского князя Левана Сервазитсе[2]. Воссоединение территорий бывших Цхумского и частично Бедийского воеводств с Абхазским княжеством облегчалось и присутствием здесь значительных абхазоязычных крестьянских общин, сохранявших на протяжении нескольких столетий свою самобытность[3]. Что касается собственно языкового состояния населения, то, несмотря на всю ее сложность, на протяжении всего XIX века господствующим языком в Абжуа оставался абхазский язык. Тем не менее, некоторые, главным образом, грузинские авторы, и в частности, путешественник конца XIX и начала XX в. Т. Сахокия, называет, например, с. Адзюбжа «чисто мегрельским селом»[4].

Это тенденциозное утверждение Т. Сахокия непроизвольно опровергается Н. С. Джанашиа, хорошо знавшим этническое состояние своего родного села. В его корреспонденции в газ. «Иверия» за 1897 г. подчеркивается, что «Адзюбжа целиком заселена

---

[1] Анчабадзе З.В. Очерк этнической истории абхазского народа... С. 68.
[2] Цит.по: Инал–Ипа Ш. Д. Об изменении этнической ситуации в Абхазии в XIX – начале XX в. // СЭ. 1. 1990. С. 39.
[3] История Абхазии... С. 125.
[4] Сахокия Т. Путешествия. – Тб.1950. С.234 (на груз.яз.).

абхазами, мегрелов, если и встретите, то изредка, но и те обабхазившиеся»[1]. А на территории между рр. Охурей и Галидзга, абхазский язык был, по словам одного наблюдателя 1880-х гг., «языком не только общества, но и семьи»[2].

§ 5. **Торговля и экономика в XVII-XVIII веках**

В XVII–XVIII веках крупнейший пункт товарообмена и торговли абхазского побережья находился на берегу залива Скурча, через который с древних времен поддерживались торгово-экономические связи Абхазии со странами Черного и Средиземного морей.

В рассматриваемое время и западноевропейцы, и русские залив Скурча называли «Искурия». На итальянской карте Мегрелии 1654 года берег залива нанесен как «турецкая торговая фактория»[3]. Это объясняется тем, что во второй половине XV в. на Черном море устанавливается полный контроль Османской империи. То есть с этого времени торговля в Абхазии осуществлялась лишь с разрешения турецких властей – товары из западных стран попадали в Абхазию только через Турцию. О том, что в XVII-XVIII вв. именно на берегу Скурчи находился наиболее значительный пункт турецкой торговли в Абхазии, на наш взгляд, свидетельствует и название с. Кындыг, расположенного в восточной части залива, которое увязывается с турецким "Киндик", что означает "центр"[4].

---

[1] Джанашиа Н.С. Село Адзвибжа или Швацкали (Абхазия) // Газ. «Иверия». № 200. 1897 г. (на груз. яз.).
[2] Цагарели А. Мингрельские этюды. Вып. 1. – Спб. 1880. С. VII–VIII.
[3] См. напр.: Берадзе Т.Н. Мореплавание и морская торговля... С. 23.
[4] Кварчия В.Е. Историческая и современная топонимия Абхазии... С. 189.

По А.В. Фадееву, основным фактором, способствовавшим превращению Исгаурской бухты в самый крупный рынок на абхазском побережье, послужило, то обстоятельство, что конечный пункт пути интенсивной работорговли, шедший из Северного Кавказа через Клухорский перевал по долине реки Кодор, находился не в Сухуме, а в устье Кодора, с достаточно вместительной для парусных фелюг и галер Скурчинской бухтой, располагавшейся ближе к Кодорской дороге[1].

Наиболее полное и подробное описание Исгаурской гавани мы находим у Жана Шардена. Исгаур, по словам Шардена, представлял собой отлогий морской берег, в ста шагах от которого лежала сравнительно большая площадка, длиною в двести пятьдесят шагов и шириною в пятьдесят. Посреди площадки проходила улица, по обеим сторонам которой располагались двести маленьких плетеных хижин-апацх, служивших «гостиницами» и строившимися «по мере прихода купцов и когда можно считать себя в безопасности от абхазов, что нечасто случается». В этих апацхах купцы спали и держали свой товар, «который может быть продан в два-три дня. Те же товары, которые уже проданы или которых нет надежды тотчас же сбыть, для большей безопасности хранятся на кораблях»… Так как наши припасы кончились, – продолжает Шарден, – то я был очень удивлен и огорчен, не найдя на рынке ничего, кроме скованных и привязанных друг к другу рабов разного возраста и пола и с дюжину голых крикунов с луками и стрелами, нагоняющих страх»[2].

[1] Фадеев А.В. Краткий очерк истории Абхазии… С. 129; см. также: Соловьев Л.Н. Диоскуриада-Севастополис-Цхум… С.143. Следует сказать, что Скурчинский залив хотя и мало вдается в берег, но, будучи защищен от самых опасных на Восточном Причерноморье северо-западных ветров, в теплое время года представлял очень удобную стоянку для сравнительно больших морских судов. А Карла Серена, например, писала, что в Скурче могут найти пристанище два десятка парусных кораблей (Карла Серена. Путешествие по Абхазии… С. 113).
[2] Путешествие Шардена… С. 103.

По данным того же автора, из Исгаура и соседних рынков побережья ежегодно турками вывозились до 12 тысяч рабов[1].

От такой торговли купцы обогащались в три или четыре рейса. Однажды на корабль, – пишет Шарден, – пришел знатный абхазец в сопровождении 7 или 8 человек прислуги, которые привели трех рабов и принесли разную добычу. «На нашем корабле, когда я его покинул, – пишет Шарден, – было 40 рабов. Капитан, турецкие купцы и христиане выменяли их на оружие, платье и другие товары, оценивая последние вдвое дороже, чем купили сами. Мужчины в возрасте от 25 до 40 лет пришлись им по 15 экю (рублей золотом), а те, кто был старше, по 8-10 экю. Красивые девушки от 13 до 18 лет шли по 20 экю, другие дешевле: женщины – по 12, а дети по 3 и по 4 экю. Один греческий купец купил женщину 25 лет с грудным ребенком за 12 экю»[2]. Основным поставщиком рабов на рынок были местные феодалы, набиравшие свой товар, как в многочисленных набегах на соседей, так и среди собственного населения. При этом, количество рабов вывозимых в XVII в. из различных регионов Абхазии, было, надо полагать, неодинаковым. На северо-западе, в Бзыбской Абхазии, происходили мелкие стычки и взаимные набеги абхазов и черкесов. На юго-востоке же, в Абжуйской Абхазии, многолетние войны между абхазскими и мегрельскими князьями пополняли невольничий рынок за счёт пленных. В конце XVII – начале XVIII века наиболее крупным работорговцем был правитель Юго-Восточной Абхазии князь Путо Чачба (Шервашидзе), который регулярно совершал нападения на абхазские села с целью пополнения этого тогда дефицитного товара. Он не гнушался и продажей крестьян, принадлежавших абхазскому католикосу. Славу удачливых работорговцев снискали себе и представители княжеского рода Маршания[3]. Председатель Сухумской сословно-поземельной комиссии, полковник А. Н. Введенский писал,

[1] История Абхазии… С. 134.
[2] Путешествие Шардена… С. 108.
[3] История Абхазии… С. 134.

что постыдной торговлей людьми занимались не только владетели, их родственники и вообще «высшие сословия», но и духовенство, а также те представители «низших сословий», которые владели рабами[1]. Однако работорговля не имела бы такого размаха и успеха, если бы она не опиралась на поддержку турецких властей.

Из-за нестабильной политической ситуации в XVII–XVIII вв. торговые сделки заключались в натянутой обстановке, а сама береговая торговля была связана с риском вооруженного нападения. «19 сентября (1672 г.) вечером, – пишет Шарден, – множество спасавшихся крестьян прошло через Исгаур, распространяя бешеную тревогу, рассказывая, что абхазы, которых Мингрельский князь призвал на помощь против турок, грабили и жгли все, уводили людей и скот, и что они уже недалеко от порта. Сейчас же каждый купец принялся нагружать в лодки все, что было возможно.

Было поздно. Суда находились на расстоянии около одной мили от берега. Можно было сделать только два рейса. Каждый из капитанов распорядился отправить на сушу по две пушки. Их расставили на улицах базара, и всю ночь они провели вооруженными.

Не могу выразить то сильное огорчение, в которое повергло меня такое внезапное происшествие. Я не чувствовал в себе достаточно твердости, чтобы противостоять ему…20 сентября все люди с нашего судна и с других, стоявших в бухте, возвратились на свои суда. Они предпочитали бросить шерсть, соль, фаянс и другие подобные товары, чем подвергаться опасности быть захваченными абхазцами, которые были близко. Действительно, они были близко. Как раз, в 10 часов вечера мы увидели, что весь рынок пылал в огне и, когда на следующее утро люди отправились туда, они не нашли там ничего, кроме пепла и остатков пожарища…»[1].

[1] Введенский А.Н. Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела // ССКГ. Вып. VI. Отд. III. – Тифлис. 1872. С. 4.

Подобное происшествие на рынке для Шардена, очевидно, было неожиданным сюрпризом, и он со свойственной французам деликатностью откровенно признается в своем страхе, но, вероятно, для его спутников-купцов и капитанов это не было новостью. Они всегда были готовы к такого рода инцидентам в торговых пунктах, имея на чеку оружие и даже пушки. И если, в данном случае, они вернули высаженный ими вооруженный десант обратно на корабли, то, наверно, только потому, что из тактических соображений нашли более выгодным не принимать боя с абхазскими отрядами и «благородно ретироваться под давлением превосходящих сил противника»[2].

Нет сомнения, что будь соотношение сил более благоприятным, купцы не только сумели бы дать отпор наступавшим абхазцам, но не постеснялись бы и сами перейти в контратаку ради захвата пленных, оружия и прочей добычи.

Правда, они сами также подвергались нередко нападению морских пиратов, чаще всего организуемых местными абхазскими феодалами-князьями и дворянами приморских районов.

Помимо промысла живым товаром, в указанный период, как следует из описания Шардена, «абхазы имеют потребность в тех же предметах, что и соседи их (черкесы, мегрелы) и, как и те, обменивают их как на невольников обоего пола, так и на меха, шкуры, льняную пряжу, самшит, воск и мед». В день своего прибытия в Исгаур Шарден видел здесь, на пристани, семь купеческих кораблей, стоявших на рейде[3].

В рассматриваемый период торговля носила характер натурального обмена. По утверждению Жана де Люка и других авторов, деньги между абхазами «не имеют обращения». Для оживления торговли, в Юго-Восточной Абхазии были поселены армяне, которые пытались ввести в употребление деньги, используя яр-

[1] Фадеев А.В. Краткий очерк истории… С. 117–118.
[2] Там же. С. 118.
[3] Путешествие Шардена… С. 20.

морочную торговлю у популярных церквей в Елыре (Илори), Бедиа и др. Особенно славился своей ярмаркой Елыр. Сюда для торговли прибывали как турецкие купцы, высаживавшиеся на берегу моря в Гудаве и Очамчире, так и торговцы из Мегрелии и Имеретии. На рисунках католического монаха Хр.Кастелли изображена сцена бойкой торговли вблизи Илорского храма.

Так как в XVI–XVIII вв. Абхазия торговала в основном с султанской Турцией, а товары из западных стран попадали в Абхазию через Турцию, то это приводило к их значительному удорожанию. Кроме того, турецкие купцы, пользуясь своим монопольным положением, еще более взвинчивали цены на свои товары, а за местную продукцию давали максимально низкую плату. Прибыль, получаемая ими, определялась в 300-400%[1]. О выгодах торговли с Абхазией красноречиво сообщает и французский консул в Крыму М. Пейсонель, который писал: «Едва ли существует в целом мире страна, где торговля была бы настолько прибыльна, как в Абхазии»[2].

Согласно опубликованному грузинским исследователем Э. Такаишвили в 1909 году документу XVII века, приводимому в цитированной выше работе Т. Берадзе, для торговых судов, прибывавших в Искурию и Маркулу, имелись специальные чиновники (корабельный писарь или секретарь), которые поднимались на борт иностранного судна и производили опись корабельного груза. За стоянку корабля в прибрежных водах взимался «корабельный сбор», из строго определенной части привезенного груза. За местные товары пошлина за стоянку была обычно скромной.

Пошлина взималась в пользу верховной власти, но в XV-XVII веках часть дохода от этой пошлины уступалась церкви. Сама же должность таможенника считалась очень выгодной и почетной – ее занимали представители феодального сословия, которым полагалась половина таможенного сбора. Сами таможенники почти не

[1] Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля... С. 137.
[2] Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 годах. (В изложении Е.Д. Фелицина) // Материалы для истории черкесского народа. 1990. С. 31.

занимались взиманием пошлины, а поручали другим, за определенное вознаграждение. Так, Шарден видел в Исгауре 12 вооруженных луками человек, которые собирали пошлины.

И в XVIII веке главным пунктом береговой торговли на побережье Абхазии оставался Исгаур – Искурия – Скурча, а по словам немецкого путешественника А. Гюльденштадта, там еженедельно бывали великие съезды[1] (большие ярмарки).

От довольно значительного размаха торговли в Абжуа основной доход доставался представителям имущих слоев, тогда как значительная часть населения была слабо затронута заморской торговлей – она почти не влияла на их экономическое положение. Не случайно, один из иностранных путешественников, Ротье, побывавший в Абхазии около 1817 года, относительно Исгаура писал, что в том районе «приютилось бедное абхазское селение Искурия»[2]. Надо учесть и то, что Исгаур являлся прежде всего центром работорговли, поэтому окрестное население, боясь быть схваченными и проданными в рабство, отказывалось вступать в торговые отношения с турками. (Вспомним слова Шардена, который писал, что в самом Исгауре не было «даже ни одного крестьянского дома»)[3]. При этом, нельзя забывать об узости развития торговли в феодальный период, в условиях, когда при полном господстве натурального хозяйства экономика носила потребительский характер, была замкнутой, слабо втянутой в обмен. Связи между населенными пунктами были ограничены и нерегулярны, а посему объем внутренней торговли – купли-продажи – не мог быть большим. В этих условиях, господствовавшая внешняя, морская торговля в основном затрагивала феодальную часть общества.

Береговая торговля в значительной степени способствовала укреплению экономической мощи и усилению политического авторитета владетелей Абхазии – князей Чачба (Шервашидзе).

[1] Гюльденштадт А. О гаванях по Азовскому, Черному и Белому морям. «Географический месяцеслов на 1776 год». – СПб. 1776. С. 54.
[2] Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа... С. 150.
[3] Путешествие Шардена... С. 102.

Резиденцией владетелей являлось с. Лыхны, а потомственным владением их рода, «вотчиной», Бзыбская Абхазия. Родственникам владетеля из фамилии Чачба принадлежал ряд пунктов и в Юго-Восточной Абхазии. Видимо, не случайно, что в их руках с течением времени оказались почти все пункты береговой торговли в Келасуре, Тамыше, Очамчире, Гудаве и других удобных местах.

Активное участие феодалов в береговой торговле вызывало, в частности, необходимость в специальных «управителях» – приказчиках – мажордомах («ақьаҳиа») в обязанности которых по преимуществу, входила организация сбыта продуктов, предназначенных для торговли на береговых рынках, а также заготовка сырья и закупка импортных товаров. Некоторые из этих «управителей», пользуясь разницей цен и распоряжаясь в значительной степени бесконтрольно товарами, не забывали себя, накапливали немалые богатства. Этому способствовало и то, что должность такого «управителя» обычно бывала наследственной.

Например, у тамышских князей Чачба мажордомами служили представители фамилии Квициния. С течением времени они накопили достаточные излишки, и в конце концов почти ушли из-под зависимости своих хозяев. Эти Квициния не только имели постоянное общение с турецкими купцами, причаливавшими в устье р. Дгамыш, но и сами снаряжали караваны с привозным товаром в глубь страны – в Джгиарду, Члоу, Атара и т.д., главным образом торговали солью и оружием[1].

ГЛАВА II. НОВОЕ ВРЕМЯ

§ 1. Последствия присоединения Абхазии к России

К началу 1808 года против абхазского владетельного князя Келешбея Чачба, игравшего на противоречиях между султанской Турцией и царской Россией, а также проводившего довольно жесткую внутреннюю политику, был организован заговор. В ночь

[1] Фадеев А.В. Краткий очерк истории Абхазии... С. 140–141.

на 2 мая 1808 года Келешбей был убит, и новым правителем Абхазии стал Асланбей, сразу заявивший о своей верности турецкому султану[1].

Оппозицию против нового владетеля в Абхазии возглавил второй сын Келешбея – Георгий (Сафарбей) Чачба (Шервашидзе). Однако он не располагал достаточными силами для борьбы с Асланбеем и был вынужден обратиться за помощью к России. На основании обращения Георгия Шервашидзе в феврале 1810 г. Абхазское княжество официально было включено в состав России на правах ограниченной автономии. Несмотря на это, власть в крае реально все еще принадлежала Асланбею. 10 июля 1810 г. русский десант с боем захватил Сухумскую крепость. Асланбей вынужден был отступить в горы, а затем – эмигрировать в Турцию. В 1821 г. Асланбей возвращается из Турции и возглавляет народное движение[2].

Для подавления восстания правитель Имеретии генерал Горчаков вступил в Абхазию с военными силами.

Недалеко от реки Кодор произошло ожесточенное сражение, «где абхазы собрали до 3000 воинов». После 16-часового беспрерывного боя правительственным войскам удалось прорвать укрепленные позиции повстанцев и вступить в Сухум[3].

По свидетельству одного из авторов, русские совершенно сожгли и опустошили Сухум и окрестные деревни. В 1824 году произошло еще более мощное выступление сторонников Асланбея. Генерал Горчаков с отрядом снова направился в Абхазию. Уже переправу через Ингур отряд (около 2 тыс. человек при 4 орудиях) должен был совершать с боем. И чем дальше в глубь страны продвигался генерал, тем «повстанцы дрались упорнее, … войска встречали завал за завалом». Решающее сражение между повстанцами и царскими войсками произошло у Кодорской переправы. Правительственным войскам здесь противостояли «це-

[1] Анчабадзе Г. Абхазская хроника XIX века // Газ. «Кавказский акцент». №14, 1–15 июля 2000г. С.6.; Лакоба С. Асланбей // «Нужная газета». № 1. 1998 г.; его же. Асланбей. – Сухум. 1999.
[2] Там же.
[3] Там же; Дзидзария Г.А., Качарава Ю.М. Из истории совместной борьбы грузинского и абхазского народов. – Тб. 1981. С. 22.

бельдинцы, убыхи и джигеты. К Горчакову также подошли подкрепления: прибыл владетель Мингрелии генерал-лейтенант князь Дадиан со своей милицией. Переправа взята была штурмом», и войска с беспрерывными боями дошли до Дранд[1].

По свидетельству М.Селезнёва, абжуйский князь Алыбей Чачба (Шервашидзе) за время этих событий «потерпел очень много: главная резиденция его Катаулы (Кутол. – О.М.) была неоднократно сжигаема мятежниками…»[2].

В 1830 г. была осуществлена так называемая «Абхазская экспедиция», план которой был разработан главнокомандующим на Кавказе графом И. Ф. Паскевичем, в результате чего на побережье Абхазии были заложены военные укрепления – Бамбора, Пицунда и Гагра[3] (конечная же цель экспедиции состояла в установлении сухопутного сообщения от Поти до Анапы для продвижения русских войск вдоль побережья). С 1832 г. в Сухуме существовала и русская таможенная застава. Однако она не обеспечивала контроль контрабандным перевозкам, и суда до захода в Сухум выгружались в укромных местах: близ Очамчир, в устье реки Кодора и пр.[4]. Чтобы отрезать горцев от морских сношений с Турцией и воспрепятствовать всякой вообще контрабандной торговле (в том числе работорговле), которая активно велась Турцией и Англией, была учреждена так называемая Черноморская кардонная береговая линия (куда в 1839 г. вошли все названные выше укрепления). Так, в районе Скурчи в настоящее время существует топоним «Акардон»[5]. На топографической карте Сухумского округа на берегу Скурчинского залива значатся пункты:

---

[1] Потто В.А. Кавказская война. Т.2.– Ставрополь. 1994.С.639–640.

[2] Селезнёв М. Руководство к познанию Кавказа. Кн. II… С. 165.

[3] Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми. 1975. С. 59.

[4] Фадеев А.В. Краткий очерк истории Абхазии…С. 162; его же. Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. – Сухум. 1932. С.26.

[5] Кварчиа В. Е. Материалы топонимики Очамчирского района… С. 23.

на западе Пикет, на востоке – Пост[1]. В 1843 г. (когда было окончено строительство кардонной береговой линии) в Дранде было устроено «земляное укрепление на 300 человек, как для берегового сухопутного сообщения, так и для защиты входа в р. Кодор»[2]. Посты береговой линии располагались также в Кутоле и Елыре[3].

С 1830 г. Абхазия постоянно была занята русскими войсками, однако не было занятого царскими войсками пункта, где можно было «выйти из укрепления без ружья и патронов»[4]. «Источником всех волнений» считалась Цебельда, для чего русскими ставилась задача «прочное занятие и покорение Цебельды». На русские укрепления в Дранде и Елыр абхазами совершались нападения. В цитированной книге, например, дается описание происшедшего между Драндским укреплением и берегом моря боя между русским и абхазским отрядом, ставившего целью освобождение арестованного предводителя повстанческого движения кодорских абхазов Исмаила Джапуа из с. Члоу[5].

Черноморская береговая линия в период Крымской (Восточной) войны (1853–1856 гг.) была окончательно ликвидирована. Во время войны, на побережье Абхазии, оставленном русскими войсками, высадились турецкие десанты Омер-паши (а затем из Сухума, осуществив переправы через реки Кодор и Ингур, двинулись к Мегрелии). Однако вскоре, получив ряд ощутимых уда-

---

[1] Топографическая карта Сухумского округа. Хранится в фондах Управления по геологии, геодезии и картографии РА.

[2] Сведения об удобствах квартирного размещения всех родов войск в пределах Российской империи и квартирные карты губернии и областей. Абхазия. 1843 г. С.18.

[3] Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. Ч.1. – М. 1864. С.18–19; Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии X1X столетия… С. 60.

[4] Стефанов Т. Т. Михайловский крепостной пехотный батальон на Кавказе. 1819–1906. Юбилейный выпуск. – Батум. 1906. С. 159.

[5] Стефанов Т. Т. Указ. соч. С. 162–164.

ров, Омер-паша эвакуировался в Турцию[1]. Убыток и разорение, причиненные в результате войны падал преимущественно на крестьянское население, но они касались и интересов помещиков, хозяйствам которых также был нанесен определенный ущерб. Например, такой ущерб был нанесен имению Д. Г. Чачба (Шервашидзе), а само имение было предоставлено в собственность сына турецкого ставленника Асланбея Чачба (Шервашидзе)[2].

Грабежам и разорению подверглась вся Юго-Восточная Абхазия. Самурзаканский край был превращён в турецкий пашалык. Его пашой был назначен Кац Маргания. Жителям района было объявлено, что «отныне они поданные турецкого султана и обязаны, каждое село, платить по корове, которых и доставлять в турецкий лагерь для продовольствия войск»[3].

После Крымской войны и покорения Восточного Кавказа, царизм усилил пристальное внимание к Абхазии. Чтобы овладеть Абхазией, царское правительство решает, прежде всего, устранить владетеля Михаила (Хамудбея) Чачба (Шервашидзе), который больше не нужен был самодержавию. К тому же теперь был хороший повод – «измена» владетеля русскому царизму в период Крымской войны и его переговоры с турецким правительством. Осенью 1864 года «генерал Шатилов прибыл в Очемчиры, вызвал к себе Хамуд-бея (Михаила), находившегося тогда в Ткварчелах (у серных источников) и арестовал его»[4]. Владетель был сослан в Воронеж, где в 1866 г. скончался. Тело последнего владетеля перевезли в Абхазию и с почестями погребли в Моквском соборе.

После низложения владетеля, в июне 1864 года, самодержавие упразднило Абхазское княжество и ввело временное «военно-народное управление». Абхазия была переименована в Сухумский военный отдел (а с 1883 г. – в «военный округ»), подчиненный кутаисскому генерал-губернаторству.

---

[1] Энциклопедический словарь Эфрона и Брокгауза. Т. XXI а. – СПб. 1897. С. 934–935.
[2] Дзидзария Г. А. Махаджирство... С. 136, 139.
[3] Бороздин К.А. Закавказские воспоминания. Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 г. – СПб. 1885. С. 42–43.
[4] Фадеев А.В. Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии... С. 29.

В 1866 г. власти начали подготовку к проведению в Абхазии крестьянской реформы, однако своей грубостью и незнанием особенностей социально-общественного уклада Абхазии вызвали массовое недовольство населения, вылившееся вскоре в вооруженное восстание. Восстание началось в Лыхны. Оно быстро распространилось по Абхазии, «охватив территорию от Бзыби до Кодора»[1].

В результате последовавших карательных мер царизма против участников восстания значительная часть абхазского населения (около 20 тыс. человек)[2], в своей массе крестьян, была депортирована в Османскую империю. Среди них было немало и абжуйцев. В документах того времени, например, значатся: Агрба, Бгажба, Ломия, Делба, Допуа, Ашуба, Маршан, Малания, Сабекия, Хурхумал, Халуашь, Шамба, Уачараа, Хинтба[3] и др. Только из одного с. Баслаху, в июне 1867 г. в Турцию было выслано 32 человека. Документы свидетельствуют о фактах отказа абхазов покидать свою Родину.

По сообщению газ. «Дроеба» население было согласно принять любое наказание, лишь бы его не переселили в Турцию, а о жителях Члоу и Джгиарды говорилось, что их просто «выгнали из своих домов». Удалили людей и из других сёл Абжуа. Многие из них, которые «никак не хотели уходить отсюда», «когда их выгоняли из своих домов», бились головой о стены домов и стволы деревьев[4].

После восстания царизм незамедлительно приступил к усилению административно-полицейского режима в Абхазии. В 1866 г. Очамчирский округ был разделен на Драндский округ с управлением в местечке Очамчира и Окумский округ с управлением в местечке Окум. По административной реформе 1868 г. Драндский и Окумский округа были объединены в Очамчирский округ, при этом была выделена собственно Драндская община, распо-

---

[1] Анчабадзе Г. Абхазская хроника XIX века // Газ. «Кавказский акцент». №15, 16–31 июля, 2000 г. С. 6.
[2] История Абхазии... С.187.
[3] Газ. «Апсны». 21 марта 2002 г. (на абх.яз.).
[4] Газ. «Дроеба» №23. 9 июня 1867 г. (на груз.яз.); Дзидзария Г.А. Махаджирство... С. 186.

ложенная на правом берегу реки Кодор, и присоединена к Пицундскому округу[1]. В результате нового «административного устройства» края этнический и административный центр и наиболее северо-западного пункта Абжуа – с. Адзюбжа (ранее располагавшийся на правом берегу Кодора), окончательно был перемещен на левобережье реки.

В 1877 году в Абхазии вспыхнуло новое народное восстание, которое было вызвано, прежде всего, усилением национально-колониального и социального гнета царизма после восстания 1866 года, в особенности крепостническим характером крестьянской реформы 1870 года. Воспользовавшись антирусскими настроениями в Абхазии, в конце апреля и начале мая 1877 г. турецкое командование высадило на территории Абхазии и далее в северо-западном направлении десантные войска и своим флотом подвергло обстрелу все побережье.

6 мая два турецких парохода подошли к Очамчире и, обстреляв берег, высадили около 500 махаджиров. Жители ближних сёл не дали туркам «своего прямого согласия на отпадение от России». Тогда «турецкие войска местечко Очемчиры сожгли дотла»[2]. 11 мая 1877 г. турки, высадив десант близ Гудауты, направили его в сторону Сухума. Начальник Сухумского гарнизона ген. Кравченко действовал нерешительно. Не рискуя вступить в бой с превосходящими силами противника, он сдал город и отступил на Цебельду.

Но у Багадской скалы он получил такой удар со стороны восставших абхазов, что «обратился в паническое бегство через Наа – Джгерды – Зугдиди»[3].

В начале мая турецкие войска высадились и у устья Кодора[4], и закрепились там.

---

[1] Олонецкий А.А. Крестьянская реформа 1870 года в Абхазии. Труды АИЯЛИ. Т. 25. – Сухуми. 1954. С. 163.
[2] Дзидзария Г.А. Махаджирство... С. 335.
[3] Фадеев А.В. Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии... С. 38.
[4] Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель... С. 300.

Турецкие войска вместе с махаджирами развернули в Абжуа широкую пропагандистскую деятельность для склонения местных абхазов на свою сторону[1].

Население же Абжуйской Абхазии в большинстве случаев встречало турецкие войска как избавителей от гнета русского самодержавия и приняло участие в боевых действиях на стороне турецких войск.

15 мая генерал Я. Алхазов с войсками прибыл в с. Джгиарда. Здесь им было получено известие, что партизанский отряд в 200 человек переправился с правого берега р. Кодора на левый и напал на имение князя Чачба (Шервашидзе) в с. Атара. Генерал направился в это село с двумя батальонами. Но партизаны, которых в действительности оказалось не более 70 человек, по прибытии войск, ушли обратно[2]. Войска Алхазова из Атара двинулись по нижнему течению реки к с. Адзюбжа. Здесь, 18 мая, между махаджирами и русскими войсками произошёл первый бой (в русско-турецкой войне 1877 –1878 гг. на абхазском театре военных действий), когда русская разведка установила, что «турки» для продвижения в глубь Абхазии намереваются переправиться через Кодор. В этом ожесточенном бою, как говорится в русских источниках, русские сумели приостановить натиск противника, однако, увлекшись переправой, не заметили как их обошли с тыла махаджиры. Завязался рукопашный бой...[3]. В бою был убит командир 1-ой кутаисской пехоты. В эти же дни погиб один из предводителей махаджиров, гагрипшский князь Эдирбей Цанба[4]. В этом бою русские войска были побеждены и отброшены[5].

---

[1] Авидзба В.Д. Проведение в жизнь крестьянской реформы в Абхазии. – Сухуми. 1985. С. 42–43.
[2] Дзидзария Г.А. Махаджирство... С. 316.
[3] Авидзба В.Д. Проведение в жизнь крестьянской реформы... С. 43.
[4] Дзидзария Г.А. Махаджирство... С. 336 и сл.
[5] Джанашиа Н.С. Село Адзвибжа или Швацкали... По свидетельству К.Серены, командующий турецкой армией в Абхазии Хусейн-паша в 1877 г. жил в с. Атара. Между прочим, Хусейн-паша был так очарован последним, что попросил султана подарить ему это село. Но Атара, к сожалению, «была сожжена абхазскими

Турецкие войска стремились, завладев с. Пакуаш, прорваться к Окуму – центру Самурзаканского приставства и таким образом отрезать данный район, с чем была связана потеря Мегрелии. В то же время, 24 июня, махаджиры переправились через Галидзгу – проникли в сс. Гуп и Ткуарчал, раздали жителям оружие. Но на другой день сюда была направлена колонна Алхазова, которая после 11–часового боя, заняв Ткуарчал, «сравняла его с землёй». 1 июля русские войска переправились через Галидзгу, близ с. Пакуаш, и местность «между Галидзгой и Моквой была очищена от восставших абхазцев». После этого ген. Алхазов обратился к «мятежным абхазцам» с воззванием, вследствие чего 250 жителей сс. Гуп, Патгу, Ткуарчал и Эшкыт «изъявили покорность»[1].

Турки на выручку махаджирам высадили регулярные войска в Очамчире… Упорные боевые действия шли на различных участках с 8-го по 20-е июля. В документах часто фигурируют Пакуаш, Джгиарда, Елыр, Маркула[2].

В результате ожесточенных боев между турецкими и русскими войсками, продолжавшимся до 20 августа 1877г., турецкая армия, не сумев оказать серьезного сопротивления, в конечном итоге, как известно, потерпела поражение. Но война нанесла огромный урон населению Абхазии, и в частности, Абжуа, его хозяйству, памятникам материальной и духовной культуры. Территория между реками Галидзга и Кодор, – писал начальник Сухумского отдела Аракин, – «представляет значительные следы опустошения. Местечко Очемчиры уничтожено… в большей части общин, церкви, школы и … дома разграблены и частью сожжены…». Абхазия, в частности, с. Адзюбжа, по свидетельству Н.С. Джанашиа, было превращено в пепелище, «да так, что и даже одного дома нигде не встретили бы»[1]. В газете «Кавказ» также сообщалось, что в районе Кодора «на сто верст нет не только города, но даже и порядочной деревни: везде пустыня, развалины и пепелища, бывших абхазских селений и вообще всякие следы военных опустошений: всюду пахнет смертью и разрушением»[2].

Выступление абхазского населения на стороне Турции повлекло за собой более сильные, чем в 1866 году, политические репрессии. За участие в этом восстании почти все абхазское население Гудаутского и Кодорского участков было объявлено «виновным».

Еще в ходе боевых действий 1877–1878 гг. каждая из сторон – русская и турецкая, – преследуя свои интересы, обвиняли друг друга в переселении абхазов в Турцию. Газ. «Тифлисский вестник» за 7 сентября 1877 г. о положении дел в Абжуа писала: «Абхазцы вовсе не желали переселиться в Турцию, так что турки, собственно говоря, силой и угрозами их к тому заставили. «Вас русские всех перережут как изменников, лучше переселяйтесь», – говорили турки. Корреспондент той же газеты 25 августа сообщал, что, когда русские войска подошли к Кодору, с «неприятельской стороны стали перебегать абхазцы и передавать, что многие абхазцы и перебежали бы, но что цепь турецкая никого не пропускает, жаловались на турок, которые отбирали у них скот, имущество и даже женщин и молоденьких девушек»[3].

Среди абжуйцев нашлись смельчаки, которые вели активную пропаганду против переселения в Турцию. Например, Маху Делба – житель с. Адзюбжа: Даур Ачба – из с.Ткуарчал и др. М. Делба (отец известного общественного деятеля Якуба Делба) – один из тех, чья семья не ушла в Турцию в январе 1877 года, в самый трагический период массового переселения абхазов в Османскую империю. Маху укрыл свою семью в безопасном месте.

мятежниками», и желание турецкого военачальника не смогло осуществиться. К.Серена, которая навестила Атару в ноябре 1881 года, не нашла даже её останков, «была выжжена даже часть её великолепных лесов» (Карла Серена. Путешествие по Абхазии… С. 113).

[1] Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель… С. 305; Дзидзария Г.А. Махаджирство… С. 337.

[2] Дзидзария Г.А. Махаджирство… С. 337.

[1] Джанашиа Н.С. Село Адзвибжа или Швацкали…; Этническая «революция» в Абхазии (по следам грузинской периодики XIX в.). Составитель, переводчик материалов периодики с грузинского, автор предпосылочных статей и ответственный редактор кандидат исторических наук Т. А. Ачугба. – Сухум. 1995. С. 74.

[2] Газ. «Кавказ» 22 февраля 1878г.

[3] Дзидзария Г.А. Махаджирство… С. 345.

Посетивший эти края в конце 80-х годов XIX столетия Г. Грове писал: «Трудно встретить местность более роскошную и красивую, чем луговые пространства и леса, по которым протекает Кодор… Несмотря, однако, на всю красоту этой прелестной долины, путешественник, проходя по ней, не может не ощущать того чувства грусти и тоски, какое обыкновенно наводит отсутствие всяких признаков человеческого пребывания»[1].

Д. И. Гулиа, вспоминая махаджирские годы, писал, что они «очутились на турецком берегу в ужасающем положении – без жилья, без еды. Абхазцы, которые прибыли в Турцию раньше нас и кое-как устроились, приютили махаджиров. Помогли нам и турецкие рыбаки»[2].

По свидетельству Н. С. Джанашиа, после двух-трехлетнего пребывания в Турции те из абхазов, кто сумел, возвратилась назад с большим трудом и обнищавшими[3]. Многие абхазские махаджиры, пытавшиеся возвратиться, осели в Аджарии, ввиду того, что вначале турецкие власти, а затем и русские, отклоняли неоднократные просьбы абхазов о возвращении на родину. Потомки абхазских махаджиров в Аджарии, в основном, представлены абжуйцами, среди которых встречаются носители фамилий, проживавших в Абхазии до махаджирства: Бадия, Зухба, Баснык-ипа, а также и сегодня, живущие в Аджарии фамилии – Акшба, Делба, Апшцба, Маан, Лолуа, Чечерипа, Шларба (все фамилии, кроме Шларба, проживали в Аджарии еще с первой половины XIX века)[4]. Г. А. Дзидзария приводит списки абхазских махаджиров, которые смогли возвратиться домой. Так, в списке от 16 февраля 1879 года числятся 219 человек возвращенцев на родину, в основном, выходцев из сс. «Аацы, Дурипш и Апцхва» Бзыбской

[1] Грове Г. «Холодный Кавказ». – СПб.1879.С.212–213; Гожба Р. Именной посемейный список жителей Цебельдинского военного округа, изгнанных в Турцию//Газ. «Апсны капш». 21 июня 1990г. (на абх. яз).
[2] Гулиа Д. И. Избранное. – Сухуми. 1973. С.5.
[3] Джанашиа Н.С. Село Адзвибжа или Швацкали…
[4] Ачугба Т. Поселение абхазов в Аджарии. – Батуми. 1988. С. 46–49 (на груз. яз.); его же. На полпути по дороге на Родину//Газ. «Аидгылара». 6 октября 1989 г.

Абхазии и «местечка Очемчиры и Адзюбжа» Абжуйской Абхазии[1]. Возвратились, например, абжуйцы Маджит Кация, Дурсун Хонелия, Петр Акшба, Халил Шинкуба, Куастандел Женя, Аношв Делба, Гусейн Чечерипа[2], Чаландзия, Хусейн Пантия, Гиаргь Карчаа, Мамсыр Допуа.

Одним из первых карательных мероприятий царского правительства в Абхазии после восстания и военных событий 1877 года на территории края была «административная высылка» всех неблагонадёжных лиц». При этом «особого внимания» заслуживали те, которые выступали вообще против царского режима. Так, ещё летом 1877 года, как «государственные преступники» были сосланы в Сольвычегодск Вологодской губернии, попавшие в плен во время боевых операций жители с. Дранда – Мурзакан Лакербай, Хват Гумба, Ханашв Мукба и Чич Иванба; жители с. Джгиарда – Хрипс и Беслан Маршания, Шмаф Цыба и Хит Ашуба[3]. Ещё дальше, а именно в Сибирь, был сослан Гвадала Ачба (Анчабадзе) из с. Члоу. Томскому губернатору предписывалось (1879 г.) водворить «этого горца в Сибири навсегда»[4].

Ещё одним карательным мероприятием царизма в послевоенной Абхазии было запрещение абхазским махаджирам обосноваться в центральной части страны, между реками Кодор и Аапста[5], где наиболее плодородные земли уже предназначены были для новоявленных колонистов и арендаторов. Так, жителям Допуакыта, поголовно выселенным в Турцию[6], после возвращения единственной семьи, ей не было разрешено жить на старом месте – в междуречье Малого и Большого Кодора. Им были выделены земли на левобережье Кодора – в местности Кудрахыку, где и

[1] Дзидзария Г. А. Махаджирство… С.376.
[2] Там же.
[3] Там же С. 416.
[4] История Абхазии… С. 204.
[5] Чарая П.Г. Землевладение в Абхазии // Журн. «Квали». №12. 1897. С. 252 (на груз.яз.); Очерки истории Грузии (в восьми томах). Т. II. Грузия в IV–X веках. – Тб. 1988. С. 301.
[6] Дзидзария Г.А. Махаджирство…С. 370.

образовали новое поселение[1]. Примером того, как прибывавшим из депортации абжуйцам не разрешали жить на правобережье Кодора, является также история с семьей Д. И. Гулиа, которой по возвращении из Турции не было разрешено поселиться в родной Уарче – они вынуждены были обосноваться на левом берегу Кодора, (куда переместился этнический центр с. Адзюбжа). К. Д. Мачавариани в «Описательном путеводителе…», описывая шоссе, ведущее к «полноводной реке Кодор», отмечает: «Сейчас за мостом стоит абхазское село Адзюбжа»[2]. Тем самым он подтверждает, что правобережье Кодора уже было заселено иноэтническими колонистами.

Помимо мегрельских арендаторов, оставшихся здесь на постоянное жительство, на абхазские земли привлекались и крестьяне из различных регионов России. Даже, несмотря на неблагоприятные для переселенцев климатические условия и др., заселение шло интенсивно. Только в районе нижнего течения реки Кодор в 1878–1879гг. осело более сорока русских семей[3]. С заселением этого района русскими и другими колонистами связано и появление в 70-е – 80-е годы XIX века на правобережье Кодора поселений Эстонка (абх. Допуакыт)[4], Владимировка (абх. Кацикыт), Черниговка (абх. Адзына), в юго-восточной же части с. Адзюбжа было заложено «дачное место» – «Дача». А в местности Ашьашла, по свидетельствам старожилов, абхазские земли были пожалованы российскому военному чиновнику С.А. Болтенкову[5].

---

[1] См.: Адлейба Е.А. Звараки. – Сухум. 1999. С. 13–14 (на абх. яз.).

[2] Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму… С.115.

[3] Дзидзария Г.А. Махаджирство…С.430; Авидзба В.Д. Проведение в жизнь крестьянской реформы в Абхазии… С.56.

[4] Поселение Эстонка на месте бывшего Допуакыт было образовано в 1881 г. Постановлением Парламента Республики Абхазия от 12 июля 1996 г. название Допуакыт (на месте с. Эстонка) восстановлено (Газ. «Апсны». 30 июля 1996 г.) (на абх. яз.).

[5] Потомки этих колонистов проживают в низовьях Кодора и в настоящее время. В этой связи, например, отметим, что в с. Дранда проживает Наталья Григорьевна Драндар 1951 г. р. –

Главным проводником российской политики на всем Черноморском побережье Кавказа была православная церковь, которая должна была внушить абхазам понятие о порядке и благоустройстве под защитою законного русского правительства. По настоянию наместника Кавказа князя Воронцова, ещё в 1851 г. была организована Абхазская архиерейская кафедра. «При последнем владетеле, в начале его управления на всём пространстве от Гагр до Гализги существовали только две церкви, в которых производилась церковная служба: одна в резиденции владетеля в селении Лыхны (Соук-Су), в которой служба совершалась изредка, а другая в селе Илори, всё время поддерживавшая светочь христианства»[1]. Однако во время Крымской войны Илорский храм подвергся разрушению.

Претворяя в жизнь планы колониального освоения Кавказа, царская администрация способствовала организации «Общества восстановления православного христианства на Кавказе». Миссионеры русского православия в Абхазии с помощью владетельного князя Михаила Чачба (Шервашидзе) принялись за восстановление храмов и монастырей, строительство новых церквей. По повелению владетеля в 1860 г. был отремонтирован и Илорский храм[2]. В этот же период (в 1856 г.), например, на левобережье Кодора, в с. Адзюбжа, «Обществом восстановления православного христианства на Кавказе» была выстроена деревянная церковь во имя Рождества Богоматери, примерно в одном километре от Мармал-абаа. (Сама церковь Мармал-абаа, переставшая функционировать в XVII в., более не восстанавливалась, поскольку она располагалась в пределах 3-километровой запретной царским правительством для поселения абхазов прибрежной полосы). В этой церкви совершали моления и абхазское население, переселенное сюда из Гумистинского участка. Здесь же селились кре-

---

потомок первых болгарских колонистов, образовавших после выселения абхазов в Турцию, на территории с. Наушь (в районе совр. с.Адзыдакуара (Ганахлеба) – поселения Николаевское и Анастасьевское.

[1] Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь //Сост. И. Н. 1898. С. 24.

[2] Кация А.К. Илори… С. 30.

стьяне из разных населенных пунктов Бзыбской Абхазии (Гудаутского участка). Открытый в 1881 году Драндский Успенский монастырь обслуживал только колонистов.

§ 2. Проникновение капиталистических отношений

Несмотря на усиление колониальной политики царизма, в 70-е годы XIX века в истощенной Кавказской войной и махаджирством Абхазии наблюдается оживление в хозяйственной жизни. Определенные сдвиги в этом направлении наблюдаются и в Абжуйской Абхазии. В проекте Сухумской сословно-поземельной комиссии о поземельном устройстве населения Абхазии за 1869 г. подчеркивалось, что в период русской власти произошло увеличение числа береговых базаров до девяти, в числе которых называются очамчирский, илорский, гудавский, тамышский и кодорский базары. В первой половине XIX века основным центром торговли абхазов по-прежнему была Скурча. В «Подробном описании Абхазии» за 1834 г. читаем: «Главный торг (абхазов. – О.М.) производится на устье южного рукава реки Кодор, куда приставали большие турецкие лодки»[1]. Здесь абхазы обменивали кукурузу, буковое и пальмовое дерево (самшит), мед, воск на железо, соль, оружие, сафьян разных цветов[2]. В основном абхазы, как и прежде, торговали продуктами натурального хозяйства, т.е. товарами повседневного потребления. Так, ещё в 1818 году П. Гибаль по поводу своего пребывания в этом районе писал, что «наш лагерь» стал чем-то вроде рынка: к нам ежеминутно приходили абхазы, приносившие кукурузу, сыр, яйца, виноград, кожи –

[1] Подробное описание Абхазии, составленное из лучших известий об Абхазии в 1843 году. Собрание отдельных поступлений Ленинградской публичной библиотеки им. С.–Щедрина в 1928 году. №554/1, 554/2. Л. 15; Сведения об удобствах квартирного размещения всех родов войск... С.14.

[2] Волкова Н. Г. Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту (XIX–начало XX в.) // КЭС. – М. 1989. С.164.

одним словом, все местные товары[1]. «С 1820-х годов центром внутренней торговли абхазов постепенно становится Сухумкале, в котором происходили еженедельные базары»[2]. С 40-х годов XIX века «абхазы начали принимать российскую монету», и «большая часть абхазов узнала теперь цену деньгам и поэтому охотнее продают свои произведения за деньги, нежели на вымен товаров»[3]. По свидетельству С. Пушкарёва «очемчирский базар каждое воскресенье наполняется женщинами–абхазками, продающими шёлк–сырец и другие изделия рук своих» и покупают «коленкор и ситец...»[4]. А по словам писателя В. Соллогуба (1853 г.), «Очамчиры – большое местечко с замечательным... базаром...[5]. Очамчира ещё во второй половине XIX в. было важным пунктом торговли, особенно самшитом и кукурузой. Через Очамчирский порт, который обслуживал два важнейших по производству зерна района Абхазии – Кодорский и Самурзаканский участки, – вывозилось больше кукурузы, чем через Сухум и Гудауты в отдельности. Из местечка отправлялось также большое количество строительного материала, мяса, главным образом резаных свиней, и много домашней птицы. От всей этой торговли в начале XIX в. местечко получало солидный доход, доходивший до 40 тыс. руб. в год. В 1880-е годы по всей Абхазии насчитывалось уже свыше 160 торговых точек, 48 из них располагалось в Очамчире. В пореформенный период абжуйцы все больше укрепляют связи с рынком. Если в 1894 г. Г. А. Рыбинский отмечал, что крестьяне сами не выходили на базар, «а ждут, пока к ним заявятся скупщики», то позднее, крестьяне с кукурузой уже сами выходили на базар. А после организации Кодорского лесозавода «прода-

[1] Дзидзария Г.А. Труды.1. – Сухуми.1988. С. 197–198.

[2] Волкова Н. Г. Этнокультурные контакты народов горного Кавказа...С. 164.

[3] Анчабадзе З. В. Очерк этнической истории абхазского народа... С. 78.

[4] Цит. по: Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения... С. 134.

[5] Соллогуб В.А. Сочинения. Т. V. – Спб. 1855. С. 339.

вали муку с выгодою рабочим лесозавода»[1]. Примечательно также, что «крестьяне признали выгодным продавать овощи среди горожан»[2]. По свидетельству старожил, крестьяне везли в Очамчиру и Сухум фрукты, строевой лес, кукурузу, мёд, воск, уголь.

Конец XIX – начало XX века явились временем активной эксплуатации природных богатств в Абхазии – прежде всего лесов.

Эксплуатация абхазских лесов началась еще в древний период. Вывозу леса способствовали и географические условия – абхазские реки облегчали сплав леса к морскому берегу. Обладание источниками древесины и торговля ею, играли важную роль в экономической жизни населения. Несомненно также, что рубка и транспортировка леса требовали большой затраты рабочей силы и определенной организации.

Известен такой факт: в 1818 году генуэзский коммерсант Р. де Скасси (временно находившийся на службе у русского правительства в качестве попечителя торговли с абхазами и черкесами) погрузил в Скурче двести штук дубового кругляка длиной в 2 саж. и фут в диаметре, причем купил его весьма дешево – за двести сорок рублей[3]. Вывоз леса увеличивается с середины XIX века. Так, лесопромышленник Мошин абжуйский лес вывозил в г. Николаев. По мере развития экономической жизни начинается использование леса и для местных нужд, что было связано, прежде всего, с увеличением потребностей г. Сухума. В этой связи М. Селезнев в 50-х годах XIX в. отмечал, что на правобережье Малого Кодора стояла «лесная команда», заготавливавшая лес для различных построек в Сухуме. Лес в Сухум везли на плотах[4]. Спрос на лес был связан также с проведением шоссейных дорог и мостов через реки. В одном только 1850 г., во время постройки дороги на линии Елыр – Зугдиди, один М. Лолуа срубил 3000 дубов. После упразднения Абхазского княжества, активно стали торговать лесом дворяне и князья. Они заключали «контракты» с лесопромышленниками на порубку строительного леса. Так, дворяне Хварцкия заключили договор на рубку леса для продажи в кындыгской даче с купцом Д. Авгериным; дворяне Маан – на рубку кодорского леса с купцом Ибрагим-оглы; Г. Чачба (Шервашидзе) – с купцами Метакса и Авездопуло на порубку клепки в лесу Чачал[1]. Гудавский дворянин Сасрыква Маргания 1 января 1866 г. «заключил «контракт» с двумя очамчирскими торговцами, по которому он обязался доставить на берег моря дрова на 680 руб.[2].

Уже в 80-х годах XIX века, в деревообрабатывающей промышленности возникает ряд предприятий капиталистического типа, применявших, как правило, паровой двигатель. В указанное время соучастник бельгийской компании Вальтер в бассейне р. Гудава купил 1800 дес. леса с землёй и построил лесопильный завод, от которого к лесу была проложена железнодорожная колея. Деятельность этого предприятия сводилась к изготовлению клёпки, досок и брусьев. Вскоре парижское «Анонимное общество эксплуатации лесов на Кавказе» в Тамыше и в других сёлах у лесовладельцев закупило громадную площадь леса за 1 млн. рублей. В глубь леса также были проложены переносные рельсы. Компания располагала несколькими собственными пароходами[3]. В конце 80-х годов французской компанией Бернар Гаттис и Перрике в Кодорском участке была построена паркетная фабрика, упразднённая, однако, в 1893 году. Работа велась пятью станками с круглыми пилами, а продукция фабрики отправлялась в Марсель[4].

К 1890 году на богатом лесами Абхазском побережье Черного моря леса, кроме как в имениях князей Г. Чачба (Шервашидзе),

---

[1] Фон-Дервиз Н.В. Сухумский округ (Заметки бывшего лесничего) // ЗКОРГО. Кн. XXV. – Тифлис. 1906. С. 71.

[2] Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении // ЗКОСХ. Вып. 1–2. – Тифлис. 1868. С.15.

[3] Дзидзария Г.А. Народное хозяйство и социальные отношения... С. 88; его же. Труды. 1... С. 185.

[4] Дзидзария Г.А. Народное хозяйство и социальные отношения... С. 88; его же. Труды. 1... С.185.

[1] Дзидзария Г.А. Труды. 1... С. 152–153.

[2] Там же. С. 90.

[3] Зиновьев В. Кое–что о лесах Черноморского побережья//Газ. «Кавказ». 11 июня 1887 г.

[4] Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории... С. 442.

А. и Ш. Чачба (Шервашидзе), почти не осталось[1]. В 1889 г. было образовано Очамчирское лесничество. С этого времени Н. В. Фон-Дервиз, будучи лесником, начал изучение условий для эксплуатации лесов в верховьях реки Кодор, а также изучение самой реки в целях использования дешевого водного пути для выхода в Черное море. Обследование и первые пробы показали, что река Кодор пригодна для сплава бревен. Сведения об этом быстро разошлись по России. В 1894 году лесопромышленник Жолквер провел удачный пробный сплав 1000, а затем и 10000 бревен. Впоследствии постановлением комитета министров России лесничество было предоставлено торгам, но это не дало положительных результатов[2], после чего в 1898 г. в сообществе с Жолквером контракт на эксплуатацию лесов Очамчирского лесничества сроком на 15 лет подписал лесопромышленник из Ростова-на-Дону В. Р. Максимов. В том же 1898 г. предприниматель построил в с. Адзюбже крупный по тем временам лесозавод (всего В. Максимов построил в Адзюбжа два лесозавода) – наиболее крупный из 8 лесозаводов, действовавших тогда в Абхазии[3]. Кодорский лесопильный завод располагался на левом берегу Кодора, севернее Кодорского моста, примерно в километре от него[4]. На заводах Максимова, имевших пункты по деревообработке от Чхалты (где стояла контора Максимова и пост стражников) до Адзюбжи, по ведомостям 1898 года работало двести человек. В 1913 году стоимость произведенной продукции на заводе составляла 280 тыс. рублей. В 1900 году на заводе Максимова, по сведениям К. Гана, который называет это предприятие «самым грандиозным в своем роде на Кавказе», работало до 700 рабочих[5], а по сведениям Фон-Дервиза число сезонных рабочих доходило до 8000 человек. Сюда входили лесорубы, сплавщики, пильщики, железнодорожные мастера, рабочие разных специальностей и

[1] Фон-Дервиз Н.В. Сухумский округ (Заметки бывшего лесничего)... С. 68.
[2] Там же. С. 69.
[3] Инал–Ипа Ш.Д. Абхазы... С. 157.
[4] Отдельные моменты из истории села Адзюбжа Очамчирского района. 1965 г. Машинопись // Архив АБИГИ. Ф. 6. Д. 1. С. 1.
[5] Газ. «Кавказ». 5 октября 1900 г.

чернорабочие-подсобные рабочие, а также инженерно-технический персонал[1]. Для их обслуживания в 1900 году были построены различные службы: больница, лавка, столовая, а также была пущена в эксплуатацию первая в Абхазии электроустановка мощностью в 41 л.с.[2].

Лесорубы вырубали в соседних горах сосновые, пихтовые деревья и по реке Кодору (расстояние до 40 км), сплавляли к Кодорскому мосту[3].

Основную рабочую силу Кодорского лесозавода составляли западногрузинские переселенцы-мегрелы и гурийцы, которые с выселением абхазов в Турцию стали поселяться в Абхазии, обычно вблизи дорог в различных приморских пунктах, где шла оживленная торговля и возникали промышленные предприятия.

На Кодорском лесопильном заводе работало и некоторое количество абхазских крестьян.

Корреспондент журнала «Квали» в 1898 году писал: «До сих пор помню мою беседу с одним абхазом: лучше смерть, чем сидеть на арбе по найму или быть слугой или свинопасом. Такова была твердая вера каждого абхаза; сейчас, думаю, наступает другое время – этот мой знакомый работает на заводе по найму. Думаю, в коротком будущем все абхазы втянутся в это дело»[4]. Однако – отмечалось в очерке «Абхазия» в 1902г., – проработав несколько дней на заводе Максимова «абхазцы ушли. Ушли не по-

[1] Отдельные моменты из истории села Адзюбжа... Там же.
[2] Дзидзария Г.А. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. – Сухуми. 1960. С. 145.
[3] Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель... С. 163.
[4] Журн. «Квали». №42. 1898. (на груз. яз.). Следует также отметить, что в период открытия залежей каменного угля в Ткуарчале (конец XIX – начало XX вв.) рабочими на прокладке путей сообщения от Ткуарчал до Очамчир почти исключительно были абхазы Кодорского и Самурзаканского участков. Сообщалось, что «абхазцы... напрашиваются на земляные работы, приходят издалека» (См.: Лакоба С.З. Из истории развития капитализма в Абхазии // Известия АБИЯЛИ. Т. XII. – Тб. 1983. С. 42).

тому, что презирают работу, а в силу неспособности к «рабочей» жизни. Их опять потянуло к кукурузе…»[1].

Завод Максимова производил ящичный материал, предназначенный для укладки керосиновых жестянок, который отправлялся в Батум двум фирмам – Ротшильду и Монташеву – по 62 коп. за кубический фунт. Бревна с трещинами или сучковатые, непригодные для ящичного производства, шли на изготовление предметов, необходимых в строительном деле: брусьев, досок, шелевок, реек, драни и т.д. Эти лесоматериалы отправлялись во все города восточного побережья Черного моря, а попутными пароходами даже в Ростов[2]. Лесопромышленник Максимов так широко развернул свою деятельность, что его предприятие посетил министр земледелия России А. С. Ермолов, а также директор лесного департамента Ф. П. Никитин[3].

Лес вывозился морским путем через Скурчинскую бухту. Для подвоза пилолеса к морю, была проложена узкоколейная железная дорога[4]. На берегу моря, в местности Цкургил, были сооружены складские помещения[5] и причал, куда пришвартовывались корабли, отвозившие пилолес в различные порты юга России.

В 1898 – 1903 годах В. Максимовым была построена и сухопутная дорога Сухум–Чхалта, проведена была на завод телефонная линия[6]. Сюда же 4–5 раз в неделю пароходами из Новороссийска и Батума доставлялась почта.

Характеризуя деятельность Максимова, А. А. Олонецкий пишет: Максимов по своим приемам хищнического ведения лесного хозяйства мало отличался от своих предшественников помещиков-лесопромышленников. Он и его агенты, занимаясь истреблением лесов, не стеснялись в своих операциях «формальными»

---

[1] Лакоба С.З. «Крылились дни в Сухум-кале». – Сухуми. 1988. С. 34–35.

[2] Дзидзария Г. А. Присоединение Абхазии к России... С. 145.

[3] Фон-Дервиз Н. В. Сухумский округ (Заметки бывшего лесничего). Цит. по: Авидзба В.Д. Проведение в жизнь крестьянской реформы… С. 139.

[4] Газ. «Советская Абхазия». 19 ноября 1976г.

[5] См. напр.: Топографическая карта Сухумского округа…

[6] История Абхазии… С.256–257.

соображениями, кому собственно принадлежит лес и расположен ли он на территории заарендованной Максимовым под эксплуатацию[1]. В обоснование сказанного, А. Олонецкий приводит статью «О лесоистреблении в Сухумском округе», опубликованную в журнале «Кавказское сельское хозяйство» за 1900г., где говорится: Лесопромышленники Метакса и Спанаки в 90-х годах затратили до 10 тыс. рублей на расчистку русла Кодора, но без результатов. На сцене появился херсонский лесопромышленник В. Максимов с более солидным капиталом… Эксплуатация Очамчирского лесничества…только началась, но вместе с тем пошли систематические злоупотребления… Укажем на истребление прекрасного пихтового леса…лежащего у слияния рек Сакен и Клыч с Кодором. Пользуясь отсутствием хозяина, лес два года тому назад стал самым хищническим образом вырубаться и уничтожаться контрагентом лесопромышленника Максимова Жолквером. В результате 2-летней усиленной рубки гигантские деревья пихты вырублены на площади в 500 десятин. Дело перешло в суд. (В суд было передано также дело о вырубке дубовых насаждений в имении Смецкого и в имении Николаева в Дальском ущелье). Максимов полагал, что, имея деньги нечего бояться Военно-Народного Управления. В 1912 г. Максимов закончил свои операции с убытком…[2].

В вырубке лесов[3] интересы лесопромышленников переплетались с интересами абхазских помещиков, так как они получали не

---

[1] Олонецкий А. А. Очерки по развитию капиталистических отношений в Абхазии (конец XIX-начало XX вв.) – Сухум. 1934. С.27.

[2] Олонецкий А.А. Очерки… С.28.

[3] Известный ботаник и географ Н.М. Альбов писал, что «возможность пользования лесным богатством Абхазии явится не раньше, чем будут проведены в стране хорошие дороги и она заселится более густо и притом населением более культурным, чем настоящее» (см.: Альбов Н. М. Из Абхазии // Альбов Н. М. Леса Абхазии (Из «Записок Императорского Общества Сельского Хозяйства Южной России». – Одесса. 1892. С.6). Дело здесь, конечно, заключалось не в отсутствии культуры у абхазов, а наоборот, в том, что они, следуя выработанному вековой традици-

только значительные суммы денег, но и расчищенные от леса участки земель, появлялась возможность их использования под технические культуры. Вместе с тем для экономики того времени было более выгодным завозить в Абхазию готовые стройматериалы из ценных пород деревьев тех же абхазских лесов, ибо на месте, вплоть до 90-х годов, не было развито производство по обработке древесины. Что же касается таких предпринимателей, как Максимов и Смецкой, то они объективно выступали поборниками развития промышленности, культуры и прогресса края[1], что хорошо понимали передовые люди того времени. Один из авторов конца XIX века, например, говоря о начале лесопромышленной деятельности В. Максимова, писал: «Мы желаем этому делу успеха и процветания»[2]. Предприятие Максимова способствовало, в частности, техническому развитию края и ограничивало вывоз лесоматериала за пределы Абхазии для его переработки. Выше приводившиеся на первый взгляд кажущиеся справедливыми слова «о хищнической вырубке лесов», думается, выражали в основном только узковедомственные интересы.

С начала XX века Кодорский лесозавод становится наиболее значительным центром нарождавшегося социал-демократического и рабочего движения в Абхазии. В 1902 году, прибывший из Москвы народоволец П. А. Добрынин, недалеко от лесозавода,

---

ей комплексу этических и экологических норм, рачительно относились к своим землям и лесным ресурсам, как к природной среде, в которой они обитали. Исходя из методов освоения лесных богатств края и технического уровня того времени, наивным было и предположение Н. Альбова о том, что «лесным богатствам Абхазии предстоит блестящая будущность» и, что «Абхазия еще долгое время, если не всегда, будет представлять собою настоящее лесное царство» (Альбов Н. М. Из Абхазии... С. 6).

[1] Н. Смецкой, создавший в районе Гульрипша – Агудзер дендрарий лечебно-курортного назначения и построивший три санатория для туберкулезных больных, руководствовался одной единственной задачей – использовать прекрасный климат Абхазии для лечения людей (Прицкер Л.М. Добрый след на земле//Газ. «Советская Абхазия». 10 января 1980 г.).

[2] Журн. «Квали». №42. 1898. (на груз.яз.).

в Скурче, на берегу моря, объединив несколько местных жителей, организовал садовый кооператив «Язон», ставший своеобразным конспиративным домом отдыха, где часто скрывались социал-демократы. Так, здесь жил соратник В. И. Ленина – М. И. Васильев-Южин, которому Сухумская жандармерия местом ссылки определила Скурчу[1]. Живя в «Язоне» М. Васильев-Южин вместе с супругой часто совершали походы по окрестностям Скурчи. А однажды они вместе с П. А. Добрыниным посетили дом его друга Александра Маргания, тоже бывшего народовольца[2]. Посетители «Язона» общались с созданным почти одновременно с ним, вторым конспиративным домом отдыха революционеров в имении Вороновых[3] «Ясочка» в Цебельде[4]. С «Язоном» имел контакт и известный в будущем деятель большевистского движения М.К. Цагурия. По вечерам на даче «Язон» разгорались горячие споры на политические и литературные темы[5].

---

[1] Дзидзария Г. А. В. И. Ленин и Абхазия. – Сухуми. 1977. С. 38 – 39. В книге Б. Костюковского и С. Табачникова «Главный университет», в частности, сообщается, что М. Васильев-Южин находился в «Язоне» «под надзором пристава, устраивавшего наезды из Сухума. Но постепенно Сухумское начальство уверилось, что Васильев никуда не собирается бежать из этого райского уголка, и «контрольные» наезды почти совсем прекратились» (Костюковский Б., Табачников С. Главный университет. – М. 1975. С. 248).

[2] Пачулиа В.П. Памятники и памятные места революционной и боевой славы Абхазии. – Сухуми. 1981. С.14–15.

[3] Предок выдающегося ученого-археолога, политического деятеля Абхазии Ю.Н. Воронова (1941–1995гг.). Дед Юрия Николаевича Воронова – тоже Юрий Николаевич, весной и летом 1901 г. проводил ботанические исследования в Абжуйской Абхазии (Колаковский А. А., Воронов Ю. Н. Юрий Николаевич Воронов. – М. 1981. С. 20–21).

[4] Пачулиа В. П. В Сухумской ссылке // Газ. «Советская Абхазия». 19 ноября 1976г.; его же. Черноморское побережье Кавказа...С.16–17; Лейберов И.П. Цебельдинская находка. – М. 1980. С. 100–116.

[5] Дзидзария Г. А. В. И. Ленин и Абхазия... Там же.

В том же 1902 году на Кодорском лесозаводе впервые в Абхазии возникают революционные кружки. Весной грузинские рабочие завода, протестуя против расстрела мирной демонстрации рабочих в Батуме, устроили первую в Абхазии политическую демонстрацию[1]. В следующем году в Абхазии прокатилась первая волна забастовочного движения (Гагра, Самурзаканский участок). Об отношении собственно абхазского крестьянства к революционному движению 1905–1907 гг. в одном из документов начала XX века говорится, что в «бурное время 1905 года, когда все народности Кавказа приняли участие в революционном движении, абхазцы и черкесы остались совершенно лояльными»[2]. Следует отметить также, что газ. «Иверия» за 1905 г., говоря о революционном движении в Абхазии, писала, что «только Илорское, Тамышское и Адзюбжское общества полностью примкнули к новому движению»[3]. Но здесь имеется ввиду грузинское население этих сел, участвовавшее в движении 1905 г., появившееся в Абжуа после махаджирства и особенно с проникновением в регион экономики, ориентированной на рынок. Об этом свидетельствует тот факт, что из 46-ти политических осуждённых – выходцев из Абхазии – за участие в революции 1905 г., было лишь трое абхазов. «Двое из них – самурзаканские князья Платон и Арзакан Эмухвари, а третий, Василий Гурджуа – из села Киндги Кодорского участка»[4]. События русской революции 1905 года абхазы воспринимали как «грузинскую» революцию и с недоверием относились к тем, кто недавно занял земли их собратьев-махаджиров, а теперь выступал перед ними в роли революционных агитаторов[5].

Вплоть до 1905 года на Кодорском заводе происходили неоднократные выступления рабочих. Так, в донесении начальника Кутаисского губернского жандармского управления 9 февраля

[1] История Абхазии... С. 219.
[2] Записка депутации от Черноморского побережья о проведении Черноморской железной дороги. – С.-Петербург. 1912. С. 19.
[3] Газ. «Иверия». 15 июля 1905г.
[4] Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. – Сухуми 1990. С. 54.
[5] История Абхазии... С. 226

1905 года сообщалось, что на лесопильном заводе забастовали рабочие[1], а в другом донесении главноначальствующего гражданской частью на Кавказе указывалось, что количество бастовавших рабочих на заводе доходило до 400 человек[2]. Весной 1905 года революционеры Л. Готошия и С. Кухалейшвили организовали в с. Адзюбжа пропагандистскую группу, в которую вошли «Дмитрий Габуния, Киагуа Дарсалия, Федор Джанашия» и другие. (Социал–демократическая группа была образована и в м. Очамчиры). Группа была связана с социал-демократической организацией рабочих Кодорского лесозавода. Вскоре члены пропагандистской группы были арестованы. Тогда же в Очамчире было сожжено местечковое управление. В конце 1905 г. в Очамчире была объявлена забастовка, подавленная воинскими частями, прибывшими из Самурзакани[3].

Выше упоминавшийся Л. Готошия, совместно с С. Орджоникидзе и др. создал первые в Абхазии боевые группы, организовывавшие террористические акты против представителей военно-полицейской службы и экспроприировавших деньги и ценности у государства. В конце 1905 года боевики совершили нападение на Кодорский полицейский пост. А в ночь на 20 сентября 1906 года они экспроприировали на пароходе «Цесаревич Георгий» около 20 тыс. рублей. Боевики остановили судно у мыса Кодор, принудили капитана спустить шлюпки и, высадившись на берег, скрылись… По слухам, на корабле находилось до полумиллиона рублей, но нападавшие, якобы, не смогли забрать все деньги, так как торопились… Подробности «экса» через несколько дней рассказывал капитан «Цесаревича Георгия» М. Сенкевич, по словам которого, в частности, «слушать команду, распоряжался один, по-видимому, атаман, с типичным восточным лицом и грузинским акцентом… Есть сведения, и воспоминания очевидцев, что

[1] Мелихов А.Н. Абхазия в годы первой русской революции // Из истории революционных событий в Абхазии в 1905-1907 гг. – Сухуми. 1955. С. 7.
[2] Там же.
[3] Очерки истории Абхазской АССР. Ч.1. – Сухуми. 1960. С. 251.

возглавлял Кодорскую операцию И. Сталин[1], один из крупнейших в России «эксов».

Между тем, в начале марта 1905 года, после ареста Л. Готошия и С. Кухалейшвили, рабочие лесозавода приняли решение отбить агитаторов у правительства. Рабочие завода с Красными знаменами подошли к Кодорскому мосту. Участники шествия разоружили Кодорский и Драндский стражнические посты, вывели около 300 монахов из Драндского монастыря и поставили их впереди колоны вместе с пленными стражниками[2]. Несколько тысяч демонстрантов были встречены у Келасурского моста войсками. После заверения об освобождении арестованных демонстранты разошлись.[3]

§ 3. Видные деятели культуры и просвещения второй половины XIX – начала XX веков

Конец XIX– начала XX века являлся периодом укрепления экономических и культурных связей с Россией, что создавало благоприятные условия для развития культуры, просвещения и общественной мысли в Абхазии. В деле же создания своей национальной культуры абхазский народ обязан, прежде всего, деятельности своих первых учителей – пионеров и энтузиастов обучения на родном языке.

В подготовке первых педагогических кадров Абхазии большая роль принадлежит тифлисской Александровской школе (с 1872 г. – институт). Уже в начале 70-х гг. XIX в подготовку в этой школе получили замечательные педагоги, просветители: **Григорий Эмухвари**, работавший затем учителем в Моквской, Окумской и Очамчирской школах: **Григорий Шервашидзе**

[1] Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии... С. 47–48.
[2] Лакоба С.З. Боевики Абхазии в революции 1905-1907 годов. – Сухуми. 1984. С. 14–15.
[3]Очерки истории Абхазской АССР. Ч.1... С.243; Лакоба С.З. Боевики Абхазии...Там же.

(1853–1919) из с. Бедиа: **Виссарион Инал–ипа**, основатель школ в сс. Гуп и Саберио и **Алексей Эмухвари** (ум. в 1915 г.) из с. Окум. В частности, А. Эмухвари написал ряд публицистических статей, посвящённых вопросам этнографии, школьного строительства, экономического развития края[1] и т.д.

В 80–90-х годах XIX в. появляется целая плеяда абхазских учителей со специальным образованием. Наиболее выдающимися из них были **Фома Христофорович Эшба** (1856–1928) и **Виктор Дмитриевич Гарцкия**, педагогические и общественные взгляды которых формировались под влиянием В. Г. Белинского, К. Д. Ушинского и Я. С. Гогебашвили. Ф. Х. Эшба из с. Бедиа, прозванный «дедом абхазской школы», является автором историко-этнографического очерка «Местечко Очемчиры, селения Илори и Беслахубы (1891г.) и первого задачника на абхазском языке (Тифлис, 1907 г.). Эшба также принимал деятельное участие в комиссии по переводу на абхазский язык книг, учебников[2]. В. Д. Гарцкия из с. Моква после окончания Горийской учительской семинарии, работал учителем в с. Гуп и затем в разное время в Очамчирском училище, смотрителем Сухумской горской школы. В «Сборнике материалов для описания местностей и племён Кавказа», вышедшем в 1892 г. в Тифлисе, была опубликована работа В. Д. Гарцкия «Из абхазских народных преданий и поверий: 1. Озеро Папанцкур. 2. Абрскил (Абхазский Прометей). 3. Ач-кы тызго.

В числе абхазских учителей, работавших в эти годы следует также назвать **Константина Васильевича Маршания** (1874–1941) из с. Гуп и **Мелитона Меркурьевича Бжания** (1864–1933) из с. Елыр[3].

Заслуживает внимание тот факт, что в работе комиссии под председательством члена-корреспондента Петербургской Академии наук, генерал–майора И. А. Бартоломея по составлению первого «Абхазского букваря» 1865 года, принимали участие пред-

[1] Дзидзария Г.А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. – Сухуми. 1979. С. 73–81.
[2] Там же. С. 108–111.
[3]Там же. С. 113–114, 116–118.

ставители абхазской дворянской интеллигенции XIX века, прежде всего это «природный абхазец», «кодорский житель» (с. Адзюбжа), дворянин **Георгий Давыдович Курцикидзе** (род. в 1824 г.) и **Григорий Алибеевич (Александрович) Чачба (Шервашидзе)** (1808–1898).

Г.А. Шервашидзе (Чачба) получил хорошее домашнее воспитание благодаря своей матери Кесарии, женщины образованной и влиятельной. Она была дочерью известного грузинского историка Николая Дадиани. В отчёте «Общества распространения православного христианства на Кавказе» за 1874 год отмечалось, что житель с. Атара Г. А. Шервашидзе «пользовался уважением и влиянием в народе»[1]. В 1848 г. он в чине штабс–капитана являлся «заведующим Абжуйским округом». Затем Г.А. Шервашидзе управлял и Сухумским округом.

Г.А. Шервашидзе отличился в период боевых действий против войск экспедиционного корпуса Омер–паши в 1855 году, а затем и в русско–турецкой войне 1877–1878 гг. В этот период он «отражал бомбардирование Сухума неприятельскою эскадрою», затем, с 12 апреля 1877 года по 1 сентября 1878 года, принимал участие в 12 сражениях в разных местах Абхазии с турецким десантом. Будучи начальником кавалерии Ингурского отряда за боевые отличия был награждён несколькими орденами и медалями[2]. В июне 1877 г. за свои заслуги был произведён в генерал–майоры, а в июне 1890 г. – в генерал–лейтенанты. Г.А. Шервашидзе был известен как поборник школьного образования на родном языке; он способствовал открытию новых школ, совершенствованию их работы. Участие же Г.А. Шервашидзе в создании первого абхазского букваря выразилось, главным образом, в том, что по его предложению бзыбское произношение, принятое сначала в учебнике, было заменено общеабхазским[3].

С 1842 по 1854 годы Г. Д. Курцикидзе служил в качестве переводчика в укреплении Пицунда, Самурзаканском приставстве, Сухумском комендантском управлении, Гагре и цебельдинском

[1] Дзидзария Г.А. Формирование…С. 62.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 64.

приставстве. В 1848 г. Г. Д. Курцикидзе совершил переход через Главный Кавказский хребет из Сухума на Кавказскую линию. «За усердие и преданность царскому правительству» в 1848 году ему был пожалован чин юнкера милиции, а затем прапорщика. Имел он несколько правительственных наград[1]. В 1862 году Г. Д. Курцикидзе участвовал в работе комиссии И. А. Бартоломея по составлению «Абхазского букваря». В том же году, до своего участия в работе указанной комиссии, Г. Д. Курцикидзе содействовал выдающемуся русскому лингвисту-кавказоведу, генерал-майору П. К. Услару в составлении его «Грамматики абхазского языка», о чем П. К. Услар в предисловии к своей книге писал: «В продолжении шести недель занимался я беспрерывно с тремя абхазцами… С особою признательностью должен я упомянуть о Георгии Курцикидзе…[2]. С 1864 по 1865 год Г. Д. Курцикидзе занимался и корректировкой абхазского текста букваря. Приложенные к букварю более 90 абхазских пословиц с переводом на русский и грузинский языки также были записаны непосредственно Г. Д. Курцикидзе[3]. Г. Д. Курцикидзе был женат на дочери адзюбжского дворянина Эриста Маан – Елизавете, имел сына Андрея (1853 г. рожд.) и двух дочерей – Мину и Агафию. Как пишет Г. А. Дзидзария, не уточнен год смерти Г. Курцикидзе, но

[1] См. Личные документы (свидетельства, послужной список Курцикидзе Г.Д. на 15 листах) /Архив Абхазского Государственного музея. Ф.3. Оп.1. Д.1.
[2] Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык. – Тифлис. 1888. С.28.
[3] Абхазский букварь. – Тифлис. 1865 г. При своих недостатках и несовершенстве, а также, несмотря на неблагоприятные условия, сложившиеся в то время в Абхазии, в связи с событиями 60-70-х годов, Абхазский букварь 1865 года, созданный комиссией под руководством И. А. Бартоломея, сыграл важную роль в истории развития просвещения и всей культурной жизни народа – являлся на протяжении почти трех десятилетий первым и единственным абхазским учебником.

сохранился «Полный послужной список», составленный 8 июня 1884 года, на 61 году его жизни[1].

К плеяде представителей досоветской передовой интеллигенции принадлежит просветитель–педагог, краевед и общественный деятель **Пётр Георгиевич Чарая** (1861–1919). П. Г. Чарая выходец из с. Гуп, закончил Мартвильское духовное училище, затем поступил в Тифлисскую духовную семинарию, которую оставил по семейным обстоятельствам с пятого курса. После возвращения в Абхазию он трудится на ниве народного просвещения на протяжении 37 лет, начиная с 1882 г. Педагогическая деятельность, которую П. Г. Чарая начинает в возрасте 21 года, протекала в сс. Гуп, Акуаскьа, Моква, Пакуаш, Окум и Гал[2]. В родном селе он организовал двухклассную школу.

С именем П. Г. Чарая связано и открытие в с. Гуп сельскохозяйственной кооперации, фельдшерского пункта и аптеки.

П. Г. Чарая был одним из образованнейших представителей абжуйской интеллигенции своего времени. Наряду со знанием абхазского, грузинского, мегрельского, русского языков, он владел несколькими иностранными языками – латинским, немецким и французским[3].

Заслуживает внимания разносторонняя и плодотворная научная деятельность П. Г. Чарая. Из множества статей и очерков П. Чарая, печатавшихся в 80-х гг. XIX в., особый интерес представляет его работа «Об Абхазии и абхазах», посвящённая изучению

[1] Дзидзария Г.А. Формирование... С. 66. Сын Г. Д. Курцикидзе – Андрей, в 1876 году учился в пятом классе Тифлисской духовной семинарии. Однако он решил посвятить себя делу народного просвещения (несмотря на тяжелое положение учителей, профессия которых в то время считалась малопрестижной), чтобы быть «полезным для соотечественников». А. Курцикидзе обратился к начальнику Пицундского округа с сообщением о своём намерении «выйти ... на поприще общественной деятельности» и с предложением направить его в Ачандарскую школу (Дзидзария Г.А. Указ. соч. с. 81).

[2] Чочуа А.М. Избранные сочинения... С. 95.

[3] Бгажба Х.С. Этюды и исследования. – Сухум. 1974. С. 216.

этнографии абхазов[1]. Самым же значительным трудом П. Г. Чарая является исследование «Об отношении абхазского языка к яфетическим», написанное им в 33 года, и напечатанное в 1912 г. в Петербурге, под редакцией и с предисловием акад. Н. Я. Марра, который высоко ценил П. Чарая, называл его самородком и энтузиастом–самоучкой.

Эта книга П. Чарая была одним из толчков, побудивших Н. Марра заняться исследованием абхазского языка[2].

Михаил Леванович Чачба (Шервашидзе**)** (1872–1919). Первый абхазский топонимист, автор первой карты Абхазии – «Апсны ахсаала» (1912 г.), уроженец с. Кутол. Детство провёл в доме своих воспитателей Абаса Когониа (отца классика абхазской поэзии Иуа Когониа) и Таии Ласуриа[3]. Учился в Сухумской горской школе вместе с Д. И. Гулиа[4]. Затем М. Л. Шервашидзе поступил в Тифлисское пехотное юнкерское училище, по окончании которого, с 1888 года, служил офицером в разных армейских частях. М. Л. Шервашидзе, командующего 13-м леиб-гренадерским Эрвинским полком в Манглиси (около Тифлиса), первая мировая война застала в Петербурге, откуда он был мобилизован на фронт, служил в Восточной Пруссии.

В 1916 г. полковника М.Л. Шервашидзе переводят на западный фронт командующим Московского четвёртого гренадёрского Несвижского полка. За проявленную отвагу и незаурядные военные способности его награждают орденами Станислава и Анны всех степеней, орденом Владимира и золотым оружием за личную храбрость.

[1] Дзидзария Г.А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции... С. 215.

[2] Там же.

[3] Инал–Ипа Ш.Д. «Он бескорыстно служил родному краю». (К 120-летию со дня рождения первого абхазского географа М.Л. Шервашидзе-Чачба и 80-летию его карты Абхазии – «Апсны ахсаала» // Газ. «Республика Абхазия». 7 августа 1992 г.

[4] Дзидзария Г.А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции... С. 242.

М.Л. Шервашидзе был человеком высокой культуры. Он в совершенстве владел родным абхазским, а также грузинским, русским и французским языками. Любил и разбирался в музыке, увлекался историей, географией и литературой, был страстный библиофил.

Над созданием среднемасштабной карты Абхазии М.Л. Шервашидзе трудился в 1911–1912 гг. (в этот период он часто консультировался у Д.И. Гулиа по вопросом географии и топонимики края). Не будучи специалистом-географом, тем более картографом, не опираясь на предшествующую традицию, М.Л. Шервашидзе выполнил свои труд с огромной тщательностью, совершенно добровольно, по своей инициативе и на свой личные средства. В карте «Апсны ахсаала» приведены ценнейшие топонимические материалы, – «все старые, существовавшие имена городов, местечек, сёл, деревень, гор, рек и озёр». Географические названия нанесены на карту рукописным способом, на староабхазском алфавите[1]. Собранный и систематизированный автором материал представляет значительный интерес не только для изучения географии, но также языка и истории абхазов. Карта, как отмечалось в газ. «Сухумский листок» за 1912 г., составлена очень умело, с сохранением первоначальных абхазских названий местностей, гор рек и проч. В частности, член правления Общества распространения грамотности среди абхазцев, инженер Р.И. Какубава, рекомендовал распространение карты в школах Абхазии[2]. Необходимо подчеркнуть, что обширный топонимический материал карты «Апсны ахсаала» был использован при составлении новой карты «Республика Абхазия» (масшт. 1:200000), изданной в 1997 г.

В 1872 году в с. Адзюбжа родился **Николай Семенович Джанашиа** (1872–1918) – впоследствии видный педагог, историк, этнограф и общественный деятель.

Н. С. Джанашиа по окончании Сухумской горской школы поступает в Горийскую учительскую семинарию, где в те годы преподавал грузинский писатель Н. Ломоури. По воспоминанию Н.

[1] См. «Апсны ахсаала» (карта Абхазии). 1912г. Сост. на абх. яз. шт.-кап. кн. М.Л. Шервашидзе (Чачба).
[2] Дзидзария Г.А. Формирование... С. 243.

Ломоури, в семинарии Н. Джанашиа не изучал грузинский язык, так как его считали абхазом. И только по инициативе Ломоури, Н. Джанашиа впервые стал здесь обучаться грузинскому чтению и письму[1]. В 1891 г. Н. Джанашиа заканчивает учительскую семинарию и с этого времени начинается его педагогическая, общественная и научная работа.

Н. С. Джанашиа по происхождению был грузином, но вся его семья была пропитана «абхазством», родным их языком был абхазский, а сам Нико свои этнографические работы иногда подписывал «природный абхаз».

Н. С. Джанашиа пользовался среди населения большим авторитетом. При активном участии Н.С. Джанашиа в 1915 году в Сухуме была открыта учительская семинария. В 1913 году в доме Н.С. Джанашиа побывал Н.Я. Марр, которому он много содействовал в его работе над вопросами абхазоведения[2]. Заметен вклад Н.С. Джанашиа и в науку. Исследователи до сих пор проявляют к его работам живой интерес.

Этнографические работы Н. С. Джанашиа стали ругулярно печататься с 1897 года в грузинских журналах «Моамбе» и «Акакис кребули». Главным исследованием Н.С. Джанашиа является – «Абхазы (этнографические материалы)». Н. С. Джанашиа пересмотрел и перевел на русский язык свои материалы по этнографии абхазов: эти переводы, опубликованные в журнале «Христианский Восток» составили два исследования: «Религиозные верования абхазов (1915г.) и «Абхазский культ и быт» (1917г.) Перед тем, как приступить к переводу своих материалов на русский язык, для их новой проверки Н.С. Джанашиа «пригласил особую комиссию» из лучших знатоков староабхазского быта с. Адзюб-

[1] Месхи Ш. Симон Джанашиа. – Тб. 1947 (на груз. яз.).
[2] Н.С. Джанашиа вместе с другими членами переводческого комитета Абхазии (Д. Гулиа, Н. Патей-ипа, И. Гулиа, С. Кация, П. Чарая и др.) в том же 1913 г. сопровождал Н. Я. Марра в его поездке в с. Джгиарда, к народному сказителю Хабыджу Ашуба. Туда же были приглашены и другие известные сказители села. С их слов были записаны много преданий и легенд.

жа, «где именно собран весь материал[1]. В комиссию (которая работала 2 и 3 июля 1914 года) вошли «мать Нико Джанашиа – Гыча, со слов которой первоначально был сверен весь материал, Харихан Ченгелиа, восьмидесятилетний старик Келамат Делба, прекрасный знаток абхазского языка и оратор Абдаху Лолуа, знаток сказок и легенд Алексей Допуа, Мшагу Ченгелиа и Алексей Джанашиа».

Н.С. Джанашиа умер в Сухуме в 1918 году в возрасте 46 лет в результате заболевания зловредной тропической малярией. Похоронен в родном с. Адзюбжа.

21 февраля 1874 года – на правобережье Кодора – в Уарче родился патриарх абхазской литературы, ученый-энциклопедист, Народный поэт Абхазии **Дмитрий Иосифович Гулиа** (1874–1960). Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. среди других абхазских депортантов, в Турции оказалась и вся семья маленького Дмитрия. После почти одного года нахождения в махаджирстве, перенеся страдания и лишения, семья Гулиа возвращается в Абхазию и поселяется в с. Адзюбжа, на берегу реки Нартоу. Здесь прошло раннее детство Д.И. Гулиа, с этим селом была связана и вся дальнейшая жизнь его семьи[2].

Вся сознательная жизнь Д. И. Гулиа связана с просветительской деятельностью, которая неизменно пересекалась с его интенсивной творческой работой, платформой для которой служила духовная культура народа, её осмысление.

В 1891 году в возрасте 17 лет Д. И Гулиа начинает работать в Кутольской начальной школе, совмещая одновременно должности смотрителя, преподавателя и строителя. Через некоторое время его переводят в Кындыгскую, а затем Тамышскую школу. С 1 сентября 1912 г. Гулиа работает в Сухуме в разное время в женской гимназии, в горской школе, в реальном училище, в учительской семинарии[3].

---

[1] Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии Абхазии. Составил и написал предисловие Х.С. Бгажба. – Сухуми. 1960. С. 6.

[2] Пачулиа В.П. Здесь помнят Дмитрия Гулиа. – Сухуми. 1974. С.9–12.

[3] Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции... С. 123.

Во многих своих произведениях Д. Гулиа изобразил людей Абжуа. Он был собирателем их сказок, легенд, притч. Гулиа в преддверии второго Всесоюзного съезда советских писателей, делегатом которого он являлся, в своей статье «Думы о литературе», сравнивал, например, кропотливый труд литератора с работой кузнеца «Лумана»[1] – Османа Камкия.

В своем творчестве Д. Гулиа часто обращается к родному селу. Отец Д. Гулиа – Урыс любил рассказывать в семейном кругу обо всем услышанном и случившемся на селе, о всяких забавных историях деревенской жизни. Многие из них, ярко запечатлевшиеся в детской памяти, в переработанном виде войдут впоследствии в сборник его уникальных коротких рассказов[2]. Убеленный сединами патриарх абхазской литературы каждый день в один и тот же час садился рядом с шофером в машину и ехал на прогулку... медленно проезжал по улицам Сухума, а потом чаще всего сворачивал на дорогу, идущую на юг, в сторону Кодора, к тем местам, где он родился. Иногда он доезжал до реки Кодора и подолгу сидел на его берегу.

---

[1] Гулиа Д. И. Избранное... С. 417; его же. Собрание сочинений. Т.3. – Сухуми. 1983. Из представителей досоветской абхазской интеллигенции, справедливо будет отметить младшего брата Д. И. Гулиа – Ивана Иосифовича Гулиа (1888–1955). После окончания Сухумской горской школы И. И. Гулиа, в 1906 году, прошел курсы при Сухумском городском училище на получение звания учителя начальных школ. В 1907 году он назначен учителем в с. Джгиарда, где вскоре стал заведующим училища, а в 1911–1914 годах работал учителем в Тамышском второклассном училище. В 1909 году в 40-м выпуске СМОМПК им были опубликованы «Абхазские сказки», выпущенные затем отдельным оттиском. И. И. Гулиа являлся, кроме того, собственным корреспондентом «Сухумского листка», «Сухумского вестника», «Сухумских вестей», на страницах которых довольно часто выступал, главным образом, о делах в с. Тамыш Кодорского участка (Дзидзария Г.А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции... С. 212, 270.)

[2] Инал–Ипа Ш.Д. Прыжок благородного оленя. (К 100-летию со дня рождения Народного поэта Абхазии Д. И. Гулиа). – Сухуми. 1974. С. 15.

Многолетняя дружба связывала Д. И. Гулиа с его односельчанами Н. С. Джанашиа и А. М. Чочуа. По воспоминаниям старожилов, Д.И. Гулиа принимал близкое участие в радостях и горестях своих односельчан, его часто можно было видеть на сельских сходах. В свое время он приезжал в местную школу для проверки преподавания абхазского языка, где в то время работал выдающийся впоследствии абхазский драматург, государственный и общественный деятель С. Я. Чанба. В тот период Гулиа и Чанба часто встречались и подолгу обсуждали вопросы развития абхазской литературы, культуры и просвещения.

С именем Д. И. Гулиа как основоположника художественной литературы тесно связано национальное развитие абхазского народа.

Первые художественные произведения Д.И. Гулиа, увидевшие свет, датированы 1906 годом[1]. В 1912 г. в Тифлисе, был издан сборник поэтических произведений Д.И. Гулиа. В 1913 г. была опубликована поэма Д.И. Гулиа «Переписка юноши и девушки», которая положила начало абхазской любовной лирике. В 1917 г. Д. И. Гулиа откликается на февральско-мартовские революционные события в Петрограде стихотворением «Вперед». В 1918 г. Д. И. Гулиа опубликовал первое произведение абхазской художественной прозы – замечательный рассказ «Под чужим небом». Ряд других стихотворений и статей Д. И. Гулиа напечатал в 1919–1920 гг. в газ. «Апсны» (Абхазия).

С именем Д. И. Гулиа теснейшим образом связано также формирование абхазской демократической интеллигенции конца XIX – начала XX века. Д. И. Гулиа был одним из составителей азбуки и одним из первых абхазских учителей-просвещенцев. Он первый поэт, выпускавший книги на абхазском языке, редактор первой абхазской газеты «Апсны» (созданной усилиями лучших представителей тогдашней абхазской интеллигенции – А. Чочуа, С. Чанба, М. Цагурия, И. Маргания, Д. Алания). Д.И. Гулиа автор первой «Истории Абхазии», собиратель фольклора и организатор

[1] Дзидзария Г.А. Формирование… С. 123.

театра, он же был одним из первых абхазских общественных деятелей[1].

Особая заслуга в развитии народного образования и культурного строительства в Абхазии принадлежит общественному и государственному деятелю, просветителю **Андрею Максимовичу Чочуа** (1879–1965). А. М. Чочуа родился 14 августа 1879 года в с. Адзюбжа, спустя год после окончания русско-турецкой войны и последовавшей за ней массовой депортацией абхазов в Турцию. Со дня случайной находки газеты на берегу Кодора, у него появляется страстное желание учиться. Отец определил Андрея в Драндскую монастырскую школу, где в то время обучались дети абхазцев (кстати, его одноклассником был Алексей Джанашиа, брат Николая Семеновича Джанашиа). Спустя некоторое время ему удается поступить в Сухумскую двухклассную горскую школу, которую окончил в 1897 году с отличием… С 1905 года А. М. Чочуа на протяжении многих лет учительствовал в различных школах г. Сухума. В 1907 г. он был одним из участников делегации к наместнику Кавказа по снятию «виновности» с абхазского народа. По инициативе А.М. Чочуа и его коллег, школы были открыты в сс. Адзюбжа, Лыхны, Атара, Отобая, а в Сухуме в 1915 году была открыта учительская семинария... А. М. Чочуа прошел большой жизненный путь от школьного преподавателя математики, географии и истории до Председателя Президиума Верховного Совета Абхазской АССР (1948–1958 гг.). В разное время А. М. Чочуа работает Наркомом просвещения республики (1925 г.), директором первого высшего учебного заведения в Абхазии – Всесоюзного института субтропических культур (с 1931 г.), и Сухумского государственного педагогического института (в 1932 г.), директором Абхазского института языка, литературы и истории, и одновременно Сухумского ботанического сада в 1938–1948 годах[2]. С самого начала своей педагогической и обществен-

[1] Подробнее о Д.И. Гулиа см. напр.: Инал-Ипа Ш.Д. Прыжок благородного оленя. (К 100-летию со дня рождения Народного поэта Абхазии Д.И. Гулиа)…; Агрба В.Б. Из истории дореволюционной абхазской литературы. – Сухуми. 1988. С. 36-60.

[2] Дзидзария Г.А. А. М. Чочуа // А. Чочуа. Избранные сочинения.,. С. 8, 10, 11, 13.

ной деятельности А. М. Чочуа вел интенсивную научно-методическую работу. В 1909 г. в абхазских школах начали обучать детей по составленному им букварю. В 1914 г. «Абхазская азбука» А. М. Чочуа выпускается вторым изданием в дополненном виде. Им составлены также учебники по абхазскому языку для начальной школы. В 1920 г. он выпустил две книги для чтения по абхазскому языку (для второго и третьего года обучения). В советское время А. М. Чочуа написал учебники по родному языку для первого, второго и третьего классов абхазской начальной школы. Кроме того, А. М. Чочуа в соавторстве с В. (М.) Н. Маан составил книги для чтения по русскому языку для 2–4-ых классов[1].

Самсон Яковлевич Чанба (1886–1938), классик абхазской литературы, выдающийся государственный и общественный деятель. Родился в с. Атара 18 июня 1886 года. В 1903 году С.Я. Чанба, вместе с четырнадцатью другими учениками, в том числе Иваном Гулиа, заканчивает полный курс Сухумской горской школы. Накануне первой мировой войны С. Я. Чанба успешно завершает Кутаисскую учительскую семинарию (в м. Хони). Еще будучи учеником семинарии, во время летних каникул, С. Я. Чанба познакомился с А. М. Чочуа, которому показал записанные им со слов своего деда Куатащьа, (слывшего «большим оратором во всем Сухумском округе»), абхазские сказки. А. М. Чочуа дал С.Я. Чанба совет «продолжить сбор сказок» и «пробовать свои силы в создании художественных произведений». После завершения в 1914 году учительской семинарии, С.Я. Чанба заведовал Кутольской школой, а в 1915 году по просьбе адзюбжской школьной комиссии и с согласия тогдашнего инспектора народных училищ Абхазии А. Измайлова, С.Я. Чанба назначается заведующим Адзюбжской школы. Здесь он женится на учительнице этой школы Елене Никаноровне Гойден, дочери местного фельдшера Н. А. Гойдена[2]. Елена окончила Адзюбжскую школу,

[1] Дзидзария Г.А. А.М. Чочуа… С.12.

[2] В начале XX века Гойден был единственным фельдшером в Кодорском уезде (Архив Абхазского Государственного музея. Ф. 3. Д. 110).

а затем и Сухумскую женскую гимназию, и начала работать в Адзюбже, в совершенстве владела абхазским языком[1].

С 1 сентября 1916 г. С. Я. Чанба переводится в Сухумскую учительскую семинарию, где до 1921 г. преподавал абхазский язык, географию и музыку (скрипка). В 1917–1918 годах он был членом Сухумского окружного школьного комитета и принимал активное участие в реформе просвещения в Абхазии.

Видный представитель абхазской интеллигенции **Иван Николаевич Маргания** (1891–1937) учился в Сухумской горской школе, затем в Закавказской учительской семинарии (Гори), откуда был исключен в 1904 году за участие в нелегальной ученической организации. В 1905 году поступил в Кутаисское сельскохозяйственное училище, после окончания которого в 1911 году некоторое время работал в Сухумском ботаническом саду[2]. В 1913 году И. Н. Маргания поступил на медицинский факультет Харьковского университета. В эти годы он сотрудничал в газетах «Пролетарий» (Харьков) (вплоть до своего возвращения на родину в 1918 году) и «Закавказье» (Тифлис), в последней поднимал вопросы, имеющие большое общественное звучание. Так, в опубликованной в газ. «Закавказье» 13 августа 1911 года статье «Из Абхазии», И. Н. Маргания отмечал тягу абхазского населения к просвещению и приводит пример, как «в начале 70-х годов один мальчик из Адзюбжи был направлен в Никитское училище садоводства (Ялта), которое он блестяще окончил… и вернулся в Сухум...»[3].

[1] Дзидзария Г.А. Формирование…С.169.

[2] Там же. С. 260.

[3] В 1871/72 учебном году в Никитском ботаническом саду (Крым) учились трое абхазских детей: в 1875 году – 1 человек. В отчете начальника Сухумского отдела за 1874 год говорилось, что «…нельзя упустить из виду одно важное обстоятельство, имеющее некоторую связь с будущим в отношении сельскохозяйственном - это надежда на воспитанников Владикавказской школы и Никитского сада, куда из Абхазии отправлено в последние два года несколько мальчиков для обучения специально сельскому хозяйству, которым остается пожелать одного только, чтобы приобретенные ими знания могли они с пользою приме-

«В настоящее время, – писал далее И. Н. Маргания, – абхазы сами всеми силами стараются давать своим детям образование. Но куда же могут определить их? В Сухумское реальное, даже городское училище – не в состоянии, так как редкий абхазец может тратить на сына 15-20 рублей в месяц…» Откликнувшись на строительство школы в родном селе, И. Н. Маргания в той же статье писал о том, с каким трудом за счет средств жителей Адзюбжи, было начато строительство кирпичного школьного здания[1].

Общественно-культурная и просветительская деятельность **Василия (Миши) Николаевича Маан** (1898–1946) в основном относится к 30-м годам XX столетия. После окончания Сухумской горской школы и двухгодичных педагогических курсов при Сухумском высшем начальном училище, получив звание учителя начальных классов, В.Н. Маан более четверти века плодотворно работал в школах Абхазии и вел общественно-культурную работу[2].

«Еще в 1919 году, – как пишет Г.А. Дзидзария, – В.Н. Маан являлся Председателем Очемчирского отделения «Абхазского культурно-просветительского общества» (образовано в 1917 году). Благодаря стараниям В.Н. Маан и других членов этого общества (П.С. Шакрыл – заместитель; И.А. Аджинджал, Д.Т. Маргания, Н.Ф. Шервашидзе и др.) «при Очемчирской гимназии был открыт пансион для абхазских детей»[1].

нить на родной своей почве» (Дзидзария Г.А. Формирование... С.72).

[1] Газ. «Закавказье». 13 августа 1911 г.; Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 261.

[2] В.Н. Маан. Некролог // Газ. «Советская Абхазия» 22 мая 1946 г.; Дудко А.П. Из истории педагогического образования в Абхазии. – Сухуми. 1961. С. 105; Гулиа Д.И. Сочинения. Т.4. – Сухуми. 1962. С. 160; Шинкуба Б.В. Избранные сочинения. Т.1. – Сухуми. 1967. С. 17. (на абх.яз.); Хашба М. В весенние дни. Воспоминания // Журн. «Алашара» №8. Август, 1968. С. 65–66 (на абх. яз.); Пачалиа Ш. Путь актера. – Сухуми. 1968. С.18,39–40 (на абх.яз.); Аргун А.Х. История абхазского театра. – Сухуми. 1978.

§ 4. Социально-экономическая жизнь региона

С конца XIX века царское правительство в Абхазии по отношению к коренному населению начинает проводить новую политику. Оно отказывается от административно-полицейских мер против абхазов, т.е. в отношении последних переходит от политики «кнута» к политике «пряника»[2]. В 1892 году решением Синода была основана Комиссия по переводу богослужения на абхазский язык[3], в отдельных церковноприходских школах – все преподавание, в других – закон Божий. В 1907 г. в Лыхненском и Моквском соборах на абхазском языке были проведены первые торжественные богослужения. Благочинный протоирей Д. Т. Маргания (Маан) в 1910 г. писал, что в приходах Абжуйской Абхазии (Кодорский участок), а именно в «Киндгском», как и в ряде приходах Бзыбской Абхазии, «состоят священниками природные абхазцы, могущие беспрепятственно совершать богослужение на родном своём языке… Кроме сего, в пяти абхазских же приходах Округа: Гупском, Цхенис-Цкальском, Беслахубском, Квитоульском и Адзюбжском», служат священниками лица, которые хотя неабхазского происхождения, «но достаточно владеют абхазским языком и, при желании, могут так же совершать церковные службы и требы на оном языке»[4].

[1] Дзидзария Г.А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции… С. 326–327.

[2] История Абхазии… С. 228.

[3] Там же.

[4] Дмитрий Маргания (Маан) – протоирей-просветитель. Составление, предисловие и послесловие доктора филологических наук Х.С. Бгажба. – Сухум. 1999. С.10,30. По данным проф. А.Э. Куправа, в построенной в 1880-х – 90-х гг. XIX в. в с. Река церкви «служили первые абхазские священники – А. Ажиба и И. Кучуберия. Богослужение они проводили на абхазском языке, что

Для распространения в среде абхазского крестьянства полезных сельскохозяйственных знаний, оказания им агрономической помощи,в рассматриваемый период, широко развило свою деятельность «Сухумское общество сельского хозяйства»[1]. СОСХ проводило, в частности, сельскохозяйственные чтения среди сельского населения.

Первые народные чтения в Абжуйской Абхазии были проведены осенью 1909 г. в наиболее крупных сёлах – Адзюбже, Тамыше и Мокве. Об интересе жителей Адзюбжи к этому мероприятию свидетельствует тот факт, что на чтении присутствовало 102 мужчин и 25 женщин. Крестьяне просили прислать инструктора, который бы мог знакомить земледельцев с наиболее эффективными способами ведения сельского хозяйства. Слушатели, в частности, интересовались сельскохозяйственной техникой, ее стоимостью[2], и другим.

На чтения в с. Тамыш пришли 77 мужчин и 40 женщин. Знакомясь с демонстрируемыми сортами кукурузы (белый «конский зуб» и жёлтый ганган), тамышцы последний из них назвали абхазским, который издавна сеяли их отцы, ценя его за скороспелость. Было высказано пожелание об организации на местном школьном участке 5 десятин опытного поля, на котором школьники и остальные могут научиться и способу обработки земли, и уходу за растениями.

Население с. Моква, по сравнению с другими, «показалось более отсталым». На вопросы отвечали с опаской, женщины боялись принять семена, но, узнав, что за них платить не надо, охотно их разобрали[3].

В целях дачи крестьянам знаний и показа им преимуществ культурного плодоводства в 1912 г. в с. Адзюбжа у отдельных жителей были заложены плодовые садики. В том же году в указанном селе были сделаны посевы хлопка – «в имении С. А. Болтогда было редким явлением» (Куправа А.Э. Река. Рукопись. 2003 г. С.3).

[1] Газ. «Сухумский вестник», №1. 1916 г.

[2] Смыр Л. Г. Сухумское Общество Сельского Хозяйства (1898–1922гг.). – М. 1996. С. 54, 72.

[3] Там же. С . 72–73.

тенкова – 300 кв. саж., в имении П. А. Добрынина – 300 кв. саж.[1], «на уч. г. Мельникова – 600 кв. саж., в имении г. Джанашиа – 100 кв. саж»[2].

С самого начала своей деятельности СОСХ уделяло большое внимание участию в междугородних или общеросийских ярмарках и выставках, демонстрируя на них свои наиболее интересные экспонаты. В частности, СОСХ приняло участие в открывшейся в 1913 году в Санкт-Петербурге выставке «Русская Ривьера». Там «были выставлены интересные и необычайные изделия – старинная абхазская изба, кукурузник и арба…, изготовленные жителем села Адзюбжа Жаабаном Кугуния»[3].

В 1914 году в Кодорском участке вновь (в сс. Адзюбжа, Тамыш и Баслаху) были заложены показательные садики. И, наконец, в том же 1914 году, в с. Елыр было открыто отделение, а в с. Адзюбжа – отделы Сухумского Общества Сельского Хозяйства[4]. Кроме того, через центральный склад СОСХ в Сухуме и его Елырское отделение, а также через прокатные станции производилось распространение плугов разных фирм и некоторых других сельскохозяйственных машин. Правда, расположение склада в с. Елыр оказалось неудачным – в малодоступном для других сёл месте. По просьбе жителей, его решено было перенести в более бойкое и удобное место – Очамчиру.

Экономическое развитие страны в рассматриваемый период характеризовалось тем, что оно все больше ориентировалось на рыночное производство. Жители начинают проявлять стремление к возделыванию более выгодной – по сравнению с кукурузой – культуры табака в коммерческих целях. «Абжуйцы», – отмечалось в «Известиях СОСХ», – «уже заключают условия с плантаторами, которым дают землю за половину урожая»[5]. Вместе с тем Абжуйская Абхазия считалась одним из наиболее значительных поставщиков сельхозпродуктов Абхазии. Отсюда в большом ко-

[1] ЧСХ. Орган Сухумского Общества Сельского Хозяйства. – Сухум. 1913. С. 24–25.

[2] ЧСХ… Сухум. 1914. С. 17.

[3] Смыр Л.Г. Сухумское Общество Сельского Хозяйства… С.54.

[4] Там же. С. 35.

[5] ЧСХ… Сухум. 1914. С. 450, 457.

личестве вывозили в Сухум, Москву и другие города России прекрасные фрукты, персики, яблоки, груши и проч. ранних и поздних сортов; кукурузу в большом количестве, дрова, строевой лес, овощи, сыр, яйца и т.д. «Табачные грузы армян, греков и турок, начиная с осени, вереницей тянулись в Сухум, особенно с Кодорского участка». Отсюда также много шло орехового леса. Сюда же завозились промышленные изделия. Так, одна из публикаций начала XX века, имея в виду торгово-промышленное развитие Абхазии, сообщала, что сс. Гульрипш, Пшап, Дранды, Эстонское, Владимировка, «Адзюбжа, Атара, Киндги, Джгерды и многие мелкие поселения армян, греков и турок, разбросанные по всему этому району», считаются наиболее густонаселенным и промышленным уголком Сухумского округа, и, бесспорно, «может претендовать на первенствующее положение в округе в смысле общего развития». То массовое грузовое и пассажирское движение, каковое можно наблюдать во всякое время по этой территории ясно говорит за оживленность этой местности[1].

В отношении положения в области культурной жизни и школьного дела в районе в той же корреспонденции сообщалось: «В настоящее время во всех селах этого района существуют школы, почти все двухклассные, которые работают более 10–15 лет и дают грамотных людей, но дальнейшее их совершенствование в образовании прекращается с уходом из школы. Вопрос об открытии народных библиотек-читален при школах и даже самостоятельно уже назрел в селах Дранды, Эстонском (в последнем теперь заканчивается постройка специального каменного здания, приспособленного для сценических надобностей), Владимировке, Адзюбже, а Бабушерское общество еще в прошлом году подало заявление об открытии библиотеки-читальни при бабушерском 2-кл. училище: большинство населения было бы отвлечено от карт и вина, за которыми теперь проводит весь свой досуг»[2]. Следует отметить, что в перечисленных селах на правобережье Кодора не было абхазского населения.

[1] Газ. «Сухумский вестник». 30 октября 1912 г.
[2] Там же.

В досоветский период многие начальные школы в Абхазии влачили жалкое существование. Так, например, зав. школой с. Охурей Ю. Т. Бобуа в 1917 г. об её состоянии писал: «Крестьяне наняли дом под школу… за свой счёт я приобрёл учебники и письменные принадлежности, выпросил у крестьян 3 стола и приступил к занятиям. Дети охотно посещали школу»[1].

Первая школа в Абхазии была открыта ещё в 1851 году в Самурзакани, в с. Окум, священником–миссионером Д. Мачавариани. По примеру Мачавариани и другие священники в сс. Бедиа, Дихазурга, Саберио, Гудава обучали детей у себя на дому.

С 1860 по 1876 годы «Общество восстановления православного христианства на Кавказе» содержало в Абхазии 10 школ, которые находились в сс. «Окуми, Дихазурга, Гудава, Бедия, Саберио, Лыхны, Очемчиры, Гупы, Новом Афоне и Чилове»[2].

С 1884 года в Абхазии, как и по всей России, начала быстро развиваться сеть церковноприходских школ. Первая церковноприходская школа была открыта в 1884 году в Очамчире, а в 1897 году их было уже 47 вместе со школами «Общества восстановления…», которые были переданы в 1885 году духовному ведомству и стали церковноприходскими[3]. Например, открытие церковноприходской школы в с. Адзюбжа относится к 1896 году (точнее, перенесение школы в Адзюбжу из Джгиарда, население которого мусульманского вероисповедания отказалось посылать своих детей в православную школу). В 1903 году Адзюбжская одноклассная школа была преобразована в женскую, но в том же году была закрыта ввиду открытия здесь министерской школы[4], которая ютилась в тесной комнате сельской управы, едва вмещавшей 15 учеников. Адзюбжцы часто ставили перед властями вопрос о постройке школьного здания и улучшении учебно-воспитательного дела в школе, в чем однако не получали поло-

[1] Куправа А. Э. Охурей. Рукопись. 2003 г. С.2.
[2] Дудко А.П. Из истории педагогического образования в Абхазии… С. 7.
[3] Там же. С. 9.
[4] Дудко А.П. Из истории дореволюционной школы в Абхазии (1851–1917гг.) – Сухуми. 1956. С.31, 145, 152, 174, 187, 320.

жительного ответа[1]. И только по инициативе А. М. Чочуа, Н. С. Джанашиа и при поддержке старожилов летом 1912 года на большом сходе сельчан было принято решение о строительстве в селе на средства населения школьного здания.

Для сбора денежных средств среди населения, была выделена специальная группа, которая, перекинув башлыки через плечо, ходила по домам[2]. Причем, начальником Сухумского военного округа полковником Н. Венцлером[3] собственноручно был заложен фундамент строившегося школьного здания. Однако сумма, потребовавшаяся для постройки школьного здания оказалась слишком крупной, и больше половины этих денег было собрано добровольными пожертвованиями в Сухуме и его окрестностях[4].

---

[1] Чочуа А. М. Избранные сочинения… С: 8.

[2] Отдельные моменты из истории села Адзюбжа… С. 2.

[3] Чочуа А.М. Избранные соч. С. 62.

[4] Автор статьи «Абхазцы у сухумцев», об этом писал: «Вот уже целая неделя как несколько человек-абхазцев из села Адзюбжа по городу собирают доброхотные пожертвования на постройку школьного здания в своем родном селе... История школьного вопроса в том селе довольно интересна и поучительна... Почти целое столетие понадобилось на то, чтобы сломить индифферентность, даже более – враждебность, адзюбжцев к школе. Когда в конце семидесятых годов… начальник отдела Гейман предложил адзюбжцам отправить одного мальчика на казенный счет в Никитскую школу садоводства, то общественный сход выдал генералу Гейману мальчика Н. как не имеющего защитника... Много лет после вышеприведенного акта, адзюбжцы после ряда увещаний только потому согласились приютить у себя перед тем из села Джгиарда буквально «уволенную» церковноприходскую школу, что духовное ведомство никаких материальных затрат от общества не требовало. Мало того, когда в конце XX столетия губернское начальство наметило открыть на земские средства школу в Адзюбже, то адзюбжцы «единогласно» отказались дать место у себя таковой школе, а потому она очутилась в соседнем селе Киндги». Причина столь «долгого упорства и отказа» адзюбжцев от открытия школы заключалась, видимо, в подстрекательстве народа какими-то группами-противниками народного образования населения. «То, что не смогли сделать

Энергичную поддержку им оказали кн. А. Г. Шервашидзе, гр. Соллогуб, господа Х. К. Самуриди и Симонов. На собрании правления абхазского просветительского общества под пред. городского головы кн. А. Г. Шервашидзе, было рассмотрено и удовлетворено ходатайство представителей адзюбжцев «об ассигновании 300 руб. временно из сумм просветительского общества для окончательного расчета по постройке 2-этажного здания школы в Адзюбже имени его императорского высочества цесаревича Алексея Николаевича»[1].

В результате «дружной совместной деятельности членов местного общества» в 1913–1914 году[2] в Адзюбже была построена лучшая тогда в Абхазии школа – двухклассное училище с шестигодичным курсом обучения и общежитием на 30 учеников. Газета «Сухумский вестник» 2 декабря 1912 года по этому поводу писала: «Удивительную настойчивость в этом симпатичном деле проявили местные уроженцы – учителя Сухумского училища А. Чочуа, грузинской школы Н. Джанашиа, приходской священник А. Топуридзе, заведующий училищем И. Ахведиани и члены

ни начальство, ни отдельные доброжелатели общества, сделало само время: полтора года тому назад по инициативе самих крестьян, что особенно ценно, общественный сход постановил: выстроить большое кирпичное здание (по смете Сухумского округа оцененного в 19.900 с лишним рублей) о 18 комнатах под двухклассную школу с шестигодичным курсом и с сельскохозяйственным отделением: при этом решили при школе устроить и общежитие на 100 учеников…».

Воодушевленные согласием и усиленно поддерживаемые как администрацией, так и дирекцией 150 дворов адзюбжцев довели свое возлюбленное детище почти до половины: стены выведены и здание готово к покрытию; а всякие источники иссякли… Вот это «то обстоятельство и заставило адзюбжцев выслать в Сухум несколько уполномоченных для сбора пожертвований на такое доброе дело…» А один из активных участников сбора средств для строительства школы, учитель Дм. Габуния писал, что таким путем было набрано «до десяти тысяч рублей» (Материал любезно предоставлен М.К. Хотелашвили – Инал-ипа).

[1] Газ. «Сухумский вестник». № 262. 1913г.

[2] Чочуа А. М. Ибранные сочинения... С. 58.

строительного комитета с почетным блюстителем школы Якубом Делба во главе, труды и заслуги которых перед местным обществом, несомненно, будут оценены по достоинству». В этой школе, помимо «многочисленной местной учащейся детворы», учились и дети из других сел тогдашнего Кодорского уезда (в частности, Голандзия Л., Гадлиба Я, Гадлиба М., и многие другие из сс. Атара, Кутол, Джгиарда, Члоу, Тамыш, Кындыг)[1].

В октябре 1913 г. в с. Моква состоялось собрание представителей Кодорского участка, где были обсуждены вопросы о «существующих школах и какие школы нужны», о качестве подготовки учащихся, о преподавании русского и родного языков и др. Выступающие отмечали, что от одноклассных и двуклассных училищ почти никакой пользы: «Мы хорошо осознаём пользу учения, мы знаем, что только образование может вывести нас из настоящего тупика. К сожалению, существующие сельские школы мало способствуют стремлению к образованию… Школы должны… так воспитывать наших детей, чтобы они не гнушались занятиями, которыми занимаются их отцы – земледелием, садоводством, скотоводством… Желательно иметь школу иного типа, с более обширной программой, с образованными учителями». Представители общин горячо встретили предложение об организации профессиональных, в особенности сельскохозяйственных школ.

На народном собрании абжуйцев ораторы также призывали к улучшению преподавания родного абхазского языка[2].

Еще ранее, 26 августа того же 1913 г. в Сухуме состоялось совещание для обсуждения вопроса об открытии учительской семинарии в г. Сухуме. В одном архивном документе говорится, что в совещании приняли участие «Якуб Делба, Мамсыр Квициниа, Андрей Чочуа, Николай Джанашиа и другие общественные деятели, выражавшие интересы народа, особенно в вопросах распространения грамотности среди населения»[3].

---

[1] Отдельные моменты из истории… С.3.

[2] Газ. «Сухумский вестник». №№ 278, 279. 1913 г.

[3] Тарба Б. Г. Русский язык в абхазской школе. – Сухуми. 1972. С. 82. Среди учителей, начавших свою деятельность в этот период, следует отметить, например, А. С. Логуа. Так, в приговоре схода жителей с. Члоу Кодорского участка от 22 августа 1913 г. говорилось: «Для поднятия уровня школьного благосостояния нашли крайне нужным и совершенно полезным иметь вторым учителем местного жителя Антона Логуа». А. С. Логуа (1887-1923) окончил педагогические курсы при Сухумском городском 6-классном училище, а затем при Кутаисском первом городском 6-классном училище (1910г.); в 1910-1917гг. работал учителем в Бедийском, Джирхвинском, Члоуском училищах (Дзидзария Г.А. Формирование… С. 235–236).

Имея в виду сдвиги, происходившие в области развития народного просвещения, выражавшиеся, прежде всего в росте школьного строительства, С. Я. Чанба, в своей статье под символическим названием «На пути к сознательности» писал, что абхазы начинают «понемногу осознавать, что «жить жизнью «старой старины» теперь трудно, необходимо начинать жить иной жизнью – культурной»[1].

§ 5. Всадники «Абхазской сотни»

К началу Первой мировой войны (1914–1918 гг.) царская Россия располагала одной из крупнейших в мире по численности армий – свыше 1 млн. чел. Однако тотальный характер войны, масштабность боевых операций и тяжёлые потери на фронтах заставили правительство искать новые источники пополнения вооружённых сил. Одним из таких резервистов оказались всадники Кавказской туземной конной дивизии (так называемой «Дикой дивизии»)[2]. Народы же Кавказа, по свидетельству Н. Брешко–Брешковского, отозвались «на зов своего царя», «с горячим, полным воинственного пыла энтузиазмом»[3].

---

[1] Чанба С. Я. На пути к сознательности (статьи и заметки. 1911–1916 гг.). – Сухум. 1982. С. 20–23.

[2] Карпеев И. В. «Дикая дивизия» // Журн. «Эхо Кавказа». 3. – М. 1994. С. 38–42.

[3] Брешко–Брешковский Н. Н. «Дикая дивизия» // Журн. «Эхо Кавказа». 3. – М. 1994. С.42.

Развернувшаяся в России верноподданническая деятельность по содействию войне до победного конца нашла активную поддержку и в Абхазии. Местное дворянство и крестьянство на войну откликнулось готовностью «оказать всякое содействие родине в настоящий тяжелый момент и организовать общими силами конную часть». В телеграмме начальника Кодорского участка Сухумского округа от 25-го июля 1914 года временному генерал-губернатору Засыпкину доносилось, что «представители абхазского дворянства и крестьянства Кодорского участка, собравшись в м. Очемчиры 25-го июля заявив, что абхазский народ, переживая вместе со всеми верными сынами отечества великий момент, просят его превосходительство генерала Мышлаевского через наместника его величества на Кавказе повергнуть к стопам горячо любимого и обожаемого монарха их верноподданнические чувства и просят милости разрешить им стать на защиту дорогой родины, выставив от абхазского народа конный регулярный полк и выслать их на западную границу»[1].

Абхазская сотня была сформирована в Тифлисе 9 августа 1914 года и в сентябре того же года вошла в состав Черкесского полка Кавказской туземной конной дивизии, действовавшей сначала на русско-австрийской границе юго-западного операционного участка, а с середины 1916 года до начала 1917 года на Румынском фронте и в других местах Восточного (русского) фронта[2]. Следует отметить, что в состав Кавказской конной дивизии входили три конные бригады: в первую – Кабардинский и Дагестанский полки, во вторую бригаду – Чеченский и Татарский полки (в котором служил «абхазский князь Хаитбей Чачба») и в третью бригаду входили – Черкесский и Ингушский полки. Командиром Ингушского полка был назначен Георгий Алексеевич Марчул

[1] Газ. «Сухумский листок». № 388. 1914 г.

[2] В сентябре 1917 года «Абхазская сотня» участвовала в составе «Дикой дивизии» в походе генерала Корнилова на Москву и Петроград (Дзидзария Г. А. Очерки истории Абхазии. 1910–1921. – Сухуми. 1963.С.117).

(Марчуле) – кадровый военный, полковник, абхаз по национальности из с. Елыр[1].

В Черкесский полк входили 1-я и 2-я черкесская, 3-карачаевская и 4-я абхазская сотни. Решающую роль в вопросе по подбору добровольцев сыграло абхазское дворянство, выступившие с инициативой и просьбой к русскому правительству об организации абхазского конного полка, удовлетворенной царскими властями[2]. Согласно установленным для добровольцев льготам, каждому из них полагался «конь со сбруей, обмундирование и бурка. Если все это имеется, то казна выплачивает добровольцу 200 рублей, если нет, то общество снаряжает воина за свой счет. Каждый всадник будет получать 20 рублей и, кроме того, по возвращении с фронта участнику войны будет выделен земельный участок». По словам участников «сотни», эти обещания для абхазов не имели «особого значения. Дороже для нас было показать воинственность и бесстрашие абхазцев в бою»[3]. По воспоминаниям уроженца с. Гуп И. Д. Инал–Ипа, «в каждом селе была создана специальная комиссия, по подбору, подготовке и отправке на фронт добровольцев, из трех или пяти человек…, проводившие разъяснительную работу среди населения. В комиссию входили наиболее авторитетные, более или менее грамотные люди». В рассматриваемый период Гупскую сельскую комиссию представляли старшина Тагуагуа Харазия – он же председатель комиссии: Алмахсит Маршания, Алмасхан Атумава. Последний был отменным наездником и лично определял ездовые качества коней. Такая же работа производилась и в других сёлах. Комиссии занимались также обеспечением добровольцев обмундированием – национальной формой, сшитой по заказу начальника Сухумского округа. Соответственно готовилось снаряжение для лошадей, а затем в установленный срок в сопровождении старшин добровольцы были направлены в Очамчиру, чтобы оттуда

[1] Гуажба Р. Абхазские всадники // Газ. «Республика Абхазия». 18–19 августа 2001 г.

[2] Габелия Е. К. Абхазские всадники. Исторический очерк. – Сухуми. 1990. С. 4, 8–9.

[3] Архив Абхазского Государственного музея. Ф.З.Д. 120.

следовать в Сухум. По прибытию в Сухум был произведен медицинский осмотр добровольцев, а также ветеринарный осмотр лошадей. Прошедшие осмотр, поступали в распоряжение будущего командира абхазской сотни штаба-ротмистра Берквиста – финна по национальности. 30 сентября «Абхазская сотня» прибыла в Туапсе, а оттуда пароходом (а по другим данным, по железной дороге) направилась в Армавир, где вскоре после прибытия всадникам было выдано боевое оружие. Здесь продолжилось обучение всадников военному делу, которое было начато сразу после формирования сотни. Там же был сформирован Черкесский полк (куда вошла «Абхазская сотня»). А 6 октября полк уже был направлен на театр военных действий[1].

Согласно спискам, приводимым Е.К. Габелия и другим данным, из Абжуйской Абхазии добровольцами на поля сражений первой мировой войны ушло более 180 человек, главным образом из сс. Моква – 24 чел., Пакуаш – 20 чел., Гуп – 18 чел., Кутола и Тамыша – по 16 чел., Члоу – 15 чел., Джгиарда – 13 чел., Ткуарчала и Адзюбжи по 12 чел.

Следует отметить, что рекордное число участников первой мировой войны было из с. Лыхны Гудаутского участка – 56 человек[2]. Среди участников первой мировой войны были и трое абжуйских негров – Сит, Ширин и Шаабан Абаш[3]. Последний по воспоминаниям одних информаторов являлся знаменосцем «Абхазской сотни», других – знаменосцем и Кавказской «Дикой» дивизии.

По свидетельству К. Д. Мачавариани, каждая сотня туземной Кавказской дивизии комплектовалась по так называемому «семейному» принципу. Сотню составляли всё больше родственники, а если даже не родня, то приятели, кунаки и соседи из одного аула. Таким образом, невольно создавалась прочная, крепкая товарищеская спайка. «Не было случая, – пишет К.Д. Мачавариани, – чтобы раненый кавказец остался неподобранным. И пусть это в среде самого губительного огня, пусть один за другим падают

[1] Габелия Е.К. Абхазские всадники... С. 13.
[2] Там же. С. 158.
[3] Там же. С. 163.

смельчаки, дерзнувшие приблизиться к беспомощному товарищу, – это никого не останавливает»[1].

«Абхазская сотня» на всём протяжении войны участвовала в активных боевых операциях. Боевые действия ей приходилось вести в зимних условиях, но сражалась она «храбро и решительно». Участники сотни проявили на войне массовое геройство. Признанием этого факта явилось то, что Кавказская туземная «дикая» дивизия получила официальное звание «храброй» за конную атаку на Езержаны и захват шести тяжелых германских орудий. Из абхазов, которые были на австрийском фронте, «никто не вернулся без Георгиевского креста»[2].

Корнет К. Ш. Лакербай в письме, посланном в 1915 г. одному из своих родственников в м. Гудауты, сообщает: «герой Когониа, Миха Джонджелиа, Чич Капба, Кокун Агрба, Шехен Джопуа, Атмава, Манух Сангулиа, Миха Ануа, Адлейба и др., но из них прямо удивительный герой – это Ахмажир Атарба. Словом, один лучше другого – все наши Самурзаканцы…»[3].

О ратных делах Абхазской сотни сообщается в наградных документах, хранящихся в Государственном Военно–Историческом архиве г. Москвы. За сухими строчками представлений к наградам и приказов о награждений можно увидеть жестокое лицо войны, смертельную опасность, на каждом шагу ожидавшую смельчаков, и – главное – мужество воинов–добровольцев, их верность товарищам и собратьям по оружию, высокое чувство воинского долга.

Материалы наград за 1914 г., выявленные в архиве, к сожалению, только на несколько человек; за 1915 г. в более полном объёме; за 1916 г. тоже лишь на несколько человек, хотя абхазская сотня участвовала в боевых действиях почти весь год[4]. Так, в наградных материалах за 1914 г. говорится, что младший урядник

[1] Мачавариани К.Д. Светлой памяти павшего на войне героя, корнета К. Ш. Лакербай. – Сухум. 2003. С. 17.
[2] Газ. «Алашара». Вестник Московского общества абхазской культуры «Нартаа». Октябрь 1990 г.
[3] Мачавариани К.Д. Светлой памяти павшего на войне героя, корнета К. Ш. Лакербай... С. 5.
[4] Габелия Е.К. Абхазские всадники... С. 149.

"Василий Ерёменко и приказной Константин (Кача) Когония 14 декабря, будучи посланы с донесением в с. Хервт с места боя у с. Волковыня, несмотря на то, что с. Райское в тылу нашего расположения было занято неприятелем в составе роты пехоты, прорвались мимо него и, доставив донесение, возвратились": при этом «привезли для сотни по патронному ящику»[1]. А 15 июля 1916 г. «будучи в разведке, Когония вызвался охотником и уничтожил неприятельский пост, изрубив троих и пятерых немцев взял в плен»[2]. Следует отметить, что Константин Когония – кавалер четырёх Георгиевских крестов.

В наградных материалах за 1915 год, в частности говорится, что «приказной Арсен Тапагуа и всадник Константин Марганиа» были награждены Георгиевскими крестами 3-й и 4-й степени, за то, что в ночь с 26 на 27 апреля 1915 года, вызвавшись охотниками, переправились на берег реки Днестр, занятый австрийцами, и под сильным ружейным огнём выяснили расположение его постов.

Всадник Чич Капба награждён Георгиевским крестом 4-й степени за то, что 29 мая 1915 года, в бою вызвался охотником доставить патроны, которые были на исходе на заставе корнета Лакербай, причём, получив тяжёлую рану в ногу, остался в строю, пока не впал в бессознательное состояние.

Всадники Нахарбей Гарцкия и Шаабан Абаш были награждены Георгиевскими крестами 4-й степени за то, что, в ночь на 28 апреля 1915 года, вызвавшись охотниками, переправились вплавь на другую сторону Днестра, занятую австро-германскими войсками, потопили вражескую лодку, стоявшую за островом у берега, и, выяснив присутствие и расположение секретов противника, который их обнаружил, под сильным ружейным огнем, вплавь вернулись к своим[3]. Следует отметить, что после возвращения с первой мировой войны Шаабан Абаш сражался с грузинскими меньшевиками, в рядах большевистских отрядов Кодорского уез-

---

[1] Габелия Е.К. Абхазские всадники... С. 149.
[2] Гуажба Р. Абхазские всадники // Газ. «Республика Абхазия». 21–22 августа 2001 г.
[3] Габелия Е. К. Абхазские всадники... С.150.

да. В 1921г. он также участвовал в боевых действиях частей Красной Армии против грузинских меньшевиков. После восстановления советской власти Ш. Абаш служил в Абхазском конном полку. Долгие годы он являлся и членом ЦИКа Абхазии[1].

Сохранились легенды о подвигах Хмаджира Тарба из с. Ткуарчал. По свидетельству участника Абхазской сотни П. Козмава (с. Елыр), Тарба Хмаджир обладал огромной физической силой. Однажды, он «двоих австрийцев легко скрутил и доставил в часть», благодаря чему корнет Лакербай в эту ночь зашёл в тыл врага с отрядом абхазов, и обезоружив австрийцев, «пригнал их с винтовками, пулемётами в штаб полка». Но, пожалуй, самую интересную историю о Х. Тарба поведал Коциа Осиа из с. Кутол: «Как-то после сентябрьских боёв 1915 г. Великий князь Михаил Александрович был на приёме у императора Николая II (у своего брата). Перед отъездом командира Кавказской туземной конной дивизии император вручил ему массивные карманные серебряные часы и сказал; «Отдать самому лучшему воину».

Вернувшись в свою дивизию, князь собрал всех командиров бригад, которым передал приказание императора. Решено было часы отдать Третьей бригаде. Командир бригады вместе с командирами полков решили отдать часы Черкесскому полку. Совет командиров сотен решил передать награду командиру четвёртой (Абхазской) сотни. Командир Абхазской сотни с командирами отделений остановились на Хмаджире Тарба. Затем был выстроен Черкесский полк и Хмаджиру Тарба торжественно были вручены карманные часы с надписью: «Храброму воину»[2].

«Первая мировая война 1914–1918гг. – писал С. Данилов в работе «Трагедия абхазского народа», – почти не отразилась на благосостоянии Абхазии: фронт был слишком далеко, и страна продолжала жить нормальной жизнью[3]. По данным Г. А. Дзидза-

---

[1] Пачулиа В. П. По историческим местам Абхазии. – Сухуми. 1960. С. 151.
[2] Габелия Е.К. Абхазские всадники... С. 33; Гуажба Р. Абхазские всадники...
[3] Данилов С. Трагедия абхазского народа // Материалы по истории Абхазии... С.7. В период Первой мировой войны были продолжены работы по строительству Черноморской железной дороги

рия, война нанесла тяжелый удар по экономике Абхазии[1]. В «Известиях о деятельности СОСХ» в частности отмечалось, что в 1914 г. в «южном районе Сухумского округа» был неурожай кукурузы. Н. С. Джанашиа полагал, что «урожай текущего года едва ли равен половине того количества, которое потребно населению, чтобы прокормиться им весь год». Вместе с тем он констатировал, что в Абжуа «крестьянство уже теперь получает кукурузу»[2]. Деятельность СОСХ в тот период была направлена главным образом на поднятие табаководства и виноградарства – этих основных отраслей товарного хозяйства села. Так, в отчете СОСХ от 6-го ноября 1916 года «о курсах по виноградарству и виноделию в сел. Лыхны и Адзюбжа»[3] Н. С. Джанашиа докладывал, что курсы произвели в Адзюбже отличное впечатление и, что среди тамошних садовладельцев имеется стремление к переходу к более усовершенствованному виноградарству. Многие даже находят необходимым прививать виноград на американской лозе. Конечно, можно было бы устроить специальные по этому предмету курсы, но было бы целесообразнее, если бы несколько молодых людей прошли виноградарство при каком-либо образцовом питомнике и затем, возвратившись домой, явились бы инструкторами в родном селе. Н. Джанашиа сообщил, что знает 2–3 молодых людей, вполне грамотных, которые могли бы принять такую командировку. Приняв этот отчет, Собрание СОСХ, после обмена мнениями нашло возможным ходатайствовать о приеме этих молодых людей в качестве практикантов в Сакарский питомник и поручило Н. Джанашиа объявить об этом постановлении по принадлежности[4].

между Туапсе и Ново-Сенаки, пересекшей впоследствии Абжуа. Строительство участка полотна осуществляли военнопленные-австрийцы, проводившие здесь земляные работы. Завершение строительства железной дороги относится к 1935 (36) году, когда через Абжуа прошёл и первый паровоз.

[1] Дзидзария Г.А. Лыхны (Очерк дореволюционного прошлого села) – Сухуми.1986. С. 87.

[2] ЧСХ... – Сухум. 1916. С. 9.

[3] ЧСХ... – Сухум. 1917. С. 4.

[4] ЧСХ... – Сухум. 1917. Там же.

§ 6. Абжуйцы в 1917 – 1921 гг.

После февральской революции Временное правительство создало Особый Закавказский Комитет (по управлению Закавказьем). 10 марта 1917 года в Сухуме состоялось совещание представителей населения Сухумского округа, которое сформировало местный орган Временного правительства Абхазии – Комитет общественной безопасности[1]. С самого начала в планах абхазского правительства было вступление в «Союз объединенных горцев Кавказа». Состоявшийся 8 ноября 1917 года в Сухуме съезд абхазского народа образовал Абхазский Народный Совет (АНС) – местный орган власти союза горцев (который возглавил Симон Басария), а также съезд принял «Декларацию» и «Конституцию Абхазского Народного Совета» (разработанные С. Басария, А. Шериповым, М. Цагурия, Мих. Тарнава и др.). В этих документах говорилось о самоопределении абхазского народа[2]. Однако к концу марта 1918 г. большевики, «постепенно распространяясь из Новороссийска к югу, подошли к Сухуму.

Абхазский национальный совет обратился за помощью к грузинам»[3]. Грузия всегда была против независимости Абхазии, а также, естественно, против ее вступления в «Союз горцев», но в той политической ситуации интересы меньшевиков Грузии и АНС в какой-то мере совпадали, и потому они совместно выступили против большевиков. Находившиеся в Сухуме тогда «слабые местные воинские части, состоявшие из добровольцев–офицеров, солдат и абхазской сотни, оставили город и отошли за Кодор, где заняли оборонительные позиции»[4]. 8 апреля 1918 года советская власть была временно установлена почти на всей территории Абхазии, за исключением Кодорского участка.

---

[1] Очерки истории Абхазской АССР. Ч. 1... С. 306.

[2] История Абхазии... С.281. См. также: Аджинджал Е.К. К вопросу о деколонизации Абхазии // Кавказ: история, культура, традиции, языки... С.141–142.

[3] История Абхазии... С. 308.

[4] Данилов С. Трагедия абхазского народа... С. 5–6.

Одной из веских причин неподдержания советской власти в апреле – мае 1918 г. кодорскими абхазами явилась расправа русских моряков с офицером «Абхазской сотни» – князем Н. Эмхаа (Эмухвари). Князь Н. Эмхаа застрелил одного из группы моряков большевистского корабля, стоявшего на рейде в Сухуме, за попытку сорвать с него погоны. Властям Сухума был предъявлен большевиками ультиматум: выдать убийцу или пятнадцать тысяч рублей в качестве контрибуции, в противном случае грозили разбомбить город. Растерявшиеся власти города по распоряжению главы Военно-революционного комитета (ВРК) Ефрема Эшба вынуждены были выдать Н. Эмхаа морякам миноносца «Дерзкий». Н. Эмхаа был сожжен в топке корабля[1].

Поступок большевиков вызвал резкое осуждение тогдашнего населения Кодорского участка – они сочли его как попрание чести и достоинства абхазов. К тому же, советская власть в сознании абхазов ассоциировалась с русской властью, которую они рассматривали как виновницу, не позволившую изгнанникам возвратиться к себе на родину. Неприемлемой была для населения Кодорского участка и грузинская власть. При всей сложности политической ситуации основным устремлением абхазов была борьба против любой чуждой им власти, борьба за свое национальное самоопределение. А Грузия и Россия, каждая в отдельности, претендовала на установление в Абхазии своей власти. Но в той конкретной ситуации (после обращения Абхазского Народного Совета к Грузии за помощью в борьбе против большевиков), у кодорцев не было иного выбора – они совместно с грузинскими меньшевиками выступили против большевиков. В апреле – мае 1918 года участников "Абхазской сотни" из Кодорского участка собрал в с. Адзюбжа урядник Тандел Джерделаа для оказания вооруженного сопротивления большевикам[2]. Перед началом боевых действий на Кодоре между противоборствующими силами большевиков и АНС, в которых с обеих сторон участвовали всад-

[1] См. Дзидзария Г.А. Очерки истории Абхазии... С.121; Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии... С. 72, 85; Газ. «Кавказский акцент» № 5. 17–29 февраля 2000 г. С. 11.
[2] Архив Абхазского Государственного музея. Ф.3.Д. 111.

ники Абхазской сотни, участники первой мировой войны, в стан АНС для предотвращения кровопролития прибыл участник "Абхазской сотни" большевистский представитель К. Авидзба, но безуспешно[1]. Вместе с тем, для Грузии, вынашивавшей свои планы завоевания Абхазии, борьба с большевиками (и их неприятие кодорцами) явилось хорошим поводом, чтобы прибрать Абхазию к своим рукам, чего, однако не могло предвидеть абхазское население Кодорского участка. Вооруженное противостояние сторонников АНС, в лице абжуйцев, совместно с войсками Закавказского сейма, и большевистскими отрядами произошла на реке Кодор. Вооруженные силы Закавказского Сейма, основу которых составляла «Народная гвардия» под командованием В. Джугели, на пароходах и баржах 10 мая 1918г. высадились в Кодорском участке, так как к этому времени в Самурзакани уже была установлена советская власть, и двинулись на Северо-Западную Абхазию. На следующий день, когда переговоры между сторонами ни к чему не привели, начались кровопролитные бои на Кодоре, продолжавшиеся в течение семи дней.

Еще в середине апреля 1918 года наместник Драндского монастыря Илиан сообщал сухумскому епископу Сергию, что большевистские силы в районе монастыря – на холме, в ограде и вдоль реки – устроили укрепления. Руководители меньшевистских частей в своем сообщении в Тифлис также писали, что противник устроил окопы на правой стороне реки Кодор и по обе стороны моста, приспособил к целям защиты и дамбу, поставив на ней несколько пулеметов[2]. Штаб большевистских частей расположился в архиерейских покоях монастыря. Войска Закавказского Сейма и отряды абжуйских абхазов заняли позиции на левом берегу Кодора, где были вырыты окопы (об этом свидетельствовал, например, старожил Смел Чичериа), штаб меньшевиков расположился в имении генерала Шашковского (бывшего главно-

[1] Архив Абхазского Государственного музея. Ф.3.Д. 111.
[2] Дзидзария Г. А. Очерки истории Абхазии...С.147–148; его же. Советская власть в Абхазии в 1918 году. – Сухуми. 1972. С. 45.

го уполномоченного министерства земледелия на Кавказе)[1], а наблюдательный пункт – в здании школы[2]. Линия фронта проходила по Кодору – от берега моря до Цебельды. Меньшевики начали активные бои с 12 мая. Печатный орган большевиков газ. «Сухумская правда» за 14 мая по поводу событий на Кодоре сообщала, что «с раннего утра 12 мая возобновился бой, начавшийся еще 11 мая. Бой продолжается целый день, идет усиленная артиллерийская стрельба, пулеметный и ружейный огонь… Противник старается во что бы то ни стало овладеть Кодорским мостом…». На следующий день, 13 мая, меньшевики стали прилагать все усилия, чтобы перейти Кодор… Весь день 14 мая продолжался артиллерийский бой. Это сражение было более напряженным, чем в предыдущие дни. Активная была и ружейная перестрелка, действовали и пулеметы. 15 и 16 мая меньшевистские истребители и флотилия обстреливали также район устья реки Кодор[3]. Несмотря на упорное сопротивление со стороны большевиков, меньшевистские части В. Джугели при поддержке союзников, после недели упорных боев под прикрытием непрерывного артиллерийского огня, форсировали Кодор и освободили Сухум от большевиков.

После подавления советской власти, в Абхазии «произошла только замена русских чиновников грузинскими, русских генералов грузинским генералом Мазниевым, русского начальника округа гр-м Чхиквишвили, русских агрономов гр-м Месхи»[4]. Меньшевики установили в Абхазии режим военной диктатуры.

С вступлением в Абхазию грузинских войск генерала Мазниева и фактической оккупацией Абхазии, группа влиятельных абхазов обратилась к своим собратьям в Турции с просьбой о помощи. В течение июня, июля и августа 1918 года в Скурче было произведено несколько высадок абхазских десантов – потомков махаджиров из Турции[5]. Так, 27 июня здесь высадился воору-

[1] Джугели В. Тяжелый крест. – Тифлис. 1920. С.11; Дзидзария Г. А. Очерки истории Абхазии… С. 170.
[2] Дзидзария Г. А. Очерки истории Абхазии... С. 171.
[3] Там же.
[4] История Абхазии… С. 289.
[5] Газ. «Народная партия Абхазии» (НПА). 30 января 1999 г.

женный отряд во главе с полковником Дж. Маршан численностью до одной тыс. бойцов, которые привезли с собой оружие (3 тыс. винтовок и 4,5 миллиона патронов) для привлечения в свои отряды местных абхазов. По заявлению А. Чачба (Шервашидзе), в имении которого (Цкургил) высадился десант, они были приглашены, главным образом, для защиты Абхазии от большевиков. На место высадки десанта 28 июня прибыли представитель меньшевистского правительства И. Рамишвили, члены Абхазского народного совета и уполномоченный командующий войсками «Приморского фронта» (генерала Мазниева). Командир десантного отряда объявил, что они прибыли, чтобы избавить абхазский народ от потустороннего угнетения и анархии. И. Рамишвили, заявив о недопустимости десанта без ведома правительства, поставил ультиматум: разоружиться в течение 24 часов. Одновременно против десанта выступили регулярные меньшевистские войска под общим командованием генерала Мазниева. Последний отправился на место высадки десанта на пароходе «Михаил» в сопровождении двух истребителей. На Скурче он встретился, с турецким офицером, который заявил, что его обманули: уверение, что абхазы встретят десант с большим почетом, оказалось ложным, и к тому же они очутились в окружении грузинских войск. Во избежание политических осложнений с Турцией было приказано участников десанта отправить на баржах в Поти и сдать их начальнику гарнизона. Однако часть абхазского десанта, не подчинившись грузинским властям, решила продолжить борьбу за национальную независимость и направилась в с. Джгиарда, в имение Т. Маршания. Но в районе Моквского монастыря десант был разбит грузинскими войсками с помощью русских (отрядов коменданта г. Сухума Л. Тумаркина) и частично рассеян, поскольку меньшевики воспринимали десант как союзников абхазского большевизма и западных районов Абхазии, которые, со своей стороны, стремились использовать русский большевизм в борьбе за свою национальную независимость. В свою очередь и десант стремился к установлению в Кодорском участке абхазской, а не грузинской власти (а кроме того, как указывалось, десант считал своим главным противником русский большевизм, почему он и высадился на Скурче). Войска же генерала Мазние-

ва, воспользовавшись высадкой десанта, огнем и мечом прошлись по кодорским селам[1].

Как указывалось выше, в 1918 году советская власть не смогла установиться в Кодорском участке, где закрепились остатки меньшевистских отрядов. Сюда же (как и в другие пункты Абхазии, в частности Гагры), после установления советской власти в России (а в начале 1920г. и на Северном Кавказе, в Армении и Азербайджане) бежали разбитые белогвардейские отряды. Так, «из секретного доклада военного атташе при полномочном представительстве РСФСР в Грузии о положении в Абхазии» от 25 января 1921 г. сообщалось, что «в Абхазии сейчас проживает Султан Келич-Гирей, которого грузинское правительство летом снабжало оружием для восстания на Кубани. В Абхазии находится остаток его отряда, численностью до 200 человек, который рассеян по деревням.

Есть сведения, что Султан Гирей состоит в постоянной связи с Тифлисом и Константинополем.

В селе Адзюбжа Кодорского уезда, в 20-ти верстах от Сухума, проживает у дворянина Маргания некий полковник Крым-Шахмалов – главарь карачаевских повстанцев...»[2].

Для борьбы с отрядом врангелевского генерала Султан Гирея и другими белогвардейскими силами в сс. Адзюбжа, Кутол, Мокова и Тамыш большевиками были организованы боевые дружины, произведен учет собственного оружия и оружия, находившегося у антисоветских сил[3]. Попытки формирования белогвардейских частей и поднятия восстания в Абхазии не имели успеха. Если в 1918г. идея советской власти не получила в Абхазии широкой поддержки, то к 1921 г. условия общественно-политической жизни здесь в корне изменились и прежде всего, по причине националистической политики правительства Грузии, вызвавшей крайнее недовольство как абхазов, так и всего населения Абха-

[1] Лакоба С.З. Абхазия: после двух оккупаций. – Гагра. 1994. С. 25.
[2] Борьба за Октябрь в Абхазии // Сб. документов и материалов. 1917–1921. Сост. Г. А. Дзидзария. – Сухуми. 1967. С. 81.
[3] Матарадзе Н. И. Страницы прошлого. – Сухуми. 1957. С. 81.

зии. Именно это обстоятельство в немалой степени облегчило установление советской власти (помимо участия 9-й Красной Армии) в Сухуме 4 марта 1921 г. Преследуя противника, 5 марта части Красной Армии, совместно с абхазскими бойцами, вышли на линию реки Кодор (мост, через который был взорван отступавшими меньшевиками), и, переправившись через нее в брод, 7 марта заняли г. Очамчиру. Кодорские крестьяне, принимавшие участие в боевых действиях против регулярных войск грузинского правительства, оказывали активную помощь Красной Армии. Среди тех, кто принимал деятельное участие в свержении меньшевистской власти следует назвать имена С. Капба, И. Маргания, Т. Бганба, З. Лабахуа, К. Тарба, А. Пачулия, И. Агумава. Партизанский отряд под руководством участника первой мировой войны Б. Кортава в этот период участвовал, например, в боях с меньшевиками не только на Ингурском фронте и других местах Самурзаканского участка, но и в штурме зугдидской тюрьмы – в освобождении революционеров из Абхазии, содержавшихся в ней[1].

В освобождении Юго-Восточной Абхазии и Западной Грузии от войск меньшевистской Грузии участвовал в составе частей Красной Армии во главе Конного отряда и Дм. Габуния[2]. Впоследствии Дм. Габуния являлся председателем Адзюбжского волостного ревкома, а затем первым председателем местного волостного исполкома (1921–1923), Народным судьей Очамчирского уезда (1923–1925), председателем Очамчирского уездного исполкома (1925–1930).

ГЛАВА III. СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

§ 1. Мероприятия первых лет новой власти

С первых дней восстановления советской власти в Абхазии важное внимание уделяется вопросам аграрного преобразования, проведению земельной реформы и развитию различных форм

[1] Куправа А.Э. Агу–Бедиа. Рукопись. 2003 г. С. 4.
[2] Борцы за Октябрь в Абхазии. – Сухуми. 1981. С. 108–111.

сельскохозяйственной кооперации в целях улучшения положения крестьянского населения. Еще до начала сплошной коллективизации преимущественное развитие в селах Абхазии получили товарищества по общественной обработке земли и артели. Например, корреспондент из с. Адзюбжа в газ. «Голос Трудовой Абхазии» сообщал, что с самого начала 1923 года там организовалась маленькая трудовая артель из трех семейств[1]. Крестьянству в тот период предоставлялись, в частности, и сельскохозяйственные орудия из прокатных пунктов, организованных 21 мая 1921 г. Орудиями из прокатного пункта крестьяне пользовались на льготных условиях, установленных уездным земотделом. В Абжуйской Абхазии прокатные пункты были созданы в Очамчире, Мокве, Кутоле, Тамыше, Атаре, Адзюбже[2].

Другой формой сельскохозяйственной кооперации и общественной обработки земли являлись Коммуны. Им были отпущены средства для приобретения тягловой силы и сельскохозяйственного орудия, семена для посева. Коммуны просуществовали несколько лет, после чего, большинство коммун и артелей созданных в первые годы советской власти, распались[3]. Отдельные абхазские историки это объясняют отсутствием опыта по коллективизации, и недостаточной материальной помощи им со стороны государства.

Советское правительство, как известно, первостепенное значение придавало ликвидации экономического неравенства отсталых районов бывшей Российской империи. В этом отношении в таком отсталом крае, какой была Абхазия того времени, практически приходилось начинать с нуля, так как за годы первой мировой войны и меньшевистского господства даже та незначительная промышленность, которая до этого здесь имелась, оказалась свернутой более, чем наполовину. Из 30-ти небольших предпри-

[1] Газ. «Голос Трудовой Абхазии». 5 июля 1923 г. Цит. по: Куправа А. Э. Аграрная политика Советской власти в Абхазии в 1921–1925 гг. // Труды АбИЯЛИ. Т. XXIX. – Сухуми. 1958. С. 71.

[2] Куправа А.Э. Первые мероприятия Советской власти в Абхазии. (1921–1922гг.) // Труды АБИЯЛИ. Т. XXXI. – Сухуми. 1960. С. 9.

[3] См. напр.: Отдельные моменты из истории села Адзюбжа...С. 5.

ятий, зарегистрированных в Абхазии в 1921 году, половина бездействовала, а остальные работали с перебоями. Самыми крупными предприятиями республики были Сухумская типография с 33 рабочими и Кодорский лесозавод с 22 рабочими[1].

В марте 1921 года Ревком Абхазии издал декрет о национализации банков и промышленности. По этому декрету «были национализированы все валютные товары, в том числе лесные, лесопильные заводы с числом рабочих не менее 5 человек при наличии механического двигателя, или не менее 10 при отсутствии такового – всего 8 деревообрабатывающих предприятий, в том числе заводы – Балашева в Гагре, принца Ольденбургского в сел. Отрадном, «Цецхладзе и Ко» на реке Кодор»[2].

Эти и другие мероприятия советской власти в Абхазии в области восстановления и развития народного хозяйства встречали серьёзное противодействие со стороны противников новой власти.

В 1924 г. в отдельных сёлах Самурзаканского и Кодорского уездов и в районе Абхазской Сванетии грузинские меньшевики вкупе с царскими чиновниками подняли восстание. Однако, оно было быстро ликвидировано. Для борьбы с меньшевиками население Юго–Восточной Абхазии немедленно стало создавать свои добровольческие отряды. В одном только с. Атара–Абхазская за-

[1] Анчабадзе З.В. Очерк этнической истории абхазского народа... С. 114–115.

[2] Тарасов А.И., Чолокуа К.Ч. Человек и лес. – Сухуми. 1979. С. 23. В первые же годы советской власти Максимовский лесозавод был перенесен на правобережье реки Кодор. Еще в 1898 году журн. «Квали» сообщал: «Завод..., основанный на земле села Адзюбжа (на 5 десятинах... сроком на 9 лет), наносит этому обществу заметный ущерб. Река Кодор в границах этого общества делится на несколько рукавов, завод же старается объединить эти русла, чтобы направлять лес по этому руслу. В процессе этих работ вода «забрала» мельницу, обслуживавшую 120 хозяйств». В корреспонденции сообщалось, что опять же по вине завода несколько сот десятин плодородных земель целиком забраны водой, и, если вовремя не вмешаться, то вода заберет и пахотно-посевные земли. (Журн. «Квали». №42. 1898 (на груз.яз.).

писалось в отряд около 120 чел., который 29 августа поступил в распоряжение уездного штаба. Вооружённые отряды во главе с председателем СНК Абхазии Н. А. Лакоба охраняли линию по реке Ингур в районе сс. Оцарце, Шамгона и Отобаиа[1].

После подавления мятежа усилия органов власти Абхазии были направлены на развитие экономики. В 1924/1925 году в строительство и оборудование промышленности Абхазии было вложено 405,5 тыс. руб. С 1925 г. многие законсервированные предприятия вновь начали работать. Ряд предприятий был расширен и преобразован. Так, в июне 1927 года Кодорский лесозавод, принадлежавший частному лесопромышленнику, был изъят из аренды и передан Абхазлесу, поскольку строения его обветшали, оборудование пришло в негодность. Оборудование завода состояло из однорамной пилы Кирхнера выпуска 1895 года, одной маятниковой пилы, двух локомобилей выпуска 1870 года. Полная изношенность локомобилей и оборудования вынудили остановить завод 15 марта 1928 года, в связи с чем встал вопрос об его реконструкции или постройке нового.

28 апреля 1929 года на правобережье Кодора началось сооружение нового лесозавода. Стройка была объявлена ударной и к 1 февраля 1930 г. закончена[2]. В это время пожар уничтожил Гагрский завод, и центр деревообработки Абхазии прочно переместился на Кодор. Кодорский завод в 30-е годы XX века был самым крупным лесозаводом Закавказья и наилучшим по оборудованию в Союзе. В 1930 году объем изготовленных пиломатериалов составлял 28,5 тыс.м^3. До Великой Отечественной войны основной артерией для транспортировки леса в Абхазии являлся Кодор, который был сплавным от истоков до впадения в Черное море[3]. В 30-е годы производительность завода по пропуску сырья составляла 100 тыс. м^3, продукция завода шла, главным образом, на экспорт. Достаточно сказать, что в 1930 году 66 проц. экспортной

[1] Очерки истории Абхазской АССР. Ч. 1... С. 68–69.
[2] Абшилава А. А. История промышленности Абхазской АССР. 1921–1941 гг. – Тб. 1969. С. 147.
[3] Беляев М.А. Лесное хозяйство и эксплуатация леса в Абхазии // Абхазия. Геоботанический и лесоводственный очерк. – М. – Л. 1936. С.254–255.

продукции лесопромышленности Закавказья падала на Кодорский завод[1]. Продукция завода преимущественно направлялась в средиземноморские страны (в частности, в Италию), главным образом, тонкие пихтовые пиломатериалы, употребляемые при изготовлении тары для упаковки фруктов[2].

В 1930-х годах началась разработка и освоение Ткуарчальского угольного месторождения. Отдельные естественные обнажения угля в верховьях реки Галидзга были известны местному населению с древних времён, что было отмечено ещё в начале XX века. Так, геолог С. С. Денбский указывал, что абхазы знали об имеющемся в Ткуарчале каком-то твёрдом горном веществе, способном гореть. Другой инженер Э. М. Лядов писал, что местные абхазы давно знали про каменный уголь, называя его «чёртовой кровью». Запекшейся кровью духов-великанов называло каменный уголь местное население. В этом поддерживало горцев то обстоятельство, что при горении в кострах камень распространял неприятный, сернистый запах[3]. Считают, что первооткрывателями здешнего угля были абхазские пастухи. Вполне возможно, что уголь сжигали на кострах вместо дров. Об этом свидетельствует абхазское название Ткуарчальской угленосной горы «Ахыблаара» («пепелище»), где угольные пласты выходят непосредственно на поверхность[4].

К 1930 году относится строительство шахт и канатной дороги в Ткуарчале[5]. Одновременно с этим было начато строительство железнодорожной ветки Очамчира – Квезан для вывоза каменно-

[1] Абшилава А. А. История промышленности... С.148; Беляев М.А. Лесная промышленность Абхазии // Абхазия. Геоботанический и лесоводственный очерк... С.270.
[2] См.: Беляев М. А. Лесная промышленность Абхазии... С. 270; Шалашников М. Потомки Абрскила. – Сухуми. 1977. С. 20–28.
[3] Прицкер Л.М. История освоения Ткварчельского каменноугольного месторождения. – Сухуми. 1966. С. 18.
[4] Лабахуа А. М. Ткварчельский клад (Записки горного инженера). – Сухуми. 1982. С.9, 35–36.
[5] «Город в горах». – Сухуми. 1971. С. 6–7.

го угля. В мае 1933 года в Квезан пришёл первый поезд[1]. Следует отметить, что в начале 1935 г. в Ткуарчале работало и несколько инженеров–абхазов (напр. Анчба, Аргун, Чочуа)[2].

Для промышленного развития Абхазии большое значение имело создание энергетической базы. Уже к 1 октября 1934 г. в стране работала 21 электростанция с суммарной мощностью более 6 тыс. киловатт, а к концу второй пятилетки – 45 электростанций мощностью до 35 тыс. киловатт. К концу 1938 г. вступил в эксплуатацию первый агрегат Ткуарчальской ГРЭС – крупнейшей в стране тепловой электроцентрали.

Помимо указанных выше крупнейших не только в районе, но и в республике предприятий, в Очамчирском районе были созданы предприятия пищевой, парфюмерной и строительной промышленности, железнодорожного транспорта[3].

С первых лет советской власти в Абхазии, как и на всем пространстве бывшего Союза, много внимания уделялось воспитанию молодежи в духе коммунистического мировоззрения. Для решения этой задачи создавались комсомольские и пионерские организации.

Первая в Кодорском уезде сельская ячейка комсомола была организована в начале 1920 г. в с. Баслаху, руководителями её были А. Кобахия и Б. Пагава. В том же году комсомольская организация была создана в с. Пакуаш – её организаторы Э. Пачулиа, Н. Матарадзе, М. Хашба и др. Организаторами комсомольских ячеек в сс. Елыр, Охурей являлись Н. Матарадзе и П. Бокучава; в с. Джгиарда – М. Амичба; в сс. Тамыш и Кутол – Л. Голандзия; в с. Гуп – П. Квеквескири и т.д.[4].

В июне 1923 года в сс. Адзюбжа, Елыр, Мокве и Пакуаш были организованы избы-читальни. Газ. «Голос Трудовой Абхазии»

---

[1] Абшилава А. А. Трудящиеся Очамчирского района Абхазской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). – Сухуми. 1960. С. 8,12.

[2] Акаба Л. Х. Материалы о быте рабочих–абхазов Ткварчели // Труды АБИЯЛИ. Т. XXXI. – Сухуми. 1960. С. 51.

[3] Абшилава А. А. Трудящиеся Очамчирского района... С. 11.

[4] Кикория П. И. Комсомол Абхазии в социалистическом преобразовании деревни. – Сухуми. 1978. С. 9.

за 13 мая 1924 г. писала об «оживлении политпросветработы по Кодорскому уезду», что с открытием читален «комсомольцы ведут чтение газет вслух среди крестьян… При избах–читальнях открыли клубы, где … ставятся спектакли»[1].

28 ноября 1924 года в сс. Адзюбжа и Моква были созданы пионерские коллективы[2]. В с. Адзюбжа, например, её организовал Маргания Григорий, который учился в Гагрском Абдетдоме, и приезжая на каникулы, привозил необходимую литературу для ведения пионерской работы[3]. Руководил пионерской работой учитель В. Шахновский[4]. Членами первого пионерского отряда были Делба Ясон, Габуния Григорий, Манджгаладзе Григорий и др. Пионеры шагали строем, занимались спортом, изучали революционные и пионерские песни. Они также оказывали помощь крестьянским семьям в сельхозработах[5].

…В период организации колхозов комсомольцы сами первыми вступали в колхоз и агитировали многих крестьян. Небезынтересен эпизод из общественной жизни с. Адзюбжа времен строительства колхозов.

Примерно в середине апреля 1932 года по поручению Абхазского обкома КП Грузии для подбора кандидатуры председателя колхоза в Адзюбжу приехали Наркомпросвещения Абхазии А. М. Чочуа, и зав. военным отделом и отделом кадров Абхазского обкома КП Грузии (тогда в обкоме был такой отдел) Ш. Абдиба. Действующий предколхоза просил по объективным причинам освободить от занимаемой должности.

---

[1] Кикория П.И. Комсомол Абхазии... С. 80.

[2] Кецба-Давыдова Б. Страницы пионерской летописи Абхазии. – Сухуми. 1968. С. 14.

[3] Отдельные моменты из истории села Адзюбжа... С. 6.

[4] Кецба-Давыдова Б. Указ. соч. Там же.

[5] Отдельные моменты из истории... С.6. В течение 1927–1928 гг. в сс. Баслаху, Гуп, Кутол, Моква, Ткуарчал, Тхина и Члоу были созданы кружки физической культуры (Вахания О.В. Очерки по истории физической культуры Абхазии (1921–1960 гг.). – Сухуми. 1961. С.30). Однако желательно было, чтобы больше учитывались национальные особенности и традиции абхазов в области физического воспитания.

После длительного совещания с коммунистами и председателем колхоза тт. А. Чочуа и Ш. Абдиба на эту должность была выдвинута кандидатура Г. Манджгаладзе. Мотивируя намерением продолжить учебу и слабым состоянием здоровья, Манджгаладзе отказался от предлагаемой ему должности. Тогда Абдиба сказал ему: «Всеми вопросами кадров в Абхазии занимаемся мы, на учебу и на работу направляем людей мы… Этот сезон вы должны поработать здесь председателем колхоза, а когда подойдет время учебы, мы пошлем вас в любой институт, в какой захотите. Вы как комсомолец отказаться от нашего предложения не имеете права»[1]. В тот же день было созвано общее собрание колхоза, и председателем колхоза им. Н. А. Лакоба был избран Г. Манджгаладзе.

А. Чочуа и Ш. Абдиба сдержали слово: осенью 1932 года Г. Манджгаладзе вместе с Миканба З.М., Кемулария Н. Б., Пагава И., Гицба Т. И., Амичба Е. Ш., Чаландзия Л.К., был направлен на учебу в Новочеркасский институт инженеров строительства[2].

По свидетельству старожилов, с самого начала абхазское население было против коллективизации. В сс. Адзюбжа, Кутол, Тамыш велась агитация против колхозов. В ряде мест против колхозов выступали женщины. В с. Адзюбжа имел место такой факт: в 1931 году по инициативе партийного руководства района в селе было проведено собрание с присутствием первого секретаря Очамчирского района Б. Зантария, на котором приняли решение приступить к организации и к записи в колхоз. Мужчины села подговорили женщин сорвать это мероприятие, что, однако не удалось осуществить.

Надо также сказать, что в период коллективизации население многих сёл Абжуйской Абхазии, не желавшее идти в колхозы, стало переезжать в другие места. Главным образом это были жители сёл, расположенных близ городов с нарождавшимися промышленными и торговыми предприятиями (Ткуарчал, Очамчира), мест строительства путей сообщения, где можно было найти себе работу.

[1] Отдельные моменты из истории… С. 9.
[2] Там же. С. 9.

Следует отметить, что в 20-е годы коллективизация в Абхазии носила относительно добровольный характер. Но уже в 1930–1931 гг. вопрос о коллективизации был поставлен ультимативно. По селам разъехались партийные работники, имея на руках твердые указания Москвы о принудительной коллективизации. На что крестьянство Абхазии ответило сходом протеста в Лыхны. В Москву срочно был вызван Н. Лакоба. После его возвращения коллективизация пошла в Абхазии иначе, чем всюду в СССР: «никого не раскулачивали и не ссылали, верховых лошадей не обобществляли… Видимо, Н. Лакоба все же удалось на этот раз выпросить у своего приятеля, «хозяина» страны (И. Сталина), какие-то льготы для «показательной» (курортной) Абхазии»[1].

С середины 20-х годов И. Сталин часто приезжал в Абхазию на отдых… Этот край был хорошо знаком ему еще по событиям 1906 года, когда Коба с группой боевиков у Кодорского мыса совершил налет на пароход «Цесаревич Георгий»… Тогда отношения между Сталиным и Лакоба были дружественные. «Однажды, осенью 1935 г. я сам был очевидцем такого факта, – вспоминал в 1955 г. Эраст Максимович Акшба. – Идя по Кодорскому шоссейному мосту, я случайно встретил прогуливавшихся Сталина И. В., Лакоба Нестора, Берия и сопровождавших их лиц. Когда они прошли мост, подошли автомашины и Сталин вместе с Лакоба сели в один автомобиль, а остальные на других автомашинах поехали вслед за ними"[2].

В 20–30-х годах были подготовлены десятки специалистов для различных отраслей народного хозяйства и культуры. В их числе представители технической интеллигенции из Абжуйской Абхазии: Я. Агумава, К. Кучберия, А.Б. Лабахуа, Б. Чочуа и другие. В молодой абхазской литературе, рядом с Д. И. Гулиа, А. М. Чочуа, С. Я. Чанба появились новые имена талантливых поэтов и прозаиков: И. А. Когония, Л. Б. Квициния, Л. Б. Лабахуа, Д. Х. Дарсалия, М. Л. Хашба, И. Г. Папаскир, Ш. Л. Цвижба, Г. Д. Гулиа, К. К. Агумаа, П. С. Чкадуа, Б. В. Шинкуба и др. В 30-е годы впервые появились литературно-критические публикации Х. С.

[1] Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии… С. 88–89.
[2] Там же. С. 110, 121.

Бгажба и Ш.Д. Инал-ипа. В эти годы были достигнуты успехи и в области искусства. Так, ещё в 1917 г. педагог П. С. Шакрыл организовал в Очамчире абхазский хоровой и драматический кружок. В 1921 г. организуется абхазская театральная труппа под руководством Д. И. Гулиа: в 1928 г. абхазский сектор Сухумского драматического театра под руководством С. Т. Бжания.

В 1930 г. под руководством Пл. Панцулая (репрессированный в 30-х гг.) был организован ансамбль песни и пляски, который через несколько лет вырос в один из ведущих творческих коллективов Абхазии. В эти годы создавались также районные, а в некоторых местах и сельские самодеятельные ансамбли песни и танца. Популярен был, например, Очамчирский ансамбль песни и танца, под руководством композитора А. Н. Маргания: ансамбль песни и танца с. Адзюбжа под руководством Т. Кобахия, а также драматический кружок под руководством Я. Чочуа.

В 1935 г. была открыта абхазская студия при Тбилисском драматическом театре им. Руставели. В 1939 г. группа студийцев, выходцев из Очамчирского района: Л. Касландзия, М. Зухба, Я. Чочуа, М. Касландзия и другие, закончив учёбу, вернулась в свой родной театр.

С рассматриваемым периодом у абжуйцев связаны ряд памятных событий. Так, ещё в 1924, 1925 гг. в Абхазию дважды приезжал Председатель Реввоенсовета СССР, Наркомвоенмор Л. Д. Троцкий. В первый раз «Вождь Красной Армии» и Н.А. Лакоба изъездили всю Абхазию, были частыми гостями крестьян, посещали сельские сходы. На одном из таких сходов, в с. Моква, Троцкий произнёс речь. Он начал её по всем правилам абхазского ораторского искусства. Первой его фразой было ритуальное обращение, которое он произнёс на абхазском языке: «Народ, ваши невзгоды мне…» Народ ахнул от изумления. Для крестьян это было главным в его речи[1].

В 1929 году Абжуйскую Абхазию посетил русский писатель Алексей Максимович Горький, прибывший сюда вместе с председателем ЦИКа Абхазии С. Я. Чанба. Впервые Горький (Алексей

[1] Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии… С. 107.

Пешков) побывал здесь в 1892 году. Прибыв в Абхазию, Горький с неделю работал у монахов Новоафонского монастыря, затем побывал в Сухуме, отсюда пешком направился в Очамчиру. Некоторое время он работал вместе с голодающими на строительстве Черноморского шоссе. И вот тогда, у впадения реки Кодор в море, Пешкову пришлось «нежданно-негаданно» исполнить роль акушера. Позднее уже известным писателем (в 1912 году) он написал рассказ «Рождение человека», в основу которого лег этот эпизод. Горький говорил, что «Рождение человека» один из его самых лучших рассказов. Ему, видимо, дорог был тот пафос радости, с которым был встречен им новый человек «неизвестной судьбы»[1]. Вместе с тем, рассказ этот особенно дорог нам, тем, что он зародился в Абхазии, на берегу Кодора и что в нем, кроме всего прочего, рукой большого мастера нарисованы картины природы. В 1929 году, во время приезда Горького в Абхазию в третий раз, его пригласили в с. Адзюбжа, на открытие больницы с женской родильной палатой[2]. По свидетельству старожила Тандела Пилиа, прибытие писателя стало настоящим праздником для сельчан[3]. Далее по пути в Тбилиси, Горький остановился в районном центре Очамчира. Очамчирцы тепло и гостеприимно встретили М. Горького. Его пригласили на обед в дом Иллариона Кантария, где присутствовали и руководящие районные работники. Председатель Очамчирского райсполкома Дм. Габуния пригласил к столу группу певцов районного хора, которым руководил Пл. Панцулая.

§ 2. Годы репрессий. Заселение Абжуйской Абхазии иноэтническими элементами

19 февраля 1931 года договорная ССР Абхазия, по воле «отца народов» И. Сталина, была преобразована в автономную респуб-

[1] Бгажба Х.С. Этюды и исследования… С. 3–4.
[2] Сангулиа С. В том далеком, 29-м…// Газ. «Советская Абхазия». 30 марта 1988 г.
[3] Штайн Гюнтер. Путешествие по стране Руставели. – М. 1980. С. 47.

лику и включена в состав унитарной Грузии. Так было положено начало практическому воплощению сталинской теории огрузинения абхазов, которая активизировалась после смерти главы Абхазского правительства Н. А. Лакоба. Волна репрессий и арестов, прокатилась по автономной республике. По далеко неполным данным, в 1937–1938 годах в Абхазии были репрессированы 2186 человек[1]. Аресты производились с грубейшими нарушениями законности без санкции прокурора, создавались липовые «дела» о «шпионах» и «вредителях», о так называемых «антисоветских центрах», «блоках», «заговорах». По так называемым делам «О контрреволюционной, диверсионно-вредительской, террористическо-повстанческой, шпионской организации» и «Об антисоветской националистической организации в Абхазии» и др. было репрессировано несколько тысяч граждан из числа партийных, советских, профсоюзных, комсомольских работников, а также деятелей науки и культуры, рядовых рабочих и крестьян. Ещё до открытого судебного процесса в Сухуме, в октябре–ноябре 1937 г., в областных газетах появлялись статьи, «разоблачающие» «врагов народа». Так, в статье «Беспощадно бороться с врагами народа», опубликованной в газ. «Советская Абхазия» за 15 авг. 1937 г., её автор М. К. Делба, в числе «непосредственных троцкистских агентов» Н. А. Лакоба назвал таких представителей абхазской интеллигенции, как М. Чалмаз, Д. Кучулория, Б. Зантария, В. Ладария, М. Лакоба, Л. Киут, К. Инал–ипа, М. Гарцкия и других. Например, в адрес Наркома по просвещению Б. Зантария допускались такие эпитеты: «мерзопакостный», «разнузданный пошляк», «душевно и физически разложившийся дегенерат» и т.д. В одной из статей той же газеты тот же автор пишет, что якобы Б. Зантария, Д. Чагава и др., т. н. «буржуазные националисты», «стремились отторгнуть Абхазию от СССР…». «…Вредитель Зантария разоблачён… однако новое руководство Наркомпроса, в лице Чагава, не оправдало доверие партии… Чагава встал на путь вредительства и подлого двурушничества… его деяния ничем не отличались от гнусных действий его предшественника Зантария»[1]. Д. Чагава в статье обвинялся в том, что якобы будучи в Москве, был связан с «троцкистским мерзавцем Зосимом Кобахия», с контрреволюционерами Артёмом Аншба, Джотой Ахуба, Нурием Багапш, Владимиром Агрба и др.

И после судебного процесса,[2] некоторые, из числа подхалимствующих, в своих публичных выступлениях и статьях называли, например, руководителей Союза писателей Абхазии и Абхазского института (имея в виду Самсона Чанба и Арсена Хашба) «махровыми буржуазными националистами», которые будто «сознательно замазывали и всячески отрицали влияние грузинской культуры на абхазскую» и т.д. В журнале «Апсны Капш» за 1937 г. говорилось, что «в литературе также необходима бдительность. Из рядов абхазской литературы изгнаны враги народа: В. Агрба, Ш. Цвижба и др. Продолжительное время абхазскую организацию писателей возглавлял враг народа, буржуазный националист, презренный троцкист С. Чанба. Начиная со своих ранних произведений («Апсны Ханым», «Дева гор»), он выступил, как гнилой буржуазный националист. Уже с этого презренного двурушника маска снята, он получил по заслугам»[3]. С. Я. Чанба обвинялся в

---

[1] Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии… С.87.

[1] Сагария Б.Е. О трагических страницах в истории Абхазии. – Сухум. 1995. С. 8–9.

[2] В г. Сухум, в здании Гостеатра Абхазии в конце октября – начале ноября 1937 года проходил по режиссуре Берия процесс, по так называемому делу «О контрреволюционной, диверсионно–вредительской, террористическо–повстанческой, шпионской организации в Абхазии» или т. н. «Лакобовский процесс». Все арестованные осуждались уже не судом, а «Особыми совещаниями», так называемыми тройками, организованными ещё в июне 1934 г., которые могли административным порядком высылать, ссылать, арестовывать сроком до 5 лет. (См.: Сагария Б.Е. О трагических страницах в истории Абхазии… С.15). Во время самого процесса общественным обвинителем в суде был назначен М.К. Делба. Он в обвинительной речи назвал их: «заклятыми троцкистами и бухаринцами… А закончил словами: «Смерть вам! Смерть! Проклятые фашистские выродки» (см.: газ. «Советская Абхазия». 3 ноября 1937 г.; Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953. – Сухум. 1992. С. 450–452. Сост. Б.Е. Сагария, Т.А. Ачугба, В.М. Пачулия).

[3] Сагария Б. Е. О трагических страницах в истории Абхазии… С. 10.

том, что, он будучи председателем ЦИКа Абхазии, «в 1927 г. во время исключения из рядов партии Преображенского, Зиновьева, Медведьева, Троцкого и др. на общем городском партийном собрании голосовал против исключения из рядов партии» указанных лиц. С. Я. Чанба ещё обвинили и в том, что он якобы состоял в контрреволюционной националистической организации, руководимой А.С. Агрба, и, работая в Союзе писателей, «уделял исключительное внимание только развитию культуры и подготовке молодых писателей в духе отъявленных националистов», выступал «против введения грузинского алфавита» и т.д.

11 октября 1937 г. как член контрреволюционной организации был арестован Тарас Абгадж. Санкцию на его арест подписал зам. Наркома ВД Абхазской АССР И. Волковский. В обвинительном заключении говорилось, что работая секретарём Очамчирского РК КПГр, в 1933 г. Абгадж Тарас, по заданию Н. Лакоба и В.Ладария, проводил контрреволюционную деятельность, направленную против политики ЦК ВКП(б)… 26 декабря 1937 г. Т. Абгадж был приговорён к расстрелу.

Тогда же были арестованы Н. Багапш, К. Багапш, А. Кучуберия, С. Киут и др.

Они обвинялись в том, что в г. Очамчира создали «к/р троцкистскую, террористическую, диверсионно–вредительскую организацию, ставившую перед собой задачи совершения террористических актов над руководителями партии и правительства, подготовку вооружённого восстания…» и т. д. Решением Тройки, 13 ноября 1937 г. был вынесен смертный приговор Н. Багапш (ему было 32 г.) и А. Кучуберия (24 г.).

Отец Алексея Кучуберия, Хабидж Гидович в письме от 20 мая 1940 г. на имя Наркома внутренних дел Абхазии А. Рапава (друг и соратник Л. Берия) просил сообщить, где находится его сын, о причине ареста, уверял, что его сын никогда «не был вмешан в политической волоките» и т. д. Начальник следственной части НКВД ГССР Рухадзе 26 июня 1940 г. 75-летнему Хабиджу

и его жене сообщил, что «Кучуберия А. Х. и Багапш Н. Р. вынесена высшая мера наказания «правильно»[1].

В начале 1938 года по так называемому «Делу «Организаторы» или «Делу Адзюбжской молодежи» большая группа жителей с. Адзюбжа была привлечена к уголовной ответственности и осуждена, якобы, за участие в «контрреволюционной, правотроцкистской, повстанческо-вредительской организации молодежи в Абхазии»[2]. В следственных материалах указывалось, что «руководство этой организации законспирировало свою работу в селе Адзюбжа»[3].

Из заведомо сфальсифицированной докладной записки Наркомвнудела Абхазской АССР грузинскому наркому ВД Гоглидзе следует, что якобы в конце декабря 1937 года был вскрыт и ликвидирован областной центр контрреволюционной организации правых в Сухуме. В следственных материалах указывалось, что организация была создана по указанию М. Цагурия (1896–1938), который в те годы работал в Москве. Будучи еще студентом Тифлисского политехнического института в 1914 году Михаил Цагурия вступил в социал-демократическую партию. Тогда же был исключен и арестован за революционную деятельность. Высшее образование Михаил получил уже в советское время в Московском государственном университете. В 1914 году М.К. Цагурия вступил в партию социалистов–революционеров, а с 1918 года член Компартии. В период установления советской власти в Абхазии М. К. Цагурия руководил кодорскими крестьянами. В марте-апреле 1918 года организовал партизанский отряд, с которым выступил против грузинского меньшевистского десанта в Очамчире. В сражении на реке Кодор был ранен, попал в плен и некоторое время находился в тюремном заключении.

---

[1] Сагария Б. Е. О трагических страницах в истории Абхазии… С. 22–23.

[2] Следственные материалы по делу контрреволюционной, правотроцкистской, повстанческо-вредительской организации молодежи в Абхазии. Дело «Организаторы». – Народный Комиссариат Внутренних дел Абхазии. IV ОТД. УГБ. – Сухум. 1938г.

[3] Маан О.В. Безвинные жертвы из Адзюбжи // Газ. «Республика Абхазия». 28–29 апреля 1999 г.

В 1919 году Кавказским краевым комитетом М. Цагурия был назначен членом подпольного Абхазского Ревкома и направлен в Абхазию для организации вооруженного восстания. В Народном Совете Цагурия организует «Фракцию независимцев», куда входили Самсон Чанба, Дмитрий Алания, Иван Маргания и др. При активном участии М. К. Цагурия фракция составила известное заявление от 29 сентября 1919 года 14 депутатов Народного Совета грузинскому правительству. За свою политическую деятельность М. К. Цагурия несколько раз подвергался арестам и высылке. Так, весной 1920 года он (вместе с И. Маргания) был обвинен в «государственной измене» и арестован.

В период подготовки вооруженного восстания в Абхазии, М. К. Цагурия в конце 1920 года едет в Баку для переговоров с Г. К. Орджоникидзе и С. М. Кировым[1]. Возвратившись в Абхазию, М. К. Цагурия участвует в создании руководящих органов восстания, Ревкомов и повстанческих отрядов в уездах и селах. В 1921 году со своими партизанами – кодорскими абхазами он одним из первых вступил в Сухум.

С 1921 по 1923 годы М. К. Цагурия руководил Наркоматом внутренних дел Абхазии, одновременно являясь председателем Абхазской Чрезвычайной комиссии (АбЧеКа). В 1923 году М. К. Цагурия едет на учебу в Москву.

В 1926 году после окончания экономического факультета он работает в советском торгпредстве в Турции, а в 1927-1930 годах – уполномоченным торгпредства СССР в г. Смирна (Турция).

М. К. Цагурия один из деятельнейших участников осуществления индустриализации СССР. В годы учебы в университете он работал в ВСНХ РСФСР, а с 1930 года – в ВСНХ СССР, более шести лет являлся начальником статистико-экономического сектора Наркомтяжпрома СССР. В июле 1937 года Совнарком СССР назначил М. К. Цагурия заместителем начальника Центрального управления народнохозяйственного учета СССР (впо-

[1] Куправа А.Э. Верный сын народа (к 80-летию со дня рождениия М. К. Цагурия) // Журнал «Алашара». № 5. 1976. С. 67–70 (на абх. яз.); Анчабадзе З. В., Дзидзария Г. А., Куправа А. Э. История Абхазии. Учебное пособие. – Сухуми. 1986. С. 156.

следствии ЦСУ СССР). В июне 1938 года, как выше указывалось, необоснованно репрессирован.

Из 35 жителей с. Адзюбжа, фигурирующих в деле «Организаторы», 21 человек, помимо М.К. Цагурия, были приговорены к смертной казни (расстрелу). Это: Джанашиа Борис – «руководитель контреволюционной молодежной организации Сухумского района»[1], Джанашиа Арсен, Джанашиа Серапион, Джанашиа Бессарион, Джанашиа Астамур, Лагвилава Хванка, Жвания Ектим, Апшцба Элизбар. В числе арестованных таким образом Маргания (Маан) Бекирбей[2], Апшцба Сулейман, Какулия Арсен, Джеджелава Виссарион, Канхуа Ирод, Кантария Иона, Лепсандзе Сандро, Камкия Теймураз, Кация Николай, Джикирба Ачи, Чечерия Кач, Дараселия Кукута, Кация Патос, который скончался через несколько дней после «освобождения» из заключения по состоянию здоровья. Против арестованных выдвигались ложные обвинения, например, в «попытке захвата власти путем вооруженного восстания», в «хранении пишущей машинки», для «печатания и распространения листовок против Советской власти», в «проведении нелегальных собраний», в «саботаже против решений правительства по заготовке мяса, молока, масла и сыра», в «дестабилизации мероприятий Советской власти по вопросу колхозного строительства»…

Допросы подписаны Наркомом ВД Абхазии Пачулия и сотрудником НКВД Абхазии Абазовым[3]. Работники НКВД принуждали обвиняемых давать ложные показания на себя и других лиц. Протоколы допросов, по свидетельству следователей, пере-

[1] Следственные материалы… Дело «Организаторы».

[2] По устному сообщению племянницы Бекирбея Маан, кандидата филологических наук Тамары Шакрыл, в 30-е годы XX в. Бекирбей учился на юридическом факультете Харьковского университета. После доноса о том, что он дворянского происхождения, по приказу властей он подлежал аресту, но предупрежденный о готовящемся аресте, Бекирбей покинул Харьков. Возвратившись в Абхазию он поступил в Педагогический институт г. Сухум. Однако здесь он был арестован и на следующий день расстрелян.

[3] Следственные материалы… Дело «Организаторы»…

писывались, пересоставлялись по нескольку раз, «очных ставок не устраивали и дело закончили». Это у них было правилом[1].

В 1937 году был репрессирован Григорий Делба (1894–1937) – генерал-лейтенант, сотрудник Комиссариата Внутренних дел Абхазии и начальник отдела уголовного розыска. Г. Делба окончил Владикавказское военное училище и Батумскую офицерскую школу (где учился вместе с Л. Берия). До революции он работал начальником милиции в Гагре. В период работы в Сухуме ездил в Турцию по вопросам репатриации абхазов, откуда привез в Батум 26 абхазских семей, которым тогда, власти не разрешили приехать в Абхазию. В первый раз был арестован в период нахождения на царской службе. Со слов брата Г. Делба – Спиридона Делба, известный абхазский писатель Ш. Чкадуа записал: «В один из дней Г. Делба с друзьями пришел в ресторан «Рица» в Сухуме пообедать. Здесь сидели прибывшие из Тбилиси чекисты, которые, увидев Г. Делба, проговорили: «Смотрите, пришла белая гвардия, друзья Деникина!». Вслед за этим Г. Делба, вынув пистолет, принудил «гостей» спеть «Боже, царя храни!», а затем поднял тост за здравие Николая II. После происшествия Григория Делба вызвал к себе Н. Лакоба и сообщил, что на него пожаловались, и посоветовал скрыться. Несколько месяцев он скрывался в Краснодаре, где и был арестован и осужден на шесть месяцев».

В свое время без кровопролития сумел перевести не подчинявшихся советской власти сванов на сторону большевиков. Однако вскоре после смерти Н. Лакоба был арестован и расстрелян по обвинению в «предательстве Берии» и «стремлении переселить из Турции абхазских капиталистов». У Г. Делба было три дочери – Вера, Валя и Ира, которые после репрессии отца как дочери «врага народа» были высланы в Казахстан (г. Караганда). По завершении Великой Отечественной войны в 1945 г. им было разрешено вернуться на родину.

По свидетельству С. Данилова, «арестное помещение в Сухуме и тюрьма были переполнены. Арестованных, после окончания допросов «с пристрастием», после того как они «сознались» в совершенных ими преступлениях, ночью массами отправляли в Тифлис, где их в ужасных условиях содержали в известном Метехском замке. Большинство арестованных было все же ликвидировано на месте, в Абхазии. Монастырь в Драндах был приспособлен для содержания в нем множества арестованных»[1].

Исполнение приговора к расстрелу, сидевших в Драндской тюрьме, производилось в ее окрестностях, – в местностях Агдарра и Баглан с. Адзюбжа[2]. По свидетельству старожилов, в течение недели уже заполночь в Баглан вереницей направлялись грузовые машины с арестованными. Жители гасили свечи. Лаяли и выли собаки. Затем доносились выстрелы. До недавнего времени в Багланской низине каждый раз после половодья на берегу Кодора обнажались останки расстрелянных.

В 1937 году в своей квартире в Сухуме был арестован уже упомянутый Иван Николаевич Маргания вместе с супругой Мери Маргания (жена вернулась из «заключения ровно через 10 лет»)[3].

… И. Н. Маргания в 1918 году возвращается на родину из Харькова и активно включается в общественную жизнь страны. В том же 1918 г. в Абхазии он избирается окружным комиссаром.

В период оккупации Абхазии войсками Грузинской демократической республики, во второй половине июня 1918 года, тифлисские власти от имени Абхазского Народного Совета проводили в Абхазии самые беззастенчивые мероприятия – вплоть до карательных расправ над мирным населением. После первого роспуска АНС, грузинские власти 10 октября 1918 года арестовали И. Н. Маргания (вместе с С. Ашхацава) по обвинению в «заговоре

---

[1] Сагария Б. Е. О трагических страницах в истории Абхазии… С. 24.

[1] Данилов С. Трагедия абхазского народа // Материалы по истории Абхазии… С. 12–13.

[2] См. карту в книге: Маан О.В. Очерки истории и культуры населения низовьев реки Кодор… С. 83.

[3] Племянница И.Н. Маргания, Ирина Маршания сообщила: сын Чычына Маан – Григорий (также родственника И.Н. Маргания) в 1941 г. был призван в Красную Армию на фронт. Григорий заболел сибирской язвой, но в госпитале врачи не разобрались и сделали ему операцию, в результате которой тот скончался. Узнав об этом, отец, в том же 1941 г. покончил жизнь самоубийством. В это время И.Н. Маргания уже не было в живых.

против Грузинской республики», и заключили в Метехскую тюрьму в Тифлисе[1]. В апреле 1919 года он освобождается из заключения и по возвращении в Абхазию становится членом, а в 1920 году и одним из лидеров «фракции независимцев» в Абхазском Народном Совете. Грузинские меньшевики характеризовали И. Н. Маргания как деятеля «больше всех твердившего о своей социалистичности и интернационализме и метавшего гром и молнии против шовинистов, социал-демократов…», т.е. меньшевиков[2]. За свои острые выступления против политики грузинских властей в Абхазии в мае 1920 года И. Н. Маргания (вместе с М. К. Цагурия и Д. И.Алания) был репрессирован по обвинению в «государственной измене», в попытках «ниспровержения существовавшего строя»[3]. В начале 1921 года, после освобождения из тюрьмы, И. Н. Маргания принимает активное участие в подготовке вооруженного восстания в Абхазии. Он сформировывает партизанский отряд, принявший вместе с частями Красной Армии участие в освобождении Кодорского и Самурзаканского уездов. Под непосредственным руководством И. Н. Маргания в этих уездах были созданы органы новой власти – ревкомы.

С восстановлением в Абхазии советской власти И. Н. Маргания находился на руководящих советских и хозяйственных работах. С 1921 по 1923 годы он являлся беспартийным председателем революционного трибунала, а затем наркомом юстиции. И. Н. Маргания автор ряда важнейших актов, которые легли в основу первой конституции советской Абхазии. С 1923 года он являлся уполномоченным Совнаркома республики по восстано-влению курорта Гагра. С 1925 по 1930 год И. Н. Маргания занимал пост уполномоченного Наркомфина Грузии в Абхазии. В 1930 году он переводится на ответственную работу в Тифлис, где в разное время занимал должности председателя правления «Грузтабаксырье», заместителя наркома финансов Грузии. С 1933 года вплоть до репрессии, И. Н. Маргания являлся членом коллегии Наркомфина ЗСФСР и руководителем Госстраха Закавказской федерации.

[1] История Абхазии… С. 306–307.
[2] Газ. «Наше слово». 16 марта 1920 г.: Дзидзария Г.А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции… С. 334.
[3] Газ. «Наше слово». 10 мая 1920 г.

В 1937 году был репрессирован Кация Константин Константинович (род. в 1905 г.) – работник финорганов – Управляющий Госкредита и сберкасс республики. В 19 лет К. Кация был назначен командиром спецотряда по борьбе с белогвардейско-меньшевистскими формированиями, скрывавшимися в Абхазии. Затем К. Кация назначается военным комиссаром на Псху. Позже он работал в разных советских и административных органах, а в 1932 г. был назначен председателем Гагрского райисполкома.

В 1938 году, как свидетельствует С. Данилов, «ни в одном из учреждений Абхазии – будь то учреждение правительственное, административное, органы НКВД, торговля или кооперация – нельзя было найти ни одного абхазца: все должности, от высших до низших, были заняты пришлыми людьми, главным образом мингрельцами. Один абхазец, впрочем, уцелел: автор абхазского алфавита А. Чочуа, который и раньше стоял в некоторой оппозиции к правительственной верхушке. Уцелел он, то ли потому, что пользовался исключительным уважением всех слоев населения Абхазии, независимо от национальности, то ли потому, что в свое время обучал грамоте мальчика по имени Лаврентий Берия; то ли потому, что он согласился пересоставить абхазский алфавит, отказавшись от латинского шрифта и приняв грузинский; то ли просто, потому что новая власть нуждалась хотя бы в одной импозантной, авторитетной фигуре»[1].

Как известно, в августе–сентябре 1941 года на абхазскую интеллигенцию обрушилась вторая волна репрессий. Те немногие, кто уцелел в 1937 г. подверглись новым преследованиям. Так, в 1941 г. по делу учёного краеведа и общественного деятеля Симона Басария и других, НКВД арестовало видных юристов, инженеров, деятелей науки, культуры и искусства. Заключённые под стражу 20 человек (18 абхазов, 1 немец, 1 грузин) обвинялись вместе с С. П. Басария в том, что якобы в 1941 г. они «являлись активными членами контрреволюционной национал–социалистической организации», ставившей своей конечной це-

[1] Данилов С. Трагедия абхазского народа… С.13.

лью захват власти на территории Абхазии в свои руки при непосредственной помощи германских вооружённых сил»[1].

В декабре 1941 года были расстреляны видные деятели абхазской интеллигенции во главе с С.П. Басария в результате грубейшей фальсификации, связанной с попыткой Берия дискредитировать абхазов в годы войны и обосновать их депортацию.

С периодом сталинского тоталитарного режима (1937–1953 гг.) связана еще одна трагическая страница в истории республики – активизация огрузинения абхазов.

В пояснительной записке к плану по сельскохозяйственному переселению на 1940 г. по Грузинской ССР, говорилось: «Переселение колхозников и единоличников в Абхазскую АССР производится в целях использования большого количества свободных земель, которые не могут быть освоены местным населением ввиду недостаточности трудовых ресурсов».

Планом на 1940 год предусматривалось заселение существующих и вновь организуемых колхозных посёлков Очамчирского района Абхазии. Именно: сс. Кындыг, Адзюбжа, Атара–Абхазская, Акуаскьа. Так, например, для переселенцев в с. Атара – Абхазская было выделено земли 1500 га; в с. Адзюбжа – 1450 га, из расчёта на 250 хозяйств[2]. Жилищное строительство намечено было завершить до конца года. Помимо жилищного строительства, предусматривалось административно-хозяйственное, школьное и медико-санитарное строительство, а также предоставление семьям переселенцев кредита на приобретение рабочего и продуктивного скота, оказание помощи зерном и др. Отчеты и сведения о количестве показывают, что из переселившихся в с. Адзюбжа людей, подавляющее большинство – 464 человека из Западной Грузии (Гегечкорский, Абашский, Чхороцкуиский, Ленджихский, Зугдидский и других районов). Сохранились списки переселенцев и состав их семей[1].

На сессии Верховного Совета Абхазской АССР, состоявшейся в июне 1940 г. основное внимание было уделено переселенческой политике в Абхазии. Председатели Гудаутского, Гагрского и Очамчирского исполкомов свои речи начинали только с рассказа о том, как в этих районах идёт переселение. Так, председатель Очамчирского райисполкома Д. Тарба на сессии заявил: «Начатое по инициативе Л. П. Берия переселение колхозников из районов Грузии в Абхазскую АССР особенно широкий размах приняло у нас, в Очамчирском районе». По приведённым им данным, к тому времени было построено 600 домов для переселенцев. «Планом на 1940 г. предусмотрено строительство ещё 400 новых домов в сёлах Беслахуба, Акваска и Тамыш»[2].

§ 3. Годы Великой Отечественной войны. Продолжение переселенческой политики

Великая Отечественная война явилась суровым испытанием для нашей страны. Абхазия послала на защиту Родины своих лучших сынов и дочерей. В рядах Советской Армии и Военно-Морского флота сражалось свыше 55,5 тысяч воинов из Абхазии, – абхазы, русские, армяне, грузины, эстонцы, представители других народов[3].

В те дни в военные комиссариаты потоком шли заявления от населения с просьбой отправить их на фронт. Нередко из одной семьи на фронт уходило по нескольку человек. Только за три

---

[1] Абхазский архив. XX век. Вып. I. Сост. С. З. Лакоба, Ю. Д. Анчабадзе. – М. 2002. С. 72–78; Лакоба С. З. С. П. Басария. Штрихи к политическому портрету // Басария С. П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Пособие для 8–9 классов общеобразовательных школ, лицеев, колледжей. – Сухум. 2003. С. 8–9.

[2] История Абхазии... С. 350.

[1] Абхазия: документы свидетельствуют... С. 47; История Абхазии... С. 350.

[2] Сагария Б. Е. О «белых» и «чёрных» пятнах в истории Абхазии // Газ. «Единение».1. Январь 1990 г. С. 2. Далеко идущие планы Сталина и Берии в Абхазии были частично приостановлены началом Великой Отечественной войны.

[3] История Абхазии... С. 356.

первых дня войны из пос. Акармара (с. Ткуарчал) поступило до 300 заявлений с просьбой об отправке на фронт. При этом до 40 процентов заявлений было подано девушками[1].

Война потребовала перестройки всего народного хозяйства. На фронт ушло подавляющее большинство квалифицированных рабочих и инженерно–технической интеллигенции.

В Абхазии горячо была подхвачена инициатива работниц Московского завода им. В. И. Ленина «Заменить на производстве мужей, отцов и братьев, ушедших на фронт». Женщины Абхазии – домохозяйки в прошлом – стали осваивать производственные профессии. Только на узловой станции Очамчира 92 женщины работали путевыми обходчиками, 4 слесарями, 11 бригадирами[2]. В шахтах Ткуарчала в конце 1941 г. работало более 800 женщин.

В годы войны трудящиеся Абхазии, как и всего Советского Союза проявили массовый героизм. Впереди соревнующихся шли прославленные горняки Ткуарчала – Н. Хунтуа, А. Айба, Т. Макацария, З. Мужицкая, А. Бессараб и другие стахановцы, прозванные гвардейцами тыла. 14 февраля 1942 г. Совинформбюро сообщило о замечательной победе абхазского шахтёра Н. Хунтуа[3].

В условиях войны руководство Очамчирского района не в состоянии было одновременно осуществлять руководство работой промышленных предприятий Ткуарчала и сельским хозяйством. Поэтому, в целях максимального увеличения добычи угля и выработки электроэнергии, в апреле 1942 года из Очамчирского района были выделены рабочие посёлки Квезан и Акармара и из них был образован г. Ткуарчал[4]. Создание нового города открыло новые возможности для удовлетворения нужд фронта в угле и электроэнергии.

Горняки и энергетики Ткуарчала бесперебойно снабжали боевые корабли Черноморского флота, Закавказскую магистраль,

---

[1] Очерки истории Абхазской АССР. Ч. II. – Сухуми. 1964. С. 160.
[2] Абшилава А. А. Трудящиеся Очамчирского района Абхазской АССР в годы Великой Отечественной войны… С. 40.
[3] История Абхазии… С.356–357.
[4] Абшилава А. А. Трудящиеся Очамчирского района… С. 56.

промышленные предприятия, занятые производством военной продукции, каменным углём, когда республики Закавказья испытывали нужду в этом виде топлива, а энергетики Ткуарчал ГРЭС поставляли электроэнергию промышленности и коммунальному хозяйству Грузии[1].

Следует также сказать, что в эти суровые годы в Ткурчале из числа горняков была создана рота всевобуча под командованием старого ткуарчальца, опытного альпиниста, начальника планового отдела М. Галича. Он же готовил группу горных стрелков[2].

В годы войны самоотверженно трудилось абхазское крестьянство. Мужчин, ушедших на фронт, заменили, женщины. Их труд преобладал в чайном хозяйстве, табаководстве и шелководстве – в отраслях, занимавших большой удельный вес в колхозах района и Моквском чайном совхозе. Образцы трудового героизма показывали женщины в сс. Атара, Акуаскьа, Елыр, Кутол, Члоу. В Ткуарчале, например, в сельскохозяйственных работах отличались Б. Пачулиа, Ш. Акаба, П. Делба, А. Каджая и др[3].

Пример организованности и высокой производительности труда в Очамчирском районе в эти годы показывала, например, третья бригада колхоза «Красная Адзюбжа», которую возглавил участник Великой Отечественной войны Трифон Сичинава. В 1940 году он участвовал в войне с белофиннами, затем мужественно боролся с немецко-фашистскими захватчиками. В Брест-Литовске, Барановичах, Смоленске в жестоких схватках уничтожал оккупантов. В одном из боёв он штыком заколол 5 фашистов[4]. После ранения Т. Сичинава вернулся в родное село и вскоре стал в колхозе бригадиром бригады, которая раньше других закончила весновспашку, в установленные сроки вырастила табачную рассаду, провела сев кукурузы и посадку табака. Уборка урожая была проведена организованно и без потерь. В течение

---

[1] Социалистическая промышленность Абхазской АССР 1921–1950 гг.// Сборник документов. Сост. Б.Г. Берулава, А.А. Абшилава, А.Э. Куправа. – Сухуми. 1981. С. 11.
[2] Акаба Л. Х. Материалы о быте рабочих–абхазов Ткварчели… С. 52.
[3] Абшилава А.А. Трудящиеся Очамчирского района… С. 78.
[4] Там же. С. 96.

ряда лет бригада Т. Сичинава получала высокие урожаи[1]. Впоследствии ему и другим передовикам колхоза, – Кондрату и Самсону Кация, Георгию Камкия, Тариэлу Кобахия и Шали Чочуа, – были присвоены звания Героев Социалистического Труда.

С первых же дней войны в сельскохозяйственные работы включились также школьники и учителя. Весной 1942 года учащиеся и педагоги Адзюбжской средней школы обратились ко всем учителям и школьникам Абхазии с призывом принять активное участие в сельскохозяйственных работах. Подхватив инициативу адзюбжцев, школы Абхазии оказали большую помощь колхозам и совхозам в обработке сельхозкультур и уборке урожая[2]. Значительную роль в выполнении планов сельскохозяйственных работ педагоги и школьники Очамчирского района сыграли и в 1943 году[3]. Правительством были увеличены задания по заготовкам, погрузке и сплаву деловой древесины и дров лесозаготовительным организациям[4]. Многие жители района – работники Кодорского лесокомбината и сплавщики леса, подавали в эти годы примеры трудового энтузиазма. Среди них особенно отличились Яков Камкия, Николай Сичинава, Акибей Джинджолия, Мария Федорова, Катмас Дочия… Все они были людьми преклонного возраста[5].

Свой вклад в Отечественную войну внесла и интеллигенция Очамчирского района. Учителя и школьники, как говорилось выше, принимали трудовое участие в колхозах и совхозах, в создании фонда обороны, в сборе средств на строительство боевых танков и самолётов, торпедных катеров и другого вооружения. Педагоги и учащиеся посылали подарки воинам Красной Армии на фронт, в госпитали. К примеру, учащимися района было собрано и отправлено на фронт подарков продуктами питания на

[1] Абшилава А.А. Трудящиеся Очамчирского района… С. 96.
[2] Абхазия в период Великой отечественной войны Советского Союза (1941–1945). Сборник документов. – Сухуми. 1978.С 8–9.
[3] Очерки истории Абхазской АССР. Ч. II… С. 179.
[4] Лежава Г.П. Рабочий класс Абхазии в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Тб. 1984. С. 23.
[5] Чкадуа П. Горная Абхазия, год 1942. – Сухуми. 1983.С. 12.

сумму более 150000 руб., тёплой одежды и других вещей свыше 900 штук[1].

Следует отметить, что с 11 сентября 1942 года в с. Адзюбжа, в помещении школы был расположен по предписанию санупрвления Западного фронта полевой хирургический госпиталь, немногим более чем на 100 коек, однако приток раненых сюда увеличивался. Так, в сентябре в госпиталь поступило 452 раненых, доставленных с передовой в горах, а также из сочинских госпиталей. Лишь в конце октября 1942 года, когда во дворе школы были построены санпропускник и сортировочное отделение, количество коек было увеличено до 135. Госпиталь здесь находился до 20-го декабря, а затем он был переведен в Сухум в здание 2-й городской больницы[2].

Из 55,5 тыс. сыновей и дочерей Абхазии, ушедших на защиту Отечества, 17500 чел. не вернулись с полей сражений, в том числе из Очамчирского района 3919 чел[3]. Только из одного с. Адзюбжа ушли на фронт 120 парней, из которых не вернулось 65, т.е. более половины. Отдельные фамилии потеряли по 10 и более душ, а некоторые семьи по 4–5 человек. Так, на фронтах войны погибло 35 человек из фамилии Квициния (с. Атара), 32 человек из фамилии Адлейба (с. Отап), 12 человек из фамилии Зантария, Гадлия – 7 человек, Габлия – 5 человек (все из с. Тамыш) …

В Великой Отечественной войне 1941–1945 годов званий Героев Советского Союза удостоились доблестные воины из Очамчирского района М. Кантария, Н. Ходосов, В. Габлия. В числе мужественных защитников Родины кавалер трёх степеней ордена Славы И. Цулая, разведчик В. Пачулия – закрывший своей грудью амбразуру вражеского дзота. Много славных страниц в летопись Отечественной войны вписали полковники К. Аршба, Л. Голандзия, Г. Зантария, подполковник И. Бжания, гвардии капитан, – участник обороны Москвы, Ленинграда и Сталинграда М. Ло-

[1] Абшилава А. А. Трудящиеся Очамчирского района… С. 108.
[2] Прицкер Л. М. История курортов Абхазской АССР. – Тб. 1987. С.77.
[3] Тария А. Книга памяти. 1941–1945. – Сухум. 2000. С.8, 488–677.

гуа. Геройски защищали Родину У. Басария, С. Канхва, Ш. Джопуа, В. Джобава, И. Ченгелия, Н. Шамба, Н. Ахуба, К. Черкезия, Л. Кация, Г. Чхинджерия, А. Чхотуа…

Проследим боевой путь некоторых участников второй мировой войны.

Николай Ходосов (1913–1984) родился в 1913 году в станице Лабинской (Краснодарский край РФ). Ему было три года, когда родители переселились в Абхазию. Отец начал работать на Кодорском лесозаводе Максимова в качестве механика, а 9-летний Коля поступает в начальную школу. После окончания трех классов начинается его трудовая деятельность. Работает учеником на лесокомбинате, рамщиком, молотобойцем, затем кузнецом. В 1937 году служит в рядах Черноморского флота. В 1939 году с группой комсомольцев–моряков мобилизован на Финский фронт. За успешное выполнение боевых заданий награждается медалью «За боевые заслуги».

В первый же день Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) Н. Ходосов ушел на фронт. Командовал подразделением десантников, высадившихся на Керченский полуостров в январе 1942 года, участвовал в боях за Сталинград, в битвах в районе Курской дуги, в боях за Белоруссию.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года Ходосову Николаю Яковлевичу, участнику боев за освобождение Прибалтики, Польши, Германии, присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»[1].

Славный боевой путь прошёл отважный сын абхазского народа, уроженец с. Тамыш Варлам Габлия, показавший на всём протяжении войны образец стойкости и верности Родине.

Через три месяца после призыва в Красную Армию В. Габлия уже был на фронте, и 25 декабря 1941 года в боях с фашистами при освобождении станицы Русская получил первое боевое крещение.

---

[1] Абшилава А. А. Сыны Абхазии – Герой Советского Союза. – Сухуми. 1961. С. 93–98.

В 1942 и 1943 годах он участвовал в боях за оборону Кавказа, в освобождении Керчи. Командиром миномётного расчёта участвовал в десантных операциях на Днестровском лимане, и в Бесарабии… За героизм и мужество, проявленные в боях на территории Венгрии (г. Эстергом), Габлия Варламу Алексеевичу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 года присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»[1].

На фронтах Великой Отечественной войны многие жители района были награждены медалями и орденами. Например, двадцатилетний К. Гумба из с. Адзюбжа после окончания в 1943 году Краснодарского пулеметно-минометного училища командовал минометным взводом на 1-ом и 4-ом Украинском фронтах, принимал участие в боях за Польшу, Чехословакию, Германию. Закончил войну 14 мая 1945 года в Чехословакии. За мужество и отвагу в боях Великой Отечественной К. Гумба награжден двумя орденами Великой Отечественной войны II степени и орденом Красной звезды[2].

В боевых операциях на подступах к Москве осенью 1941 г., когда генеральное наступление немцев на столицу СССР захлебнулось, отличился майор К. Цвинария, уроженец с. Кутол. Будучи заместителем начальника штаба стрелкового полка по связи, он под обстрелом противника, обеспечивал непрерывность управления полком. Цвинария участвовал в прорыве обороны врага под Корбусели на Волховском фронте, в боях за ликвидацию наступления немцев в районе Курска, за освобождение Украины и её столицы Киева; Польши, в разгроме немцев на их собственной территории.

В боях за Ленинград отличился Н. Ахуба. На его боевом счету, как снайпера – 75 убитых фашистов. Ахуба участвовал также

---

[1] Абшилава А. А. Трудящиеся Очамчирского района Абхазской АССР в годы Великой Отечественной войны… С.140–143.

[2] Чкадуа П. Псхуские рассказы. Рассказы, очерки, воспоминания, сказки. – Сухуми. 1979. С. 26–43 (на абх. яз.).

в наступательных боях под Ленинградом, на Волховском участке фронта, а затем в разгроме Курляндской группировки немцев[1].

Защищали Малую и Большую родину в Великой Отечественной войне абхазские писатели – К. Агумаа, С. Кучберия, А. Джонуа, Ч. Джонуа, С. Сангулия, Ш. Сангулия. В первые же дни войны смертью храбрых пали поэты Л. Квициния, В. Капба, Р. Джопуа, прозаик В. Чичерия.

К. Агумаа, уроженец с. Гуада, ещё до войны был призван в Красную Армию. Война застала его в Наро–Фоминске, участвовал в боях на Смоленском направлении. В 1942 и 1943 гг. он партизанил в Брянских лесах. В 1944 г. он снова в действующей армии в качестве танкиста…

Пример беззаветного служения Родине показал Ш. Карчава – выпускник Краснодарского медицинского института. В составе 18-ой армии десантировался на легендарную Малую землю под Новороссийском. В должности врача-ординатора он воевал на 4-ом, 3-ем Украинском и 1-ом Белорусском фронтах. Мужество и героизм Ш. Карчава отмечены орденами и медалями.

С августа 1942 по январь 1943 года сама Абхазия, и в частности Очамчирский район, был прифронтовой зоной. В этот период немецко–фашистские войска заняли горные перевалы Абхазии. Самолеты противника то и дело сбрасывали бомбы на Сухум, Очамчиру, пос. Квезан и другие пункты Абхазии. В 1942 году на Кодорский мост (а также к северу от моста) было сброшено несколько вражеских бомб. Из взрослого мужского населения, по возрасту не подлежавшего мобилизации на фронт, создавались истребительные батальоны для борьбы с парашютным десантом и диверсионными группами противника. Истребительные батальоны начали создаваться в Абхазии с 26 июня 1941 года. Было создано 6 истребительных батальонов, в их числе и при Очамчирском РО НКВД Абхазской АССР. Батальон был разбит на 4 роты, которые размещались в г.Очамчира, сс. Первая Бедиа, Моква и Кутол.[1] В июне 1942 года в районе реки Кодор было проведено крупное военное учение, в целях окружения и уничтожения парашютного и морского десанта врага[1]. Бойцы истребительных батальонов рыли окопы, сооружали блиндажи и дзоты, проволочные заграждения. В течение нескольких дней ими были воздвигнуты оборонительный узел и отсечные позиции на левом берегу реки Кодор, недалеко от с. Адзюбжа[2].

В этот период (1942–1943) на территории района, в сс. Моква, Река, Джгиарда, горы Соуипсара и других местах было осуществлено несколько высадок вражеских групп парашютистов. Их ликвидация успешно была проведена силами истребительных батальонов при активном участии населения[3]. В боях с вражескими парашютистами особенно отличились П. Харчилава, Т. Сангулия, М. Сангулия, Ш. Когония, С. Шакая и другие.

Часть Очамчирского истребительного батальона, 350 чел., в районе горы Ходжал принимала участие в перекрытии дорог на перевалах. Часть подразделении истребительного батальона вместе с пограничниками несла охрану побережья Чёрного моря. Кроме того, население района принимало участие в организации переправы вооружения и боеприпасов, на перевалы Кавказа. Например, К. Сабекия, К. Допуа, А. Читанава, К. Адлейба и другие часто доставляли в горы для частей Красной армии оружие и продовольствие.

Во время Великой Отечественной войны переселение западногрузинских крестьян в Очамчирский район, как и в другие районы Абхазии, не прекращалось. Для переселенцев в тот период выделялись деловая древесина, пиломатериал, кровельная драть, производились раскорчевка и расчистка для приусадебных участков переселенцев, для переселенческих колхозов строились обобществленные скотопомещения и мельницы, высаживались многолетние культуры[4].

---

[1] Абшилава А.А. Трудящиеся Очамчирского района…С. 148–149.

[1] Минасян Э.Г. Истребительные батальоны Абхазии в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) – Сухуми. 1980. С. 16.

[2] Минасян Э. Г. Трудящиеся Абхазии – фронту (1941–1945). – Сухуми. 1989. С. 28.

[3] Абшилава А. А. Трудящиеся Очамчирского района…С. 160–162.

[4] Абхазия: документы свидетельствуют… С. 88.

Согласно сведениям о движении колхозов–переселенцев, на 20 января 1941 г., например, в колхозе им. Берия с. Киндги (Кындыг) было выстроено 410 домов, дополнительно прибыло в село 229 хозяйств, из них 47 – вернулось в места раннего проживания[1].

Постановлением №1595 2 сентября 1941 г. Совета Народных Комиссаров Грузинской ССР под видом неосвоенных земель переселенческим колхозам отрезались земельные угодья. Так, колхозу им. Бакрадзе Адзюбжского сельсовета колхозы «Красная Дача» и «Красная Адзюбжа» того же сельсовета передали 650,43 га; от территории с. Акуаскьа переселенческому колхозу им. Молотова было передано 511 га[2].

Согласно плану кредитования в 1944 г. колхозу им. Бакрадзе на строительство и ремонт жилых домов было выделено 213,5 тыс. руб.; колхозам им. Молотова с. Тамыш и им. Сталина с. Акуаскьа – 269,5 тыс. руб.[3]. На приобретение скота в 1944 г. колхозам им. Бакрадзе с. Адзюбжа и им. Молотова с. Тамыш было выделено по 30 тыс. руб.[4].

Колхозу им. Бакрадзе, в частности, создавались условия наибольшего благоприятствования; в 1945 г. колхоз был освобожден от уплаты подоходного налога в размере 13995 рублей «в связи с имевшим место стихийным бедствием»[5]. По сообщению старожила Родиона Адлейба, по территории колхоза им. Леселидзе с. Ахалдаба, в 1947 году был прорыт водоотводный канал для избавления населения от наводнений во время паводков. По словам того же информатора, на прорытие этого канала, где работал и он сам, с каждого села Очамчирского района мобилизовались по 100 человек абхазов.

Переселение в населённые пункты Очамчирского района осуществлялось, как было указано, и после Великой Отечественной войны. В этот период, например, в с. Охурей был создан переселенческий колхоз, куда были вселены десятки сванских семейств из Клухорского района[1].

[1] Абхазия: документы свидетельствуют… С. 89.
[2] Там же. С. 98–99.
[3] Там же. С. 112.
[4] Там же.С. 113.
[5] Там же. С. 122.

Вслед за массовым переселением последовала и серия политических мероприятий. Так, в 1945 году компактный поселок грузин в местности Агдарра был переименован в Ахалдаба (от груз. «Ахали» – новый, «даба» – местечко), т.е. «Новое местечко», и выделен в отдельное село. В том же году колхоз им. Бакрадзе с. Адзюбжа был преобразован в колхоз им. Леселидзе с. Ахалдаба. К 1950 году и центр с. Адзюбжа был перемещен в Ахалдабу.

Как известно, грубые нарушения в области национальной политики в рассматриваемый период нанесли значительный ущерб народному образованию.

Еще в 1944 году по инициативе тогдашнего секретаря Абхазского обкома партии А. Мгеладзе в обком была приглашена группа представителей абхазской педагогической интеллигенции в целях подготовки рекомендаций по переводу абхазских школ на грузинский язык обучения. 12 марта 1945 года комиссия под председательством М. К. Делба докладывала, что в последних классах абхазских школ абхазов единицы, так, например, в Очамчирской средней школе из 18 учащихся 10 класса абхазов только 7, в Тамышской средней школе из 7 – 1, а в Адзюбжской средней школе из 12 учащихся нет ни одного абхаза[2].

13 марта бюро Абхазского обкома партии приняло постановление «О мероприятиях по улучшению качества учебно-воспитательной работы в школах Абхазской АССР», в соответствии с которым абхазская школа ликвидировалась, а обучение переводилось на грузинский язык. 12 июня того же года решение Абхазобкома было утверждено на бюро ЦК КП Грузии. Так, в спецсообщении «О фактах непосещения учащимися некоторых школ Очамчирского района» наркома госбезопасности Абхазской АССР И. Гагуа от 2 октября 1945 г., на имя секретаря Абхазского обкома КП(б) Грузии Мгеладзе, в частности говорилось, что «в некоторых школах в Очемчирском районе наблюдаются случаи

[1] Куправа А. Э. Охурей. Рукопись… С. 1.
[2] Абхазия: документы свидетельствуют… С. 482.

массового непосещения учащимися школ». В сообщении названы учащиеся школ в сс. Гуп, Моква, Тхина. «Часть из непосещающих школы учеников заявили, что не желают учиться на грузинском языке и хотят перейти на учёбу в русскую школу…»[1]. Приведённое спецсообщение свидетельствует о протесте крестьян против того, чтобы обучение в школе проводилось на грузинском языке. Это был протест рядового сельского жителя, осознавшего, что практика принудительного изучения их детьми незнакомого языка есть не просто некое непонятное школьное нововведение, но отражение чего-то опасного и страшного, несущего угрозу их существованию[2]. Как и всякий стихийный протест, он был обречён на неудачу. Абхазские ученики 40-х –50-х гг. были вынуждены пройти через фильтр принудительной грузинизации.

В годы активной грузинизации Абхазии (1948–1952 гг.) более 147 населенных пунктов, в том числе железнодорожные станции и платформы на абхазском участке Закавказской железной дороги были переименованы на грузинский лад. Так, станция Очамчира была переименована в станцию Очамчире; платформа «Дача» – в платформу Агараки; платформа Киндги – в платформу Ахалдаба: разъезд Тамыш – в разъезд Тамиши; платформа 283 км – в платформу Цагера; платформа Акваска – в платформу Аквааске. Переименованию подверглись и некоторые сельские Советы и сёла Абхазии, в том числе по Очамчирскому району – 12 сельсоветов и сёл, например: с. Атишаду Ткварчельского сельского Совета – стало называться с. Вардисубани: с. Гуп–Агу Арасадзихского сельского Совета – с. Ачандара: центр Агаракского сельского Совета с. Аракич – с. Диди Агараки и т.д. Указом Президиума Верховного Совета Абхазской АССР 26 марта 1955 года

[1] Абхазский архив. XX век. Вып. I... С. 145. В период «реорганизации», и затем после закрытия абхазских школ в 1946 году за Д.И. Гулиа, Г.Д. Гулиа, И.И. Гулиа, А.Л. Хашба, В.Н. Маан, Х.С. Бгажба, К.К. Агумаа и др. (всего 83 чел.) было установлено «активное агентурное наблюдение» как за «недовольными грузинизацией абхазов и Абхазии» (см.: Марыхуба И.Р. Ефрем Эшба. – Сухум. 1997. С. 225–226).

[2] Абхазский архив. XX век... С. 143

переименованным пунктам были возвращены прежние названия. Тогда же были внесены транскрипционные изменения в названия поселков, например, в Кутол название пос. Ахиваа отныне писалось – Ахываа, Абаакити – Абаакыт, Тоумиши – Тоумыш: в с. Джгиарда, вместо Джиргули – Джиргул, Дгамши – Дгамш и т.д.[1].

§ 4. Период «развитого социализма». Эпоха перестройки и начала гласности

1960–1980-е годы XX столетия для бывшего Союза считались временем «развитого социализма», т.е. временем «вполне упрочившегося социализма, от которого начинается постепенный переход к коммунизму»[2]. И в Абхазии это было временем «практической реализации» намеченных партией и правительством мероприятий в области социалистического производства и экономики. Однако многие правительственные решения повлекли за собой целую серию негативных политических, экономических и экологических последствий в масштабе республики, как и Союза в целом. В Абхазии не оправдала себя колхозная форма собственности. К примеру, Адзюбжские колхозы отставали по всем показателям сельскохозяйственного производства[3].

В силу сложившихся условий, в 1975 году колхоз им. Д. И. Гулиа был преобразован в овощеводческий совхоз, что не повлекло существенных изменений. В 1986 г. в общественных хозяйствах Очамчирского района овощные культуры занимали 438 га, из них в колхозах – 89 га. Самые большие площади эти культуры занимали в Очамчирском молочно-овощеводческом совхозе – 216 га и Адзюбжском овощеводческом совхозе им. Гулиа – 110 га. При этом, самые низкие показатели урожайности были в Адзюбжском овощеводческом совхозе – 26,5 цт, и в Очамчирском

[1] Абхазия: документы свидетельствуют... С. 523–524.

[2] Краткий политический словарь. – М. 1983.

[3] Газ. «Советская Абхазия». 2 ноября 1961 г.

молочно-овощеводческом совхозе – 44,9 цт[1]. Отрицательным мероприятием в экологическом отношении для Очамчирского района явилось строительство 1964 году Цкургильского завода нерудных материалов, который занимался выработкой гравийных и песчаных отложений (завод снабжал строительные объекты всей Западной Грузии). К заводу специально была проведена железнодорожная ветка. Лишь незначительный процент нерудных материалов шел на строительные нужды самой Абхазии. Для целей завода из колхоза были изъяты 68 га пахоты и значительная площадь залежей резервных земель. В результате хищнической эксплуатации недр Скурчи карьер стал захватывать территорию дюнных песчано-гравийных наносов «непосредственно в пляжной полосе»[2]. А в газ. «Советская Абхазия» за 17 ноября 1967г. сообщалось: «На территории совхоза им. Гулиа села Адзюбжа, в 200-300 м от берега Черного моря, предприятия Министерства строительства Грузии выбрали на площади 40 гектаров инертный материал, однако не была произведена рекультивация этой земли». Сельская интеллигенция, по поручению местного населения, в том же 1967 году написала коллективное письмо в редакцию газеты «Известия» по поводу значительного урона экологии Очамчирского района. Группа энтузиастов из «Общества охраны памятников культуры» и любителей подводного плавания, состоявшая из сотрудников Сухумского физико-технического института, выдвинула в тот период идею создания на базе карьерного хозяйства в Скурчинском заливе океанариума. Была и такая идея, как искусственное заграждение молами части залива. Однако предложение о создании океанариума не было поддержано местными властями.

В рассматриваемый период большой объём работы по формированию и удовлетворению духовных запросов сельского населения республики выполняли культурно-просветительские учреждения. Вместе с тем, усиление размаха культурно-массовой работы не сопровождалось адекватным повышением уровня про-

[1] «Схема землеустройства Очамчирского района на 1986–2010 годы»... С. 81–82.
[2] «Тревога с берегов Скурчи» // Газ. «Известия». 6 октября 1967г.

водимых мероприятий. Периодические издания, контролируемые партийными органами, при освещении вопросов развития культуры и проблем жизни республики, вынуждены были обходить многие острые углы и недостатки. В условиях жёсткого контроля критика со страниц периодической печати, со стороны функционировавших средств массовой информации, строго дозировались.

Было бы несправедливо не отметить, что в эти годы имели место и некоторые сдвиги в сфере народного образования, подготовки специалистов для различных отраслей народного хозяйства и культуры. В 1980-е годы одним из наиболее высокорентабельных хозяйств в районе был цитрусовый совхоз с. Река. В этот период построены двухэтажное здание конторы и сельский клуб, общежитие для привлечённых рабочих и т.д. Дорога на Очамчиру была асфальтирована, благоустроены просёлочные дороги. Для специалистов в совхозе было построено пять индивидуальных домов[1]. В эти же годы проведены были ряд значимых культурных мероприятий. Так, 27 марта 1963 года в городах и сёлах Абхазии широко отмечалось столетие со дня рождения А. М. Горького. В этот день были проведены торжественные вечера, посвященные памяти писателя. В связи с тем, что в основу рассказа А. М. Горького «Рождение человека» легло событие, пережитое им на берегу реки Кодор, правительство Абхазии в ознаменование столетия писателя в 1968 приняло постановление "именовать Адзюбжинскую больницу «Рождение человека»[2].

В 1974 году в республике широко праздновалось столетие со дня рождения основоположника абхазской литературы Дмитрия Иосифовича Гулиа. На родине юбиляра, в с. Адзюбжа, 21 сентября был проведен День поэзии, в котором приняли участие гости – поэты и писатели из многих городов и республик Советского Союза: русские писатели Константин Симонов, Сергей Орлов, Яков Козловский; осетин Рюрик Тедета, грузин Джансуг Чарквиани, азербайджанец Нариман Гасан-заде, кабардинец Адам Шогенцуков, абазин М. Чикатуев, сын Дмитрия Гулиа – Георгий и др.

[1] Куправа А.Э. Река... С. 2–3.
[2] Газ. «Советская Абхазия». 27 марта 1968 г.

На празднике было высказано пожелание, чтобы адзюбжские дни поэзии стали для Абхазии такими же праздниками, какими стали пушкинские дни в селе Михайловском[1]. Адзюбжцы рассказали гостям о жизни и достижениях села, где каждый гордится тем, что это родина Дмитрия Гулиа. В завершении юбилея, 21 сентября 1974 г. делегацией Союза писателей СССР, возглавляемой К. М.Симоновым, в центре села была заложена аллея дружбы из кипарисов, тюльпановых деревьев и абхазских чинар.

С 1976 года в Абхазии стартовал Всесоюзный юношеский турнир на приз памяти заслуженного мастера спорта, трагически погибшего, вратаря Владимира Чичиновича Маргания (1927–1958). Турнир этот обрел широкую популярность в стране[2]. До грузино–абхазской войны (1992–1993 гг.) в период проведения в Сухуме всесоюзных состязаний на приз памяти В. Маргания, его участники посещали с. Адзюбжу. Здесь состоялся митинг, в котором принимали участие члены правительства Абхазии, представители местных органов власти и жители села, гости – коллеги юбиляра, знаменитого вратаря из Абхазии[3].

27 сентября 1979 года в Абхазии широко отмечалось столетие учёного–просветителя, государственного и общественного деятеля Андрея Максимовича Чочуа[4]. В этот день в его родном с. Адзюбжа, в средней школе №2, носящей его имя, состоялось открытие мемориального музея А. М. Чочуа. В музее были собраны телеграммы и послания А. М. Чочуа руководителям советского государства (в числе которых просьба о предоставлении молодежи Абхазии более широких возможностей для национального образования), письма юбиляра, свидетельствовавшие о его плодотворных творческих связях с А. М. Горьким, А. В. Луначарским, Д. И. Гулиа, С. Я. Чанба, С. Н. Джанашиа и многими другими деятелями науки, культуры и просвещения; фотографии и другие материалы.

---

[1] Газ. «Советская Абхазия». 24 сентября 1974 г.
[2] Газ. «Советский спорт». 24 января 1978 г.
[3] Газ. «Советская Абхазия». 7 января 1977 г.
[4] Там же. 27 сентября 1979 г.

Период перестройки знаменателен для жителей Абхазии, как время благоприятствования общению с потомками соотечественников, выселенных в XIX столетии в Османскую империю. В эти годы Абжуйскую Абхазию посетили потомки депортантов из родов Кациа, Маан, Садзба, Чанба. В их числе, в частности были: Иаган (Маан) Мамун – житель г. Дамаска, в прошлом известный в Сирии спортсмен-футболист; художник Ахмад Иаган (Маан), тоже из Сирии; из Турции – врач Яшар Кациа, бизнесмен Хайлюк Садзба, спортсмен-боксер Шьаафатын Джанай (Чанба).

Абжуйская Абхазия в эти годы принимала много гостей, в частности, делегатов (в основном из Северного Кавказа) состоявшегося в ноябре 1963 г. в г. Сухуме Всесоюзной научной конференции по проблемам нартского эпоса народов Кавказа; космонавта А. Хрунова, немецкого журналиста Г. Штайна, который в своих очерках дал описание некоторых сторон хозяйства и быта с. Адзюбжа тех лет как примера абхазского села советского времени[1].

В эти годы достигает расцвета абхазская литература. В 60-х гг. учреждается Государственная премия Абхазской АССР им. Д. И. Гулиа, первыми лауреатами которой стали И.Г. Папаскир и Б. В. Шинкуба. Абжуйская Абхазия родина многих поэтов и писателей Абхазии: Ал. Гогуа, Дж. Ахуба, Ш. Аджинджал, К. Ломия, М. Ласурия, Б. Гургулия, Д. Зантария и др. Только из одного с. Кутол вышли 13 членов Союза писателей СССР. Абжуа родина многих ведущих абхазоведов – Ш.Д. Инал–ипа, Х.С. Бгажба, А.Э. Куправа, Г.А. Амичба, Ш. Х. Салакая, С.Л. Зухба, А. Х. Аргун, В. Л. Цвинария, Л. Х. Акаба, Л. П. Чкадуа, В.А. Касландзия, Р.Х. Капба; известного математика, ректора Абхазского государственного университета, академика А.А. Гварамия; актёров Л. Касландзия, М. Зухба, Н. Камкия; художников: скульптора С. Иванба, графика В. Гамгия, живописца С. Габелия, керамика В. Хурхумал и многих других.

Много славных имён тех лет связано с Абжуйской Абхазией – первый секретарь Абхазского обкома ЦК КП Грузии Б. В. Адлейба, первый секретарь Очамчирского райкома КП Грузии С.В. Багапш (с 2005г. – президент Республики Абхазия) министр про-

---

[1] Штайн Гюнтер. Путешествие... С.47.

свещения Республики Т.И. Когония, Герой Социалистического Труда А. Воуба, Т. Тарба, депутат Верховного Совета СССР А. Циба, заслуженный агроном Абхазской АССР и Грузинской ССР И. Инал–Ипа и др.

В рассматриваемый период в Абжуйской Абхазии трудились замечательные педагоги, внёсшие огромный вклад в учебно–воспитательную и культурно–просветительскую работу района. Общественность района чтит имена тружеников просвещения: учителей начальных классов Нелли Пачулия, Цоцы Кецба; преподавателей: абхазского языка и литературы Чичико Хиба, русского языка и литературы Спиридона Адлейба, историков Иллариона Лабахуа и Мамии Бжания, математиков Александра Кация, Павла Мелконяна и многих других.

К числу значимых событий, имевших место в Абжуйской Абхазии в рассматриваемый период, (1982 г.) можно отнести, например, проведение летнего чемпионата Абхазии по гребле на байдарках и каноэ на гребной базе в Скурче, в котором участвовала и чемпионка СССР, мастер спорта Т. Толкачёва[1].

…В 1988 году в Грузии начались несанкционированные митинги, уличные шествия, демонстрации под руководством лидеров неформальных объединений с призывами выхода Грузии из состава СССР. С декабря они переходят в серию массовых шествий и митингов на территории Абхазии. В результате этих событий уже в апреле–мае (после празднования в Абхазии дня независимости Грузии 26 мая от 1918 г.) в республике произошли первые столкновения между абхазами и грузинами. Была развернута беспрецедентная по своим масштабам антиабхазская кампания, особенно усилившаяся после Лыхненского схода абхазов. Лидеры неформалов в своих публичных выступлениях, листовках, обращениях внушали грузинскому населению Абхазии, что абхазы «враги свободы и независимости Грузии», «враги нации» и т.д.

[1] Записано со слов старшего тренера сборной Абхазии, Президента Федерации гребли Абхазии, заслуженного врача Абхазской АССР и Грузинской ССР, Н. Г. Эмухвари зимой 2002 г. в г. Сухуме: См. также: Ваганов А. «Скурча принимает чемпионов» // Газ. «Советская Абхазия». 23 февраля 1988 г.

Последним актом, резко обострившим ситуацию, стал раскол Абхазского университета по национальному признаку и открытие в 1989 году в Сухуми филиала Тбилисского государственного университета. С этого момента обстановка становится конфликтогенной. В Сухуми происходят новые столкновения. В Бабышьирском аэропорту на своем рабочем месте лейтенантом милиции Кварацхелия был убит начальник смены А. Когония, абхаз по национальности. 15 июля в г. Сухуми, в районе кинотеатра «Апсны» (у Белого моста), грузины задержали автобус, следовавший в с. Кутол, устроили самосуд над его пассажирами, убили братьев Ласурия, несколько пассажиров ранили[1]. В грузинских сёлах района: Цагера, Охурей, Ахали Киндги, Кочара и др. и в г. Очамчира радикально настроенные лидеры неформальных организации: обществ им. Руставели, им. Чавчавадзе, студенты вузов Грузии активно проводили (в том числе и в средних школах) шовинистическую пропаганду среди грузинского населения, призывали даже к расправе над абхазами. В указанных и некоторых других сёлах экстремисты организовывали забастовки, сходы, срывали работу предприятий, занятия в школах.

В ночь с 15 на 16 июля 1989 г. несколько тысяч жителей Западной Грузии с примкнувшей к ним вооруженной толпой жителей Гальского района совершили вооруженное нападение на Очамчирский район. На р. Галидзга несколько сотен абхазов, вооружившись, кто чем, стали отбивать атаки наступавших. Дороги и мосты между Сухумом и Очамчирой были заблокированы пикетчиками. В сёлах Уарча, Ахалдаба, Ахали Киндги, Кочара грузинские пикеты вели себя агрессивно. Имелись многочисленные факты нападения на абхазов (в сс. Маркула, Моква, Джал, Цхенцкар и др.), захвата заложников[2]. В районе Кодорского моста грузины открыли огонь по автобусу, следовавшему в Сухуми.

[1] Информация о некоторых результатах расследования событий, имевших место в Сухуми, других городах и районах Абхазской АССР 15–16 июля 1989 года // Газ. «Единение». 4. Июль 1990 г. С.4. См. также: Важная веха в истории Абхазии. Сборник документов и материалов. Составитель и автор предисловия академик Б. Е. Сагария. – Сухум. 2002. С. 208.

[2] Важная веха в истории Абхазии… С. 208.

Транспорт был разбит, а сам водитель, Я. Кация, в числе других абхазов был взят в заложники… Только спустя несколько дней многим очамчирцам – абхазам, пребывавшим в Сухуми, удалось вернуться домой на катерах. Для предотвращения дальнейшей эскалации напряжённости союзное правительство ввело на Галидзгу отряд войск МВД. Прибывший в этот район генерал–полковник Шаталин с группой десантников сходу атаковал мост и взял его. Толпа у моста была рассеяна… С приходом войск обстановка у моста через Галидзгу несколько нормализовалась. Однако до 18 июля т.е. до введения особого режима поведения граждан, обстановка оставалась взрывоопасной[1]. События 1989 г. стали прелюдией надвигающейся опасности – попытки этнической чистки абхазского населения в Очамчирском районе. Тогда–то в Очамчирском районе и была организована боевая группа «Бзана» в составе 23 человек, давшая клятву стоять насмерть в случае угрозы[2].

Несмотря на присутствие войск МВД, тяжелой техники, курсировавшей по трассе, грузины продолжали бесчинствовать: уничтожали памятники абхазской культуры, оскверняли кладбища. Так, например, был разрушен жителями Уарчи памятник Дмитрию Гулиа (а в сентябре 1993 года отступавшими грузинскими боевиками был разрушен памятник Д. Гулиа в с. Адзюбжа). Грузины переселенческого с. Ахалдаба, недовольные тем, что входили в Адзюбжский сельсовет, неоднократно ставили перед Очамчирским райисполкомом вопрос о разделении сельского совета по национальному признаку. В 1989 году и позже имели

[1] Всего в Очамчирском районе в результате военного противостояния в 1989 г. было убито пятеро грузин (жители Очамчирского и Гальского районов и районов Западной Грузии). Ранено было 32 человека: 19 абхазов, 13 грузин, представителей других национальностей – 3 человека. Из 19 раненых абхазов пулевые ранения имелись у 14, дробью – 5; из 13 раненых грузин – пулевое ранение у одного, дробью – 5, ножевых – 3. Данные указывают на характер вооружения сторон и степень их готовности к произошедшим событиям (Информация о некоторых результатах… С. 220).

[2] Цвинария Г.И. Кутол. Рукопись 2003 г. С.3.

место стычки между грузинами Ахалдабы и абхазами. В 1990–1991 годах (особенно после провозглашения 25 августа 1990 года государственного суверенитета Республики Абхазия) между грузинскими переселенцами и коренным населением в Очамчирском районе, как и в целом в республике, обострилась политическая конфронтация.

В апреле 1990 г. мегрельская часть населения (150 семей) с. Кутол выдвинула требование о выделении их из существующего колхоза и образования своего отдельного хозяйства, а также сельского Совета. Было проведено собрание, на котором избраны председатели колхоза и сельсовета. На общем собрании членов колхоза "Кутол" за разделение проголосовали 21 человек, против – 704.

Однако группа мегрелов, протестуя против решения собрания, отправилась в пеший поход в Тбилиси с требованием разделения колхоза по национальному признаку, но дошла только до райцентра. Первый секретарь Очамчирского райкома партии Салия "отказывается принимать какие-либо шаги в направлении стабилизации обстановки, т.к. по его словам "нечего не может сделать".

Накануне подписания Союзного договора, столкновениям между грузинами и абхазами, грузинское население Очамчирского района «пыталось придать межэтнический характер». В одной из таких стычек, в конце июля 1991 г. был убит местный житель грузинской национальности. Родственники убитого, а также «деятели» из общества «Святой Нино» Гульрипшского района «организовали пятичасовую блокаду отрезка трассы»[1] в районе с. Кындыг.

Наиболее активное участие в антиабхазских выступлениях принимала участие грузинская молодежь района. Так, не добившись разделения сельского совета по национальному признаку, грузины с. Ахалдаба выдвинули требование заменить секретаря сельсовета абхаза на грузина. На заседании исполкома сельсовета, где рассматривался этот вопрос, в президиум сессии, поступи-

[1] Газ. "Абхазия". 9 июля 1991г.

ла записка: «Если вопрос не решится в нашу пользу, из зала заседания никто не выйдет». В результате секретарем сельсовета был назначен грузин. Тогда же (в 1991 г.) при въезде в расположение Адзюбжского исполкома грузины сорвали вывеску с названием «Село Адзюбжа», взамен вывесили «Село Ахалдаба». Старшее поколение населения грузинских сёл Очамчирского района помнившие, как в свое время их радушно принимали абхазы, поначалу не вступали в конфронтацию с абхазами, усердствовали в этом «представители молодой грузинской интеллигенции, подстрекаемые «идеологами», прибывавшими из Грузии». Однако с вводом в Абхазию войск Госсовета Грузии, ситуация постепенно начала меняться. По свидетельствам старожил, «даже старики-грузины начали пугать нас».

§ 5. Абжуа в период Отечественной войны абхазского народа 1992–1993 гг.

С момента ввода в республику войск Госсовета Грузии, многие населённые пункты Очамчирского района оказались в оккупированной зоне. Полностью или частично стёрты с лица земли были сёла прибрежной зоны района – Баслаху, Маркула, Моква, Цхенцкар, Тамыш, Кындыг, Адзюбжа. Так, из 110 дворов с. Цхенцкар в результате агрессии уцелело только 8 домов. В с. Кутол разрушено, сожжено, повреждено более 180 домов. В с. Кындыг из 254 домов лишь 3 остались целыми. В с. Адзюбжа сожжено и разорено 549 хозяйств, а также здание правления совхоза, Дом культуры, школа и больница. За период боевых действий в Очамчирском районе без крова осталось более двух тысяч абхазских семей[1].

О действиях войск Госсовета Грузии на территории Очамчирского района радиостанция «Свобода», в одной из своих октябрьских передач 1992 года сообщала: «Силы, введенные для того, чтобы поддержать на территории Абхазии власть Грузии развалили здесь всякую власть вообще. Разрушаются орудиями, пулеметами, разграбляются ценнейшие хозяйственные объекты, (например, самая крупная в Абхазии, Грузии, вторая в Союзе птицефабрика» (Киндгская), «кормившая всю Грузию и добрую часть России в придачу), которые любая власть взяла бы под охрану. Ракетами с вертолетов обстреливаются школы и детские сады (без детей, разумеется, никаких занятий сейчас нет), мощной бомбой разворотили добротное здание Дома культуры в селе Атара–Абхазская». В с. Тамыш в результате боевых действий были разгромлены более 15 предприятий и организаций. В г. Очамчира по сути все крупные учреждения, предприятия и организации разграблены «доблестными» воинами Госсовета Грузии.

Самые страшные преступления были совершены в отношении гражданского населения, главным образом, абхазского. В результате карательных акций, проводимых мегрело-грузинскими боевиками, только в первой половине марта 1993 года было расстреляно, например, семеро жителей с. Адзюбжа. Командование первого полка Восточного фронта сообщало о том, что «жителей Адзюбжи загоняют в дома, которые поджигают»[1].

Всего за время «наведения порядка» грузинами было убито 37 жителей с. Адзюбжа. Полностью были истреблены семья Валико Джикирба: глава семьи, его супруга, двое сыновей – 21, 11 лет; семья Хмелевских: муж и жена, близнецы – 10 лет, бабушка. Была полностью вырезана семья Шоты Габуния[2].

Грузинскими палачами были убиты также грузины, лояльные к абхазам; Дж. Чакветадзе, К. Кемулария, Н. Данелия. По национальному признаку был расстрелян 28-летний абхаз Беслан Муцба …

---

[1] Газ. «Республика Абхазия». 26 января 1994 г.

[1] Материалы официальных радиосводок по Восточному фронту 1992–1993 гг. (Архив Министерства обороны Республики Абхазия).

[2] См.: Маан О. В. Очерки истории и культуры населения низовьев реки Кодор… С. 53.

Из корреспонденции в газету «Республика Абхазия (9–11 ноября 1994 г.):

В период грузино–абхазской войны 1992–1993 гг. в Очамчирском районе и г. Очамчира «особенно изощрялись в издевательствах жители сёл Кочара, Цагера, Араду. Одних они забирали на обмен, над другими издевались, у третьих требовали выкуп. То и дело раздавались истерические вопли: «Хватайте абхазов! Сгоняйте на стадион!» В одну из таких страшных ночей исчезли Сергей Халваш, Шалва Кучуберия, Константин Пачулия (его маленький сын успел убежать огородами)… Нашли их случайно. Они были так изуродованы, что опознать их смогли лишь по особым приметам… Каждый день происходили насилия. Сергея Квициния жгли утюгом, вымогая деньги. Прикладами избивали Платона Кикория, известного педагога–историка».

Из свидетельства Анны Кация, 1903 г.р., жительницы с. Адзюбжа: «В декабре, ко мне домой со стрельбой приходили мародеры, по семь-восемь человек, сваны. Делали что хотели, забирали любую понравившуюся вещь, унесли нашу мебель. Мне помогали, как могли, местные грузины – мои соседи. В конце марта 1993 года грузины забрали меня на обмен. В тот же день, не выдержав угроз, покончил жизнь самоубийством наш сосед Алиас Чачхалия, 1930 г.р.»

Из свидетельств В., абхаза, проживавшего в г. Очамчира: «За несколько месяцев войны абхазское население Очамчиры с семи тысяч сократилось до 80–100 человек, почти исключительно стариков и женщин… Перечень жертв среди мирного населения огромен. Вот лишь некоторые из фамилий. Нодар Ашуба, майор милиции, в сентябре 1992 года был взят охурейскими сванами в центре города и зверски убит… Даур Гогуа, начальник Ткуарчальского узла связи, восстанавливавший повреждённую линию связи в районе села Беслахуба, зверски замучен членами «Мхедриони». Владимир Бигвава, пенсионер, расстрелян 15–летним палачом по кличке Гаврош на берегу моря. Владимир Чабалурхва убит у себя дома грузинскими гвардейцами…»[1].

[1] Цит. по: Шария В. Абхазская трагедия. – Сочи. 1994. С. 95.

Из свидетельств С., абхазки, проживавшей в с. Тамыш: «В январе 1993 года грузинские гвардейцы пришли в семью Эльварда Турава (это грузины, но у них много родственников – абхазов). Хозяина не было дома, находился в больнице. Были зверски избиты, изнасилованы и расстреляны его жена Жанна Турава и пришедшие её навестить сестра Изо, 18 – летняя племянница Джульетта».

Из свидетельства Шуры Дгебия, 1935 г.р. жителя с. Адзюбжа:

«Террористическая группа грузин, орудовавшая в селе, имела списки. По этому списку они и приходили к мирному населению. Пришли ко мне домой 6 марта 1993 года (меня в это время не было дома, так как я хоронил соседа Янко Карчава). Моя жена, Рая Черкезия – Дгебия 1937 г.р., и моя сестра Татьяна Дгебия, 1932 г.р., «негостеприимно» встретили незваных гостей. Стали допрашивать мою жену, почему ее сыновья воюют на стороне абхазов… Раю и ее золовку расстреляли, дом подожгли, а затем тела моей жены и сестры были брошены в пылающий костер».

Из свидетельства Тамары Карчава, 1932 г.р.:

«Я приехала в Адзюбжу из Сухума в начале августа 1992 года. К нам несколько раз приходили грузинские мародеры. Ограбили дом. Говорили: твой сын воюет. Гоняли меня по двору, издевались. Забрали нашу машину. 24 февраля 1993 года грузины убили нашего соседа Цулукия Севарну (1923 г.р.), пенсионера. Перед расстрелом ему сказали: «Ты ткварчельский, занял в Адзюбже участок, тогда как нам здесь не хватает земель». Дом Севарны вместе с его телом сожгли».

В целом война нанесла огромный урон генофонду Очамчирского района. Так, в с. Кутол жертвами войны оказались 102 её уроженца, 147 получили ранения, в результате которых большинство из них стали инвалидами. В с. Тамыш погибло до 60 чел. мирного населения; в с. Адзюбже 71 чел., в с. Áтара – 29. В грузино–абхазской войне погибло более 430 воинов из Очамчирского района[1].

[1] См.: Книга Вечной Памяти. Составитель и ответственный редактор, канд. ист. наук, майор В. М. Пачулия. – Сухум. 1997.

С первых дней войны, в Очамчирском районе развернулось партизанское движение (во второй половине осени 1992г. в оперативных сводках Минобороны Республики Абхазия, Очамчирский район начал фигурировать как Восточный фронт).

Абхазские партизаны не давали врагу ни на один день чувствовать себя спокойно в этом районе, наносили урон живой силе противника, старались перерезать проходившие в прибрежной зоне транспортные пути. Уже первое сопротивление было оказано абхазами грузинским войскам 14 августа 1992г. в районе первой чайфабрики у Маркульского поворота, в сс. Тамыш и Кындыг. Местом ожесточенных боёв стала высота Ануаа–рху в с. Тамыш, расположенная непосредственно у трассы Черноморского шоссе. Контролируя эту высоту, абхазские силы держали военные власти Грузии в постоянном напряжении. Широко известны в Абхазии стали в те дни имена отважных народных мстителей, тамышцев – Даура, Степана и Аслана Зантария, и острой болью отзывались в сердцах народа известия о гибели их – один за другим…

В первой половине сентября 1992 года, абхазские партизаны, чтобы не дать противнику возможность войти в столицу республики, предприняли две попытки взрыва Кодорского моста, а 15 сентября произвели заезд на контролируемый грузинским отрядом мост… 11 октября местные партизаны прямым попаданием снаряда в цель разрушили в воздухе вертолёт МИ–8, в результате чего от стальной птицы отлетели сиденье, двери.

С созданием 11 октября 1992 года Министерства обороны Абхазии (и.о. министра был назначен полковник В. Аршба, нач. генштаба, полковник С. Сосналиев) начался процесс перерастания групп партизанского движения в Очамчирском районе в организованную вооружённую силу. Уже в конце октября было принято решение создавать полки и отдельные батальоны в составе Восточного фронта. Командующим фронтом был назначен Д. Пилия, представителем Генштаба РА – майор М. Хварцкия.

26 октября 1992 года, в целях перехвата стратегической инициативы у противника, на Восточном фронте была запланирована

операция по освобождению г. Очамчира. Знаменитая группа «Деда» – Бориса Пачулия – ворвалась в город со стороны реки Галидзги, дошла до райотдела милиции; сводный отряд Нодара Какубава прорвался к 16-этажной гостинице. Но другие группы и морской десант их не смогли поддержать – не справились с возложенными на них задачами. Операция эта, хотя и не удалась, ввела противника в сильное замешательство, посеяло панику в его рядах[1].

29 ноября 1992 года части и подразделения Восточного фронта, в первую очередь боевые отряды под командованием полевых командиров Ш. Басаева, А. Зантария, М. Хварцкия, начали наступление на с. Кочара. 30 ноября село было полностью освобождено от грузинских войск.

С самого начала войны в тяжелейшем положении оказался г. Ткуарчал, который как и весь Очамчирский район был оторван от основной части страны, где дислоцировалось военное и политическое руководство республики. Намерение некоторых бывших партократов сдать г. Ткуарчал противнику ввиду отсутствия возможности оборонять его вызвало резкий протест населения, в особенности молодёжи. Доставлять груз в блокированный войсками Ткуарчал могли только вертолёты российских ВВС. Обратным рейсом они летели переполненные беженцами–женщинами, детьми, стариками. 14 декабря 1992 года один из двух вертолётов МИ–8, в районе горного с. Лата Гульрипшского района, контролируемого грузинскими боевиками был сбит ракетой типа «стрела». Члены экипажа и пассажиры вертолёта, в основном дети и женщины, всего 84 человек – погибли[2].

На Восточном фронте почти ежедневно происходили боестолкновения абхазских формирований с грузинскими войсками. В ноябре – декабре 1992 г. интенсивные боевые действия происходили в районе сс. Тамыш, Маркула, Лабра, Кутол, в направле-

---

[1] Пачулия В. М. Отечественная война народа Абхазии 1992–1993 гг. Краткий обзор боевых действий // Газ. «Эхо Абхазии». 1 октября 2003 г.

[2] Газ. «Республика Абхазия». 8–9 июня 2004г.

нии с. Атара[1]. Неоднократные попытки грузинских формирований разгромить силы Восточного фронта не увенчались успехом. Тогда же были проведены мероприятия по укреплению Восточного фронта. В частности, были сформированы дополнительные вооружённые силы. Штаб фронта из Ткуарчала был передислоцирован в с. Члоу, что позволило эффективнее управлять войсками. В декабре 1992 года командующим Восточным фронтом был назначен М. Кишмария, а начальником штаба – Б. Джопуа.

В начале 1993 года наблюдается заметное ослабление наступательного порыва грузинских войск и возрастание возможностей Абхазской армии для перехода к более активным и решительным действиям. 5 января 1993 года было предпринято наступление на правом фланге Гумистинского фронта. К сожалению, ввиду неблагоприятных погодных условий и других серьёзных причин, оно не увенчалось успехом.

15–16 марта 1993 года абхазские войска предприняли ещё одну попытку штурмом освободить Сухум – форсировав реку Гумиста в нижнем её течении. После упорных боёв на западных окраинах и в пригородах Сухума подразделениям Абхазской армии пришлось отойти на прежние позиции с большими потерями…

На 2 июля 1993 года было запланировано начало летней наступательной операции. Она началась высадкой в с. Тамыш абхазского морского десанта из Гудауты (командир З. Зарандия) численностью до 300 человек.

Накануне для принятия десанта были задействованы войска Восточного фронта. К моменту десантирования они освободили

[1] По сообщению первого замминистра Обороны РА Гурама Допуа, ещё 20 сентября 1992 года четверо абхазских бойцов: В. Кварчия, А. Бигвава, А. Адзинба и А. Тарба после прохождения специальной подготовки по применению носильных противовоздушных средств ПЗРК («Игла» и «Стрела») в Гудаутском резервном полку, были переправлены вертолётом на Восточный фронт с целью уничтожить боевую авиацию противника. Одним из упомянутых бойцов – А. Тарба, 26 декабря 1992 года во время наступления грузинских соединений в районе с. Атара из системы ПЗРК (переносный зенитно-ракетный комплекс) был взорван в воздухе боевой вертолёт МИ-24.

район обезьянего питомника, центр с. Тамыш, а также полностью с. Лабра. При высадке десанта противник стал подвергать его сильному артобстрелу. Личный состав высадился полностью, но не сумели выгрузить боеприпасы. Десант, пройдя после высадки беспрепятственно 3 км, ввязался в бой около тамышской средней школы. Противник на этом участке был уничтожен. Подразделения Восточного фронта, соединившись с десантом, в течении 7 дней контролировали стратегическую магистраль Очамчира–Сухум (на участке Старый Кындыг – Цагера).

Главнокомандующий Вооружёнными Силами РА В. Ардзинба объявил благодарность за проявленное высокое воинское мастерство, мужество и героизм всему личному составу десанта, подразделениям Восточного фронта и Военно-Морских Сил РА, обеспечившим переброску и высадку десанта.

После высадки десанта в Тамыше, абхазскими войсками был нанесён основной стратегический удар по северо-западной части сухумской группировки противника. В ночь со 2 на 3 июля 1993 года началось широкомасштабное наступление на правом участке Гумистинского фронта.

15 июля 1993 года части и подразделения Восточного фронта приступили к осуществлению плана операции «Икс». Она проводилась силами 1-го батальона 3-го полка, групп «Члоу», «Катран» и отряда «Эдельвейс». В операции была задействована бронетехника. В результате успешно проведённой операции войска Восточного фронта получили возможность контролировать огнём территорию от с. Чхуартал до с. Река и препятствовать любым попыткам противника завладеть инициативой в этом районе. Противник утратил возможность наносить прицельный огонь по населённым пунктам на подступах к г. Ткуарчалу и тем самым потерял важнейший плацдарм для наступления на город.

Тем временем дальнейшее наступление абхазских войск на северо-западную часть Сухума было приостановлено в результате вмешательства руководства России. По инициативе российского

руководства было подписано трёхстороннее Сочинское соглашение, предусматривавшее вывод грузинских войск из Абхазии[1].

По оценкам абхазского командования, успешные действия Вооружённых Сил РА на Гумистинском фронте (взятие сс. Гума, Ахалшени, Каман, Сухум ГЭСа, а затем и с. Шрома) и реальная угроза их дальнейшего продвижения к столице республики, вынудила грузинскую сторону подписать соглашение о перемирии.

Спустя полтора месяца после заключения соглашения стало ясно, что грузинская сторона не намерена выполнять достигнутые договорённости, в связи с чем абхазская сторона развернула боевые действия.

7 сентября 1993 года командование Восточного фронта получило приказ быть в боеготовности к 16 сентября, а за день до наступления блокировать шоссейные и железнодорожные пути у реки Кодор. Операция по установлению контроля над автотрассой началась 14 сентября. По разработанному командованием фронта (командование 3-го полка фронта с 16 сентября временно перемещается в с. Адзюбжа)* плану операции, с 15 сентября первая рота Адзюбжского батальона, несмотря на то, что местность, по заверениям военных, была заминирована, часть Атарского батальона, группа «Ласточка», выделенная из личного состава 3-го полка Восточного фронта в отдельную роту, группы «Скорпион» и «Гроза» под общим командованием Л. Миквабия в 5 утра заняли позиции в районе Кодорского моста. Одновременно 2-й взвод 2-й роты Адзюбжского батальона занял позиции у железнодорожного моста; 1-я и 3-я роты Атарского батальона выдвинулась к пос. Дача и больнице. 2-я рота Адзюбжского батальона, 2-я рота Атарского батальона и присоединившийся к ним 17 сентября Ткуарчальский полк окружили с. Ахалдаба. С установлением контроля над пос. Дача и Кодорским мостом, весь участок трассы

---

[1] Пачулия В.М. Отечественная война народа Абхазии 1992–1993 гг…

* 16 сентября 1993 года, в 4.00 утра на Восточный фронт прибыла баржа и вскоре развернулись упорные бои за сс. Цагера, Араду, тогда же в штабе фронта в с. Моква в результате артобстрелов погибло трое абхазских бойцов.

от с. Маркула, оказался заблокированным абхазскими формированиями. Но, по сведениям на 17 сентября, противник начал собирать живую силу со стороны Н. Кындыг и за рекой Кодор для контрнаступления.

Одним из самых главных событий последнего месяца войны были бои у Кодорского моста. Абхазские бойцы более двух недель, с 16 до 29 сентября, держали оборону на этом участке фронта – в условиях мощных артобстрелов противника со стороны Гульрипшского района (Уарчи, Дранды), а также с востока – со стороны Ахалдабы, Кындыга, Цагеры, с приморской стороны Кындыга артиллерия противника наносила удары по населенному пункту Ануаа-рху.

С 18 сентября (когда с утра противник передавал сообщение, что сегодня в 9.00 абхазцы начнут наступление на Сухум и сегодня решается судьба Грузии), подразделения Восточного фронта при поддержке бронетехники были направлены для очистки от грузинских боевиков южной части с. Адзюбжа, вплоть до берега моря. 18 сентября началась и подготовка операции по освобождению от грузинских боевиков с. Ахалдаба. На неоднократные предложения сложить оружие во избежание лишних жертв, а также предоставления коридора для отступления, – противник медлил, ибо грузинские формирования из Гульрипшского района обнадеживали их, что из Очамчир вышли к ним на помощь три баржи с личным составом Дж. Иоселиани. 8.00 утра 18 сентября грузинские формирования начали вести интенсивный огонь, в том числе и минометный. Один из снарядов упал на командный пункт штаба Восточного фронта (были ранены два абхазских бойца). Абхазы открыли ответный минометный огонь. Один из командиров Гульрипшских боевиков по радиосвязи требовал от командования Ахалдабы корректировать огонь его артиллерии. По словам Д. Асландзия, «видно было, что противник не собирается выполнять наши требования. Более того, командование противника не выполнило договоренности о выводе из линии противостояния женщин и детей».

Наступление абхазских формирований началось в 8.45 утра, в котором участвовали система «Град», два 120-мм полковых ми-

номета, система зенитной установки, два танка, один БМП и один БРДМ-1. Бой с противником продолжался до 17 дня…

21 сентября грузинское командование (несмотря на то, что по характеру боевых действий на Гумистинском фронте чувствовалось, что бой за Сухум ими проигран (о чем говорит и сообщение грузинской стороны за 20 сентября – «Дальнейшая оборона бессмыслена, Сухум не выстоит, а Грузия изъявила желание войти в состав СНГ»), подтянув большие силы, пытаясь спастись от надвигавшейся катастрофы, предприняло крупное наступление (очевидно, воодушевленное тем сообщением, что командир отряда сторонников З. Гамсахурдия – Л. Кобалия находится в Очамчире), чтобы освободить трассу и пробиться к Сухуму – со стороны Цагеры, Кындыга и Скурчи. Одновременно началось наступление грузинских вооруженных формирований из Гульрипшского района на Кодорский мост и со стороны моря. В связи с создавшимся критическим положением 22 сентября в 8.29 утра последовал и приказ командования Восточного фронта: «Ни шагу назад от Кодорского моста». Велика была в той сложной ситуации и роль самого командующего фронтом М. Кишмария, непосредственно находившегося в районе Кодорского моста и руководившего действиями абхазских формирований. После ожесточенных боев, продолжавшихся у пос. Дача до 29 сентября, противник потерпел поражение и понес ощутимые потери. Так, при наступлении противника со стороны пос. Баглана-Джобрии абхазскими бойцами были уничтожены грузинский танк и БТР-1, при наступлении со стороны Скурчи – БМП-1. На центральном направлении – Кындыг – Дача абхазскими формированиями были подбиты пять танков Т-55, два БМП-1 и один БМП-2.

Противник продолжал оказывать активное сопротивление и проводить контрнаступление и на других участках Восточного фронта. 24 сентября, грузинские соединения при поддержке «нескольких танков» провел и операцию по заходу в тыл абхазским формированиям в районе Цхенцкара (Лашкендар). Здесь были подбиты два танка, автомашина с пехотой противника подорвалась на мине. 27 сентября противник предпринял попытку прорыва в с. Пакуаш, его захвату и выхода к г. Ткуарчал…

Несмотря на очевидное поражение власти Грузии не оставляли попыток спасти положение – направляя из Грузии в район боевых действий живую силу. 22 сентября, по сообщениям фронтовых сводок, в 21.50 вечера был сбит самолет ТУ–154 с живой силой противника на борту. После установления контроля над трассой, Кодорским мостом и перекрытия воздушного пути через этот район, самолеты противника стали заходить на посадку в аэропорт Бабышьира со стороны моря, однако там их поджидали абхазские катера, которыми и был сбит вышеупомянутый самолет. Кстати, абхазская артиллерия (БМП–21), установленная на барже для ведения огня с моря, оказала неоценимую помощь бойцам Восточного фронта по удержанию моста через реку Кодор, что в дальнейшем способствовало объединению двух фронтов[1].

23 сентября подразделения Восточного фронта вторично были брошены для окончательной очистки района устья Кодора и берега моря от врага. В результате многодневных боев у Кодорского моста, а также у пос. Дача понесли потери и абхазские формирования. Согласно неполным спискам Министерства обороны РА в ходе боев в этом районе с 16 по 28 сентября 1993 года погибло более сорока абхазских бойцов.

29 сентября передовые подразделения Западного фронта, развивая наступление, прорвали оборону грузинских частей на реке Мачара, заняли аэропорт Бабышьира и, достигнув реки Кодор, соединились с войсками Восточного фронта…

С завершением грузино-абхазской войны, боевые действия на территории Абхазии не прекратились. Разбитые грузинские вооруженные отряды из-за Ингура развернули в Абхазии диверсионно-террористическую войну.

7 января 1994 г. по разработанной спецслужбами Грузии операции, намечался захват Гальского района, прибрежной части Очамчирского района и г. Очамчира. Для того, чтобы отрезать эти два района от остальной части Абхазии, планировался подрыв мостов на реке Кодор[2].

---

[1] Газ. «Воин Абхазии». № 2. Февраль. 1999 г.
[2] Газ. «Республика Абхазия». 9 февраля 1994 г.

Весной 1998 года в Гальском районе вновь была затеяна крупномасштабная военная провокация; в начале октября 2001 года интернациональная по составу грузинская террористическая группировка вторглась в верховья реки Кодор и обосновалась в районе горы Адагуа (т.н. «Сахарная голова»). Абхазскими вооруженными силами боевики в районе горы Адагуа были окружены и рассеяны на мелкие группы, но часть из них просочилась в прибрежную зону. По сообщению МВД Абхазии, 18 октября террористы, стремившиеся уйти в сторону границы с Грузией, в пос. Скурча взяли в заложники одного из местных жителей, которому впоследствии удалось бежать. Силами резервистов района было организовано прочесывание местностей, затем и преследование террористов, которые впоследствии были уничтожены.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ОЧЕРКИ ЭТНОЛОГИИ

ГЛАВА IV . ОСНОВНЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Этнодемографические процессы, протекавшие в Абхазии в XIX и XX веках, характеризуются непрерывным сокращением доли коренного абхазского населения в Абхазии при резком одновременном увеличении численности других национальностей.

Имеющиеся письменные источники о численности населения Абхазии в целом и её отдельных населённых пунктов в первой половине XIX века зачастую противоречивы или неполны. Это объясняется тем, что информация о населении в основном собиралась офицерами Генерального штаба, как правило, в процессе геодезических съёмок местностей, главным образом, в ходе опроса абхазов. Это, в частности, подтверждают сведения поручика Генерального штаба барона Аша, по которым в 1831 г. в Абхазии (без Цебельдинского округа) насчитывалось 87 сёл или 8118 дворов. Из этого количества на Абжуйский округ приходилось 18 сёл (1850 дворов): в Абхазском (Сухумском) округе – 15 сёл и 1340 дворов[1]. Численность населения последнего округа иллюстрирует следующая таблица:

Таблица 1.

Население Абхазского (Сухумского) округа. 1831 г.

№№	Название селений	Кол–во дворов	№№	Название селений	Кол–во дворов
1.	Абжакуа	60	9	Кодор или Аджупш	240

[1] Цвижба Л.И. Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке. – Сухум. 2001. С.62.

2.	Амхел	40	10.	Мархеул	200
3.	Ахапа	200	11.	Парнаут	80
4.	Бантган	60	12.	Пшап	40
5.	Багаз-яшта	40	13.	Хегрыши	40
6.	Быруч	20	14.	Цхоби или Дранда	100
7.	Гума	120	15.	Эйбахудзе	40
8.	Гуряпш	60			

Как видно из таблицы, в самом большом селе Абхазского (Сухумского) округа с. Кодор (Адзюбжа, по Ашу Аджупш), насчитывалось 240 дворов. Абрюцкий 2-й[1] также приводит эту цифру по данному населённому пункту. Здесь, скорее всего, был использован один и тот же источник. Значительный перевес населения в с. Адзюбжа, по сравнению с другими населёнными пунктами Абхазского округа, вызван тем, что перепись охватила население обеих берегов реки Кодор.

На «Карте Кавказского края», составленной Генеральным штабом Отдельного Кавказского корпуса, в 1833 году, т.е. на момент составления её, в Абхазии проживало 45090 чел. В том числе в Абжуйском округе – 8800 чел., в Абхазском (Сухумском) – 6700 чел. Однако по другим, более достоверным источникам, в Абхазии в целом и, в частности, в указанных округах, численность населения была значительно выше. Например, по Дюбуа де Монпере (1833 г.), в Абхазии в рассматриваемый период проживало 52300 чел., в Абжуа – 10500 чел., в Сухумском округе – 8100 чел.[2]. Дюбуа не включил в эти данные численность населения Самурзаканского округа, который тогда находился под властью мегрельского владетеля.

Приведённые данные дают основание полагать, что в первой половине XIX в. т.е. с 1800 по 1830 гг. в численности населения Абхазии не происходило больших изменений.

---

[1] Абрюцкий 2-ой. Статистический взгляд на Абхазию. Краткие исторические сведения об Абхазии // Тифлисские ведомости. №№ 27–29. 1931г. С. 227.

[2] Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа... С.123.

Для характеристики этнодемографических процессов большой интерес представляют сведения А. Д. Нордмана о численности абхазских поселений в 1838 году, хотя эти данные, по всей видимости, самые приблизительные. Обратимся к таблице со списком населённых пунктов Абживского (Абжуйского) округа и данными о количестве дворов в них.

Таблица 2.

Статистические сведения о населённости Абжуйского округа Абхазии, с означением дворов деревень. 1838 г.

№№	Название селений	Кол–во дво-ров	№№	Название селений	Кол–во дворов
1.	Цкабын или Дранды	100	17.	Аидров	25
2.	Нарзын	15	18.	Ачапара	15
3.	Хецрипш	40	19.	Агвара	30
4.	Атара	100	20.	Гуп	180
5.	Дапукыт	40	21.	Эшкыт	60
6.	Пшаква	40	22.	Мыку	60
7.	Наа	15	23.	Мыркула	40
8.	Адзвебша	240	24.	Тхина	160
9.	Тоумыш	20	25.	Падгу	20
10.	Кандых	60	26.	Пакваш	100
11.	Тамыш	60	27.	Акваскя-аху	80
12.	Кутаул	100	28.	Урша	40
13.	Лабра	40	29.	Быгишдара	35
14.	Джгерда	100	30.	Тхварчал	25
15.	Гвада	20	31.	Кумызь	20
16.	Чилов	80	32.	Вачашчита	40

Из приведённых данных видно, что в наиболее крупном населённом пункте Абжуйского округа, Адзюбже (у Нордмана Адзвебша), как и семь лет назад, насчитывалось 240 дворов, (но входила Адзюбжа теперь уже в Абжуйский округ, куда вошёл и посёлок Цкыбын – Дранда). Всего в Абжуйский округ, по Норд-

ману, входило 32 села, состоявших из 2000 дворов, а в Абхазский (Сухумский) округ, – 12 сёл (950 дворов). Наиболее крупными сёлами в Абхазском округе были Гумпса (у Нордмана – Гуспа) и Акапа – по 200 дворов, в Мархиауле насчитывалось 140 дворов. В остальных сёлах было от 10 до 60 дворов. Однако поселения с небольшим числом дворов, например, Нарзын, Наа, Ачапара, а также аналогичные сёла в других округах, по-видимому, были посёлками других сёл[1]. Всего же в Абхазии, по данным Нордмана, без Самурзакани, насчитывалось 7852 дворов: из них в Абжуйском округе, как указано – 2000 дворов; причём в Джигетской области было 1165 дворов[2].

Согласно «Обзора политического состояния Кавказа», составленного генерал–майором А. И. Мендом в 1840 г., из 45000 чел. населения Абхазии, в Абжуйском и Бзыбском округах проживало 31100 чел.[3]. Таким образом, в 1840 г. по сравнению с предшествующими годами численность абхазского населения сократилось на 7300 чел. Эти негативные демографические изменения были связаны с переселенческим движением, начавшимся сразу же после присоединения Абхазии к России.

Выселение коренного населения имело место и после восстаний 1821 и 1823 гг., а также после карательных экспедиций в высокогорные районы Абхазии (Дал, Цабал, Псху) в 1830-х, 1840-х гг. Точными данными о количестве абхазов, выселенных в эти годы, никто не располагает. Отрицательное влияние на демографическое состояние населения в первой половине XIX века оказывала также работорговля, которую по-прежнему практиковали местные феодалы. Кроме того, в условиях феодальных междоусобиц, и по причине обычая кровной мести происходили значительные перемещения населения как внутри, так и за пределы страны. В 60-х, 70-х гг. XIX в., согласно материалам А. Пахомова, по обе стороны низовьев Кодора (главным образом на правобережье) жили выходцы из Самурзакани, Джигетии, Кабарды,

[1] Путешествие профессора Нордмана... С.420–421.
[2] Там же. С.414–416.
[3] Цвижба Л.И. Этно-демографические процессы... С.65.

Цабала и других регионов Абхазии в качестве асассов[1]. В большом количестве, спасаясь от крепостнических порядков, сюда бежали выходцы из Западной Грузии. По данным 1867 г., почти в каждой абхазской деревне проживало от 5 до 15 семейств, переселившихся из других мест[2].

Большой урон коренному населению, лишённому медицинского обслуживания, наносили частые эпидемии. По сообщению Р. Де Скасси, чума, свирепствовавшая в Абхазии в 1811–1812 гг., привела к гибели около половины её населения[3].

По статистическим данным, в 1855 г. население Абхазии составляло 108046 чел. В том числе в Абжуйском округе проживало 32202 чел., (при этом в Очамчире в 1854 г. проживало 150 чел.)[4]; Сухумском округе – 32852 чел. Сокращение численности абхазов было связано с завершением Кавказской войны в 1864 г., а также с подавлением общенационального восстания 1866 года.

По данным Г. А. Дзидзария, в 1867 году в Турцию выселилось 19342 чел. А через два года в районе Кодора, на вновь образованных поселениях Николаевское и Анастасьевское осело 62 семьи болгар[5]. В результате в 1867 году в Абхазии численность абхазов снизилась до 64933 чел. Из них в Драндском округе (в 1866 г. Очамчирский округ, как указывалось, был разделён на Драндский округ с управлением в м. Очамчира и Окумский округ с управлением в м. Окум) проживало 16505 чел.

[1] Пахомов А. Исторические записки по истории Абхазии и князей Шервашидзе // Исторический вестник. Т.7. – Тб.1957. С. 283, 296–297. Асасство–специфический обычай гостеприимства, право переселения из одного места в другое крестьян, которые ставили себя под защиту сильного и могущественного феодала, а также нередко состоятельных крестьян, с прекращением отбывания повинностей прежнему владельцу.
[2] Анчабадзе З. В. Очерк этнической истории абхазского народа... С. 79.
[3] Там же. С. 80.
[4] Завадский Ф. Абхазия и Цебельда // Газ. «Кавказ». №59. 1867 г.
[5] Дзидзария Г. А. Махаджирство... С.288, 426.

В 1870 г., население Сухумского военного отдела (Пицундские и Очамчирские округа) составляло 66151 чел.[1]. А по данным, содержащимся в «Сборнике сведений о Кавказе», в сельских местностях Сухумского отдела, в 1870 г. проживало 66496 чел.; из них в Очамчирском округе – 37381 чел. В 1874 г. численность всего населения Абхазии, по данным того же источника, составляла 73281 чел.; из них в Очамчирском округе – 40147 чел.[2].

Камеральное описание, которое проводилось на Кавказе в 1873–1874 гг., содержит сведения о населённых пунктах Абхазии, в каждом из которых проживало более 100 чел. обоего пола. Таких населённых пунктов в Очамчирском округе насчитывалось 11: Саберио – 2263, Члоу – 2229, Окум – 1888, Джгиарда – 1842, Гал – 1769, Гуп – 1670, Пакуаш – 1316, Кутол – 1308, Тагелон – 1284, Речхи – 1192, Дихазурга – 1104[3].

Численность Абхазии в 1876 г., согласно отчётам, предоставленным в Кавказское горское управление начальником Сухумского отдела, составляла 78785 чел[4].

Во время русско–турецкой войны 1877–1978 гг. почти вся территория Абхазии была занята турецкими войсками. Целые районы Абхазии опустели – абхазы, выступившие в войне на стороне Турции, спасаясь от мести русских войск, частью бежали в Турцию, частью были перебиты. По данным, опубликованным в «Известиях» Кавказского отдела русского географического общества в 1878 г., из общего количества населения Сухумского отдела, «до войны» 75698 чел. «выселилось в Турцию» (бежало, было перебито), после войны – 31964 чел.: из Гумистинского участка выселились 2221 семьи, т.е все проживавшие в нём до войны: из Гудаутского участка из 5293 семей выселилось 3775 семей. Из Кодорского участка Очамчирского округа, где до 1864 года на-

[1] Цвижба Л. И. Этно-демографические процессы... С.79.
[2] Там же. С.80.
[3] Цвижба Л. И. Этно-демографические процессы... С.80.
[4] Лежава Г.П. Изменение классово-национальной структуры населения Абхазии (конец XIX в. – 70-е гг.XX в.) – Сухуми. 1989. С.8.

считывалось 3935 семей, была выселена 1071 семья[1]. При этом наибольшее количество семей было выселено из Адзюбжской общины – 298 семей из 390, Джгиардской – 356 из 481 семьи, Члоуской общины – из 516 семей – 184[2]. Ручаться за абсолютную точность цифр затруднительно, так как не редко в разных источниках того времени они не совпадают. Например, наряду с приведённой выше численностью выселенных из Адзюбжской общины 390 семей, газ. «Кавказ» (11 авг. 1877 г.) сообщала, что в 1877 г. из этой общины было выселено 370 дворов, из имевшихся 390[3]. Бесспорно одно, в 1877 году родину вынуждены были покинуть до 50 тыс. махаджиров[4]. По сообщению начальника Сухумского отдела полк. П. И. Аракина, территория от р. Кодор вместе с Цебельдой, вплоть до Гудаутского участка опустела: «осталось два три дыма в Драндах и Допакыт, до 100 торговцев и граждан в разрушенном г. Сухуме… На территории между Галидзгой и Кодором осталось около 13 тыс. чел. или 2886 семей…». В Джгиарде, по данным газ. "Кавказ", осталось всего 60 дворов из 500, в Адзюбже – 20 дворов (из 390), в Атаре – 28 (из 160), в Дурипше – почти поголовно всё население подвергалось изгнанию на чужбину[5].

После двух, трёх лет пребывания в Турции одна треть абхазов возвратилась назад с большим трудом. Из 2/3 оставшихся там многие погибли от голода и болезней, а некоторые, главным образом, дети и женщины, были проданы в другие страны[6]. Всего же абхазов, по различным сведениям, на 1 января 1881 г. на Родину возвратилось 13258 человек.

В 80-е годы XIX в. численность населения Абхазии увеличилась, как за счёт возвращения абхазов из Турции, так и за счёт некоторого притока колонистов из России, и особенно за счёт

[1] Волкова Н. Г. Этнические процессы в Закавказье в XIX–XX вв. // КЭС. Т.IV. – М. 1969. С. 8–9; Олонецкий А.А. Очерки по развитию капиталистических отношений в Абхазии...С.12.
[2] Цвижба Л. И. Этно-демографические процессы... С.124.
[3] Дзидзария Г. А. Махаджирство... С.371.
[4] История Абхазии... С.205.
[5] Дзидзария Г. А. Махаджирство. С.370–371.
[6] Джанашиа Н.С. Село Адзвибжа или Швацкали...

иммигрантов из Западной Грузии, в основном безземельных крестьян из Зугдидского и Сенакского уездов.

Согласно «Свода статистических данных о населении Закавказского края, извлечённых из посемейных списков 1886 г.» (Тифлис. 1893), на правобережье Кодора проживало мегрелов – в Уарче 304, в Бабышьире – 246, в Куараше – 42: русских в Дранде проживало 99, Владимировке – 163, Николаевском-Анастасьевском – 12, Черниговском – 286. При этом, на левобережье Кодора, в с. Адзюбжа, проживало 7 мегрелов обоего пола. Наибольшее количество мегрелов в Кодорском участке в 1886 г. проживало в Беслахубской общине – 110 чел., Илорской общине – 15, Гупской общине – 11[1]. О переселении в Абхазию большой массы мегрелов в конце XIX века говорят следующие цифры: если в 1886г. грузинское население, постоянно проживающее в Абхазии, составляло 3989 чел. (из них мегрелов – 3474), то через 11 лет их численность возросла до 25640 чел. (из них мегрелов – 23810)[2].

Согласно данным, приводимым С. П. Басария[3], перед первой мировой войной в Абхазии проживало 91450 чел., из них абхазов в Кодорском уезде – 26087 чел., в Самурзаканском – 35639, в Гудаутском – 24386, Гумистинском – 4848 чел., Гагрском – 490. Мегрелов, гурийцев, имеретин и грузин в Кодорском уезде было 4538 чел., Самурзаканском – 3915, Гудаутском – 1058, Гумистинском – 4761 и Гагрском – 459 человек. Всего в Абхазии в тот период, с учётом количества и других национальностей (армян, греков, русских, турок и др.) было 132538 человек.

О численности населения Абхазии (Сухумского округа), и в частности, Кодорского участка к началу XX века в Справочной книге «Черноморское побережье Кавказа» (Петроград. 1916 г.) говорится следующее: «…Кодорский участок, иначе Абжуа, тянется от р. Кодора до р. Галидзги. Население его чисто абхазское… до 20 тыс. душ обоего пола (5 тыс. человек других национальностей: турки, греки, армяне, русские, немцы и др.)».

В других участках численность населения составляла; в Гудаутском участке до 30 тыс. абхазов (в том числе 8 тыс. других национальностей); в Гумистинском участке абхазского населения почти не было, (официально его население исчислялось 21 тыс. человек – преимущественно это были мегрелы, армяне, греки, немцы, русские, эстонцы); в Самурзаканском участке насчитывалось до 38 тыс. чел. абхазов с значительной примесью мингрельского элемента.

Приводимые в Справочной книге данные о количестве абхазского населения в целом правильно отражают численность населения Абхазии того периода[1]. Вместе с тем, если по переписи 1897 г. абхазов в Абхазии проживало 58697 чел., то к началу первой мировой войны их численность составляла 51281. При этом если грузин в 1897 г. насчитывалось, 25640, то через 17 лет их уже было 37414 чел.

Одной из коварных причин сокращения абхазов на исторической родине являлись, вспышки эпидемических заболеваний, отсутствие элементарного медицинского обслуживания. Так, например, в «1889–1890-х гг., – писал Д.И. Гулиа, – в Абхазии вдруг появилась незнакомая повальная болезнь – испанка. Люди чихали, потели и пачками переселялись на кладбище. В одном только селе Адзюбжа начисто вымерло несколько десятков дворов. Каждый день живые не досчитывались, по меньшей мере,

---

[1] Цвижба Л.И. Этно-демографические процессы… С.129,134: Уместно здесь отметить, что в XIX веке в Абхазию было завезено несколько негритянских семей, которые в большинстве своём ассимилировались в среде коренного населения. Их потомки встречаются до настоящего времени, главным образом, в Абжуйской Абхазии (сс. Адзюбжа, Кындыг, Тамыш, Тхина, Река, Елыр). У старшего поколения этих жителей ярко выраженные негроидные расовые признаки: тёмный цвет кожи, крутые завитки чёрных волос, характерный рисунок губ и т.д.

[2] Этническая «революция» в Абхазии (по следам грузинской периодики XIX в)…С.19.

[3] Басария С.П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Пособие для 8-9 классов… С. 45–46.

[1] Анчабадзе З.В. Очерк этнической истории… С.88–89.

дюжины соседей»[1]. По свидетельству врача И. Пантюхова, в 1892 году эпидемия гриппа унесла более четверти населения Абхазии[2].

А в 1909 г. в петиции жителей с. Кутол к властям, говорилось: «Гибнем мы из-за отсутствия медицинской помощи. Для нас недоступны как врачи, так и медикаменты… и мы предоставлены естественному течению болезни: поэтому не удивительно, если у нас смертность больше рождаемости»[3].

О дальнейшем ухудшении демографической ситуации для коренного населения Абхазии свидетельствуют данные Всесоюзной переписи 1926 г. Согласно переписи, в Кодорском уезде вместе с г. Очамчира на тот период проживало 33086 чел.: из них абхазов – 21762 чел., грузин – 6762, мегрелов – 5729, русских – 2920, украинцев – 538, сванов – 334, армян – 209, греков – 36 чел. В г. Очамчира всего проживало 3419 чел.: из них абхазов – 847, грузин – 1972, мегрелов – 1514, сванов – 151, армян – 149, русских – 45, украинцев – 42, греков – 22 чел. Всего численность населения сельских местностей составляла 29667 чел., из них абхазов – 20915, грузин – 4790, мегрелов – 4215, русских – 2866, украинцев – 496, сванов – 183, армян – 60, греков – 14 чел.

В сельских местностях Кодорского уезда в 1926 г. наибольшее число населения было в с. Гуп – 2936 чел., в этом же селе проживало наибольшее количество абхазов – 2854 чел. Численность грузинского и мегрельского населения превалировала над абхазским в с. Кочара (Куачара), где жили 1480 грузин и 1423 мегрела, это при абхазском населении в 78 чел.; в с. Охурей – 316 грузин и 316 мегрела, абхазов – 104 чел.: в с. Джал – 361 грузин и 356 мегрела, абхазов – 243 чел.; в с. Елыр – 694 абхазов, 627 грузин и 687 мегрелов. Из 1663 чел. населения Атары–Армянской, русских – 1338 чел. (1 абхаз, 17 грузин, 2 мегрела, 6 сванов, 8 армян, 14 украинцев). В Атара-Армянской проживало наибольшее

[1] Испанка унесла бабушку и отца самого Д. Гулиа. «Я, – писал Д. Гулиа, – похоронил их на левом берегу Кодора, под большим деревом и стал главой семейства» (Гулиа Д. Избранное. – М. 1986. С. 44).

[2] Пантюхов И. И. Влияние малярии на колонизацию Кавказа. – Тифлис. 1899. С. 18.

[3] Анчабадзе З. В. Очерк этнической истории… С.107.

количество русских по сравнению с другими сёлами. Украинцев больше, чем в других сёлах, проживало в Джгиарде – 193 чел., в Члоу и Моква – по 56 чел.[1].

В целом, с 1897 по 1926 г. резко падает удельный вес абхазов с 55,3% до 26,4%. Удельный же вес неабхазского населения поднимается с 44,7% до 73,6%.

В связи с созданием мощного курортного хозяйства, развитием горнодобывающей промышленности в Ткуарчале, а также отрицательным отношением абхазов к работе по найму, с 1926 по 1959 г. активизируется приток инородного, главным образом, грузинского населения в Абхазию. Субтропический климат привлекал также многих переселенцев из различных регионов бывшего Союза. Этот процесс особенно усилился после проведения Черноморской железной дороги[2]. Наряду с естественной миграцией, переселение осуществлялось и организованным путём для набора рабочей силы и специалистов. К 1939 г. при увеличении общего количества населения Абхазии, удельный вес абхазов в ней по сравнению с 1926 г., снизился с 27,4 до 18%. Численность же грузин с 68 тыс. чел. в 1926 г. возросла до 81 тыс. в 1939 г. В сельских местностях абхазское население к 1939 г. уменьшилось с 53 тыс. до 48,6 тыс. чел., грузинское население возросло с 59 тыс. до 72 тыс. чел. Не уступали и темпы роста армянского населения[3].

И в последующие годы, вплоть до 1992 года, переселение десятков тысяч людей из Грузии, часто насильственно, проводилось коммунистическими властями Грузии. Особо же большого размаха оно достигло в 40-е–50-е годы, в период правления Сталина и Берии.

[1] Всесоюзная перепись населения 1926 г. ЦСУ СССР. Т.XIV. – М. 1929. С.100–103; Лежава Г. П. Изменение классово–национальной структуры… С.18–19.

[2] Джаошвили В.Ш. Население Грузии. Экономико-географическое исследование. – Тб. 1968. С.30.

[3] Лежава Г.П. Изменение классово–национальной структуры… С. 21–22.

Так, по данным на 25 июля 1940 г. в колхоз им. Бакрадзе с. Адзюбжа было заселено 264 выходцев из Западной Грузии[1]. На 20 января 1941 г. в десяти колхозах Абхазии было выстроено 1634 домов, вселено 1614 хозяйств, общее же число переселенцев к этому периоду составило 6005 чел.[2]. В результате целенаправленной политики численность грузинского населения в Абхазии по сравнению с 1939 г. возросло на 66 тыс. чел., и в 1959 г. составляла 158 тыс. чел.[3]

По переписи 1970 года, численность всего населения Абхазии увеличилось на 82221 чел. и составило 486958 чел. Число абхазов выросло до 77276 (т.е. на 16083 чел.), грузин – 199596 (на 41374 чел.), русских – 92889 (на 6174), армян – 74850 (на 10425), греков – 13144 (на 4013), а общее число других народов уменьшилось с 35073 до 29235 (т.е. на 5838 чел.) По отдельным регионам, в частности Гудаутском и Очамчирском районах, абхазское население по переписи 1970 г. распределилось так: Гудаутский район – 28,5 тыс. чел. (1 место), Очамчирский район – 27 тыс. чел. (2 место).

По данным переписи 1979 г. число абхазов в республике возросло до 83087 чел. (т.е. увеличилось на 5811 чел.), число грузин – до 213322 (увеличилось на 13726), греков – до 13642 (на 528 чел.) а количество русских уменьшилось до 79739 чел. (на 13159)[4].

В 1986 году в Очамчирском районе проживало 72779 чел., из них в г. Очамчира – 18900 чел.: в сельской местности население составляло 53879 чел. В районе, за исключением г.Очамчира, наибольшее количество населения – 3190 чел. – проживало в с.

[1] История Абхазии...С.350.
[2] Абхазия: документы свидетельствуют... С.89.
[3] Кварчия В., Ачугба Т. Об этнической и демографической ситуации в Абхазии в прошлом и настоящем /Историческая справка // Литературная Абхазия. 2. 1991. С.149.
[4] Кварчия В., Ачугба Т. Об этнической и демографической ситуации... С.150; Лежава Г.П. Изменение классово–национальной структуры... С. 24–25.

Новый Кындыг (Ахали-Киндги), а наименьшее в пос. Баглан с. Адзюбжа[1].

Всесоюзная перепись населения 1989 года, как и предыдущая, свидетельствует о дальнейшем росте общей численности населения республики, в основном за счёт продолжавшейся иммиграции других этнических групп. Так, в этот период численность абхазов возросла до 93267, (т.е. на 10180 чел.), численность грузинского населения возросла до 239872 чел., (т.е. на 26540 чел.)[2].

По отдельным населённым пунктам, например, правобережья Кодора, ситуация была такова: в Гульрипшском районе (при общей численности населения в 54962 чел.), в Бабушерском с/совете прописано 8342 чел., из них в с. Бабушера (Бабышьира) проживало 5082 чел. Численно преобладающей национальностью были грузины, они составляли 56%, русские – 25%. В с. Уарча (Варча) проживало – 2677 чел.: в с. Куараш (Кораси) – 454 чел.; в с. Аджбна (Оджбине) – 129 чел. Во всех этих сёлах также численно преобладали грузины, русские составляли 28%. В Владимирском с/совете числилось 3227 чел. Из них в с. Владимировка проживало – 1549 чел. Из них 49% составляли грузины, 27% – армяне. В с. Наа проживало 453 чел. Грузины составляли 59%, армяне – 43%, русские – 32%.

В Очамчирском районе (при общей численности населения в 75388 чел.) в с. Адзюбжа проживало 3567 чел. постоянного населения. Из них в пос. Ахыуаа – 190 чел.; Кудрахыку – 140 чел.; Допуакыт – 199 чел.; Адзюбжа – 614 чел.; Джобриа – 145 чел.; Баглан – 29 чел.; Ахалдаба – 1587 чел.; Цкургил – 300 чел.; Балан – 363 чел. Из общего числа жителей этого села, грузины составляли 52%, абхазы – 22%. В с. Атара-Абхазская проживало 1080 чел. Здесь преобладающим населением было абхазское. В с. Атара-Армянская проживало 1640 чел. Преобладало армянское население. В с. Наа – 261 чел., преобладали грузины. В Кындыгском с/совете числилось 760 чел., – преобладали абхазы; Ахали –

[1] «Схема землеустройства Очамчирского района на 1986-2010 годы»... С. 106–107, 250–251.
[2] Белая книга Абхазии. Документы, материалы, свидетельства. – М. 1993. С.29–30.

Киндгском с/совете – 3174 чел. – 79% составляли грузины. В с. Кочара проживало 933 чел., преобладали грузины. В Кутольском с/совете – 3735 чел. Из них абхазы составляли 55%, грузины – 42%...[1].

С 60-х годов и вплоть до грузино-абхазской войны 1992-1993гг. наиболее перенаселёнными населёнными пунктами в Очамчирском районе являлись Маркула (4728 чел.), Кочара (4674 чел.), Адзюбжа (3560 чел.), Араду (3301 чел.), Моква (3064 чел.), Новый Кындыг (3254 чел.)[2]. Несмотря на это, в те годы, и вплоть до войны в 1992 году при попустительстве тогдашнего районного руководства продолжалось выделение земель приезжим из Грузии за счёт урезания колхозного фонда.

Таким образом, насильственное выселение абхазов в середине XIX в. в Турцию и другие страны Ближнего Востока и широкомасштабная колонизация, принявшей особо широкий размах в годы правления Сталина и Берии и продолжавшаяся все последующие годы, привели к сокращению удельного веса коренного абхазского населения до грани, поставившее его перед угрозой полной ассимиляции и вырождения…

ГЛАВА V. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ
§ 1. Охота. Пчеловодство. Рыболовство

Охота. Основой хозяйственной деятельности абхазов, как и других народов, с древних времён являлась охота. Продукция охотничьего промысла – шкуры и меха упоминаются в письменных источниках XIX века в качестве приношений представителям высшего сословия и чиновникам русской администрации, а также

[1] Материалы Всесоюзной переписи населения 1989г. 1.Очередь. Абхазия. Город+село. Табл.1С. Лист 1–2: Табл.2С, Лист 21–22, 23–24, 27–28: Табл.9С. Лист 1–9 // Материалы хранятся в архиве Государственной статистики Республики Абхазия.

[2] Учёт населения Очамчирского района Абхазской Республики на 1.01.1992г. По данным Исполкома Очамчирского райсовета народных депутатов, на январь 1992 года.

они являлись предметом вывоза из региона, о чем свидетельствуют Ж. Шарден, М. Пейсонель и другие авторы.

Охота по абх. «ашəарыцара, ашəарацара», что значит «идти на диких животных» (от «ашəарах» – дичь и «ацара» – идти). Однако можно полагать, что в древности в основе термина «ашəарацара» лежало не слово «ашəарах», а «ашəара», «пугать». Следовательно, первоначальным значением «ашəарацара» вероятно было «идти пугать» животных, дичь. По–видимому, в этом слове (ашəарацара) нашло отражение загонного способа охоты первобытного человека на диких животных (в том числе крупных), во время которого запугивали дичь шумом, огнём, забрасывали камнями, и гнали к ловушке – специально вырытой и замаскированной яме. Животные попадали в яму, откуда они не могли выбраться и охотнику оставалось только добить жертву. Причём, загонный способ охоты применялся абжуйцами вплоть до начала XX века.

Важные сведения об охоте и видовом составе промысловых животных даёт археологический материал. В этом отношении могильник VIII–VII вв. до н.э. в верховьях реки Галидзга, по мнению учёных, не может сравниться ни с одним из известных памятников Абхазии. Здесь выявлены фигурки зайцев, козьи и турьи головки. В статуэтках, изображающих птиц исследователи различают орла, голубей, индеек. Найдена целая группа (более 8 экземпляров), отлитых бронзовых фигурок фазанов[1]. Письменные источники также свидетельствуют, что в древности в Колхиде существовал целый промысел – охота на фазанов: их вкусное мясо ценилось очень высоко[2].

С охотой могут быть связаны обнаруженные в абжуйских поселениях наконечники копий и стрел. Значительную часть из них, конечно же, нельзя отнести к исключительно охотничьим. Вероятно использование в качестве орудия и примитивнейшего

[1] Шамба Г.К., Шамба С.М. Археологические памятники верховья реки Галидзга… С. 39–42. См. также: Шамба Г.К. Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии… С.64–70.

[2] Kroll M. Der Fasan, seine Lebensweise, Hege und Jagd. – Berlin. 1957. C.11.

копья – заостренной палки. Рогатина, которая использовалась во время охоты на медведя, по-видимому, принципиально не отличалась от копья (возможно, на ней имелись перекрестия, чтобы раненый зверь не мог дотянуться до охотника). Охота на крупного зверя, по-видимому, носила характер единоборства, а охотились, надо полагать, нередко и с боевым оружием.

В дремучих лесах Абжуа охотой промышляли вплоть до XX века. На охоту ходили осенью и зимой. Различали малую и большую охоту. Малая, обычно, состояла из близких соседей. В большой же охоте принимал участие весь околоток[1]. Согласно этнографическим материалам, абжуйские охотники в начале охотничьего сезона встречались в назначенный день (обычно в воскресенье) на горе Ажвейпшныхуара, в районе сс. Тхина и Арасадзых. Из дому выходили только ночью, во избежание встречных. Там, на горе, они совершали обряд жертвоприношения покровителю охоты Ажвейпшаа – просили о ниспослании им удачи на охоте. В конце охотничьего сезона, охотники снова встречались на этой же горе и совершали обряд благодарения покровителю охоты за удачу. Кусочки сердца и печени жертвенного животного, отрезанного рукой молельщика, охотники съедали, при этом подражали движениям и звукам добытой ими добычи. Мясо жертвенного животного съедалось до последнего кусочка[2].

По материалам, записанным Г. Ф. Чурсиным в 1920-е годы в Абжуа, перед отправлением на охоту, рано утром в честь Ажвейпшаа специально готовили начиненные сыром круглые вареники, их выкладывали на столик. Старший в семье или сам охотник произносил над столиком молитву, испрашивал у Ажвейпшаа ниспослать удачную охоту. В районе, выбранном для охоты, охотники сооружали шалаш. Перед выходом на охоту, они вты-

[1] Чочуа А.М. Избранные сочинения... С.17. Была известна также индивидуальная летняя охота с применением огнестрельного оружия, имеющая более позднее происхождение.

[2] Шинкуба А. Е. Процесс охоты и культ горы Ажвейпшныхвара (по материалам Абжуйской Абхазии) // Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986–1987 гг. Тезисы докладов. – Сухуми. 1988. С. 120–121.

кали свои палки в очаг, чтобы концы их покрылись золой – это также считалось одним из условий благополучной охоты. «Те, кто оставался в шалаше, при выходе охотников на промысел не вставали – продолжали сидеть. Это был магический прием, который соблюдался для того, чтобы дичь не убегала, а оставалась на месте»[1].

Успех охоты зависел не только от поведения самого охотника, но и от поведения и состояния здоровья оставшихся дома остальных членов семьи охотника[2]. По словам жителя с. Тамыш М. Гадлия, за время отсутствия охотников, с тем, чтобы не «навлечь на себя гнева оскорблённых божеств», члены семьи охотника не должны были выражать какого-либо беспокойства, ругаться, не должны были в своих разговорах упоминать отсутствующего охотника[3].

По народному поверью, много веков подряд лесные ущелья Абхазии населяли дикие лесные люди (последний из лесных людей – Абнауаю, по поверью, обитал в лесу Уракь с. Адзюбжа). Лесные люди по ночам, с топором на груди, выходили на охоту и убивали встречных. Только сто пуль могли уложить Абнауаю. В абхазском фольклоре бытует, что нашёлся всё же храбрец – пастух Джоджа из с. Джгиарда, которому удалось убить лесного человека: схватив ружье, пастух выстрелил в лесного человека и одновременно произнёс: «Пусть эта пуля будет за сто пуль». Удалось убить Абнауаю и Беизару Хакба из с.Члоу. Адзюбжский пастух Хуху Читанаа не только убил Абнауаю, но и женился на его красавице – жене[4].

Можно предполагать, что образ лесного человека генетически восходит к древнейшим представлениям о духе леса или хозяине леса. В пользу этого может говорить, например, образ лешего.

[1] Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. – Сухуми. 1957. С. 84.

[2] Акаба Л.Х. У истоков религии абхазов. – Сухуми. 1979. С.43.

[3] Гулиа Д.И. Собрание сочинений. Т. 6... С.303.

[4] Гулиа Д. И. Собрание сочинений Т.6...С.298; Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии...С.56; Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии... С.231–233.

Русский леший – это властитель лесов, в его образе сочетаются и черты хозяина зверей. Поэтому успех охотника за дичью зависит от благосклонности местного лешего[1].

Английский путешественник по Кавказу Фрешфильд, приняв предание о лесных людях за истину, в своем отчете в Королевском географическом обществе об экспедиции для розыска погибших на Кавказе англичан, сообщает о существовании в лесах Абхазии, в долине реки Кодор, диких лесных людей[2].

По словам абжуйцев, когда они заходили в лес или же им приходилось там ночевать, просили покровительства у божества леса – «Абна инцаху» (Абна инцәахәы). В лесу, перед началом охоты, охотники обыкновенно делились на группы стрелков и гонщиков. Детям разрешалось лишь сопровождать гонщиков. Часть стрелков влезала на деревья, другие – укрывались на перекрестках тропинок, дожидаясь зверей, а гонщики с охотничьими собаками устраивали облаву – поднимали шум и свист с таким расчетом, чтобы перепуганные обитатели лесных чащоб устремлялись к засаде. Подобная охота с собаками называлась алацгара, т.е. выводить или водить собак. Охота с собаками обычно заканчивалась удачей. Охотничьи трофеи делились по старшинству, меткости стрельбы и количеству собак, имевшихся у того или иного участника. Охотников, возвращавшихся с охоты и убитого им зверя, остававшиеся в стоянке забрасывали травой и при этом приговаривали: «Удырҩатә еиҧхаайт» («Чтобы ты еще больше добыл»). Коллективная охота вносила большое оживление в жизнь села. Возвращение охотников с песней Ажвейпшаа и добычей превращалось в настоящее празднество. К ним навстречу спешил и стар, и млад[3]. В прошлом, да и до недавнего времени, абжуйцы для охоты на перепелов использовали ловчих птиц-ястребов. Последних ловили в сс. Баслаху, Тамыше и Адзюбже[4].

---

[1] Зухба С.Л. Типология абхазской несказочной прозы. – Майкоп. 1995. С.171.

[2] Абхазия и в ней Ново–Афонский Симоно–Кананитский монастырь... 1898. С. 50–51.

[3] Чочуа А.М. Избранные сочинения... С.17.

[4] См.: Хеция А.Д. Очерки о ястребиной охоте абхазов // Газ. «Апсны Капш». 8 сентября 1990г. (на абх.яз.).

В сезон охоты на возвышении сооружали балаган, тут же рядом вбивали кол. По зарубкам на нём можно было определить сколько в этом месте было отловлено ястребов. Таким образом ловцы определяли наиболее удобное место для ловли ястребов.

Русский советский писатель Николай Тихонов в очерке «Беседы о Стране Души» вспоминает о том, как в устье Кодора (это было в середине 20-х годов XX в.) он вместе со своим спутником увидели «мальчика с ястребом. Он сидел спокойно на руке. Мальчик с ним ходил ловить перепелов». Н. Тихонов впервые видел такой вид охотничьего спорта[1].

Мариэтта Шагинян, находясь в 1928 г. в Очамчире писала, что ястребиная охота является «очень обычной в этих местах»[2]. Абхазские охотничьи птицы – соколы, беркуты и горностаи, служили предметом международной торговли. В XVII веке, например, их вывозили в Трапезунд и Крым. Более того, абхазские ловчие птицы в ту пору попадали даже на берега далекого Инда. Об этом свидетельствует афганский поэт-классик и полководец Хушхальхан Хаттак (1613–1689), в 25-й главе «Баз-нама», посвященной соколиной охоте, он воспевает замечательные охотничьи свойства «абхазского сокола» (или коршуна) – «абхази шахин»[3].

Небезынтересно отметить, что в журнале «Юный натуралист» за 1978 г. сообщалось: «...с появлением ружей охота с ловчими птицами, особенно в России, стала забываться. В настоящее время лишь на Черноморском побережье Кавказа охотятся на перепелов с ястребом-перепелятником (абхазский метод охоты) да на Иссык-Куле (Киргизия) сохранилось несколько знаменитых беркутчи и мунушкоров»[4] (беркутчи-охотник с беркутом, мунушкор – охотник с ястребом или соколом).

---

[1] Абхазия в русской литературе. Сост. И.И. Квициния. – Сухуми. 1982. С. 299.

[2] Лакоба С.З. «Крылились дни в Сухум-кале»... С.163.

[3] Газ. «Советская Абхазия». 2 марта 1962 г.

[4] «Юный натуралист» (Научно-популярный журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина) № 12. 1978 г.

Вместе с тем на перепелов ходят не только с ловчими птицами. Их ловят также ночью с помощью фонаря и своеобразного сачка (сетки).

На мелкую птицу охотились с помощью ловчих средств в основном дети и подростки. В местах скопления птиц (около навозных куч, под кукурузником и т.д.) в зимние месяцы ставились силки из конских волос, которые привязывались к вбитым в землю колышкам, а также к ветвям деревьев. Для ловли соек использовали конусообразную плетенку, клали ее на землю, а около прохода в нее устанавливали петлю из конских волос. Естественно, под плетенку насыпали кукурузные зерна. Кроме того, чтобы привлечь внимание птицы к ловушке, поблизости от нее вбивали в землю палку и привязывали к ней початок кукурузы. Для ловли дроздов сооружалась другая ловушка. Около зарослей сассапариля вбивались довольно густо колышки, в образовавшихся проходах к колышкам прикреплялись петли из конских волос. За колышками в зарослях разбрасывались ягоды сассапариля. Когда дрозды устремлялись к ягодам через проходы, петли затягивались. Использовали и такой вид самолова птиц – как амалакаха (букв. «самопадающий»). Вырывали небольшое углубление квадратной формы. Затем заготавливали плетенку из прутьев по размеру ямы. Плетенку прикрепляли к перекладине (палке). По обеим сторонам ямы вбивались два колышка. На них клали перекладину. К ней посередине подвешивалась палочка на шнурке. На перекладине для этого была сделана зазубрина. При помощи этой палочки один край плетенки удерживался в приподнятом положении, пока на палочку не садился дрозд или другая птица. Но как только это происходило, палочка соскакивала с зазубрины[1].

По свидетельству А. М. Чочуа, с ноября по март ходили на охоту на Скурчинский лиман, туда, где водились дикие голуби и утки. При этом приводили в порядок кремневые ружья и силки, которые на месте охоты ставились под буковыми деревьями. Бывало, что голуби попадались в расставленные ловушки. Когда же птица не подходила к ловушке и садилась на ближние к ловушке деревья, по ней стреляли из кремневок. На уток и гусей ходили

[1] Чочуа А.М. Избранные сочинения… С.18–19.

охотиться и на Кодорский лиман, при этом брали с собой охотничьих собак, которые доставали из воды подстреленную птицу[1].

Распространённой, хотя и небезопасной, считалась охота на диких коз, косулю, серну и, в особенности, на тура. Охота на зверей, обитавших в труднодоступных горных местах, требовали от охотников большой физической силы, ловкости, неутомимости в преследовании, хорошего знания повадок животных, совершенное владение оружием.

Вообще наши предки были любителями оружия и хорошими стрелками. М. Селезнёв, в 40-х годах XIX века, живя в с. Кутол, писал: «Приученные с младенчества к бесстрашию, ловкости, они (абхазы – О.М.) вообще все отличные стрелки, так что горлицу убивают пулей в сердце в 100 и более шагах»[2].

Высокогорная охота в прошлом была не только приятным спортивным занятием, но и приносила значительную материальную выгоду. Поэтому охоте в горах придавалось большое значение, а хорошие охотники и скалолазы пользовались уважением и почётом.

О важном хозяйственном значении охоты в жизни абхазов, как и других народов Кавказа (адыгов, осетин) говорит и факт наличия у них особого лесного, охотничьего языка. Знание и использование лесного языка было обязательным для лиц, промышлявших в ущельях (т.е. где много лесов), тогда как охотникам открытых альпийских пространств и горных пустошей, его употребление не предписывалось[3]. Охотничьим языком пользовались во время охоты, чтобы скрыть, как они считали, своё намерение от дичи. Например, оружие по-абхазски называется абджар: на охотничьем языке – азапа, дикий кабан – абынҳәа – амаа-заа, луна – амза – цха и т.д. По словам Д. Гулиа, «даже и охотника не называют «ашәарыцаҩ», как обыкновенно он назы-

[1] Чочуа А.М. Избранные сочинения… С. 19.

[2] Басария С. П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Пособие для 8–9 классов общеобразовательных школ, лицеев, колледжей… С. 81.

[3] Хеция А.Д. О термине Ашәарацара «Охота», «охотиться» в абхазском языке // Современные проблемы кавказского языкознания… С.303.

вается, а «аԥчараҳ»[1]. Старшего среди охотников называли «ацәмыш» («счастливый бык»), или «амасаба», младшего охотника – «ацашьышь» (у бзыбских абхазов он назывался «агәаҷ»)[2].

А. А. Миллер в 1907 г. отмечал, что в абхазских семьях охота передавалась по наследству от отца к сыну, вместе с ружьём и всеми принадлежностями, а также секретами устраивать западни. Миллеру рассказывали, что раньше били дичь при перелёте, из пращей – камнями[3].

Опытные охотники знают, что звери имеют своеобразный характер. Они любят быть вместе, стадно. Когда они слышат ружейный выстрел, то, естественно, разбегаются, однако, увидев застреленного друга, хищник возвращается, подходит к нему, обнюхивает. В этот момент охотник убивает и его. Так он мог застрелить несколько зверей.

В Абхазии имелись феодальные земли, в которых охотиться имели право только представители высшего сословия. Эти места были запретными для других категорий населения, и только с разрешения их хозяев крестьяне могли ими воспользоваться. Например, владетель Абхазии Михаил, страстный любитель охоты, любил охотиться в Очамчире, Гупе, Маркуле, Кочаре, а также в Гиндзе-Эцерском лесу в Самурзакани. В сезон охоты, осенью, он приезжал ежегодно в одно из охотничьих мест. Он избирал поляну посреди леса, где на четырёх столбах устраивалось возвышение, сидя на котором он караулил дичь. Своих слуг он рассылал по всему лесу, чтобы они при помощи охотничьих собак пригоняли дичь к месту его нахождения. Право охоты в этих лесах принадлежало только одному владетелю. По данным И. Г. Антелава, за нарушение права Михаила в Гиндзе-Эцерском лесу пла-

[1] Гулиа Д.И. Собрание сочинений. Т.6... С.302.
[2] Маан О.В. Социализация личности в традиционно–бытовой культуре абхазов (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Сухум. 2003. С.18.
[3] Дзидзария Г.А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии... С.52.

тили штраф: если в лесу Михаила «была убита косуля, то с того, кто её убил, брали 5 жирных коз, за кабана – 2 свиней»[1].

В настоящее время охота является также средством развлечения. Охотятся в основном на перелётных птиц. Одним из известных и излюбленных мест охоты (в том числе и сухумских охотников) на уток, является район озера Скурча, недалеко от которой одна местность называется Ахухушара (Аҳәыҳәшәара), т.е. «место голубиной охоты». Около Очамчиры имеется местность под названием Ах ихухукырта (Аҳ иҳәыҳәкырҭа) «место владетельской охоты на голубей»: в с. Моква – Ахухукырта (аҳәыҳәкырҭа)[2].

Пчеловодство. Население Абжуйской Абхазии, помимо охоты, занималось бортничеством и собственно пчеловодством. Бортничество в Абхазии издавна процветало в особенности в ущельях Кодора, Галидзги и Бзыби. Здесь же, в верховьях Кодора, скалы, окружающие грот Хупынипшахуа, считалось основным «местом сидения» божества пчел Ананы–Гунды (Анана–Гәында лтәарҭа)[3]. В Дальском ущелье, на одной из скал Багадского хребта (Куаначхир) до недавнего времени сохранялись деревянные клинья с крючками, вбитые в расселины скалы ещё в конце XIX в. охотником Абганба для добывания мёда. В этой местности до 30–40-х годов XX в. почти каждый год добывали мёд из глубокой расщелины охотники Шибга Шоуа (из с. Амзара) и

[1] Антелава И. Г. Очерки по истории Абхазии XVII–XVIII веков... С. 101–102. К. Д. Мачавариани в 1913 г. писал, что в Кодорском участке «князья Маршаниевы и Анчибадзевы являются знаменитыми охотниками на диких баранов, коз и других зверей. Среди этих князей громкой славой бесстрашного охотника пользуется подполковник Тарас Зурабович Анчабадзе» (Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу... С. 118–119).
[2] Дзидзария Г.А. Народное хозяйство и социальные отношения... С.51.
[3] Пачулиа В. П. «Грот царицы пчел» // Газ. «Советская Абхазия» 19 сентября. 1975 г.; его же. По историческим местам Абхазии... С. 48; Дзидзария Г. А. Труды. Т. 2. – Сухуми. 1990. С. 252.

Куца Матуа (из с. Гуада)[1]. Полевые данные и письменные источники свидетельствуют о том, что бортничество и домашнее пчеловодство весьма было развито и в районе низовья Кодора[2]. О гнездовании диких пчел «в дуплах старых букв и лип» в районе Кодора, недалеко от моря, отмечал в конце XIX века А. М. Горький[3].

В Абхазии, успешному развитию пчеловодства способствовало наличие богатой медоносной растительности. Кстати, в сс. Адзюбжа, Гуп, например, в местностях под названием «Аисырра» растут такие медоносные растения, которые цветут почти круглый год.

Особая значимость меда состояла во-первых, в том, что он был в прошлом единственным сладким продуктом; во-вторых, мед потребляли как лекарственное средство против многих болезней. Добывать мед диких пчел, как и на охоту, ходили малыми или большими группами, причем бортничество зачастую одновременно совмещалось с охотой на дичь. Как только охотник замечал на стволе дерева потек воска или отверстие, напоминающее леток, с помощью топора (а еще ранее стрелой, копьем – любым другим видом первых орудий) расширял отверстие, а затем дымом выкуривал оттуда пчел (или валили дерево и расщепляли ствол). Добытый мед уносили в бурдюках – аҳаҭа (из шкуры животных). Бывало, находили мед в сотах, пролежавший в дупле десятилетия, но не потерявший своей свежести. На стволах деревьев ставили разные метки, означавшие, что пчелы и мёд, т.е. улей, получил хозяина. В том случае, когда на охоту ходили несколько человек из одной фамилии, меткой служило им родовое тавро (например, у охотников из фамилии Кварчия (с. Ткуарчал), тавро представляло круг с крестом). Из одного дупла брали не менее 1-го пуда меда, а таких бортьев один человек мог иметь и до ста. С истреблением лесов в Абжуа искоренилось и бортничество.

[1] Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии. – Сухуми. 1969. С. 279.
[2] Газ. «Апсны Капш». 31 мая 1990г. (на абх. яз.).
[3] Горький М. Рождение человека // Горький М. По Руси... С.3–4.

В прошлом пчелы водились не только в окрестных лесах сел, но и в самих поселениях, т.е. встречались и домашние пчелы. Пчелиные семьи обосновывались на деревьях, росших на участках селян. Добыча меда с деревьев была сопряжена с большими трудностями, порой заканчивалось трагически[1]. Так, на участке одного из хозяйств с. Адзюбжа рос могучий дуб, на развилке ствола которого, на значительной высоте, обосновалась пчелиная семья. Хозяева решили достать оттуда мед. Один из братьев, по имени Азиз, влез на дерево и принялся подрубать ствол, в котором, по его расчетам лежали соты. К несчастью, подрубленный ствол не сразу отделился от основания, а, провиснув, плотно прижал Азиза к дереву. На его отчаянный крик сбежались соседи, вызволили Азиза и бережно отнесли домой. К сожалению, спасти его жизнь не удалось.

С течением времени абжуйцы стали из бортьев переселять пчел в ульи на пасеки – около своего жилья. В Абжуйской Абхазии пасека называется «ашьхымзагуарҭа». Площадки для ульев в равнинных местах огораживались плетеными и дощатыми заборами, в горных районах – каменными заборами (каменные ограды вокруг усадеб и пасек были зафиксированы, например, И. А. Аджинджалом в 1950-х гг. у многих жителей сс. Бедиа, Арасадзых, Ткуарчал, Тхина, Гуада). Площадки чаще всего огораживались сплошными плетеными заборами. Представители высшего сословия огораживали свои пасеки частоколом с калиткой с резными балясинами. Таковой, например, была пасека князя Гыда Чачба в с. Бедиа[2]. Следует сказать, что пасеки имелись почти в каждом крестьянском хозяйстве. В отдельных же хозяйствах имелось по несколько сот ульев. Так, в середине XIX в. в долине р. Галидзга, два пастуха–охотника Даут Аршба и Екуп Аджинджал имели большие пасеки. У первого из них стояло 500 колод, у второго – 460 колод. Оба они в году имели 400–500 руб. дохода[3]. По другим сведениям фамилия Бзаркал (в пос. Аджбна) до ма-

[1] Чочуа А.М. Избранные сочинения... С.25.
[2] Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии... С. 296.
[3] Там же. С. 292.

хаджирства также «имела бесчисленное количество ульев»,[1] то же самое сообщается о фамилии Бгаа[2]. Согласно полевым данным, не менее 300 ульев имели Болтенковы (в Ашьашла). В конце XIX и в самом начале XX века, по сообщению старожил, большие пасеки были у Ивана Карчаа, Бирама Джикирба, а у Хусреба Апшцба было до 500 ульев. Согласно тем же сведениям, при сборе меда в такие хозяйства приглашали соседей, знающих толк в пчеловодстве, на однодневную помощь – ауааху (ауааҳə). Чтобы пчелы хорошо роились, абжуйцы ежегодно весной и осенью устраивали праздник – моление, посвященное божеству Анане–Гунде.

К началу XX века пчеловодство в Абхазии начинает идти на убыль. Известный в Сухумском округе пчеловод Ф. Формаковский, осенью 1907 г. купивший в районе Кодора 19 семей пчел писал: «Пчелы серые, как и северные (российские – О. М.), но смирные, можно работать около них без дыму». Он сетовал на то, что «пчелы мало дают доходу», что их «одолевает клочень (восковая моль), мед плохой»[3]. По П.А. Добрынину (член Комиссии Сухумского Общества Сельского Хозяйства по организации пчеловодства в Сухумском округе)[4], причина упадка пчеловодства большей частью коренится в табаке («как начали сеять табак, так пчелы стали хуже вестись»).[5] Пчеловоды считали, что «прежде для пчел было привольнее: лесов было больше»[6].

В настоящее время во многих хозяйствах Абжуа, в хозяйственной части двора, на ровной площадке, можно увидеть ряды или гнезда (рамочных ульев, которыми заменены старинные долбленные) любительских пасек из десятка или более ульев. На период цветения липы и каштана, абжуйцы, как и в прошлом, вывозят ульи в липовые и каштановые рощи.

---

[1] Газ. «Апсны Капш». 31 мая 1990г. (на абх.яз.).
[2] Кварчиа В.Е. Материалы топонимики Очамчирского района... С. 31–32.
[3] ЧСХ... – Сухум. 1911. С.66.
[4] ЧСХ... – Сухум 1913. С.57.
[5] ЧСХ... – Сухум. 1914. С. 45.
[6] ЧСХ... – Сухум. 1911. С. 66.

В Абхазии в прошлом встречался «пьяный» или «бешеный» мед (абх. – ацхаҟəа). Кстати, Горький писал, что в Абжуа «можно найти пьяный мед», который пчелы делают из цветов лавра и азалии, что в древности этот ядовитый мед «едва не погубил солдат Помпея Великого, пьяной сладостью своей, свалив с ног целый легион железных римлян»[1]. Ш. Д. Инал–Ипа в «Абхазах» цитирует греческого полководца Ксенофонта, который пишет: «Все солдаты, которые поели сотов, лишились сознания, страдали рвотой и поносом и никто не мог держаться прямо на ногах»[2]. Поскольку «пьяный мед» действовал одурманивающее и отравлял, В. Чернявский рекомендовал его употреблять крайне осторожно, в умеренном количестве[3]. А Фон–Дервиз писал, что такой мед не едят сырым, а лишь прокипяченным[4]. По словам старожил, ядовитый мед пчелы собирают с цветов рододендрона.

Предположение Ксенофонта о ядовитых, опьяняющих свойствах колхидского меда, собираемых с цветов рододендрона или азалии, подтверждается Страбоном, Плинием и другими авторами. Это предположение было опровергнуто русским ботаником Р. Регелем, исследовавшим в 1906г. медоносную растительность Кавказа и получаемый с нее мед[5].

В XVII–XVIII вв. продукция пчеловодства являлась одним из ведущих товаров вывозной торговли Абхазии[6]. По сообщению М. Пейсонеля, из Абхазии «вывозится громадное количество воску, приобретаемого по крайне низкой цене»[7]. О вывозе меда и воска из Абжуйской Абхазии свидетельствует, например, Ж.

---

[1] Горький М. Рождение человека... С. 3–4.
[2] Инал-Ипа Ш.Д. Абхазы... С.118.
[3] Аджинджал И.А. Из этнографии Абхазии... С.307.
[4] Там же.
[5] Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы... С.196; см. также: Фармаковский Ф. «По поводу статьи «Пьяный мед» // «Черноморский селянин». № 1. Январь 1913 г. С. 5–6.
[6] Агумаа Я. Состояние и перспектива развития пчеловодства в Абхазии. – Сухум. 1997. С.5.
[7] Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу... С.30.

Шарден[1]. В этой связи обращает на себя внимание сообщение в «Энциклопедии» Дидро и д`Аламбера о том, что в XVIII веке «Европа не производит достаточного количества потребного ей воска»[2]. Следует отметить, что роль воска была весьма значительной в домашнем быту абхазов. На протяжении веков воск освещал жилища – из него делали осветительные свечи – ацәашьы. Воск употреблялся для починки разбитой глиняной посуды, им натирали для прочности нитки и веревки. Без восковых свечей не обходилось отправление как языческих, так и христианских религиозных обрядов.

Рыболовство. Исследования поселений прибрежной полосы эпохи ранней бронзы показали, что в хозяйственной жизни их обитателей дополнительным, а возможно, и главным источником пропитания служило рыболовство[3]. Во второй четверти I тыс. до н.э. рыболовство в прибрежных районах Абхазии продолжало занимать определенное место[4]. Во второй половине IV – III вв. до н.э. (время расцвета Дискуриады) на всей территории Абхазии рыболовство получает большой размах, о чем говорят, в частности, специально изготовленные по античным образцам спицы для вязки сетей и бронзовые рыболовные крючки, обнаруженные как в греческих, так и в туземных поселениях[5].

Абжуйцы издавна слывут заядлыми рыболовами. Рыболовные орудия абжуйцев по назначению и способу применения подразделяются на 4 основные группы: колющие орудия, крючные снасти, сети, запорные системы. К колющим орудиям относились остроги, гарпуны, багры, стрелы и все виды орудия ударного действия[6]. Остроги (ацәларс) по своему действию – удар сверху – принадлежали к орудиям озерно-речного типа. Наконечник

[1] Путешествие Шардена... С.20.
[2] Пчелы и человек. (Сборник). Ред. Н.Филлиповский. – М. 1981. С.60.
[3] Бжания В.В. Поселения Очамчирской культуры в горах Абхазии // Кавказ и Восточная Европа в древности. – М. 1973. С.65.
[4] Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии...С.95.
[5] Воронов Ю.Н. Диоскуриада–Себастополис–Цхум... С.64.
[6] Маан О.В. Рыболовство в Абхазии // Абхазоведение. Вып.1. – Сухум. 2000. С.173.

(острога) изготавливался из железа и насаживался на деревянную рукоять, длина которой иногда доходила до двух метров. Иногда острогу метали как гарпун, для чего к древку привязывалась веревка. По типу остроги для охоты на крупных рыб использовали двузубцы. Для охоты на крупную рыбу предназначались и гарпуны (агәшьацә). Раскопки Л. Н. Соловьева в гроте Хупынипшахуа, расположенном выше впадения реки Джампал в Кодор, на правом берегу последнего (где было найдено 10 гарпунов) показали, что гарпуны являлись основным орудием охоты древнего человека. Материалом для гарпунов служил рог благородного оленя. Гарпунами охотились в первую очередь на крупного лосося, а также дельфина.

Для ловди рыбы предназначались и стрелы. Ими били рыбу из лука во время нереста или когда она плавала поверху, т.е. как в недавнем прошлом стреляли ее с берега из ружья. М. Селезнев, например, писал, что в устье р. Маркула водились осетры и семга, которых абхазы стреляли в воде[1]. Извлекали загарпуненную рыбу, по-видимому, с помощью бечевки, укрепленной на древке стрелы. На озерах и стоячих водоемах стреляли рыбу из ружья – аԥсуа шәаԥь – при этом залезали на ближние деревья, особенно если ветви деревьев свисали над озером. Битую рыбу доставали из воды крючкообразными вилами, надетыми на деревянные палки. Рыбу ловили также на крючок (ацәгәыр) и на удочку (аркьыц) – десять-пятнадцать крючков последовательно шелковой ниткой привязывались к одной длинной веревке. На крючки надевалась приманка – мелкая рыбешка или дождевой червь. Ночью крючки с длинной веревкой оставляли в море, а за добычей приходили рано утром. На речке ставили перемет (алар). Но лов на удочку не был особенно популярен, он имел в рыболовстве вспомогательное значение.

Одним из широко распространенных и массовых способов рыболовства была ловля рыбы плетеной ловушкой – акун. Она плелась из прутьев хмеля или рододендрона. Устанавливали ее в заводях Галидзги, Моквы, Кодора и других рек. Ловушка имела

[1] Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения... С. 54.

конусообразную форму, расширяющуюся кверху. Горловина корзины сужалась, загнутые внутрь края ее смазывали для приманки мамалыгой. Рыба, попав в ловушку, уже не могла выбраться через ее узкое отверстие. Чтобы «акун» не всплывал из воды, внутрь него клали тяжесть. Применялся и способ ловли рыбы, описанный М. Пейсонелем[1]. Место, избранное в реке, огораживали плетнем, в котором устраивалась лазейка таким образом, чтобы рыба, вошедшая туда, не могла бы уйти обратно. Бывало, рыбу, оглушая шумом, загоняли в огороженный участок реки и затем доставали на берег корзинами.

Из рыболовных орудий предпочтение отдавалось сетям. Об этом свидетельствуют обнаруженные в абжуйских поселениях обилие рыболовных грузил для сетей, сделанных из морской (или речной) гальки. Очевидно, роль главных промысловых орудий перешла к сетям после широкого распространения таких технических культур, как лен и конопля. Сети, по словам информаторов, изготовляли из конопли (аньцә). Сначала коноплю варили, потом ее теребили – выделывали волокна, затем волокно пряли и уже из пряжи плели сеть. А веревку для сети изготовляли из ниток льна (ақәны), т.е. из льняной пряжи. Чтобы сеть не тонула в воде, к верхней ее части привязывали деревянные поплавки, а к нижнему ее краю привешивались небольшие свинцовые грузила – ахы, ахацара. Были известны закидные сети, сети типа бредней и прямоугольные сети. В открытом море, а также с берега ловили рыбу закидными сетями. А прямоугольные сети расставлялись в прибрежных местах.

Разнообразие рыболовного орудия, которым пользовалось прибрежное население, говорит об определенном уровне развития рыболовства в Абжуйской Абхазии, причем промыслового характера, так как большинство из указанных снарядов были рассчитаны на массовый лов рыбы. Это дает основание предполагать, что, несмотря на заболоченность прибрежной полосы, здесь в древности существовали поселения рыболовов, которые выбирали для этого сухие места, продуваемые ветром и лучше

[1] Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря… С. 28.

защищенные от насекомых. Изобилие лосося в устьях горных рек, которого особенно много было на Кодоре (где так же «нередки усачи»), изобилие форели в Кодорском лимане, Гупской общине (в местности Арасадзых)[1] и других местах, дают основание полагать, что в древности рыболовство в данном районе было явлением естественным и широко распространенным. Надо полагать также, что рыбные промыслы оборудовались специальными сооружениями для просушки сетей, легкими шалашами, сараями или навесами (по типу солеварен), где жили рыбаки в течение определенного времени (особенно осенью и весной). Такое рыболовство нельзя считать спорадическим. Оно было постоянным, регулярным, использовавшим разнообразную ихтиофауну, а, следовательно, и профессиональным. Так как для ловли рыбы рыбакам необходимы были лодки, то развитие рыболовства также косвенно указывает на строительство челноков и лодок, на которых население плавало в мелководных заливах и на небольших глубинах у морского берега.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что рыбный промысел в эту эпоху, а также в средние века составлял довольно значительный объём. Не исключено также, что античный период из Абхазии, как и из Северного Причерноморья в страны древнегреческого мира вывозили рыбу различной заготовки. Этнографические материалы и письменные источники свидетельствуют, что абхазы, как и их соседи, из морской рыбы изготавливали рыбий жир, который использовали в качестве лечебного средства. Один из церковных документов XVII века, в приморском с. Галидзга упоминает хозяйственное помещение, где были «поселены рыбаки» и «поставлены котлы». Выясняется, что они нужны были для получения рыбьего жира[2].

То, что рыбаки являлись отдельной категорией жителей прибрежных сел, подтверждают следующие свидетельства. Еще в первой половине XVI века в Искурии (Скурче) патриаршему пре-

[1] Чочуа А. М. Избранные сочинения… С.19; Басария С. П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Пособие для 8–9 классов… С.165.
[2] Берадзе Т.Н. Мореплавание и морская торговля… С.229–230.

столу Западной Грузии принадлежали два рыбацких «дыма» Шамигия (мегрелов, поселенных здесь после захвата мегрельскими правителями из рода Дадиани Юго–Восточной Абхазии). Позже, в 1621 году, патриаршему престолу здесь же принадлежало уже пять дымов крепостных крестьян, обязанных рыбачить и нести морскую повинность на церковь[1]. В середине XVII века Арк. Ламберти писал, что абхазы «рыбы не едят, хотя могли бы ловить» ее «в реках и море»[2]. Тем не менее, и в этот период, несмотря на сокращение морского рыболовства, оно продолжалось в реках, где ловили ценные виды рыб – осетр, форель, лосось, и когда рыба поднималась на нерест, и когда возвращалась обратно в море. О том, что рыболовство в XVII веке у абхазов не прекратилось свидетельствует и одна из церковных грамот указанного времени, в которой в перечне приношений крестьян в пользу Пицундской церкви (что, видимо, имело место и в отношении Драндского, Моквского, Бедийского соборов) упомянуты «осетр или другая рыба»[3].

Рыболовство в Абжуа с разной интенсивностью продолжалось в течение всего XIX века. Особенно активным оно было в начале и после присоединения Абхазии к России (то есть, после появления рыночного спроса). Во второй половине XIX века, в связи с промышленным развитием, в Драндском соборе был организован завод для приготовления консервов, здесь также хорошо было поставлено рыболовецкое хозяйство[4]. Это дает основание предполагать, что и в более ранние периоды здесь уже был заведен специальный двор, где хранилась и перерабатывалась рыба. А в самом начале XX столетия К. Ган о своей поездки из Очамчир в Сухум писал, что «на станции Кодор нам предложили сушеную и копченую рыбу, стерлядь и белугу, которыми изобилует река»[5]. Кстати, на цитированной выше топографической карте Сухумского округа, в устье одного из левых рукавов Кодо-

[1] Берадзе Т.Н. Мореплавание и морская торговля… С.230.
[2] Ламберти Арк. Описание Колхиды…С.189.
[3] Антелава И. Г. К вопросу о феодальных отношениях в Абхазии в XVII–XVIII веках…С.68.
[4] Дзидзария Г.А. Труды. Т. 2… С. 272.
[5] Ган К.Ф. Поездка в Мингрелию, Самурзакань и Абхазию… С. 30.

ра, впадающего в Скурчинский залив значится топоним «Ватага» (по С.И. Ожегову «Ватага» – рыболовецкая артель).

С началом первой мировой войны промысловое рыболовство в Абжуа фактически прекращается. В одном документе того времени говорится, что «промыслового рыболовства на Кодоре уже не было, хотя в нее и входит лосось. Редко можно было встретить здесь, ближе к устью Кодора и профессионального рыболова»[1].

В 1930-е годы на Скурче был построен рыболовецкий поселок. Здесь шло промышленное освоение рыб: ее вялили и затем копченую рыбу везли на сейнерах в Новороссийск и другие города[2]. Здесь же были сооружены два пирса для рыболовных судов[3].

Как выше указывалось, Кодор считается самой крупной нерестовой лососевой рекой Черноморского бассейна, а кодорское лососевое стадо – самым мощным. Максимальный улов Скурчинского промысла в 30-х, 40-х гг. XX в. достигал до 18 центнеров в путину (с поправкой учета до 26,8ц), вся же численность кодорского стада определялась в 1500-2000 голов. По ориентировочным подсчетам уловы «охотниками» из местного населения (то есть браконьерами) в среднем и верхнем течении Кодора и его притоках в 30-х, 40-х XX в. годах составляли за сезон не менее 200 штук. Некоторые из особо удачливых охотников в районе с. Лата добывали за сезон до 300 крупных лососей[4].

В 1979 году – для восстановления рыбных запасов реки Кодор в с. Ганахлеба был введен в действие завод по воспроизводству лососевых. Аналогичную работу выполнял и Скурчинский завод[5].

[1] Труды съезда деятелей Черноморского побережья Кавказа. Т.3. – Петербург. 1914. С.239.
[2] В 1980 г. на Кодоре впервые была инкубирована икра русского осетра (при этом в Скурчинский водоём было выпущено 560 тыс штук мальков осётра), с последующим переселением мальков в Чёрное море (Газ. «Советская Абхазия». 19 ноября 1980 г.).
[3] Глубина у восточного пирса составляет 0,5–4,2 м, у западного – 0,5–3,3м (Лоция Черного моря.– Л. 1987. С.347–349).
[4] Барач Г. П. Внутренние водоемы Абхазской АССР… С.5.
[5] Лашхия Ш. В. Абхазская АССР. Природные ресурсы и хозяйственная практика. – Тб. 1982. С.158.

Помимо рыболовства, еще во второй половине XIX века на Кодорском мысу был сосредоточен дельфиний промысел. Здесь же на мысу были устроены дощатые навесы, где производилось вытапливание дельфиньего жира, и хранились рыболовные насты[1]. Жир вывозили в Одессу и Керчь, где его на специальных заводах очищали и получали рыбий жир. Есть свидетельства о том, что жир дельфинов продавали греческим и турецким купцам, что дельфиний промысел существовал здесь и в более ранние периоды, а следовательно имеет древние корни. Во всяком случае то, что население занималось охотой на дельфинов уже в III или первой половине II тыс. до н.э. доказывается присутствием дельфиньих костных останков в археологических культурных слоях Очамчирской стоянки[2].

Дельфиний жир местное население использовало и в домашнем быту – для производства смазочных масел. Из водонепроницаемой кожи дельфина изготавливали различные изделия, а мясо дельфина частично вялили. Для ловли дельфинов несколько лодок выезжали в открытое море, забрасывали длинную сеть, «имеющую футов шесть ширины, с поплавками наверху и с тяжестью внизу, заставляющими ее принять в воде вертикальное положение»[3]. Затем две или три лодки заходили в середину охваченного сетью пространства и били баграми (т.е. шестами с металлическим крюком и острием) находившихся там дельфинов. Случалось, что в сети попадали десять, а иногда и до сорока дельфинов. С начала XX века бой дельфинов принял более широкий размах, особенно большую деятельность развили турки, приезжавшие из Турции на фелюгах. Во время первой мировой войны дельфиний промысел на Кодорском мысу, как и в других пунктах промысла – Пицундской бухте и Сухуме, – прекратил свое существование.

[1] Дзидзария Г. А. Присоединение Абхазии к России... С.148.
[2] Инал–Ипа Ш. Д. О мореплавании в Абхазии в античный период и феодальную эпоху... С. 80.
[3] Инал–Ипа Ш. Д. О мореплавании... С.81; Дзидзария Г.А. Ф.Ф. Торнау и его Кавказские материалы XIX века. – М. 1976. С. 124.

§ 2. Скотоводство

Важной отраслью сельского хозяйства, которой занимались абхазы, и в частности, абжуйцы вплоть до недавнего времени, являлось скотоводство.

Можно полагать, что, начиная с эпохи меди и ранней бронзы, в соответствии с общей тенденцией развития скотоводства на Кавказе, скотоводческое хозяйство Абхазии развивалось в сторону увеличения стада мелкого рогатого скота. Крупный рогатый скот, имевший до эпохи бронзы ведущее значение, теряет свою прежнюю роль. Найденный в Очамчирской раннебронзовой стоянке просверленный рог козы для вязания рыболовецких сетей свидетельствует о том, что и в ту отдалённую эпоху, когда в основном, жители Юго–Восточной Абхазии разводили крупный рогатый скот, занимались и козоводством.

В различных пунктах Юго–Восточной Абхазии найдены многочисленные костные остатки домашних животных, а также их изображения. На памятниках колхидско-кобанской культуры (XII–VI вв. до н.э.) имеются множество изображений или скульптурные фигурки собаки, козла, кабана, оленя, быка, птиц, лошади, которая появляется в Закавказье с конца II тысячелетия до н.э.[1].

Скот у абхазов с давних времён являлся самой большой социальной ценностью. Абхазы относились к скоту бережно, как к собственным детям. Считалось недопустимым наносить скотине сознательно вред. Детей приучали с раннего возраста ходить за скотиной, пасти молодняк. Скотоводство у абхазов считалось более престижным занятием, нежели земледелие. По данным Г. А. Дзидзария, наиболее скотоводческими районами Абхазии являлись верховья р. Кодор (Цебельда) и Самурзакань[2].

[1] Инал–Ипа Ш.Д. Абхазы... С.205. См. также: Шамба Г.К., Шамба С.М. Археологические памятники верховья реки Галидзга... С.39–42; Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Главная крепость Апсилии... С. 27.
[2] Дзидзария Г.А. Труды. Т.1... С.148.

Скотоводство обеспечивало население мясомолочной продукцией, а молочные продукты, в частности сыр, издавна входил в рацион питания населения. Лошади и волы использовались в транспортных целях и как тягловая сила на пашне. Шкуры животных использовались в кожевенном ремесле. Крестьянин хотя бы без пары быков и пары буйволов считался просто не хозяином. Наибольшее количество скота сосредотачивалось в руках местных помещиков. Однако своими стадами и табунами лошадей славились, и отдельные крестьяне, например, в с. Атара проживали известные скотохозяева Дахюка, Бидач и Хазарат Куцниа, которые владели тысячными стадами; в с. Джгиарда – скотохозяева Шахан Ашуба, Мурат Амчба и исчезнувшая с 1878 г. фамилия Чегем; в с. Члоу, – состоятельные скотохозяева Кацба Еслым и его сын Кунта[1], в с. Адзюбжа братья Дгуаж и Гуагуа Габниа. В их стадах насчитывалось до 200 и более голов скота. Вплоть до коллективизации, каждое хозяйство горных районов Абхазии в среднем имело до 7–8 дойных коров и несколько десятков коз и овец, а отдельные семьи владели значительным количеством мелкого рогатого скота, с преобладанием коз. В отдельных горных сёлах традиции разведения мелкого рогатого скота сохраняются и в настоящее время. Например, по данным 1970-х годов, в с. Арасадзых число семей имевших до 20–30 коз и овец, составляли соответственно, 14,12 14,97 процента, в приморском же селе Кындыг – 14,61 и 4,67%[2].

Стада круглый год находились на подножном корму. Пастбища были трёх категорий: расположенные в приморской, предгорной и горной зонах. Приморские жители, как правило, осенью и зимой выпасали свой скот в равнинных лесах побережья. К таким обширным пастбищным угодьям в Абжуйской Абхазии относились приустье реки Моква и местность под названием Дван, в прибрежной части современного с. Кындыг[3]. В топонимике

[1] Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов... С.53.
[2] Бигвава В. Л. Современная сельская семья у абхазов. – Тб. 1983. С. 18–19.
[3] Земледелие и скотоводство у абхазов (Материалы к историко-этнографическому атласу Грузии). – Тб. 1986. С.118.

различных пунктов Абжуа зафиксирован старинный термин «ааптра» (ааԥтра)[1], означающий «зимовник», или зимнюю стоянку пастухов мелкого рогатого скота. Так, местность на границе сс. Адзюбжа и Атара носит название «Алыгу Габниа ииаптра» (зимовник Алыгу Габниа); в пос. Допуакыт – «Чанаа рааптра» – зимовник Чанбовых, а также «Аджмааптра» (Аԥьмааԥтра, т.е. «зимовник коз») и Аджмаргуара (Аԥьмаргәара – «загон для коз»); в районе сс. Арасадзых и Гуп – «Цакура Габниа ииаптра», «Мерцхулаа рааптра»; в пос. Хаджымкыт с. Арасадзых – «Мадгу Амчба ииаптра»; в пос. Апста с. Гуп – «Куаташь Гуарамиа ииаптра»; в пос. Ахыуаа с. Кутол – «Кучыч Когониа ииаптра» и т.д.

Зимовники находились большей частью вдали от поселений. Они представляли из себя участки с хорошими кормами, а также питьевой водой. В начале осени участок, выбранный для зимовки огораживали с тем, чтобы преградить туда доступ чужой скотины. Внутри зимовника строили скотный сарай и шалаш для пастухов (с двумя отделениями – в одном пастухи ночевали и готовили молочную продукцию, в другом – хранили молочную утварь и продукцию). С середины декабря стадо перегонялось в зимовник (маломощные же хозяйства крупный рогатый скот держали непосредственно на усадьбе – скотном дворе). Если за зиму зимовник не истощался, то пастухи оставались в зимовнике и весной[2]. Если же зимовник не в состоянии был обеспечить скот кормами, то стадо пасли в местах, где имелись обильные кустарниковые корма (т.н. «аԥдара»). В пастушеском занятии, в том числе и летом в горах, в качестве подпасков принимали участие и подростки 8–10 лет, которые помогали в пастьбе скота. Нередко за ними закрепляли дойных коз[3]. Местом выпаса скота служат так-

[1] Ааԥтра расчленяется на *ааԥ* – от ааԥын «весна» и *тра* «вместилище» (Кварчия В. Е. Животноводческая (пастушеская) лексика в абхазском языке. – Сухуми. 1981. С. 114).
[2] Трудности зимнего содержания скота говорит известная абхазская поговорка: «Наш золотой скот летом кормит жиром, зимой – кровью» (ҳҳьырахә аԥхын ашша ҳҽашәы ҳдырчоит, азын ашьа ҳҽырхуеит).
[3] Чочуа А.М. Избранные сочинения... С.31–32.

же пахотные земли на территории самой усадьбы, куда выгоняют скот до сева и после уборки урожая.

В связи с увеличением поголовья мелкого рогатого скота, а также с нехваткой пастбищ, вблизи основных поселений, простое пастушеское занятие переходит в отгонное, т. е. в скотоводство с сезонным перегоном скота с равнин на высокогорные луга.

До середины XIX в. в Абжуйской Абхазии, остро стоял вопрос о владении горными пастбищами. Если предгорные сёла Бзыбской Абхазии пользовались постоянными горными пастбищами, то в юго-восточной части страны, особенно в верховьях р. Кодор, положение было несколько иным. Проходившие вдоль Кодора наиболее удобные скотопрогонные пути, которые вели к богатейшим альпийским лугам, контролировали воинственные дальские и цебельдинские князья Маршан. Присвоив себе право исключительного владения близлежащими пастбищами, Маршаны распоряжались ими по своему усмотрению[1].

В 30-х гг. XIX в. на почве владения пастбищами горы Мгуашьырхуа (район верхнего правобережья р. Ингур) имел место конфликт между абжуйцами – члоуской общины – и сванами из Верхней Сванетии. После заключения брака князя Дадашкелиани с члоуской княжной Ачба, сваны отказались от притязаний на указанные пастбища в пользу члоуцев[2].

Следует отметить, что скотоводы равнин приморской зоны обычно не практиковали перегон крупного рогатого скота на летние горные пастбища. Практиковать массовый перегон скота из приморской зоны в горы абхазы начали в 80-х годах XIX века[3]. Крупные скотоводы из привилегированных фамилий отправляли на пастбища свои стада первыми и с хорошей охраной. Основная же масса крестьян создавала объединения для совместного выпаса скота – «агуп» и сообща перегоняла скот на пастбище в обусловленные сроки.

[1] Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства и культуры... С.18.
[2] Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства абхазов. Этнографические очерки. – Сухуми. 1962. С. 14.
[3] Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов... С.56.

В первой половине XIX в. «агуп» составлялся из родственников, односельчан. Со второй половины того же века, исходя из экономических интересов, «агуп» начал складываться из пастухов разных абжуйских сёл (например, Джгиарда, Кутол, Атара и т.п.)[1].

Следует при этом отметить что с термином "агуп" старожилы увязывают название с. Гуп, где собирались пастухи из разных абжуйских сел перед отправлением на горные пастбища.

Перегон скота на пастбище являл не только сложную операцию и техническую процедуру. Это был важный момент в социальной организации скотоводческого хозяйства, связанный с наёмом пастухов и подпасков, группировкой и объединением хозяйств для совместной пастьбы скота; разделом продукции (молока, сыра, шерсти), с внутрисемейным разделением труда (кому идти со скотом в горы, кто остаётся в селе); с организацией пастьбы, доением скота. Всё это требовало регламентации.

Перегон стада в горы начинался в начале лета. В период отгона скота на горные пастбища абжуйцы устраивали моление и жертвоприношение покровителю крупного рогатого скота – Жабрану (Жәабран), богу гор – ашьха инцаху (ашьха инцәахә). На альпийских лугах скот пасли почти три месяца – с начала июля по сентябрь включительно. Семья, которая не держала стада не шла в горы, но отправляла дойную корову с соседями. К перегону стада готовились тщательно. Особое внимание обращалось на готовность стад к подъему в горы. По словам старожил с. Атара, до перегона в горы стада 2–3 раза отправляли на морской водопой – обычно, один раз в десять дней. Молодняк-первогодок приучали к длительным переходам. По словам тех же информаторов, однажды, чтобы облегчить подъем стада и спуск его с гор, даже подковали скот. Стада перегоняли с остановками в пути на несколько дней. Утварь и вещи пастухов погружались на лошадей и

[1] Бжания Ц.Н. Скотоводческое хозяйство в Абжуйской Абхазии (Этнографический очерк) // Труды АИЯЛИ. Т.XXVIII. – Сухуми. 1957, С.119.

мулов. Надзор за имуществом поручался одному из пожилых пастухов, а молодежь следила за стадом[1].

Через Кодорское ущелье пролегал основной маршрут на горные пастбища[2]. Этой дорогой пользовалось население обоих берегов реки. Скотоводы левобережья Кодора, отправлялись со своими стадами на высокогорные альпийские луга через Кодор и местность Амзара (Сосновая), что у подножья северного склона Панавского хребта. Все здесь располагало для временной стоянки стад: густой травостой, сравнительно ровный рельеф, родники и хвойный лес.

Напротив Амзары[3], через Кодор, над пропастью между скалами, в самом конце XIX века был перекинут висячий (Багадский) мост на толстых железных проволоках – настолько прочный, что по нему легко было переводить всякую скотину[4]. Обычно скотоводы левобережья Кодора собирались в указанном месте для перехода на правый берег реки. А там, на правом берегу, дорога разветвлялась. Скотоводы с. Адзюбжа,по свидетельству Георгия Амзцба (Муцба), пользовались маршрутом, который пролегал через Лату, Чхалту, Тышь, доходили до Адзгара, где отдыхали 1-2 дня, и затем поднимались на обширные пастбища горы Гуарап. Дорогой, идущей через Лату, Чхалту и Ажара в основном пользовались джгиардцы, чегемцы и часть атарских Куцниа. Маршрутом, пролегавшим через Лату, Чхалту, Адзгара, Марух, приводившим к пастбищам горы Ерцаху, пользовались члоуцы. Традиционные скотопрогонные дороги проходили и по ущелью реки Галидзга[5]. После прибытия на пастбища между пастухами распределялись обязанности (следует отметить также, что абжуйцы еще в 30–40-х годах XX века, как можно судить по фо-

[1] Бжания Ц.Н. Скотоводческое хозяйство в Абжуйской Абхазии (Этнографический очерк)... С. 113.
[2] Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства и культуры... С.30.
[3] По свидетельству старожила Константина Ахуба, местность Амзара принадлежала богатому абхазскому роду Шоуа (Шьоууаа).
[4] ИКОИРГО. Вып.II. Т.IX. – Тифлис. 1896. С.140.
[5] Земледелие и скотоводство у абхазов... С.133–134.

тографиям тех лет, просто ездили в горы – на курорт Адзгара (на ее целебные родники на отдых и лечение).

Горные пастбища бассейна реки Кодор (в частности, его притоков – Чхалта и Сакен), а также пастбища урочищ Соуипсара, Цыгу иашта, Ламкац и др. Абжуйской Абхазии использовались абхазами издревле[1]. Об этом говорят встречающиеся там «ацангуары» – своеобразные каменные ограды, служившие жилищами для пастухов и скотозагонами. Экспедицией АБИГИ, в урочище Ламкац, например, были зафиксированы десятки ацангуар. Вокруг ацангуар раскинуты великолепные пастбища. Количество ацангуар зависело от возможностей ландшафта данной местности и площади её. Как правило, ацангуары расположены в низовьях долин, на более ровных полянах, с обязательным присутствием вблизи леса и родников, а одиночные сооружения расположены на гребнях гор. Исследователи в основном относят их к эпохе средневековья[2].

В Абжуйской Абхазии было распространено наемное пастушество «ачнырра» (в Бзыбской Абхазии термин «ачнырра» малоупотребителен, там наемный пастух называется «ахьча»)[3]. Пастухов нанимали сроком на пять лет. Если хозяин оставался доволен им, то продлевал срок его пребывания на более выгодных условиях и в этом случае сооружал для него жилище. Однако наем-

[1] Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов... С.88–97; Джопуа А.И. Исследования ацангуар в Соуипсара и Цыгу иашта // XLV итоговая научная сессия АБИГИ. Тезисы докладов. – Сухум. 2001. С. 20; его же. Ацангуарские сооружения в урочище Ламкац // Тезисы докладов научной конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения Георгия Алексеевича Дзидзария. – Сухум. 2004. С.32–34.
[2] Амичба Г.А. Абхазия в эпоху раннего средневековья... С. 36.
[3] Абазинам известен термин «ачнырра» как «чырынра» и условия его найма совпадают с абхазским. В Мегрелии, особенно в районах, прилегающих к Юго–Восточной Абхазии, так же знают этот термин как «чинори» (Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства абхазов. Этнографические очерки... С. 91. См. также: Народы Кавказа . Этнографические очерки. II. – М. 1962. С. 405).

ный пастух, получив в собственность небольшое стадо, стремился стать независимым.

Так, у названного выше скотохозяина Шахана Ашуба в течение пяти лет пастушили Шарах Чегия из с. Кутол и Саак Текнеджян из с. Лабра, которые после истечения срока найма возвратились домой с крупными стадами[1].

Отдельные абжуйские скотоводы стремились к улучшению своего скота путём метизации как своей породы, так и чужой.

Например, Ныгу Гадлия из с. Тамыш (конец XIXв.), вместе с односельчанином Лазом Зантария, по свидетельству Куты Зантария, пользовались авторитетом у кн. Григория Чачба за умелое улучшение породы коров и буйволов. По словам информатора, когда к князю приезжали гости из Мегрелии, он с гордостью демонстрировал буйволов–производителей, выведенных Ныгу Гадлия (эти буйволы назывались «аоын»)[2].

Отражением громадной роли животноводства в жизни народа является и весьма богатая скотоводческая лексика абхазов. Например, человек, нашедший что–либо выражал свою радость словами: «Анцәа рахә сыҭ!» («О, боже, дай мне скота!») Если в беседе один раньше выскажет мысль другого, то последний говорит: «Сацхьа рахә уоухьеит!» («Тебе получить скот прежде меня!») и т.д. У пастухов проклятьем считалась фраза «умоурахә нцәааит» – «да сгинет твой скот!» Пастуха со стадом, встреченного в Абжуа принято приветствовать «убзаҳәит» – «хорошей пастьбы (стаду) (у бзыбских абхазов приветствуют иначе: «умшла хьчааит», т.е. «да будет твой день охранен»).

До начала XX в. у абхазов сохранялся своеобразный обычай отпускать в лес сотню голов мелкого рогатого скота из каждой тысячи (зқьы аазаны шәкы абна иларцон). Так, в конце X1X в. члоуский крестьянин Джыдж Цвижба «отпустил в лес» указанную «долю Ажвейпшаа». Однако отпускания стада в лес для пожертвования божеству Ажвейпшаа, не носили массового характера, о чём свидетельствует тот факт, что абжуйцы поимённо помнят людей, которые соблюдали этот обычай.

[1] Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства и культуры... С. 74–75.
[2] Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства абхазов... С. 67.

Вплоть до 20-х – 30-х годов XX столетия в Абхазии процветало скотокрадство. Для розыска пропавшей скотины скотоводы клеймили животных, т.е. на коже последних, в особенности лошадей и буйволов, выжигались железом знаки собственности – тамги (абх. адамыҭ)[1]. Почти у всех фамилий высшего сословия (Ачба, Чачба, Дзапшипа, Маршан, Емхаа, и др.) были заведены свои тамги. Многие абжуйские общины также имели свои знаки клеймения. Например, крестьяне с. Джгиарда пользовались клеймом, напоминавшим серп; крестьяне с. Моква – свою тамгу наносили на морду животного. Этот знак клеймения имел дугообразную форму и назывался «аҷсара»[2].

Как констатировал Г.А. Рыбинский в 1894 году, «главные операции скотокрадства в Сухумском округе, заключались в том, что ворованный скот они (абхазы. – О.М.) переправляют через Главный Кавказский хребет в Карачай Кубанской области, продают его там и приобретают такой же ворованный скот в Карачае, доставляют его тем же путем в Сухумский округ». Со скотокрадством не удается справиться, «несмотря на многолетние усилия со стороны местной администрации. Порок этот разоряет и часто совсем подкашивает силы земледельца, не только абхазца, но и ни в чем не повинных пришлых поселенцев». «Но, даже еще в большей степени, чем абхазцы, проникнуты пороком скотокрадства, – отмечает Г. Рыбинский, – колонисты-мингрельцы. Деревушки мингрельцев превратились в притоны абхазских скотокрадов: мингрельцы воровали, а абхазцы уводили ворованный скот в глубь страны. Администрация оказалась совсем бессильной справиться с такой искусной организацией воровства»[3].

Скотокрадство тяжелым бременем ложилось на плечи абжуйцев. В грузинской газете «Цнобис пурцели» за 1905 г. сообщалось, что Адзюбжская община, состоящая из двух сел – Адзюбжа и Атара, переживает большие трудности со стороны душеразры-

[1] Тамги являлись не только знаками собственности, но и служили печатью рода, т.е. фамильной геральдикой.
[2] Бжания Ц.Н. Скотоводческое хозяйство в Абжуйской Абхазии... С. 127.
[3] Рыбинский Г.А. Сухумский округ. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении...С.2,5,17,18.

вательного бюрократического аппарата. Дело, в частности, в том, что все дороги из Сухума в Самурзакань и Мегрелию проходят через Адзюбжу, и скотокрады разных национальностей, даже те, кто не живет в Адзюбже, украв скот, проходили через общину. А правительство заставляло адзюбжцев платить наличными за украденный скот. Таким образом, Адзюбжское общество за последние двадцать лет заплатило в пользу колонистов наличными 22 тыс. рублей[1]. А на скот, который теряется у самих абхазов, не существует закона. У одной старушки-абхазки в течение девяти лет украли 44 голов скота, но об этом не беспокоилось не только начальство, но и урядник[2].

Для борьбы против кражи домашнего скота в советские годы принимались различные меры. В общинах Река, Бедиа на лиц, уличённых в краже накладывались административные взыскания, в общине Адзюбжа организовывались специальные отряды из сельчан для борьбы с похитителями и укрывателями последних[3].

Абжуйцы во множестве разводили домашнюю птицу: кур, индеек, гусей и уток. «Кодорский и Гумистинский уезды по птицеводству выше других уездов», – писал С. П. Басария в 1923 году[4].

Ещё в XVII–XVIII вв. в Абхазии разводили много свиней. В 1930 г. 145-летний долгожитель Мажагв Адлейба свидетельствовал, что в Члоу «свиней было больше, чем теперь кур… Истребление свиней, по его словам, началось, когда Ахан–ипа с кавалерией прошёл по Абхазии и когда высадился Омер–паша…[5]. С

---

[1] Газ. «Цнобис пурцели». 22 мая 1905 г. (на груз. яз.).
[2] Там же.
[3] Куправа А.Э. Агротехническая и кредитная помощь крестьянству Абхазии в годы восстановительного периода (1921-1925гг.) // Труды АИЯЛИ. Т.XXVIII. – Сухуми. 1957. С. 84.

[4]В прошлом, возможно, птицеводство было мужским занятием, пережитком чего, вероятно, является мнение некоторых старых абхазов о том, что птица, зарезанная женщиной менее вкусна (Акаба Л.Х. Абхазы Очамчирского района // КЭС. Т. 1. – М. 1955 С. 60).
[5] Басария С.П. Избранные сочинения… С. 53–54.

конца XIX – начала XX века, и особенно с установлением советской власти, в Абжуа вновь активно стали разводить свиней, главным образом для продажи[1]. По данным К. Д. Мачавариани, в 1910 году из Очамчиры на пароходах Российского общества пароходства и торговли было вывезено 44 тысячи пудов битых и 6 тысяч пудов живых свиней[2]. Согласно же статистических данных за 1970-е гг. если коровы (в%) в стадах 2187 абхазских семей горных сёл Абжуйской Абхазии (Арасадзых, Отап, Тхина, Члоу, Джгиарда, Гуп и Пакуаш) составляли 99,03%, буйволы – 14,98%, козы – 26,52%, овцы – 6,35%, лошади – 28,17%, пчёлы – 9,09%, то свиньи составляли 98,1%[3].

§ 3. Земледелие

В общественном производстве населения равнинной части Абжуйской Абхазии с древних времён ведущую роль играло земледелие. Здесь возделывались главным образом продовольственные культуры. Из зерновых растили кукурузу, из бобовых – фасоль. О наличии в этом регионе зернового хозяйства свидетельствуют, например, бронзовые фаллические фигурки (найденные у устья р. Кодор и Джантухском могильнике)[4], обломки каменных жерновов ручных мельниц, множество зернотерок (зерна проса были найдены и в верхнем слое грота Хупынипшахуа)[5].

---

[1] По словам абжуйцев на деньги полученные от продажи свиней не принято было покупать продукты питания (хлеб, сахар и т.д.).
[2] Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель… С. 130.
[3] Бигвава В.Л. Современная сельская семья у абхазов… С.18.
[4] Каталог археологических материалов. Музей Грузии. Т.II. – Тб. 1955; Шамба Г.К. Раскопки древних памятников Абхазии. – Сухуми. 1984. С. 78.
[5] Соловьёв Л.Н. Энеолитическое селище у Очамчирского порта… С. 22–39; Барамидзе М.В., Бжания В.В., Квирквелия Г.Т. Раскопки в Адзюбжа… С. 496; Бжания В.В., Бжания Д.С., Когония Л.М., Джопуа А.И. Раскопки Тамышского поселения… С.11; Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Главная крепость Апсилии… С. 55; Амичба Г.А. Абхазия в эпоху раннего средневековья… С. 19–20.

Нельзя согласиться со Страбоном, когда он относительно гениохов пишет, что те, возвращаясь из плавания, живут в глухих лесах, «обрабатывая скудную почву»[1]. Этому противоречит сам факт тяготения абхазских поселений к речным долинам (а почвы долин всех без исключения абхазских рек, как известно, отличаются наибольшим плодородием). Правильнее было бы считать, что предки абхазов «скудно» обрабатывали почву, в том смысле, что брали от земли не столько сколько от нее можно было взять, а только сколько было необходимо для пропитания. К тому же гениохи больше занимались морским разбоем. А вот автор XVIII века Я. Рейнеггс пишет, что край абхазов «очень плодороден», и особенно «горные долины и открытые равнины, орошаемые рекой Кодор»[2]. На мощных наносных почвах поймы Кодора, не требовавших удобрения, сеяли по 20 лет без отдыха. А на одной местности по Кодору, по данным лесничего Фон-Дервиза, запашка производилась беспрерывно в течение более 100 лет[3]. В отдельных местах практиковалось чередование засеваемых площадей. В пос. Чааркыт с. Кутол, при истощении земель на холмистых участках, их оставляли для выпаса скота и переходили к речным долинам, затем через определённое время с низменности возвращались в холмистую зону[4]. Подобная система земледелия предположительно могла иметь значительное место в начале средневековья, когда наличествовали незанятые ещё феодалами свободные земли[5]. В период же позднего средневековья, когда значительных размеров достигла работорговля, население, опасаясь похищения, вынуждено было обрабатывать земли в непосредственной близости от своего жилья, оставляя большие земельные массивы. Кроме того, посевные площади были незначительные в силу того, что основные массивы плодородных земель были покрыты густыми лесами и кустарниками. Населению приходилось

[1] Латышев В.В. Известия древних...Т.1. С. 134.
[2] История Абхазии...С.131.
[3] Фон–Дервиз Н.В. Сухумский округ (Заметки бывшего лесничего)... С.33.
[4] Земледелие и скотоводство у абхазов... С. 8–9.
[5] Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья...С.8.

отвоевывать землю у леса и кустарников[1]. Ранее упомянутая итальянская путешественница Карла Серена в 1881г. изумленно отмечала: «Какой другой край более одарен природой, чем эта абхазская земля, такая плодородная, так прекрасно орошаемая… Жалко смотреть на эти огромные пространства невозделанной земли… Существует, например, поместье площадью более шести миллионов квадратных метров, называемое Холодный Источник (Цкургили), принадлежащее одному из сыновей Али-Бея, где, кроме нескольких полей кукурузы, не видно никаких следов выращивания чего-либо»[2].

Археологические и исторические материалы дают основание полагать, что в древности в Восточном Причерноморье из зерновых выращивали преимущественно просо, хотя в этих краях возделывали и пшеницу[3].

Со второй четверти XIX века, под влиянием возросшего спроса, преобладающей продовольственной (хлебной) и фуражной зерновой культурой по всей Абхазии, становится кукуруза. Первое время в Абжуа, в частности, в низовье Кодора кукурузу называли местным абжуйским названием – апш («апш»), но, по словам старожил, еще до установления советской власти, кукурузу здесь, как и по всей Абхазии, все чаще стали называть аджикуреи (ацьқәреи). В Абжуйской Абхазии в основном сеяли желтую кукурузу – алагаж (алагажә), которая, согласно лабораторным

[1] Для расчистки и расширения посевных площадей, в античный и раннесредневековый периоды, использовались бронзовые и железные топоры колхидского и цебельдинского типов. Более ранние бронзовые топоры колхидского типа, в основном имели боевое назначение, но и они нередко, по-видимому, использовались при расчистке полей. Цалды, топоры, косы, мотыги и другие железные земледельческие орудия, изготавливавшиеся местными кузнецами, используются в XIX–XX вв. Ещё в XIX в. например, кузнецы Хасан Джопуа (с. Члоу), Мекти Ашуба (с. Гуада), Смел Сангулия (с. Джгиарда) и др. изготовляли указанные орудия труда.
[2] Карла Серена Путешествие по Абхазии... С.112.
[3] Чанба Р.К. Земледелие и земельные отношения в дореволюционной Абхазии. – Тб. 1977. С.23.

данным, превосходит белую кукурузу по питательным свойствам и урожайности. Так, в советское время в Абжуйской Абхазии с га опытного участка урожай желтой кукурузы составлял 5,8 т, белой – 4,7 т[1]. Алагаж, видимо, то же самое, что и алажат (алажәаҭ) – садзское название кукурузы[2]. Кукуруза у абхазов называлась также алгаж (алгажә) и алатачача. Названия эти, по всей вероятности, связаны с турецким словом «лазут», происходящим от этнического «лаз», которым турки обозначили египетское зерно, т.е. кукурузу, в связи с усвоением ими этой культуры от лазов[3]. Местность восточнее Скурчинской бухты, где в 1940г. было образовано переселенческое поселение Новые Киндги, абхазы называли Лазстан[4]. Здесь в прошлом, надо полагать, лазы торговали кукурузой, где затем они основали свое поселение.

---

[1] Газ. «Республика Абхазия». 1–2 апреля 1999г.

[2] Инал–Ипа Ш. Д. Садзы. Историко–этнографические очерки. – М. 1995. С. 96.

[3] Джикия С. К происхождению слова «Lazut» // Сообщения АН ГССР. №2. Т.V. 1944. С.227–236; его же. Заметки по поводу «симинди-симидали». Труды Тбилисского госуниверситета им. Сталина // Т.XXX–XXXI – В. 1947. С.437–446 // Материалы по истории Абхазии. 7. Само же слово «мамалыга» – название продукта, готовившегося из сорта проса – ахудз (близкого русской чумизе), впоследствии перешло и на так называемую мамалыгу из кукурузной муки, по абх. абыста – основной хлебный продукт абхазов. Оно заимствовано из румынского – «mamaliga», последнее считается родственным итальянскому «melica» – «просо» (Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. – М. 1971. С.254). Между прочим, в с. Адзюбжа вплоть до 1990-х годов проживала молдавская семья по фамилии Мамалыга.

[4] По Г. А. Амичба название «Лазстан» появляется в Абхазии в период позднего средневековья. Надо полагать также, что в основном все экзотические продукты попадали в Абхазию через Стамбул (Константинополь) – один из основных узлов евразийских связей, оттуда каждый из турецких торговцев вез кукурузу в свой регион обслуживания - Западную, Центральную, Восточную Абхазию. С появлением культуры кукурузы, являвшейся первоначально экзотическим злаком, пищевые продукты из нее

Название кукурузы «аҧш» у абжуйцев весьма созвучно с названием проса «ашы». Ц.Н. Бжания полагает, что до появления в крае кукурузы, здесь широко культивировали разновидность проса «ашы», которая была, затем вытеснена другой чужеземной зерновой культурой[1]. Заметим, что в лексике абхазов присутствуют и другие слова, созвучные слову «аҧш» – «аҧа» (овес), «аҧарч» (мякина кукурузная), «аҧҳә» (чала) и др.

Кукуруза, хотя и трудоемкая культура, однако для населения оказалась наиболее рентабельной в сравнении с другими зерновыми. У нее была значительно выше урожайность, что для малоземельных крестьян чрезвычайно важно.

В Абжуйской Абхазии, в частности, в низовьях Кодора пахотные земли в прошлом находились в наиболее плодородных местностях Аджбна, Баглан, Набешь и др. т. е. в землях, способных производить богатую растительность. Между прочим, в 30-х годах XX века в Набешь сеяли пшеницу[2].

По свидетельству А. Пахомова, в низменной части Драндского округа (с центром в м. Очамчира) для распашки земель пользовались усовершенствованной сохой, заимствованной из Мегрелии. Соха представляла плоско обтёсанную кривулину, коротким своим концом вставлявшуюся в трёхугольную подошву, на которую в местах с тяжёлым грунтом надевался железный конусообразный наконечник. Для большего удобства управления орудием,

---

как лучшие постепенно стали подносить и к святилищам. Видимо, неслучайно абазины называют кукурузу «нартыху» (Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства и культуры...С.145), что букв. означает «доля (пища) нартов», говорящая о том, что кукуруза была высокочтимым продуктом.

[1] Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства и культуры...С. 149.

[2] Отдельные моменты из истории села Адзюбжа...С. 5. Следует также отметить, что в экономической жизни населения вообще бассейна Кодора во все времена особую роль играл местность Баглан. Даже в самые засушливые периоды урожаи здесь обильные. Не зря в народе говорят: «Баҕлан аҵыкәреи ухы иакәхшаны икауршәыр, имарымажаха иуцылоит» (в Баглане швырни зерно в невспаханную землю, оно даст обильный урожай).

в задней стороне его приделывалась стойка с рукояткой, нижним концом укреплённый к подошве, а другим, верхним, привязывалась лыком или виноградной лозой или укреплялась деревянной перекладиной к углу или дуге, образуемой концами кривулины. На длинном конце кривулины, игравшей роль дышла, делались снизу зарубки, которыми дышло прикреплялось с помощью верёвки к ярму. Этот вид пахотного орудия, по словам автора, употреблялся всегда с железным лемехом[1].

А. Пахомов отмечает и другую разновидность этого орудия, которая встречалась в Пицундском округе и отличалась ручкой-стойкой, укреплённой перекладиной. Он писал: «Так как грунт там более лёгкий и рыхлый, то употребление лемеха железного тамошние крестьяне считают излишним». По словам долгожителя Мажагва Адлейба ещё в начале XIX в. вместо теперешних сох были деревянные крючки без железных наконечников, а кроме того, люди пололи самшитовыми тяпками[2].

Согласно Ц.Н. Бжания, в равнинной зоне Абжуйской Абхазии, вдоль речных долин (рр. Тоумыш, Дгамыш), для распашки земли пользовались легкой деревянной сохой с железным лемехом. Ручка сохи приделывалась сверху к дышлу. Такое пахотное орудие называлось ацмата – ацəматəа (букв. «орудие быка»)[3]. На наносных почвах пахарь обходился без резака. Последним пользовались при распашке почвы на холмах. Перед началом пахоты абжуйцы молились божеству плодородия Джадже о ниспослании им хорошего урожая. Во время пахоты, сева, прополки кукурузы, жатвы, сбора урожая было принято оказывать друг другу по-

[1] Цит. по: Инал–Ипа Ш.Д. Абхазы... С.231.
[2] Басария С.П. Избранные сочинения... С.55.
[3] В этнографической литературе уже отмечалось, что пахотное орудие типа сохи – ацəматəа – ацəаҳə, восходит к орудиям распашки земель Передней Азии, т.е. к их шумерскому (урскому) прототипу. «Большое сходство, – как пишет акад. Г. С. Читая, – между пахотными орудиями этрусскими и мегрело–абхазскими лучше всего объясняется их происхождением из общего источника – Передней Азии» (Читая Г.С. К вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий//Сообщения АН ГССР. Т. II. №4. – Тб. 1941. С.375).

мощь. Нормальное проведение пахоты зависело от пахаря и переднего погонщика волов или буйволов. В роли погонщиков, обычно, выступали подростки. Они также помогали во время сева, бороньбы, прополке, при сборе урожая.

В XIX веке в качестве бороны использовали четырёхугольную вязанку из хвороста. Сверху на вязанку клали тяжесть. Бороны с железными зубьями начали появляться с начала XX века, но в крестьянских хозяйствах они были редким исключением. В 1913 году в документах Кодорско-Самурзаканского участка сообщалось, что «железный плуг и деревянная борона с железными зубьями имелась лишь в селе Адзюбжа»[1].

При благополучных погодных условиях в среднем с десятины получали по 10–12 арб кукурузы. Уборку урожая начинали в сентябре–октябре.

Для уборки урожая пользовались серпами (а также, ножами) – сначала кремневыми, потом бронзовыми и, наконец железными. Так, в 1950-х гг. в верхних слоях второго Очамчирского селища были выявлены два бронзовых серпа. На Тамышском поселении эпохи бронзы найдены каменные мотыги, железные серповидные ножи. В 1996 г. в Адзюбжском погребении середины I тыс. до н.э. найдена сохранившаяся часть железного серпа, длиной около 8 см, но судя по ее изгибу можно предположить, что общая длина серпа достигала до 25 см[2]. Два вида древних серпов найдено, например, и в окрестностях исторической Цебельды. Слабый прогиб лезвия серпов, не позволяющий захватывать много колосьев, надо полагать, объясняется тем, что колосья убирались отдельно от соломы. В других хозяйственных операциях подобного характера использовались и кривые ножи с длинной, широко открытой тульей, найденные в Джгиарде[3]. Для помола зерна большей частью пользовались ручными мельницами – алу, которые имелись во многих хозяйствах. Ручная мельница имела важное хозяйст-

[1] Олонецкий А.А. Сельское хозяйство Абхазии перед войной 1914 г.//ТАГМ. Вып.II. – Сухуми. 1957. С. 69; Чанба Р.К. Земледелие и земельные отношения...С.85.
[2] Маан О. В. Находки в селе Адзюбжа...
[3] Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины... С. 57.

венное значение и настолько вошла в быт населения, что нашла соответствующее отражение в устном народном творчестве. Существует также специальная «Песнь жернова», которую исполняли женщины во время работы на ручной мельнице, причём к мельнице обращались как к божеству женского пола по имени Саунау[1].

В 1964 году в районе Скурчи, во время пахоты, тракторист обнаружил явно отшлифованную плиту. С 1965 года она хранится в Госмузее Абхазии. Плита, как считают учёные, является верхним жерновом древнегреческой ручной мельницы[2] (кстати, она близка к находке из Эшерского городища)[3].

Исследователи полагают, что водяные мельницы, под которыми первоначально сооружали плетёные постройки круглой формы с конусообразными крышами, в Колхиде использовались ещё в раннеантичную эпоху[4]. По данным Ш. Д. Инал-Ипа, в Абхазии ещё в начале X1X в. водяных мельниц было мало. Следует при этом отметить, что согласно топонимическим данным, наибольшее количество водяных мельниц в Абхазии в середине X1X в. имелось в бассейне реки Кодор. А еще до первой мировой войны по обе стороны низовьев Кодора существовали четыре водяные мельницы – одна из речек на левобережье Кодора так и носит название Адзлагарадзы, т.е. «Мельничная». Наряду с общесельскими, бытовали родовые или фамильные мельницы, обслуживавшие целую фамилию. Таковыми в недавнем прошлом являлись, например, мельницы, принадлежавшие фамилиям Ходжава и Гварамия в с. Копита (Куапит) Бедийской общины. В советский период в Абжуйской Абхазии появляется значительное количест-

[1] По данным Ц.Н. Бжания, имя покровительницы жерновов и рукомолья «Саунау» известно в Бзыбской Абхазии; в Абжуйской Абхазии известно только слово «асаунара» – в смысле умопомешательства. По-видимому, умопомрачение у древнего человека ассоциировалось с вращением жерновов (Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов… С. 213).
[2] Хотелашвили М.К. Античная ручная мельница из Скурчи…
[3] Гунба М.М. Абхазия в первом тысячелетии н.э. – Сухуми. 1989. С.42.
[4] Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии… С.146.

во водяных мельниц. К 1944 г. общее их число достигло 66 со среднесуточной производительностью муки в 100–150 кг. После завершения Великой Отечественной войны по специальному проекту создавались и электрические мельницы. В 1948 г. электрическая мельница была построена в с. Кындыг[1]. В настоящее время кукурузу мелят обычно на мельницах. Но, нередко пользуются и ручными мельницами, главным образом, в тех случаях, когда срочно требуется небольшое количество муки.

С 80-х годов XIX века намечается некоторая специализация в сельском хозяйстве Абхазии. В Абжуйской Абхазии вырисовывается ярко выраженный промышленно-торговый характер зерноводства – кукуруза в этой части Абхазии становится главной товарной отраслью сельского хозяйства, а в бзыбской части Абхазии, наряду с кукурузой, немалую роль играют виноградарство и табаководство[2]. По данным двадцатилетней давности, в Юго–Восточной Абхазии кукуруза занимала площадь 14,3 тыс. га[3].

Кукуруза и фасоль и сегодня являются важными продовольственными культурами не только для сельского, но и для значительной части городского населения абхазов. Из кукурузной муки варят мамалыгу (абыста), пекут чурек (амгиал), различные деликатесы. Деликатесом является также кукуруза вареная и жареная в початках в стадии молочно-восковой спелости. Зерна кукурузы, кукурузная солома (чала), являются прекрасным сырьем для концентрированных кормов. Этими достоинствами кукурузы объясняется то, что значительная часть большинства приусадебных участков абжуйцев (от одного га – более половины земельного фонда хозяйств) отводится под кукурузу.

[1] Акаба Л. Х. Абхазы Очамчирского района…С.54.
[2] Земледелие и скотоводство у абхазов…С.80.
[3] Ещё в 1923 г. С.П. Басария писал: «Урожайность (кукурузы – О.М.) в разных уездах Абхазии неодинакова: выше всех стоит Гумистинский уезд с преобладающей чернозёмной почвой, затем Самурзаканский, потом Кодорский, наконец, Гудаутский и Гагринский» (Басария С.П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Пособие для 8–9 классов… С.123).

Виноградарство. Абхазия является одним из очагов формирования культурного винограда Западного Закавказья[1]. Абжуйская Абхазия же была одной из ведущих очагов виноградарства Абхазии. Прямым свидетельством культивирования виноградарства на рассматриваемой территории, в частности, исторической Цебельде, является находка косточек винограда местного сорта «качич» в культурном слое III – IV вв. римской крепости Себастополис, находившейся в границах Апсилии[2].

О широком распространении виноделия в Юго–Восточной Абхазии свидетельствует, например, выявленное внутри крепостного сооружения Цибилиум прямоугольное винохранилище VI в. н.э. Его деревянное перекрытие, «державшееся на массивных брёвнах, было залито сверху двадцатисантиметровым слоем раствора – затёртой до блеска водонепроницаемой цемянкой, обеспечивавшей постоянную прохладу в помещении». Там же, найдено около 20 врытых в землю пифосов местного производства[3].

В различных пунктах Абжуа (например, в сс. Арасадзых, Гуп, Куачара, Кутол, Тамыш и др.) зафиксирован древний термин «ақәаца» – для обозначения виноградника и вообще фруктового сада[4]. При этом, наибольшее количество топонимов Абжуа, связанных с виноградством, выявлено в с. Адзюбжа (Авидзибжара). Так, на территории этого села, местность на правобережье реки Нартоу, вблизи железной дороги, носит название «Зғьыта иқәаца», т. е. «Виноградник Згыда»; в пос. Джобриа – «Пыр иқәаца» – Виноградник Пыра; в Баглане – «Ақәаца»; на границе Кудрахыку и Агдарры – «Мамышь иқәаца» – Виноградник Мамышьа»; между рекой Кодор и Ахыуаа – «Хабыгә иқәаца» – «Виноградник Хабуга»; на территории поселения рода Чанба – «Ҷанаа рқәаца» – «Виноградник рода Чанба»; между Агдарра и Допуакытом «Азахәатра» – «Виноградник»; на правобережье Кодора (Аджбна) – «Гудзбе Хьециа иқәаца» – «Виноградник Гудзбе Хеция»[1] и др.

В газете «Кавказ» (1852 г.), в статье «О виноградниках и виноделии в Абхазии». С. Пушкарев сообщал, что «виноградные лозы роскошно произрастают на всем берегу Абхазии», что, в частности, «многочисленнейшие» насаждения их имелись в окрестностях Бамбор, города Сухум, Дранда, Кодора, причем здешнее вино, по словам цитированного автора «если не превосходит качеством крымские вина, то нисколько не уступает им»[2].

Согласно этнографическим материалам, древними районами возделывания винограда в Абжуйской Абхазии являются сс. Атара (вместе с Адзюбжей), Члоу (вместе с Моквой), Пакуаш, Бедиа, Джгиарда. Название последнего села – Джгиарда (по абхазски Цьгьарда или Ажьгарта – Жьгарта), в народе увязывается с виноградарством; «ажьгарта» досл. «место, откуда берут виноград»[3].

В одном только с. Адзюбжа, в конце XIX или начале XX века, по словам старожилов, имелось до 15–20 тысяч лоз местных сортов винограда и до 10 тысяч культурного. Местные сорта винограда – «ахардан», «апсуажь» – в самом конце XIX века заменяются более урожайным сортом «Изабелла» или, как его еще называют, «Одесса»[4]. Урожайность с одной лозы составляла 5 корзин, (каждая вмещала до 16-20 кг винограда). Выход вина с одной лозы в среднем составлял 8-10 ведер. А отдельные лозы

---

[1] Вавилов Н.И. Избранные труды. Т. IV. – М.–Л. 1964. Цит. по: Чамагуа Е.И. Виноградарство в Абхазии. – Сухуми. 1974. С.3.
[2] Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины… С. 57.
[3] Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Главная крепость Апсилии… С. 37–38.
[4] Словарь абхазского языка. Т.1… С.359.

[1] Записано со слов Леварсана Кация весной 1995г. в с. Адзюбжа.
[2] Цит. по: Инал–Ипа Ш.Д. Абхазы… С.249.
[3] По сообщению старожил, некогда в этой местности обильно произрастал виноград, что люди не знали куда его девать. Сюда со всех окрестных сёл приходили для сбора винограда. Они же назвали это место «ажьгарта»; Ажьгарта – Жьгарта – Цьгьарда в последствии и закрепилось за селом.
[4] Этот сорт винограда, а также и некоторые другие местные сорта винограда из Абжуйской Абхазии вытеснили неизвестные здесь ранее грибные заболевания, особенно «филлоксера». При этом, «филлоксера», свирепствовавшая в Кодорско-Самурзаканском участке, в первом десятилетии XX века, перебросилась и в Бзыбскую Абхазию (Земледелие и скотоводство у абхазов… С.95.)

приносили до 30 пудов винограда. При этом, по словам старожил, виноградники, подобные адзюбжскому, в Абжуйской Абхазии имелись только в с. Джал, а в сравнении с самым винодельческим районом Бзыбской Абхазии – Ачандарой, в поселении Наа.

В работе «Черкесы и абхазцы» говорится: «Богатая, производительная сила природы дает средство расти винограду в большом изобилии и почти без всякого ухода. Абхазец пускает свои виноградные лозы на большие деревья, и, в таком виде они, сами собою, достигают до гигантских размеров»[1].

Ольховые или тутовые деревья сажали около своих усадеб и по ним пускали виноградную лозу (Изабеллу). Сажали эти деревья «правильными рядами, как груши или персики в хорошем саду»[2].

Обычно разреживали ольховник или тутовник и пускали по деревьям лозу. Раннее опадание листвы у этих деревьев давало прекрасную возможность хорошо дозревать винограду, аккумулировать солнечную энергию в ягодах, сахаристость которого, по сообщениям абжуйцев, достигала в отдельные годы до 25%. Здоровая виноградная лоза сохраняется 120–150 лет. Ольховое дерево за 70–80 лет дряхлеет. Поэтому рядом с ольхой, возраст которой более 50 лет, сажали молодое деревце, на которое со временем хозяин перемещал лозу. В настоящее время в нескольких хозяйствах фамилии Квициния в пос. Набжоу с. Атара сохранились тутовые деревья, возраст которых 150–200 лет, по ним и сегодня вьется лоза.

По свидетельству информаторов, кодорский виноград на корню скупался отдельными состоятельными лицами. Так, житель с. Ткуарчал, зажиточный крестьянин Екуп Тарба скупал кодорский виноград для ароматизации своего вина.

Виноделие считалось целиком мужским занятием. Виноград собирали, обычно, в сентябре-октябре, а то и гораздо позже, в ноябре, иногда даже в декабре. По сообщению старожил, наилучшие вина получались от винограда, собранного с наступлением холодов, уже после выпадения первого снега. По свидетельству С. Т. Званба, уборка винограда в периоды хорошего урожая затягивалась вплоть до нового года[1].

[1] Народы России // Черкесы и абхазцы. – Санкт-Петербург. 1879 // Материалы по истории Абхазии. 4. С.113.
[2] Черноморский селянин. №15. 1-го августа 1912 г. С.226.

Вместе с тем, прежде, время сбора зависело от сортов которых в Абхазии было гораздо больше, чем сейчас. Некоторые сорта созревали очень рано, другие – в конце осени. Около века назад К. Д. Мачавариани описал «чудо», увиденное в с. Бедиа: «Виноградная лоза, покрывавшая старинную каменную церковь, цвела в феврале или в марте, а в конце апреля или в начале мая уже давала совершенно зрелые плоды. Замечательны ещё эти плоды и тем, что они никогда не осыпаются на землю и не гниют»[2].

Виноград с дерева, как правило, собирали по два сборщика. Собирать урожай с одного дерева нередко им приходилось в течение целого дня.

В тех же хозяйствах, где имелось 2-3 га высокоствольных виноградников, практиковали взаимопомощь (ауааҳə) или же на определённых условиях нанимали работников из Самурзакани и Мегрелии. Так, например, в с. Атара существовал порядок, по которому весь собранный виноград делился на три доли, из которых две доли брал хозяин, одну – работники.

В середине XIX века, с началом промышленного виноделия, начинают появляться и первые «винные заводы». В 60-70-х годах XIX века абжуйский помещик Г. Чачба организовал небольшой винзавод, куда адзюбжские и атарские крестьяне доставляли излишки винограда. Управляющим на заводе работал некий Микава – житель Мегрелии. Вино этого завода вывозилось морским путем в Анаклию и Поти[3]. Вино продавалось и на внутреннем рынке, в частности, поставлялось в Драндский монастырь. Исследование местных стародавних сортов винограда, выращиваемых в «сёлах Адзюбжа, Атара, Гуп, а также в ряде сёл Сухумского района» (Бабышьира, Гульрыпш, Эшера), произведенное известным грузинским винопромышленником Д. Сараджевым, показали, что

[1] Инал–Ипа Ш.Д. Абхазы…С.252–253.
[2] Цит. по: Бигуаа С. Абхазское виноделие. //Журн. «Эхо Кавказа». 1. – М. 1992. С. 48.
[3] Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства и культуры…С.201–202.

многие из них, например, Атыркуажь, Изабелла, Ажьапшь являются прекрасным сырьем для производства виноградных соков[1].

Вино хранили исключительно в глиняных кувшинах (амфорах), которые целиком зарывались в землю. Абжуйцы с осени в винном погребе тщательно мыли кувшины горячей водой и наполняли их молодым вином. Кувшины накрывали виноградными листьями, а после брожения вина – корой дикой вишни и засыпали землей слоем в 10 см[2].

Винохранилища чаще содержались в специальном винном сарае аҧцара[3]. Внутри такого строения находился весь винодельческий инвентарь: давильни (аиаҳәа), бочки (ауалыр), кувшины большой ёмкости (аҳаԥшьа), кувшины малой ёмкости (аирыз), различные черпаки, плетёнки, кожаные мешки (акурпа) и др. В наше время абжуйцы вино хранят главным образом в дубовых бочках, в кувшинах же хранят кукурузу, фрукты, соленья.

Согласно имеющимся данным, винные бочки появляются в Абхазии в середине XIX в. По указанию автора статьи о виноградарстве и виноделии в Абхазии С.Н. Тимофеева, в Бзыбской Абхазии бочки появились лишь во второй половине 70-х годов

[1] Бгажба М.Т. Растительные ресурсы Абхазии и их использование... С.282.

[2] Чочуа А.М. Избранные сочинения... С.20.

[3] В работе С.И. Бахиа «Абхазская «абипара» – патронимия» (ТБ.1986. С.16,22) отмечается, что «в отличие от абхазов из Абжуа и Самурзакано, у бзыбских абхазов для хранения вина особого помещения не имелось». Однако этот факт не соответствует действительности. Согласно нашим материалам, почти в каждом селе Бзыбской Абхазии минимум в 5-6 хозяйствах имелось специальное винное помещение – аҧцара. Его наличие подтверждается хотя бы тем фактом, что Бзыбская Абхазия считается (или считалась, во всяком случае до середины XIX в.) наиболее винодельческим районом Абхазии. Нельзя не вспомнить в этой связи, например, и статуэтку «винопийцы» из с. Бамбора, близ Гудауты, относящуюся к эпохе раннего железного века. Она представляет собой нагого мужчину, восседающего в своеобразном кресле и пьющего вино из большого рога, держа его обеими руками (Лукин А.Л. Археология Бзыбской Абхазии // Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Т.1. – Л. 1941. С. 64).

XIX века. В Юго-Восточной Абхазии ещё раньше пользовались бочками, а для перевозок вина винными курдюками «акури»[1]. Тот же автор отмечал, что сначала бочки изготовлялись в России и доставлялись в Абхазию, но затем научились их выделывать на месте в Абхазии. Он же называет цены на бочки: 50 вёдерная стоила 15–16 рублей, 20 вёдерная – 8 рублей[2].

Без винопития (конечно, имеется в виду в меру), не устраивались религиозно-культовые действа, поминки по усопшим или свадебные торжества, без вина не мыслился и прием гостей[3]. Отсутствие запаса вина в доме могло поставить хозяина в неловкое положение перед гостем. И сегодня сельчане заботятся об урожае винограда. Когда поднимают тост за хозяина дома, желают, чтобы в его амбаре постоянно была кукуруза, а винный погреб никогда не пустел. Для молений в честь определенных божеств (покровительствовавших здоровью членов семьи) во многих крестьянских хозяйствах Абжуйской Абхазии заблаговременно зарывали в землю специальные глиняные кувшины (которые с осени наполняли вином). Все мужчины и мальчики в соответствии с возрастом имели по одному такому кувшину[4]. Еще не так давно почти каждый крестьянин зарывал специальный кувшин с вином, предназначенным для отправления ежегодного моления в честь Илорского святилища (Елыр-ныха). Старожилы рассказывают о том, что абжуйцы-махаджиры, которым посчастливилось возвратиться на родину, находили в своих старых усадьбах зарытые ими когда-то в землю винные кувшины с вином.

§ 4. Домашние ремесла

Важное место в хозяйстве абхазов в XIX–начале XX веков занимали домашние ремёсла. Естественно, наибольшее развитие

[1] Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов... С. 208.

[2] Там же.

[3] См.: Инал–Ипа Ш.Д. Очерки об абхазском этикете. – Сухуми. 1984. С. 124.

[4] Чочуа А.М. Избранные сочинения... С. 20.

получили те из них, которые были связаны с подручной сырьевой базой.

В работу по хозяйству были включены и дети 10-12 лет, преимущественно же в домашних промыслах использовался женский труд. Женщины ткали, шили одежду, обувь, головные уборы для всех членов семьи. Покупалось лишь то, что было недоступно сделать самим. Разумеется, для того, чтобы женщина смогла одеть и обуть семью, ее необходимо было обеспечить шерстью, кожей. Однако не всегда это удавалось. Сырьевой базой для ткацкого ремесла служили овечья шерсть, льняное волокно, конопляное волокно-пенька, хлопок, а также продукция шелководства.

Изготовление сукна (шерсти), по словам уроженки с. Пакуаш Норы Чанба (1932 г.р.), начинали с подготовки шерсти, войлока (акәмзцәа). На изготовление одной бурки уходила шерсть с 3–4 овец. Сначала шерсть мыли в реке на специальной доске. Дома мокрую шерсть валяли, а затем сушили. На третий день свалявшуюся шерсть прочесывали на специальном гребне – металлические зубья, насаженные на деревянную подставку (ахәыц алхга).

Абхазы почитали божество ткацкого ремесла – Ерыш. Пряжу пряли на деревянном ткацком станке–асыга (такой станок сохранился, например, у цитированной выше Н. Чанба). Станок – это собственно горизонтально установленная на полу деревянная рама, на которой укреплялись стойки, высотою до метра. На последних устанавливались основа и уток.

Кроме асыга, орудиями ткачества и прядения являлись также адырды (веретено с пряслицем); апшыца (ремиз), адаца (бердо), амарқәа, амарса (ткацкий челнок), алыра (навой). Шерсть пряли вручную. Волокно вытягивалось и накручивалось на веретено. Каменные, костяные и глиняные пряслицы от веретен, относящиеся к различным историческим эпохам, обнаружены во многих местах Абхазии. Так, летом 1998 года в с. Адзюбжа найдено каменное пряслице округлой формы с коническим сверленым отверстием, что указывает на обработку шерсти в регионе ещё за несколько веков до н.э. В цебельдинских захоронениях VI в н.э. пряслицы являлись обычным элементом женского погребального инвентаря. В одном или нескольких экземплярах, пряслицы находились либо на груди умершей, либо в заполнении больших сосудов рядом. Судя по этим находкам, у апсилов широко бытовало мнение, что, помимо домашних и полевых работ, на том свете, как и здесь, их женщинам придётся много трудиться над изготовлением ниток[1]. Как видно, ткачество имело в Юго-Восточной Абхазии давние традиции, а местное население продолжало заниматься этим ремеслом вплоть до начала XX века. После тканья сукно стирали в теплой воде, затем валяли ногами, после чего снова опускали в воду, но теперь горячую и на какое-то время, затем доставали ее снова, пока она не принимала желаемой плотности. Еще раз полоскали в холодной воде и опять уваливали. Напоследок ткань кипятили и затем полоскали в холодной воде.

С давних времён в Абжуйской Абхазии из сукна изготовляли бурки. По свидетельству Ц. Н. Бжания, своим бурочным производством в XIX в. особенно славились сс. Атара, Джгиарда, Члоу. Хорошие бурки ценились дорого. Про некоторых мастериц говорили, что они умели готовить бурки, равноценные «скаковой лошади» (еык иапсоу ауапа)[2].

В каждом поселении имелся мастер по обработке кожи "аҟаза" и по пошиву "азахӧы" , или "аҭеиразы', который за свою работу получал половину сырья или по договору с ним расплачивались деньгами. Сначала кожу держали в сыворотке "ахаз", затем мяли в кожемялке и, наконец, окрашивали в черный цвет. Краской служил минерал "ақырдуаг" черного цвета. Краситель добывали на недоступных склонах гор (кстати, в Абхазии известны две горы под аналогичным названием "Ақырдуаг" – одна в Очамчирском, другая в Гульрипшском районах), тем, что, кусочки этого минерала, абхазы отбивали стрелами и пулями.

Население также пряло льняные нитки для шитья и изготовления холста для белья. Ткали холст, как и бязь. Процедура отбеливания холста была очень проста: готовый холст выдерживали в свежем коровьем навозе, затем расстилали на траве, на солнце,

---

[1] Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Главная крепость Апсилии… С. 55–56.

[2] Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов…С. 119–120.

затем выполаскивали тщательно в реке. В конце концов, холст из серого становился белым[1]. Как уже отмечалось, льняное полотно являлось предметом экспорта из Абхазии.

Из льняных и шелковых ниток ткали сетчатые очкуры (ахəмцьар) на специальном станочке – акада. Кроме того, по словам Ф. Эшба, льняные семена продавались в «Очемчирах за хорошую цену». Говоря, что портняжным ремеслом местные мужчины не занимаются вовсе, Ф. Эшба писал, что в «Очемчирах портные были все пришлые». «Шитьём для дома занимаются женщины. Кроме того, они вышивают обувь из сафьяна шёлком и золотом, вяжут чулки, шарфы и др.»[2].

По словам того же автора, шорный промысел в Очамчире состоял в изготовлении абхазских седел. Были известны мастера по изготовлению седел Гиаргуал Жениа и Алиша Кишмариа. Седла абжуйцы привозили и из Зугдиди[3]. Примерно со второй четверти XIX в. их чаще заказывали мегрелам–мастерам шорного дела, поселявшимся в Абхазии.

С древних времен в Абжуйской Абхазии были развиты деревообрабатывающие промыслы. Сообщаемый Ф. Эшба факт о том, что в сс. «Илори и Беслахуба» всегда найдётся человек пять, которые с помощью топора, долота и пилы изготавливают простые столы, кровати, табуреты для домашнего обихода, в Абхазии в XIX веке было явлением повсеместным[4].

Еще в начале XIX века жилища и хозяйственные постройки, многие орудия труда и различные инструменты, мебель, домашняя утварь, детские игрушки изготавливались из древесины. Местные мастера хорошо знали физико-механические свойства породы и соответственно использовали их. Так, стойкая и прочная древесина дуба шла на изделия, которые должны были обладать повышенной прочностью: например, винные бочки, деревянные

[1] Эшба Ф. Местечко Очемчиры, селения Илори и Беслахубы // СМОМПК. Вып.II. – Тифлис. 1891. С. 262–263.
[2] Там же.
[3] Амичба Г. А. Некоторые вопросы коневодства и верховой езды у абхазов // Современное абхазское село. – Тб. 1967. С. 194.
[4] Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке... С.65.

лопаты для размешивания мамалыги (амҳабыста), дранку (акауар), столбы, колышки основы для плетеных корзин. Из тиса делали шкафы, столы, стулья, кровати, доски для спальных лавок и лавки, ставили тисовые столбы для коновязи, умельцы изготавливали нарды, в основном для знати[1].

Широко использовалась древесина таких пород как клен, ольха, шелковица, орех, рододендрон, лапина. Из клена изготовляли смычковый музыкальный инструмент – апхьарца, дранку, топорища, деревянные лопаты для размешивания мамалыги. Ольха шла на изготовление предметов мебели, ульев, низких обеденных столиков на трех ножках (аишəа), а отвар коры ольхи использовали как краситель. Из бука делали топорища, стулья, шкафы, оси для колес арбы. Из шелковицы выстругали колышки для плетеных стенок-бортов арбы, делали крючки для вешалок, седла, столбы, колья для изгородей, бочонки, древки стрел.Из досок шелковицы строили лестницы, листьями шелковицы вскармливали шелковичных червей.

Древесина грецкого ореха (ара) шла на изготовление дверей, окон, жилых строений, мебели. Из ореха же обыкновенного – фундука (араса) – делали рукоятки мотыг, цалд, косы, топорища, из прутьев – плели корзины для кукурузы, винограда и пр. Во время различных обрядовых молений сердце, печень и легкие жертвенного животного нанизывали на ореховую палку[2].

Из кизила (абгызыр) изготовлялись посохи, плети, рукоятки молотков, шомпола; древесину лапины употребляли в постройках на стропила; из прутьев рододендрона (ахəажə) плели корзины

[1] По другим сведениям, тис, хотя и почитался у абхазов с давних времен, считался проклятым деревом и из него делали только опорные столбы – ашьаҟа; в тисовый лес не пускали скот, поскольку хвоя и побеги тиса содержат алкалоиды, вызывающие отравление, иногда со смертельным исходом у лошадей и ослов; ягоды же тиса применяли для абортирования женщин и скота.
[2] Древесина ореха высоко ценилась – служила предметом экспорта. В прошлом грецкий орех вырубался нещадно. Так, была уничтожена, например, известная в народе ореховая роща Бабышьира – по-абхазски, букв. «ореховое дерево Бабышьа» (отсюда название местности в нижнем течений р. Кодор).

для хранения сыра, мамалыги, копченостей; корзины для ловли рыбы; стены пацхи, подсобно-хозяйственных построек, изгороди, волокуши (ачалт), ограды для загона скота и тому подобное.

Весьма высоко ценилась древесина самшита из-за исключительной прочности. Из него делали ложки, винные бокалы, деревянные молоточки для выхолащивания козлят и ягнят, челноки – ткацкие и швейные, деревянные части рубанка, ремезки. Из листьев самшита делали матрацы для детей, поскольку листья самшита, обладая фитоцидными свойствами, поглощали из воздуха вредные вещества. По мнению Л. Н. Соловьева, наконечники копий и ножи древнейших людей изготовлялись из самшита и привязывались к древку. Самшит по-абхазски ашыц, где «аш» – белый, «ац» – зуб, клык. Следовательно, это дерево могло получить название по-своему применению ашыц – «белый зубец», «белый наконечник», который усиливал действие примитивнейшего копья – заостренной палки[1].

В Абжуйской Абхазии (Очамчира, Тамыш, Скурча и т.д.) было развито судостроение – строительство преимущественно небольших лодок, которые выдалбливались из цельного ствола дерева. Они были плоскодонными и длинными (в 6–7м). Мелкие суда вмещали обычно до 5, а более крупные – до 20 и более человек.

Давние традиции среди местного населения имела обработка металла. На Кодоре и Галидзге найдены следы плавки железных руд. Руда, по всей вероятности, добывалась на месте. В то же время, и импорт железа занимал, по-видимому, большое место в торговле абхазов, о чем свидетельствуют литературные источники.

В «Подробном описании Абхазии» читаем, что «ружья, кинжалы и сабли делаются абхазами во многих местах»[2]. Находки на территории Абжуйской Абхазии бронзовых и железных изделий

---

[1] Соловьев Л. Н. Первобытное общество на территории Абхазии. Природа и человек нижнего и среднего палеолита Абхазии. – Сухуми. 1971. С.73.

[2] Подробное описание Абхазии, составленное из лучших известий об Абхазии в 1834 году... Л.14.

и оружия подтверждают развитие здесь кузнечного ремесла. Так, в 1960-е годы напротив Очамчирской чайной фабрики, во время сельскохозяйственных работ, были найдены клад топоров и другие бронзовые предметы, что, несомненно, указывает на существование в этом месте мастерских по обработке металла. Следы кузницы, а также бронзовые наконечники копий, меч и кинжал обнаружены, например, и на территории с. Кутол (указанные предметы экспонированы в Абгосмузее). В прошлом же в каждой абхазской общине были кузнецы, которые удовлетворяли потребности своих односельчан в металлических изделиях. На рубеже XIX–XX вв. почти на всю Абжуйскую Абхазию был известен, благодаря своему мастерству по обработке железа, мастер кузнечного дела Даут Бабал–ипа (Чхамалия) из с. Гуп. В с. Члоу пользовались известностью опытные ковачи Самсон Абаа–ипа (Барандзия) и Хасан Джапуа (погиб в русско–турецкой войне 1877–1878 гг.). В с. Ткуарчал жил известный в своё время оружейник Сулейман Аршба, который в своём изобретательстве дошёл до создания пятизарядного ружья[1]. В с. Адзюбжа в начале XX века славился кузнец и оружейник Осман Камкия (Асадзуа). Он ковал кинжалы, сабли, курки, приклады, безотказно действовавшие пистолеты – «апсуа тапанча»[2]. Кузнецу за работу платили натурой: конем, овцой, медом, медвежьей шкурой. Кузнец обязан был своему околотку даром изготовлять орудия и инструменты (он для населения делал подковы для буйволов, гвозди к ним, легкие топоры, молотки, ножи и пр.); сырье же – железо, сталь и уголь доставляло кузнецу само население, были у него подмастерья, которые ему помогали. В свою очередь каждый двор должен был в пользу кузнеца отработать несколько дней в году. Односельчане помогали ему во время вспашки, мотыжения и сбора кукурузы и винограда по одному дню. Это обязательно

---

[1] Дзидзария Г. А. Домашняя промышленность и ремесло в Абхазии в XIX в. (До крестьянской реформы 1870г.) // Труды АБИЯЛИ. Т. XXIX. – Сухуми. 1958. С. 118.

[2] Пачулиа В.П. Здесь помнят Дмитрия Гулиа...С.11–12.

было для каждого селянина, независимо от того, изготовил ли ему в данном году кузнец что-либо или нет[1].

К хорошим кузнецам шли на обучение молодые люди (те, «которых облюбовала кузница»), решившие стать кузнецами.

Посвящение мальчика кузне в Абжуйской Абхазии происходило следующим образом: нагретым железом у мальчика на голове выжигали волосы – мусульмане в одну полоску, а христиане – в две накрест.

Ученичество (амацацара) обычно продолжалось три года. Но ученики могли обучаться в течение большего или меньшего срока в зависимости от их способностей. Например, в с. Арасадзых подростка Харазия, посвященного кузне, 7 лет обучали кузнечному ремеслу у кузнеца Карба в с. Отап[2]. Учитывая способности ученика и его усердие, кузнец мог разрешить ему открывать свою кузницу, но такое случалось очень редко[3]. За обучение кузнечному ремеслу платили по-разному: кто обучался изготовлению оружия, тот платил 8 коров и 8 руб. наличными; кто обучался изготовлению только курков и прикладов, тот платил 5 коров и 5 руб. и т.д.

При этом первую половину платы ученик давал при поступлении, а вторую – по окончании учения.

Основными орудиями кузнечного производства были: наковальня (аҧсыҥгьры), молот (ажьаҳәа), щипцы или клещи (арытәа), а также мехи (аҕа). Этими предметами награждал кузнец ученика по завершении обучения.

Ярким показателем огромного значения кузнечного производства является высоко чтившийся всем населением Абжуа культ кузни и железа в лице божества Шашвы. В Новый год отправлялся обряд «моление кузни», который справлялся даже теми семьями, которые сами никогда не занимались кузнечным делом.

Абжуйская Абхазия славилась и мастерами по чеканке серебряных и золотых изделий. Так, в начале XIX в. известны мастера

[1] Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии... С.75.
[2] Маан О. В. Социализация личности в традиционно–бытовой культуре абхазов... С. 93–94.
[3] Чочуа А.М. Избранные сочинения...С.22.

серебряных и золотых дел: Хындуг Ануа (с. Тамыш), Коблух Тарба (с. Моква), Кобан Цвижба (с. Члоу): позднее – Камшыш Кварчия (с. Гуада), Цим Цвижба (с. Члоу) и др. Они украшали резьбой серебряные, нередко позолоченные наборы кавказских поясов и седел. Чеканили из золота и серебра кольца, в частности и обручальные; делали серьги, медальоны, цепочки, ожерелья и др. украшения. Оправляли золотом и серебром ложи, приклады, а иногда и дула кремневых ружей и пистолетов: ручки и ножны кинжалов и шашек, роги для питья вина, газыри, табачницы, пороховницы и множество других предметов[1].

В быту абхазов особое место занимала обработка камня. Основным видом этого ремесла было производство жерновов (алу). Они изготовлялись из глыб мелкозернистого известняка. Работа трудоёмкая, требовала определённых навыков. Мастеру – жерносеку необходимо было иметь как каменосечные, так и кузнечные инструменты. Б.А. Рыбаков считал, что по своей технике и сложности производственного процесса, жерносечество было близко к городскому ремеслу[2].

Известными мастерами по изготовлению жерновов в XIX и в первой половине XX в. в Абжуйской Абхазии слыли Темыр Лагулаа и Албед Ашуба (с. Арасадзых), Дзыхуа и Ебырхам Пилия (с. Джгиарда) и др. В настоящее время здесь пользуется популярностью мастер по изготовлению жерновов Мама Шинкуба из с. Тхина[3], а так же известны мастера из с. Члоу: Виталий Чолокуа, Дарсман Алтейба, Сатбей Шинелия.

В Абжуйской Абхазии имелись специальные мастерские по изготовлению керамических изделий. Тому свидетельствует значительное количество обломков керамических сосудов, выявленных на Тамышском поселении эпохи бронзы. Изделия изготавливались как на гончарном круге, так и от руки. Керамика хорошего обжига, встречается и лощёная. Композиции орнамента рельеф-

[1] Аджинджал И.А. Из этнографии Абхазии... С.485–486.
[2] См.: Дзидзария Г.А. Народное хозяйство и социальные отношения... С. 64.
[3] Аргун Ю.Г. Этнология абхазов. Учебное пособие. – Сухум. 2003. С. 93 (на абх. яз.).

ные, тиснёные. Особую группу составляют глиняные очажные подставки, снабжённые скульптурными навершиями в виде бараньих и собачьих головок и др.

Крупным центром ремесленного производства являлся античный город Гюэнос, о чём свидетельствуют многочисленные обломки амфор, кувшинов, блюд, чаш и других изделий местного производства. Сама Очамчира еще в XIX в. являлась главным поставщиком глиняных изделий населению Абхазии. При этом, название Очамчира (Ачамчыра), по одной из версий, происходит от абхазского слова Аджампчыра (Аԥьампԥеыра), что значит, "место гончарного производства"[1]. Во время реставрационных работ Драндского собора были выявлены большая группа амфор VI века[2], различные керамические изделия и другие предметы, главным образом, для винодельческого хозяйства на территории пос. Наа, а также Атары–Абхазской (глинища эти, как полагают, начинают использоваться в IV – III вв. до н.э.) на существовавшем здесь специальном поселении гончаров[3]. Аналогичные гончарные мастерские, по мнению М.К. Хотелашвили, располагались в с. Адзюбжа на обоих берегах реки Нартоу, где в глиняных шлаках ею были обнаружены бракованные куски и обломки пережженных изделий – кувшинов. Уже указывалось, что на геологической

[1] Кварчия В.Е. Историческая и современная топонимия Абхазии… С. 113. Согласно же давно утвердившемуся в абхазоведении мнению, топоним Очамчира происходит от турецкого слова "Чамчир" – "пальма (самшит) Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель… С. 288.)

[2] Хотелашвили М.К., Якобсон Л.А. Византийский храм в с. Дранда… С. 192–200.

[3] Гунба М.М. Атарские гончарные печи. – Тб. 1985. С. 46, 52–54; Воронов Ю.Н. Диоскуриада – Себастополис – Цхум… С. 47. Самым крупным среди выявленных абхазских пифосов считается уникальный раннесредневековый сосуд яйцеобразной формы, из раскопа на территории с. Пакуаш, внутри древнего крепостного сооружения. Высота кувшина 151 см, диаметр тулова – 98, горла – 37 см, что позволяло вмещать более 200 литров вина. Подобные сосуды служили также для хранения зерна, сушеных фруктов и других продуктов (См.: Бигуаа С. Абхазское виноделие… С. 44).

карте Абхазии к с. Адзюбжа приурочено месторождение глины. Название одной из местностей в северной части села – Гуалан, по мнению селян, связано с добычей здесь глины, пригодной для керамического производства. А в восточной части села одна из речек носит название Хапшьра (от аҳаԥшьа – глиняная посуда; место изготовления глиняной посуды). К западу от центральной части с. Тамыш имеется пункт, известный как Акыц зырта, что значит «место обжига черепицы». Во время сельскохозяйственных работ крестьяне часто находили здесь черепки горлышек и закраин кувшинов разных размеров.

На берегу моря, в с. Кындыг, также производился обжиг глиняных кувшинов. В этой местности имеются залежи качественной глины, там же встречается множество керамических черепков. Очевидно, здесь был центр гончарного производства исторической Апсилии, продукция которого сбывалась, в основном, местному населению[1]. Есть также сведения, что пункт Аштгун (на территории с. Аракич) служил местом обжига керамических изделий. О том, что в XIX веке в Абжуйской Абхазии – в сс. Адзюбжа, Атара, Члоу, как и в ряде других мест Абхазии, было развито гончарное ремесло подтверждается и в исследованиях Г. А. Дзидзария[2].

По описанию Ф. Эшба, печь для гончарного производства, известная под названием атныра (аԥныра) сооружалась под небольшим навесом, складывалась из камня или кирпича, земли и песка; в диаметре имела около 3 аршин. Там же, под навесом устраивали круглый деревянный станок, который свободно вертелся вокруг оси[3].

[1] Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства и культуры… С. 207–208.

[2] Дзидзария Г.А.Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX в… С.62–63. Следует также отметить, что кувшины–голосники замуровывали в стены храмов и церквей. Так, глиняные кувшины – голосники были заложены в стене церкви Мармал–абаа в Адзюбже, в стене храма Джманцвара в Ткуарчале.

[3] Дзидзария Г.А. Народное хозяйство и социальные отношения… С. 62.

Абжуйские гончары в большом количестве изготавливали разнообразную кухонную посуду: горшки, тарелки, миски, кружки, глиняные кувшины для воды, хранения вина. И сейчас в Абжуа, например, в бывшей усадьбе Н.С. Джанашиа и его братьев, можно увидеть горлышки врытых в землю глиняных кувшинов для хранения вина. По сообщению старожил, Петр Джанашиа (один из братьев Н.С. Джанашиа) держал рабочих, которые занимались обжигом глиняных кувшинов. Местные мастера наносили на гончарные изделия такие изображения: •••••; - - - -; □.

На изучаемой территории с давних времён было налажено производство кирпича и черепицы[1]. В 50-х гг. XX в. в сс. Адзюбжа, Кындыг, Тамыш, Моква функционировали даже «заводы» по изготовлению кирпича и черепицы.

Само производство керамических изделий было сложным процессом. Каждую гончарную печь, видимо, обслуживала большая группа ремесленников, которые, в свою очередь делились на подгруппы: одни занимались замесом глины, другие – формовкой сосудов, третьи – обжигом керамических изделий, четвертые – заготовкой топлива и т.д. Первые три занятия требовали высокой квалификации. Заготовкой же топлива могли заниматься наемные крестьяне.

§ 5. Пути сообщения и судоходство

Сухопутные средства сообщения. В исторической жизни Абхазии с древнейших времён основным средством сообщения с Северным Кавказом служил путь по ущелью р. Кодор, далее пролегавший вдоль р. Амткиал с выходом к Клухорскому перевалу. Само название Клухор, на наш взгляд, следует увязывать с абхазским словом "Кылҳара", что означает "узкий проход". Исследователь древних сооружений Абхазии Н. Квезерели–Копадзе отмечает: «Сама природа создавала здесь (в Кодорском ущелье. – О. М.) естественные ворота для связи Абхазии с Северным Кавказом»[1]. Возникновение постоянного Кодорского пути через перевалы Главного Кавказского хребта относится к раннебронзовому веку (конец III – середина II тыс. до н.э.)[2]. О значении этого пути в истории Северо-Восточного Причерноморья и всего Кавказа в целом можно судить по многочисленным памятникам культуры, разбросанным на всем его протяжении. Многие из них исследованы, что позволяет говорить о том, что по ущелью реки Кодор с древнейших времен осуществлялись связи между народами и странами, и Абхазия в них играла определенную роль.

На огромное значение пути через Клухорский перевал в социально-экономической, политической и культурной жизни Абхазии первым указал Дюбуа де Монпере, верно идентифицировав его с Даринским путем, по которому в VI веке прошел византийский посол Зимарх (когда последний возвращался из Средней Азии, и из-за страха перед персами не смог пройти по расположенному восточнее Мисимианскому пути)[3]. Уже тогда Дюбуа обосновал необходимость строительства здесь шоссейной дороги.

Этот путь, считающийся ответвлением «Великого шёлкового пути», функционировал и в последующие века, играя важную роль в местной экономике и культуре, например, в XIV-XVI вв. По этому пути на Северный Кавказ и в Поволжье направлялись итальянские купцы, доставлявшие товары из Себастополиса в Золотую Орду[4].

---

[1] Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья... С.155, 160–161.

[1] Квезерели-Копадзе Н. Дорожные сооружения древней Абхазии. – Сухуми. 1955. С.39.

[2] Соловьев Л.Н. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы – Стоянки Воронцовской пещеры // Труды АИЯЛИ. Т. 29. – Сухуми. 1958. С.29; Воронов Ю.Н. Археологическая карта Абхазии... С.75.

[3] Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Памятники села Герзеул. – Сухуми. 1980. С. 42.

[4] Не исключено, в этой связи, что по Кодорскому ущелью как одному из основных путей из Средиземноморья и Причерноморья к Клухорскому перевалу могло происходить масштабное переселение и расселение древних племен, в разное время, вызывавшееся разными причинами и носившее разный характер и особенно усилившееся с развитием скотоводства, когда избыток

Путешественникам и торговцам, прибывавшим в Абжуа и далее направлявшимся на Северный Кавказ, необходимо было переправиться через реку Кодор, что, конечно же, создавало определенные трудности. Наиболее удобной была переправа у поселения Наа. Через эту переправу проходила древняя подгорная дорога, т.н. «Абхазский путь», от Анакопии (совр. Новый Афон) в сторону Кутаиса и далее к перевалам Сурамского хребта[1]. По этому пути прошел в Апсилию в VI веке иранский полководец Набед, а с ним и боевые слоны; по этой же дороге шли арабы в первой трети VIII века[2].

148-летний старожил Тлабган Кецба в 1940 г. свидетельствовал, что кратчайшим путём между Ингуром (крепость Оцарце) и Сухумом являлась дорога вдоль Великой Абхазской стены. По этой дороге он (Кецба), однажды с секретным документом проскакал в Сухум и обратно меньше чем за сутки. Т. Кецба хорошо помнил мост через р. Ингур, у крепости Оцарце. Здесь находился постоянный отряд воинов владетельного князя Абхазии, охранявший переправу[3].

В Абжуйской Абхазии, на территории с. Елыр, в 1962 году, были найдены следы другой средневековой дороги. Сохранившаяся часть её имеет в длину 75 м, ширину – до 2 м 65 см, высота дорожной насыпи достигает местами 1,5 м. Этот путь был вымощен булыжником, скреплён известковым раствором. Через болотистые места и безымянные речушки были переброшены мостики, следы которых обнаруживаются до наших дней[4].

населения оказывал давление на производительные силы и тем самым вызвал передвижение больших масс населения (Брюсов А.Я. Передвижение племен по археологическим данным // СА. №27. – М. 1957. С.11).

[1] Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Памятники села Герзеул... С. 135.

[2] Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия...С. 221.

[3] Адзинба И. Е. Архитектурные памятники Абхазии... С. 135, 145; Шамба Г.К. По следам древностей Восточной Абхазии (Гальский р-н)... С. 9.

[4] Пачулиа В. П. Древняя, но вечно молодая Абхазия... С.297; Инал–Ипа Ш. Д. Абхазы... С.276.

Во время половодья рек Кодор, Тамыш, Цхенцкар, Джикумыр, Моква, Маркула и др., как правило, всякое сообщение прерывалось. Абхазы, и в частности абжуйцы, сооружали из виноградных лоз и верёвок висячие мосты, перекидывали брёвна через узкие пропасти. Подобные мосты из толстых виноградных лоз были переброшены в верховье р. Кодор, у нынешнего Багадского моста. В низовьях же реки переправа через Кодор ещё в средние века была паромная. В церковном документе XVI века один из жителей Скурчи назван содержателем парома[1]. Переправлялись через реку и вброд. Осмотр этой местности показал, что удобное место переправы находилось на левобережье – в нынешнем пос. Допуакыт (Кудрахыку), там, где выявлены руины (фундаменты) сторожевой башни[2]. Путники, которых заставала ночь у переправы, здесь оставались до утра. Стоянка была расположена на достаточно высоком берегу Кодора (около 15–20 м), откуда открывается обзор на низменное правобережье реки. Надо полагать, что этой переправой пользовались пока в начале XX века через реку, вблизи нынешнего кодорского шоссейного моста, не был построен деревянный мост с металлическими фермами.

Торговцам, направлявшимся из Скурчинской бухты на Северный Кавказ, не менее удобным было переправлять грузы и людей на судах и фелюгах к западной Скурче. Там, на правом берегу северного рукава Кодора, был небольшой залив. Оттуда уже дорога, минуя пункты Бабышьира, Дранда, Кодор, направлялась в верховье реки. Обращает на себя внимание сам топоним Дранда и его варианты Дандара, Даранда. В последнем случае, как и в названии «Даринский», совершенно явственно звучит персидское «дар», означающее «ворота», «проход»[3]. Название, возможно, этим пунктам дали аланы или персы во время их пребывания в Абхазии. Интересно, что и топоним Goto (Гото), ука-

---

[1] Памятники грузинского права. Т. II. – Тб. 1965. С. 179–180 (на груз. яз.).

[2] См.: Маан О.В. Очерки истории и культуры населения низовьев реки Кодор... С. 40.

[3] Ган К. Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий. – Тифлис. 1909. С.46–47, 49–50; Воронов Ю. Н. Драма Клухорской (Военно–Сухумской) дороги. – Сухум. 1994. С. 3.

зываемый на Венецианской карте XIII века в качестве обозначения пункта Кодор, по некоторым данным, с португальского переводится как «горло», «ущелье», что также соответствует географическому положению топонима. Через Дранду и Кодор горцы, в частности цебельдинцы, проходили в Юго–Восточную Абхазию и Мегрелию, т. е. к побережью, как об этом писал Дюбуа де Монпере[1].

Вызывает интерес и старинное название пункта у Южного приюта, который, согласно Ц.Н. Бжания, сваны называют «абхазская таможня»[2]. Таким образом, дорога через, Дранду, Кодор, Клухор это «ворота», «проход» на Северный Кавказ и обратно. Естественно, что и «ключи» от этой дороги должны были находиться у населения бассейна Кодора[3].

Вторым важным путем на Северный Кавказ является, как известно, путь из Питиунта по реке Бзыбь, через Псху и Санчарский перевал[4]. Древнейшими маршрутами, хотя и имевшими гораздо меньшее значение, являлись, в частности, путь из Сухума вдоль р. Западная Гумиста через Псху и Санчарский перевал. Другой путь через Марухский и Клухорский перевалы спускался вдоль реки Кодор и в районе Дала, пересекая Панавский хребет, через Ажару и перевал Ходжал выходил к долинам рек Моквы и Галидзги[5].

---

[1] Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие... С. 152.
[2] Хотелашвили М.К. Село Дранда...С.13.
[3] По мнению А.А. Иерусалимской, западнокавказские племена, видимо получали определённую мзду «за перевал, а также за коней: греческий историк VI в. Прокопий сообщает, что путникам приходилось тут менять лошадей» (Цит. по: Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия... С.209).
[4] Топоним Санчара, по мнению А.Абрегова, увязывается с санскритским sancara, т.е. «проход» (См.: Джонуа Б.Г. INDOARICA в Абхазии // Абхазоведение. Вып.1. – Сухум. 2000. С. 122).Вместе с тем, ср. Санчара с абх. сан-цара или Цан-цара "проход Цановых (или Сановы)", где, "цара" – "идти, "ход"(Кварчия В.Е. Историческая и современная топонимия Абхазии... С. 239).
[5] В работе А. М. Золотарева «Военно-географический очерк окраин России и пути в соседние территории», говорится: «Река

Дорог, соединявших Юго-Восточную Абхазию с разными горскими обществами, в XIX в. насчитывалось несколько. Так, в Сванетию можно было попасть по обеим сторонам р.Ингур через Пахулан в Эцери, по правобережью рек Эрти-цхали и Гудава, по левому берегу р. Цориха через Бедиа, вверх по Галидзге через минеральные источники; в Карачай можно было попасть вверх по р. Маркула, вдоль левого берега Кодора[1].

В XIX веке наиболее удобным на Северном рукаве Кодора считался брод против Цкыбына–Дранды[2]. Там же в 1843 году было сооружено укрепление для берегового сухопутного сообщения и защиты устья реки Кодор[3] (что лишний раз свидетельствует о важности низовьев реки Кодор как перекрестка путей передвижения, экономических связей и военно-стратегического пункта).

Путники, перейдя брод у Цкыбына, спускаясь по северному рукаву реки Кодор, выходили на прибрежную дорогу. «Эта дорога ровная, пролегала по болотистым низменным местам и везде почти покрыта густым лесом»[4]. Помимо этой дороги, служившей для сообщения с другими прибрежными пунктами, средствами связи служили внутренние проселочные дороги и узкие пешеходные грунтовые тропы, большей частью бывшие неудобными. Н. М. Альбов о районах устьев абхазских рек писал, что едва путе-

---

Кодор на большей части омывает глубокую котловину Цебельдинскую (Дал) и далее, прорвавшись среди скал, выходит на равнину и впадает в море у м. Очамчира» (Золотарев А. М. Военно–географический очерк окраин России и пути в соседние территории. – СПб. 1903. С.133.) Автор цитируемой работы, военный историк Николаевской Академии Генерального штаба, проф. А. М. Золотарев, пользовался сведениями лиц, знавших дороги, ведущие через Марухский и Клухорский перевалы к морю, и поскольку они шли вдоль Кодора, то это, очевидно, ввело в заблуждение, почему, он и посчитал, что Кодор впадает в море у м. Очамчира.
[1] Инал–Ипа Ш.Д. Абхазы... С.277.
[2] Сведения об удобствах...С.5; «Утверждение наше в Абхазии» // Кавказский сборник. Т.XIII. – Тифлис. 1889. С.198.
[3] Сведения об удобствах...С.18.
[4] «Утверждение наше в Абхазии»...С.197.

шественник сделает два шага от узкой тропинки, как очутится в густой чаще леса, сквозь которую ему придется прокладывать путь не иначе как с помощью топора или широкого кавказского кинжала[1]. А Карла Серена, говоря о дороге между имениями кн. Чачба (Шервашидзе) – Атарой и Цкургилом писала: «Сплетение лиан и ползучих растений, непроходимая густота ветвей и гигантские заросли кустарников делают путь очень трудным. Поминутно ноги лошади запутываются в крепких силках оказывающих сопротивление растений, и единственный способ от них избавиться – это прибегнуть к помощи отточенного кинжала[2].

С расширением торгово-экономических связей Абхазии возникла необходимость улучшения путей сообщения. Так в дорожном строительстве начинают происходить определенные изменения. В 1853 году Абжуйскую Абхазию пересекает почтовая дорога Сухум – Редут-кале (Кулеви, выше Поти), а в начале 90-х годов XIX века проводится магистральное Черноморское шоссе[3]. При этом, еще в 1859 году был поставлен вопрос о строительстве через Кодор деревянных мостов. Самой трудной задачей было признано устройство «переправ через Кодор, Ингур и Цхенисцкали».

Подряд на постройку мостов от Сухума до Кодора взял на себя князь Г.Д. Чачба (Шервашидзе), а от Кодора и далее – сам владетель Абхазии[4]. С 1876 же года силами местных жителей приступили к строительству Кодоро-Ингурской дороги, имевшей

[1] Альбов Н.М. Очерк растительности Колхиды // «Земледелие». Периодическое издание Географического отделения Императорского общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. Кн.1. – М. 1896. С.3.
[2] Карла Серена. Путешествие по Абхазии... С.115.
[3] Анчабадзе З.В., Дзидзария Г.А. Дружба извечная, нерушимая. – Сухуми. 1972. С.51. Согласно описанию В.Соллогуба (1853г.), «дорога из Сухума до Очемчир стелилась по морскому берегу, и путники на лошадях продвигались по глубокому песку». На третий день часам к одиннадцати, «Соллогуб и его спутники с трудом прибыли в Очемчиру» (Пачулиа В.П. Русские писатели в Абхазии. – Сухуми 1980. С.20).
[4] Дзидзария Г.А. Труды. 1... С.156–157.

важное значение как в торгово-промышленном, так и в административном отношении. В 1880 г. впервые в смету земских повинностей по Сухумскому отделу вносится на содержание 3-х больших переправ «на реках Джгумур, Кодор и Бзыбь 1200 руб». До русско–турецкой войны (1877–1878 гг.) переправы эти, как и дороги, в основном, содержались местными жителями с незначительной субсидией из средств, имевшихся в распоряжении местного начальства. Однако с выселением значительной части абхазов в Турцию в конце 70-х годов XIX века паромные переправы оказались заброшенными[1]. На содержание паромных переправ в Сухумском отделе с 1883г. по 1886г. была выделена «сумма в размере 4200 руб., из коих 900 руб. на переправу на р. Джгумуре, 720 руб. – на р. Бзыбь, 540 руб. – на р. Гумиста, 600 руб. – на рр. Гудаа и Гагида», и, наконец, 1440 руб. были выделены для строительства переправы на реке Кодор.

При этом на реке Кодор, в ее низовьях, предлагалось, в частности, устроить «паром на высоких чугунных колесах, с употреблением на то быков и буйволов»[2].

В то же время и дорога, пролегавшая от Сухума к местечку Зугдиди (по низменной части) имела важное стратегическое значение. К 1890 г. на указанном участке еще не везде дорога была пригодна для колесного сообщения. «Под давлением быстрого экономического роста всей прилегающей к Сухуму местности» возникает необходимость заменить шоссе на железную дорогу. Так, главнокомандующий гражданской частью на Кавказе генерал-адъютант А. М. Дондуков-Корсаков «в целях благоразумной экономики», в своем отчете от 1 февраля 1890 г. предложил построить через Кодор и Ингур мосты железнодорожной конструкции[3] (железный мост через р.Кодор был построен в 1935 г.).

В целом дорожное строительство велось плохо – проложенные участки пути быстро приходили в негодность. К. Д. Мачавариани в «Описательном путеводителе по городу Сухуму и Су-

[1] Цвижба Л.И. Этно–демографические процессы в Абхазии... С. 36–37.
[2] АКАК. Т.Х. – Тифлис 1885. С. 98.
[3] Цвижба Л.И. Этно-демографические процессы... С. 37.

хумскому округу», в специальном разделе «Селение Адзюбжа и пути сообщения до м. Очемчиры» отмечает, что эти пункты связывает «весьма неудовлетворительное шоссе», но тем не менее пассажирские перевозки в 90-х годах XIX столетия здесь стали совершаться на фаэтонах и дилижансах[1]. Грузовое движение от Сухума до Кодора совершалось «в сутки на арбах и дрогах на 850 лошадях, буйволах и быках, а пассажирское – дилижансами, фаэтонами и дрогами на 829 лошадях; кроме того, по тому же тракту проходили в сутки 120 вьючных и 118 под всадниками лошадей»[2]. Ежедневно между Очамчирой и станцией Кодор стали курсировать многоместные кареты-омнибусы. По этому поводу учитель 1-й тифлисской гимназии К. Ган в 1902 г. сообщал: «В обществе абхазских рабочих, мы поехали в таком омнибусе от Очемчиры до станции Кодор, лежащей на левом берегу реки. Дорога эта плохо содержится, поэтому нам приходилось часто слезать, в особенности у мостов, которые казались весьма ненадежными»[3].

В 1920–1930-е г. «в Очамчире всё ещё хозяйничала арба. «Газик» увязал в болотистой почве, арба же в районе была «вездеходом»[4]. Абхазская двухколёсная арба (ауардын), ныне вышедшая из употребления, отличалась от современной. У этой арбы колёса были низкие, из цельного дерева, без спиц (алугежь), почему такая арба и называлась «амгьал уардын», т.е. чуречной арбой. Колёса вращались вместе с осью. Основанием арбы служил цельный кусок дерева, слегка отёсанный, по краям которой вставляли вертикальные стойки и стелили дно. На арбе перевозились тяжёлые грузы (дрова, кукуруза). Существовал и другой вид транспорта – бесколёсный. Это были сани «аджанах» (аџьанах), которые обычно заменяли арбу в горах, где отсутствовала колёсная дорога.

---

[1] Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу…С.115–116.
[2] Там же. С. 84.
[3] Ган К.Ф. Поездка в Мингрелию, Самурзакань и Абхазию… С.30.
[4] Газ. «Советская Абхазия». 8 сентября 1929 г.

В 1868 г., наряду с планами улучшения дорог по Черноморскому побережью Абхазии, родился и проект проведения здесь (параллельно с проектами колесной дороги) Транскавказской железной дороги. Об этом маршруте существовало много предложений.

По одному из них (проекту инженера Тихонова) линию железной дороги предпочтительной считалось провести из Сухума по берегу моря до устья реки Кодора, «откуда вести ее вверх по этой реке в Дальское ущелье»; у Чхалты она должна была повернуть в «ущелье реки Клыч и подойти к Клухорскому перевалу, где начнется, очевидно, прорытие грандиозного по длине тоннеля»[1]. А видный кавказский администратор и исследователь Ю.Проценко в 1891 г. писал «о необходимости изысканий и строительства железной дороги по маршруту Сухум–Атара–Багада–Дал–Чхалта–Хутыя–Аманаус–Теберда»[2]. Несмотря на общие пожелания, проведение этой дороги, а также колесного шоссе, это предложение так и не было претворено в жизнь ни в XIX, ни в XX веке.

Заслуживает внимания построенная в конце XIX века, в с. Адзюбжа лесопромышленником В. Максимовым узкоколейная железная дорога, протяженностью 7 верст. Абхазы называли его «агон мԥа», где «агон» означает «вагон», «амԥа» – «дорога»[3]. Узкоколейка шла от лесозавода до Скурчинской бухты, где были сооружены склады и пристань. Узкоколейка пролегала по холмистой местности; поднималась на подъем и подходила ко второй возвышенности. У подножия этой возвышенности, железная дорога поворачивала направо – на юг и примерно 300–400 метров шла вдоль подножия возвышенности. Затем она поворачивала налево и пролегала через густые леса Агдарра, что по левой стороне шоссейной дороги. Почти на повороте от шоссе на Скур-

---

[1] Рыбинский Г.А. Абхазские письма. XXIV // Газ. «Кавказ». №22. 1895г.
[2] Воронов Ю.Н. Драма Клухорской (Военно–Сухумской) дороги… С.22.
[3] Камкиа Ш.Т. Адзюбжа в прошлом и настоящем // Газ. «Апсны». №66. 1997г. (на абх.яз.).

чинской (Цкургильской) проселочной дороге узкоколейка поворачивала направо и подходила к бухте[1].

Судоходство. В жизни абхазов с древних времен в плане судоходства особое значение имело море. Внутренние же водные пространства Абхазии – реки и озера – в связи с орографией страны в этом уступают морю. Но тем не менее имеется немало сведений о том, что люди прежде, чем отваживались выйти в море, пробовали свои силы в реках и озерах[2]. Вода, в значении река в Абжуйской Абхазии непосредственно присутствует в названии с. Адзюбжа (Авидзибжара), пос. Адзыбжара (с. Моква); дословно с абхазского оба топонима означают «междуречье». Поскольку располагавшиеся в низменных районах поселения были отрезаны друг от друга руслами рек и их рукавами, а приморская часть была заболочена, то и сообщение между ними становилось возможным в основном по воде. В результате этого, очевидно, уже в древности возникала необходимость в плавучих средствах передвижения.

Согласно хронологической последовательности развития судов, примерно за 40 тыс. лет до н.э. люди уже пользовались сначала плотом, затем лодкой-однодеревкой, причем отмечается, что это было повсеместно[3], так, следовательно это относится и к Абхазии, как одному из мест интенсивного общения с морем. Более поздние сообщения античных авторов, а также средневековых источников и географические обзоры, составленные в XIX веке, свидетельствуют о том, что реки Юго-Восточной Абхазии являлись судоходными, что следует понимать как вход в устья рек или плавание на определенное расстояние от устьев вверх по рекам.

Как указывалось, за Скурчинской бухтой с древности отмечался спокойный водоем, который был каналом соединен с морем. На это обстоятельство обратил внимание и Н. Ломоури. Он

[1] Отдельные моменты из истории села Адзюбжа...С.1; Апсны ахсаала (Карта Абхазии). 1912 г...
[2] Маан О. В. Из истории судоходства в Абхазии... С.163.
[3] Ханке Х. Люди. Корабли. Океаны. 6000 лет мореплавания. – М. 1984. С. 23.

пишет, что «вслед за Гиппом, т.е. Кодором, Арриан называет реку Астелеф (у Плиния, Астефос), которая отстояла от Гиппа всего на 30 стадиев, т.е. около 5 км и, что с первого взгляда кажется непонятным, для чего понадобилось Арриану называть столь незначительную речку… Однако и это обстоятельство находит себе объяснение. Аноним V века отмечает, что река Астелеф в его время называлась «Еврипом», что означает «вход судов»… Это обстоятельство… должно, как нам кажется, указывать на какое-то особое значение этой реки. Поскольку р. Кодор ввиду ее быстрого течения и разветвления дельты не могла быть использована для стоянки судов, Арриан, надо полагать, должен был искать где-либо поблизости пригодное для этой цели место. Таковым могло являться именно устье р. Скурча, речка эта у впадения в море достаточно глубока, и, кроме того, берег здесь образует небольшую, но удобную для стоянки судов бухту»[1]. Действительно, недалеко расположенное Скурчинское озеро, в которую впадала речка Скурча, могло играть роль внутренней гавани. На озере-гавани вплоть до недавнего времени прослеживались следы соединения канала с морем. Следует при этом иметь в виду, что под озером–гаванью, соединенным в древности каналом с морем, подразумевается не современное Скурчинское озеро (у м. Искурия), образовавшееся, по словам старожил, в результате добычи нерудных материалов, а расположенное восточнее и недалеко от него, ныне более маленькое озеро – в центральной части залива.

Уникальным гидротехническим сооружением древности на всём Черноморском побережье Кавказа является Тамышский судоходный канал[2]. Как отмечает Ш. Д. Инал–Ипа, ни в одном другом пункте Абхазии нет такого скопления топонимов, связанных с мореходством, как на территории с. Тамыш – в междуречье рр. Дгамыш и Тоумыш: Акра (Маяк), Ашхәацәырҭа (Место тесания судов (лодок), Ашхәаҷаҳәарҭа (Место прикола судов (лодок), Ашхәаҭаныкәарҭа (Место хождения судов (лодок). Далее Ш. Д. Инал–Ипа называет Тамышские каналы Атхвыш ду – Аҭҳәышь

[1] Ломоури Н. Ю. Из исторической географии древней Колхиды... С. 104.
[2] Инал–Ипа Ш. Д. Вопросы этно-культурной истории... С. 248.

ду (Глубокий ров) и Уанат – (Уанат), которые соединяла река Джамгула. По данным Ш. Д. Инал–Ипа, трасса Тамышского судоходного канала (длина более 2300 м) была прямолинейной, пересекала речки Ошпан и Джамгула, далее по реке Дгамыш выходила к Чёрному морю[1]. Этот канал имел «запасные каналы для стоянок или укрытия судов», о чём свидетельствует сохранившееся их название – Место привязывания судов (Ашхәаҫаҳәарта)[2].

Мореходство в Абхазии, в первую очередь, было связано с именем профессиональных пиратов – гениохов. По свидетельству Страбона, гениохи «господствовали на море». На своих знаменитых лодках – «камарах» отчаянные морские разбойники наводили ужас на купцов. Страбон подчеркивает, что гениохи «живут морским разбоем». А широкому расселению гениохов по всему восточному побережью Черного моря способствовало, по-видимому, именно развитое у них мореходство.

В Абхазии нередко со дна моря сетями поднимают якоря потопленных судов, два из которых, в частности, экспонируются во дворе Абгосмузея. Наилучшими местами для засады был Кодорский мыс и местность в Ашыцра–Аилага Абыку (около Гудауты), где часто ставили ложный маяк. Корабли же, идя на свет т.н. маяка, садились на мель и становились добычей пиратов. Одним из методов нападения в открытом море был и внезапный захват корабля. Нырнув под воду и дыша через тростник, абхазы незаметно подплывали к кораблю и, убрав охрану, захватывали его[3]. Поскольку пиратство было чрезвычайно широко распространено и являлось промыслом, оно неизбежно должно было иметь и собственную производственную базу, уравнивающую его, например, с военным делом. Для того, чтобы корабли гениохов, по крайней мере, не уступали в быстроходности и маневренности торговым судам и военным кораблям, должны были у них быть и судо-

[1] Инал–Ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов. – Сухуми. 1971. С. 194–196.
[2] Там же.
[3] Гожба Р. Абхазия – страна древних мореплавателей // Газ. «Республика Абхазия». 1–2 августа 1998 г.

строительные верфи, и опытные корабелы. Согласно имеющимся сведениям, такая верфь («место кораблестроения») в Абжуйской Абхазии, помимо Тамыша, имелась на Скурче[1]. По преданию, население в этой местности почитало божество морского побережья Ага – Ага–ныха, святилище которого находилось на месте церкви Мармал–абаа. Грозное божество, согласно легенде, никому не прощало непочтительного отношения к себе. Н. Джанашиа писал, что «божество моря не любит, чтобы с ним шутили: тогда море бушует и наказывает недостаточно почтительных. Поэтому даже детям запрещается бросать камешки или плевать в море»[2].

В одной из абхазских легенд рассказывается, что на просторах низины Кодора, в районе Бабышьира, стояла необозримая ореховая роща, которая принадлежала местному князю по имени Бабышь. Ежегодно урожай грецкого ореха он засыпал в ашхуа (абхазская лодка) и, не оставляя положенной доли Агныху, сбывал его, за море. Со временем у Бабышьа умерла жена. Его единственная дочь выросла необыкновенно красивой девушкой. Стали к ней, женихи свататься со всей земли абхазской. Но Бабышь всем отказывал, мол, его дочь еще слишком молода.

Однажды к Бабышьу явился очень красивый, но плохо одетый юноша. Он представился жителем моря и заявил, что хочет жениться на его дочери. Разгневанный дерзостью молодого человека, Бабышь выгнал парня из дома и напустил на него собак. Тот удалился в сторону моря.

Вскоре Бабышь вновь погрузил на ашхуа орехи и поплыл, не оставив положенной доли Агныху. Разгневанный Агных вызвал невиданное доселе наводнение… Река Кодор подступила к княжескому дворцу – вот вот затопит. Дочь Бабышьа в страхе бросилась бежать из дома, прося у божества спасения.

Поверхность воды была сплошь покрыта орехами. Дочь поняла, что отец ее погиб. В это время в небе над морем появилась

[1] Гожба Р. Абхазия – страна древних мореплавателей // Газ. «Республика Абхазия». 25–26 июля 1998г.
[2] Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии… С.53.

радуга, вода стала постепенно стекать в море, и по образовавшейся суше к девушке направился необыкновенно красивый молодой человек. Подойдя, он сказал: «Ты, если хочешь, будешь со мной совладычицей моря».

Дочь Бабышьа согласилась выйти замуж за юношу. Это был сам Агных[1].

По преданию, абхазские моряки перед выходом в море посещали капище и там со свечой корабельного моления (ашхәаныҳәацәашь) в руках просили у божества благополучия в походе. И только после этого моряки отправлялись в путешествие[2].

По описанию Ц.Н. Бжания в с. Тамыш, в местности Ашхәацәырҭа, прежде чем спустить суда и ладьи владетеля Михаила (Хамудбея) в море, их освящала «чистая» (святая) женщина из рода Бжания. Свечу, для молебна изготавливали в человеческий рост. После освящения, судно спускали в воду, гребцы выйдя в море исполняли ритуальную песню «Ашхәа ашәа» («Песню лодочников») следующего содержания:

«Еҳ-ҳе-ҳеи!
Иашхәари!
Дыҷәа-мыҷәа думгари,
Иашхәари, еҳе-ҳе-ҳеи!»[3].

Согласно преданию, недалеко от церкви Мармал–абаа абхазы совершали жертвоприношения и божеству морского ветра – Апшаныхуара (Аԥшаныҳәара). Происхождение моления о ниспослании благополучного ветра связано, несомненно, с парусным мореходством, о чём может говорить и наличие в абхазском языке древнейшего термина для обозначения паруса – апра (аԥра), который был заимствован и грузинским языком. Небольшие легкие и узкие лодки гениохов – камары, также, по всей вероятности, были парусными. А одна местность в районе устья Малого Кодора (там, где во второй половине XIX века протекал Большой Кодор), носила название «ашхуапшырта» (ашхәаԥшырҭа), что

[1] Пачулиа В. П. Как была уничтожена ореховая роща Бабышьа // Ерцаху. Литературный сборник. – Сухуми. 1984. С.164–165.
[2] Пачулиа В.П. Абхазия… С.139.
[3] Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры… С. 296.

переводится как «место наблюдения за кораблями»[1]. То, что рассматриваемый район служил притоном для пиратов, подтверждается, например, немецким автором середины XIX в. Ф. Боденштедтом, который отмечал, что Анаклия, Дранда и др. были такими же опасными пиратскими гнездами на побережье Абхазии, как Модон и Парга на побережье Албании[2].

В устья рек Юго-Восточной Абхазии в древности заходили суда и даже поднимались вверх по рекам на определенное расстояние. Сирийский араб Павел Аллепский, писал: «Имеется шесть рек великих, и ходят на них кораблями. Первая река – Кодор, вторая – Галидзга, третья – Енгур, четвертая – Хоб, пятая – Тихур, шестая – Конская (Цхенис-цкали)»[3]. Эти реки упоминаются как «судоходные» и в других источниках[4]. По свидетельству старожилов, в прошлом, когда Кодор был полноводнее, морехоны, в зависимости от времени года, на различных плавсредствах с моря заходили в реку и приставали поблизости от церкви Мармал-абаа, найдя для этого удобное место. В 1819 году русский офицер Энегольм в кратком описании Западной Грузии и Абхазии, сообщал, что «южный рукав Кодора, имея при устье своем медленное течение, представляет возможность входить в оный небольшими лодками»[5]. Об этом же писал и немецкий путешественник Эйхвальд в 1826 году. В частности, Эйхвальд говорит о «судоходстве» и на другой крупной реке Абхазии – Бзыби. Хотя река Бзыбь не судоходна, пишет он, но черкесы все-таки плавают по ней на своих маленьких лодках, скрываясь у ее скалистых бе-

[1] Маан О. В. Из истории судоходства в Абхазии….С.167.
[2] Боденштедт Ф. По Большой и Малой Абхазии. О Черкесии (автор, предисловие, комментарии, послесловие – Дениса Чачхалиа). – М. 2002. С. 119.
[3] Берадзе Т.Н. Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии… С.237.
[4] Там же.
[5] Энегольм. Краткое описание Имеретии, Гурии, Мингрелии и Абхазии. Фонд ВУА. №18497. – Тифлис. 1819. С.36.

регов и, улучив момент, нападают на абхазов[1]. Безусловно, Бзыбь и Кодор были реками, наиболее тесно связывавшими абхазов с морем. И все же приоритет в этом принадлежал Кодору, поскольку площадь бассейна Кодора была обширнее и имела выход на Северный Кавказ через три пункта: Марухский, Нахарский и Клухорский перевалы.

О судоходстве на Кодоре говорят и другие материалы XIX века[2]. О пригодности реки для навигации на короткое расстояние и возможности входа в устье Кодора говорит и топоним Баглан (абх. Баԛлан). Местность Баглан, расположена непосредственно на левобережье устья реки Кодор, где образовался одноименный «мыс Баглан». Это позволяет нам сделать вывод о возможности причаливания к берегам Баглана кораблей различных типов, увозивших из Скурчи корабельный лес, сплавлявшийся прямо к устью реки. В этих же местах устраивались временные стоянки моряков, с которыми общались и местные жители. Такая ситуация в прошлом, позволяет предположить, что топоним Баглан турецкого происхождения, в переводе с которого означает «место привязки»[3] лодок и кораблей. Можно в этой связи отметить и то, что редкость безопасных бухт заставляли жителей Абхазии использовать в качестве гаваней устья почти всех без исключения рек, впадающих в море[4]. По этому поводу Вахушти отмечал, что «места, где реки впадают в море, называются «туали» (букв. «око») и пользуются ими как пристанями. (Сюда) пристают суда и торгуют»[5]. Приведенное здесь определение пристаней у устьев рек как «око» больше подходит к прибрежным озерам (например, Гудава, низовья Кодора, Пицунда), которые наряду с устьями рек, также служили пристанями для морских судов.

---

[1] Eichwald E. Reise auf dem Caspischen Meere und in den Kaukasus, unternommen in den Jahren 1825–1826. Bd. I. – Stuttgart. 1837. C.321–326.
[2] Сведения об удобствах квартирного размещения... С.5; Дзидзария Г.А. Труды. Т.2... С. 264; Введенский А.Н. Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела... С.1.
[3] Турецко–русский словарь. – М. 1977.
[4] Берадзе Т.Н. Мореплавание и морская торговля... С.24.
[5] Там же.

Д. Бакрадзе писал, что «для переезда через большие реки (Абхазии – О. М.) вы можете смело довериться маленькому каюку, большей частью сделанному из одного выдолбленного дерева и имеющему сажени три в длину»[1]. В 1877 году, например, корреспондент грузинской газеты «Голос» переправился с берега на берег Кодора на судне местного изготовления. Еще ранее, в 1869 г., имеретинский епископ Гавриил со своей свитой переправлялся на лодке в с. Адзюбжа[2]. В другом источнике за 1877 г. говорится, что в «трех-четырех километрах от берега моря, на каждом из двух рукавов Кодора, у села Адзюбжа, у абхазцев были довольно большие каюки»[3]. Генерал Я. Алхазов (командующий Ингурским отрядом в русско-турецкую войну 1877–1878 гг.) также сообщал, что «абхазцы с правого берега р. Кодор сели на суда у устьев этой реки и удалились к Сухуму»[4].

Выше сообщалось о том, что в Исгауре и с. Маркула функционировали таможни, здесь происходила морская торговля, взимались пошлины с иностранных судов, причаливавших туда. Кстати, Арк. Ламберти на карте, приложенной к его сочинению «Описание Колхиды,...», прибрежную территорию «между реками Маркула и Мармал», отмечает как значительный населённый пункт и важную гавань. Здесь изображена группа трёхмачтовых судов, довольно высоких и с длинными носами. Ламберти говорит о мастере, «который делал лодку»[5]. Когда купец Шарден в XVII веке из Исгаура направлялся к устью р. Ингур (в Анаклию), то никому не пришло в голову предложить ему продолжить свой путь по суше – Шарден собирался направиться в Мегрелию на нанятой им лодке. Но черкесы и абхазы угнали местные лодки, а с ними и ту, которую нанял Шарден[6].

---

[1] Бакрадзе Д. Очерки Мингрелии, Самурзакани и Абхазии // Газ. «Кавказ». №48. 1860г.
[2] Дзидзария Г.А. Труды. Т.2... С.267.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же. С. 258–259.
[6] Путешествие Шардена...С.143; Дзидзария (Дзария) О. П. Морская лексика в абхазском языке. – Сухуми. 1989. С.34.

Стимулом к развитию мореходства являлось и занятие морским рыбным промыслом. Согласно документам, крестьяне-рыбаки из Искурии в первой половине XVI века должны были одновременно нести морскую повинность и служить на морских судах в пользу владетельного князя или феодала[1]. О мореходстве в этом районе пишет и С. Броневский, который в числе «знатных мест и крепостей» на Черноморском побережье, от Кубани до р. Чорох, называет Скурчу (Искурия) и Дранду (Дандар)[2].

Уже отмечалось о том, что в античный период, когда греки плавали по Чёрному морю, они пользовались услугами местного населения как проводниками судов. Об этом свидетельствует пример абхазского махаджира, осевшего затем в Аджарии, Мамада Бадия, в конце XIX в. установившего рекорд по плаванию, проплыв от Батуми до Поти. По сообщению канд. ист. наук Т.А. Ачугба в детстве Мамад учился плаванию на р. Кодор, откуда из с. Адзюбжа была родом его мать по фамилии Делба. Попав в Турцию, Бадия, в 18-20–летнем возрасте, хорошо знавший морские течения, сопровождал турецкие суда, вывозившие лес из Абхазии.

Во второй четверти XIX века было известно об одном из «выдающихся» пловцов, из поселения Аджбна – Мсоусте Бзаркал. Этот крестьянин, как рассказывают знавшие, брал своих младенцев и, не обращая внимания на сопротивления матери, бросал их в воду, говоря, что для них же будет лучше, если они с детства привыкнут к воде[3]. Вообще же, местное население, плавая в реках и на море, знало многие приёмы плавания[4].

Вплоть до учреждения русскими властями в 30-40-х годах XIX века Черноморской береговой линии у побережья Абхазии осуществлялась контрабандная торговля. Источниками в этот период зафиксировано два нападения пиратов на торговые суда в

[1] Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля…С.230.
[2] Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе.Ч.1… С.295–296.
[3] Газ. «Апсны капш». 31 мая. 1991 г. (на абх.яз.).
[4] Чочуа А. М. Избранные сочинения…С.30.

районе Кодорского мыса[1]. Во втором случае, по свидетельству Дюбуа де Монпере, экипажи двух абхазских галер (в которых находилось 120 человек) «налегли на весла и исчезли в одно мгновение в устье р. Кодор, куда они, «по своему обыкновению, втянули за собой свои галеры»[2]. Там же, недалеко от современного озера Скурча, имелась местность, которая была более удобной для укрывания пиратских судов. 2 сентября 2003 г., научная экспедиция АБИГИ в составе В.В. Бжания, Д.С. Бжания и автора этих строк, при участии Ю.В. Горлова (Институт археологии РАН), обнаружила следы значительного судоходного канала, (аналогичного тамышскому), идущего от берега моря наискосок вглубь с. Адзюбжа. Его протяжённость в длину доходит почти до 2 км, при ширине около 10 м. В связи с пиратством абхазов интересно и следущее. Согласно полевой информации, житель с. Адзюбжа Ясон Дочия (Мцвагуача), рассказывал о том, что его предки, как и гениохи занимались морскими разбоями («грабили турецкие суда»).

О многовековых традициях в области мореходства, существовавших в Абжуйской Абхазии, в частности, у древних жителей Тамышского поселения, свидетельствует и найденная археологами в 90-е годы XX в. сенсационная керамическая модель морского судна – ладьи с высокими бортами, клиновидной носовой частью и выступающим форштевнем в виде стилизованного изображения головы животного (скорее всего, собаки или волка). Уместно в этой связи вспомнить и сообщение Вахушти о том, что абхазские галеры назывались алышкинтрами, то есть по имени абхазского божества собак Алышкинтыр (у него эти многоместные абхазские корабли названы словом «олечкандари»)[3], что как видно, является искажённой формой имени Алышкинтыр.

[1] Дзидзария Г.А. Из истории мореходства в Абхазии // Труды СГПИ им. А.М. Горького. Т. XII. – Сухуми. 1958. С.263; Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа… С.143.
[2] Дюбуа де Монпере Фредерик. Указ. соч. С.143–144.
[3] Вахушти. Описание царства Грузинского (География Грузии). – Тб. 1941. С. 172 (на груз.яз.).

В своём атласе путешествия по Кавказу, Дюбуа де Монпере зарисовал с натуры жилища абжуйского удельного князя Алыбея Чачба (ум. в 1833г.), расположенные на берегу моря в с. Тамыш, изобразил на своей картине лодку, на которой двое подплывают к берегу, и сравнительно большое судно с высокой мачтой, которое было вынесено на сушу и, подпираемое с обоих концов брёвнами, стояло наготове вблизи дома, прикрытое с трёх сторон густой растительностью[1].

ГЛАВА. VI. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

§ 1. Поселения и жилище

Исследователи допускают, что появление первобытного общества на территории Абхазии восходит к первой половине древнекаменного века (ранний или нижний палеолит), который длился около 500 тыс. лет и закончился около 40 тыс. лет до н.э. Когда здесь обитали древнейшие люди, уровень Черного моря, находился примерно на 60 м выше современного[2], поэтому естественно, наиболее ранние памятники человеческой деятельности в этом регионе археологами выявлены на возвышенных участках страны, в частности, на территории нынешних населенных пунктов Дзыдакуара (бывш. Ганахлеба), Адзына (Старо-Черниговское), Нардзын (Хумушкури), в окрестностях поселения Наа[3], и выше по течению Кодора и его притоков.

Исследования в гроте Хупынипшахуа показывают, что общество, жившее в верховьях Кодора, не было изолировано от внешнего мира. В нижнем культурном слое грота обнаружены шейные

[1] Vovage au Caucase chez Tcherkesses les Abkhases en Colchide, en Georgie, en Armenie et Grimee par Frederic Dubois de Montpereux. Atlas. – Paris. 1843 PI.V

[2] История Абхазии... с. 15.

[3] Воронов Ю.Н. Памятники каменного века Военно-Сухумской дороги... С. 18–20.

украшения – ожерелья из просверленных раковин[1]. Находки в гроте довольно многочисленных орудий из вулканического стекла–обсидиана свидетельствуют об уже регулярных и хорошо налаженных торговых связях с южными районами Закавказья, откуда путем межплеменного обмена поступало это сырье. С началом интенсивного общения с морем, возникновения постоянных торговых путей через перевалы Главного Кавказского хребта, в прибрежье Абхазии возникают опорные пункты для перевозок с «рабочими» людьми, принадлежавшими могущественным вождям верховьев реки Кодор.

Уже в древние времена о богатствах Колхиды было известно зарождавшимся государствам Средиземноморья. Вслед за финикийскими мореплавателями, прибывавшим к берегам Абхазии на промысел и торговлю[2], здесь появляются греки, которые с течением времени стали обосновываться на абхазском побережье. Греческим поселенцам, прежде всего, был необходим строевой лес, и они пользовались услугами местного населения. Интенсивное освоение кодорского пути было вызвано также и тем, что в верховьях Кодора и Джампала встречались золотые россыпи. При этом само название, данное греками реке Кодор – Хрисоррой («золотая») не обязательно понимать буквально, а в том смысле, что это была вообще река «дающая прибыль», «золотая жила». Поскольку во все исторические времена Кодор оставался местом оживленных торгово-экономических связей различных племен и народов, не исключено появление в исследуемом районе в тот период постоянных поселений.

О поселениях Абжуйской Абхазии периода ранней бронзы можно судить по памятникам Очамчирской культуры, выявленных в 1935 г. в районе г. Очамчира. Здесь, прежде всего, обращают на себя внимание большие размеры поселения, на что указывает мощность культурного слоя. Вся территория поселения за-

[1] Соловьев Л. Н. Памятники каменного века Абхазии. – Тб. 1987. С.56.

[2] Турчанинов Г.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. – Л. 1971. С.30 // Материалы по истории Абхазии.7.

нимала площадь не менее 1га и была расположена на возвышенном сухом месте. Определённая прерывность культурного слоя с дистанцией между жилищами 10-20 м, обнаруживаемая при раскопках, объясняется Л.Н. Соловьёвым как свидетельство планировки, при которой жилища располагались определёнными группами с довольно резкими границами каждая. Характерный слой золы, выявленный при раскопках, говорит о том, что у жителей очамчирского поселения постоянно горели костры[1].

Наряду с этим, в эпоху ранней бронзы под жильё использовались пещеры. В позднебронзовый период, по мнению исследователей, была освоена горная полоса Абхазии, где появляются «отдельные разбросанные в горах хижины»[2]. М.М. Трапш при раскопках некрополя на горе Гуадиху, близ Сухума, «обнаружил следы жилых помещений с глинобитной обмазкой и перекалившимися в огне камнями». В некоторых местах на гребнях холмов были отмечены поселения характера небольших укреплений[3].

В эпоху раннего железного века, как было отмечено, вдоль всего побережья Абхазии и в целом Восточного Причерноморья, были распространены поселения-стоянки I тысячелетия до н.э. Однако рассматриваемые поселения Абжуйской Абхазии имеют свои особенности. Так, «селище с текстильной керамикой» в районе с. Адзюбжа, по мнению Г. К. Шамба, во-первых, наиболее крупное из известных памятников (занимает несколько гектаров); во-вторых, тянется не вдоль морского берега, как обычно, а углубляется в село[4].

Вместе с тем, в прибрежной части Абжуйской Абхазии, в районе бухты Скурча найден ряд укреплённых поселений этой эпохи. Наиболее крупное из них, по М.М. Трапш, занимало площадь более 1 гектара. Всё поселения, известные в районе нижнего течения Кодора, расположены исключительно на левобережье

---

[1] Малия Е.М., Акаба Л.Х. Одежда и жилище абхазов. – Тб. 1982. С.134.

[2] Соловьёв Л.Н. Следы древнего соляного промысла близ г. Сухуми и г. Очамчира… С. 24–25.

[3] Трапш М. М. Труды. Т. 2. Древний Сухуми. – Сухуми. 1969. С. 18–19.

[4] Маан О.В. Находка в Адзюбже…

реки. Это объясняется тем, что левобережная территория Кодора располагает более благоприятными защитными формами рельефа (высокие плато, естественные холмы).

Совокупность имеющихся на сегодняшний день археологических находок памятников развитой бронзы в Абжуйской Абхазии: разнообразного оружия, предметов быта, украшений (говорящих о быте родовой аристократии), прослеживающийся в тот период подъем производительных сил и максимальная концентрация населения в регионе дают основание предполагать, что Абжуа, плюс ко всему занимавшая стратегическое положение, являлась значительным административно-хозяйственным районом с характерными чертами поселения городского типа (здесь были торговые ряды). Абжуа, по всей вероятности, несла как управленческие, так и военные функции (обеспечение безопасности торговых путей, например, по Кодору), являлась средоточием политико-экономической и культурной жизни, отвечавшей, прежде всего, интересам знати. А удивляться тому, что городище, например, в районе Скурчи (Ашьашла) не упоминается древними авторами не приходится. Эшерское городище, расположенное в 10 км к северо-западу от совр. Сухума и давшее весьма важный и богатый материал для характеристики, прежде всего, самой античной Диоскуриады, также не упоминается древнегреческими писателями.

О поселениях и жилище Юго-Восточной Абхазии античного периода можно судить на основании хорошо изученных памятников Апсилии. Поселения этого периода выявлены в различных пунктах: в Эшере, Камане, Пыште, Себестополисе, Герзеуле, Цебельде, Ажаре, Атаре-Армянской, Арасадзыхе, Гюэносе и т.д. Более 15 апсилийских поселений, 10 крепостей и до 20 могильников выявлено в бассейне Кодора, на территории исторической Цебельды. Поселения древних цебельдинцев располагались на крутых склонах или скалистых площадках с хорошо защищёнными природой подходами. Легкодоступные участки перекрывались валами и деревянными или каменными стенами. Социальная безопасность ставилась выше удобств, которые могли представлять открытые ровные пространства в окрестностях. Этим же обстоятельством отчасти объясняется и скопление в одном месте

большого числа людей, компактность жилища, сосредоточие производства, вполне очевидное сосуществование жилых сооружений с различными мастерскими, помещениями для скота, складами, торговыми рядами и т.д.[1].

Согласно письменным сообщениям античных авторов, население, обитавшее в прибрежье, жило в деревянных, круглых, четырехугольных плетеных строениях, покрытых, очевидно, соломой или иной растительностью пригодной для кровли. Причем это было и в горной и предгорной части Апсилии. Так, Агафий Миринейский в VI в. писал, что в окрестностях Цебельды, в это время жилища строились из «дерева и соломы»[2]. Исходя из естественно-географических условий региона и наличия еще в XIX веке значительных площадей лесов (покрывавших «все побережье от реки Кодор до г. Очамчира»)[3], с различной богатой растительностью, плетень издревле, вероятнее всего, и являлся основным строительным материалом.

Как было отмечено, местное население, чтобы сделать поселение неприступным для неприятеля, широко использовало защитные свойства рельефа местности: селились на холмах. Главное назначение подобных поселений заключалось, очевидно, в том, чтобы не дать противнику, чаще всего всадникам, взять поселение наездом. И вообще поселение на холме и без особых укреплений отвечало этим задачам. Наиболее удобными местами

[1] Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины… С.26.

[2] Там же. Необходимо отметить, что жилые постройки, наряду с другими этнокультурными признаками, служат важным свидетельством в пользу идентичности этнической группы мисимиан (обитавших в ущелье Кодора) с апсилами. Мисимиан, как известно, ряд грузинских учёных (С. Г. Каухчишвили, Г.А.Меликашвили и др.), основываясь, главным образом, на созвучии названия «мисимиане» и самоназвания сванов «мушвен», причисляют к сванскому племени. Однако, мисимиане, по сведениям Агафия, строили деревянные жилища, тогда как для сванов, как известно, издавна было характерно строительство больших, массивных каменных сооружений с высокими оборонительными башнями, что не упоминает в описании мисимиан Агафий.

[3] Чочуа А.М. Избранные сочинения… С.17.

реплений отвечало этим задачам. Наиболее удобными местами поселений являлись возвышенности по берегам рек. Например, в пос. Ахыуаа с. Адзюбжа (Ахыуаа досл. переводится как «люди с высот, возвышенности») была расположена усадьба дворянина Кычына Маан. Усадьба располагалась на возвышенном левобережье реки Кодор и окружена глубоким рвом. В одиннадцати метрах от «большого» дома находилась родовая сторожевая башня. Все это, очевидно, говорит о том, что здесь до середины XIX века располагалось нечто вроде укрепленного «замка», возведенного на достаточно защищенном месте. Впоследствии, с исчезновением военной опасности, в основном с середины того же XIX века, эта укрепленная усадьба превращается в обычное место жительства К. Маан.

В Абжуа, как и вообще в Абхазии, был распространен рассредоточенный тип поселения, на что указывают, например, авторы позднего средневековья. Так, Жан де Люк писал, что «абхазы, выбрав себе пребывание на одном месте, … не покидают его»[1], это объясняется, конечно, прежде всего, особенностями географической среды, отсутствием земельного «голода» в низменности. Расположение же жилищ, в основном, в лесистой местности объясняется потребностями военно-стратегического характера. К числу причин разбросанности поселений (а, следовательно, «разобщенной» жизни) следует отнести социально-экономический строй, который в первой половине и середине XIX века характеризовался господством натурального хозяйства и наличием патриархальных отношений в общественном и семейном быту.

Каждая абхазская община (акыта), как известно, делилась на ряд посёлков – ацута, ахабла. Например, к исторически сложившимся поселениям прибрежной части северо-запада Абжуа по реке Кодор относились – Бабышьира, Аджбна, Ауарча, Куараш, (на правобережье р. Кодор) Скурча, Ашыцра, Ашьашла, Дабакур, Пшькиар, Мармал, Агдарра, Ахыуаа, Кудрахыку – Допуакыт. Эти поселения представляли себой относительно небольшие населенные пункты с отдельными дворами, состоявшими обычно из од-

[1] Жан де Люк. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин // ЗООИД. Т.XI. – 1879. С. 490.

ного и более десятков дворов, преимущественно пофамильного заселения.

В дальнейшем, с появлением сельской общины и развитием феодальных отношений, небольшие абхазские поселения (хотя и расселение в них по родам отчасти сохранялось) образовали многодворные феодальные поселения, которые назывались по имени его владельца. Так, в картографических источниках первой половины XIX века с. Авидзибжара на левобережье реки Кодор значится как Салах ицута[1] – поселение Салаха (Соулаха Маан). О значительности размеров поселения можно судить уже по тому, что его название нанесено на указанные карты крупными буквами. К подобным категориям многодворных поселений применима характеристика Дюбуа де Монпере, данная им в середине XIX века адыгским поселениям: «Если несколько жилищ, рассеянных вдоль и поперек, зависят от одного князя или объединены местными условиями и общими интересами, им дают одно название, обыкновенно общее с рекою, протекающей по соседству»[2]. Сказанное соответствует сведениям, например, Гибаля «о князе Мане» в с. Кодор (на правобережье реки), состоявшем, как указывалось, из 240 дворов[3], и сведениям Нордмана о числе дворов в с. Адзюбжа[4]. Село Кодор-Адзюбжа таким образом по числу дворов в первой половине XIX века являлось вторым населенным пунктом Абхазии после с. Соуксу-Лыхны в Бзыбском округе, в котором находилась резиденция владетеля Абхазии. Оно состояло из 400 дворов[5].

Исходя из приведённых указаний можно считать установленным, что хуторской тип поселения был наиболее распространён в

---

[1] См.: Карта Западной части Кавказского края, составленная из топографических сведений, собранных о Закубанских горских народах и дополнения расспросами 1842 года. – Тифлис. 1842; Карта Кавказского края. – Тифлис. 1847.

[2] Цит. по: Кобычев В. П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. – М. 1982. С. 24.

[3] Абрюцкий 2-ой. Статистический взгляд на Абхазию. №№27–29... С.227.

[4] Путешествие профессора Нордмана... С.422.

[5] Абрюцкий 2-ой. Статистический взгляд... С. 227.

Абхазии и в XIX в. По сообщению М. Селезнёва, расположенное в центре Абжуа с. Кутол, в первой половине XIX в., была «разбросано по лесу на несколько вёрст… перерыто буэраками». Такая разбросанность жилищ «по косогорам и буэракам, заставляет путника то подниматься к ним, то спускаться»[1].

В 1893 г. Н. М. Альбов также отмечал, что в Абхазии отдельные хозяйства обычно разбросаны на значительном друг от друга расстоянии, отделяясь небольшими перелесками, «так что одна абхазская деревня тянется вёрст на 10[2]. Г. А. Рыбинский, в конце того же XIX в., писал, что поселения «абхазской общины Адзюбжа тянутся на 40-вёрстном пространстве в длину»[3], что соответствовало реалиям того времени.

С раскорчёвкой перелесков, отделявших усадьбы друг от друга, растянутость абхазских сёл сокращалось: уже в начале XX века она доходила в среднем от 5 до 8 километров.

Значительное сокращение этих расстоянии наблюдается после упразднения бывших сельских общин и образования на их территории ряда деревень. Так, бывшая Бедийская община, которая простиралась с севера на юг на 25–28 км, а с востока на запад – на 18–20 км отстояла от соседней Гупской общины на 10–12 км. После того, как указанные общины были разбиты на ряд деревень (Бедийская – на 7 деревень, а Гупская – на 4), расстояние между вновь образованными сёлами сократилось от 5 до 8 км[4].

Характер жилища и хозяйственных построек абхазов, как и любого народа, определялся рельефом местности и наличием определенного строительного материала.

По свидетельству старожилов, в конце XIX века в крестьянской усадьбе имелось два вида жилья: один – постройка традиционного типа, без окон, с двумя дверьми и открытым очагом; другой – новый тип дома с камином, окнами и т.п. В усадьбе распо-

---

[1] Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения... С. 328.

[2] Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии // ЖС. Вып. III. – Спб. 1893. С. 308.

[3] Рыбинский Г. А. Сухумский округ. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении... С. 29.

[4] Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии... С. 16–17.

лагались: винный погреб (аҧцара), амацурта, сооружения для хранения сена и чалы (ананыра – у ограды двора), амбар (аца – позади двора за оградой), сарай для крупного рогатого скота (абора) и отдельно для коз. Далее располагались конюшня – аҽҧра (если таковая имелась); сзади амацурты – курятник (акутыҧра). Рядом с главными двустворчатыми воротами в ограду встраивалась плетеная, а позже дощатая калитка или же сооружали специальный перелаз с лесенками по обе стороны. При усадьбе располагались сельскохозяйственные угодья – пашня, огород, фруктовый сад, виноградник, ахкаара – огороженный участок, где пасли телят и лошадей. Вблизи усадьбы обычно располагалось и фамильное кладбище.

Существенной частью усадьбы абжуйского селянина, как и любой традиционный абхазской усадьбы, является двор. Как правило, это зеленый ковер, распростертый перед домом, на котором с умыслом высажены определенные породы деревьев – чаще всего граб, липа, грецкий орех. Липу принято высаживать также на семейно-родовых кладбищах. Грецкий орех и каштан, как плодовые и к тому же засоряющие двор растения, чаще высаживаются за пределами двора. Предпочтение грабу, как и липе, объясняется, очевидно, шатровидностью их густой кроны, под сенью которой летом, в условиях знойного климата, образуется тень или навес, создающие благостный уют. Предпочтение грабу, видимо, еще объясняется и тем, что издревле считают его деревом-громоотводом (по словам стариков, «никогда ни один абхаз не видел, чтобы громовой удар упал на граб»)[1]. У липы свои дополнительные достоинства – необыкновенный аромат цветков, богатых нектаром (липовый мед!). За формированием кроны деревьев, высаженных во дворе, следят – всякий раз убирают сушняк из кроны. Дворы абжуйцев, как и в целом, ухоженные абхазские дворы, гармонично вписываются в окружающий ландшафт. Крупные деревья во дворе, господствуя над более низкой окружающей растительностью, сочетаются своей массой с объемом жилого дома. И так как теплый климат дает жителям возможность почти круглый год находиться вне дома, на территории

[1] Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии... С.67.

усадьбы, то крупные деревья, растущие перед жилым домом, рядом или возле колодца, являются обычным местом отдыха семьи и приема гостей. По замечанию Е. М. Шиллинга «абхазский двор является таким же обширным, как и черкесский или абазинский, но отличается большей чистотой…»[1].

О чистоте и ухоженности абхазских дворов много писал в своих путевых заметках об Абжуйской Абхазии в 1920 г. профессор из Турции, создатель букваря для абхазов, проживающих в Турции, Мустафа Бутба[2].

Традиционно дворы абхазов были обширными: это вызывалось, во-первых, тем, что все хозяйственные постройки размещались во дворе; во-вторых, это было связано с соблюдением обычаев, уходящих корнями в эпоху родового строя; справления свадеб, поминок и других многолюдных мероприятий[3].

Со слов информаторов, в широком дворе Кычына Маан (обширность двору придавало то, что внешний и внутренний (ашта и амдзырха) дворы были объединены) перед жилым домом – «акуаскьей», примерно в ста шагах по его сторонам в 50 м. друг от друга росли два грабовых дерева высотой до 30 метров и диаметром более одного метра. Под одним грабом собирались старшие возрастные группы, а под другим – молодежь. Двор усадьбы Кычына, как вспоминают старожилы, часто превращался в места сборов, собраний, скачек, джигитовок и пр.

Наиболее ранним типом жилища являлось акуацв (ақәацә)[4] – плетеное из орешника или рододендрона круглое строение с ко-

[1] Инал-Ипа Ш.Д. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. – Сухуми. 1954. С. 78–79.
[2] Гуажба Р. "Путешествие на Кавказ" // Газ. «Республика Абхазия». 18 апреля 1998 г.
[3] Акаба Л. Х. Абхазы Очамчирского района... С. 61–62.
[4] При строительстве домов на пол будущего жилища наносилась земля и плотно утрамбовывалась. Вокруг жилища прорывалась траншейка для дренажа. Что касается этимологии слова «ақәацә», то оно состоит из «ақә» – «верх», «макушка»; «ацә» (ицәу) – «острый», ср. «ақәацәра» – «выступ», «ақәацәхара» – «увеличиваться в росте» и т. д. (см.: Дзидзария О.П. Строительная лексика абхазского языка. – Сухум. 1998. С.31). По свиде-

нической кровлей (из папоротника или тростника) и земляным полом, который сверху обмазывали раствором глины с песком. По описанию Е. М. Шиллинга, «очень интересно обратить внимание на конструкцию конусообразной крыши постройки. Её образуют жерди, как бы сходящиеся в пучок. Вверху они скреплены попарно так, что конец одной жерди вбит в отверстие другой. Скреплённые таким образом жерди расходятся лучами во все стороны и опираются на цилиндрическую стену»[1]. Стены такого жилища большей частью не обмазывались глиной, естественно в нем человек не был защищен от ветра. Зимой же стены обкладывали коврами и шкурами, а неимущие кукурузной соломой или папоротником. Спереди акуацв имел вход, на котором прикреплялась плетеная или навесная дверь. Посреди земляного пола устраивали очаг, вокруг которого располагалась семья, для обогрева, еды и ночлега. Отличительной особенностью не только акуацв, но и более позднего типа жилища – апацха, было почти полное отсутствие мебели. В середине XIX в. дома типа акуацв были распространены преимущественно в горных и предгорных районах страны. Отдельные экземпляры подобного жилища встречались в сс. Арасадзых и Кутол ещё в 30–40-х гг. XX в. В приморской же части Абжуа, в 1930-е годы акуацв уже не встречается. Круглые постройки, хотя и редко, но можно было видеть там в начале XX века у бедных слоев населения. Возможно, увиденные в то время Е. Л. Марковым в «абхазской общине Адзюбжа» «хижины и постройки из дерева, крытые тростником»[2] принадлежавшие небогатым селянам были именно круглыми жилыми домами.

Исследователь абхазской жилищной архитектуры И. А. Аджинджал увязал круглую хижину с конической крышей со следами первобытных шалашей, найденных Л.Н. Соловьёвым при раскопках Очамчирского селища раннебронзовой эпохи (несмотря на свою примитивность, постройки Очамчирского поселения, несомненно, можно отнести к простейшим типам жилищ). Круглая хижина с конической крышей, по мнению И.А. Аджинджала, развилась в четырёхугольное плетёное жилище с двускатной крышей, абыца-тзы. Кстати, от абх. абыца-ҭзы (досл. «плетёное жилище, дом») происходит и название домов высших сословий в Грузии – тадзари[1].

В период, когда основным типом жилища абхазов являлся акуацв, был распространён обычай строить отдельное помещение для новобрачных – амхара. Причём, некоторые хворост для плетения этой постройки очищали от кожицы, что придавало ей больше изящества. Обычно амхара располагалась в дальнем конце усадьбы, позади отцовского «большого дома». Не обладая какими-либо характерными особенностями, кроме своих малых размеров, брачный домик часто представлял собой постройку более архаического типа, чем «большой дом».

Отдельное брачное помещение было известно и мегрелам, по крайней мере, в пограничных с Юго-Восточной Абхазией районах, под тем же названием «амхаре», что также свидетельствует о заимствовании его мегрелами непосредственно у абхазов.

Наряду с акуацв существовал и более улучшенный вид жилища так называемая «апацха», или амасар тзы (амасарҭзы) – представлявшим из себя четырехугольный однорядный, но тоже плетеный дом[2]. Стены апацхи плели из прутьев рододендрона или орешника. При этом плетению, как видно на фотографиях и по некоторым сохранившимся старым апацхам абжуйцев, придавали ажурные формы, радовавшие глаз. Апацха имела деревянное основание и угловые столбовые стояки, четырехскатную крышу, покрытую соломой или папоротником. Формы и материал крыши в еще большей степени, чем материал стен, были обусловлены

тельству абжуйцев, в частности, жителей с. Джгиарда, после окончания постройки дома, устраивалось моление «духу–покровителю земельного участка», занятого под дом.

[1] Шиллинг Е.М. Круглые постройки у народов Западного Кавказа // Известия АИЯЛИ. Т. III. – Тб. 1974. С.136.

[2] Цит. по: Пачулиа В.П. Падение Анакопии. Легенды Кавказского Причерноморья… С.60.

[1] Акаба Л.Х. Абхазы Очамчирского района… С.66–67.

[2] У многих народов мира первые жилища в плане были круглыми, а затем четырехугольным. Противопоставление квадрата (четырехугольника) кругу явление повсеместно распространенное (см.: Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л. 1983.С.75).

природно-климатическими условиями. Поскольку регион отличался обилием осадков, крыши здесь делали более наклонные. Фасадная стена жилища отступала вовнутрь настолько, чтобы образовать пространство под навесом. В условиях южного климата это было весьма кстати, так как можно было производить работы под навесом вне зависимости от погодных условий – и в дождь, и в зной. Плетеные или дощатые двери навешивались на фасадную стену дома. К задней стенке жилища со временем пристраивалось подсобное помещение – апара (аԥара). Здесь тоже посередине апацхи устраивался очаг, над которым вешались котлы для приготовления пищи, а также плетеные сетки для копчения сыра, мяса и других продуктов.

Дым в апацхе выходил сквозь плетеные стены и пористый слой кровли, который постепенно покрывался слоем затвердевшей копоти, которую периодически сдирали. «Бывало, – вспоминают информаторы, – что у тех, кто вовремя не избавлялся от сажи, пацха загоралась». Очаг в апацхе требовал огромного количества дров, но помещение, тем не менее, обогревалось слабо. Огонь в жилище, в зимнее время, приходилось поддерживать круглые сутки, для чего в очаг клали порой стволы деревьев, что было обусловлено трудоемким процессом добывания огня и избежанием его угасания[1].

Обычно по одну сторону очага стояла длинная скамья, а вдоль стен стояли широкие лавки для отдыха и сна. В настоящее время апацха выполняет уже функцию кухни – по отношению к «большому» дому.

Следует отметить, что дома многих князей и дворян в первой половине XIX в. ничем не отличались от крестьянских жилищ, и только наиболее богатые строили двухэтажные рубленые или дощатые дома. По свидетельству Дюбуа де Монпере, обычный дом абжуйского князя Алыбея Чачба в с. Тамыш «был не лучше, чем дома его подданных; его дворцом была сакля из плетёных ветвей, обмазанных глиной, с изгородью, в которой даже не было

[1] О важности сохранения непрерывного огня в древности свидетельствует сохранившаяся у абхазов формула проклятия «Да потухнет твоя доля огня («Умцаху ыцәааит»).

калитки». На берегу моря, у устья р. Дгамыш, для удобства занятия пиратством он построил себе отдельную усадьбу – маленький деревянный дом, который укрывали «великолепные деревья своими зелеными арками»[1].

Разновидностью апацхи являлся аганюны (аганԥны, досл. «дом в ширину» или апсуа юны (аԥсуа-ԥны, абхазский дом)[2]. Это был вытянутый четырехугольный деревянный однокомнатный дом с земляным полом, без потолка, с двускатной крышей. По фасаду, на всю длину дома, устраивался неширокий навес. Все стены были сделаны из досок, а вместо окон делали небольшие просветы в виде форточек размером 40 х 40 см. Комната имела две двери – одну в фасадной стене, другую – в задней стене.

До конца XIX века доски при строительстве домов употреблялись редко, так как заготовка леса и сооружение сруба одним топором были делом трудоемким. С конца XIX века, с возникновением в Абжуйской Абхазии механического лесопиления, постройка жилищ из досок увеличивается. Ни рам, ни тем более стекол в окнах до конца XIX в. не было. Окна иногда закрывали бычьим пузырем.

Еще недавно у более или менее состоятельных лиц в Абжуйской Абхазии преобладали одноэтажные деревянные дощатые дома типа «акуаскьа». Согласно преданию, первый дощатый дом «акуаскьа» был построен владетелем Абхазии апсха (аԥсха) на территории нынешнего с. Акуаскьа. Владетель иногда выезжал сюда как на дачу. Здесь были замечательные родники. До начала XX века дома типа «акуаскьа» были привилегией исключительно зажиточных слоев населения (ввиду дороговизны его строительства), однако со временем «акуаскьа» получила распространение и среди других слоев населения. С переходом к строительству дощатых домов стали применяться гвозди (ранее же вместо гвоз-

[1] Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа... С.156.

[2] По свидетельству старожил с. Отап, в прошлом абхазы жили в длинных апацхах – аганԥны (Акаба Л.Х. Абхазы Очамчирского района... С. 68).

дей и металлических скобок пользовались врезными скреплениями).

Заготовку лесоматериала, предназначенного для строения, производили в строго определенное время года, когда у деревьев прекращалось сокодвижение. «Акуаскьа» отличалась от предшествовавших ей домов тем, что здесь уже были деревянные полы и потолки, балконы на всю ширину дома. Крыша у «акуаскьи» была четырехскатной. Ввиду влажного климата дома устанавливали на деревянных или каменных столбиках высотой до одного метра. Тип дома, «построенного на коротких столбах в виде усеченного конуса, основание которого лежало на земле, в 1912 г. был зафиксирован А. Миллером в с. Адзюбжа (ныне хранится в Госмузее этнографии в Санкт-Петербурге). В отличие от домов типа «апацха», в домах этого типа крыша покрывалась дранкой («аḱауар»). Строение, как правило, деревянное, причем используются гладко отструганные доски, толщиной 5-8 см, которые тщательно пригонялись.

«Акуаскьа» состояла из большой комнаты – гостиной для приема гостей – и примыкающих к ней анфиладой двух или трех небольших комнат.

С конца XIX в. в жилых помещениях появляются камины, а с начала XX века – небольшие железные печи. Тогда же появляются окна со стеклами в рамах. Первые камины клали из известняка, а позже – из кирпича. В первое время камины сооружались у внутренней стены зала, и они обогревали только одну комнату. Позднее камины встраивались в стену одной из смежных комнат таким образом, чтобы они обогревали две комнаты. Впоследствии же их клали в углу на стыке трех стен. И таким образом отапливался весь дом. Некоторые состоятельные крестьяне сооружали в «акуаскье» два камина: один в зале, другой в спальне. Такие два камина были, например, в акуаскье зажиточной семьи Кана Цагурия в с. Адзюбжа. Они были сооружены у задних стен комнат. Небезынтересно отметить также, то, что и в настоящее время в спальне К. Цагурия сохранился фрагмент росписи стены масляными красками, выполненной в европейской манере: на самой росписи, на фоне долины реки Кодор с видом на Гору-Конус (Адагуа) изображен абхаз с ружьем верхом на лошади. По свидетельствам старожил, роспись была исполнена ссыльным из России.

В нескольких метрах от «большого» дома обычно располагалась амацурта («место обслуживания», или место работы по обслуживанию нужд гостевого дома). Со временем между гостевым домом и амацуртой стали сооружать крытый переход (аиҷачаҧа) для удобств сообщения в дождливую погоду. Считалось, что тот, у кого дом построен таким образом – крепкий хозяин.

Дома более обеспеченных хозяев отличались от жилища крестьян строительным материалом, а также тем, что в них появились окна, в интерьере – мебель. Такие дома, в частности, имелись у священника Михи Кация (с. Адзюбжа), кузнеца Куты Начкебия (с. Пакуаш), Екупа Тарба (с. Ткуарчал) и других. Более совершенными и большими по размерам были дома дворян и князей. Так, дом Кычына Маан был выстроен на фундаменте высотой в один метр из булыжника. Дом целиком был каштановый, покрыт дубовой дранкой. Вдоль всего фасада, обращенного в сторону солнца, тянулся длинный балкон шириной в 3 метра – с крылечком, украшенным резьбой. Он был укреплен на семи столбах-стояках. Фасад дома был выкрашен в голубой цвет[1]. В дом вела двустворчатая дверь, слева и справа от нее находились по два широких и высоких окна с раздвижными ставнями. Они также были окрашены в голубой цвет. На балконе были вывешены рога зверей. Внутренние стены дома были покрыты лаком. Дом состоял из шести комнат: первая комната предназначалась для гостей, во второй комнате – слева от главной – располагалась приемная хозяина дома. Она была обставлена европейской мебелью: комод, два больших дивана, покрытые коврами, овальный стол. Остальные комнаты (слева и справа от залы) занимали спальня, столовая, буфет и кладовая. За большим домом располагалась амацурта (апацха), к которой вел дощатый переход с резными балясинами, крытый дубовой дранкой. С установлением

[1] Фасад, а иногда и все наружные стены дома многих князей и дворян окрашивались. Фасад дома князя Заурбека Дзапшипа в с. Тхина был выбелен, а дворные и оконные рамы, ставни и перила были выкрашены в синий цвет.

советской власти, «большой дом» Кычына был реквизирован и в нем разместили сельский совет.

У многих князей и дворян имелось по несколько домов. Так, у князя Гыда Чачба в с. Бедиа, у дворян Пахуалы Цыба и Кваджа Маан в с. Гуада было по два жилых дома типа «акуаскьа».

В настоящее время в Абжуйской Абхазии можно встретить лишь единичные жилые дома типа «акуаскьа», другие же дома в полуразрушенном состоянии.

Примерно с середины 50-х годов XX в. в Абхазии получили массовое распространение комбинированные двухэтажные дома – первый этаж из булыжника или кирпича, а второй – деревянный[1]. Подобные дома характерны, главным образом, для Абжуйской Абхазии. В последние десятилетия здесь строятся бельэтажные и двухэтажные дома из шлакоблоков, преимущественно с четырехскатными крышами, покрытыми в основном шифером. Шлакоблок из-за своей пористости (так как он изготавливался из шлака и цемента) задерживает в порах воздух (в том случае если он не подвергается воздействию влаги), что сохраняет тепло. Кроме того, шифер как кровля долговечнее и дешевле дранки. Гребень и карниз крыш, водостоки домов украшены резьбой. В таких домах нередко нижний этаж используют как подвальное помещение для хранения вина, дров, сельскохозяйственного инвентаря и т.д. Гораздо чаще нижний этаж используют как кухню.

Еще в 30–40-е годы XX века в доме можно было встретить пеструю картину сочетания традиционной обстановки с интерьером городского быта. В последние два десятилетия вместо комодов, железных кроватей, домотканых ковров и других предметов традиционного набора стал преобладать интерьер городского типа (что говорит об исчезновении старинной мебели, сундуков и т.д., являвшихся своеобразным антиквариатом). Сейчас, как и прежде, число кроватей в жилищах обычно превышает число членов семьи, что связано с сохранением традиционного обычая гостеприимства. В старое время местонахождение каждой вещи в

[1] Козлов В.И., Павленко А.П. Жилищно-бытовые условия // Абхазское долгожительство. – М. 1987. С. 154.

доме было строго определенным и обуславливалось установившимся укладом жизни. Все это помогало поддерживать в доме строгий и четкий порядок, опрятность, характерные и для сегодняшней семьи.

До грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. усадьбы в прибрежной части Абжуйской Абхазии были расположены в непосредственной близости друг от друга, села были плотно застроены. В период боевых действий в Абжуйской Абхазии пострадало более 2 тыс. домов. После завершения войны восстанавливаются разрушенные дома, сооружаются новые жилые и хозяйственные строения. В новых домах полы крашеные или покрытые лаком, крыши двух – или четырехскатные, чердачные, под шифером или цинком; веранды во многих домах застекленные.

В последнее время рядом с главным жилищем строятся апацхи. Здесь, как и прежде, коптят мясо, сыр. В комплект жилых построек входит и аганюны (аказарма), используемая главным образом в хозяйственных целях.

В советские годы, после проведения коллективизации, число хозяйственных построек во дворах абжуйцев сократилось. В настоящее время появляются примеры увеличения хозяйственных сооружений, так как появляются предприниматели, способные вести более крупные хозяйства.

§ 2. Одежда

Более или менее наглядные сведения об абхазском костюме мы имеем из художественного альбома Горшельта «Кавказские походные рисунки», изданного в 60-е годы XIX столетия. На одной из страниц альбома представлены конкретные исторические личности (Кац Маан, Аублаа Ахмат, Хаджи Берзек, Чаушкан Амаршан, Раста Инал-ипа) в папахах различной формы в зависимости от моды, и башлыках, а на голове Каца Маан убор турецкого покроя – феска (абх. афес хылпа).

Согласно описаниям середины XIX века, в Абжуйской Абхазии носили на турецкий манер фески – как дань моде. В газ. «Кавказ» за 1852 год сообщалось о старом абжуйском помещике

«в красной феске»[1]. Именно традиционные головные уборы, особенно папаха – ахылпарч (высокая барашковая шапка на толстой подкладке, способная «выдержать сильный сабельный удар») являлась у стариков еще в недавнее время наиболее устойчивым элементом костюма, она считалась символом достоинства.

Традиционной формой головного убора являлся и башлык (ахтырца). При этом мужчины брили голову наголо. Известный французский востоковед М. Броссе, присутствовавший на пасхальных торжествах в резиденции мегрельского владетельного князя Дадиани в 1848 г., писал, что" в толпе верующих съехавшихся в церковь в Зугдиди, можно было увидеть абхазцев – христиан (самурзаканцев и абжуйцев, – О.М.), которых легко распознать по их бритым головам и белому башлыку"[2]. По данным С. П. Басария, в старину мужчины носили на голове войлочную высокую конусообразную шапку, на которую сверху одевали башлык[3] (подобная форма одевания башлыка поверх высоких войлочных шапок имело место в быту абхазов и в середине XIX века).

В связи с бытовавшими в прошлом у абхазов формами головных уборов, большой интерес представляет сообщение немецкого автора И. Шильтбергера (посетившего Абхазию на рубеже XIV-XV вв.) о том, что абхазы (мужчины и женщины), в виду нездорового климата их страны «носят четырёхугольные плоские шапки»[4]. Прямые указания собственно Абхазии (и её главного города – Себастополиса-Сухума, как и некоторых бытовых особенностей населения), не дают усомниться в том, что названный автор побывал в нашем крае, но его сообщение о нездоровом климате этой страны и связанных с этим оригинальных головных уборах жителей не находят пока, насколько известно, подтверждения в других исторических источниках.

---

[1] Г.С. Возвращение // Газ. «Кавказ». №72. 1852. Г.С. – псевдоним писателя Владимира Соллогуба.
[2] Буачидзе Г. Мари Броссе. Страницы жизни. – Тб. 1983. С. 317–318.
[3] Басария С.П. Избранные сочинения... С. 51–52.
[4] Штильбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. – Баку. 1984. С. 40.

Если период с конца X1X и начала XX вв. характеризовался изобилием и разнообразием видов (особенно мужских шапок), то 20-30-е годы XXв. ознаменовались массовым отходом от традиционных форм головных уборов.

В 1920-х годах, например, парни из состоятельных семей, как это видно на фотографиях абжуйцев, носили европейские кепки.

По сообщению старожил, мужчины носили: штаны (аиқәа) из бязи (амаркан еиқәа); рубаху (ахарц) из льняного полотна (холста) по пояс в длину, с рукавами по запястье. Рукав завершался манжетой, которая застегивалась на две пуговицы. К концу штанины пришивалось стремечко, в которое вдевалась ступня, или же пришивалась тесьма, которая завязывалась у щиколотки ноги. В поясе штаны были широкими и поддерживались учкуром, который ткали на станке (ақада, асыга). Штаны и рубаху носили темных цветов. Парадная мужская одежда состояла из черкески (акәымжәы): по обе стороны груди на черкеску нашивались газырницы (по шесть ячеек); под черкеску надевали архалук (акаба), и на голову папаху или башлык.

«Черкеска, бешмет, бурка, а также башлык и другие головные уборы, – писал И.А. Аджинджал, – являлись основной общекавказской и национальной мужской одеждой абхазов». Бурка и черкеска у абхазов «обычно не спускались ниже колен, в то время как у черкесских племён Северного Кавказа они были длиннее»[1].

С. Броневский также писал, что одежда абхазов «похожа на черкесскую, хотя короче покроем». В прошлом и абхазы шили длинные черкески, иногда почти до щиколотки. Позднее её стали укорачивать, в некоторых случаях почти до колен[2].

Хорошая бурка (ауапа) была предметом гордости. В середине и конце XIX века бурка у абхазов была двух видов, первый вид – колоколообразная длинная и второй – колоколообразная короткая. В начале XX столетия появляется трапециобразная бурка местного варианта с прямыми, неширокими плечами и расклешем в полах[3]. Бурка была и у большинства крестьян, а у кого ее не бы-

---

[1] Аджинджал И.А. Из этнографии Абхазии... С.354.
[2] Инал–Ипа Ш.Д. Абхазы... С.317.
[3] Малия Е.М., Акаба Л.Х. Одежда и жилище абхазов... С.17.

ло, в случае надобности, одалживали. М. Селезнёв, проживавший в с.Кутол, писал, что в пути абхазы, «вытерпливая стужу и непогоду без жалобы, закрываются буркою и башлыком… бурка с камнем и пнём под изголовьем, есть почти всегдашняя их постель»[1]. Особая роль принадлежала бурке, например, в свадебном цикле абхазов. По описанию С.Т. Званба, под буркой вместо занавеса «у простолюдинов» устраивалось первое свидание невесты с женихом, приехавшим на смотрины в дом ее родителей[2]. По свидетельству старожил, наиболее состоятельные крестьяне и дворяне носили «акаукау уапа» – «длинные, добротные, княжеские бурки». Достоинство новой бурки определяли следующим способом: если поставленная на землю, после удара кинжала, она не сгибалась и не падала, то её качество признавалось высоким. Для того чтоб не промокала в дождь, бурка была с ворсом, что придавало ей ещё и красоту. С конца XIX в. в Абжуа нередко завозились бурки из с. Джвари (на левом берегу р. Ингур). Пожилые абжуйцы еще недавно носили бурку в особо торжественных случаях (на конноспортивных состязаниях, свадьбах, встречах однофамильцев).

Интересно отметить, что жители с.Тхина в Абжуйской Абхазии, имели прозвище "уапаҟаԥшьаа", – "красно-бурковые люди", оттого, что подолы их бурок, в недалеком прошлом, окрашивались в красный цвет от растения "недотроги обыкновенной" или хны, обильно росшей в этом селе.

К древним типам костюма относится и верхняя одежда из войлока – агубанакь[3]. По сведениям абжуйцев (с. Члоу), агубанакь была распространена в прошлом среди всех слоев населения. Её одевали молодые и пожилые. В Абжуйской Абхазии в конце XIX века бытовали войлочные кафтаны с длинными рука-

[1] Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения… С. 334.

[2] Званба С.Т. Абхазские этнографические этюды… С. 29.

[3] У мегрелов эта форма одежды называлась «гобанаки»; у кабардинцев – «гобенедж»: у русских (у кубанских и других казаков) – «кобеняк». Слово заимствованное из турецкого языка, где оно звучит как «капанек» (Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства абхазов… С. 99).

вами, как у бурки ворсом. Белые кафтаны были парадной одеждой молодёжи. В большом употреблении были шерстяные ноговицы (аимсы), которые надевали поверх штанов, как крестьяне, так и князья и дворяне. Обувь – чувяки носили из сыромятной кожи (ажәцәеимаа). Шили их нитками из козьей шкуры. Обувались чувяки летом на босую ногу. В 20-е, 30-е годы XX в. появились кирзовые сапоги. Зимой обувь надевали поверх кожаных носков (амест) или шерстяных носков – ақалпад. Мужская одежда не стесняла движений, а мягкая – позволяла ходить бесшумно и по любым тропам. На фотографиях второй четверти XIX века можно видеть абхазов, изображенных босыми. Согласно описаниям начала XIX века, многие крестьяне летом ходили босиком, причем даже оруженосцы владетеля Келешбея[1]. Очевидно, это, объясняется тем, что теплый климат позволял абхазам, как и большинству других народов, живших в аналогичных климатических условиях, ходить босыми. Часто, идя в гости, крестьяне обувались почти у самых ворот тех, к кому шли. Но, однако, это не относилось к высшему сословию: они носили обувь каждодневно, при том часто привозную. Широко были распространены привозные так называемые азиатские сапоги – «амагә». Шиты они были без ранта, каблуков; на тонкой подошве.

По свидетельствам старожилов, еще до первой мировой войны в Сухуме азиатские сапоги шили греки и армяне. Сапоги были и с низкими, и с высокими голенищами. При этом сапогами с высоким голенищем, как это видно на фотографиях абжуйцев 1930-х годов, селяне щеголяли.

В общественном месте мужчина появлялся в черкеске и обязательно в головном уборе. В 1958 г. французский журналист, посетив несколько абжуйских приморских сёл, писал: «Мы переступаем порог дома. Обтянутые своими черкесками, украшенными газырями, пересечёнными великолепными серебряными кинжалами, в башлыках из чёрной шерсти, степенно опираясь на свои большие посохи, на нас смотрят Кута Зантария – 113 лет, Смел Зантария – 92 года, Мустафа Чачхалия – 125 лет и Дата

[1] Инал–Ипа Ш. Д. Абхазы… С.315.

Ануа – 93 года»[1]. Вместе с тем, в прошлом, в низменных районах Абхазии была распространена короткая черкеска (акәымжәы кьаҽ) из льняного полотна – одежда, удобная для мореходов. Полы черкески всадника не должны были болтаться: он их подкладывал под седло.

Обязательным элементом костюма еще недавно считали узкий кожаный пояс, отделанный украшениями из чеканного серебра с серебряными подвесками. На поясе обычно носили нож в ножнах, (в торжественных случаях надевали пояс с кинжалом, ножны которого нередко были серебряными.) До середины XIX века многие мужчины, наряду с кинжалом, спереди или сзади за поясом носили кремневые пистолеты. Мужчины, вернувшиеся с первой мировой войны, ходили в гимнастерках, брюках галифе и азиатских сапогах. Представители старшего поколения и сейчас иногда носят азиатские сапоги с костюмом городского типа. После Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. мужчины некоторое время донашивали военную форму.

Одеждой мальчиков до трёхлетнего возраста являлся «ахарп» (рубаха). Первую рубашку, называвшуюся амшвхарп (амшәхарԥ – досл. медвежья рубашка), на ребёнка надевали с одного – двух месяцев. Рубашку обычно шили из старой сорочки отца. Согласно поверью, к ребёнку тем самым переходили личные качества и жизненный потенциал отца или деда[2].

В качестве верхней одежды детям и подросткам крестьянского сословия в зимнюю пору еще в начале XX века служило одеяние в виде куртки, сшитой из домашнего самодельного сукна, на ноги надевали чувяки из сыромятной кожи, которую носили с вязаными шерстяными носками. Вместо черкески мальчики надевали суконные блузки. Дети высших сословий, а также дети богатых крестьян носили черкески из красного, синего, зелёного, иногда белого сукна, разукрашенные золотистыми галунами, с маленькими кинжалами и игрушечными пистолетами за поясом. На

[1] Газ. «Советская Абхазия». 24 мая 1958 г.
[2] Маан О. В. Социализация личности в традиционно–бытовой культуре абхазов… С. 22.

голову надевали белую папаху и белый башлык, а на ноги – красные сафьяновые ноговицы и чувяки. В 1940-е годы абжуйские школьники носили пальто или меховую куртку, туфли, ботинки, обычные брюки, а также галифе. Галифе надевали и без сапог – с ботинками, в этом случае на галифе натягивали носки с резиновыми подтяжками.

Традиционная женская одежда состояла из платья (аԥкы), короткого кафтанчика (акьаҽ), рубахи (ахарԥ), длинной сборной по талии юбки (аипка), широких длинных нижних штанов-шароваров; на голову надевали косынку или платок (акасы). Косынку женщины завязывали спереди на голове; девушки завязывали косынки больше сзади. Косынки и платки и сейчас носят женщины пожилого возраста. На ноги надевали чулки (ақалпад), обувь носили деревянную, т.н. колотушки – аҟапҟап (подошва которых изготавливалась из древесины шелковицы), а также легкую обувь из сыромятной кожи (ажәцәеимаа). С конца XIX века все чаще стали носить фабричную обувь. Чтобы юбка была пышной, снизу надевали еще одну юбку. Цвет женской одежды (как и мужской) преимущественно был чёрный, девушки носили одежду красных тонов, белого и синего цветов. Под платьем носили шаровары также вышеперечисленных цветов. По цвету шаровар можно было определить не только возраст, но и семейное положение абхазки. Одежду шили из фабричных тканей, которые приобретали у коробейников, в которых не было недостатка, чаще всего в обмен на яйца, кур и другие сельхозпродукты. Таким же образом приобретали нитки, духи, мыло, пудру и другие товары широкого потребления.

Женщины носили серьги, бусы (бисеры), кольца. Незамужние девушки и женщины кольца носили на левой руке; замужние – на правой руке. Одевали и по два кольца на одной руке, но это считалось высокомерием. При смерти близкого, родственницы на время соблюдения траура снимали с себя украшения. Женщины красили мизинец, своеобразным лаком красного цвета собственного приготовления из ягод растения «амахәшәыг», толченных с квасцами. Нагретым гвоздем завивали кудряшки. Представительницы высшего слоя наносили на лицо белила и румяна, изготавливали жидкости для протирания лица (лосьоны), благовония.

При мытье головы пользовались красной глиной (анышәацшь). Для придания блеска волосам, их полоскали соком виноградной лозы, разбавленной в воде. Для тех же целей, волосы смазывали нередко маслом грецких орехов или куриным жиром. Для окрашивания волос употребляли цветы и листья бальзамина Султанского.

По уходу за волосами прибегали к магическим действам: например, если хотели иметь волнистые волосы, сбривали голову сидя на барашке. Такой случай имел место в 1968г. в с. Члоу[1]. Красивой считалась женщина выше среднего роста, стройная, с длинными косами, белокожая, с высоким чистым лбом, прямыми бровями (иногда брови выщипывали).

Представительницы дворянства еще в конце XIX и начале XX века одевались по европейской моде: одежду шили из фабричных тканей. Абжуйские дворянки в 30-е годы XX века носили платья из шелков темно-бордового цвета, приталенные длинные до щиколоток, подпоясанные широким кожаным поясом; ноги обували в мягкие сафьяновые башмачки.

Девушек и девочек наряжали в модные французские платья и обувь; в XVII – XIX веках в регион привозились французские ситцы, сафьян разных цветов, цветные и однотонные ткани[2]. По словам старожил, в прошлом девушки надевали украшенные ими же шапочки. С 12–14 лет девочки получали право на ношение ушных украшений – алымхара.

Дворянки предпочитали кольца и серьги. Археологические материалы Абжуйской Абхазии подтверждают свидетельства о том, что торговые связи создавали возможность появления в быту таких привозных украшений, как золотые браслеты, серьги[3],

[1] Малия Е.М., Акаба Л.Х. Одежда и жилище… С. 93.
[2] Путешествие Шардена… С. 20; Волкова Н. Г. Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту (XIX – начало XX в.)… С.164.
[3] Находки из Очамчирского селища позволяют предполагать, что в V-VI вв. н.э. сюда завозили импортные золотые ажурные серьги, в разное время выявленные в с. Река у храма Джеран–абаа (Амичба Г.А. Абхазия в эпоху раннего средневековья… С. 120).

кольца, бляшки, кулоны, крестики, стеклянные бусы, серебряные гривны и др.[1].

Для достижения идеала женской красоты, каковыми считались тонкая талия и плоская грудь, в прошлом девушки возрастной категории азгаб, с 10-12 лет, начинали носить туго зашнурованный кожаный корсет (или широкий пояс) – аилак (аилакь), одевавшийся прямо на тело. Только в день свадьбы жених имел право распороть корсет кончиком кинжала. Название аилак заимствовано из турецкого языка (тур. еилег), хотя сама форма одежды, насколько позволяют судить этнографические материалы, существовала у абхазов с весьма далеких времен. Первоначально аилак носили представители знати, впоследствии он получает широкое распространение среди женщин и других сословий. Источник сообщает, что одежда абхазки «…скромная, сшитая…из грубого материала домашнего приготовления…Одежду составляют длинная каба (бешмет), поверх которой надевается безрукавка – элаг; на ногах узкие шаровары, на голове ситцевый или шелковый платок …девушки с малых лет носят род корсета, сделанного из сафьяна, ситца или холста»[2].

С выходом замуж корсет заменяли более свободной одеждой того же названия, которая надевалась поверх рубахи. Замужняя, кроме того, волосы заплетала уже не в несколько, а только в одну или две косы и прятала их под косынку. Поверх косынки она надевала второй платок, завязывавшийся под подбородком[3].

При верховой езде женщины привилегированных сословий носили широкий книзу передник для предохранения от грязи (так называемая амазонка), а в жару и дождь – зонтик над головой (ахаргь). Среди представительниц высшего сословия имело распространение и специальное женское седло (абахур), на которое во время езды садились боком: на спину лошади, накидывали широкое покрывало (арахт).

[1] Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Главная крепость Апсилии… С.59–65.
[2] Ляйстер А. Ф., Чурсин Г. Ф. География Закавказья. – Тифлис. 1929. С. 271–272.
[3] Маан О. В. Социализация личности… С. 47.

В обозримом прошлом, во время домашних работ поверх юбки женщины – крестьянки преклонного возраста надевали передник (ацыраҳәа), одной длины с юбкой. Концы пояса передника завязывались сзади. Шился передник из цельного куска материи. С 60-х годов XX века стали носить фартуки длиною до колен. По словам старожил, со второй половины XX века женщины стали носить платья-халаты.

Традиционно женщины, особенно пожилые, носят и сегодня довольно длинные платья, предпочитают темные цвета, чаще черный, и обязательно черный платок, причем это не всегда связывается с трауром.

На Пасху абжуйцы шили новую одежду; для детей из хлопчатобумажной ткани («ақьафын», мадаполам), часто красного цвета. Подчеркивая бедность какого-либо лица говорили: «Он к Амшап не смог справить себе нового платья».

В современных условиях, в условиях изменившегося быта изменились и взгляды абхазов на одежду. Это относится в основном к молодому поколению, которые сегодня одеваются, как горожане. Тем не менее, в Абжуйской Абхазии, молодые возрастные группы стараются придерживаться традиционных моральных установок, согласно которым считается не всегда и не везде приличным ношение брюк девушками или женщинами (это не относится к девочкам); недопустимым – платья с большим вырезом или мини-юбок.

В прошлом традиционного свадебного наряда для невесты не было, но обязательным атрибутом её туалета считался белый домотканый узорчатый шарф «аҭаца касы», «акас ду», букв. «платок невесты», «большой платок», который покрывал невесту полностью, как говорится с головы до пят. В середине X1X в. домотканые шёлковые шарфы заменялись фабричными, чаще чёрного цвета. Позднее ширина платка уменьшилась, т.е. края его едва касались талии. Что касается одеяния жениха, то поскольку он согласно обычая скрывался от старших, т.е. не присутствовал на свадьбе, то необходимость в специальном его одевании отпадала. Однако, отправляясь на смотрины, во время сватовства, жених и его дружок покрывали голову башлыком, надвинутым на лоб; концы башлыка свободно развевались.

Свои особенности имела как мужская, так и женская траурная одежда абжуйцев. Траурная одежда, как правило, была черного цвета (но в прошлом, в случаях особой тяжести утраты, и, в частности, при болезни одного из членов семьи носили широкого покроя одежду белого цвета, причем белой тканью покрывали и жертвенное животное). Женщины носили черные платья-рубахи с неподшитым подолом и рукавами. Платья шили из чёрного сатина или бязи, а в случае неглубокого траура – и из чёрного батиста[1]. Лоб скорбящая перевязывала полоской черной ткани. Молодые девушки и женщины носили (вместо налобной повязки) черные косынки, надвинутые на лоб и завязанные на затылке. Женщины перевивали полосками черного сатина или черной лентой и свои ноги, от колена до ступни. Если в семье был воспитанник-аталык (ахәцҳа), то члены данной семьи не имели права ношения обыкновенного траура по своим покойникам. Они, по традиции, в таких случаях, в знак траура носили платья из черного ситца в мелкий белый горошек. Представители высшего сословия и «чистые» крестьяне в период траура в знак скорби газыри черкески и ножны кинжала закрывали черной тканью. Для основной категории мужского населения траурной одеждой была черная рубаха без ворота, которую одевали навыпуск – без пояса. В прошлом мужчины (как и женщины) носили черные повязки на лбу, концы которых завязывали на затылке. Такую же повязку нередко носили и на рукаве. Такая нашивка у абхазов получила распространение, по всей вероятности, из соседней Мегрелии, где издавна бытует этот обычай. Происхождение специальной траурной одежды заключалось, якобы в запрете, завещанном покойником ближайшему окружению, а через них и всем остальным, соприкоснувшимся с ним, дабы уберечь от осквернения свою повседневную одежду и вместе с тем предостеречь посторонних от прикосновения к лицам, находящимся в состоянии траура. Обе цели, видимо, достигались ношением специальной одежды черного цвета, которая резко бросалась в глаза посторонним, и которую по окончании траура можно было оставить как нечистую.

---

[1] Акаба Л. Х. Абхазы Очамчирского района… С. 82.

Явные черты архаизма носили мужские и женские смертные рубахи из куска бельевой ткани, сложённой пополам с вырезом для ворота. Края ворота и рукавов женской рубахи вырезались зигзагообразно. Мужская смертная рубаха отличалась от женской тем, что у неё был лишь один небольшой вырез на груди, а также она была прямого покроя. Женская же смертная рубашка, в верхней части была широкой, книзу постепенно суживалась. Кроме того, женская рубаха доходила до ступеней, мужская – только до колен[1].

Родные и близкие покойного в течение всего времени оплакивания, вне зависимости от времени года, были босыми. Обычай снятия обуви при оплакивании особо близкого человека вплоть до недавнего времени наблюдался, например, в с. Кындыг. Так, в 1970-е годы старая Качич оплакивала своего единственного младшего брата, у которого она прожила всю свою жизнь, сняв обувь. Объясняя этот обычай, Г. Ф. Чурсин писал: «Обувь для многих народов – приобретение сравнительно недавнее. Богам же и духам это новшество не по вкусу, и кто захотел бы порадовать их любезной их сердцу стариной, тот должен снять с себя обувь и предстать перед ними с босыми ногами»[2].

§ 3. Пища

Привычным и признанным в кругах этнологов стало утверждение, что среди всех компонентов материальной культуры пища сохраняет этническую специфику наиболее стойко. Созданные народом продукты питания и кушанья держатся в его обиходе прочно и, как правило, не вытесняются полностью даже при значительных изменениях быта. Вместе с тем, к излюбленным традиционным, привычным для организма продуктам питания и

[1] Акаба Л. Х. Абхазы Очамчирского района... С. 82.
[2] Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. – Тифлис. 1913. С. 15–16.

кушаньям прибавляются новые и обогащают их ассортимент[1]. Попробуем проследить определенные изменения в системе питания абхазского сельского населения, в ассортименте его обыденных и праздничных блюд.

В настоящее время повседневной пищей сельчан по-прежнему остается мамалыга (абыста), которую едят с фасолью (акәыд), сыром, мясом и т.д. Фасоль варилась долго на медленном огне непосредственно на раскалённых углях очага в глиняных горшочках (акәцьал). В течении варки она заправлялась пряностями и к концу варки солью и аджикой. Фасоль, приготовленная в металлической посуде на электрической или газовой плите, в значительной степени теряет вкусовые качества. С блюдом из фасоли едят лук-порей (прас), соленый кольраби (ахул) и соленую обычную капусту, свежие и соленые огурцы и помидоры, и другие овощи. С русской (белокочанной) капустой абжуйцы впервые познакомилось в конце XIX в., после появления русских рабочих Кодорского лесозавода. А в 1909 г. абжуйцы «пожелали приобрести семена русской капусты (качанной)»[2].

Огромное количество всех нужных нам витаминов круглый год, как подчеркивается в «Энциклопедии чудес» В. Мезенцева, неизменная особенность абхазского стола. "Обед у абхазов немыслим без зеленого лука или чеснока, помидоров, баклажан, всевозможных трав. Бульонов и других местных отваров абхазы практически не едят совсем. В большой чести фасоль, кукуруза, грецкий орех, хурма и гранат, виноград, мед, мацони. Все особенное, свое"[3].

Традиционной особенностью питания местного населения было и остается широкое употребление дикорастущих пищевых растений в сыром, сухом, соленом виде. Население Абжуа по-

[1] Студенецкая Е. Н. Пища и связанные с ней обряды и обычаи как показатель национального своеобразия и межнациональных связей // Археолого–этнографический сборник. Вып. 1. – Нальчик. 1974. С.156–157.
[2] ЧСХ... Сухум. 1910. С. 61–63.
[3] Мезенцев В. Энциклопедия чудес. – Алма–Ата. 1989. С. 444.

требляет в пищу цветы клекачки колхидской[1], по-абхазски, ақампыр – приготавливают из нее салат с грецким орехом.

В пищу потребляется также покупной пшеничный хлеб (ача), в основном белый. Под названием «ача» в прошлом был известен род мягкой пшеницы, являвшейся, по-видимому, главным хлебным продуктом абхазов. Что же касается современного хлеба, на который перешло название «ача», то он появился в районе вместе с русскими поселенцами. Первое время после грузино-абхазской войны 1992–1993 годов, хлеб из пшеничной муки абжуйцы выпекали в домашних условиях.

Из молочных продуктов потребляют преимущественно сыры: свежеснятый молодой (ашәаза), соленый (ашәлыгәын, сулугуни), некопченый, копченый (ашәырҩа); квашеное молоко (ахарцәы) из коровьего и буйволиного молока. Молодым сыром начиняют пшеничный «пирог» – ачашв (ачашә), варят мамалыгу приправленную с молодым сыром (аилаҵь), вареники с сыром (ачагәылажә).

К сожалению, сейчас забыто приготовление комбинированного молочного продукта, напоминающего сметану (ачаҩыр). В течении нескольких дней в бурдюк сливали молоко, куда предварительно клали немного размельчённого молодого (свежеснятого) сыра или кислого молока и немного соли. Наполненный бурдюк наглухо перевязывали и подвешивали (или клали на плетёнку) над очагом. Когда содержимое бурдюка начинало бродить, наружу выступала сыворотка. Недели через полторы получался род густой сметаны типа ряженки с кисловатым привкусом, который очень подходит к мамалыге и к другим мучным блюдам.

Обед не обходится без острых соусов – подлив (асазбал), из алычи, барбариса, помидоров. Обязательным атрибутом стола является аджика (перец, тертый с различными пряностями, в зависимости к подаваемому блюду), являющуюся гордостью каждой хозяйки. Одно из важнейших мест в рационе абжуйцев, как и вообще абхазов, занимают плоды грецкого ореха и фундука. Ореха, тертые с аджикой, – приправа деликатесных растительных и овощных блюд; ореховый соус подается к вареной и жареной птице. Блюда, приправленные ореховым соусом – обязательный атрибут торжественного застолья. Лакомой закуской к вину и водке, а также десертом является аджинджуха – снизки ореховых ядер в киселе из молодого вина – амачар. Ядра ореха с различными сухофруктами подаются в качестве закуски к напиткам и на десерт.

Определенное место в питании абжуйцев занимали и занимают яйца. Но сегодня это касается исключительно куриных яиц. По словам потомка абхазских махаджиров, ныне жителя с. Дранда (Цкыбын) Цвидзба (Цәызба) Ертана, в прошлом его предки в зарослях ситника (аԥкыз), собирали яйца диких уток: для этого, весной сухой ситник сжигали. Иногда собирали яиц полную арбу[1]. Сбором яиц диких птиц, в частности, болотных, несомненно, занимались и жители других прибрежных районов (аԥкыз встречается повсеместно на болотах, на участках с высоким уровнем грунтовых вод, что характерно для приустья Бзыби – Кодора и особенно для нижней террасы Самурзаканской низменности).

Значительное место в питании местного населения в прошлом занимало мясо пернатой дичи. Лакомым блюдом считалось копченое мясо диких голубей, дроздов и сорок. Битую, очищенную от перьев и вӈутренностей птицу солили и подвешивали на деревянном крючке над очагом для копчения[2].

Причём именно копченое мясо дичи, а также квашеное молоко и умеренные дозы алкоголя считаются у абхазов факторами здоровья человека[3].

Некоторую роль в питании в прошлом играло и мясо диких животных, в том числе и диких свиней, о чем свидетельствует, например, Д. Гюльденштадт[4]. Деликатесом считается мясо, жа-

---

[1] Клекачка колхидская относится к редким растениям, занесена в Красную книгу.

[1] Материал записал этнограф Ю.Г.Аргун.

[2] Чочуа А.М. Избранные сочинения... С.19.

[3] Чеснов Я.В. К этнографическому изучению жизнедеятельности человека (на примере традиционной абхазской культуры) // СЭ. 1987. 3. С. 28.

[4] Guldenstadt D. Reisen durch Rusland und im Caucasischen Geburge. – St. Petersburg. 1787. C. 464.

реное на вертеле. Хотя охота на дичь занимала в жизни населения большое место, тем не менее, предпочтение отдавалось мясу домашних животных, из которых лучшим считалась говядина. Из мяса птиц предпочиталась курятина, затем индюшатина.

По традиции, каждый охотник или сельчанин, забивавший скот, должен был раздать какую-то часть животного соседям и родственникам. (Мясо же чаще подавалось при приеме гостей, при обрядах жертвоприношений, в праздники). Причем каждый из соседей должен был внести в общий котел свою долю. Имела место взаимопомощь продуктами питания и во время поминок, свадеб и т.д. На аиныхра (поминки после похорон), абжуйцы, помимо того, что оказывали помощь животиной, соседки считали своим долгом приносить чурек, начиненный орехами (амгиал), здесь же соседи готовили похлебку из фасоли[1]. Позднее мамалыгу и чурек стали заменять хлебом.

Исключительно к столу по случаю сороковин и годовщины готовили ацхаршвы (ацхаршәы) – «печенье из меда» (букв. «замороженный мед»), к столу подавали медовый напиток ацхадзюа (ацхазюа), кашу рисовую молочную – асатлач (асатлач), блюда из макарон и вермишеля, подавали вареное мясо, птицу.

Возрастные особенности питания были незначительными. Редко в крестьянских семьях готовили для детей специальную пищу, если не считать молочной рисовой каши. В кашу обычно добавляли мед, такой кашей ребенка прикармливали три раза в день до года. После года детям давали мамалыгу с различными сырами, сливки, творожную массу, кипяченое или квашеное молоко, накрошив в него мамалыги (аицырҟәаҟәа), немного фасоли с соленьями, вареное мясо и т.д. Не готовили специальной пищи и для беременной женщины или кормящей матери. Но при этом в пищевом рационе кормящей матери преобладали мясомолочные и мучные блюда, фрукты, а также напиток из квашеного молока и меда. Во время же беременности не полагалось пить молоко, есть острые соусы, соленья[2]. В этот период считалось,

[1] Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии... С.81.
[2] Копешавидзе Г.Г. Традиционная система питания (этнографический аспект)//Абхазское долгожительство... С. 171.

также нежелательным есть мед. Вообще же мед, особенно в сотах с ахарцвы, подавался на десерт. Добавляли мед к различным изделиями из теста. Медом из Абжуа в конце XIX века лакомился, в частности, А.М. Горький, работавший в то время с голодающими (из России), которые «шли на работу в Очамчиры из Сухума, где они строили шоссе» Сухум–Новороссийск. А.М. Горький писал, что, «проходящие» люди выбирают мед «из дупла и едят, намазав на лаваш – тонкую лепешку из пшеничной муки»[1].

В прошлом первые блюда (супы) не характерны в рационе абхазов вообще. Обязательный атрибут стола виноградное вино – красное и белое, собственного приготовления; виноградная и фруктовая водка. В летнее время потребляли фруктовые соки.

Сформировавшийся у местного населения тип питания является отражением длительного отбора на протяжении жизни многих поколений, способствует адаптации к экологической среде. Именно высокой степенью адаптации к среде и образу жизни можно отнести феномен долгожительства абхазов, причём, именно абхазское население Абжуа является одной из наиболее долгожительских популяций в Абхазии.

Следует также отметить, что у долгожителей есть «пищевые предпочтения». Объясняя несхожесть людей в этом плане, старожилы говорят, что «даже скотина неодинаково ест свою пищу». В литературе уже указывалось на факт индивидуальной диеты, которую себе устанавливают долгожители[2]. Действительно, одни являются противниками плотной еды на ночь, другие считают это нормальным явлением. У абхазов развито уважение к пищевым предпочтениям членов семьи[3].

По свидетельствам старожил, в прошлом широко употреблялась в пищу рыба. Причем, большее предпочтение отдавалось речной, нежели морской рыбе. Ели рыбу свежежаренную, соленую, копченую. Для копчения рыбы её очищают от чешуи, по-

[1] Горький М. Рождение человека // Горький М. По Руси... С.3–4.
[2] Шафиро И.Б., Дарсалия Я.М., Кортуа И.Е., Чикватия В.Ф. Долголетние люди Абхазии. – Сухуми. 1956. С. 105.
[3] Чеснов Я. В. К этнографическому изучению жизнедеятельности человека... С. 29.

трошат, затем солят и оставляют в таком виде три–четыре дня. После этого рыбу нанизывают на длинные острые палочки и вешают над очагом[1]. О том, что рыба занимала значительное место в рационе питания социальных верхов, говорит специальный поднос, предназначенный для рыбных блюд – ихтия (найденная археологами в с. Адзюбжа в 1978 г.). И в настоящее время абжуйцы с удовольствием употребляют рыбу – предпочитают жареную на сковороде. Считается, например, нежелательным есть вместе рыбу и яйца, рыбу и молочные продукты.

В Юго-Восточной Абхазии население занималось и в настоящее время занимается разведением арбузов и дынь. Здесь в изобилии росли дикий виноград, различные сорта плодовых деревьев. Так, А. Пахомов сообщал о наличии в этом районе значительных виноградных садов. По С. Саблину и А. Нордману, в середине XIX века район Кодора изобиловал плодовыми деревьями и представлял собой сплошной сад. Наиболее распространенными из фруктов были инжир и виноград. Инжир, благодаря высокому содержанию сахара, обладает свойством утолять голод. Поэтому абжуйцы, уходя в дальнюю дорогу в инжировый сезон, не брали с собой еды, обходились плодами инжира, росшего вокруг в изобилии.

На десерт, в соответствии с сезоном, к столу подавались и подаются вареная и жареная в кочанах кукуруза молочно-восковой спелости, вареная и жареная тыква, желеобразное блюдо из виноградного сока (ақаламышь), аджанджыху, бахчевые культуры – арбузы, дыни, сухофрукты (сушеные яблоки – ацәарҩа, инжировая пастила – алаҳарҩа).

При приеме пищи первыми ели мужчины, затем женщины. Самому старшему в семье еда подавалось на круглом, низком (абхазском) обеденном столике на трех ножках, под названием аишәахьча (досл. «защищенный, охраняемый, почтенный столик»)[2]. По сведениям старожил с. Пакуаш, вплоть до 40-х годов

[1] Акаба Л. Х. Абхазы Очамчирского района... С. 76.

[2] Низкие круглые столики, помимо народам Кавказа, были известны также сербам, македонцам, болгарам (у которых низкие круглые столики появились под турецким влиянием), на Украине, на Дону, на Кубани, у крымских татар, на побережье Азовского моря, в Европейской Турции, Анатолии, в Центральной и Восточной Азии (см.: Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // ВЭС. – М. 1956. С. 421). У абхазов, сохраняется и ритуальная еда на земле (что связано с культом предков) во время молений в честь родовых божеств, общинного моления о ниспослании дождя – Ацуныхуара (Ацуныҳәара). Приступая к трапезе, селяне рассаживались по обеим сторонам разложенных на земле листьев (импровизированного стола), причем мужчины и женщины – раздельно (Чочуа А.М. Избранные сочинения... С.25).

XX в. за подобный столик на пиру усаживали тамаду. Помимо круглых столиков, бытовали также длинные и неширокие столы, на доски которого клали мамалыгу – аишәа (которая делалась из ольхи – она не была пористой и хорошо мылась), фасоль подавалась в деревянных и керамических пиалах. В первой половине XIX века у представителей зажиточных слоев населения были европейские «высокие» столы и стулья. Есть и пить принято было не спеша. Те, кто направлялся на работу, ели плотно утром и к вечеру, по возвращении домой. Некоторые брали с собой в поле квашеное молоко, сыр и холодную мамалыгу. Остававшиеся дома пожилые люди ели дробно – помалу, чаще 3-4 раза в день. Утром подогревали холодную вчерашнюю мамалыгу, а к вечеру к приходу с работы мужчин, хозяйка готовила мамалыгу. Перед тем как сесть за стол и после еды мыли руки. После принятия пищи также принято было полоскать рот. При обычном приеме пищи мужчины выпивали в день до литра вина чистой изабеллы.

В 30-е, 40-е годы XX века в состоятельных абжуйских семьях утром дети, выполнив мелкие поручения по хозяйству, перекусывали перед завтраком какой-либо кашей – манной, рисовой и т.д. Часы приема пищи были строго определенными. В 10 часов уже завтракали – к столу подавались к хлебу масло, сыр, пили кофе с молоком. Каждый из детей имел за столом свое определенное место.

В годы Великой Отечественной войны в некоторых зажиточных абжуйских семьях, проживали родственники, сироты, дети, чьи родители находились на фронте. Одна из старших женщин в

таких семьях только и занималась тем, что целыми днями готовила пищу.

В 1930-е годы в Абхазии активно закладываются плантации цитрусовых, чая, некоторых технических культур (например, тунга), увеличиваются посадки лавра. В связи с этим сократилось национальное садоводство и пчеловодство. Хотя культура чая имеет в Абхазии почти столетнюю историю, однако употреблять чай как напиток, абхазы стали в основном после Великой Отечественной войны – поначалу только молодежь, общавшаяся с русскоязычным населением. Теперь, можно сказать, чай неизменный атрибут завтраков и ужинов, особенно зимой. С конца 1960-х годов излюбленным напитком абжуйцев, как и в основном всего населения Абхазии, стал кофе. Прежде кофе, поступавший сюда благодаря торговле с Турцией, позволяла себе только элита.

В целом же, абхазская кухня сохранила традиционный состав блюд; она получила широкое распространение и среди представителей других народов, живущих в Абхазии. По справедливому замечанию многих авторов, это объясняется и особыми вкусовыми качествами и питательностью абхазской национальной кухни.

Начиная с последней четверти XIX века, у зажиточных слоев населения появляется посуда русского и турецкого производства. В подражание русским в зажиточных домах Абжуйской Абхазии появились самовары, стеклянная посуда. Импортная посуда сочеталась с традиционной – глиняной, металлической и деревянной. Справедливости ради следует отметить, что контакты абжуйцев с другими народами древности, не проходили бесследно – оказывали влияние на формы некоторой местной посуды. Социальные верхи античного времени в быту пользовались (как показывает археологический материал), например, серебряными тарелками, синопскими амфорами, бронзовыми сосудами, чернолаковыми лекифами, а в генуэзский период сюда привозили дорогую стеклянную посуду и т.д. Рядовое же население в основном пользовалось глиняной посудой. Большинство крестьян только после установления советской власти стали повсеместно употреблять тарелки[1]. По описанию С. Т. Званба, при встрече жениха в доме родителей невесты, гостям предлагали вино в больших деревянных цилиндрической формы сосудах, «выточенных из рододендронового дерева»[1]. Путники или верховые взамен деревянной кружки, для питья жидкости, брали за пояс складной кожаный предмет под названием «аматар». Для варки мамалыги, фасоли и других хозяйственных надобностей с конца XIX века использовали чугунные котлы, мясо же варили в медных котлах[2], изготовлявшихся местными кузнецами-медниками. В настоящее время в домашнем обиходе абжуйцев, наряду с традиционной, широкий ассортимент современной посуды; металлической; керамической, из стекла, хрусталя, фарфора, фаянса; наборы ножей и вилок нержавеющей стали, мельхиора и серебра и другой посуды.

[1] Акаба Л. Х. Абхазы Очамчирского района... С.79.

ГЛАВА VII. БРАК И СЕМЬЯ. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

§ 1. Брак и свадебные обычаи

Для вступления в брак в прошлом существовал ряд запретов, определенных нормами традиционного обычного права. Прежде всего это касалось кровного родства, причем не только по отцовской, но и по материнской линии и даже бабушки жениха по материнской линии – так сильно было почитание родственников по матери. 90-летний Кан Цагурия (с. Адзюбжа) обращался со словами «моя мать» даже к маленьким представительницам фамилии Киут, откуда была родом его мать[3]. Не дозволялись даже браки между родами одного корня[4]. Боязнь нарушения родства

[1] Званба С.Т. Абхазские этнографические этюды... С. 29.

[2] Чочуа А.М. Избранные сочинения... С.24.

[3] Инал-Ипа Ш.Д. Очерки по истории брака и семьи у абхазов... С.20.

[4] В легенде об образовании озера Папанцкур сообщается, что священник с. Гуп со своей семьёй провалился в преисподнюю по своей порочности и на месте его двора образовалось озеро: мало

кое-где приводила к фактическому запрету браков внутри целого посёлка, который давно уже не являлся однородным по своему составу. В с. Гуада представители нескольких поколений фамилий Кваткия и Матуа, живущие вместе на одной территории, заключением взаимных браков настолько породнились между собой, что в конце концов с определённого времени дальнейшие браки между этими родами оказались невозможными без нарушения правил экзогамии[1].

Обвиняемых в кровосмешении родичи изгоняли из своей среды, порой лишали жизни. На рубеже XIX-начала XX вв. крестьянин из с. Бедиа женился на двоюродной сестре. Возмущённые родичи решили убить его. Кровосмесителя спасло лишь вмешательство князей Чачба. И всё же молодую семью изгнали из села. Ни он, ни его жена, ни его дети не имели права посещать родственников или знакомых, похороны, поминки, свадьбу и т.д. Никто не посещал и их. Так продолжалось до конца их жизни. Лишь после их смерти, по ходатайству родственников, с детей сняли клеймо изгнанников и приняли в общество.

За нарушение обычая экзогамии уже в советское время был изгнан из с. Отап гражданин А., женившийся на своей однофамилице. До конца своей жизни он и его жена оставались в Бзыбской Абхазии. Тело каждого из них после смерти в гроб уложено было на бок, как кровосмесителя. В с. Члоу двух супругов-однофамильцев хоронили, положив ногами к западу в знак нарушения ими ограничения по кровному родству[2].

Как известно, в княжеской и дворянской среде чаще, нежели у крестьян, практиковались браки с однофамильцами по материнской линии, что, видимо, является мусульманской традицией. Так, в с. Тхина два брата Дзапшипа (по матери Ачба) хотели жениться на Каме Ачба. Один из них, Джансыху, был дважды женат

того, что он сам был женат на своей двоюродной сестре, но и прихожанам разрешал вступать в брак со своими родственницами (Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии… С. 238).

[1] Инал-Ипа Ш.Д. Очерки по истории брака… С.21.

[2] Кучуберия Л.Е. К вопросу о развитии брачных обычаев и свадебной обрядности абхазов // Современное абхазское село. – Тб. 1967. С.128.

на своих родственницах – сначала на Каме, а после её смерти – на Качыч Ачба. А Цур Дзапшипа была выдана замуж за однофамильца своей матери – Алмасхана Маан.

При заключении брака строго учитывалась сословность, а если браки между разными сословиями и встречались, то редко, они зачастую влекли несчастные последствия. Одна крестьянская девушка (из анхаюы) из Адзюбжи полюбила сына бывшего крепостного – ахувю (ахәуҩы)[1] и тайно вышла за него замуж. Ее родители дали клятву, что, пока они живы, не впустят ее в свой дом, не допустят ее на оплакивание в случае смерти и кого-либо из родных. А если девушка умрет раньше них, не оплачут. На этом родители девушки не успокоились. Они обратились к другим селянам, и, сообща с ними, вынесли сыну бывшего крепостного приговор: не допускать его на общественные сходы, не разделять с ним ни горя, ни радости. В итоге предложили ему покинуть село – переселиться в другое место[2]. Многие из т.н. «чистых» крестьян также старались оберегать себя от браков с лицами из более низкого сословия. Например, в начале XX в. один из жителей с. Кутол женился на сестре джгиардского крестьянина Хабыджа Ашуба. Последний так и умер, не помирившись с сестрой за то, что она вышла за «нечистого» крестьянина. Иногда осуждались браки между лицами, исповедовавшими разные религии. Когда в начале XX в.дочь крестьянина из с. Тамыш – христианка – вышла замуж за мусульманина из с. Эшера, мать девушки выразила свое негодование тем, что причитала (амыткәма лҳәон). Но, по совету собрания почтенных старейшин, она смирилась со случившимся, и все признали свершившийся факт. Вместе с тем письменные источники свидетельствуют, что «религиозная принадлежность не играла существенной роли, как при заключении браков, так и в семейной жизни и нисколько не мешала существованию между мужем и женой «хороших отношений». Официальные религиозно-административные власти, выступая против

---

[1] Ахәуҩы – дословно «слуга, приготавливающий пищу», обычно происходили из рабов, получивших семейное право.

[2] Бгажба Х.С. Н.С.Джанашиа – краевед Абхазии. // Труды АБИЯЛИ. Т. XXV. – Сухуми. 1954. С.26.

брачных отношений между христианами и мусульманами, допускали совместное жительство лиц разных религий, при условии принятия мужчиной-мусульманином православной веры. Имеретинский епископ Гавриил в своем «Отчете о поездке по Абхазии» указывал, что «догматической части учения я касался вкратце и в общих чертах, главное же внимание обращал на нравственное учение применительно к их нуждам… между прочим, как здесь (т.е. в Абжуа. – О.М.), так и в других местах, я уговаривал их не иначе отдавать своих дочерей замуж за некрещеного, как с условием, что они сначала примут православие, а также не жениться на некрещеных, не жить долго с женами без венчания, своевременно крестить детей, давать детям христианские имена, а не магометанские»[1].

По доносу священника Адзюбжского прихода К. Топуридзе, 3 февраля 1892 года Грузино-Имеретинская Синодальная контора обсудила переписку о совместном сожительстве православных абхазов с мусульманами, об отдаче православными родителями детей на воспитание мусульманам и установила следующее: 1. «Мусульмане Амбер Араби (Абаш. – О.М.) и Абуджа Чангура, женившись на православных, первый на Софии, а второй на Осиде, продолжают с ними незаконно сожительствовать;

2. Гедлач Лагвилава, сам православный, женился на мусульманке, еще не воспринявшей св. крещения, равно имеет пасынков, также некрещеных по обряду православной церкви…»[2].

Грузино-Имеретинская Синодальная контора приняла решение о вышеуказанных «нарушениях закона о браке» сообщить начальнику Сухумского округа и просить его «объявить Амберу Араби, Абуджу Чангури и сожительствующей с Гедлачем Лагвилава женщине-мусульманке, что, если они в течение двух месяцев по объявлении сего не изъявят желания принять христианст-

[1] Отчет ОВПХК за 1864 год. – Тифлис. 1865. 147 С. 4 л. План. С.22.

[2] Центральный государственный архив Абхазии. – Сухум. Фонд (1) Сухумской епархиальной конторы. Оп. 1. Д.1049.Л.3; Смыр Г.В. Религиозные верования…С.301.

во, будут разлучены первые двое от своих незаконных жен, а последняя от незаконного мужа…»[1].

В прошлом практиковалось люлечное обручение – агара ачакуара (агара аҷаҟәара), при котором в знак договоренности между родителями на люльках делали надрезы, в случаях же принуждения и заинтересованности в родстве с более уважаемой фамилией от имени будущего жениха в изголовье будущей невесты клалась пуля с порохом, в знак того, что отказ невесты будет чреват серьезными последствиями. Целью же самого обычая обручения в колыбели, появившегося, очевидно, на начальной стадии патриархальной семьи по инициативе отцов обеих сторон, являлось дальнейшее укрепление уже существующих хороших взаимоотношений. Еще в 20–30-е годы XX в. обычай люлечного обручения сохранялся в Абжуйской Абхазии эпизодически, а его нарушение нередко вызывало осложнения во взаимоотношениях родов. Так, житель с. Джал Я.Ч. был помолвлен с дочерью Г.Ч. из этого же села. После смерти матери жениха его отец через шесть лет женился на девушке из фамилии К. После смерти отца жениха, мачеха долгое время жила в его доме, а затем вышла замуж за Л.Ж.. Последний впоследствии узнал, что Я.Ч. хочет жениться на девушке, с которой его, Л.Ж. сын был обручен еще в люльке (о чем ни Я.Ч., ни девушке, обрученной в малолетстве ничего не было известно). Между Л.Ж. и его женой (мачехой Я.Ч.) возникла ссора (аҭызшәа рылҵит), и она, оставив мужа, ушла в свой дом. Впоследствии конфликт все же был улажен тем, что Я.Ч. на собрании родственников трех сторон отказался от невесты. Но девушке не пришлось выйти замуж за жениха, с которым была обручена в люльке по случаю его смерти.

По свидетельству старожила с. Атара Авидзба Леварсана, если некто женился на девушке, просватанной с другим, зная об этом, то помолвленный с ней имел право побить соперника. Оскорблению подлежала и девушка – и не только словесно… Если

[1] Центральный государственный архив Абхазии… Оп.1. Д.1049.Л.3–4.

вступлению в брак девушки содействовали её родственники, то и они могли быть наказаны[1].

В недалёком прошлом у абжуйцев, как и вообще у абхазов бытовал институт левирата (брак вдовы с братом покойного мужа) и сорората (брак вдовца с сестрой своей умершей жены). По этому поводу Н. Ф. Дубровин писал, что вдова умершего, по обычаю, могла выйти замуж за родного брата покойного, если на то существовало обоюдное согласие[2]. По сообщению 110-летнего жителя с. Гуада Османа Шоуа, его дед по отцу был женат на вдове своего старшего брата. Такой брак в то время считался «терпимым», но представлял собой чрезвычайную редкость[3].

Анализ полевых материалов показывает, что ещё до 20-х гг. XX века абхазы чаще женились в 30 лет, а абхазки выходили замуж в 25 лет. Причиной значительного процента поздних браков среди мужчин было вытекавшее из традиционных представлений стремления сперва познать свет, приобрести знания и опыт, славу и известность своими подвигами, ибо и сама девушка не выходила за человека, ничем себя не прославившего[4].

В прошлом разница в возрасте супругов была значительной – 10 и более лет. Сейчас уже большая разница в возрасте супругов не типична.

Брачные связи абжуйцев были ограничены территориально, т.е. невесту старались выбрать в родном или соседних селах. Так, примерно со второй четверти XIX века, мужчины с. Адзюбжа преимущественно брали жен из сел Очамчирского района – Кутол, Кындыг, Атара, реже из Тамыша, Члоу, Отап и других сел. В эти же села, в основном, происходило переселение к мужьям и адзюбжских женщин. Мужчины Квициния – по данным Ц. Н. Бжания – брали себе жён из сс. Кындыг (преимущественно из фамилии Киут), Джгиарда (из фамилии Амичба), Члоу (женясь часто на женщинах фамилии Адлейба). Но бывали случаи привода жён и из других сёл, например, Адзюбжи, Тамыша, Кутола, Моквы. Выше перечисленные сёла (кроме Адзюбжи) расположены восточнее Атары. «Восточную» направленность браков, характерную для населения Абжуйской Абхазии, отчасти можно объяснить какой-то спецификой этнического заселения абхазами данного района[1].

Что касается предпочтительности браков между жителями определённых сёл, то одной из возможных причин могло послужить расширение связей за счёт общения на свадьбах, похоронах, поминках. Как правило, родственники, выезжая по любому из этих поводов в соседние села, брали с собой соседей. Вместе с тем в последнее время абжуйцы чаще стали приводить жен из Бзыбской Абхазии.

Как отмечалось в литературе, «можно говорить, по крайней мере для некоторых случаев, о предпочтительности браков между представителями двух определённых, соответствующих друг-другу по силе и знатности родов. Так, дуально были связаны между собой следующие фамилии Абжуйской Абхазии: Аршба – Адлейба, Ашуба – Квициния, Амичба – Квициния, Амичба – Адлейба и др. Существует предание, что, качая люльку капризного дитя из рода Аршба, мать приговаривала: «Какой бы ты ни оказалась плохой, всё равно да возьмёт тебя кто-нибудь из рода Адлейба»[2].

В прошлом, абжуйские абхазы заключали нередко браки с представителями других народностей. В 1902 г. Н.С. Джанашиа сообщал, что в с. Тамыш один абхаз женат на гурийке, что это первый случай женитьбы местного крестьянина на гурийке или имеретинке. Абжуйцы довольно часто брали в жёны мегрельских женщин. По Н.С Джанашиа, «большой радостью считает абхазец выдать замуж свою дочь за мингрельца»[3], что, в частности, объясняется, видимо, более строгими этикетными правилами в аб-

---

[1] Бигвава В. Л. Образ жизни абхазских долгожителей. – Тб. 1988. С. 39.
[2] Бигвава В. Л. Современная сельская семья у абхазов… С. 60.
[3] Там же.
[4] Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии… С.159.

[1] Аргун Ю.Г., Павленко А.П., Спицына Н.Х. Фамильно-родовая система и брачные ареалы //Абхазское долгожительство… С.76.
[2] Инал–Ипа Ш. Д. Очерки по истории брака и семьи… С. 24.
[3] Джанашиа Н.С. Кое-что из быта Абхазии // Газ. «Иверия». № 109. 1902 г. (на груз. яз.).

хазской семье. По сведениям некоторых абжуйских информаторов, замуж за представителя неабхазской национальности, выдавали дочь, в достоинстве которой не были уверены родители.

В 70-80-х годах XX в. этнически неоднородные браки были наиболее характерны для жителей приморской зоны. Например, в с. Моква в 1980-е годы проживали 240 абхазских и 32 грузинские семьи. Из них в 8 абхазских семьях мать или невестка по национальности была грузинка, в 5 – русская, в 1 – турчанка. А в 9 грузинских семьях наоборот – матери невестки абхазки. Аналогичная картина наблюдалась и в с. Джал, где проживали 101 грузинская и 20 абхазских семей. Из них в 14 семьях грузины были женаты на абхазках, в 5 семьях – абхазы на грузинках. Так же обстояло дело и в с. Кутол, где из 768 семей было 228 грузинских. Среди абхазского населения этого села 49 семей относились к смешанной в национальном отношении группе, в том числе в 29 семьях в браке состояли абхазы с грузинками, а в остальных – с представителями других национальностей. Приблизительно таким же был удельный вес межнациональных браков и в грузинских семьях[1].

В предгорных же сёлах Абжуйской Абхазии национально-смешанные семьи составляли незначительное число. Таких в с. Арасадзых проживало 2 семьи, в с. Члоу – 3, в с. Тхина – 2 семьи. Малочисленность межнациональных браков в этих сёлах объясняется отдалённостью этих населённых пунктов от городов и других мест, население которых отличается разнородностью этнического состава.

В межнациональных семьях наблюдается двуязычие, в основном, абхазо-грузинское (мегрельское), что было характерно для довоенного периода, особенно у потомства от этих браков. В смешанных семьях наблюдаются черты, присущие обеим национальностям. Так, женщины-неабхазки, по прошествии определенного времени, нередко хорошо овладевают абхазским языком и усваивают тонкости абхазского национального быта. В связи с трагическими событиями 1992-1993 гг. сфера употребления грузинского (мегрельского) языка значительно сузилась.

[1] Бигвава В.Л. Современная сельская семья... С. 62.

Характерная черта современного брака[1] – свобода выбора молодыми друг друга. Сейчас уже не так строго соблюдаются традиции, по которым младшие братья и сестры вступали в брак позже старших.

При выборе невесты, наряду с другими положительными качествами, учитывались репутация ее семьи в общине, известность рода. Если же невеста была из худого рода и неработящая, родственники старались расстроить брак.

Вплоть до недавнего времени одним из способов заключения брака было умыкание девушек (амтцарсра). Но похищение устраивалось в случае отрицания брака фамилии одной из сторон. Умыкали обычно невест, стоявших выше или, во всяком случае, не ниже жениха по происхождению. Похищение девушки во многих случаях служило причиной кровной мести между родами[2]. Нередко браки заключались тайным уходом (мазала) девушки из родительского дома, что было знаком несогласия родителей девушки с выбором жениха. В основном же браки заключались с согласия родителей и родственников обеих сторон.

По описанию С.Т. Званба, в его статье «Поцелуй за занавесом»[3], если девушка понравилась жениху (согласия девушки на брак не спрашивали), родственники с обеих сторон делали сго-

[1] Если в прошлом брак становился событием не только для брачующихся, но и всей общины, то сегодня случается, что брак, прежде всего, становится делом молодых, устраивается сравнительно небольшое застолье.

[2] Похищение невесты восходит корнями к периоду разложения родового строя. В эпоху военной демократии племена и роды находились в состоянии частых войн между собой. Обычай экзогамии, запрещавший брать жену внутри рода, побуждал искать невесту в стане врагов. Поэтому похищение невесты, как и всякий грабёж, становился в некотором смысле удальством. Уместно отметить, что одним из основных мотивов нартского эпоса – памятника эпохи военной демократии – является похищение сестры нартов – Гунды Прекрасной.

[3] Званба С.Т. Абхазские этнографические этюды... С. 27–30. Обычай автором наблюдался, как уже сообщалось, на правобережье Кодора – в Цкыбыне (Дранда).

вор. Назначив день первого свидания, родственники снаряжали жениха свитою, снабдив приличными подарками для невесты и ее родственников. Прибывшим на место жениху и его свите устраивали пир. Перед его началом старейшему из гостей подавался стакан вина и нож, на конце которого было насажено целиком бычачье сердце. Старик, обнажив голову, брал стакан с вином в правую руку, а нож с сердцем в левую и произносил молитву – благословлял жениха и невесту. Затем начинался пир. Жених же со своим дружком садился отдельно «в темном углу», где им на особом столике и подавали еду.

Далее один из почетных представителей свиты жениха становился перед отцом невесты на колени и подносил ему стакан вина. Отец выпивал его до дна, после этого почтенный гость, подносил ему подарки, которые привез жених будущему тестю. Во время этой церемонии жених с дружком должны были почтительно стоять, а предъявитель подарков отправлялся затем на женскую половину и одаривал мать невесты.

Во время пира жених с дружком, пользуясь суматохой, всеобщим весельем, в сопровождении одного из близких дому молодых людей отправлялся к невесте. Войдя в амхару жених садился на подушки – приданое невесты – по правую сторону жениха устраивался его дружка.

Невеста в это время стояла между своими подругами с опущенным на лицо прозрачным покрывалом.

После обращения дружки жениха к подругам невесты: не пора ли познакомить молодых, одна из подруг брала невесту за руки и сажала по левую сторону жениха, а другая из девушек, дернув за шнурок, опускала занавес (обычай использования занавеса до сих пор сохраняется у абхазов-цебельдинцев, живущих в Турции.) Все присутствующие хором начинали петь свадебную песню. За занавесью, жених тотчас первым движением руки отбрасывал покрывало невесты и, обхватив ее стан, склонял ее голову на подушку и запечатлевал страстный поцелуй на губах невесты[1].

Если девушка, по словам абжуйцев, оказывалась в положении (забеременела) до выхода замуж, то ее ожидало следующее нака-

[1] Званба С.Т. Абхазские этнографические этюды…С.30.

зание: силой погружали ее руку в горячую мамалыгу и держали до тех пор, пока она не произносила клятву «уашхәа» (считавшейся самой сильной клятвой), и не называла имя своего соблазнителя.

Согласно полевой информации, зажиточные женихи в конце XIX – начале XX века доставляли тестю несколько лошадей и быков, персональные подарки близким родственникам невесты, а также продукты для пира: вино, водку, муку и др. Так, например, Н.С. Джанашиа писал, что один его знакомый доставил родителям жены 500 руб. наличными, 16 быков, 16 отличных лошадей, из них 4 с седлами[1] (вообще же лошадей дарили без седел).

Подготовка к свадьбе (ачара) начинается со дня обоюдного согласия семей жениха и невесты. В ней принимают участие все родственники и соседи: они оказывают данной семье посильную материальную и физическую помощь. Прямые хозяева в день свадьбы ни во что не вмешивались, ограничиваясь лишь общим наблюдением. Помощь начиналась за несколько дней до свадьбы, а в день свадьбы обслуживающий персонал распределял между собой обязанности: несколько парней выделялись для приготовления мамалыги и мяса. К ним приставлялись помощники – из более молодых, которые доставляли дрова, воду, разводили и поддерживали огонь под открытым небом.

В день свадьбы за невестой отправляли во главе с почтенным пожилым мужчиной конную свиту (аҭацаагацәа или амаҟарацәа (от груз. მაყარა), в состав которой входили братья, сестры, племянники, друзья, жених. В прошлом свита жениха насчитывала до 50, сейчас – не более 10-15 чел. К дому невесты они подъезжали с песнями, обычно к полудню. В доме невесты также готовились к приезду свадебного кортежа и его торжественному приему. Невеста находилась в отдельной комнате, ее окружали молодые девушки – родственницы и соседи. После отправления приданого (которое в день свадьбы обязательно выносилось во двор на обозрение гостей) начинается пиршество, причем хозяева старались напоить всех гостей, а те – хозяев (соседей, родственников и друзей тестя). Пока гости сидели за столом, невесту гото-

[1] Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии…С.96.

вили к отъезду. В дом жениха невесту везли с песнями, стрельбой из ружья. При приближении к дому жениха из свиты выделяли самого шустрого и молодого парня – гонца, который мчался в дом жениха и сообщал, что свадебная процессия с невестой скоро прибудет. За добрую весть он получал от родителей жениха вознаграждение (бывало, что дарили пистолет или кинжал).

Когда свадебная процессия, с «песней привода невесты» входила во двор и спешивалась, ее встречал старший рода и благословлял новобрачных, после чего невеста вводилась в брачный домик «амхара». При входе в «амхару» над ее головой у двери скрещивались кинжалы, под лязг которых невеста переступала порог своего нового жилища. В это время раздавался залп из ружья. При входе в «амхару» на палец невесты надевали серебряное кольцо в залог того, что владычице вод своевременно будет принесена установленная жертва; многие обряд надевания кольца описывают так: после свадьбы невесту ведут в белом платье к реке, причем «чистая» женщина, надевая серебряное кольцо на палец невесты, говорит: «Дзызлан, владычица воды, от твоего имени даем ей это кольцо». Снимать с пальца это кольцо было нельзя на протяжении всей жизни.

После ввода в «амхару», невесте на колени сажали мальчика, (что являлось своеобразным символом продолжения рода). Невесту также осыпали зернами пшена (сейчас этот обычай уже исчез). После привода невесты в дом жениха, приглашённые садятся за свадебный стол (в Бзыбской Абхазии допускается садиться за свадебный стол до привода невесты)[1].

Ныне изменилось и поведение молодоженов на свадьбе. Невеста, одетая в белое длинное платье, в окружении своих подруг располагается в одной из передних комнат дома, куда приходят с

[1] На 15-й день после свадьбы невесту вводили в «большой дом», при этом устраивалось небольшое застолье. Свекор, в одной руке с сердцем и печенью животного нанизанными на палочку и в другой со стаканом вина благословлял ее. Дружка невесты, который присутствовал при этом, становился ей «ахупха» (названным братом).

поздравлениями и подарками гости (одаривание иногда происходило после завершения свадебного застолья – этого придерживаются до сих пор абхазы-цебельдинцы в Турции). Изменения произошли и во внешней стороне свадебной церемонии (новой чертой начального этапа брачного цикла, неизвестного в прошлом, является предварительное знакомство молодых). Еще в начале XX века невесту везли в дом жениха на фаэтонах или верхом на лошади. Сейчас свадебный поезд размещается в нескольких легковых машинах. Машина, в которой находится невеста, следует последней (в Бзыбской Абхазии – в середине). Причём, если лет 10-15 назад свадьбу справляли в родном селе, в усадьбе родителей мужа, то сейчас часто справляют свадьбы в городе. Автомобиль, в котором находятся молодые, украшается. Невесту привозят в дом жениха не вечером, как было в прошлом, а примерно в 2-3 часа дня. На свадьбу приглашаются музыкальные ансамбли, исполняющие во время торжеств национальную и иную музыку. Танцуют национальные и европейские танцы, танцует в основном молодежь. Жених теперь ни от кого не укрывается и оказывает знаки уважения старшим и внимание гостям. Привод невесты в дом жениха сопровождается, как и прежде, выстрелами из ружей и пистолетов, устраивается молодежный перепляс. Через некоторое время после начала застолья к гостям в ашьапу (под специально сооружённый навес) приводят невесту. Пирующие, стоя, встречают ее веселыми шутками, и в ее честь начинаются пляски.

По сведениям информаторов, одной из форм выражения нравственно-психологической и социально-экономической зрелости мужчины, дававшей ему право вступать в брак, помимо его зрелости как воина и охотника, была его застольная, так сказать, зрелость. Неженатому мужчине говорили: если хочешь показать свою мужественность и зрелость, садись с ним пить, иди с ним в дорогу и будь с ним в экстремальной ситуации.

Обязательный и весьма интересный ритуал свадебного застолья – поднятие тостов – пожеланий. Тосты, главным образом посвящались виновникам торжества. При этом нет жесткой регламентации во времени – все определяется индивидуальными способностями произносящего здравицу, который стремится, как

можно красноречивее выразить свои пожелания. В персональных тостах подчеркивались достоинства лица, за которого поднят бокал, что подкреплялось отдельными фактами. В здравицы ненавязчиво вплетались воспоминания, поучительные истории; притчи веселого характера. Притом считалось неприличным злоупотреблять вниманием слушающих. В народе ценились образные, содержательные лаконичные высказывания.

Свадебное и другие застолья (как, например, застолье, связанное с приемом гостя) являлись одним из каналов, по которому осуществлялась межпоколенная передача традиций этикета. В свадебном застолье как одном из ситуаций высокой торжественной тональности молодежь училась не только правилам ведения стола, получала уроки образного выражения мысли, но по существу приобретала основные нормы традиционной поведенческой культуры абхазов (причём, по словам старожил, в прошлом справляться с обязанностями тамады было легко, т.к. и вино было чище, и главное, каждый человек знал своё место, соблюдал правила взаимоотношений старших и младших). Однако следует с сожалением отметить, что сегодня в Абжуйской Абхазии традиционные свадьбы справляются нечасто. Тосты тамады все больше формальные, лишены элементов красочности, народного юмора, и порой скучны. Тем не менее искусство тамады еще не утрачено полностью. Есть еще люди, которые гармонично сочетают традиции и современность, умеют организовывать непринужденные, веселые, колоритные свадебные застолья, запоминающиеся надолго.

По свидетельству некоторых старожил с. Атара, в отдаленном прошлом на свадьбах проводились и состязания винопийц. Выбиралось по восемь-десять человек. Их сажали в отдельное помещение, по некоторым данным, в "амхару". Рассаживали соревнующихся по кругу. Первый тост провозглашал старший по возрасту и, выпив, передавал тост справа сидящему от него, который должен был выпить две емкости, следующий – три емкости, четвертый – четыре емкости и так, пока круг не замыкался. А старший должен был пить теперь (соответственно после восьмого) девять бокалов, и снова по кругу следующий должен был выпить десять бокалов, следующий – одиннадцать и т.д. Тому, кто не выдержав состязания, первым вставал из-за стола, два парня, стоявшие у выхода из амхара, символически наносили удары палками (т.е. он был «битым»). Победителю состязания сама невеста преподносила подарок. На следующей свадьбе победитель садился за стол первым. Однако же подобные состязания винопийц в целом для абхазов, насколько позволяют судить этнографические данные, не были характерными. Как не было характерно и ставить перед тамадой на пиру бычью голову, получившее у абхазов широкое распространение в последние десятилетия.

Исследование свадебной образности показывает, что из неё выпали, в частности, такие элементы традиционного ритуала, как прикрытие лица невесты, подсматривание за новобрачными в первую ночь, ввод в большой дом и другие отжившие свой век обычаи. Вместе с тем, в свадебное празднество вошли чуждые для абжуйцев поступки, как игры в карты до приглашения гостей за стол, а за столом же – злоупотребление алкогольными напитками, нередко приводящее к нежелательным последствиям. Алкоголизм и пьянство – новые отрицательные явления в жизни современных абхазов, отличавшихся издревле воздержанностью, тактичностью. Описывая нравы абхазов, в конце XIX века Н. М. Альбов писал: «Вина туземцы выделывают много, потому что они большие любители этого напитка и пьют его много, в особенности в гостях». Однако «пьянство здесь совершенно неизвестно, и считается крайне неприличным для мужчины быть навеселе и вообще выказывать какие бы то ни было признаки опьянения»[1].

§ 2. Семья и семейный быт

В современной науке различают два типа семьи – малая, простая или нуклеарная семья, состоящая из одной супружеской пары и ее не состоящими в браке детьми. Второй тип семьи – это большая или сложная семья, образованная несколькими супружескими парами с их потомством. Разновидностью такой семьи яв-

[1] Альбов Н.М. Этнографические наблюдения в Абхазии... С. 315.

ляется т.н. «расширенная» семья, которая бывает либо вертикальной (семейные ячейки отца, женатого сына или сыновей и т.д.), либо горизонтальной (семейные ячейки женатых братьев)[1].

В процессе развития семьи действовал так называемый семейный цикл. Малые семьи разрастались и превращались в расширенные большие. Разросшиеся семьи, достигнув определенного порога, снова дробились на малые и т.д. Поэтому большие и малые семьи, как правило, всегда соседствовали друг с другом. В старину с ее патриархальным укладом жизни было больше расширенных больших семей, а в новое время стало больше малых семей.

В общем вышесказанное о семье относится и к изучаемому региону.

По свидетельствам старожилов и имеющимся материалам, в XIX веке в Абжуйской Абхазии преобладающей была малая семья. Вместе с тем продолжала существовать традиция и большесемейного проживания, т. е. совместного проживания родителей с женатыми сыновьями.

В начале XX в. в Абжуа ещё существовали семьи численностью до 50 и более человек. Так, в семье Б. Тания (с. Пакуаш) до семейного раздела (аиҽыцра) – в 1937 г. – насчитывалось 55 чел.: в доме Л. Шларба (с. Джгиарда) до выдела женатых сыновей (1916 г.) собиралось три поколения – 32 чел., из них семь супружеских пар: в семье Ф. Джопуа (с. Члоу) до раздела (1916 г.) собиралось 70 человек – представители четырёх поколений. Многолюдные неразделённые большие семьи имелись в с. Атара, например, в семье Б. Квициния насчитывалось 50 человек. Патронимические поселения, наблюдаемые в Абжуа, также служат доказательством существования здесь в прошлом больших семей или семейных общин. Для XIX века в рассматриваемом регионе характерны семьи смешанного типа, однако здесь сохранялись поселки родственников-однофамильцев, возникавшие в результате распада больших семей. Более того, и в наше время сохраняется традиция совместного проживания женатых братьев в одной

[1] Мусукаев А.И., Першиц А.И. Народные традиции кабардинцев и балкарцев. – Нальчик. 1992. С. 10–11.

семье. Так, например, в с. Адзюбжа, в семьях Г. Муцба и Ш. Черкезия вместе с родителями живут женатые сыновья со своими детьми; в семье А. Ченгелия вместе с родителями живет женатый сын со своими детьми (а до недавнего времени в отцовском доме жили два женатых сына с детьми). Перед самой грузино-абхазской войной 1992-1993 годов большой семьей жила семья М. Чанба, где проживали родители с младшим женатым сыном Аркадием (погибшим в эту войну) и двумя неженатыми братьями. И сейчас есть семьи, которые разделились, но сохраняют локальное единство, и дома женатых сыновей располагаются вокруг отцовского дома. Причём, в горных, отчасти и предгорных сёлах Абжуа ещё в 1980-е гг. встречались и факты проживания нескольких братьев каждый в своём доме, но в общих дворах. В одном дворе жили, например, сыновья Гуаджа Ломия в с. Арасадзых, сыновья Пшкана Цвижба в с. Члоу.

Еще в начале XX века (1910 г.) в с. Адзюбжа проживала расширенная негритянская семья Амбера Абаш[1]. Проф. П.И. Ковалевский в книге «Кавказ» писал, что «в Абхазии целое селение состоит из негров. Это село Адзюбжа у устьев Кодора, в Сухумском уезде»[2]. Поправляя эту неточность Д. И. Гулиа в 1925 г. писал, что в Адзюбже из 160 дворов, «только два дыма негров по фамилии Хабаш, а лет 40 тому назад был один дым»[3].

[1] Делба М. Адзюбжские негры // Журн. «Алашара». № 4. 1981. С.. 73–76 (на абх.яз.).

[2] Ковалевский П.И. Кавказ. Т.I. Народы Кавказа. – СПб. 1914. С.37.

[3] Гулиа Д.И. Собрание сочинений Т.6... С.258. Первое упоминание в русской прессе об абхазских неграх приводится русским писателем В. Соллогубом. В своих путевых очерках о Черноморском побережье Кавказа он писал о встрече с негром в 1853 г. в с. Адзюбжа, недалеко от моря. Любопытное упоминание о том же содержится и у Е. Л. Маркова: «Проезжая в первый раз абхазскую общину Адзюбжа, я был поражен чисто тропическим ландшафтом: на яркой зелени густых девственных зарослей копошились курчавые африканцы, важно проходила с какой-то ношей негритянка. На ослепительном солнце черные люди в белых одеждах представляли характерное зрелище какой-нибудь африканской сценки... Негры эти ничем не отличаются от абхазцев,

У Амбера Абаш было 2 сына – Шаабан и Ширин и 3 дочери – Ксения, Кампыча и Антица. Был у него еще и старший сын, который учился (вместе с сыном князя Гиаргуала Чачба) в одном из Петербургских военно-учебных заведений, но умер до завершения учебы. У старшего сына Амбера, Шаабана, от брака с первой женой, абхазкой Киут, было двое детей – сын Валерий и дочь Цуца. Со смертью первой жены Шаабан женился на русской женщине: брак был недолгий – она умерла. От второго брака у Шаабана не было детей. Сын Шаабана – Валерий получил высшее образование, работал в Москве, но умер, не был женат. Сам Шаабан Абаш скончался в 1943 году на 65 году жизни.

Младший брат Шаабана – Ширин – жил в отцовском доме и работал в колхозе. От брака с абхазкой, Лили Кация, у него родился сын Нури (кадровый моряк, без вести пропал в Великую Отечественную войну) и дочь Нуца, закончившая Тбилисский медицинский институт. Ширин также был вторым браком женат на русской жене, от которой у него не было детей. Скончался Ширин через некоторое время после смерти старшего брата Шаабана. Из сестер Абаш младшая Антица умерла в расцвете сил. Старшая из сестер Кампыч и средняя Ксения, также скончавшиеся через некоторое время, были замужем – Кампыч в с. Кындыг за Тофиком Чанба. У них родилась девочка Джумка и сын Шамил[1]. Для нынешних адзюбжских негров и нескольких поколений, предшествовавших им, не ведом язык африканских народов, потомками которых они являются: родным для них языком стал абхазский. Семья Амбера и Софьи владела также мегрельским и русскими языками. По рассказу дочери Ширина – Нуцы, ее отец хорошо знал и турецкий язык, что неудивительно, так как в соседнем с. Аракич жили бежавшие сюда из Турции в конце XIX и начале XX века амшенские армяне[2], хорошо знавшие турецкий

среди которых живут уже с давних времен, говорят по-абхазски, исповедуя ту же веру» (Цит. по: Пачулиа В.П. Падение Анакопии. Легенды Кавказского Причерноморья… С. 60).

[1] Делба М. Адзюбжские негры // Журн. «Алашара»…

[2] Первоначально армяне поселились в районе нынешних населенных пунктов Дача и Аракич. На карте ССР Абхазии, составленной в 1926г., комиссией под ред. А.М. Чочуа и Д.И. Гулиа (к

язык, от которых Ширин мог научиться турецкому языку. Между неграми и абхазами не было никаких противоречий. Жили негры теми же обычаями и культурой, что и окружавшее их абхазское население, только антропологический тип выдает, что они принадлежат к негроидной расе[1].

Основная причина существования расширенной негритянской семьи состояла в том, что они жили обособленно и местное население не смешивалось с ними. Как писал Д.И. Гулиа, «случай браков с неграми белого населения (в Абхазии. – О. М.) были крайне редки, но теперь не так редки»[2]. Что же касается традиции большой семьи у абхазов, то ее, очевидно, следует объяснять как угрозой военной опасности, так и угрозой продажи в рабство. Кроме того, сохранение порядка жить неразделенными семьями в какой-то степени объясняется инерцией стародавних обычаев, но и не только ею. Женатые сыновья остаются жить с родителями из-за заинтересованности во взаимопомощи младшего и старшего поколения. В таких семьях детям удобнее заботиться о родителях, а родителям помогать детям в уходе за внуками.

этой карте Абхазии была приспособлена секретная «Военная карта «Сухумского и Сочинского округов 1902-3-6-7гг. Кутаисской Черноморской губернии и Кубанской области», где на территории Абхазии к карте были сделаны наклейки) как раз в этом месте (между Дача и Аракич) указан населенный пункт «Адзюбжа-арм.» (армянская).В Абжуйской Абхазии амшенские армяне поселились также в сс. Атара (арм.) и Лабра.

[1] Газ. «Заря Востока». 22 августа 1958г. Семью Амбера Абаш часто посещали высокие гости. Известный негритянский певец Поль Робсон писал: «Очень интересно было прочитать об африканцах Адзюбжи, об их истории и развитии…, за этой сагой (историей) я следил на протяжении многих лет, поскольку такова же была история предка великого Пушкина. Я скоро приеду повидать своих братьев и сестер. Это будет большая радость». Жизнью и бытом адзюбжских негров интересовались абхазские исследователи и писатели: С. Чанба, Н. Джанашиа, Д. Гулиа, А. Чочуа. В конце 20-х и начале 30-х годов XX века у абхазских негров побывали М. Горький, А. Барбюс.

[2] Гулиа Д.И. Собрание сочинений. Т.6… С. 258.

Полевой материал свидетельствует, что соотношение семей различной численности в разных ландшафтных зонах Абжуйской Абхазии неодинаков. Как правило, многочисленные семьи встречались в горных сёлах. Крупные семьи, численность членов семьи которых превышали 10 чел. в 1970-х гг. встречались в сс. Арасадзых, Тхина, Члоу, Гуп, Пакуаш, Кутол. Например, из 214 семей с. Арасадзых 15 семей состояли из 10 и более человек, тогда как в приморском с. Тамыш из 246 семей имелись только три такие семьи. Если семьей из 9 чел. в Тамыше насчитывалось только пять, то в Арасадзыхе их было 15[1]. Аналогичное соотношение численности семей было и в других горных и приморских сёлах Абхазии.

Как известно, размер семьи находится в прямой зависимости от детности, т.е. количество детей в семье. Как правило, семьи, в которых имеются более 8-10 детей, в 1970-х гг. встречались только в горных сёлах. Если в начале XX в. встречались такие семьи, как семья Кадыра Тарба (с. Моква), в которой было 18 детей, или Джабаси Багателия (с. Ачампазара) – 11 сыновей и 6 девочек, то в 80-е годы того же века не было ни одной брачной пары, число детей которой превышало бы 14 душ[2]. Согласно статистическим данным, численность матерей с 11 и более детьми уменьшилась с 53-х в 1956 г. до 20 человек в 1972 году. В результате почти вдвое уменьшился и естественный прирост населения республики[3]. Например, в настоящее время в семьях с. Адзюбжа в основном по 2-3 детей. Таких семей 84(36%). Многодетных семейств, где свыше 4 детей, здесь около 10. В остальных семьях не более двух детей (около 70 дворов).

Приведённые данные свидетельствуют, что абхазы в настоящее время ориентированы на малодетную семью, характерную вообще для многих народов. Одной из основных причин тому являются: отсутствие условий, необходимых для содержания и воспитания нескольких детей (недостаточная материальная обеспеченность, бытовая неустроенность) и др. Более того, физическая усталость женщины не позволяет ей в достаточной мере заниматься детьми и домашним хозяйством. Следует в то же время отметить, что если до массового выселения абхазов в Турцию средняя численность абхазской сельской семьи составляла 6-7 человек, то уже в 1926 году – 5,3 чел.[1].

[1] Бигвава В.Л. Современная сельская семья у абхазов...С. 43.
[2] Там же... С.42–43.
[3] Бигвава В.Л. Указ. соч...С.43.

В литературе встречаются определённые данные и по антропологической характеристике населения Абжуйской Абхазии. Так, в 1889 г. И. Пантюховым были обследованы абхазы в возрасте 20-25 лет в следующих общинах: – в Беслахубской обследовано 4 чел., их рост составлял 161,7 см; Моквской – 4 чел., рост – 162,0 см: Пакуашской – 15 чел., рост – 166,0 см: Илорской – обследовано 16 чел., рост – 163, 5 см; Тамышской – 7 чел., рост – 163,5 см; Гупской – 18 чел., рост – 164,4 см; Адзюбжской – 14 чел., рост – 164,8 см; Члоуской – 9 чел., рост – 166,6 см; Кутольской – 6 чел., рост – 166,8 см[2]. Интересно отметить, что население за прошедшие немногим более 100 лет в среднем стало выше на 5 см. Причина заключается в общеакселеративном процессе, т.е. из-за изменения образа и условий жизни, люди созревают раньше во времени и растут выше. Это присуще всем народам.

Традиционно, нравственным долгом каждого абхаза, достигшего брачного возраста, считалось создание семьи. Людей, не создавших семью, жалели и одновременно относились к ним с некоторым пренебрежением. Мужчин не женившихся до 40-50 лет в Абжуйской Абхазии называли амажроу (амажәроу), в Бзыбской Абхазии – акырмыдж, что значило не женившийся вовремя[3]. Несемейный не мог наладить полноценное хозяйство: традиции требовали строгого разделения труда между женщиной и мужчиной и поколениями. Мужчины являлись основой хозяйственного благополучия семьи и общины. Хотя роль главы семьи выполнял старший по возрасту, еще в недалеком прошлом, глава семьи во всех вопросах, тем более наиболее важных, считался с

[1] Бигвава В.Л. Современная сельская семья у абхазов...С. 42.
[2] Пантюхов И.И. Антропологические наблюдения на Кавказе. Прочитана на заседании Кавказского отдела Императорского Русского Географического Общества. – Тифлис. 1893.
[3] Маан О. В. Социализация личности в традиционно-бытовой культуре абхазов... С. 38.

мнением семьи. Значителен был в семье удельный вес и женского труда. Женщина мало, что делала за пределами дома и усадьбы, но зато обслуживала мужчину, помогала ему в хозяйстве по дому, участвовала в некоторых полевых работах (жатве, уборке урожая).

Автор статьи «Абхазская женщина», опубликованной в газ. «Кавказ» за 1885 г., отметив, что женщина, кроме исполнения прямой своей обязанности – поддержания семейного порядка, принимает участие в политической и общественной жизни своего народа, выполняет религиозные обряды, руководит ночными набегами[1] и вообще вполне равноправна с мужчиной, счёл нужным в заключение добавить: «Все сказанное нами относится к женщине привилегированного сословия… женщина же низшего сословия более ограничена в своих правах: семейная жизнь – вот круг её деятельности»[2].

Далеко не во всём выражалось равноправие жены в семье с мужем. Дети, прежде всего, принадлежали отцу. По материалам Ш. Д. Инал-Ипа, на дочери Балта Бжания (с. Тамыш) хотел жениться представитель фамилии Шларба (с. Джгиарда), но мать, вопреки сыновьям, хотела выдать свою дочь за другого. Возникший спор между матерью и её сыновьями был разрешён отцом в пользу Шларба: – «Лишь потому, что ты её родила, какое имеешь основание оспаривать у братьев их сестру, разве она тебе принадлежит, пусть выдадут за кого хотят!» – властно приказал он.

Женщина имела лишь безусловное право наследования имущества своей умершей сестры, ибо, по нормам обычного права, имущество умершей женщины (личные носильные вещи, приданое) переходило к её сёстрам, если их не было – к братьям и только в последнюю очередь – к детям. Муж женщины из числа наследников был исключён. Необходимо отметить также и то обстоятельство, что, по крайней мере, с последней трети XIX в., под

[1] В преданиях сохранились имена таких женщин, например, Екатерина Званба–жена джгиардского князя Алимбея Маршан; Екатерина Ануа–жена тамышского жителя Кемшиша Шакарипа и др.
[2] Смирнова Я.С. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины (XIX-XX вв.) // КЭС. 1. – М.1955. С.154.

влиянием русского законодательства в высших сословиях абхазского общества укоренилась практика, согласно которой муж мог по завещанию передать жене часть движимого имущества, принадлежавшего по адату сыновьям или родственникам.

На данном этапе, хотя на положение главы семьи по-прежнему большое влияние продолжает оказывать традиция, тем не менее, власть главы семьи основывается не на имущественном праве, как это было в прошлом, а на моральном авторитете среди остальных членов семьи. Точнее будет сказать, что главенство сегодня выражается не в проявлении власти над членами семьи, как это было прежде, а в организации жизни семьи, в устройстве ее быта. Не всегда теперь главой семьи бывает мужчина или старший по возрасту. И хотя в большинстве семей главой считается старший по возрасту, к которому относятся с должным уважением, признавая его жизненный опыт, в действительности, дом, хозяйство ведут его взрослые дети, труд которых играет основную роль в материальном благосостоянии членов семьи.

В настоящее время во всех однопоколенных (муж, жена) и двухпоколенных семьях (муж, жена, дети) главой семьи считается муж. За последние годы в Абжуйской Абхазии стало больше семей, возглавляемых женщиной. В подавляющем большинстве случаев это семьи женщин-одиночек или матери, чьи мужья погибли в период грузино-абхазской войны 1992-1993 гг. В семье, где нет кормильца (мужа) женщина-мать руководит воспитанием несовершеннолетних детей. Со вступлением старшего сына в брак, главенство переходит к нему, а в его отсутствие – приносящие семье доход дочери. То же самое относится к семьям, состоящим из одних сестер. Встречаются в Абжуа и единичные семьи, где живут зятья-примаки. Примак становится главой семьи только после смерти родителей жены. Вместе с тем, по традиции, не принято, чтобы муж жил в доме у жены или ее родителей, это принижает его авторитет среди односельчан. Тем не менее, случай поселения мужа в доме жены, особенно в городах, в последние годы стали учащаться. Окружающие сочувственно относятся к тем мотивам, которые приводят к поселению в доме жены: жилищными условиями, тем или иным соображениям семейного характера.

В прошлом, на протяжении всей своей жизни, женщина по отношению к своему мужу и старшим родственникам, соблюдала обычай избегания. Он вынуждал женщину быть постоянно настороже, постоянно следить за своими словами. Это была для женщины не подлежавшая обсуждению норма поведения. Самые сложные взаимоотношения складывались между невесткой и свекром (абхəа). Невестка не разговаривала с ним (со свекровью ей разрешалось разговаривать) даже тогда, когда сама уже имела женатых сыновей. Случалось, что свекор через восемь-десять лет после свадьбы через младших членов семьи обращался к ней с просьбой прервать молчание. По этому поводу он созывал соседей, устраивал пир и делал невестке подарок – платье, а в зажиточных семьях – корову, лошадь. По другим данным, свекор говорил невестке: «Спасибо, что уважила меня». Она целовала руку свёкра, а тот голову невестки, и с этого дня она имела право общаться, т.е. разговаривать с ним. Однако в больших семьях такие случаи были чрезвычайно редки. По мнению стариков, снятие запрета приводило лишь к недоразумениям, ссорам и создавало лишнее беспокойство для мужчины, который был бы не в силах переносить беспрерывную болтовню женщин[1].

Муж с женой при старших и соседях никогда не показывались вместе. Летом 1905 года Н. С. Джанашиа был свидетелем тому, как супруги после 29-летней совместной жизни, впервые показались вместе представителям своего рода[2]. В первые дни после свадьбы муж с зарей уходил из дома. В Абжуйской Абхазии одна женщина по имени Ничква Делба, в течение почти первых трех лет брачной жизни, очень редко выходила из амхары, чтобы не попасть на глаза старшим. Все это время и муж, также стеснявшийся родителей, приходил к ней вечером и незаметно уходил по утрам со своим стадом[3]. Согласно обычаю избегания,

[1] Смирнова Я.С. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины... С.122.
[2] Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии...С.101.
[3] Инал-Ипа Ш.Д. Очерки по истории брака и семьи...С.96.

супруги на людях не проявляли друг о друге заботу. Напомнить мужчине, что он женат, даже спрашивать у него о здоровье жены, значило бы его оскорбить. Обычай избегания налагал запрет на произнесение настоящего имени мужа (как и всех его родственников). В Абжуа имел место такой случай. В 1937-38 годах, жена одного из осужденных пошла, передать передачу своему мужу в Драндскую тюрьму. На вопрос как фамилия, имя и отчество мужа, фамилию она назвала, но имя и отчество мужа, по обычаю избегания, не стала называть. Жена осужденного, возвратилась в село, пройдя немалое расстояние, привела в тюрьму свою золовку, которая и назвала имя и отчество брата.

В семье традиционно было довольно строгое распределение труда. Причем мужчина считал недостойным для себя заниматься женскими делами. Сейчас строгого разграничения домашних обязанностей между супругами уже нет. Отношения между невесткой и родителями мужа характеризуются взаимоуважением и почтительностью. Серьезные неурядицы между ними редкое явление.

Традиционно в детях видели будущих помощников в хозяйстве, опору в старости, продолжателей рода. В абхазской семье во все времена исторически предпочтение дается мужскому потомству, поскольку девочки, подрастая, покидали дом, т.е. выходили замуж. Стремлением иметь мужское потомство объяснялось не только условиями крестьянского быта, но и религиозными представлениями о культе семейно-родовых предков. При отсутствии сыновей, некому было бы молиться об умерших, совершать по ним поминки, т.е. считалось, что некому будет помогать им в загробной жизни. Поэтому рождение девочек не праздновалось или праздновалось скромно, рождение же мальчика (в особенности первенца, особенно если появление его на свет много лет ожидали) отмечалось со всей доступной семье торжественностью.

Вместе с тем сегодня в Абжуйской Абхазии нередко можно услышать сетования людей среднего и старшего поколения о том, что «молодежь перестала уважать старших», проявляет непочтительность и фамильярность по отношению к родителям, что создает в семьях тягостную обстановку, однако это не характерно для большинства семей. В прошлом национальный этикет требо-

вал от младших скромности и сдержанности, осуждалось выпячивание себя на первый план, хвастливость и даже упоминание о совершенных положительных поступках. В условиях нынешних реалий экономической и общественно-политической жизни, создавших новый психологический климат, непочтительное отношение к старшим выражается в непослушании родителям, порой в злоупотреблении алкогольными напитками. Разумеется, и в прошлом случались поступки, шедшие вразрез с правилами поведения, когда сын (реже дочь) мог проявить непокорность воле родителей, невестка – свекрови и т. д. Но такие случаи не только осуждались, но и сурово карались. За непослушание родитель имел право наказать сыновей по своему усмотрению, например, выгнать из дома, не наделив имуществом. Старшему же полагалось быть по отношению к младшему сдержанным и терпеливым. Поучать или отчитывать младших старшие старались наедине, без свидетелей. Если случалось, что старший оказывался неправым, то для него было делом чести признать перед младшим свою неправоту. Прививаемые детям уважение и почитание старших имели свои оттенки: например, по отношению к отцу оно сочеталось с почтительностью, а по отношению к матери – с нежностью.

В современной семье много внимания уделяется учебе детей, их духовному развитию. Положительную роль в воспитании сыграло исчезновение обычая избегания родителями детей. Родители в наше время принимают непосредственное участие в воспитании детей. Большую помощь в воспитании детей оказывает родителям школа. Все дети школьного возраста учатся. Вместе с тем воспитание индивида в настоящее время, тем более, когда традиции и обычай перестают быть единственной формой регуляции социального поведения абхазов, достаточно сложна. Юноши и девушки сталкиваются в жизни с новыми явлениями, не учтенными традиционной регламентацией. Все это с непростым психологическим климатом общества создает опасность формирования неустойчивой личности, склонной к ненормативным поступкам.

§ 3. Патронимия и фамилии

В XIX веке в феодальной Абхазии в отсутствии политической стабильности, когда жизнь и собственность населения не были защищены, в общественной жизни страны огромную роль играла родственная солидарность. Родственники солидаризировались по крови, по браку (свойство), по объявлению себя родственниками (искусственное или названное родство). Важнейшим из этих видов было кровное родство по мужской линии.

Существовавшие в Абжуйской Абхазии «хутора» представляли из себя относительно небольшие, преимущественно пофамильные поселения с отдельными дворами. О патронимическом характере поселений в Абжуа свидетельствуют пережиточно сохранившиеся наименования пахотных участков, а также названия фамильных поселений: Аргун-куара в с. Ткуарчал, Чааркыт в с. Кутол, Хаджымкыт в с. Арасадзых, Ешкыт в сс. Бедиа, Гуп, Тамыш, Чхуартал и Ткуарчальских горах, Адзинааркыт в с. Джгиарда, Тамкыт (между сс. Тамыш и Кутол), Допуакыт в с. Адзюбжа, Бгаа рхабла в с. Аракич, Чанаа рхабла в с. Атара[1] и т.д. В верхней (центральной), более престижной части, например, низовья Кодора проживала княжеская фамилия Чачба, и сейчас одна местность, недалеко от Кодорской крепости носит название Чачаа рашта (владение рода Чачба); в низменной части сохранились топонимы Аграа ркиапта (пустырь рода Агрба), Джыкраа рху – холм рода Джикирба и Джыкраа ркиаптакуа, бывшее поместье рода Джикирба. Однодворовые и однофамильные поселения, состоявшие из родственников, со временем разрастались и смыкались друг с другом, в которых жили не только родственники. Члены патронимической группы, переселяясь, могли продать свое хозяйство чужаку.

---

[1] По преданию, название с.Атара связано с жившей некогда здесь фамилией Тарба, оставившей свои следы и в местной микротопонимике (см.: Кварчиа В.Е. Материалы топонимики Очамчирского района... С. 45). К числу сёл (посёлков) Абжуа, в прошлом почти целиком заселённых одной фамилией, относятся с. Кындыг, – где жили члены фамилии Киут, с. Отап – где жили представители фамилии Адлейба, с. Члоу, где жила фамилия Джопуа.

Рядом с родственниками поселялись переселенцы, прибывшие из других поселений под защиту феодала, по обычаю гостеприимства – «асасство». В результате этих процессов на смену однофамильным поселениям приходит сельская (соседская) община, на территории которой уже проживали представители десятков фамилий. Хотя в сельской общине уже проживали семейства и из других фамилий, патронимические поселения общины все же носили название по имени главы данной патронимии, но за пределами этой сельской общины название поселения терялось в названии общины. Более того, жители, например, поселений с. Адзюбжа по обе стороны Кодора (Аджбна, Уарча, Пшькиар, Ашьашла и т.д.), но и население Допуакыта, Атары, Наа, за пределами своего района, например, находясь в Самурзакани или Бзыби, на вопрос: «Откуда ты?», называли Адзюбжскую общину. Объединяло поселения с. Адзюбжа.

Связи между членами каждой абипары в принципе не отличались от фамильных, но были теснее. Характерной чертой родовых объединений являлось компактное поселение членов патронимии. Дома членов патронимии располагались рядом и связывались между собой перелазами и внутренними дворами. Хозяйственное единство патронимии выражалось, прежде всего, в совместной обработке земли: пахоте, посеве, прополке, уборке урожая и т.д. Экономическое единство выражалось, главным образом, в оказании взаимопомощи членам патронимии. В Абхазии, наряду с родственной взаимопомощью, существовала и соседская взаимопомощь. Эти два вида помощи переплетались друг с другом. Переплетение было тем более тесным потому, что многие родственники в то же время являлись соседями, а многие соседи – родственниками. «При выходе из отчего дома, – указывал Н.С. Джанашиа, – все соседи и родственники считали себя обязанными помочь новоселам. Мужчины помогали трудом, женщины приносили в подарок домашнюю птицу, посуду, утварь и другие предметы домашнего обихода. Если у новоселов не было кукурузы, соседи обеспечивали их кукурузой до нового урожая»[1].

[1] Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии... С.104.

Соседская взаимопомощь у абхазов, как и у других народов Кавказа выражалась и в совместном проведении сельскохозяйственных работ. В первой половине XIX века Т. Лапинский, говоря о царивших в среде адыгов отношений добрососедства и помощи соседей друг другу, писал: «Соседи между собой живут в таком согласии, которое могло бы послужить примером для европейских селян: полевыми работами всегда совместно занимается несколько соседей»[1].

При постройке дома родственники и представители чужих патронимий, согласно обычаю, доставляли хозяину из леса строительный материал – бревна, доски и т.п., если постройка производилась не мастерами, то участие в этом принимали соседи и родственники.

Общественная сущность патронимии заключалась в участии ее членов в обеспечении безопасности. Члены патронимии обычно имели отдельное кладбище, что наблюдается и сегодня. Где бы ни умер человек, его обязательно везут в родное село и хоронят на фамильном или семейном кладбище[2]. При этом сегодня бывает, что женщину хоронят не на кладбище ее мужа, а на ее собственном родственном кладбище. По свидетельствам абжуйцев, «похороны жены не на кладбище мужа неправильно» даже в случае ее бездетности, и тем более, если она воспитала для мужа чужого ребенка. Хоронят же жену на ее родственном кладбище согласно воле умершей. При приемах гостей (а также на свадьбах, похоронах) все хлопоты, связанные с ними лежали обычно на всех родственных дворах.

Сейчас, как и прежде, родственники собираются по случаю семейных событий и на различные другие праздники. Особо большое значение продолжает придаваться присутствию родственников на похоронах. Бывает также, что собираются по каким-

[1] Lapinski T.B. Die Bergvölker des Kaukasus und ihr Freiheitskampf gegen die Russen. Bd.1. – Hamburg. 1863. C.39.

[2] Примеров, подтверждающих это положение, очень много. По данным Ш.Д. Инал-ипа, в конце XIX в. из с. Члоу в Зеленчукскую долину ездила целая депутация абхазов за трупами своих сородичей, убитых во время одного вооружённого столкновения (Инал–Ипа Ш.Д. Абхазы...С. 548).

нибудь чрезвычайным вопросам, например: чтобы обсудить недостойное поведение одного из членов рода и принять соответствующее решение.

Экономические и общественные связи между семьями одной патронимии были закреплены идеологически – осознанием общего происхождения и кровного родства. Имелись и некоторые черты общего религиозного культа. Здесь надо учитывать, что патронимия выступала как бы в двух аспектах. В качестве экономической и общественной единицы она объединяла группу семей, включая и пришедших в них со стороны женщин, так как она была своего рода небольшой общиной, входившей в большую общину – сельскую. В качестве же идеологической общности она объединяла ядро такой группы – родственников по мужской линии, включая женщин, ушедших из нее – с выходом замуж. Тем самым, она была группой потомков одного предка, входившей в более широкую родственную общность – фамилию.

Как указывалось, в прошлом встречались посёлки, почти целиком заселённые членами одной фамилии. Наиболее же многочисленной абхазской фамилией и в настоящее время является Квициния, в 1980-х гг. состоявшая приблизительно из 400 семей. Почти половина семей этой фамилии проживает в с. Атара-Абхазская. Например, в 1970-е годы из 265 хозяйств которой, фамилия Квициния составляла 195 хозяйств. Многочисленными в Абжуйской Абхазии являются также фамилии: Джинджолия (Аджинджал), Адлейба, Джопуа, Цвижба, каждая из которых насчитывает от 140 до 200 семей.

По данным 1980-х гг. в с. Джгиарда проживало 72 фамилии. Из них фамилия Амичба насчитывала 53 семьи, Ашуба – 34, Абухба – 14, Джинджолия и Сангулия – по 9, Адзинба – 8, Кецба и Шларба – по 7, фамилия Багапш – 6 семей. В с. Члоу проживало 90 семей фамилии Цвижба, в с. Отап 57 дворов фамилии Адлейба.

Каждое семейство, к какой бы патронимии оно не принадлежало, несло определённые обязанности по отношению к целой фамилии. Члены его внутри братства считали себя происходящими от одного общего предка, имеющими одну кровь, называя

друг друга братьями и сёстрами. Браки внутри братств были запрещены.

Небольшие братства часто объединялись в один союз. Часто, в «фамильные союзы» входили не только близкие по крови и происхождению члены одного рода, но и люди иного происхождения, которые по той или иной причине в разное время присоединялись к данному союзу, отдавшись под его покровительство. На каждом взрослом члене союза лежала военная повинность, каждый должен был в случае необходимости являться с оружием для защиты общей безопасности и действий против общих врагов.

В X1X в. уже почти не было общин, заселённых одной фамилией и в каждой деревне проживали семейства различных родовых союзов. Однако фамильные и родственные связи у абхазов сохранились, одним из проявлений чего были периодические сходы всех лиц, носящих родовое имя[1].

До начала военных действии в Абхазии в 1992 г. фамильные сходы провели около 40 абхазских фамилий, в числе которых Шамба, Агрба, Бжания, Пачулиа, Габлия, Аджинджал и др. Сходы проводятся один раз в году, в назначенное однофамильцами время. Фамильные сходы продолжают играть заметную роль в современной этнической культуре абхазов. В связи с последствиями грузино-абхазской войны 1992-1993 гг., они стали проводиться реже, тем не менее, родственники-однофамильцы знают друг друга в какой бы части республики они не проживали. Фамильные встречи проводятся, например, между представителями разных ветвей фамилии Маан (Маргания) как из Абжуйской, так и Бзыбской Абхазии. Так, 15 октября 1998г. в с.Ачандара (Бзыбская Абхазия) было проведено родовое моление фамилии Маан.

---

[1] Маан О.В. Фамильные сходы у абхазов.//Полевые исследования. Т.1. Вып. 2. – М.1993. С.68–69. В 1930-х гг. традиция фамильных сходов, по известным причинам в период сталинских репрессий, у абхазов была прервана, вновь она возобновилась в основном в 1970-х гг. В своих внешних формах они напоминают традиционные. В этом качестве они выступают в виде т.н. «вторичных форм культуры», как своего рода реминисценция её традиционных форм.

Моление было вызвано тем, что дочь ныне покойного Джото Маан из с. Джирхуа увидела вещий сон, который обязывал провести моление и просить Всевышнего о прекращении среди названной фамилии преждевременных смертей и других несчастий. Для этого был куплен жертвенный бык на собранные родом средства. На молении присутствовали и сестры из этой фамилии, вышедшие замуж, вместе с мужьями и детьми, тети и т.д. В связи с тем, что среди Маанов не было жреца, моление проводилось во дворе аныхапааю (жреца) святилища Дыдрыпш Заура Чичба.

Аналогичные фамильные встречи проводят представители родов Абухба (Абахуба), Адлейба, Чанба. После минувшей войны фамильные сходы также провели представители родов Джопуа, Допуа, Квициния, Когония. Целью фамильных сходов является стремление познакомить молодежь с историей их рода, сблизить родственников, передать детям и внукам эстафету поколений, воссоздать генеалогическое древо родов, а некоторые, названные выше роды открывают фонды, чтобы каждый член фамилии мог рассчитывать на помощь и в горе, и в радости.

Фамильным сходам предшествовали фамильные моления, игравшие в жизни досоветского абхазского села важную регулятивную роль. В процессе исторического развития ритуальная роль фамильных молений потеряла свое главенствующее положение, а затем и утратилась полностью, превратившись в проведение фамильных сходов.

Ниже рассмотрим способы образования фамилии Абжуйской Абхазии, а также связанные с ними легенды и предания.

Время появления в Абхазии родоначальников тех или иных фамилий, в частности тех из них, которых принято считать мегрельскими, помимо мегрелов, переселившихся после махаджирства и в период советской власти, практически невозможно. Причины же их появления являлись разнообразными. Но главная причина, очевидно, заключалась: в отсутствии у низших категорий абхазского крестьянства (амацуразку, ахувю), пленников, купленных или похищенных, и их потомства своего родового имени (фамилии)[1], которые со временем могли получить фами-

[1] Инал–Ипа Ш.Д. Абхазы... С. 406.

лию по имени отца по форме: сын такого-то. Впоследствии эти фамилии с формантом «-ипа» мегрельские священнослужители ввиду сложности восприятия абхазских фамильных форм (а также, видимо, и потому, что абхазские фамилии были политически «нежелательны») нарекали мегрельскими фамилиями; ими действительно являлись лица мегрельского происхождения, еще в феодальный период попадавшие в Абхазию, впоследствии воспринимавшие язык, обычаи местного населения и переходившие в категорию коренной национальности.

Следствием подобных миграций мегрелов в Абхазию, продолжившихся со второй половины XIX века были взаимопроникновения этих народов, чем, в частности, можно объяснить наличие и среди современного населения Абхазии немало обабхазившихся мегрелов. По свидетельствам старожил, одними из первых в Абжуа появились грузины (мегрелы) Тевзадзе (впоследствии записавшиеся как Тиваз, Тивазба), Рогава; позднее, с появлением лесозавода – Кобалия, Сичинава, Чхапелия[1], Тордия, Цинадзе, Габелая, Букия, Меркатия, Чедия, священник Меладзе и др.

Грузинский историк конца XIX века Дм. Бакрадзе, относительно фамилии Кация писал: «Слово Кациа существует доселе в Имеретии, Мингрелии как собственное имя человека. «Архонт» Кациа показывает, по моему мнению, что в то время, когда составлена надпись, имя Кациа в Западной Грузии уже было в употреблении»[2].

В этой связи отметим, что в с. Пакуаш и ныне существует пос. Кацихабла, а в низовьях Кодора, вплоть до махаджирства

[1] Следует отметить, что фамилии Сичинава, Чхапелия, Абашидзе и др., встречаются и в других районах Абхазии, они знают свои абхазские родовые (фамильные) незафиксированные наименования, замененные грузинскими церковнослужителями на фамилии грузинских этнических групп, напр. фамилия Басник-ипа была переделана на Сичинава, Кужираа – Чхапелия (См.: Смыр Г.В. Основные особенности абхазских фамилий. – Сухум. 2000. С. 34 (на абх. яз.).

[2] Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь... С.122.

существовало пос. Кацикыт ("село Каца"[1], на территории с. Владимировка, ныне название Кацикыт восстановлено)[2]. В Турции проживают представители фамилии Кацаа (Акац), причем они принадлежали, по утверждению представителя абхазской диаспоры Орхана Шамба к этнографической группе абхазов – «цвидже», занимавшей до выселения территорию ниже племени «ахчипсы», т.е. в ущелье притока реки Мзымта – Цвыдзыпсы (Цəзыԥсы)[3]. Поэтому, видимо, не обязательно считать, что мегрельские и абхазские носители фамилии Кация одного корня, так как они могли образоваться самостоятельно, независимо друг от друга. С разрастанием фамилии из ее древа выделялись отдельные семьи (или разделялись сыновья) и переселялись на новые места жительства. Одна из отделившихся ветвей фамилии, по имени ее родоначальника могла образовать патронимию Кацицацəа, то есть «сыновья Каца» (создание же хозяйств и очагов вне пределов родовых владений являлось достаточным основанием для смены фамильного имени именем главы семьи). Впоследствии название патронимии Кац-иԥацəа превращалось в Кацаа, Кация. Надо отметить также, что между носителями фамилии Кация мегрелами и абхазами отсутствуют какие-либо родственные связи.

Согласно полевым материалам, записанным этнографом Л. Х. Акаба в с. Члоу в июле 1963 года от председателя колхоза села Команды Камкия, «когда Камкиевы приехали в Абхазию, у них не было никакой аныхи, и однажды один из них заболел. Пошли к прорицательнице. Она сказала, что надо поехать на прежнее местожительство и пожертвовать Клюшкар-ныхе[4] золотую модель

[1] См.: Пахомов А. Исторические записки...С.280; Карта «Аԥсны аҳəынтқарра». – Сухум.1997.

[2] Газ. «Апсны». 30 июля 1996 г. (на абх. яз.).

[3] Название реки Цəызыпсы связано, надо полагать, с наименованием древней родовой группы, числящейся в составе вымерших фамилий с. Джгиарда, где один микрорайон сохранил название «селище» (рода) Цвидзбовых (Цəзаа рынхарта).

[4] Под Клюшкар-ныхой имеется в виду «икона» в с. Кулишкари Зугдидского района Западной Грузии, откуда и считаются выходцами Камкиевы.

люльки. Они так и сделали. Кроме того, они отдали три рубля серебром и одного поросенка. Камкия (Очамчирский район) и Канкия (Гудаутский район) – это одна и та же фамилия. Они приехали из Одиши (прадед современных представителей этой фамилии из с. Кулишкари). Они пришли сначала к Маан в Адзюбжу. Затем младший брат отправился в с. Гуп к Маршану. Средний брат отправился в с. Кочара».

Потомки же Османа Камкия (записано автором этих строк весной 1998 года в с. Адзюбжа), утверждают, что их предок – выходец из Садзена.

Согласно материалам истории выходцами из Садзена являются и представители фамилии Гвинджия (Гəыԥьиаа)[1], одна из ветвей фамилии Апшцба (обе фамилии происходят из садзских дворян)[2]. А в сс. Кутол, Акуаскьа и Охуреи Абжуйской Абхазии до настоящего времени встречается фамилия Садзба. Согласно фамильному преданию, род Допуа выходцы из с. Псху (под которым иногда понимается и Северный Кавказ) и первоначально носили родовое имя Думанаа[3] (Думановы).

При этом заметим, что сама фамилия Допуа, наряду с такими как Ануа, Адлейба, Бганба, Инапшба, Джопуа, Тарба и другими, принадлежит, согласно представлениям абхазов, к числу древних абхазских антропонимов. Поэтому логичнее полагать, что с переселением Думановых на территорию низовья Кодора, они приняли фамилию Допуа.

Фамилия Бжания, по мнению Г. В. Цулая, имеет адыгскую лексическую основу, «бжен» – коза[4]. Ещё в 1929 г. С.Н. Джанашиа в г. Краснодаре была зафиксирована адыгская фамилия Бжентҳалы – бжен – коза, тхалы – душитель («козу задушив-

[1] Инал–Ипа Ш.Д. Садзы...С.160.

[2] Дзидзария Г.А. Труды. Т.1... С. 368. Согласно же народному сказанию фамилия Апшцба вышла из местности Рица, где находится одноименное озеро (Зухба С.Л. Абхазское народное поэтическое творчество. – Сухуми. 1981. С.190–191 (на абх.яз.).

[3] Кварчиа В.Е. Материалы топонимики Очамчирского района... С.29.

[4] Цулая Г. В. Из грузино-абхазской антропонимии // ЭО. №1. – М. 1999. С. 124.

ший»)[1]. А ещё раньше в «Новом и полном географическом словаре Российского государства» говорится о черкесском уезде Бжана[2]. Возможно, Бжана – название племенной территории, образованной от фамилии владетелей, так как, по традиции горцев, фамилия главенствующей знати присваивалась и их владению[3].

Согласно фамильному преданию Иванба, они абазины из фамилии Иуан. Сказание гласит, что в Абхазию переселились два брата: один обосновался в с. Река, другой – в с. Моква. По преданию же абазинских Иуан, они первоначально переселились из Абхазии на Северный Кавказ. В Абхазии (с. Псырцха: Новый Афон) они носили фамилию Алушба[4].

Предки Делба (Делаа) – выходцы из Бзыбской Абхазии. Первоначально они проживали в с. Лдзаа и носили фамилию Саманаа (живут Саманаа и ныне в с. Лыхны). Переселившись в район Кодора лет триста назад, они вначале жили в междуречье Малого и Большого Кодора, а затем к северу от Мармал-абаа. Часть их затем переселилась в с. Ткуарчал.

Искусствовед А. К. Кация от ныне покойного Леварсана Бирамовича Джикирба, 1893 г.р., располагает информацией о том, что фамилии Амзцба, Амзалакия, Джикирба, Маан и Ченгелия когда-то вышли из с. Лдзаа, близ Пицунды.

Фамилия Шария образовалась приблизительно во второй половине XVIII в., после переселения пяти братьев Шакрыл из с. Лыхны (Бзыбская Абхазия) в сс. Тагелон, Сида, Баргеб (совр. Гальский район) и Тамыш (совр. Очамчирский район)[5].

Выходцами из Бзыбской Абхазии (с. Лыхны) являются также предки фамилии Лакуатаа (Лаквитава), которые обосновались в с. Кындыг. Это были братья Урыса Лакоба, отравившего в 1822 г. князя Дм. Чачба, чем было вызвано переселение и изменение ими родового имени, т.е. Лакоба на Лакуатаа. Сегодня отдельные носители фамилии Лакуатаа восстанавливают фамилию Лакоба.

---

[1] Джанашиа С. Н. Труды. Т. IV. – Тб. 1968. С. 20. (на груз. яз.)
[2] Куправа А.Э. Из истории абхазской антропонимии. К вопросу преобразований фамильных имён. – Сочи. 2003. С. 50.
[3] Там же.
[4] Там же. С.141–142.
[5] Там же. С. 48, 132.

Из с. Ачандара (Бзыбская Абхазия), по причине убийства перешёл в Юго-Восточную Абхазию предок фамилии Джения, где свою фамилию поменял на Джинджолия. В настоящее время наиболее компактно и многочисленно фамилия Джинджолия (Аджинджал) проживает в сс. Бедиа, Пакуаш, Атара и Члоу.

По свидетельству жителя с. Адзюбжа Ивана Коблуховича Карчава 1931 г.р., его род является выходцем из района Пицунды (с. Алахадзы), и первоначально они носили фамилию Ақаоба (Кове).

На территории абжуйских поселений ранее встречались (а некоторые встречаются и сейчас) фамилии, в которых нашли отражение прозвища людей, связанных с растительным миром, поклонением космосу, географическими названиями (ср. напр. фамилию Балан, встречающуюся среди македонских абхазов в Греции[1], с местностью Балан в с. Адзюбжа). Так, в основе фамилии Псардиа, Апса (абазинская фамилия), Лапсандзе (вар. Апсандзе)[2] лежит название пихты (апса) – дерева – тотема; в основе уже упомянутых фамилий Амзцба и Амзалакия, по преданию населявших в древний период долину Куараша[3], лежит слово «амза» в значении «луна» (это же слово лежит в названии «амза-цла», букв. «луна-дерево», также почитаемого с древних времен).

Связь с почитанием отдельных деревьев можно усматривать и в фамилиях: Джопуа, где корневая основа «адж» («дж») означает «дуб», Ашуба (Ашәба) от «ашә» – «бук», Амичба (Амҷба) от «амҷа» – «клён», Хашба (Аҳашба) – от «аҳаш» – «дикая груша»

---

[1] Сагария Б.Е. Трагедия македонских абхазов. – СПб. 1995. С. 17. Кстати, заведует лабораторией Гудаутского фермзавода В. Балан (см.: газ. «Республика Абхазия». 21–22 ноября 2002 г.). Ср. также фамилию Джыбраа с местностью Джобрия в с. Адзюбжа.
[2] Носители фамилии Лапсандзе (Апсандзе) проживают и в Зугдидском районе Грузии, а на правом берегу р.Чхоуши, недалеко от ее впадения в р. Ингур, расположена местность Саапсандзо (Инал–Ипа Ш.Д. Абхазы... С.11).
[3] Инал–Ипа Ш.Д. Вопросы этно-культурной истории... С.366. На территории современного с. Адзюбжа носители фамилии Амзцба пишутся как Муцба. Фамилия же Амзалакия фиксируется в топонимии этого села в форме Мызлакиа.

и т.д. Со священным грабовым деревом, занимавшим в религиозных представлениях абхазов второе место после дуба, связано происхождение фамилии Хеция (букв. из абхазского языка – «грабов»)[1], до махаджирства, проживавшей на правобережье Кодора (Аджбна), в районе сс. Кутол, Лабра, Тамыш.

Фамилия Акшба первоначально звучала как Агшба (Аҕшба)[2]. Вместе с тем есть сказание: «Единственная сестра семи братьев и Акшба Георгий»[3]. Такие сказания, по данным фольклористов, возникают в эпоху позднего средневековья. И, следовательно, форма фамилии Агшба (от «аҕш» – по-абх. «тополь») является более древней и восходит к почитанию тополя как тотемного дерева фамилии Агшба – Акшба[4].

Происхождение фамилии Абухба (Абахуба), по преданию связывают с тем, что некогда в походе одна женщина из рода Адлейба родила сына у подножья скалы, а посему новорожденному дали имя Абаху (абахә – «скала» по-абх.), и все потомство последнего стало именоваться Абахуба[5]. С термином ацан (аҵан – название карликового племени, некогда, согласно легенде, населявшего Абхазию), весьма созвучна фамилия Цаа (Цаава). (С названием ацан Ш. Д. Инал–Ипа сопоставляет фамилию Цанба, то-

[1] Вместе с тем, по объяснениям абжуйских старожил, «у анцва мать из мингрельского княжеского рода Мхеидзе, по-абхазски – Хеция»(см.: Джанашиа Н.С. Статьи...С.23,67). Следует отметить, что Мхеидзе букв. переводится как «не рожающая», а Хеция имеет другое значение («грабов»).

[2] Маан О. В. Из истории фамильных имён абхазов // Абхазоведение. Вып. II. – Сухум. 2003. С. 193.

[3] Избранные произведения писателей Советской Абхазии. – Тб. 1938. С. 137–142.

[4] Ср. также фамилию Акшба с фамилией садзов – выходцев из района Гагр – Акшындба, встречающейся сегодня среди батумских абхазов в форме Кишиндба (Кшиндба).

[5] Инал–Ипа Ш.Д. Очерки по истории брака и семьи... С.22. Сейчас представители фамилии Абухба проживают и в Македонии. Есть и ветвь этой фамилии, проживающая ныне в Турции, в селе Тушбурун, близ города Акьязы, которая считает себя по происхождению садзами (Инал–Ипа Ш.Д. Садзы... С.268.).

поним Цандрипш)[1]. По сведениям некоторых информаторов, фамилия Цаава в прошлом звучала как Цаҳажәаа.

Согласно предания, фамилия Дзапшипа принадлежала к одному из боковых линий рода Чачба (Шервашидзе). Мать родоначальника Дзапшиповых, княгиня Шервашидзе, разрешилась от бремени по дороге в Сухум на берегу р. Адзапш, что и дало повод дать ему имя Дзапш. «Царевич Вахушти, в своей географии, в списке древних абхазских княжеских родов упоминает также и об этом роде (по-грузински Зепис-швили). Коренным их имением было урочище Акваскемца (в Бзыбском округе). Оттуда уже, размножаясь, они начали переходить на пространство между реками Кодор и Псырцха и некоторые переселились даже за Кодор (в селение Тҳина)»[2].

Предки современной абхазской фамилии Арлан проживали в горной части с. Дурипш (Бзыбская Абхазия). После совершения убийства, они переселились в с. Атара, а один из братьев обосновался в Мегрелии, где его фамилия приняла форму Арлания[3].

Согласно родовому преданию, Какубава, в прошлом носили фамилию Цыцба и жили в районе Псху. Совершив убийство, они переселились в Юго-Восточную Абхазию и приняли фамилию Какубава. Фамилия Какубава не имеет отношение к созвучной ей абхазской фамилии Какоба[4].

Происхождение фамильного имени Чанба проф. Х. С. Бгажба увязывает с одним из перечисляемых турецким путешественником Евл. Челеби (XVII в.) абхазским «племенем Чанды»[5]. По утверждению старожилки Ашуба Зинаиды Тычовны, она встречала в Западной Грузии (в Цаленджихе, примерно в 1940-х годах) носителей фамилии Чания, которые знают, что их фамилия происходит от фамилии Чанба. Такого же происхождения, например, и Ахобадзе из Западной Грузии, – от абхазской фамилии Ахуба.

[1] Инал–Ипа Ш.Д. Памятники абхазского фольклора. – Сухуми. 1977. С.181.

[2] Пахомов А. Исторические записки по истории Абхазии... С. 242–243.

[3] Куправа А.Э. Из истории абхазской антропонимии... С. 50–51.

[4] Куправа А.Э. Указ соч. С. 128.

[5] Бгажба Х.С. Этюды и исследования...С.178.

По преданию фамилии Адлейба, их предки вышли из Псху и поселились в с. Отап. Фамилия Адлейба, якобы образовалась от соединения имен двух братьев – Аду (букв. «большой») и Ли (?), т.е. Адлейба переводится как «сыновья двух братьев»[1].

Как уже было сказано, в Абжуйской Абхазии еще в начале XX века проживала негритянская семья Амбера Абаш. «Мне думается, – писал Е. Л. Марков относительно появления негров в Абхазии, – что негры являются в этих местах случайными людьми и привезены сюда не ранее появления на Черноморском берегу турок, у которых, как известно, всегда бывало много слуг из африканцев, доставлявшихся из турецких африканских владений…»[2]. По преданию, рассказанному 76-летним Ширином Амберовичем Абаш, «еще в XIX веке один купец купил большую партию негров-рабов и привез их в Стамбул, где вскоре подарил их русскому царю». Но в Петербурге соотечественники Ширина стали болеть и умирать. Оставшиеся в живых, среди которых был и прадед Ширина, царица подарила, «как дарят котят, одному вельможе, имевшему поместье на теплом берегу Черного моря»[3].

Д. И. Гулиа считал негров Абхазии выходцами из Абиссинии, а фамилию Абаш производной от Хабаш – арабского названия Эфиопии[4]. В. П. Пачулиа, ссылаясь на предание, пишет, что предки негров «были куплены когда-то на турецком невольничьем рынке местным князем Абашидзе. Отсюда происходит и фамилия Абаш»[5]. Однако не исключено, что в 50-е годы XIX века, после отъезда не прижившихся русских священников, завезенные в Абхазию мегрельские священники записали фамилию негров на

[1] Адлейба Е.А. Наше родословие (Народные сказания и статьи). – Сухум. 1996. С.45 (на абх.яз.).

[2] Цит. по: Пачулиа В.П. Падение Анакопии...С.60–61. Долгожитель с. Члоу Мажагв Адлейба также рассказывал, что в Абхазии было много арабов (очевидно, негров), вышедших из Мсыра (Египта), которых «турки переправили в Абхазию» (Басария С.П. Избранные сочинения... С. 53).

[3] Счастье старого негра // Газ. «Заря Востока». 17 августа 1958 г.

[4] Гулиа Д.И. Собрание сочинений. Т.6... С.106.

[5] Пачулиа В.П. Из Сочи в Сухуми. Путеводитель. – М.1965. С.176

грузинский лад – Абашидзе, подобно тому как родовое имя Адгуа-ипа было заменено на Яшвили, Мцвагуача – Дочия, Мазлоу – Бзиава, Алхорба – Мирцхулава, Клыч – Кутелия и т.д.

По словам представителей рода Сабекия (с. Тхина) первоначально их фамилия звучала как Апакиа (Апақьиа, что досл. переводится как «сын добрый, праведный»). От фамилии Апакиа, как свидетельствовал в 70-80-х гг. XX в. преподаватель Сухумского художественного училища Рамин Тариелович Апакидзе, происходит и грузинская фамилия Апакидзе (Апақьизе).

В фамилии абхазского дворянского рода Маргания «мы имеем два образовательных суффикса, – писал Н. Я. Марр, – один позднейший мингрельский – «иа», а другой наличный и в сванских фамилиях – «ан». Основа «марг» – яфетического (кавказского) происхождения – хайское слово (хайский язык – древнелитературный язык Армении), сохранившееся в грузинском в значении «звезды» (в груз. «мемарге» – «звездочет»), а фамилия букв. значит «сын звезды». Но в абхазском языке она проявляется без мингрельского нароста – «иа», но с утратой группы рг в виде Маан (Марган), мн. Маанаа[1]. Следует при этом отметить, что старшее поколение абхазов никогда не говорит Марганиа, а только Маан. В своей работе «Самурзаканцы или мурзаканцы» С. Басария[2] приводит факты о том, как Маан было переделано на «мингрельский» лад – в Маргания[3] (так же, как Инал-ипа в Иналискуа, Иналишвили, Лакр – Лакербая, Эмхи-Эмухвари и др.).

[1] Марр Н.Я. О языке и истории абхазов... С. 64–65, 108.

[2] Басария С.П. Самурзаканцы или мурзаканцы // Материалы по истории Абхазии. Вып.1. – Сухуми. 1990. С. 29–30.

[3] Вместе с тем, преобразование фамилии Маан в мегрело-грузинские формы – Маргания, Марганидзе, Маргани (как и фамилии например, Чачба – в Шарашия, Чачибая: Ачба – Анчабеия, Анчабадзе: Амаршан – Маршания, Маршава и др.), в отличие от фамилии абхазского крестьянства (переделка фамилии крестьян относится к периоду с конца XIX в.) восходит, по-видимому, к более раннему этапу истории, когда абхазская феодальная знать носила параллельно с абхазской и грузинскую форму фамилии. Такая практика подражания характерна, как известно, для феодального сословия всех стран.

Вместе с тем, если во второй части антропонима Маан видеть сванское «ан» (не отрицая факты языковых встреч сванского с абхазским), частица «ан» присутствует в целом ряде фамилий у абхазов – Ануа, Нанба, Званба, Анба, Андырбыуа, Тванба, Миканба, Бганба, Барканаа, Барганджия и других. В абхазском языке «ан», как известно, обозначает «мать». В этой связи «ан» сопоставим с теонимом «нан» – культом великой матери плодородия, существовавшим в Малой Азии во времена хаттов и хеттов (III-II тыс. до н.э.) (у абхазов «нан» – мать, богиня, аныха – святилище, нанҳәа – языческий праздник в честь великой животворящей матери, Анана-Гунда – богиня пчеловодства и др.)[1]. При этом и первая часть антропонима «Маан» – «Ма» являлась, как известно, у хеттов названием великой Богини-матери богов, образ которой также связан с представлениями о производительных силах природы. О том, что культ малоазийской богини «Ма» был широко распространен, в частности на территории проживания древних синдов (от нынешнего г. Анапы до г. Новороссийска) свидетельствуют археологические данные[2]. По-видимому, культ богини «Ма» был, почитаем и в среде абхазов. Трудно сказать, насколько приведенное выше суждение о происхождении фамилии Маан соответствует действительности. И над этими вопросами исследователям еще придется поразмышлять, хотя связь данного ономастикона с древним населением Малой Азии исключать полностью, видимо, не следует.

На примере генеалогии фамилий можно проследить и связи абхазов с народами Северного Кавказа. Они были обусловлены многими факторами, одним из которых являлись торгово-экономические отношения. Что касается миграции тех или иных фамилий на Северный Кавказ из Абхазии, то они были вызваны

[1] О ближайшем сходстве и тождественности, в особенности в области некоторых наиболее проницаемых религиозных верований, теонимии, ономастике и других форм этнографического быта абхазо-адыгов и древнего населения Малой Азии см. например, Инал–Ипа Ш.Д. Вопросы этно-культурной истории... С.141–144.
[2] Крушкол Ю.С. Древняя Синдика. – М. 1971. С.177–180. Синды, как принято считать, являлись одним из непосредственных предков современных адыгов.

обычаем кровной мести, последствиями русско-кавказской войны, а также земельных противоречий. Люди поначалу покидали места постоянного проживания временно, а затем чаще навсегда.

Фамилия Черкезия по своему происхождению связана с термином, употребляемым для обозначения всех адыгов – «черкес». Фамильное имя Азахуба («Зухба») связано с этнонимом азаху, который также восходит к собирательному термину «адыге» («черкесы»). Фамилия Качарава, а также Карчава (Ҟарчаа), по всей видимости, связана с названием «карачай» (карачайлыла – самоназванием карачаевцев). Абхазскими по происхождению являются такие ныне балкарские фамилии, как Джапуев, Апсуваев[1].

[1] Относительно генезиса балкарского рода Апсуваевых балкарка Шамсия Апсуваева рассказала автору этих строк: «Наш фамильный род Апсуваевых из Абхазии. Мы из абхазского рода Маан (Маргания). Нашего предка, переселившегося когда-то в Приэльбрусье, звали Огурлу. Переселившись на нынешнюю территорию Приэльбрусья, Огурлу называя себя «апсуа», основал фамильный род Апсуваевых. Затем самоназвание «апсуа» превратилось в фамилию (русской транскрипции) – «Апсуваев» балкарского потомства Огурлу Маан». По-балкарски и ныне эта фамилия произносится как «Апсуа», «Апсуалары». Огурлу Маан был выходцем из с. Адзюбжа и переселился на Северный Кавказ в XIX в. по причине бытующих двух версий: либо из-за земельного спора в самом роду Маан, либо в результате русско-кавказской войны и колонизаторской политики царской России в Абхазии. Чтобы не подпасть в прислуги, Огурлу «Апсуа» (Маан) выкупил земельное угодье у Урусбия – главы балкарской общины тех мест и обзавелся домашним хозяйством (см. также: Марыхуба И.Р. О балкарских родах абхазского происхождения Апсуваевых, Джапуевых // Газ. «Хасэ». 3 сентября 1994 г.). От Огурлу пошли две патронимии: сыновья Байрука – Ачахмат, Рамазан, Адемей, Адечем и сыновья Джайнери – Туза, Мухамед, Масхут и три дочери – Хаджат, Шахи и Аштархан.

В настоящее время представители фамилии Апсуваевых, проживают, помимо своего первоначального поселения в с. Эльбрус, и в аулах Бедык, Хабаз, Вольный аул, в городах Нальчике и Тырныузе. И сейчас связи между Апсуваевыми и их адзюбжскими родственниками не прерываются. Встречи между ними периодически возобновляются. Еще в советский период один из братьев Апсу-

В с. Джгиарда находится древний храм Киач-ныха (Кечская церковь, святыня). Согласно преданию, местность, в которой расположен храм, была населена фамилией Кеч и храм построен Кечевыми, которые позже переселились на Северный Кавказ.

По С. Н. Джанашиа, настоящей фамилией Кумпылаа (собирательная фамилия одной абазинской семьи в ауле «Улапа») является Адзынба (Азынба)[1].

Абхазы на протяжении веков, как известно, поддерживали тесные этнокультурные связи с осетинами[2]. Многовековое территориальное соседство приводило к этническим взаимопроникновениям, частичной этнической инфильтрации в ту и другую сторону, и нередко, к полной ассимиляции. В научной литературе признано, что такие абхазские фамилии, как Алания, Осия, Шармат являлись потомками переселившихся в далёком прошлом в

ваевых – Ачахмат получил образование в Сухуме. В последующие периоды, вплоть до 1990 г., а затем и после завершения грузино-абхазской войны, с 1993 года представители Апсуваевых нередко гостят в с. Адзюбжа. Отметим также, что двоюродная сестра Шамсии Апсуваевой – Мариам, после завершения войны 1992-1993 гг. восстановила свою исконную фамилию Маан.

[1] Куправа А.Э. Из истории абхазской антропонимии... С. 33. Обращают на себя внимание и некоторые другие фамилии Юго-Восточной Абхазии, представленные у абазин, например, Абсава – Апсов, Гагида – Гаги, Дзигуа – Дзугов, Туква – Тугов (Туков), Хубуа – Хубиев, Чкотуа – Чкатуев и др., а абазинская фамилия Сид (Сид-ипа), отсюда Сидовы, так же находит свою параллель в самурзаканском названии местности Сида. По мнению М. С. Тхайцухова, наличие таких фамильных и топонимических параллелей объясняется, по-видимому, тем, что некогда какая-то часть нынешних абазин проживала на территории Юго-Восточной Абхазии, а оттуда (возможно, в связи с разгромом абхазо-апсилийских потомков турками в 1440 году) по перевальным путям ушла на Северный Кавказ (Инал–Ипа Ш.Д. Ступени к исторической действительности... С. 144–145. См. также: Маан О.В. По поводу «запоздалой рецензии // Газ. «Республика Абхазия». 15 ноября 1991 г.).

[2] Инал–Ипа Ш.Д. К абхазо-осетинским этнокультурным связям // Происхождение осетинского народа. – Орджоникидзе. 1967. С. 216–217.

Абхазию групп осетино-алано-сарматского происхождения[1]. Об этом говорят сами фамильные имена (Осия – от груз. «оси» или абхазского «ауапс» – осетин; родовое имя «Шармат» связано, по-видимому, с названием «сармат»; фамилия Алания также этнического происхождения (от «алан»). Фамилия Шармат ныне встречается в с. Джгиарда, производной от неё является фамилия Шаматава (встречается в сс. Адзюбжа, Пакуаш, а также в Гальском районе). От этнического имени Алан происходит фамилия Малания (встречается в сс. Адзюбжа, Моква и Гальском районе). При этом сами носители фамилии Алан, проживавшие в Гальском районе, где они записались как Алания, а также в с. Бедиа, первоначально по сообщению старожил носили фамилию Ашуа (Ашəуа), что переводится с абхазского языка как «абазин» (заметим, что и протоиерей Д. Т. Маргания (Маан) среди проводимых им фамилий Гальского уезда называет фамилию Ашəуа)[2]. Можно ещё отметить, что в том же с. Бедиа, помимо Алан, проживают ныне такие редкие абхазские фамилии, как, Агуасба, Абсаа, Баалоу, Куадзба и др[3].

По сообщению ст. н. с. АБИГИ В.М. Бганба в Шапсуги в девственном «священном» лесу находился «склеп Бгане», с чем информатор увязывает происхождение фамилии Бганба.

Согласно фамильному преданию, предки ныне проживающего в с. Адзюбжа рода Канхва (Канхуа), переселились в Абхазию в XIX веке по причине кровной мести. Со слов Канхва Сурама Быджговича, его дед, Селым Канока, черкес, выходец из с. Джамбачей (ныне относится к Красногвардейскому району Краснодарского края), вынужден был приехать в Абхазию по причине убийства. Здесь он поменял фамилию Канока на Канхва и записался абхазом[4].

---

[1] Инал–Ипа Ш.Д. К абхазо-осетинским этнокультурным связям... С.223; Кузнецов В.А. Очерки истории алан. – Орджоникидзе. 1984.С.63.

[2] Дмитрий Маргания (Маан)–протоиерей–просветитель... С. 50.

[3] Куправа А.Э. Первая Бедиа. Рукопись. 2003 г. С. 4.

[4] Тхайцухов М. Генеалогия абазинских фамилий как историко-этнографический источник // Известия АИЯЛИ. Т.XV. – Сухуми. 1989. С. 107–108.

Видимо, к этой же группе фамилий, можно отнести и фамилию Жван (принявшую по К.Д. Мачавариани, грузинскую форму Жвания)[1]. Эта фамилия, звучащая по-абхазски как Жениаа (Жаниаа), сопоставима с одним из адыгских (шапсугских) этнонимов жанэ (жанеевцы) – названием племени, некогда жившего в долине Цемезь, примыкающей к Суджук – Кальской (совр. Новороссийской) бухте и вдоль берегов Черного моря до Пшады[2]. Носители фамилии Жанаа (Жанава) однокоренной с Женна, также выходцы из Шапсугии, представитель которой Басиат поселился в с. Джгиарда в XIX веке и уже тогда говорил по-абхазски[3]. Некоторые фамилии абжуйской знати убыхского происхождения. Например, в архивном документе от 11 февраля 1874 г. сообщается, что предки дворян Атумаа пос. Падгу Гупской общины Очамчирского района «выходцы из племени убыхов…»[4].

В XVII-XIX вв. в Абжуйской Абхазии существовали личные имена, ныне не бытующие, однако сохранившиеся в топонимии этой части страны. К ним относятся: Абж, Бабыз, Гоглакь, Гәацьа, Гьагьар, Ҕатара, Ҕрап, Етыхә, Жьампыл, Кауд, Қәат, Қәтала, Қьарақьан (Ачба), Кьаркьоу, Канчоуба, Кәшәтын, Қәықәын, Лапағә, Мамышь, Махә, Мдышь, Олбакь, Псынча, Хынча, Чажә, Цитц, Ҽарым, Цьанкәаз, Цьоубылды, Цьышьаныхә и т.д. По материалам Ш. Д. Инал–Ипа, в с. Атара ещё в начале XX в. жил старик Чанба Апсырҭ[5] (Апсирт). Некоторые имена связаны с крупными историческими событиями – в частности, махаджирством. Таким именем является Хырзаман – «невероятное, ужасное событие». Такое имя дали в с. Джгиарда новорождённому, по фамилии Амичба, родившемуся во время махаджирства в Абхазии. С этим историческим событием связано также имя Мҳаџьыр – «Махаджир»[1].

Иногда имеет место совпадение имени и фамилии. Так, родовое имя Хатхуа – Ҳатҳәа (сс. Гуада, Кутол) выступает и как личное имя. Фамилия Дзапшипа (Запшь) выступает и как княжеская фамилия и как крестьянское имя – Запшь (имя) Агрба. Женское имя Шинкуап (Шьынкәап) совпадает с фамильным именем Шинкуба (Шьынқәба) и мн. др.[2].

§ 4. Сословия

Для абхазского общества XIX в. было характерно чёткое сословное деление социальной иерархии. Господствующее сословие составляла феодальная знать в лице князей – «ашауад», дворян – «аамста» и примыкавшего к ним духовенства. Исконно абхазскими терминами для обозначения высших сословий являются «аамста» и «ах» – «господин, правитель, глава». Отсюда составное «апсҳа» – «владетель, царь Абхазии». Термин «тавад» в Абхазии следствие грузинского влияния: «тавад» в дословном переводе с грузинского означает «глава», «головатый»[3].

Письменные источники XIX века, а также этнографические материалы привязывают к Абжуйской Абхазии ряд привилегированных фамилий. Наибольшими привилегиями пользовались князья из фамилии Чачба (Шервашидзе), и, прежде всего, члены семьи владетеля Абхазии. Представители фамилии Чачба одновременно являлись и «удельными» князьями в Абжуа. Кроме Чачба, старинными абхазскими родами считались князья Ачба (Анчабадзе), Эмхаа (Эмухвари), Чаабалырхуа, Инал–Ипа, Дзапшипа,

---

[1] Басария С.П. Самурзаканцы или мурзаканцы…С.30.
[2] Люлье. Черкессия. Историко-этнографические статьи // Материалы по истории черкесского народа. Северо-Кавказский филиал традиционной культуры М.Ц.Т.К. «Возрождение». 1990. С.11.
[3] Устные сообщения канд. филол. наук В.А.Касландзия и канд. ист. наук Ю.Г. Аргун.
[4] Инал–Ипа Ш.Д. Садзы… С. 149.
[5] Инал–Ипа Ш.Д. Антропонимия абхазов. – Майкоп. 2002. С.138.

[1] Амичба В.А. Некоторые вопросы абхазской антропонимии // Современные проблемы кавказского языкознания… С.16.
[2] Инал–Ипа Ш.Д. Антропонимия абхазов… С.138.
[3] Инал–Ипа Ш.Д. Абхазы… С. 502. Не случайно, у бзыбских абхазов не строго различают «тавадов» от «аамста», причём первых называют во вторую очередь (аамстеи-тауади), что в абхазском фольклоре почти не фигурируют тавады и т.п.

Маршан(ия), Чхотуа. За княжескими родами следовали дворяне–аамста различных категорий. Среди них высшее место занимали так называемые «чистые» или «настоящие» дворяне. Член Сухумской сословно-поземельной комиссии, статский советник А.П. Черепов писал, что из 11 абхазских дворянских фамилий, зафиксированных им, только три считаются более древними: Званба, Маан и Лакрба[1].

Отдельные князья и дворяне Абжуйской Абхазии владели значительным количеством крестьянских дворов. Так, по сведениям А. Д. Нордмана князьям Чачба (Шервашидзе) принадлежало наибольшее количество дворов – 455 (в сёлах и посёлках – Нарзын, Хецрипш, Атара, Допуакыт, Пшаква, Наа, Кутол, Акуаска-аху, «Вачашчита»); князья Ачба (Анчабадзе) владели 425 крестьянскими дворами – в Лабре, Члоу, Андроу, Мокве, Пакуаше, Урше, Быгишдаре, Ткуарчале, Кумызе; князьям Маршания принадлежало 325 дворов – в Джгиарде, Ачапаре, Агуаре, Гупе; князьям Дзапшипа 180 дворов – (Тхина, Падгу); дворянам Маан (Маргания) 280 дворов – (Адзюбжа, Маркула); дворянам Званба 100 дворов в Цкыбыне или Дранде. Остальные дворяне Абжуйской Абхазии: Хварцкия в с. Кындыг, Цыцба в Тамыше, Эшба в Эшкыт, Блабба в Тоумыше, Цыба в Гуаде и др. владели от 20 до 60 крестьянскими дворами[2].

Огромное состояние, прежде всего, было у владетеля Абхазии Михаила Чачба (Шервашидзе), который обладал поместьями, оценивавшимися в 10 миллионов руб. В частности, в Очамчире он имел двухэтажный дворец (нижний этаж из тесаного камня, верхний из орехового дерева), три двухэтажных дома, церковь, флигеля, сакли, конюшни и 72 торговые лавки. В с. Акуаскьа

[1] Дзидзария Г.А. Народное хозяйство и социальные отношения... С.161. По материалам Ш. Д. Инал–Ипа, дворяне Званба и Маан, в случае вступления в брак удельного князя или его детей обязаны были привести в дар новобрачным лошадь, а на праздник св. Пасхи князю приводили лучшую корову из своего стада. Дары эти, хотя и были обязательными, однако считались почетными, поскольку были привилегией княжеского дворянина (Инал–Ипа Ш.Д. Очерки по истории брака и семьи...С.36–37).

[2] Путешествие профессора Нордмана... С.422–423.

владетель имел два двухэтажных дома и другие постройки. У него были обширные имения и пастбища во многих местах страны. Всего за ним числилось 1613 крестьянских дворов и 283806 десятин земли. Значительными богатствами владели и другие князья владетельской фамилии[1].

В с. Кацикыт, на правом берегу р. Кодор было расположено имение князя Ростома Маршания, в окрестностях которого росли каштановые и дубовые леса. Наверху одной из отлогих террас, на очищенном от дремучего леса месте, стояли деревянные дома князя. Здесь летом 1865 года его посетил известный исследователь Кавказа Г. Радде. Вокруг были разбросаны и разделялись обрывами кукурузные поля крестьян: в глубоких лужах, глинистая вода которых постоянно возобновлялась, отдыхало с полдюжины жирных буйволов. В ожидании князя с гостями собралась большая часть его крестьян. Вся прислуга находилась возле своего господина, делавшего разные распоряжения. За ним следовало восемь человек, и каждый из них нёс «особенную службу»: один приготовлял постель, другой смотрел за лошадью, третий разводил огонь, четвёртый подавал оружие и т.п. Даже нашёлся своеобразный придворный шут – рыжий с остроконечной бородой и весьма хитрым лицом маленький человек[2].

В пределах своих владений князья и дворяне являлись распорядителями земель, причем общинные владения также находились в известной от них зависимости. Они же считались защитниками (ахылапшѡ) общины, а население общины (ахыцшы) находилось в определенной мере под их покровительством. В пределах своей территории они обязаны были заниматься разборами дел по кровомщению, содействовать в отыскании украденного и т.д., и самое главное ограждать жителей общины от набегов и обеспечивать спокойствие общины. Для этих же целей князья и дворяне заключали браки с другими общинами, а также устанавливали аталыческие связи.

[1] Инал–Ипа Ш.Д. Абхазы... С. 504.

[2] Дзидзария Г.А. Народное хозяйство и социальные отношения... С.171–172.

Несмотря на наличие владетеля Абхазии из рода Чачба (Шервашидзе) некоторые влиятельные феодалы, преимущественно в горных областях, вели себя совершенно независимо. По материалам А. В. Фадеева, в памяти абхазского народа сохранились военные походы владетеля Келешбея Чачба в конце XVIII века против атарского князя Бекирбея и поддерживавших его кодорских Ачба[1]. Неподчинение власти владетеля выражалось в разных формах. Так, согласно преданию, владетель содержал сотню охотничьих собак, которых должны были кормить его подвластные мясом. Но джгиардские князья Маршания, сыновья Дарыквы, отказались признать себя обязанными выполнять это требование. – «Владетель у себя владетель, а мы – у себя», – заявили они и прогнали собак с приставленными к ним людьми[2]. На пороге XIX века абжуйские Чачба – Алибей и Манучар даже пытались самоопределиться и стать независимыми от владетеля[3].

Промежуточную прослойку между свободными крестьянами и дворянством составляли шинакмы (ашьнаҟәма), происходившие из крестьян и пользовавшиеся правами мелкого дворянства. Шинакмы состояли в личной прислуге помещика. Были его стремянными и оруженосцами – на их ответственности было состояние лошадей и оружия. Они сопровождали помещика в качестве телохранителей. Хотя шинакмы сами не выполняли полевых работ, но во время страды обязаны были являться на полевые работы и наблюдать за тем, как они ведутся[4].

В отдельных случаях за какие-то особые заслуги владетель мог освободить шинакм от несения повинностей. А. Пахомов, например, отмечает, что шинакмы Допуа были освобождены Гасанбеем Чачба (Шервашидзе) в награду за воспитание, по просьбе последнего, его младшего брата Ростомбея не только от всяких повинностей, им за это даже было дозволено пользоваться по-

[1] Фадеев А.В. К вопросу о феодализме в Абхазии. – Сухум. 1931. С. 32.
[2] Инал-Ипа Ш.Д. Очерки по истории семьи и брака ...С.38. Роды Маршан и Чачба враждавали испокон веков. Первые считали себя древнее фамилии Чачба.
[3] Фадеев А. В. Указ. соч. С. 10–11.
[4] Пахомов А. Исторические записки... С.255.

винностями всех, живших там крестьян (анхаю). Этот факт по Пахомову, «составляет совершенное исключение, потому что вообще в Абхазии шинагмы не могут иметь подвластными никого, кроме ахую». С того времени допуакитские анхаю никаких повинностей ни Гасанбею, ни князю Дмитрию не отбывали, и только сами шинкамы Допуа, из уважения к своему помещику, приносили ему на праздник Пасхи ягненка[1]. Освобождая Допуа от повинностей, Гасанбей не сделал их полными собственниками земли[2]. Вместе с тем, Допуа были признаны сословно-поземельной комиссией 1869 г. «подлежащими к сословию аамыста», «как имевшие значительное число коренных зависимых сословий анхаю; как пользовавшиеся сбором ажидза за пастьбу скота; оказывавшие покровительство переходившим к ним асасам»[3]. Некоторые телохранители или просто прислуга из сословия шинакм, особенно выдвинувшиеся при владетеле Михаиле, делались ближайшими советниками и ревностными исполнителями приказаний владетеля. Они вступали в родственные отношения с князьями и дворянами, что оскорбляло сословную гордость старой аристократической верхушки. Следует также отметить, что 94 фамилии Абжуйской Абхазии, например, Алания, Ахуба, Аршба, Ашуба, Адзинба, Бутба, Бгажба, Бжания, Дгебия, Зухба, Камкия, Кутелия, Начкебия, Папаскир, Сакания, Шармат и др., также претендовали на дворянские права, однако их привилегии сословно-поземельной комиссией не были подтверждены[4].

По сравнению с другими крестьянскими категориями в лучшем положении были анхаю. Их главная обязанность состояла в подношении своему помещику в праздники «живого товара» (ажьыз), т.е. коровы, а также в даровой работе на него в течение нескольких дней в году. По нормам традиционно-патриархального быта, анхаю являлись воспитателями детей дворян и в качестве аталыков доставляли разные приношения продуктами

[1] Пахомов А. Исторические записки... С. 299–300.
[2] Там же.
[3] См.: Дзидзария Г.А. Народное хозяйство и социальные отношения... С.196–197.
[4] Газ. «Апсны». 21 марта 2002 г. (на абх. яз.).

(ашарцхэ), сопровождали их в разъездах и пр. Многие абжуйские дворяне, были внимательны к нуждам крестьян. Односельчане их уважали, нередко обращались к ним за советами, приглашали на различные торжества в качестве почетных гостей[1].

Анхаю вели своё хозяйство на своих земельных участках. Сословно-поземельная комиссия констатировала, что анхаю «владели землёю на правах частной собственности». Это свидетельствует также о том, что собственниками земли были не только «чистые» крестьяне, но вообще все категории населения. В «Очерке устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани» об этом говорилось: «в поземельном отношении все сословия равны»[2].

В первой половине XIX в. абхазские крестьяне имели право продавать и передавать свои земельные участки в наследство, прибегать к распространённому в Абхазии в XIX в. обычаю «первой заимки» (т.е. первого занятия земли), пользоваться общинными угодьями, защищать свои права владения землёй в суде. Будучи независимыми землёй от феодала, переселившись в другое село, они прекращали отбывать повинности прежнему помещику и начинали их вносить новому, сохраняя при этом права на свои земельные участки по месту прежнего жительства, которые поступали под надзор родственников[3]. Феодал в свою очередь не имел права отобрать у крестьянина землю, оскорбить, избить или продать его. К. Д. Мачавариани в 1913 г. писал: Вообще все сословия туземного населения Абхазии были совершенно равноправные поземельные собственники… Такое поземельное право ставило низшее сословие вне зависимости от представителей высшего сословия.

---

[1] В частности, благодаря заботам Кычына Маан, для нужд жителей с. Адзюбжа, на левом берегу Кодора, рядом с лесозаводом, была построена водяная мельница (Кычын идзлагара – «мельница Кычына»).

[2] Лакоба С.З. «Крылились дни в Сухум-кале»… С.80.

[3] Введенский А.Н. Экономическое положение туземного населения… С.22,34,35; Дзидзария Г.А. Народное хозяйство и социальные отношения… С.243–246.

По отношению к дворянам и князьям, крестьяне строже придерживались этикета правил общения, что некоторые исследователи рассматривают как подчиненное положение крестьян. Крестьянин не имел права сидеть в присутствии феодала. При встрече с последним, он должен был уступить дорогу и, если на лошади, спешиться. На народных собраниях крестьянам, как правило, не разрешалось принимать участия в джигитовке и других игрищах. Крестьянину не полагалось иметь дом, крытый дранью, обладать лучшим, чем феодал, конём, оружием, быть лучше одетым.

Разумеется, существовала традиция, требовавшая чтобы представителю привилегированного сословия, независимо от его возраста, отдавалось предпочтение перед человеком простого звания. С другой стороны, и представители высшего сословия также придерживались традиции уважения старшинства, независимо от его социального положения. По этой традиции, например, молодой дворянин, приветствовал старого крестьянина, вставанием и садился только с разрешения старика.

Представители высшего сословия выделялись среди остального населения не только одеждой, но и манерами поведения, умением держаться. В. Соллогуб (сделавший ряд интересных наблюдений в Абжуйской Абхазии) так описывает эпизод его встречи с одним из абжуйских дворян Маан: «Старый помещик с итальянской фамилией, остаток прежнего генуэзского влияния – отправился величаво, как испанский гранд»[1].

Что касается других категорий населения, то, например, люди, купленные и захваченные во время набегов (если их никто не выкупал) обращались в рабство.

В Сухуме – «знатнейшем городе всей Абхазии» и у дельты Кодора устраивались «знатные ярмарки для торга пленниками». Но уже к 20-м годам XIX в., после присоединения Абхазии к Рос

---

[1] Г.С. «Возвращение» // Газ. «Кавказ». №72. 1852 г.

сии, «весьма уменьшился торг пленниками». Тем не менее, ещё в 1845 г., при содействии владетеля Михаила, отправлялись невольники в Турцию из портов Абхазии, в частности, из Очамчиры[1]. В рассматриваемый период оттуда было продано «до 400 мальчиков, девушек и взрослых людей»[2].

Земельные отношения. Ещё в середине XIX века между абхазскими помещиками нередко возникали споры на право владения теми или иными земельными участками. В этом отношении представляют несомненный интерес материалы 60-70-х годов XIX века управляющего имением князя Г. Д. Чачба (Шервашидзе) А. Пахомова. Обосновывая поземельные права отца Г.Д. Шервашидзе − Дмитрия, на имение Ауарча (Уарча), А. Пахомов пишет:

«При жизни князя Димитрия это имение было очень мало населено. Там жило только несколько анхаю, подвластных князя Димитрия, и только впоследствии князь Димитрий поселил там одного из братьев Сосрыква Маргани из Адзюбжа – Тагу», по причине того, что «одна из дочерей Кялым-бея и, стало быть, родная тетка князя Димитрия, была выдана замуж за Цебельдинского тавада Алам-бея Маршани. Алам-бей умер, оставив только дочь Чич, которую Димитрий взял к себе в дом с тем, чтобы воспитать ее и выдать замуж». Когда воспитанница выросла, князь Дмитрий выдал ее за «аамыста Тагу Тлапс-ипа Маргани и позволил тому жить в своем имении Ауарча»[3]. Надо полагать, что князь Дмитрий неспроста взял к себе в дом на воспитание дочь своей тети и выдал ее замуж именно за одного из братьев Маан. Князь, по всей видимости, чувствуя или зная о притязаниях фамилии Маан на земли правобережья реки Кодор, связав Тагу родственными узами, стремился заставить остальных Маанов отказаться от притязаний на земли в Уарча, тем самым одновременно закрепляя свои позиции как в Адзюбже, так и в Цабале. Однако

[1] Покровский М.В. Русско-адыгейские торговые связи. – Майкоп. 1975. С. 103.
[2] Дзидзария Г.А. Народное хозяйство и социальные отношения... С. 353.
[3] Пахомов А. Исторические записки по истории Абхазии...С. 298.

вскоре князь Дмитрий скончался (в 1858 году), а затем умер и Тагу, а вдова Тагу «вступила во второй брак с гумским тавадом Мсоустом Анчабадзе (отцом Мурзакана), причем взяла с собой и сына, рожденного от первого брака, с Тагу Маргани». Мсоуст Анчабадзе тоже вскоре умер. «Вдова его (прежняя жена Тагу Маргани) в Гуме не захотела оставаться и вернулась в Ауарча». Впоследствии брат Тагу – Пшмаф построил в Уарче новый дом и, пользуясь покровительством Григория Чачба (Шервашидзе), стал считать себя полновластным помещиком Уарчи, пригласив туда также своих братьев Соулаха и Чапиака и множество ассасов[1].

В определенном смысле с материалами Пахомова совпадает полевой материал, согласно которому в одно время между фамилиями Допуа и Маан происходил спор по поводу границ земельных угодий. Как указывалось, Допуевы после махаджирства были поселены на территории левобережья Кодора (Кудрахыку), ввиду того, что сыновья Титалы Маан, (возвратившиеся из махаджирства), доводились последним родными племянниками. По сообщению старожила Хонела Допуа, Допуевы стали размножаться, что не понравилось Кычыну Маан. Он, поставив кол и положив большой камень, провел границу между землями Допуа и Маан. Допуевы же значительно передвинули эту границу. Мааны не стали больше сдвигать эту границу, чтобы между ними и их племянниками не было распрей[2].

В XIX веке собственность отдельных дворов была закреплена за ними межеванием. Свободные же, невозделанные земли, а также леса, пастбища, водоёмы, вместе с водившейся в ней рыбой, находились в пользовании всей общины.

Так, С. П. Басария о подземном озере в Гупской общине, в местности Арасадзых, в которой водилась форель, писал: «Раньше право улова принадлежало окрестному населению Арасадзих (в особенности одной фамилии), но после того, как из-за очереди

[1] Пахомов А. Исторические записки по истории Абхазии...С. 298.
[2] Адлейба Е.А. Звараки... С.14.

стали происходить недоразумения, Гупская община объявила форельный источник достоянием всех жителей Абхазии»[1].

Общественным лесом могли пользоваться все члены общества, но лишь для нужд своего хозяйства: заготовки дров или строительных материалов. Лес воспрещалось продавать, хотя это установление обычного права нарушалось. В этой связи представляет интерес сообщение Н.С. Джанашиа о том, как в начале XX века в с. Адзюбжа абхазские князья и дворяне (в отличие от феодалов России и Западной Европы, являвшиеся совладельцами общинной земли и леса) «как будто для пользы общества, подговорили своих приспешников из крестьян, заставили законно или незаконно продать ценные леса, чем набили свои карманы»[2].

Следует отметить, что именно с захвата ценных лесных массивов – главного предмета споров того времени – и началось разложение общинных институтов прибрежья Абхазии.

Начало захвату лесных угодий положили члены владетельской фамилии Чачба (Шервашидзе). В 40-х годах XIX в. они захватили в полное личное пользование общинный лес в с. Джгиарда площадью 100 кв. верст[3].

До середины XIX в. само поместье абхазского феодала мало отличалось от зажиточного крестьянского двора, но вокруг него были десятки хозяйств, обязанных натуральными повинностями. Так, например, поместье (аҳтынра) князя Маршан в с. Джгиарда не превышало по размерам полей и садов хозяйства некоторых крестьян из фамилии Ашуба, а поместье дворянина Цыба было даже меньше последних[4].

После упразднения владетельской власти представители привилегированного сословия стали предъявлять всё больше претензий, всё чаще заявлять права на обширные земли и поместья. Эта тенденция особенно стала усиливаться с наметившимся большим

[1] Басария С. П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении... С. 166.
[2] Джанашиа Н.С. Кое-что из быта Абхазии // Газ. «Иверия». № 109. 1902 г. (на груз. яз.).
[3] Фадеев А.В. К вопросу о феодализме в Абхазии... С. 19.
[4] Там же.

спросом на кукурузу[1]. Вскоре абхазские крестьяне, в силу «Положения 1867 года», были лишены права переселения в другую общину (против чего они в основном выражали свой протест), что прикрепляло свободных общинников к земле.

С ростом товарно-денежных отношений, абхазские феодалы, чувствуя силу и значение земли, там, где возможно, старались извлечь выгоду. Они начали отдавать земли в аренду на испольщину. По свидетельству старожила с. Атара Д. Квициния, «земли, которой мы располагали, было очень мало, но сколько угодно её было у тавадов и аамста, крестьяне брали у них в аренду и сеяли»[2]. Много было крестьян, имевших менее одной десятины земли. В Абхазии обычно арендная цена на пахотные земли в начале XX века колебались от 35 до 80 рублей за десятину; в Кодорском же участке эти цены колебались от 40 до 100 рублей[3]. Однако в Абхазии преобладала натуральная плата за аренду земли. Так, арендаторы имения князя Александра Чачба в с. Атара арендную плату вносили натурой: ¼ часть урожая кукурузы с доставкой в амбар помещика[4]. По свидетельству А. М. Чочуа, его семья, имевшая в пользовании только одну десятину из общинной земли, арендовала «около трёх десятин плодородной земли у соседнего дворянина Маргания, оказавшегося несколько гуманнее других помещиков[5]. Арендная плата выплачивалась натурой из урожая кукурузы, фасоли, проса (ашы), винограда и других сельхозпродуктов, которые делились на четыре равные части». Обычно помещик приезжал верхом на лошади к месту сбора урожая и предлагал свезти в его усадьбу приглянувшуюся ему часть урожая.

Отдельные, наиболее предприимчивые элементы, особенно из лиц приблизившихся в тот период к царской администрации, не-

[1] Чанба Р. К. Земледелие и земельные отношения... С. 111.
[2] Цит. по: Авидзба В.Д. Проведение в жизнь крестьянской реформы... С. 115.
[3] КСХ. №174. 1897 г.
[4] Авидзба В.Д. Проведение в жизнь крестьянской реформы... С. 117.
[5] Чочуа А.М. Избранные сочинения... С.16.

законно захватывали общинные земли. В частности, А. М. Чочуа в своих воспоминаниях пишет:

«Однажды, один из малоземельных князей, по фамилии Эристави, устроил пир, на который пригласил зажиточных крестьян поселка Баглан и сообщил им:

«Я – ваш князь, но у меня маловато земли, и это роняет мое достоинство среди других князей и дворян Кодорского участка, владеющих большими земельными угодьями. Поэтому я не окружен должным почетом со стороны администрации Сухумского округа. Я собрал вас за этим скромным столом, чтобы просить о маленьком одолжении – запишите на мое имя ваши пахотные участки, полученные из общинного надела в поселке Баглан. Все это будет лишь на бумаге, а на самом деле вы останетесь полновластными хозяевами своих земель, и в то же время избавитесь от арендной платы и налогов за те участки, которыми я буду владеть».

Вскоре в высших инстанциях была оформлена, казалось бы, «невинная» сделка. В течение одного года князь действительно выполнял свое обещание, но на второй год, он стал предъявлять крестьянам свои права: потребовал одну треть урожая с оформленной на его имя земли, а на третий и того больше – половину урожая.

Крестьяне поняли, что оказались обманутыми. Они запротестовали, пошли к начальнику Сухумского округа со своим прошением. Долго тянулась тяжба, но все-таки выиграл предприимчивый князь, который стал относиться к обманутым крестьянам жестче, чем другие князья и дворяне Кодорского участка[1].

Представляет, думается, интерес появление здесь фамилии Эристави (в русских источниках – Эристов, Эриста). Сведения об этой фамилии содержатся в материалах 60-70-х годов XIX века. «Еще при Келешбее в селе Айбухца[2], – читаем у А. Пахомова, –

[1] Чочуа А.М. Избранные сочинения... С.16–17.

[2] В первой половине XIX века село Айбухца располагалось в междуречье Келасура и Мачары. По расположению оно соответствует совр. поселку Келасур Мачарского с/с. (В настоящее время название Айбухца восстановлено).

поселился сын взятого в плен гурийца (сначала поселившегося в Цебельде) Аслан Гирей (?) Эриста, набравший шайку разных сорванцов и грабивший абхазские села. Вскоре после того как Гасанбей получил свой удел, Аслан Гирей умер, не оставив наследников… У Аслан Гирея был родственник или однофамилец Мисоуст, живший сначала в Цебельде, а потом в Поквеше и других местах Абхазии. Вообще он земли своей не имел, был очень беден и существовал милостями разных лиц. После его смерти, владетель взял его детей к себе в прислугу и, сделав их шинагмами, поселил в селе Лыхны, где они и оставались до 1860 года... В 1860 году, опекун над имением князя Георгия, бывший владетель Михаил, позволил детям Мисоуста – Эристу, Омару и Эдги Эриста, временно поселиться в этом имении (Айбухца). После выезда князя Константина, Омар Эриста стал себя считать полным помещиком Айбухца»[1].

Надо полагать, об одном из потомков, упомянутых выше Эристави, идет речь и в воспоминаниях А. М. Чочуа. Судя по имеющимся сведениям, в 90-х годах XIX века Эристави владели землями уже в Гульрипше, поскольку в 1895 году именно у кн. Эристави костромской промышленник Н. Смецкой купил 1400 десятин земли[2]. Эти же Эристави, надо думать, перешли и в низовье Кодора, где, как мы уже знаем, один из них обманным путем присвоил земли в Баглане. Причем, в подобных своих действиях Эристави, по-видимому, опирался и на поддержку абжуйского владельца Григория (Гиаргуала) Чачба (Шервашидзе). Последнему еще в 1870 году за заслуги перед царским правительством были выделены земли в Цкургиле (Скурче).

Борьба за право собственности на землю особенно разгорелась во время подготовки к крестьянской реформе. Член комитета

[1] Пахомов А. Исторические записки... С. 271–272.

[2] Прицкер Л.М. Добрый след на земле… В самом имении Гульрипш в 60-70-х годах XIX века жили дворяне Маргания (Маан) (Пахомов А. Исторические записки... С.278). По устному сообщению писателя Анзора Мукба, (записанном им в Турции), в период махаджирства гульрипшские Маргания выселились в Турцию. С их выселением гульрипшские земли, видимо, и перешли к Эристави.

Сухумской сословно-поземельной комиссии генерал-майор Старосельский на одном из заседании комитета заявил: «Одним из сильных доказательств того, что поместного права в Сухумском отделе не существует и что его не было и нет в сознании населения, служит уже самый факт возможности того, что как скоро возбудился вопрос о разъяснении сословных и поземельных прав населения, то на одни и те же земли и не только окраины, но и на целые большие районы земель появилось одновременно по-несколько претендентов»[1].

В 1865 году на вопросы, предложенные кутаисским генерал-губернатором, о зависимых сословиях и выполняемых ими повинностях начальник Абжуйского округа отвечал, что зависимые сословия в землепользовании «прав никаких не имеют»[2].

В результате реформы львиная доля общинных земель была отведена привилегированным фамилиям. Бывшие обширные общинные земельные угодья, кроме участков закреплённых за крестьянами, поступали в распоряжение правительства. Леса и пастбища были переданы казне, и крестьяне должны были платить определённую сумму за пользование ими.

Хотя представителям высшего сословия и крестьянству были указаны свои земли, однако, не было произведено юридического межевания, чем и пользовались первые. Они с каждым годом захватывали всё больше общинных земель, якобы принадлежащих им по обычному праву.

После событии 1877 года всё население Абжуа, от р. Кодор до р. Галидзга, включая и с. Ткуарчал, было лишено права владения землёй и объявлялось пользующимся ею у казны, которой принадлежали леса, пастбища и горы. Эти меры вконец разоряли крестьян. Кроме того, «виновному населению» было запрещено селиться в приморской зоне вообще. Г. А. Дзидзария в этой связи приводит заявление жителей Адзюбжи Данакая Чочуа, Кваташа Халваш и Смела Кация от 27 апреля 1881 года на имя начальника

[1] Гугушвили П.В. Сельское хозяйство и аграрные отношения. Т. II. – Тб. 1950. С.568; Чанба Р.К. Земледелие и земельные отношения... С. 114.
[2] Чанба Р.К. Указ. соч.С. 115.

Сухумского отдела П. Аракина, в котором они жаловались, что крестьянские пахотные земли и пастбища, лежащие в местности Аджба (Оджбина), «отдаются князю Эристо Эмухвари», а без этой территории, писали они, «мы не можем достать для наших семейств дневного пропитания». Председатель Сухумской поземельной комиссии полковник А. Н. Введенский, однако, отклонил просьбу крестьян, заявив о решении удалить Адзюбжскую общину на 2,5 версты от уступа, идущего вдоль морского берега[1].

Отвод крестьянских участков с постройками в надел высших сословий, в Абжуйской Абхазии носил массовый характер. Этому имеется немало примеров. Например, в 1881 г. в с. Атара участки 27 дымов крестьян Квициния отошли в надел местному помещику[2]. Примечателен ещё один факт. Среди многочисленных документов, содержащих просьбы о наделении или увеличении земельных наделов, находится также и заявление (1888 г.) Петра Чарая, учителя Гупской школы Кодорского участка (впоследствии известный просветитель, языковед), в котором он просил отвести ему участок земли. Кутаисский военный губернатор ответил, что П. Чарая невозможно наделить землёй, так как участки «надлежали отводу только лицам, окончившим курс в учебных заведениях во время проектирования означенных наделов»[3].

Таким образом, в результате отмеченных выше обстоятельств, наиболее пригодные для сельского хозяйства земли отмежевывались от общинных земель и передавались в надел абхазским помещикам и царским чиновникам. Это положение иллюстрируется «Отчётной картой съёмочных и межевых работ, производимых в Кодорском участке Сухумского округа» (с 1911 по 1913 год), составленной, надо полагать, для узаконения и защиты прав на частную собственность угодных русской администрации лиц (что осуществлялось, разумеется, за счёт ущемления прав абжуйских общин).

[1] Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии... С. 416–417.
[2] Авидзба В.Д. Проведение в жизнь крестьянской реформы... С. 169.
[3] Чанба Р.К. Земледелие... С. 122–123.

Реформа явилась по существу тяжёлым ударом для крестьянского землевладения. Крестьяне, видя безуспешность своих обращений и жалоб, стали проявлять, как писал полк. Аракин, «случаи самоуправства». Имели место столкновения, уничтожение межевых знаков, наблюдалась готовность толпы не допустить помещиков к землепользованию и т.д. В ответ на одну из телеграмм Аракина о создавшемся напряжённом положении, начальник Кавказского военно-народного управления сообщал: «Приписывая все беспорядки среди населения подстрекательству: в Гали – Кягува Кецбая, в Гудаве – Ушугу Алания, в Адзюбже – Кулипу Джинджолия, предлагаю арестовать их и теперь же препроводить в Тифлис». Указанные крестьяне были действительно арестованы[1].

С 80-х годов XIX века началась, как известно, усиленная колонизация Абхазии. На абхазские земли активно стали поселяться колонисты, в основном, безземельные крестьяне из Западной Грузии. Так, в журн. «Иверия» за 1881 г. сообщалось, что «князь Г. Шервашидзе в своём поместье на правом берегу Кодора (Варче) в четыре ряда поселил до двухсот мегрельских семей»[2]. Корреспондент другого грузинского журнала за 1899 г. писал, что «жители Варче и Бабушера являются арендаторами князя Г. Шервашидзе». По заключённым договорам они имеют срок жительства и условия пользования землёй. По истечении этого срока они имеют право возобновить договор и проживать там[3]. Мегрельские арендаторы здесь, как и в других местах, должны были поставлять владельцу ¼ часть урожая: кукурузу, фасоль, орех и виноград[4]. Абхазские же феодалы были заинтересованы в привлечении мегрельских арендаторов, поскольку абхазские крестьяне считали наёмный труд позорным.

По рассказам старожилов, в те годы возникали конфликты из-за земельных угодий (а также скотокрадства). Однажды, где-то в

[1] Авидзба В.Д. Проведение в жизнь крестьянской реформы...С. 172.
[2] «Иверия». №11. 1881.С. 95.//Газ. «Абхазия». 16 июля 1991г.
[3] «Квали». №49. 1899. С. 843 // Газ. «Абхазия». 1 июля 1991г.
[4] Газ. «Сухумский вестник». №41. 1911.

конце XIX или начале XX века, до сорока мегрельских семей были выселены из Баглана, часть из которых затем осела на правобережье Кодора (в Уарче). Конфликт на почве земельных отношений возник и при проведении советской земельной реформы. Об этом свидетельствует заявление 36 крестьян-грузин из местности Цкургил от 20 апреля 1921 года, поданное в Наркомзем Абхазии[1].

§ 5. Аталычество

В Абхазии еще в начале XX века имело распространение идущее из древности родство по воспитанию или искусственное, молочное родство – так называемое аталычество (от тюркс. «аталык» – как бы отец, названный отец), означавшее передачу ребёнка, как правило, из привилегированного сословия на воспитание в другую, обычно, крестьянскую семью[2]. Последняя нередко также охотно принимала воспитанника и содержала его (ко времени изживания этого института на воспитание отдавали в основном только мальчиков) со всем старанием в течение нескольких лет, а иногда и до совершеннолетия.

Первое время все обязанности по кормлению и воспитанию ребенка лежали на женщине-матери, которая в случае необходимости должна была ради приемного сына отказать родному ребенку в своем грудном молоке. Уже подростком мальчик поступал в распоряжение аталыка-мужчины, который обязан был научить его правилам поведения в обществе, военному делу[3], и т.д.

[1] Куправа А.Э. Крестьянство Абхазии в годы восстановительного периода. – Сухуми. 1959. С.59.
[2] Инал-Ипа Ш.Д. Воспитание ребенка по обычаю аталычества // Труды. – Сухуми. 1988. С.53; Смирнова Я.С. Искусственное родство у народов Северного Кавказа: формы и эволюция // КЭС Т.IX. – М. 1989. С.219.
[3] Volker des Kaukasus und ihre freiheitskampfe gegen die Russen. Ein Beitrag zur neuesten Geschichte des Orients von Fridrich Bodenschtedt. B.II. – Berlin. 1855. C.64.

Отношения искусственного родства являлись порождением социального расслоения общества и непосредственно были связаны с вассально-сюзеренными отношениями, получившими у народов Северо-Западного Кавказа достаточно широкое развитие.

В Абжуйской Абхазии в аталыческих отношениях состояли, например, роды Адзинба – Маршан, Ахуба – Ачба, Бутба – Маан, Квициния – Чачба (кстати, в роде Квициния в с. Атара, последним из владетельской фамилии был воспитан будущий писатель Георгий Чачба (Шервашидзе), сын Михаила).

По сообщению К. Д. Мачавариани, «со дня объявления беременности княгини, к ней каждый день приходят женщины с мужьями и, принося подарок – коз, барана, корову, лошадь, или другие вещи, просят княгиню принять её в качестве кормилицы»[1]. Следовательно, одновременно могло быть несколько семейств, претендовавших на получение ребёнка для воспитания. В связи с этим, как подтверждает П.Чарая, раньше часто бывали между крестьянами ссоры и столкновения, «ибо все хотели взять себе новорожденного, а из них родители выбирали одного»[2]. Так, например, Е. К. Дзапшипа (с.Тхина) рассказывала, что когда в конце XIX в. у неё должен был родиться ребёнок, две крестьянские семьи Османа и Кягуа Киут (с. Кындыг), одновременно изъявили желание быть аталыками. Выбор родителей пал на Османа Киут, в семью которого и была отдана родившаяся девочка Софья. Кягуа Киут обиделся на своего «конкурента» – Османа, с которым не разговаривал около трёх лет.

Воспитание ахупха (воспитанника) было весьма ответственным делом. Кормилица должна была, в первую очередь, обладать достаточным количеством грудного молока, т.е. она сама была матерью младенца. Своей грудью она одинаково кормила и своего, и чужого ребёнка. Предпочтение при этом нередко оказывалось воспитаннику. Если молоко кормилицы почему-либо не годилось, приглашалась жена одного из родичей воспитателя или

[1] Мачавариани К. Д. Некоторые черты из жизни абхазцев// СМОМПК. Вып. IV. – Тифлис. 1884. С.53.

[2] Чарая П. Абхазия и абхазы // Газ. «Иверия». №73. 1888г. (на груз. яз.).

соседка. Например, дворянин Баслангур Атумава (с. Гуп) воспитывал одного из князей Маршан (вторая половина X1Xв.). Молоко его жены оказалось негодным, поэтому воспитанника кормила мать зависимого от Атумава крестьянина Куадаца Абжарба, проживавшего по соседству (пос. Падгу). Как-то у них заболел ребёнок. Чтобы он поправился, собрали жителей всего посёлка, большинство из которых были в зависимости от названных дворян, и устроили общий обход вокруг больного, символизируя этим принятие грехов и бед последнего на себя, т.е. обходящих[1].

Воспитатели старались, чтобы питомец кормился грудным молоком как можно дольше. С течением времени начинали подкармливать воспитанника питательной, легкоусвояемой пищей. Так, Кычын Маан (с. Адзюбжа) преимущественно до 9 лет воспитывался у крестьян Жениа (Жьениаа), которые, как рассказывают, прилагали к тому большие старания, прививая ему все тонкости «апсуара». Особая тщательность воспитания выражалась, в частности, в том, что Кычына кормили считавшейся самой полезной и улучшавшей цвет лица детской пищей – ахмырцыц[2]. Эту смесь давали заботливые воспитатели своему воспитаннику по возможности каждое утро до завтрака. Когда Кычыну исполнилось 9 лет, его взяли как бы на довоспитание (абжьаазара) в семью одного Сабекия, также желавшую породниться с влиятельным дворянским родом[3]. Им не отказали в просьбе ни родители ребенка, ни первые воспитатели. Тем не менее, главенство в отношении аталычества принадлежало роду Женна, выражавшееся в том, что именно они выступали в дни оплакивания и похорон Кычына одними из главных носителей траура.

Имеется немало устных и письменных сообщений о том, что в случаях ссор аталыков с родителями воспитанников, последние принимали сторону аталыков. Однако подобные ссоры могли быть только исключением, поскольку отец воспитанника, как правило, по иерархии как феодал стоял выше аталыка, да и сам

[1] Инал-ипа Ш.Д. Воспитание ребенка по обычаю аталычества… С.93-94

[2] Там же. С. 94-96

3 Там же

обычай аталычества имел побудительным мотивом получение определенных выгод, по большей части взаимных. Помимо обмена подарками, подчас очень ценными, особенно от семьи воспитанника, одна сторона получала покровительство вышестоящего феодала, а другая расширяла свой реальный сюзеренитет. Если у ребенка было несколько аталыков, у которых он воспитывался поочередно, то отношения сюзеренитета-вассалитета распространялись на большее количество лиц[1]. Бывали также, хотя и редко, случаи, когда по тем или иным, главным образом политическим мотивам, и аталык и воспитатель происходили из одной и той же фамилии. Так, мать Григория Чачба, Кесария Дадиани, воспитывала сына последнего владетеля Абхазии Михаила. Однако, несмотря на аталыческие связи, вражда между Григорием и Михаилом не прекращалась[2].

Абхазы устанавливали аталыческие связи не только внутри своей страны, но и на Северо-Западном Кавказе и в Грузии. Сын дальского князя Ешсоуа Маршан воспитывался на Северном Кавказе, у абазин – тамовцев в с. Заурымкыт; отец Баракуа Квициния был отдан на воспитание в Карачай. «В 1870-е годы абхазская княжна из рода Шервашидзе была отдана на воспитание в Лечхуми»[3].

Сын абжуйского князя Тады Ачба – Тарасхан – воспитывался у садзов. По К. Д. Мачавариани, по истечении срока, воспитатель – садз возвратил воспитанника родителям и при этом в придачу привёл 100 оседланных и 100 неоседланных коней. На вопрос Т. Ачба, что воспитатель желает получить за свой труд, последний ответил: «Заплатите мне за всё наличными деньгами». Князь Ачба обратился за помощью ко всему селу, а так же к своим родственникам и однофамильцам и таким образом отдал садзу большой кувшин (аԥҳал), наполненный серебряными монетами и одарил всех, кто сопровождал воспитателя. «Молодой Тарасхан,

[1] Смирнова Я.С. Искусственное родство у народов Северного Кавказа: формы и эволюция... С.221.
[2] Инал-Ипа Ш.Д. Воспитание ребенка...С.112.
[3] Волкова Н.Г. Этнокультурные контакты народов горного Кавказа... С.190.

– не без юмора заключает Мачавариани, – действительно получил блистательное горское воспитание: он теперь находится в бегах за разные преступления»[1].

Одной из священных обязанностей, налагаемых на обе стороны фактом воспитания, являлась взаимная защита чести. Так, дочь владетеля Абхазии забеременела от Гр. Чачба, который, чтобы скрыть следы своего преступления, отравил свою жертву. Тогда аталык, т.е. воспитатель девушки, дворянин Хасан Маан во главе сильного отряда из садзов напал на тамышские и атарские владения Гр. Чачба и разорил их, а затем он в продолжении 40 суток, не отходил от могилы своей воспитанницы, преданной земле в Моквском монастыре[2].

Смерть воспитанника воспринималась как несчастье для воспитателей. При этом, ценные вещи, умершего ахупха отдавались молочным братьям и сестрам. Адзюбжский дворянин Соулах Маан воспитывался в роду Джикирба (с. Мгудзырхуа). Когда он умер, его саблю подарили его молочным братьям. Эта сабля, по словам Кягусы Джикирба, сохраняется до сих пор у них[3]. Но бывало и иначе. Дзадзикур Ачба, рано лишившийся родных, до совершеннолетия оставался у своих воспитателей – крестьян Шинкуба (с.Члоу), где он и умер. Воспитатели устроили ему у себя оплакивание, но похоронили за свой счёт на семейном кладбище Ачбовых. Затем справили по нём поминки. Потом уже объявились члоуские князья Ачба – дальние родичи умершего – и без тени смущения разделили между собой оставшееся от покойного имущество (отцовский дом и пр.), забрали и его вооружение (аҳәаҭҳа). Факт имел место во второй половине XIX века[4].

С начала XIX века в Абхазии получило широкое распространение крещение, которое стало заменять собой практику воспитания по обычаю аталычества, но и после этого в народе для выражения родственных отношений употреблялось то же определе-

[1] Цит. по: Инал–Ипа Ш.Д. Садзы... С. 158.
[2] Инал-Ипа Ш.Д.Очерки по истории брака...С.31.
[3] Инал-Ипа Ш.Д. Воспитание ребенка по обычаю аталычества...С.152.
[4] Там же.

ние, каким ранее называлось воспитательство – ахупхара. Возвращение аталыка, происходившее обычно с наступлением совершеннолетия, всегда обставлялось с особой торжественностью[1], со взаимными подарками. Каждая из сторон старалась выглядеть не хуже другой, иногда приходилось напрягать усилия.

Адзюбжская негритянка Софья Абаш, кормилица Алмасхана Маан, после трех лет воспитания решила привести его к отцу. «Назло тем, кто думал, – рассказывала она, – что несчастная крестьянка не сможет достойно посетить родителей ахупха, я доставила Маанам быка, барана, козленка, пять ведер вина, четверть ведра водки, 25 жареных каплунов, начиненных сыром, разные хлеба и лепешки, испеченные из целого пуда пшеничной муки, коробку огнестрельного пороха, соответствующее количество зарядов, три пистолета. Продукты везли мы на арбе. К арбе же были привязаны бык и барашек. А мы ехали верхом. Всю дорогу стреляли, пели свадебную песню. Родители ребенка устроили нам пир из продуктов, мною доставленных, ибо я привезла все, кроме кукурузной муки.

Неловко стало Маанам, и когда я уезжала от них, они тоже хорошо меня наградили: пару буйволов (их подарил мне отец моего ахупха), две коровы (одну из них выделил дядя последнего – Куджмахан, другую – Кычын), 500 рублей денег (тоже от отца ребенка), три комплекта одежды – для меня, моего мужа и его матери. Уезжая обратно, забрала моего ахупха, хотя он и мог остаться дома».

Аталыческие связи устанавливались и между крестьянскими семьями с целью установления и упрочения дружеских взаимоотношений. Так, Алексей Джанашиа приходился аталыком Осману Делба. Фамилия Делба в свою очередь состояла в аталыческих отношениях с родами Хораа, Шелиа. Однако аталычество среди крестьян следует рассматривать как частичное заимствование элитарных традиций.

В прошлом существовали ограничения на установление аталыческих связей между родами, исповедовавшими разные религии. Абхазам-мусульманам запрещалось по традиции брать на

[1] Volker des Kaukasus und ihre Freiheitskampfe... C. 64.

воспитание детей из христианских семей и наоборот. Об этом свидетельствует решение Грузино-Имеретинской Синодальной конторы от 3 марта 1892 года, которая установила, что «житель села Адзюбжа Якут Цвимфаф (мусульманин) находящегося у него на воспитании православного ребенка не возвратил родителю, поручику Маргания, несмотря на данную им 7 мая 1891 года в управление Кодорского участка подписку впредь не держать ребенка при себе»[1]. Грузино-Имеретинская Синодальная контора приняла решение сообщить об этом начальнику Сухумского округа и просила его «от Якута Цвимфафа отобрать сына православного отца Маргания...»[2]. Руководство Грузино-Имеретинской православной церкви предупреждало Я. Цвимфафа, принявшего ребенка на воспитание по абхазской традиции аталычества в том, что «в случае упорства, за незаконные действия он, Цвимфаф, будет привлечен к уголовной ответственности»[3].

В целом же отметим, что ребенок, воспитываясь, по обычаю аталычества, с раннего возраста в чужой семье, был психологически гораздо ближе к последней, чем к собственным родителям, соответственно и родители не могли чувствовать к своему ребенку той привязанности, которая создается лишь годами повседневного интимного контакта. Поэтому их взаимоотношения регулировались не столько индивидуальными чувствами, сколько социальными корнями, сознанием долга, родственных обязанностей и правил этикета[4].

[1] Центральный государственный архив Абхазии (Сухум). Фонд (1) Сухумской епархиальной конторы. Оп. 1. д. 1049. Л. 3. Цит. по: Смыр Г. В. Религиозные верования...С.303.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Маан О.В. Социализация личности в традиционно-бытовой культуре абхазов... С.102.

§ 6. Народное собрание. Кровная месть. Военная организация

Народное собрание. В деле регулирования общественных отношений особое значение имели народные собрания, которые по сути являлись советом родовых старейшин. Народные собрания представляли собой общий демократический мужской сход сородичей (аибабара), на которых под председательством совета родовых старейшин решались: в более раннее время – планы походов «за славой» (хьзрацара), в более позднее время – набегов (ақәылара), а также конфликтные ситуации в межсемейных, внутри фамильных и межфамильных отношениях. В традиционном быту сходы играли важнейшую социально-регулятивную роль, а его решения признавались непререкаемо всеми однофамильцами. Родовые собрания были местом, где молодёжь состязалась в стрельбе, борьбе, а также в ораторском искусстве.

В период общинно-родовых отношений во главе каждого рода стояли уважаемые мужчины не моложе 25-30 лет. При решении вопросов все участники общинного собрания имели равные права. Однако с развитием феодальных отношений, усилением социального расслоения родовая и военная знать, выполнявшая военно-политические функции, распространяет свое влияние и на экономическую сторону жизни односельчан. В результате главами обществ становились зажиточные, многочисленные и сильные патронимии.

По свидетельству А. Аверкиева (1866г.), народные собрания, как и народный суд, происходили в местах, считающихся святыми, и что «народные собрания собирались прежде в оградах древних монастырей»[1]. Так, первоначально общенародная площадь, например, на территории нижнего течения р. Кодор, по всей вероятности, располагалась на самом почитаемом народом месте, у святилища Ага-ныха, где позднее был построен храм. На это указывает и то, что в христианской церкви, построенной «Обществом восстановления православного христианства на

[1] Аверкиев И. С северо-восточного прибрежья Черного моря // Газ. «Кавказ». № 7. 1866г.

Кавказе» в середине XIX века в местности Ашта – «на знаменитом поле», где устраивались народные празднества и обряды, собирались «белобородые старцы» и, по адатам отцов и дедов, решали различные вопросы общественной жизни (обращает на себя внимание то, что вблизи указанной церкви находилось старинное кладбище, что, видимо, было не случайно, ибо считалось, что принятое у могил предков решение имело особую значимость и исполнялось безоговорочно).

Сельчане на сходах как-то сами по себе располагались по возрасту: в первых рядах сидели старики, мужчины 40-50 лет образовывали отдельную группу, а 25-30-летние собирались в стороне от старших. Присутствие на народных собраниях требовало от каждого благородного поведения, т.е. соблюдения правил приличия. Надо полагать, что уже в раннеклассовом обществе родовые собрания являлись народным органом, формировавшим неписаные законы и правила поведения сородичей, которые впоследствии переросли в свод морально-правовых норм – «апсуара».

На народных собраниях лица старших возрастных групп демонстрировали высоко ценимое в народе ораторское искусство. По свидетельству Ф. Боденштедта, люди, не умевшие ни читать, ни писать вызывали удивление своим красноречием[1].

Традиционно сложился комплекс поведенческих норм, которым следовали при публичном выступлении. Речь должна была быть спокойной, размеренной, хотя в определенных ситуациях допускались проявления эмоций[2].

Непременным атрибутом ораторов при публичном выступлении являлись престижные посохи алабаши, выполнявшие на народных собраниях важные знаковые функции. Уместно отметить, что в 1996 г. в Адзюбжском захоронении середины I тыс. до н.э. в числе других предметов найден наконечник посоха. Сохранив-

[1] Volker des Kaukasus… С 64.

[2] Маан О.В. Ораторское искусство у абхазов и его роль в социализации личности // Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986–1987 гг. Тезисы докладов. – Сухуми. 1988. С.133.

шаяся длина наконечника составляет около 12 см. Диаметр у основания – до 2 см[1].

Часто на народные собрания Кодорской общины по примирению кровно враждовавших приглашали Есыфа Гулиа, отца Д. И. Гулиа. Опытными народными судьями и ораторами в Абжуа считались Гедлач Аршба, Гудиа Барганджия, Хабыдж Ашуба, Джыр Ахуба, чуть позже – Сеидык Цнариа, Иаса Гындиа, Кесоу Шакаиа, Кан Цагурия, Екуп Делба и др.[2], которые своими мудрыми решениями примиряли кровников, враждовавших иногда в течение нескольких лет. В октябре 1913 года на Моквском сходе представителей Кодорского участка, где обсуждались вопросы школьного образования, выступали наиболее уважаемые старейшины общин: И. Карчаа и А. Бигуаа (с. Адзюбжа), О. Киут и Д. Ануа (с.Тамыш), Ч. Басария и М. Габлия (с. Кутол), Т. Гарцкия и У. Гуния (с. Моква), К. Аджинджал и Н. Чачхалия (с. Пакуаш), К. Шакербай и А. Делба (с. Баслаху) и др[3]. Большим уважением в Абжуа пользовались народные ораторы Беслан Хварцкия (с. Кындыг) и Бирам Джикирба (с.Адзюбжа). С последним считались не только в Абжуйской, но и в Бзыбской Абхазии, где в с. Мгудзырхуа проживали его братья и сородичи[4].

Знаменитый абжуйский народный оратор Наурыз Чачхалия из с. Пакуаш (конец XIX – начало XX вв.) около четверти века проработал бессменным старшиной в своём селе. Рассказывают, что

[1] Маан О.В. Находки в селе Адзюбжа...

[2] Гуажба А. Обычное право абхазов как возможный источник методов народной дипломатии // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. – Сочи. 1999. С.73.

[3] Инал-Ипа Ш.Д. Традиции и современность. – Сухуми. 1973. С.18.

[4] По сообщению И.Д. Инал-Ипа, еще до установления советской власти на народном собрании в Гудауте, где разбиралось дело двух фамилий, враждовавших в течение восьми месяцев, Бираму удалось стороны примирить. Многие старейшины схода, в частности, Айба Джгуанат, выражали Бираму свою благодарность за благополучный исход этого разбирательства. Мгудзырхуские же братья называли Бирама не иначе как «наш очамчирский «святой».

он даже пытался создать у себя нечто вроде школы красноречия – собирал способных молодых людей и проводил с ними занятия по ораторскому искусству: по традиции, вбивал перед собой в землю свой посох – алабашьу, накидывал на него башлык, чтобы он не мешал выступать, и начинал говорить, причём обращалось внимание не только на содержание и форму передачи самой речи, но и на жестикуляцию, и на то, как следует обращаться к слушателям для лучшего с ними контактирования и т.п., а в конце совместно обсуждали итоги проведённых практических упражнений[1].

Кровная месть. Одним из страшнейших социально-бытовых явлений, имевших место еще в первые годы советской власти в Абхазии, была кровная месть. Во многих абжуйских селах в 20-30-е годы XX века кровная месть не позволяла враждовавшим родам, в частности, появляться на общих сходах. Такая же картина наблюдалась и в Бзыбской Абхазии, когда одна половина села враждовала с другой[2].

Обычай кровной мести бытовал не только в целом на Кавказе, но и в некоторых регионах Европы, главным образом, горных (Пиренеи, Албания, Черногория, остров Корсика, Сицилия, Сардиния, Горная Шотландия и др.). Этот обычай, являясь по существу составной частью догосударственного и доклассового образа жизни, появился как необходимость защиты своей жизни, семьи, имущества и соплеменников, как попытка предотвратить подобные эксцессы угрозой ответных действий, что оправдывало себя в условиях родового строя и отсутствия узаконенных полицейских органов.

Обычай кровной мести приводил к разорению и уничтожению имущества, порчу скота и т.д. Осуществляли кровную месть и несли за нее ответственность ближайшие родственники сторон, в первую очередь, члены патронимии. В кровную месть часто вовлекались и остальные однофамильцы. Поводом к мести служили столкновения по земельным вопросам, оскорбления очага и надо-

[1] Инал-Ипа Ш.Д. Очерки об абхазском этикете... С.156–157.

[2] Инал-Ипа Ш.Д. Абхазы...С.445.

чажной цепи, оскорбления членов семьи, похищение девушек, прелюбодеяние.

Не отомстить за кровь считалось величайшим позором – и чувство мести особенно подогревали женщины.Даже мать и родные сестры человека, отказавшегося от мести, на каждом шагу старались напомнить ему о невыполненном долге: всем своим поведением они старались показать, что презирают труса. И ему не оставалось ничего другого, как взять в руки оружие.

Месть распространялась на всех родственников убийцы и убитого и по отцовской и материнской линии. По свидетельству старожил, еще до советской власти в с. Тамыш скрывался у родственников по матери убийца из Бзыбской Абхазии. Отомстить ему в Тамыш был направлен из Бзыбской Абхазии однофамилец убитого, тесть которого жил в Тамыше. Зять с тестем, договорившись, убили убийцу. Непосредственно убийство совершил тесть. Родственники отомщенного спустя некоторое время выяснили, кто является убийцей их племянника… Теперь уже враждовали два тамышских рода. Все попытки их примирить оказались тщетными. Родственники убитого племянника не шли ни на какие уступки. В результате в 20-е годы (XX в.) они убили одного из членов ставшего враждебным им рода. Накануне Великой Отечественной войны, последние не остались в долгу – на убийство ответили убийством. Неизвестно, чем это могло бы кончиться, но как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло – начавшаяся Великая Отечественная война заглушила вражду между двумя фамилиями.

Кровники по отношению друг к другу придерживались определенных правил. По чрезвычайным обстоятельствам, например, когда одну из семей постигал позор (ахьымзԥы), они бывало даже, объединялись, особенно если дело касалось иноплеменников. Так, в с. Маркула сванами была похищена племянница одного из родов этого поселения. Чтобы вызволить ее, старейшины отобрали наиболее достойных представителей враждовавших фамилий, так как, достоинство своего поселения, ставилось выше фамильной вражды. Таким образом «укомплектованный» отряд совершил нападение на похитителей, и спас девушку. Однако кровная вражда между этими фамилиями продолжалась и впоследствии.

Нередко в основе кровной мести лежало оскорбление чести отдельных членов дома. Так, некий житель с. Кутол приказал своему односельчанину искупать в реке его коня. Тот отказался, тогда первый, хозяин коня, ударил его нагайкой. Однако вечером, когда стемнело, потерпевший вызвал во двор своего оскорбителя и выстрелом из ружья убил его и скрылся. «Дело это было во время войны с Германией». Спустя несколько лет убийца вернулся в село, и однажды, когда он пришел на мельницу, там оказался брат убитого, который не знал в лицо убийцу, по молодости лет. Однако из разговоров мельника и имевшейся у убийцы какой-то отметины, тот понял, что это и есть убийца его брата. Недолго мешкая, он ударом топора убил кровника. Мстителя арестовали, и с тех пор ничего о нем не известно.

Бывало что, спасаясь от мести, семья и родственники убийцы бросали свои дома и земли и переселялись на земли другого феодала, в поисках защиты. О подобных переходах под покровительство другого феодала, по обычаю гостеприимства («асасства»), «громадного числа беглецов из других селений» на правобережье Кодора сообщается, в частности, в «Записках» А. Пахомова[1].

По обычаю, только кровомщение удовлетворяло обиженную сторону, и требовалось большое умение склонить ее к примирению. Причем лишь вдовы и беззащитные жаловались на обидчиков, а все остальные семьи сами удовлетворялись мщением.

Заподозренный в преступлении должен был дать присягу кузне или священной роще о своей невиновности. От примирителей зависело примирение кровников. Из семи-восьми признанных примирителей выбирали суд. При особо серьезных делах присяга с соприсягателями принималась в Илорской церкви св. Георгия[2]. Совершалась присяга по средам и пятницам.

Самое большое количество соприсягателей назначалось для предотвращения кровной мести между князьями и дворянами[3].

Все гражданские и уголовные дела, семейные разногласия, грабежи, убийства, месть, решались народным судом. О составе

---

[1] См.: Пахомов А. Исторические записки… С.297.
[2] Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии… С.73.
[3] Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель…С.315–316.

таких судов можно судить, например, по с. Джгиарда, где в 1866 году общинным старшиной являлся князь Хасан Маршания, судьями – князь Салыбей Ачба и дворянин Хусейн Чрыгба, «выборными» – дворянин Дадын Рыфта, анхаю Муса Амчба и Мурзакул Иванба и ахою Коблух Харания[1]. На общинный суд должен был явиться каждый, независимо от сословной принадлежности[2]. Дело решалось публично. Суд выслушивал обе стороны и совещался. Затем объявлял свое решение на основании показаний сторон и свидетелей. Следует отметить, что наряду с сельскими судами действовали и медиаторские суды. Сельские суды были более официальными, медиаторские же отвечали традиционному народному правосознанию. Но и те, и другие были судами, в которых молодежь училась овладевать народной правовой культурой.

Решения народного суда были обязательными для всех. Даже владетель Абхазии Келешбей Чачба в конце XVIII в. подчинился его решению, хотя решение суда было не в его пользу.

Популярным средством примирения враждующих родов являлось воспитание или усыновление детей. Когда переговоры заходили в тупик, убийца похищал у потерпевшей стороны ребёнка и воспитывал его. Так, сообщается, что в начале 20-х годов XX века был убит житель с. Сачино М. Харчилава. Родственники его решили отомстить семье убийцы – крестьянину с. Охурей П. Дарсания. Убийца искал пути к примирению, но тщетно. Тогда Дарсания похитил сына брата убитого, чтобы таким путём добиться примирения. С того момента, как ребёнок вкусил молоко из груди матери преступника или другой женщины, принадлежащей к его роду, кровная месть прекращалась навсегда[3].

В 1924 году путём усыновления была ликвидирована кровная вражда между двумя основными фамилиями с. Джгиарда – Ашуба и Амичба, которые имели, как говорят, одиннадцать дел по

[1] Дзидзария Г.А. Народное хозяйство и социальные отношения... С.144.
[2] Несколько слов о применении народных обычаев к судопроизводству Абхазии // ССКГ. Вып. IV, Отд. III. – Тифлис. 1871. С.31.
[3] Инал-Ипа Ш.Д. Абхазы... С.442.

взаимным убийствам, ранениям и пр., возникшим на почве кровной мести[1].

Встречались внутриродовые убийства и связанные с ними факты мести. Братоубийства довольно часто имели место в роде дало-цебельдинских Маршан, о чём сохранились воспоминания. Одна из поэм И. Когониа «О том, как Маршаны истребили друг друга», написана на материале исторических преданий. Следует отметить, что убийства и междоусобицы в роду Маршан стали наблюдаться с установлением русской власти под влиянием владетельского дома Чачба в Цебельде, а затем и в Дале, когда часть рода Маршан приняла российское покровительство.

Одним из наиболее тяжких преступлений считалось посягательство на честь женщины. Выше говорилось о том, как апсилы, возмущённые низменным поступком чужеземца, надругавшегося над женщиной, в середине VI в. перебили весь гарнизон, находившийся в нынешней Цебельде. Из-за преступлений такого разряда, несмотря на давность срока, и сегодня встречаются в Абжуйской Абхазии семьи, которые не общаются (ситанеиааизом).

Кровная месть возникала и в том случае, когда молодые, дав друг другу слово пожениться, закрепляли его обменом колец или каких-либо других предметов, а впоследствии одна из сторон отказывалась от данного слова. Дело в этом случае выносили на общественный суд[2]. Если жена была уличена в неверности мужу, в прошлом ее удаляли из семьи, изгоняли из фамилии, лишали материнства, а также продавали в рабство по приговору суда. Если муж при этом убивал любовника, то родственники последнего преследовали мужа. Если же муж убивал жену, а не любовника, тогда мужу мстили родственники жены.

В случае отсутствия единокровных или близких родственников – мужчин, даже самые дальние родственники – носители одной фамилии – включались в круг лиц, обязанных мстить за кровь убитого далекого однофамильца. В частности, Д. Бакрадзе отмечает, что у абхазов в ссоре одной фамилии с другой все однофамильцы берутся за оружие, отложив взаимную вражду и

[1] Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии... С.13.
[2] Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии... С.91.

предварительно присягнувши. «Последний раз, – писал он, – этот случай повторился тому назад два года в ссоре между Григорием Шервашидзе с Хасаном Маргания, когда весь многочисленный род Марганиев, христиане и мусульмане, из Самурзакани и Абхазии, мгновенно собрался как один человек под знамя Хасана»[1].

Одним из важных средств примирения кровников был выкуп (причем, в выкуп свою долю вносили и родственники со стороны матери). Выплачивался он крестьянами, лошадьми и оружием. «Цена крови» феодала намного превышала «цену крови» членов крестьянского сословия.

Если за убийство крестьянина, в зависимости от его принадлежности к той или иной категории, платилось от одной до трёх душ крестьян, то за дворянина – 16, а за князя – 30[2]. Что же касается владетельской фамилии, то считалось, что по отношению к ней не может быть «цены крови». Убийство члена дома владетельного князя, а тем более самого владетеля кем-либо из низшего сословия считалось делом, которого местный закон или обычай не смел касаться.

Убийца, его семья и родственники в поисках защиты были вынуждены переселяться в другое место. Если убийца поселялся на другом берегу ручейка или реки, протекавшей мимо его усадьбы, враги не имели права расправится с ним. Но и он должен был стараться не показываться кровникам на глаза. Однако кровная месть чаще вынуждала кровников искать убежища в других районах Абхазии и даже за ее пределами. Чтобы избежать кровной мести нередко менялись фамилии. Так, трое братьев из фамилии Допуа по причине кровной мести бежали в другие районы Абхазии, изменив свою фамилию на Джопуа (с. Члоу), Джобава (с.

[1] Между прочим, это тот самый псырцхинский дворянин Хасан, который на пожелание последнего владетеля Абхазии возвести его в княжеское достоинство, предложил ему свое условие, чтобы вместе с ним был удостоен этой чести и весь род Марганиев (Инал-Ипа Ш.Д. Абхазы...С.277).

[2] Аверкиев И. С северо-восточного прибрежья Чёрного моря // Газ. «Кавказ»...

Речхи)[1]. По причине кровной мести представители многих абхазских фамилий вынуждены были искать убежища у соседних народов Кавказа.

Военная организация. Сообщения отдельных письменных источников, а также данные фольклора позволяют предположить, что ещё до создания таких форм государственности, как княжество и царство, военная организация предков абхазов основывалась на родоплеменном делении общества во главе с племенными военно-аристократическими вождями, которым подчинялись предводители отдельных родовых подразделений. Подобное положение наблюдается у племени мисимиан в VI в. Историк Агафий называет двух предводителей мисимиан – Хада и Туана, именуя их «наиболее знатными». При этом личное имя Хада переводится с абх. как «глава», «вождь», «предводитель»[2]. Очевидно, человек с таким характерным именем представлял собой «великого старшину» всего родоплеменного союза мисимиан, которому и в военном отношении подчинялись предводители более мелких подразделений этнической общности[3]. Несколько иное положение прослеживается у апсилов в том же VI в. Из сообщения Прокопия Кесарийского явствует, что в княжестве апсилов родоплеменные устои в военном деле в основном уже преодолены[4]. Во главе её стоят лица, которым подчиняются «регулярные» вооружённые силы.

Помимо государственной армии, исходя из факта значительного развития мореходства у абхазов, по-видимому, они располагали определёнными морскими силами, по крайней мере, несомненно, держали силы береговой охраны со своими хозяйственно-защитными сооружениями.

[1] Существует и другой вариант этого предания, по которому наоборот, один из братьев Джопуа поселился в с. Адзюбжа и поменял фамилию на Допуа (Адопуа), другой – попал в с. Окум и стал Джобава (Аџьабаа) (см.: Джонуа Ч.М. Огонь тушат огнем. Воспоминания. – Сухуми. 1974. С. 103–104 (на абх.яз.).

[2] Аджинджал Е.К. Из истории абхазской государственности. – Сухум. 1996. С. 7.

[3] Амичба Г.А. Абхазия в эпоху раннего средневековья... С.125.

[4] Там же.

Военная опасность – возможность внезапного вооружённого нападения сохранялась в Абхазии, в том числе и в Абжуа, ещё в первой половине XIX века. Переезд из одного пункта в другой был сопряжен с риском для жизни даже для местного населения. Путешествовали же в основном феодалы и торговцы. Приставая к берегу, например, необходимо было обратиться к владельцу поселения и заручиться его поддержкой, после чего можно было считать себя обеспеченным от всяких неприятностей. Так, П. Гибаль, относительно своей поездки в с. Кодор, писал, что он попросил на это разрешения у местного владетеля . Тот же ответил, что пришлет на берег людей, чтобы французу безопасно было ехать в село[1].

Абжуйская Абхазия, в частности, бассейн реки Кодор (как начала важнейшего торгового пути на Северный Кавказ) являлся местом значительной концентрации торговых связей, подлежавших охране. Об одном из случаев нападения на Исгурийский рынок, в результате которого купцы бросили все свои товары, а сам рынок был сожжен, выше уже сообщалось. Однако следует отметить, что методы военного захвата и открытого грабежа были свойственны и самим купцам, являлись составной частью их коммерческой деятельности[2].

Кроме того, происходили вооруженные налеты на соседние поселения в целях угона скота (что традиционно не порицалось, а даже приписывалось удальству). Причинами междоусобных столкновений становились также вопросы на первый взгляд для постороннего глаза несущественные, но имевшие для абхазов принципиальное значение: оскорбление нравственных и религиозных чувств, нарушение этикета, умыкание девушек, а также мелкие хозяйственно-бытовые ссоры между соседями.

Отмеченные выше причины заставляли местное население задумываться о своей безопасности. Для этой цели отвечали многие военно-оборонительные объекты: крепости, замки и др. сооружения раннего средневековья. Основными защитно-стратегическими сооружениями Апсилии от набегов северокавказских кочевников и для охраны подгорной дороги – «Абхазского пути» являлись Келасурская стена, Герзеульская, Цебельдинская крепости, ряд укреплений в Кодорском ущелье и др.

[1] Поль Гибаль. Дневник моего путешествия…С.29.

[2] Фадеев А.В. Краткий очерк истории Абхазии…С.118–119.

Мужчины были постоянно при оружии, обучались воинским навыкам с детства. Важной школой подготовки воинов-предводителей из дворянского сословия являлся институт аталычества.

О вооруженности древнего населения Юго-Восточной Абхазии позволяют судить находки разнообразного оружия из могильников I тыс. до н.э.: наконечники копий, стрел; кинжалы, ножи, мечи из сварочного дамаска, топоры – в том числе топоры – секиры[1]. Причём, вооружение прибрежного населения ничем не отличалось от вооружения древних цебельдинцев, поскольку материальная культура древней Цебельды в VIII–I вв. до н.э. развивалась синхронно с культурой побережья и в тесной взаимосвязи с ней [2].

Обращает на себя внимание то, что во многих апсилийских погребениях (захоронения в пос.Балан, могильники вдоль дороги на Марухский и Клухорский перевалы), как в богатых, так и рядовых, отсутствует хозяйственный инвентарь, из чего, вероятно, следует, что в этих могильниках были погребены профессиональные воины. Найденные же там амфоры, надо полагать, были с вином. Таков был воинский обычай. С воинскими погребениями связаны и все известные конские захоронения.

Само вооружение древнего населения Юго-Восточной Абхазии, очевидно, делилось на наступательное и оборонительное. В первом случае это оружие дальнего и ближнего боя – копья[3], дротики, лук и стрелы и, возможно, праща, топоры, мечи, ножи. Во

[1] Барамидзе М.В., Бжания В.В., Квирквелия Т.Г. Раскопки в Адзюбжа…С.496; Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Бгажба О.Х. Древнейшие железные изделия из Гюэноса//КСИА. Вып.191.– М.1987. С.90; Шамба Г.К., Шамба С.М. Археологические памятники верховья реки Галидзга… С. 24–30; Бгажба О.Х. История железообрабатывающего производства… С. 22.

[2] Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия…С. 251.

[3] В качестве оружия в рукопашной схватке и на близкой дистанции использовалась также «алабашьа» – деревянная пика с острым железным наконечником.

вторую группу включаются щиты[1] и кольчуга.[2] Для разрушения крепостных стен и ворот использовали таран – абаалдық. Если такие виды оружия, как копье и дротик, давно вышли из употребления, то колчан с луком и стрелами (ахыци ахәмпали) оставались на вооружении абхазов в XVIII – начале XIX веков[3] (еще в XVII в. Шарден писал о 12 вооруженных луками людей, виденных им в Исгауре). Появление огнестрельного оружия свело до минимума их роль. Однако вплоть до начала XIX века, и позже из лука стреляли форель в горных реках. У абхазских воинов на вооружении было также ручное метательное орудие праща – ацхар (ацәҳар, от «ацәа» – кожа, «аҳара» – плести) – петля из плетенного кожаного ремня, куда вкладывалось каменное ядро.

Во время археологических раскопок в Абхазии найдено большое количество круглых, хорошо обработанных камней, в частности, в сс. Адзюбжа, Тамыш. Сотни таких ядер весом от 25 до 40 кг выявлены также внутри и вокруг всей территории Цебельдинской крепости.

Вопросы войны и мира решались на общинном сходе. Община несла ответственность перед своими членами, выкупала попавшего в плен воина и оказывала помощь семьям погибших в бою и т.д. Самыми тяжкими военными преступлениями считались измена, трусость в бою, бегство с поля боя. За это полагались смертная казнь или изгнание преступника и его семьи из

[1] Щиты (аманыза) представляли собой плетеный из прутьев своеобразный жилет, натянутый шкурой животного.

[2] Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины…С. 90; Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Главная крепость Апсилии… С.56.

[3] См.: Шенкао Н.К. К вопросу изучения дальнего метательного оружия у народа Абаза // XLV итоговая научная сессия АБИГИ. Тезисы докладов – Сухум. 2000. С. 42–43. В Абхазии раскопано большое количество разнообразных кремневых, бронзовых и железных наконечников стрел, а также выявлены фрагменты сложного лука Vв. н.э. На Гуарапском культовом памятнике имеется изображение всадника, вооруженного копьем и луком со стрелами. А на первой плите алтарной преграды из Цебельды (VI-VII в. н. э.) изображен всадник, держащий в левой руке небольшой лук со стрелой с раздвоенным наконечником.

общины (причём, перед изгнанием труса могли выставить в центре просёлочной дороги, одетым в женское платье). В период ведения военных действий на сельском сходе выбирался предводитель войска – чаще из представителей дворян (ацыза). И все же выбор больше зависел не от знатности происхождения, а от личной храбрости и организаторских способностей. Каждый член общины – воин имел оружие и при необходимости обязан был стать в ряды ее защитников. Что касается боевого коня, то им мог обладать не каждый (в Абжуа конская упряжь встречалась только в погребениях знати), поскольку еще в начале XX века хорошая верховая лошадь стоила 40–50 руб. Только состоятельные общинники составляли отряды всадников. Остальные составляли отряды пехоты. На десять всадников, как правило, приходилось тридцать-сорок пеших воинов. Семьи, в которых не было боеспособных мужчин, облагались налогом – мясом, сыром, шкурами и др. для содержания наемника. Военнообязанными считались мужчины в возрасте от 18 до 70 лет. От каждого хозяйства на военные сборы должен был явиться один человек. Однако считалось позором, чтобы кто-то отсиживался дома, во время военной опасности, и на сборы являлось по два или более человек от семьи. Поскольку еще в первой половине XIX века редкой была семья, где не было 3-5 мужчин, а также учитывая то, что в этот период в наиболее крупном населённом пункте Абжуа – с. Адзюбжа насчитывалось 240 хозяйств, то общее количество воинов в указанное время в среднем достигало – от 700 до 1 тыс. человек. Кодорская же община (Адзюбжа, Атара, Наа, Допуакыт) насчитывала до полутора тысяч человек, а Абжуйская Абхазия, в целом, могла выставить более 5 тыс. воинов. Особенность же ведения вообще военных действий у абхазов (как и черкесов) заключалась в том, что «они отдельными селами обычно сражались против русской армии…»[1]. Объединению всех сил черкесов в единую армию, – отмечал в первой половине XIX в. военный специалист И.Ф. Бламберг, (слова которого справедливы и по отношению к абхазам), – мешали «причины внутренней вражды и полнейшее отсутствие дисциплины и средств для содержания в

[1] Газ. «Дроеба». №36–37. 1876г. (на груз.яз.).

течение определённого времени такой массы людей. Не будь этих препятствий, они представляли бы большую угрозу для своих соседей, имея в виду также и их воинственный характер: они были бы просто непобедимы в своих краях»[1].

В отличие от ведения оборонительных военных действий, участие в набегах не являлось обязательным для всех взрослых мужчин села: набеги, обычно, совершались небольшими отрядами из 5–8 человек. Инициаторами походов могли выступать один или несколько смельчаков, к которым присоединялись остальные желающие. Причем, если, например, адыги «не брали в поход неженатого или пока бездетного мужчину, если он был в роду единственным»[2], у абхазов главную ударную силу войска составляли именно неженатые мужчины, которые в походе (набеге), тем более, если поход был удачным, покрывали себя славой. Главной же целью набегов было, как уже говорилось, захват скота и пленных. Первоначально набеги совершали на соседние поселения, в том числе и на укрепления в Дранде, Елыре (или на солдат, находившихся в окрестностях укреплений). В книге «Михайловский крепостной пехотный батальон на Кавказе…» говорится, например, о том, что 28 мая 1835 года возле Драндского монастыря абхазы взяли в плен одного из унтер-офицеров Черноморского линейного батальона и перевозили его на левый берег Кодора для продажи в Турцию[3]. Причём, набеги заставляли абхазов переселяться в другие места. По свидетельству Дюбуа де Монпере, участившиеся набеги цебельдинцев «заставили князя Али-бея, чьи обширные владения находятся ниже Дранды, покинуть Джепуа и удалиться на берега реки Тамуиш»[4].

В XIX веке абхаз был «вооружен кинжалом, который носил за поясом, шашку – у бедра, ружье – за плечами; а на пояс он надевал пороховницу и металлический ящичек, в котором он носит

[1] Мафедзев С.Х. О народных играх адыгов. – Нальчик. 1986. С.127.
[2] Мафедзев С.Х. Указ. соч. С.130.
[3] Стефанов Т.Т. Михайловский крепостной пехотный батальон на Кавказе… С. 161.
[4] Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа… С.152.

сало для смазывания пуль»[1]. Как мы уже отмечали, в Абхазии, с давних времен была развита обработка металла, а абхазские кузнецы ковали кинжалы, сабли, пистолеты, курки и приклады. Кроме того, еще в первой половине XIX в. в Очамчире и Скурче абхазы обменивали у купцов из Турции местную продукцию на оружие и порох[2].

Что касается стратегии и тактики ведения боя, то в бою абхазы использовали внезапные атаки, действия врассыпную, преимущественно пешими, и отступления. Если узнавали о направлении продвижения противника, устраивали засаду. Спрятавшись в чаще леса или скрываясь за естественными препятствиями (деревья, кусты), подпустив противника на близкое расстояние, абхазы открывали огонь из своих ружей и подавляли врага. Если была необходимость, вступали в рукопашную схватку и завершали бой.

В июне 1836 года недалеко от Драндского укрепления произошел бой между регулярным русским воинским подразделением Черноморского линейного батальона, арестовавшим руководителя повстанческого движения кодорских абхазов Исмаила Джапуа и пытавшимися освободить его абхазскими повстанцами. Русские намеревались отправить арестованного на судне в Тифлис. «Для прикрытия же (арестованного. – О.М.) снаряжена была команда из 3 унтер-офицеров и 60 рядовых…»[3]. Однако, узнав о прибытии военного судна, приверженцы Джапуа и жители близлежащих поселений «в числе 300 человек решили освободить своего предводителя во что бы то ни стало и засели на дороге, ведущей от Драндского укрепления к морю»[4]. Русская команда версты три-четыре по лесистому узкому проходу (дефиле) следовала спокойно до с. Званбая, где «была внезапно атакована со всех сторон значительным числом абхазцев. Сильный ружейный огонь заставил остановиться прикрытие "русских" и

[1] Народы России // Черкесы и абхазы… С.115.
[2] Волкова Н.Г. Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту (XIX– начало XX в.)… С.164.
[3] Стефанов Т.Т. Михайловский крепостной пехотный батальон… С.163.
[4] Там же.

отвечать тем же. Отстреливаясь, команда все же медленно подвигалась вперед. Абхазцы шаг за шагом останавливали движение команды, покушаясь вступить в рукопашный бой, и стали теснить … отряд к лесу, чтобы отбить Исмаила»[1]. В этой перестрелке начальник русского отряда, а затем и заменивший его офицер были тяжело ранены. «Нижние чины выбывают из строя убитыми и ранеными». Перестрелка длилась два часа. «Абхазцы делают отчаянный натиск и, несмотря на упорное сопротивление конвоя, им удается отбить своего вожака Исмаила. После этого абхазцы разбежались, а наша команда, забрав убитых и раненых, проследовала к берегу моря»[2].

§ 7. Гостеприимство

В этнографической науке существует мнение, согласно которому гостеприимство является бескорыстным приемом и защитой гостя и, что оно восходит ко времени вызревания ранних цивилизаций и было вызвано к жизни, главным образом, потребностями торговли или другого делового общения политических и обрядовых (в особенности связанных со свадьбой) контактов, получения убежища, обмена информацией, а то и просто проведения досуга[3].

Не ставя здесь своей целью осветить достаточно сложную в целом проблему гостеприимства, позволю себе полагать обратное, а именно: что не гостеприимство восходит ко времени вызревания ранних цивилизаций, а само гостеприимство в немалой степени способствовало формированию и развитию ранних цивилизаций. Более того, и после «времени вызревания ранних цивилизаций» этот обычай как бескорыстный прием гостя был принят в равной мере не у всех народов. Так, Г. А. Рыбинский, характе-

[1] Стефанов Т.Т. Михайловский крепостной пехотный батальон…С.163.
[2] Там же. С.164.
[3] Мусукаев А.И., Першиц А.И. Народные традиции кабардинцев и балкарцев… С.176.

ризуя гостеприимство абхазов, писал, что «абхазец на всякого гостя смотрит как на божью благодать, ставит на стол все свои достатки и ухаживает за ним с известным церемониалом». Этот же автор о гостеприимстве мегрелов писал: «у мингрельца – крестьянина не всякий встретит гостеприимство, а если и встретит, то оно вызвано расчетом, в ожидании какой-нибудь для себя выгоды»[1]. Отсюда можно сделать вывод о том, что у некоторых народов с развитием торговли и другого общения, в основе гостеприимства в определенной степени появилась корысть.

Необходимо вместе с тем указать на то, что современная форма гостеприимства, независимо от национальных традиций, медленно и с трудом, но внедрялась в местах интенсивного передвижения и торговых связей, превращаясь в официальные платные стоянки. Не составлял исключения в этом отношении и изучаемый район. Например, осмотр местности, где расположены остатки сторожевой башни в пос. Допуакыт, а также опросы стариков показали, что на этой территории была стоянка для путешественников (у переправы через реку Кодор), которые пользовались и лошадьми, и арбой, и для них были устроены стоянки. Переправа не могла происходить в ночное время, и путники проводили здесь ночь. Бывали и такие ситуации, когда река поднималась и переправа откладывалась. Стоянка расположена на высоком левом берегу Кодора, откуда хорошо обозревается низменное правобережье Кодора. Не исключена также возможность использования этой башни в качестве склада товаров. Таким образом, этот район Кодора вследствие своего местоположения являлся перекрестком магистральных торговых и других путей, пунктом морских связей, где, начиная с древних времен из-за торговых целей, скапливалось немало текучего иноэтничного элемента (греки, армяне, мегрелы, русские). Поэтому, надо полагать, что среди населения Абжуа гостеприимство распространялось на людей из других поселений и соседних земель, появлявшихся в этих местах или же останавливавшихся проездом с торговыми или другими целями. Однако по большей части (в частности, в связи с гидрологическим режимом реки Кодор и необхо-

[1] Рыбинский Г.А. Сухумский округ…С.13.

димостью откладывания переправы на неопределенное время), надо полагать, что эта форма гостеприимства была вынужденной, к тому же накладной для местного населения. Обычай этот имел также и правовую сторону. Естественно, путник, он же гость, приходя в тот или иной дом, доверялся хозяину. А хозяин в свою очередь обязан был обеспечить безопасность гостю, гарантировать защиту его жизни, чести, сохранность имущества. Данная норма обычая привела к широко развившемуся на Кавказе в конце XIX – начале XX в. «гостеприимному скрыванию» преступников, доставлявшему много хлопот царской администрации. Люди, скрывавшиеся от преследования властей, находили приют у родственников и знакомых, которые всеми силами старались не допустить ареста в своём доме. Сталкиваясь с такими фактами, начальству приходилось иногда устраивать настоящие карательные экспедиции для розыска и ареста скрывавшихся лиц. Так, в октябре 1912 г. начальник Сухумского округа доносил в канцелярию наместника Кавказа о сформировании «отдельного отряда стражи» и «посылке этого отряда в Кодорский участок с специальной целью преследования и истребления беглецов, систематически укрываемых жителями этого участка»[1].

В то же время, обычай гостеприимства, например, в период и после Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., по данным Л. Х. Акаба, воспринимался совершенно по-иному. Изменение его сказывалось прежде всего в том, что гостеприимство оказывалось только лицам, которых хорошо знали. По отношению к этим лицам абхазы проявляли все предписываемые обычаем знаки внимания и уважения. Но по отношению к лицам, вызывавшим подозрения, не только не проявляли гостеприимства, но сообщали о своих подозрениях в сельсоветы. Во время Великой Отечественной войны таким путём было выявлено немало диверсантов и вражеских разведчиков[2].

По обычаю (если это был случайный гость), не принято было останавливаться на ночь в семьях, где не было хозяина дома –

[1] Анчабадзе Ю.Д. «Прекрасный обычай гостеприимства...»// СЭ. 4. 1985. С. 115.
[2] Акаба Л.Х. Абхазы Очамчирского района... С.102.

мужчины. Но поскольку здесь бывало много вынужденных гостей, то имели место случаи, когда останавливались в домах вдов с совершеннолетними сыновьями. Так, в с. Тамыш однажды вдова по всем правилам гостеприимства приняла семерых из Ткуарчала. Впоследствии, когда один из ее сыновей стал сватать девушку из Ткуарчала, выяснилось, что она была дочерью одного из бывших гостей вдовы. Родственники девушки выступили против этого брака. Но отец девушки, когда узнал, чей сын сватает его дочь, сказал: «У вдовы, которая приняла нас по обычаю гостеприимства, должен быть достойный сын», и сватовство состоялось.

Принятие гостя было вопросом чести. О человеке часто судили по тому, как он принимал гостей. Человек, отличающийся гостеприимством, и сегодня пользуется уважением. Гость, помимо всего, являлся основным вестником новостей[1]. Причем, особое значение придавалось приему гостей из других обществ, что вызывалось взаимными интересами укрепления культурно-экономических связей, развитию которых еще в первой половине XIX века препятствовала феодальная раздробленность и разобщенность.

Гость не был равнозначен гостю. Если хозяева и гости одного социального положения, то такой гость считался почетным. Родственники и друзья, естественно, были желаемыми гостями. Этикет приема почетного гостя был сложным и торжественным, по сравнению с приемом родственника или близкого человека. Крестьянин, естественно, не воспринимался в доме дворянина как почетный гость. Если среди гостей были женщины, их сажали за отдельный стол в том же помещении, что и мужчин, или же в другом помещении. Пожилых женщин, пользовавшихся особенным уважением: жену владельца в отсутствие последнего, вдову–княгиню или дворянку, владевшую землями, или знатную гостью – иноземку сажали за один стол с мужчинами. Даже в самой бедной семье припасалась еда для гостя, который спешил или появлялся среди ночи. Но если гость оставался хотя бы на полдня, то резали какую-нибудь живность.

[1] Анчабадзе Ю.Д. «Прекрасный обычай гостеприимства...»... С. 110.

Вообще же, согласно представлениям абхазов, всё лучшее, что имелось в доме из продуктов питания, обязательно должно было быть подано на стол, ибо «то, что укрыто от гостя, принадлежит дьяволу» (Асас ицәуцәахыз аҧстаа итәуп).

В начале 30-х годов XIXв. абжуйский удельный князь Алыбей Чачба принимал у себя в Тамыше русского генерала Вакульского во время его проезда из Мегрелии в Сухум. Это гостеприимство и связанные с ним игры описал Ф.Дюбуа де Монпере: «Но вот под ножом рослого и сильного абхаза падает откормленный бык: изрубив тушу на громадные части и затем сварив их и зажарив, старательно выбирают самый большой кусок и ставят перед генералом; каждому из его свиты подают кусок меньшего размера. К сожалению, нет Милона Кротонского, чтобы поглотить эти громадные порции, но генералу и тем, кто удостоился чести угощения, хорошо известны обычаи страны: они едят и в то же время отрывают лакомые части и бросают их тем, кто принадлежит к более низкому рангу свиты: эти люди стоят в чаянии получить лакомый кусок, почтительно окружая стол и ожидая своей очереди. Бросая, каждый называет по имени того счастливца, которого желают одарить. Названный низко кланяется и ловко подхватывает на лету назначенный ему кусок: не подхватить и дать упасть, означало бы нарушить хороший тон и нанести большую обиду. Эти громадные почётные куски подавались у Алибея на больших плетёнках из ивовых прутьев с двумя деревянными перекладинами для того, чтобы было удобнее их переносить. Чем больше уважения желают здесь оказать гостю, тем больших размеров животное закалывают»[1].

Непременной частью обычая гостеприимства была её развлекательная сторона. Для этого хозяин приглашал юношей и девушек. Так, например, для развлечения того же генерала Вакульского в усадьбе Алыбея Чачба была устроена пляска, скорее перепляс. «Не раз приходилось видеть, каких невероятных усилий стоило участнику танца удержать за собой поле битвы. Генерал попросил одну даму, которая там присутствовала, принять также

[1] Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа… С.157.

участие в пляске: уже с час она выступала в танце для двоих с молодым абхазцем, выказывая всю свою грацию и желая утомить танцора, но он в свою очередь не хотел сдаваться. Закутанная вместо вуали своим большим белым суконным платком, закрывавшим ей лицо, она задыхалась; колени её подгибались: она была уже близка к обмороку. Генералу пришлось заступиться за неё перед молодым человеком и уговорить его признать себя побеждённым»[1].

Обычай гостеприимства требовал принять путника и в любое время, даже в тех случаях, когда в семье, которую посещал гость, было не до гостей, например, кто-либо из членов семьи или сам хозяин, болел и т.п. Так, в середине XIX века В. Соллогуб о своем приезде к одному из абжуйских дворян писал: «Когда мы подъехали к его даче, слуга-арап сажал своего хозяина, дряхлого старик на лошадь». Хозяин сказал, что «он болен и должен ехать, но что весь дом его к моим услугам»… Я обратился к арапу с каким-то вопросом. Но арап мгновенно исчез, и вместо него появились два туземца, которые положили новых дров (на горевший костер) и начали прислуживать[2].

Почетные гости обычно приезжали в дома состоятельных хозяев. Так, у тхинского князя Заурбека Дзапшипа первая комната его дома, предназначавшаяся для гостей, вмещала от 80 до 100 человек. Порою здесь бывало одновременно до 50 и более гостей. Более двух тысяч ведер вина заготавливалось в имении Заурбека, и все оно расходилось на гостей.

Согласно древнему обычаю, один или два раза в году сам владетель или князья из рода Чачба навещали своих дворян и получали от них подарки. Ценность подарка зависела от воли хозяина, и абхазское дворянство никогда не хотело признавать такой порядок за обязательную повинность, а только выражением уважения к почетному гостю. Были и такие гости, которые приезжали без особой на то нужды, просто так, чтобы приятно провести время.

[1] Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие… С.157.
[2] Г.С. Возвращение. Газ. «Кавказ»…

Отражение обычая гостеприимства можно найти в самых разных сферах народного быта, ничем не связанных на первый взгляд с данным институтом. Он играл, например, весьма своеобразную роль в сватовстве. И.А.Аджинджал, собиравший в 1940-1950-е годы полевой материал о традиционном быте абхазов, пишет, что молодой человек, желая посмотреть на девушку, которую родители прочили ему в жёны, прибегал к хитрости. Со своим ближайшим товарищем он отправлялся в дом, где жила невеста. «Они старались прийти в дом невесты поздно вечером, под видом путников… И молодой человек легко мог рассмотреть избранную ему родными невесту и составить о ней своё мнение»[1].

Своеобразное проявление обычая гостеприимства можно усмотреть и в следующем моменте абхазского быта конца XIX – начала XX вв. Абхазы имели обыкновение в память об умершем близком родственнике строить маленькие домики, которые располагались обычно у дорог, речных переправ и т.д. Внутри такого домика, как правило, ставились стол и скамья[2]. Родственники покойного регулярно приносили туда питьё и еду. Любой путник мог заглянуть в домик, отдохнуть, переждать непогоду, подкрепиться и снова отправиться в путь. Т. Сахокия, впервые описавший эти домики, сравнивал их с «бесплатными гостиницами»[3]. Путник, находясь какое-то время под его крышей и пользуясь припасами, оставленными там хозяевами, был как бы у них в гостях, хотя, как правило, гость и хозяева в таких случаях даже не встречались.

В устройстве застолья по случаю приглашения гостей принимали участие близживущие соседи и родственники, которые приносили продукты, напитки. Традиция эта сохраняется и сейчас. Характерной особенностью самого застолья и в наши дни является подношение почетного сосуда – рога (ацәхьа) участникам

[1] Аджинджал И.А. Обычай в дореволюционной Абхазии. Цит. по: Анчабадзе Ю.Д. «Прекрасный обычай гостеприимства...»... С.117.
[2] Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии... С.84.
[3] Цит. по: Анчабадзе Ю.Д. «Прекрасный обычай гостеприимства...»... С.118.

застолья. При этом придерживаются определенных правил. По установке тамады тосты передаются по желанию – каждый, кому он хочет, или же по кругу. Немецкий журналист Г. Штайн вместе с московским фоторепортером А. Малкиным, побывавший в с. Адзюбжа в 70-е годы XX в., описал яркую картину традиционного абхазского застолья: «Когда они садятся за стол, в первую очередь избирается тамада. Это своего рода цереможиймейстер, который следит не просто за тем, чтобы за столом было хорошее настроение и все шло гладко, но также и за тем, чтобы все шло согласно традициям. Тамадой нашей небольшой компании выбирают Георгия Карчаа. Открывая небольшое празднество, тамада поднимает единственный на столе сосуд – аршинный рог, наполненный приятным белым вином, и произносит тост за обоих гостей: из Германии и России.

Затем рог пускают по кругу, но, по-моему, иначе, чем трубку мира у индейцев. Снова в строгом соответствии с обычаем, тамада определяет того, кто должен взять рог следующим, и представляет его присутствующим… За родителей, за детей, за родную землю – вот первое, за что тамада просит выпить вначале… Но чем больше я слушаю, тем больше растет мое удивление. Если одни, обдумывая тост, приводят интересные эпизоды из своей жизни, то другие, побуждаемые живой реакцией собравшихся, привлекают к себе внимание философскими обобщениями или юмором. В этом «состязании рассказчиков», которое все более разгорается под воздействием искрящегося отборного белого вина, каждый старается показать себя с лучшей стороны…»[1].

Следует отметить, что, оказывая кому-нибудь гостеприимство, особенно представителю другого народа, абхазы, как бы демонстрируют неотъемлемую черту своей национальной культуры. Благодаря этому гостеприимство приобрело этноязыковую функцию в известном противопоставлении «мы – они», интегрируя группу носителей этой черты культуры и противопоставляя её по этому признаку остальным. В современных условиях этот момент явно оказывает влияние на психологическое обоснование

[1] Штайн Гюнтер. Путешествие... С.47– 48.

самого обычая, способствуя поддержанию его отдельных внешних атрибутов[1].

§ 8. Погребальные и поминальные обычаи

Обряды похоронного цикла являются одной из наиболее консервативных сфер бытовой культуры. Устойчивость некоторых элементов похорон объясняется стабильностью всей системы традиционных представлений, связанных с культом мертвых, в которой отразились многие напластования воззрений человека с древнейших времен, вызвавшие к жизни различные ритуалы. И хотя сами представления, вызвавшие тот или иной обряд, уже давно исчезли, однако они оставили определенный след в психологии людей. Последним и объясняется сохранение многих похоронных ритуалов, от части которых не мешает, мягко говоря, избавляться.

Самобытные черты населения Абжуйской Абхазии, прежде всего и больше всего отражаются в погребальных обычаях древности.

В 1978-1979 гг. в с. Адзюбжа (пос. Балан), на холмистой равнине, был обследован могильник эллинистического времени (III в. до н.э.). Он находился на курганообразном поле с отдельными скоплениями булыжников. При раскопке одного из этих курганов, на глубине 40-50 см, под слоем остатков культурных отложений, вскрыли погребение, площадью 1,2 х 2 м. Дно погребения было усыпано пеплом и золой. Среди останков кремированных костей здесь археологи обнаружили обломки серебряной тарелки. Там же были найдены золотые, бронзовые, серебряные и другие предметы. Захоронение относится к типу перепогребения остатков кремации с вещами, опаленными на костре. Рядом с могильником найдена кремационная площадка 4х4м. В пос. Балан вскрыто еще 11 захоронений такого же типа, как и предыдущие,

[1] Анчабадзе Ю.Д. «Прекрасный обычай гостеприимства...»... С. 120.

причем 5 из них с каменными стенками. В них найдена местная амфора, использованная в качестве погребальной урны[1]. Захоронение, обнаруженное в Адзюбже, а также в Атаре являет собой прямоугольный каменный подстил в человеческий рост, на котором была произведена полная кремация с инвентарем. Оно не сопоставимо с общеизвестными погребальными обычаями на территории Абхазии[2].

Важные сведения по погребальным обрядам исследуемого региона дают апсилийские могильники II в. до н.э. – VII в. н.э. Согласно исследованиям Ю.Н. Воронова и О.Х. Бгажба, на могильниках апсилов прослежено параллельное исполнение двух погребальных обрядов: кремации и ингумации – обычного трупоположения. Погребения III – начала VI вв. не имеют строгой ориентировки[3]. С момента принятия христианства (вторая четверть VI в.) происходит упорядочение в ориентации – только головой на запад. Здесь впервые в Восточном Причерноморье удалось получить интересные данные о воздействии христианизации на погребальный обряд местного населения. Сначала из могильного инвентаря были исключены у мужчин керамика и оружие, у женщин – посуда и орудия труда[4]. Позднее родственники не оставляют погребённым ни украшений, ни деталей одежды. В тот же период уходит в прошлое и обряд кремации. Гробов апсилы не знали – в могилах лишь изредка встречаются остатки подстилок и больших кусков древесной коры, которые подстилались или которыми перекрывались погребённые[5].

Большой интерес представляет могильник (рядом с остатками средневековой церкви), расположенный северо-восточнее крепости Нарджхьоу (г. Ткуарчал). Могильник примечателен наличием подземных каменных гробниц, сооружённых из массивных, вертикально установленных плит жёлтого ракушечника, иногда в сочетании с кладкой из мелкого плитняка. Гробницы-склепы

[1] Шамба Г.К. Абхазия в I тысячелетии до нашей эры...С.102.
[2] Там же. С. 178.
[3] Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Главная крепость Апсилии... С.50.
[4] Там же.
[5] Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Указ.соч. С.51.

предназначались для неоднократных захоронений. Ранее погребённые костяки отодвигались к стенкам склепа, а черепа иногда создавали скопления по углам погребальной камеры. Так, в одном из склепов было выявлено 12 человеческих черепов. Погребальный инвентарь в захоронении был представлен одним предметом – обломком стеклянного блюдечка[1].

Письменными источниками с античного времени по XVIII век на территории Абхазии зафиксирован древний погребальный обряд, известный в литературе под названием «воздушного погребения». Он состоял в том, что погибших мужчин-воинов заворачивали в свежую бычью шкуру и подвешивали к ветвям священных деревьев (после очищения тела от плоти, кости предавали земле, хотя ни в одном из описаний данного обряда не говорится о последующем придании останков земле, т.е. о вторичном захоронении). Арк. Ламберти по этому поводу пишет: «У абхазов есть замечательный обычай, который нельзя найти ни у одного народа в мире, а именно: покойников не хоронят, но вешают на дереве следующим образом: выдалбливают ствол дерева наподобие гроба, кладут туда покойников и крепкой виноградной лозой подвешивают к верхушке дерева. На этом же дереве вешают все оружие, которое покойник в жизни употреблял на войне»[2]. В этой связи следует отметить, что в речи старожил Абжуйской Абхазии встречаются выражения: «азахәа ухарцазшәа», дословно «как будто тебе на шею накинули виноградную лозу»; «уажәымҭа азахәа ахарцааит» «чтобы на твою старость накинули виноградную лозу». Последнее говорят человеку, совершившему непристойный поступок. В этом выражении вполне очевиден пережиток воздушного погребения, зыбкие представления о котором сохранились в народной памяти.

---

[1] Бжания Д.С. Исследования Гагрского могильника эпохи бронзы и разведки в г.Ткуарчал // XLV итоговая научная сессия АБИГИ. Тезисы докладов. – Сухум. 2001. С.21–23.

[2] Цит. по: Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии... С.180–181. Обычай «воздушного погребения» практиковался не только у абхазов (и адыгов), но и у сибирских племен (Тайлор Э.Б. Первобытная культура. – М. 1989. С. 269).

Позднее, у абхазов «воздушному погребению» стали подвергать людей, погибших от удара молнии. Вплоть до нашего времени дошёл обычай, по которому поражённого молнией человека клали на высокий помост (ашәымкьат): устраивалось обрядовое хождение вокруг убитого с песней в честь Божества грома и молнии (Аф-рашәа). При этом не полагалось выражать своё горе плачем или слезами. Затем убитого молнией непременно предавали земле, причём на том же месте, где его поразила молния.

В новейшей истории этот обычай у абхазов наблюдается только по отношению животного убитого молнией[1].

Согласно полевым материалам, относящимся к XIX–XX вв., по случаю смерти человека, к его дому стекались соседи: все считали своим долгом оплакать покойника[2]. Члены семьи умершего, особенно женщины и соседи, оплакивали его громким плачем. Близкие родственницы умершего рвали на себе волосы, царапали себе ногтями лицо и грудь, (эти действия должны были вызвать жалость покойника к живым и побудить его вернуться к своим близким). Вместе с тем, по сообщениям абжуйцев, крики и оплакивания в голос – обычай, привнесённый в абхазскую среду. В прошлом, со дня смерти человека, в течение трёх суток в семье, постигшей горе, покойника не оплакивали, проводили ночные бдения, ибо считалось, что «душа умершего боится криков». По истечении трёх суток, когда считалось, что «душа покойника успокоилась», начинали кричать. Существует мнение, что первоначально крики, возможно, имели место в случае смерти человека,

---

[1] Дбар С.А. Исторические формы захоронений у абхазов // Кавказ: история, культура, традиции, языки... С.278.

[2] М. Селезнёв, в 40-х годах XIX века, проживая в с. Кутол, писал: «...Все удивляются тому, как по одному визгливому крику, не только выстрелу, они (абхазы. – О.М.) собираются вдруг, в одном месте, в сотнях и тысячах, тогда как они живут далеко друг от друга в разбросанных саклях. Это сигнал истинного братства, сигнал общей смерти: слыша его, они забывают жену, детей, имущество, жизнь и с беззаботностью серны, пробегая крутые скалы, бездны, леса, реки, стремятся на смерть» (Цит. по: Басария С.П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Пособие для 8–9 классов... С.73).

жившего за пределами посёлка (это называлось ацсзы, что значит «ацсра азбахə» – досл. «весть о смерти»), затем постепенно крики стали реакцией на смерть вообще и они стали увязываться с похоронными обычаями.

После оплакивания покойного начинались причитания (амыткəма). Причитали женщины, сменяя друг друга. «Эти «амыткума», – писал Н.С. Джанашиа, – замечательны у абхазок, у которых нет института наемных плакальщиц, все они замечательные плакальщицы»[1]. . И по сей день в Абжуа не забыты имена таких искусных плакальщиц, как, например, Доу Аргун, Надшьа Акаба, Хьыц Адлейба, Вера Амичба и др.

Вечером или утром, в зависимости от того, когда умер покойник, в доме усопшего собирались близкие соседи и совещались, назначали день похорон, а также выбирали горевестников для оповещения родственников и друзей, проживающих за пределами села[2]. Горевестника можно было опознать уже по одному его поведению и скорбному виду. Старшая женщина из семьи, куда прибывал горевестник, – доводившаяся усопшему близкой, громким плачем давала знать о постигшем ее горе своим соседям. Данная семья тотчас начинала собираться на плаканье.

А в доме, где находился покойник, все дни до похорон, с утра и до вечера, стояли плач и причитания. Дитя умершего до исполнения ему года, не оплакивали – хоронили в тот же день или на следующий. Муж на людях не оплакивал жену, а жена – мужа. В исключительных случаях, жена была вольна оплакивать мужа, допустим, если он утонул и т.п. Лет тридцать тому назад, – писал Н.С. Джанашиа, – один престарелый абхаз, похоронивший всех своих семерых детей, ни по одному из них не проронил ни одной слезинки (на виду у людей, разумеется), но оплакал свою жену старуху. И это нарушение обычая, ни при жизни, ни после смерти не могли ему простить[3].

[1] Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии…С. 79.
[2] В настоящее время горевестническую службу в основном несет телевидение.
[3] Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии…С.80.

Перед выносом покойника, старшие удалялись из помещения, и жене покойника предоставлялась возможность проститься с мужем. Нередко родители, потерявшие всех детей, усыновляли кого-либо из родственников. В доме покойника на год откладывались все торжества. Пока в доме лежал покойник, не принято было стрелять, купаться, мыть голову (считалось, что на мертвого выльется грязь). Мыть голову разрешалось у соседей, но лишь в том случае, если между этими домами протекала речка. Накануне похорон, под вечер, трое, соответственно мужчины или женщины, омывали покойника. Омывали колодезной водой – «азхьампш»[1]. Омовение совершали, разувшись, в белых варежках, специально сшитых по случаю из сатины. После купания черпалка, котлы, казан и др., использованные при омовении покойника выбрасывали. (Выбрасывали (оставляли) в лесу и мерку для гроба, которой пользовались в старину). Доску же, на которой лежал покойник, клали на улице, где на него ступали ноги людей, говоря «исабацуп» – полезно. Покойнику шили новую одежду, (по воззрениям, покойника необходимо было пустить в новый мир в наиболее подобающем его достоинству виде); шили одежду новой иглой (или пользовались иглой, которую «никто не держал»), в качестве же подстилки в гроб умершему кладут его старые вещи. Покойника, после омовения и одеяния, укладывали в гроб. На его лицо и грудь клали крапиву (особенно летом, чтобы лицо не почернело), а на грудь или живот клали ножницы. Это было связано с представлениями, будто ножницы (или другие острые железные предметы) отпугивают нечистую силу[2]. Омывали покойника, как правило, родственники, но не ближайшие[3]. В день похорон устраивался основной плач. Многочисленные родственники, проживающие за пределами села, приезжают обязательно в сопровождении своих соседей, числом до 10-12 человек.

[1] Адзхиампш (Азхьампш), в буквальном смысле означает «вода, которую принесли не оглядываясь» («азы» - «вода», «ахьампш» - «не оглядываясь»).
[2] Чурсин Г.Ф. Культ железа у кавказских народов. – Тифлис. 1927. С. 84–85.
[3] Акаба Л.Х. Абхазы Очамчирского района… С. 96.

Особенно много народу собирается в случае смерти молодого человека.

Гроб с телом покойного в день похорон выносят во двор, где специально для этого случая сооружается навес (ашьаԥа), вмещающий примерно до 30–40 человек. Здесь же во дворе сооружаются временные скамьи для пришедших отдать последний долг усопшему.

Для организации похорон старейшины выбирали распорядителя (аилыргаѡ)[1], а тот, в свою очередь, помощников – мужчин и женщин из числа соседей. В Абжуйской Абхазии, – писал Н.С. Джанашиа, – «при похоронах устраиваются и угощения гостей: всех должны накормить и напоить... Прежде для этой цели каждый сосед обязан был приносить большой чурек, начиненный орехами, а соседки здесь же готовили похлебку из фасоли. В последнее время этот обычай переходит в область преданий, а угощают гостей уже хлебом, причем каждый двор обязан принести от 20 коп. до 10 рублей и более, смотря по состоянию и степени близости родства. Эта помощь называется «ақәцатәы» – «то, что кладется, дается сверху»[2]. Эти приношения принимались только в том случае, если не справляли годичных поминок.

На похоронах мужчины (как правило, последнего наследника семьи, рода) исполнялась траурная песня «Азар», главным образом мужчинами. Например, по отзыву К. Гамсахурдия, услышавшего эту песню в с. Адзюбжа на похоронах Кычына Маан (брата бабушки писателя) в исполнении более чем двумястами плакальщиков, Реквием («Покой вечный») не шел ни в какое сравнение с «Азар»[3].

Если в последний путь провожали единственного наследника или последнего хранителя очага независимо от пола, в день похо-

[1] У абхазов имелись избранные «чистые люди», в обязанности которых вменялось обслуживание «душ» усопших.

[2] Джанашиа Н. С. Статьи...С.81. См. также: Маргания Д. Обряды погребения и поминовения умерших у абхазов // СЗМ, №23. 1912г. // Дмитрий Маргания (Маан) – протоиерей-просветитель... С. 17–21.

[3] См. также: Газ. «Народная Партия Абхазии» (НПА). 29 марта 2002г.

рон женщины исполняли траурную песнь – плач без слов «Ауоу». Исполнительницы «Ауоу» по 3–4 человека располагались по обе стороны от гроба.

По словам информаторов, иногда плакальщицы аккомпанировали себе на ачамгуре – струнном щипковом музыкальном инструменте. Бывало что и после похорон у могилы усопшего, импровизировали под ачамгур. Если умерший был всадником, то во дворе, в день похорон, во главе ближайших родственников-мужчин, несущих траур, выставляли его оседланного коня (если он был холост) с оружием через седло. Таким образом снаряженного коня покрывали черной тканью. Если умерший был женат или вдовец, то выставляли и коня его жены[1]. Когда умирала женщина (пусть даже замужняя), то выставлялся только ее конь. Коня под уздцы держал брат, племянник или родственник по аталычеству. За конем, в ряд, как правило, довольно длинный, становились все близкие мужчины. Церемония с конем умершего – это пережиток посвящения в прошлом коня покойнику, который, очевидно, заменил обряд умерщвления коня усопшего. Существование же в прошлом обряда приношения коня в жертву умершему хозяину, подтверждается материалами археологических раскопок апсилийских могильников III в. до н.э.[2].

[1] Маргания Д. Обряды погребения и поминовения... С.19.

[2] См. напр.: Барамидзе М.В., Квирквелия Г. Т. Раскопки в Адзюбжа...С.496. Обычай хоронить коней со сбруей, налобниками, масками и другими атрибутами был привнесен в Абхазию, скорее всего, воинственными скифами, перекочевавшими в Северное Причерноморье из-за Уральских, тогда Репейских, гор. Скифские конские захоронения, ставшие для абхазов традиционными, обнаружены в Адзюбже, Куланырхуа, Эшере, Цебельде (Бгажба О.Х. Скифы и древние абхазы // Нужная газета. 21 ноября 2000 г.). Ритуальное захоронение голов боевых коней в первой половине IV в. до н.э. производилось также на территории античного города Гюэнос (Шамба С.М. Очамчира – один из древнейших городов мира. Рукопись 2003 г. С.2). Обращают на себя внимание и некоторые другие характерные детали скифских похоронных обычаев, как, например, царапание лица, обстригание волос.

В день похорон первыми оплакивают усопшего близкие родственницы. Они издали начинали кричать и причитать. Близкие родственницы покойного царапали щёки до крови. Мужчины, войдя во двор, оставляли головной убор (ранее и оружие) на столе, выставленном для этого, и ударяя себя ладонями по лбу, рыдая, подходят к покойнику. Наиболее близкие родственники (со стороны матери; брат, племянник), войдя во двор, не клали свой головной убор на стол, как другие, а бросали на землю. Плач многих мужчин порой был трогательнее причитаний женщин, «так сладко они плакали». (По сведениям отдельных информаторов, первоначально мужчины на похоронах не плакали). В недавнем прошлом мужчины на оплакивание приносили с собой плети с кожаным язычком (ашысла) на конце. Плетью мужчины шлепали себя по затылку – чем громче был шлепок, тем искуснее считался плакальщик.

В день похорон, всадников, приехавших на похороны, встречали парни, один из которых привязывал лошадей в отведенном для этого месте, другие провожали прибывших к столу, где те оставляли головной убор, оружие, кнут. У стола стояло несколько парней, исполнявших роль сопроводителей оплакивающих мужчин (абгакоы). Они брали оплакивающих за талию обеими руками и подводили их к гробу, где отпускали талию плачущего, выжидали пока он плачет. Затем сопроводители последнего уводили от гроба и вручали ему вещи, оставленные им на столе. Вокруг же мужчин, приходящих на оплакивание, женой или родственницей умершего совершается магический обряд обхода (что, вероятно, восходит к тому времени, когда жён приносили в жертву «душе» покойного мужа или родственника). Мужчины же, оплакавшие мертвого, собираются в стороне и ведут разговоры на самые различные темы. Здесь обычно выясняется масса житейских подробностей, здесь же назначаются подчас и деловые встречи.

Перед выносом покойника совершался обряд оплакивания с конем умершего. Родственники и близкие в сопровождении песни-плача «Ауоу» трижды обходили двор. Затем пожилой мужчина из близких, обладающий даром слова, стоя около лошади покойника, произносил скорбную речь, в которой рассказывалась биография покойного, отмечались его достоинства. Вынос покойника совершался в 4-5 часов пополудни (похоронными днями считались и считаются вторник, четверг и суббота). В конце XIX века в Абжуйской Абхазии покойника, согласно актам церковных записей, хоронили на третий день после смерти[1]. В этой связи представляет интерес абхазское проклятье: «Ухахамч рыблаait»! («Ухахамҷы рыблаait»!), что дословно переводится как: «Да сожгут твои трехсуточные дрова», т.е. доски (дер.), на которых ты покоился трое суток. Гробы были двух видов: первый – без крышки (атоубыт) – используемый абхазами-мусульманами и сегодня, например, в Турции; руки покойника располагались вдоль тела, а сам гроб опускали в могилу, вырытую в виде тоннеля, прикрывали досками; второй – с крышкой – акәыба. При выносе тела из дома, если покойник был старшим в семье, через крышу дома перебрасывалась веревка, за концы которой крепко держались люди, тем самым как бы «связывая дом» (чтобы оставшиеся члены семьи не умирали). При выносе же тела грудного младенца, связывалась его мать – на шею ей накидывалась надочажная цепь – «арыхныщна»; а по другой версии – она три раза проводилась через кольцо (круг) из двух переплетенных надочажных цепей. При выносе гроба со двора его трижды опускают на землю, после чего плакать считалось грешно (игәнаҳауп). Перед выносом со двора вокруг коня усопшего и головы того, кто держал коня под уздцы, трижды обносили петуха. Гроб мужчины полагалось нести братьям усопшего.

Если умершая была женщина и притом замужней, гроб поднимают также братья и племянники, затем их сменяют соседи. Выносили гроб со двора ногами вперед, "чтобы усопший не видел дороги позади себя". После выноса, одна из «чистых женщин» (у которой не было усопших своих детей) подметала дом и двор, вместе с сором выбрасывала и метлу.

Непосредственно за гробом следовали близкие. Впереди шел распорядитель, по указаниям которого те, кому положено нести гроб, поочередно сменяли друг друга. Это дань уважения усопшему. Участникам похоронной процессии не следовало говорить громко, идти, скрестив руки на груди. Могильные ямы для жен-

[1] Акаба Л.Х. Абхазы Очамчирского района... С.96.

щин рыли на 20 см глубже, чем для мужчин (бóльшая глубина женских могил, вероятно, восходит к древней традиции, когда при вторичном захоронении, предание останков мужчин земле не требовало большой глубины, в отличие от обряда трупоположения при погребении женщин). Могилу рыли соседи, обычно шесть человек. На 15-й, 40-й или 52-й день им за работу раздают полотенца, платки, мыло, носки. Каждая фамилия имела свои кладбища. В Абхазии старые, патронимические кладбища сохранились до наших дней.

В Абхазии встречаются могилы и на территории двора. Около ворот домов можно увидеть памятники под железной крышей. Внутри железной ограды установлены скамья и стол.

При опускании гроба в могилу присутствующие бросают в нее комочки земли. Затем распорядитель просит женщин удалиться с кладбища (у мусульман женщины вообще не допускались на кладбище). Здесь же на кладбище женщины собирают распущенные волосы, ибо уходить с кладбища с распущенными волосами не полагается, грешно (цасым). В знак любви к почившему, близкие женщины иногда отрезали свои косы и вешали на его могиле (как, например, это имело место в 1920-х годах в с.Ткуарчал)[1]. Могилу же стараются как можно быстрее засыпать землей, что связано с суеверным убеждением, что душа покойника может успеть выскочить и принести вред живым.

В доме умершего раскладывали аншьан, то есть оставшуюся верхнюю одежду и обувь усопшего укладывали на кровать. Перед аншьаном в течение сорока дней (а иногда и более) совершают оплакивание родственники и знакомые, по каким-либо причинам не успевшие приехать к оплакиванию. Если же в доме был аншьан ранее (недавно) умершего члена семьи или воспитанника (или их фотографии), то их не убирали. Близкие родственники оплакивали их в годовщину.

На третий день после похорон близкие родственники идут на кладбище (если этот день выпадал на понедельник, то шли на

[1] Доходило даже до таких изуверств, как отрезание себе ушей, носа. Так, сыновья абжуйского владетеля Алыбея Чачба, по смерти последнего, отрезали у себя по уху и положили в гроб отца.

следующий), где зажигали свечку и окропляли могилу вином. До истечения девяти дней не ели скоромной пищи – мяса, сладостей и т.д. На 9-й день резали овцу и кур (кто посостоятельней и быка), готовили сладости, приглашали священника, освящали пищу, после чего разрешалось принимать скоромную пищу. За поминальный стол мужчины и женщины садились раздельно. По обычаю, на поминках полагалось выпить не более 6-8 стаканов (стограммовых) вина.

До истечения сорока дней со дня смерти покойного, в доме последнего за ужином ставят (накрывают) поминальный стол (аишəа) и зажигают свечку. После сорока дней этот ритуал абхазы христиане соблюдали каждую субботу (мусульмане – по четвергам). На стол ставились в пост – постные блюда, а в обычные – любые. Аишəа ставили у открытых дверей, старший в семье приглашал душу покойника принять пищу, отрезал от кушаний и окроплял их вином, затем кусочек ладана клал на раскаленные угольки, поднесенные к столу. Его примеру следовали все члены семьи. Все это время не полагалось ни входить, ни выходить, через главную дверь, где стоял поминальный стол, чтобы не мешать покойнику насыщаться едой. Затем пища с поминального стола подавалась к семейному ужину. В знак траура ближайшие родственники умершего (сын, брат и др.) не брились и не стригли волос. При этом отец не отпускал бороду за умерших своих близких. Траур держали вплоть до совершения годовых поминок. По представлениям абхазов, отпущенные борода и волосы на том свете давали «прохладную тень душам покойников, по ком носятся». После поминок волосы стригут, причем первый клочок волос отрезал тот, кого родственники хотели иметь взамен покойника. Обряд этот назывался «ахахəкацсара» («снятие», «бросание волос с головы»). Брат по сестре обыкновенно носил траур в течение 2-3 лет, а жена по мужу и более трех лет. Наиболее глубокий и продолжительный траур носили по воспитаннику (аталыку). Так, мужчины семьи М. Джопуа в с. Члоу после убийства их воспитанника Ачба в течение 5 лет ходили босиком,

женщины – с распущенными волосами[1]. Для поминовения покойного над его могилою родственники сооружали небольшие могильные памятники – крытые постройки в виде беседки (аҳаҭгәын, абаҟа), там же устраивались и скамейки. На столе оставляли кушанья, напитки, фрукты, чем обычно угощались путники.

Множество народу собиралось в годовщину. Справлять поминки (аԥсхәра) считалось священной обязанностью – они рассматривались как кормление мертвых. Поминки справлялись как христианами, так и мусульманами. Редкая семья могла и может своими силами справить поминки, без помощи родственников и соседей. Помощь заключается, прежде всего, в приношении овцы, барана, коровы, быка (аԥсаҭатә – т.е. «то, что дается (жертвуется) душе»).

Нужное количество молочных продуктов для поминок поставляли односельчане безвозмездно.

Поминки являлись местом встречи старых друзей и знакомых. Если в семье есть девушка на выданье, поминки для нее еще одна возможность проявить способности молодой хозяйки. Причем «никакая спешная работа, – как писал Н.С. Джанашиа, – не остановит родителей, от посылки сыновей на «большие» поминки (как и на свадьбу)». На этих поминках и свадьбах получала молодежь все свое воспитание и учение. Здесь завязывались «новые знакомства, новые связи, а часто и любовь[2].

Еще накануне поминок, под вечер, когда собиралось много народу, зять или тесть приводили жертвенных животных (если умер мужчина приводили быка, а если женщина – корову). Привод животных, как отмечает Н.С. Джанашиа, в высшей степени яркое зрелище[1].

Родственник, со своими провожатыми, приближается к воротам и через нарочного справляется, может ли он войти. Получив утвердительный ответ, последние вводят быка. Благородное животное с ног до рогов украшено. Рога его обвиты серебряной или иной блестящей тесьмой: тело часто покрыто покрывалом с разноцветными украшениями. Через спину перекинут ахьанапы (а-хьа – каштан, на (на-пы) – рука и а-ԥара – нанизывать, вить что-либо) – длинная низка каштан, груш, яблок вперемежку, а позднее и кренделей. Впереди и сзади быка с зажженными свечами идут провожатые. Быка обводят вокруг двора трижды, причем три раза поют ритуальную песню «Хаййа». Эта процессия в высшей степени картинна. (Подобный привод жертвенного животного имел место, например, в с. Атара в 1930-х годах на поминках Палангии Джинджал). В таком порядке вводят всех животных (после этой процессии происходит оплакивание). Половина мяса и шкура животного, по обычаю, принадлежит тому, кто приводит[2].

Вместе с жертвенным животным во двор вносили ритуальные древовидные свечи (длиной до 1 м) – ашьамаҟа[3]. К её ветвям прикреплялись свечки.

За поминальной трапезой произносилось 6-8 обязательных тостов (стаканов вина) и далее застолье направлялось опытным тамадой. После окончания трапезы все расходились. Оставались только те, кто хотел провести ночь у аншьан и принять участие в

---

[1] Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии... С.197–198. По сообщениям абхазов–цебельдинцев, проживающих в Турции, во время траура, у дверей дома семьи, постигшей горе, вывешивался кнут. В случае смерти единственного наследника семьи, столбы дома снизу доверху опоясывались чёрными лентами; если умирал любой другой член семьи, материей обвязывалась только верхняя часть крыльца.

[2] Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии...С.89, 91.

[1] Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии... С.86

[2] Там же.

[3] Малия Е.М. Древо–Свечи в поминальной обрядности абхазов // Кавказ: история, культура, традиции, языки... С. 240 – 153. Древовидная свеча приравнивалась по значению жертвенному быку. В основе же приношения древа – свечи на поминки лежала вера людей в продолжение жизни в ином мире, т.е. она была символом «древа жизни». Надо полагать, что приношение древовидных свечей на поминках усопших у абхазов является отголоском некогда существовавшего у них культа священных рощ и деревьев.

ачапшьара[1], особенно молодежь (сейчас ночные бдения уже не проводятся, в основном бдят молодые по случаю смерти молодого).

В день поминок аншьан оплакивали дальние родственники и друзья, для остальных оплакивание аншьан с 30-х–40-х годов XX века стало необязательным (соседи же и близкие родственники оплакивали аншьан накануне поминок). На следующий после поминок день, обычно в полдень, аншьан убирали. Вещи умершего раздавали близким родственникам. Если не было таковых, то они сжигались. Траурное одеяние родственниц также должно было сожжено. Каждая женщина, носившая траур, обязана была после больших поминок где-либо в углу усадьбы поджечь его. «Иначе оно могло навлечь новое несчастье»[2].

На годовщину приглашалась дальняя и близкая родня из ближних и дальних сел. Обычай требовал, чтобы на поминках присутствовали все односельчане покойника, в том числе могли быть и дети. Соседи и родственники, которые варили мясо и мамалыгу, с утра принимались за работу. Когда закалывали жертвенное животное, говорили: «Да пошлет его Бог в твою пользу на том свете!».

Обычно до полудня, близкие родственники посещали могилу умершего. После их прибытия с кладбища все присутствующие на поминках приглашаются к омовению рук, а затем в помещение, где установлен стол с предназначенными для души покойного яствами. Здесь каждый берет со стола кусочек воска, кладет на горящие головешки, т. е. происходит окуривание с пищи. Наконец, все направляются к накрытым столам для поминовения памяти усопшего.

---

[1] Ачапшьара (ачапшьара) – ночные бдения у постели больного или манекена (аншьан) умершего.

[2] Малия Е.М. Древо–Свечи в поминальной обрядности абхазов... С.252.

Поминальный стол накрывается под навесом. В отличие от прошлого, когда женщины и мужчины усаживались раздельно, теперь на поминках их сажают за один стол, но не рядом, а друг против друга.

После трапезы на поминках начинались спортивные состязания, не уступавшие европейским рыцарским турнирам. В прошлом, по объяснению абжуйцев, на поминках только знатных особ – дворян и князей – проводили игру «акиан» (акьан), которая заключалась в следующем: длинный шест диаметром в 2-3 вершка (9-12 см) местами выдалбливался, полученные углубления заполнялись сухим взрывчатым веществом – порохом или серой. Шест устанавливался на подставку – ножку. В верхней части шеста горизонтально укреплялся деревянный крест, в центре которого на стержне фигурка птицы. К концам креста прикреплялись «роскошные кисеты (ақьаса) и платки». К шесту прикреплялись свечи в виде веток. Под конец апсхура искусными стрелками сбивались птица и другие предметы, которые становились добычею тех, кто их сбил. Кто попадал в цель первым получал и одежду умершего. После этого «акиан» поджигали и, пока он горел, время от времени раздавались взрывы[1]. Особой же популярностью на поминках пользовались скачки «атарчей» (атарчеи). Вообще же на поминках, где предполагалось устроить скачки, оповещали об этом за 2 месяца, чтобы дать возможность подготовить скаковых лошадей. Зачастую призы бывали довольно большими, но участников манили не столько призы, сколько слава. По данным Ш.Д. Инал–ипа, подобные поминальные скачки были проведены в 1960-е годы в сс. Атара и Арасадзых[2]. На поминках в большом почете были также джигитовка, бега взапуски молодых людей, стрельба в цель, метания камней и соревнования в прыжках[3].

---

[1] Джанашиа Н. С. Статьи... С. 87–88.

[2] Инал-Ипа Ш.Д. Абхазы... С. 671.

[3] У многих народов погребальные торжества сопровождались традиционными состязаниями. Такие игры, по А. П. Окладникову, символизировали противоборство между зимой и летом, доб-

И в настоящее время похоронный цикл строится из обряда оплакивания, подготовки к похоронам, поминок, ношения траура и связанных с ним обрядов, годовых поминок. Традиция помощи семье умершего теперь выражается в основном в денежном подношении в суммах от 100 и более рублей, в зависимости от степени родства. Выделяется человек, составляющий поименный список, где указываются внесенные суммы. Вместо коня усопшего сейчас в день похорон иногда можно увидеть легковую автомашину под черным покрывалом. Принятый ранее обряд с приводом жертвенных животных в годовщину явление редкое. На похоронах теперь можно наблюдать картину, когда люди, давно не видевшие друг друга, целуются, что не полагалось в прошлом. По словам старожил, в Абжуйской Абхазии мегрельские переселенцы с 40-х годов XX века приносили на похороны цветы, и абхазы стали придерживаться этой традиции (подобная традиция, однако, является скорее общекультурной, т.е. присущей всем народам). Ныне, как правило, на похоронах звучит траурная мелодия, записанная на магнитофонную ленту. С 40-х годов XX века в знак траура стали носить на груди мини-фотографию покойного. Большинство женщин, особенно молодые вдовы, носят траур не менее 3-4 лет. Поминальный стол, как и свадебный, стал более разнообразнее по числу подаваемых блюд и напитков. Значительно больше, чем полагалось, на поминках распивается вина. Обряд аншьан теперь выполняется лишь при приезде родствен-

рого начала вселенной против злых ее сил, вместе с тем, считалось, что они сопутствовали человеку в критический переломный момент его судьбы в качестве незримых покровителей общины, охранителей ее благополучия (Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. – Л. 1970. Ч.2. С. 105,107). У абхазов состязания на поминках были весьма широко распространены. Состязательные игры широко бытовали и в составе свадебного обряда абхазов. Об этом сообщают Ш.Д. Инал-Ипа, Н.С. Джанашиа, О.В. Вахания, И.А. Аджинджал и др. Приведенные данные дают основание считать, что через подобные состязания прослеживается связь между календарной и поминально-свадебной обрядностью абхазов.

ника, отсутствовавшего на похоронах. Отходом от религиозных норм является также создание совместных кладбищ.

Выполнение похоронных и поминальных обрядов считались и считаются необходимым знаком уважения к памяти покойного. К сожалению, в наши дни похоронные и поминальные трапезы принимают характер скорее соревновательный, чем содержательный, служат демонстрацией определенного престижа семьи, фамилии и т.д. Абжуйские старожилы, оценивая современные похороны, с укором говорят, что раньше на похоронах и поминках, не перепивали, т. е. придерживались традиционного числа стаканов.

ГЛАВА VIII. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

§ 1. Религиозные верования и культы

Археологические и письменные данные свидетельствуют о синкретизме у абхазов, т.е. своеобразном совмещении традиционных (дохристианских) культов, православного христианства и мусульманства (с конца XVIII в.).

Абхазский этнограф середины XIX в. С. Т. Званба справедливо писал, что «за исключением владетельного дома, коего члены исповедуют православную веру, весьма немногая часть народонаселения Абхазии считается христианами и очень ограниченное число жителей её признают себя магометанами: остальные же все язычники»[1].

В Абжуйской Абхазии, согласно письменным источникам и полевым материалам, имелся ряд культов, родовых и общинных божеств. В ранние периоды освоения этой территории их было, очевидно, значительно больше: каждое поселение имело свой культовый центр и свое божество (имя которого не произносилось и с течением времени стиралось из памяти). Абхаз поклонялся не только общеабхазским божествам, но и личному, семейному, родовому божествам, а также божествам данной местности, покровителю текущего года и т. д. Не случайно Н. С. Джанашиа

[1] Званба С.Т. Абхазские этнографические этюды... С.31.

писал, что «благодаря множеству богов, вся жизнь абхазов – сплошное, непрерывное моление и жертвоприношение богам»[1]. Следует отметить обилие действующих святилищ (аныха) и почитаемых мест в исследуемом районе еще в XIX в., а в некоторых местах – вплоть до 50–х гг. XX в.

Культовые места были приурочены к рощам или отдельным деревьям, камням. В с. Ткуарчал, местность под названием Абаажә, где в прошлом была буковая роща, ещё до середины XX в. служила объектом поклонения местного населения. У подножья «священного» дерева жгли свечи, оставляли серебряные монеты[2]. В районе Скурчи до настоящего времени сохранились следы языческих святилищ. По утверждению старожил, Скурча была местом клятв и проклятий, посылаемых на головы недругов. В настоящее время здесь сохранились развалины одной зальной церкви (а по некоторым новым сведениям и второй)[3].

Мы не располагаем данными, каким именно божествам были посвящены эти святилища. Но за одним из святилищ сохранилось название местности его нахождения – О(А)лагуанра. Построенный здесь храм (около X века) назывался тем же именем[4].

На той же карте, такое же место поклонения отмечается и в районе совр. Бабышьиры. Здесь указаны три храма.

На месте храма Мармал-абаа было святилище морского божества Ага-ныха. Недалеко от него абхазы совершали жертвоприношения Богу морского ветра – Апшаныхуара (Аԥшаныхәара), а там, где находилось селище рода Маланиа, было местом произнесения молитвы– песни в честь Афы – Бога грома и молнии[5]. С

[1] Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии...С.23.
[2] Акаба Л.Х. О некоторых религиозных пережитках у абхазов // Современное абхазское село. – Тб. 1967. С. 32.
[3] Маан О.В. О некоторых местах поклонения святым у абхазов // XLIV итоговая научная сессия АБИГИ. Тезисы докладов. – Сухум. 2000. С. 18–20.
[4] См. «Карту памятников материальной культуры Абхазской АССР». Сост. И.Е. Адзинба, черт. В.И. Патарая. 1939 г.
[5] Инал-Ипа Ш.Д. О топонимике Очамчирского района. Приложение. См. также карту в кн.: Маан О.В. Очерки истории и культуры населения низовьев реки Кодор... С. 83.

древнейшими религиозными представлениями связаны найденные в Абжуа бронзовые фаллические фигурки, а также бронзовые скульптурки быков и баранов[1]. Местом поклонения считалась река Тоумыш и русло Малого Кодора, где, согласно местным преданиям, обитала мать вод – Дзызлан[2]. Население поддерживало берега рек в чистоте и опрятности.

Как известно, христианские храмы в раннем средневековье, в основном, сооружались в священных местах. В этой связи интересна найденная возле Драндского собора в 1936 году скульптурная голова быка конца V – первой половины VI века[3]. По существующему же в литературе мнению, «выбор места для постройки собора пока объяснить трудно – у нас нет никаких данных о существовании там в тот период какого-либо населенного пункта. Не исключено, что...место для создания нового христианского центра подобрали тихое, безлюдное и, вместе с тем, заметное, вознесенное высоко над обрывом в сторону Кодора»[4]. Однако, Драндский собор, надо полагать, был возведен на древнем, почитаемом месте, имевшем религиозное значение (видимо, имело значение и то, что эта местность хорошо просматривалась мореходами).Об этом может свидетельствовать название села с северо

[1] Бронзовые скульптурки баранов должны передавать тотемические воззрения первобытнообщинной эпохи создания родового общества. Изображения тотема члены рода обычно хранили в доме (напр. у очага), в святых местах рода; тотемические символы носили на одежде или рисовались на посуде и т.д. Баран являлся символом плодородия и материального благополучия. Скульптурки быков также являются отображением тотемического религиозного верования и происшедшего от него культа быка, а в древнейшее время бык являлся у абхазов одним из тотемов.
[2] Гулиа Д.И. Сочинения. Т. 4...С.107. Абжуйцы подчеркивали также имена двух лиц, имевших особую власть на Дзызлан – Мустафы Хаджглеипа и Мустафы Инал-ипа. У них у обоих Дзызлан, «оказывается, находилась в услужении» (Джанашиа Н.С. Статьи... С.63).
[3] Хрушкова Л.Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии...С.39.
[4] Воронов Ю.Н. Колхида на рубеже средневековья. – Сухум. 1998. С. 171–172.

– запада перед храмом – Пшап (Ԥшьаԥ), что в переводе с абх.яз. означает "перед освященным, святым" местом (от "аԥшьа" – "святыня" и "ԥы" – "перед, впереди"),[1]

В древности на побережье Западного Кавказа, как известно, был распространен культ божества Кодош. Исторически у прибрежных абхазов и черкесов он обитал в святых местах, в посвященных ему рощах, на отдельных деревьях, а также в прибрежных реках и море. Название «Кодош», как и другие его названия: «Кодос», «Кодозски залив», «Кодох», приводимые К. Главани, М. Пейсонелем, С. Броневским, как видно, близко к названию Кодор. Интересное сообщение приводит в своей «Истории Понта» М. Медичи, совершивший в начале XIX века объезд восточного побережья Черного моря: «…прежде река Кодош служила границей Абазгии и Мегрелии, которая в древности называлась Коракс.

Здесь, говорят, находится огромное дерево под названием кодош, к которому ежегодно приходили на богомолье, оказывая ему божеские почести»[2].

Если М. Медичи имел в виду низовья реки Кодор, то это явная ошибка, и справедливо, если имеется в виду современная Пицунда. Во-первых, название Кодор в прошлом носила и река, протекавшая вблизи Пицунды; во-вторых, в том же районе, по некоторым данным, зафиксирован обряд, связанный с божеством Кодош, и, наконец, на немецкой карте за 1810 год район бухты Пицунда прямо указан как «Кодос» (Koldos) (см. немецкую карту 1810 г. в настоящей работе). Что же касается нижнего течения Кодора, то мы не располагаем данными, говорящими о почитании этого божества жителями этого района. Однако следует заметить, что сведения и представления об этом божестве имели, например, жители с. Тамыш (устн. сообщ. этнографа Л. Х. Акаба).

---

[1] Маан О.В. О некоторых местах поклонения святым… С. 19–20. См. также: Кварчия В.Е. Современная и историческая топонимия Абхазии… С. 232.

[2] Меликсет-Беков Л.М. Pontica Transcaucasica Ethnuca. По данным Миная Медечи от 1815-1819 гг. // СЭ. №2. 1950. С. 169–170.

Вплоть до недавнего времени многие фамилии в Абжуйской Абхазии (например, Джопуа, Шакая, Маршания, Амичба, Ашуба, Хаджимба и др.) совершали свои родовые культы. В 60–е годы XX в. эти моления, в отличие от прошлого, совершались уже не каждый год, а раз в три года.

Так, представители фамилии Ашуба в с. Джгиарда совершали ежегодное моление своей родовой святыне Абаа–ныха (впоследствии это моление получило название «аҟьаҟьа» или «Ашәаарҟьаҟьа»). «Моление совершалось один раз в год в конце марта. Готовили акваквары: из них 6 штук – пресных, а остальные солёные. Акваквары варили вместе, в убеждении, что пресные акваквары станут солеными, как и другие, с которыми они варятся. Женщины во время моления не только не присутствовали, но даже не имели права черпать вино из кувшина для «аҟьаҟьа». Молились мужчины, обращаясь лицом в правый угол дома. Девушки из рода Ашуба, вышедшие замуж и порвавшие связь с родовой святыней, в случае болезни должны были явиться в дом родителей, и, для избавления от болезни должны были принести в жертву святыне двухгодовалого козлёнка[1].

В районе горы Адагуа (Сахарная голова), недалеко от входа в Кодорское ущелье некогда было расположено святилище рода Джопуа – Джахашкарныха. Когда род Джопуа вынудили выселиться из тех мест, один из братьев этого рода перенес часть предмета культа в пос. Аймара с. Члоу. Местом моления выбрали живописную поляну в районе Двабского ущелья.

За несколько дней до праздника Пасхи окрестности святыни и единственную тропу ведущую к ней, молодежь фамилии Джопуа под руководством жреца приводят в порядок. В центре поляны, площадью в 20х20 м, установлен каштановый поминальный столик (аишәа). В день Пасхи, в полдень все однофамильцы Джопуа поднимаются к месту моления. Каждая семья приносит с собой поминальные пироги с сыром и разукрашенные свечи. Когда уже все в сборе, жрец собирает все свечи, зажигает их и взяв в руки обращается к Всевышному с прсьбой о приумножении братства,

---

[1] Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии… С. 34–35.

рода, избавлении от несчастии и т. д. Присутствующие коленопреклонно, обратившись лицом к востоку, молча внемлют молельщику. После окончания моления 4-5 молодых людей взяв со стола пироги, стремительно по тропе направляются к спуску, но знающие об этом перекрывают им путь, но все же одного, двоих пропускают.

Далее молельщик, во главе присутствующих начинает ходить вокруг стола с возгласами "Гьаргьаласа о-ҳо-ҳо". Затем открывают посвященный кувшин вина. Первый тост произносит молельщик, затем остальные передают его друг другу. В прошлом кувшин с вином открывался только у подножья святыни. Далее все однофамильцы участвуют в трапезе. К святыне поднимаются и дети и женщины. Замужние женщины из рода Джопуа приносят ей жертву (?). После завершения трапезы, все спускаются к подножью святыни, где состязаются в игре в ручной мяч – аимцакиачара, в борьбе, метании камня представители рода Джопуа между собой и другими родами, живущими в пос. Аимара – Инапшба, Сангулия, Джинджал, Кварчия, Лагулаа и др. (Это моление впервые зафиксировано в 2005 г. в тезисах доклада А.И. Джопуа на XVIX итоговой научной сессии АБИГИ)

Из фамильных культов Абжуйской Абхазии заслуживает внимания аныха-ныхуа (аныха–ныҳәа или Допу-ныха) – родовая святыня фамилии Допуа. Она была известна только жителям сс. Адзюбжа и Атара. В честь этой святыни жителями в воскресенье, на масленицу, приносился в дар пирог «из вареного пшена».

В каждом доме молился, глава семьи, причем для «иконы» откладывались горсть соли и кусок восковой свечи. После моления старший из Допуа обходил дома своих братьев и забирал соль и воск – долю «иконы».

Н.С. Джанашиа писал, что эта святыня по-абхазски называется жәарақьы, и что она происходит от грузинского Звараки (жертвенное животное, древ. груз. Зуараки – Зоуараки)[1]. Тем не менее, материнская основа этого слова может оказаться абхазской, так как по признанию И. Джавахишвили, С. Джанашиа, А. Чикобава и др. в древнейших картвельских географических, этнических терминах Западной Грузии – Гурии, Раче, Аджарии, Мегрелии – наличествуют абхазо-адыгейские корни[1]. Эту святыню Допуа называли еще «Шәцьын-ныха», т.е. Суджунской иконой; Н. С. Джанашиа считает, что, вероятно, имелся в виду св. Георгий Суджунский (в Мегрелии)[2].

Являясь первоначально фамильной святыней только одного рода, Допу-ныха позднее становится святыней и других фамилий. По Н.С. Джанашиа этой святыне совершали жертвоприношение не только допуакытцы, но и все адзюбжцы[3]. Вместе с тем многие фамилии, как и Допуа, имели свои родовые святыни. Каждой из святынь первоначально, как и Допу-ныхе поклонялись только роды, которым эти «аныхи» принадлежали, но позже они стали святынями и других фамилий. Например, Цачыхур (Цачыхәыр) – Мардиани Ҭаргьалаз первоначально была «аныхой» фамилии Камкия (садзских), позже ей стали поклоняться и другие роды, в частности такие как Амзцба (Муцба), Мцвагуачаа (Дочия) и др.

По словам старожил, эта «икона» наказывала провинившуюся семью смертью преимущественно детей. Если же не было детей, то «взрослых она не трогала». Жертва ей приносилась непременно у дуба. В четверг пасхальной недели рано утром пеклись жертвенные пироги, вся фамилия Камкия шла к своему дубу, который находился там же в усадьбе. Семья становилась на колени, лицом к востоку, а глава семьи приносил в жертву «акваквар» и «пироги», «и просил великого Цачхура, благодатного Таргалаза», чтобы он простил им все их прегрешения. «Аамин», – вторила семья. Ветви дуба увешивали кусками разноцветных тканей: куски частью прибивали гвоздями, частью же прикрепляли воском. Дуб этот рубить или осквернять строго воспрещалось. В тот же день вечером уже дома жертвовали откормленного каплуна и пекли опять пироги. У некоторых сельчан в честь «Цачхура» имелись кувшины с «жертвенным вином». В старину, когда люди не так были развращены, Таргалаз, по словам Османа Камкия, ко дню жертвоприношения приводил дикого козла (самца), как

---

[1] Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии... С.25.

[1] Инал-Ипа Ш.Д. Вопросы этно-культурной истории... С.118.
[2] Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии... С.26.
[3] Там же. С.25.

Илорская икона быка. Крестьяне Камкия являлись и служителями этой «иконы». У них имелась маленькая «апацха», где обитало это божество. В пацхе на столе стояла кружка, куда опускали медные монеты[1].

Ныне, как и в прошлом, один раз в году проводится моление рода Чанба (сс. Адзюбжа, Атара) – Чанаа рныхуара (Ҷанаа рныҳәара), напоминающее моление Лейбовых в с. Мгудзырхуа (Бзыбская Абхазия). По объяснению старейшин указанной фамилии, моление посвящено Амкамгариа – божеству-покровителю скотоводства[2], в особенности, разведению буйволов. Моление это еще называется Анцәа рныҳәара – моление богам. Проводится оно весной, после Пасхи, в один из воскресных дней. Все заботы по подготовке и проведению моления возлагаются на старшего члена рода. В случае его смерти для проведения моления избирается новое лицо, который для «узаконивания своих полномочий» должен у себя в доме, в присутствии однофамильцев, помолиться за себя и пожелать себе всего хорошего. Для этого режут годичного козленка (ақыжә), готовят акваквары, мамалыгу, преемник молится о том, что он выполнит поручение, данное ему предшественником. Затем все приготовленное съедается.

За неделю до начала моления на покупку жертвенного животного – трехгодовалого козленка – хынхьаа, с чистой кровью и высокими рогами – однофамильцы собирают деньги. Место моления – грабовый лес, у священного крупного грабового дерева высотой 8-10 метров. В лесу могут находиться соседи. Но на самом молении присутствуют только однофамильцы – мужчины, допустимо присутствие детей.

Моление происходит до полудня, в 12 часов. С утра женщины пекут дома жертвенные акваквары, а также ачашә (пирог с сыром), мужчины же ведут в рощу жертвенного козленка, предварительно вымыв ему морду и ноги. Сняв головные уборы, все становятся лицом к востоку. Молельщик, взяв козленка за рог, произносит молитву, после чего разрешает его резать. Мясо варят в котле, там же в роще. Здесь же готовят мамалыгу. Односельчане приносят акваквары, ачашә, вино. Перед началом моления молельщик берет свечу, зажигает ее и прикрепляет к священному дереву. Затем, в присутствии мужчин, молельщик еще раз молится, держа в одной руке нанизанные на ореховую палочку печень и сердце, а в другой – стакан вина. Молельщик выпрашивает у Всевышнего охранять их род, имущество и скот от всякого несчастья. Все однофамильцы стоят коленопреклоненно позади молельщика. По окончании моления молельщик пьет вино и закусывает кусочками печени, сердца и хлеба, затем то же самое предлагает сделать всем присутствующим.

После обряда моления все приглашаются в рощу, где они садятся на разложенные ветки с листьями, положив на них обед, состоящий из мяса, акваквароов, мамалыги и вина. При этом отсутствующим на молении женщинам отсылают домой их долю. Оставшееся мясо вешают на священном дереве. И каждый проходящий может брать его.

В Абжуйской Абхазии некоторые другие фамильные моления также были связаны с грабом. Так, фамилия Аргун в с. Ткуарчал считало своей святыней большое грабовое дерево, росшее у подножья священной горы Лашкиндар (Лашькьындар). В ствол дерева на уровне человеческого роста была вделана доска, служившая алтарём. Молельщики клали деньги на доску, надеялись получить от святыни избавление от болезни или же от какого–либо другого несчастья[1].

Как указывалось, во многих абхазских общинах имелись «священные» места и святилища, восходящие своими корнями к культу родовых святынь. Наиболее известными из них в Юго–Восточной Абхазии являлись: Елыр–ныха – в Илорской общине, Лашкиндар–ныха – в Ткуарчальской, Киач–ныха – в Джгиардской и т.д.

Характерно, что некоторые из «святых сил», по народным представлениям, находились в родственных отношениях между собой. Так, Елыр–ныха и Псху–ныха признавались братьями, в

---

[1] Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии... С.45.

[2] Божество крупного рогатого скота в Бзыбской Абхазии называли «Скамгария».

[1] Акаба Л. Х. Исторические корни архаических ритуалов абхазов. – Сухуми. 1984. С. 35–36.

близких связях находились также Псху–ныха с Лашкиндаром. Святыня Инал–куба и Абаа–ныха в с. Джгиарда также считались «долями» или «частями» Псху–ныхи[1].

В Юго–Восточной Абхазии главным культовым центром являлся и ныне действующий храм в с. Елыр – Елыр–ныха. Церковь была построена в местности освящённой культом языческих верований местного населения, и можно предполагать, что здесь некогда могло быть архаическое святилище. По данным А. К. Кация, дубовая роща в с. Елыр считалась местом пребывания абхазского «племенного» божества «Елыр–ныха», в честь которого здесь ещё в древности совершались торжественные моления с жертвоприношениями[2].

По материалам Г.Ф. Чурсина, абхазское святилище в местности Елыр называлось "Аиларныха", что означает "общинная церковь, святыня" (от "аилар" – коллектив, община" и "ныха" – "церковь, святыня"). Согласно нашим полевым материалам, абхазское святилище располагавшееся в названной дубовой роще называлось аджра (ацьра). Когда возникали спорные вопросы гражданского и уголовного характера, тяжбующиеся шли в рощу – это называлось аджрахь агара (ацьрахь агара, т.е. нести в дубовую рощу). Позднее, когда определился характер этого места как святилища, в народе её стали называть елыр (т.е. разборка) или елыргарта (место разборки дел)[3]. У соседних сванов сохранилась древнейшая форма наименования этого святилища – Джигра, Джграг, что, по нашему мнению, является производной от абх. «аджрахь агара»[4]. Это название сваны сохранили и после того как Илорская святыня была посвящена Св. Георгию – они до сих пор Св. Георгия называют Джигра.

[1] Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии... С. 27–28.
[2] Кация А. К. Илори... С.19.
[3] Маан О.В. Храм «Елыр–ныха»// XXXVII Международный конгресс востоковедов. Тезисы докладов. – М. 2004. С. 824–825.
[4] В. Абаев, а также грузинские исследователи А. Шанидзе, А. Лекиашвили происхождение термина Джграг увязывают с картвельским этническим миром (см.: Абакелия Н. Миф и ритуал в Западной Грузии. – Тб. 1991. С. 15.).

По свидетельству И. Е. Адзинба, большой популярностью среди населения Абжуа пользовался храм Киач–ныха, расположенный в местности Чегем, на горе Панаю (на высоте 1200 м над уровнем моря). Именем Киач–ныхи проклинали преступников. Фамилия Парлия (с. Члоу) и после запустения храма приносила жертвоприношения этой иконе[1], а по данным Ш. Д. Инал–Ипа, для этой же цели представители фамилии Когония поднимались на вершину Панаю.

Археологические, письменные, этнографические и фольклорные данные свидетельствуют о том, что некогда у абхазов объектом религиозного почитания была собака. Оригинальный культ божества собаки под названием Алышкинтыр в прошлом в Абжуйской Абхазии имел широкое распространение. С этим божеством, надо полагать, был связан Лашкиндарский храм раннесредневекового времени, воздвигнутый в с. Ткуарчал. На фронтоне храма сохранилось рельефное изображение двух животных, напоминающих собак, стоящих друг против друга. По мнению Ю.Н. Воронова, у входа в храм изображены львы или барсы[2]. В то же время, Лашкиндарский храм, как видно, носит аналогичное абхазское имя покровителя собак – Алышкинтыра. По-видимому, Лашкиндарский храм был воздвигнут на месте древнеабхазского (апсильского) святилища, связанного с культом собаки[3]. По сви-

[1] Адзинба И. Е. Архитектурные памятники Абхазии... С. 91–92.
[2] Воронов Ю.Н. В мире архитектурных памятников Абхазии... С. 127, 129.
[3] По мнению Вяч. Вс. Иванова, «двойное изображение абхазского божества Алышкьы / н / тыр в виде двух соединённых друг с другом собак в храме близ Ткварчели, как и другие двойные изображения собаки в древностях Кавказа, представляется возможным сравнить с двойными изображениями, которые связываются с волчьими символами в древнегерманском искусстве» (Иванов Вяч. Вс. Сходные черты в культе волка на Кавказе, в древней Малой Азии и на Балканах // Всесоюзная научная конференция. Тезисы докладов. – Тб. 1975. С. 10). В традиционной культуре абхазов считается, что в собаке течёт человеческая кровь. Согласно абхазским материалам, после создания Богом первого человека, лошади поняли, что это существо будет ездить на них верхом. И вот та-

детельству старожила Сулеймана Аршба, он помнил, как его однофамильцы, во главе с его дедом, совершали молебствия в честь Алышкинтыра накануне отправления стад в горы и вскоре же после их благополучного возвращения домой. Совершалось оно в определённом месте, ещё недавно считавшемся освящённым, а окрестные жители давали там очистительные клятвы[1].

Приведённые выше данные свидетельствуют о том, что дохристианские верования, имевшие у абжуйских абхазов широкое распространение, в реликтовом виде сохранялись среди них вплоть до недавнего времени. И официальная христианская идеология, которая, как было указано, в качестве общенародной религии была принята в Абхазии в первой половине VI в., так и не сумев искоренить среди абхазов древних народных воззрений, мирно сосуществовала с ней. Вместе с тем, обращает на себя внимание тот факт, что в Северо-Западной (Бзыбской) Абхазии языческие верования оказались наиболее развитыми и живучими, с преобладанием количества молитвенных мест, где и сегодня можно ещё обнаружить следы или воспоминания о наиболее древних языческих святилищах. В Юго-Восточной, в частности, в Абжуйской Абхазии, многие, очевидно, наиболее ранние святилища исчезли с лица земли, не оставив о себе никаких воспоминаний. Это можно объяснить, по-видимому, тем, что, во-первых, в Абжуа воспоминания о древних культах с течением времени

бун мчится на первого человека, совершенно безоружного, чтобы растоптать его копытами» (Близкий сюжет есть у сванов, где в охотничьем эпосе стадо туров растоптало охотника–свана). Тогда человек вырвал из своего бедра кусок мяса и кинул его в табун. Эта плоть человека на лету превратилась в собаку, которая встала на пути лошадей и лаем отогнала их. Положительное отношение к собаке и волку – универсалия абхазской культуры. «Он силён как волк», – говорят о человеке большой физической силы. Встретить на пути волка или собаку считается хорошей приметой» (Чеснов Я. В. Молодые мужчины в традиционном абхазском обществе. Газ. «Алашара». Вестник Московского общества абхазской культуры «Нартаа». Январь 1991г.).

[1] Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства и культуры... С.125–126; Земледелие и скотоводство у абхазов... С.166.

стёрлись из памяти: во-вторых, не исключено, что в Бзыбской Абхазии языческие божества имеют более позднее происхождение, и в-третьих, тем, что в Абжуйской Абхазии, больше, нежели в Бзыбской Абхазии, влияние имела христианская идеология, хотя именно на северо-западе страны впервые начинает распространяться христианство (представители религиозных центров Пицунды и Анакопии в ранге епископов присутствовали на Вселенских соборах, начиная с Никейского, 325г.).

Ещё в первой половине XVII в. абжуйские абхазы официально считали себя православными христианами. Об этом свидетельствует итальянский монах Жан де Люк, который в 1625г. посетил правителя Юго-Восточной Абхазии Путо Чачба (Шервашидзе, резиденция которого находилась в Сухуме). Во время этого визита он, в частности, узнал, что князь христианин (даже показал гостю носимый им нательный крест) и что весь его народ, по его свидетельству, – христиане[1]. Однако в рассматриваемый период происходило постепенное искоренение христианства (с чем было связано и оживление дохристианских религиозных верований), что в условиях активизации политических и культурных контактов Абхазии с Османской империей на протяжении XVI-XVII вв. было вполне закономерным явлением и попытки отдельных представителей высшего сословия задержать этот процесс не могли иметь успеха. Первое же свидетельство об абхазских мусульманах относится уже к 40-м годам XVII в., когда здесь побывал турецкий географ и историк Эвл. Челеби. В своей «Книге путешествий» он сообщает, что у абхазов «есть мечеть» и среди них «много мусульман»[2]. Распространение мусульманства суннитского толка в тот период имело место, главным образом, среди представителей высшего сословия, связанных с турками. Что касается остальных сословий, «то они в своей массе были равнодушны к новой религии, особенно в южных частях стра-

[1] Цит. по: Инал-Ипа Ш.Д. Ступени к исторической действительности... С. 38.

[2] Очерки истории Абхазской АССР. Ч. 1... С. 125; История Абхазии... С.129.

ны»[1]. Следует вместе с тем отметить, что активная проповедническая деятельность турецких мулл в Абхазии не прекращалась вплоть до X1X в., а в некоторых местах страны, она продолжалась даже до самого конца X1X в. (причём, муллами иногда являлись сами абхазы, общавшиеся с народом на родном языке). В то же время, влияние мулл и вообще мусульманства не везде было одинаковым. В сёлах, прилегавших к большим христианским храмам – Бедиа, Елыр, Моква более заметным было влияние христианства. В предгорных же и горных сёлах – Джгиарда, Члоу, Дал, Цабал, – преобладание получило мусульманство. В сс. Джгиарда, Члоу, например, были построены маленькие деревянные мечети (аҵьаама), в которых по пятницам происходили публичные молитвы[2]. О количестве абхазов, к середине X1X в. подвергшихся исламизации, свидетельствуют статистические материалы того периода. Так, из общего числа населения Абхазии по округам в 1855 г., в Абжуйском округе при общей численности населения 32202 чел., христиан было 12202 чел., тогда как мусульман насчитывалось 20000 чел. В Бзыбском округе наблюдалась обратная картина – из 23769 чел. общего количества населения округа, христиан было 20969, мусульман – 2800 человек[3]. Однако, принятие абхазами мусульманства, как правило, носило чисто внешний характер, и местное население очень слабо придерживалось ритуально-обрядовых установлений ислама. Кроме того, в Абхазии мусульманство, в отличие от христианства, не оставило следов материальной культуры в виде мечетей и других построек.

После присоединения Абхазии к России, принимаются активные меры к восстановлению христианства в Абхазии.

По сообщению П. Зубова, если в Абхазии в 1835 г. во всех общинах было по одной церкви, то в общинах Юго–Восточной Абхазии – Саберийской – с. Саберио, Окумской – с. Окум и Адзюбжской общине – с. Адзюбжа было по две церкви и по два священника[1].

[1] Анчабадзе З.В. Очерк этнической истории абхазского народа... С.74.
[2] Инал-Ипа Ш.Д. Абхазы... С.583.
[3] Цвижба Л.И. Этно-демографические процессы... С.71.

В 1854 г., церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы была выстроена в с. Кутол. В 1856 г. в с. Адзюбжа была построена Церковь Рождества Богоматери. Были выстроены также церкви в с. Эшкыт – во имя Рождества Пресвятой Богродицы, а в Тамыше – во имя Святителя Николая[2].

Обращение абхазов, и в частности абжуйцев, в православную веру, можно сказать, имело массовый характер. По свидетельству К. Д. Мачавариани «с назначением генерала Геймана в качестве начальника Сухумского округа началось в Абхазии обращение туземцев в православие». Генерал Гейман и сухумский епископ «снаряжают экспедицию, состоящую из казачьего отряда, священников и гражданских чинов в абхазские сёла. Там казачья цепь окружала абхазов, и начиналось насильственное крещение, причём с обеих сторон предварительно пускалось в ход оружие; вновь обращённые в православные через час с проклятиями по адресу властей духовных и военных бежали к реке обмывать святое миро. Такая «крещенская» экспедиция в особенности отличалась в сёлах Джгерда и Чилоу»[3].

О количестве абхазов, главным образом абжуйцев, обращённых в христианство, свидетельствует отчёт «Общества восстановления православного христианства на Кавказе» о численности христиан в сёлах, в которых функционировали церкви в 1866–1868 гг.

	Сёла	1866 г.	1868 г.	Сколько прибавилось
1.	Эшкыт	468	600	132

[1] Зубов П. Картина Кавказского края. Кн. II. Ч. VII. – СПб. 1835. С. 266.
[2] Чачхалиа Д. К. Абхазская православная церковь. Хроника. Прибавления. – М. 1997. С. 32.
[3] Басария С. П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении... С. 63.

2.	Моква	499	887	438
3.	Тамыш	854	1149	295
4.	Адзюбжа	1011	1035	24
5.	Атара	308	349	41
6.	Кутол	883	916	33
7.	Елыр	692	1061	369
8.	Пакуаш	240	941	701
9.	Лыхны	667	1896	1229
10.	Аацы	204	494	290
11.	Мазыхуа	225	296	71
12.	Дурипш	50	742	692
13.	Бачкыт	113	452	339
Всего		6164	11218	5054[1]

Календарные обычаи и обряды. Обычаи и обряды годичного цикла связаны с трудовой деятельностью, материальным производством, являются своеобразным отражением социально-политической, историко-культурной, этнической и духовной жизни народа на различных этапах его развития. Неся на себе печать этнической специфики, они в то же время отражают общность человеческой культуры, влияние культурных контактов, связей.

Отправление календарных культовых обрядов в Абжуа, как и в целом в Абхазии, начиналось с приближением весенних полевых работ. По времени этот период совпадал с празднованием самого большого церковного праздника – праздника св. Пасхи. Приступая к пахоте и посеву, пытаясь благотворно повлиять на весь ход полевых работ, на рост и созревание посеянных культур, абжуйцы в эту пору выполняли ряд религиозно-магических обрядов. В Великий четверг на поле совершали моление с жертвоприношением богине плодородия Джадже. Обязательным блюдом ритуального обеда была тыква[2]. Перед прополкой посевов зерновых совершалось моление покровителю посевов Анапа-наге с

[1] См.: Смыр Г. В. Религиозные верования и свободомыслие... С. 287.
[2] Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии... С.35.

просьбой о ниспослании обильного урожая. В понедельник первой недели Великого поста устраивалось моление покровителю домашних животных (коров) и птиц Жвабрану (Жәабран). Первое же по очередности жертвоприношение совершалось в честь божества коз и овец – Джабран (Цьабран). Обряд заключался в следующем. Пекли из кукурузной муки чурек в очаге (тесто, обернутое в листья рододендрона, клали прямо на горячие угли). Хозяйка обмазывала ветку мелкого ореха тестом и, размахивая ею во все стороны, трижды восклицала: «ООВЦ! ООВЦ! ООВЦ!», что означало просьбу о приумножении стада крупного рогатого скота. Затем она снова обращалась к божеству скота Жвабрану с мольбой оберегать скот, птицу от болезней, давать много мяса, яиц, шкур, шерсти и перьев[1]. Проводились также моления покровителю крупного рогатого скота – Аитару (Аитарныҳәа); Амзаныхуа (Амзаныҳәа) – моление луне; божеству лесов – Абна-инцаху (Абна инцәахә); покровителю охоты – Ажвейпшаа (Ажәеипшьаа), божеству оспы – Золотой Зосхан (Ахьы Зосҳан) и др. – цели и значение которых всегда были одними и теми же: увеличить приплод скота, уберечь его от болезней и падения, от хищных зверей и кражи, повысить плодородие почвы и урожай.

В эти же дни (по мнению одних старожил в ночь перед «байоба», а, по мнению других, в среду вечером на страстной неделе) совершался магический обряд обвязывания ног шерстяной ниткой[2]. По окончании обряда, старая женщина брала котел (ақәаб), в котором лежали белые камни, собранные специально для обряда. При встряхивании котла издавался звук, который образно называли гиар-гиар (гьар-гьар), отчего происходит и название обряда – Куабгиаргиар (Қәабгьаргьар). Услышав эти звуки, члены семьи, каждый, пританцовывая, подхватив свой котел, выходил во двор. К ним присоединялись соседи – это переходило в массовое гуляние с состязаниями в песнях и танцах. Иной раз веселье продолжалось до утра. Обряд Куабгиаргиар, по всей вероятности, восходит к далекой древности, когда полагали, что шум и массо-

[1] Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии...С.96.
[2] Джанашиа Н. С. Статьи...С.33.

вое веселье обладает магией плодородия, способствует дружным всходам посева.

Утро страстного четверга считалось днем сбора лекарственных трав. К сбору трав приступали только после жертвоприношения царице земли – Адгил дедопал – владычице места. Ей жертвовали курицу «посвященную земле» – Адгилху (Адгьылхә). Выкопав ямку, в нее бросали щепотку соли и, засыпав ее землей, произносили про себя: «Адгил дедопал, мы тебе дали (возвратили) твою долю»[1] («Адгил дедопал, быхә баҳҭеит»). По окончании сбора, женщины молча, не оглядываясь, возвращались домой.

В воскресенье, за две недели до Пасхи, сельчане украшали свои жилища первыми весенними цветами; это воскресенье называлось «айоба». С этого дня разрешалось устраивать игрища. Следующее воскресенье – вербное («байоба», от названия цветка «абаиа», абх. «амарч» – лютик) было посвящено сбору этого цветка, которым разукрашивались жилища[2]. Подобные обряды, обнаруживающиеся в этнографии многих народов мира, были направлены на возрождение весенней природы, повышение плодородия земли и получение обильного урожая.

Особо пышно праздновался христианский праздник Пасха. Празднество начиналось за две недели до Пасхи и продолжалось ровно три недели. За все это время, согласно обычаю, не разрешались никакие полевые работы, разве что сеяли хлопок, и сажали огород. Амшап – абхазское название Пасхи, может служить иллюстрацией тому, как духовенство, стремясь утвердить христианскую религию, механически пристегивало к своему календарю праздники народного календаря. Амшап в переводе на русский язык, по Н.С. Джанашиа, означает «назначенный день». Но, тем не менее, именно этим днем служители церкви назвали Пасху. У абхазов, как полагал Н.С. Джанашиа, празднества Амшап начинались за две недели до Пасхи, в то время как в христианском мире за семь недель до Пасхи постились (соблюдали Великий пост), в течение которого верующим запрещались всякого рода праздники и увеселения, то у абхазов за две недели перед Пасхой начиналось веселье. По сведениям же П. Чарая в течение 16 дней до праздника, люди держали пост – не пили вина, старались духовно очиститься. За три дня начиналось отпущение грехов[1]. В ночь, накануне, все село собиралось во главе со старейшиной и направлялось к священному дубу. Старейшина перед началом моления набрасывал на себя бурку, чтобы его никто не видел, а народ, сначала женщины, потом мужчины, подходил к священному дубу, целовали кинжал и втыкали его в дерево. Затем молились, после чего исповедовались старейшине. Старейшина раздавал каждому по кусочку священного воска.

Празднование Пасхи преображало будничный облик села. В этот день о насущных хозяйственных делах старались не говорить. Абхазам не знакомо приветствие «Христос Воскресе». При встрече на пасхальной неделе целовались – и один говорил: «Да удостоит нас Бог и в будущем году счастливо увидеть друг друга!», на что другой отвечал: «И сотню лет!»[2] («Многие лета!» – О. М.).

За неделю до Пасхи выбирали животину, предназначенную для заклания на Пасху, и держали в специально огороженном месте. К Пасхе заранее собирались яйца, количество которых обычно доходило до ста. Для крашения яиц доставляли краску – ақырдуаг. В день Пасхи рано утром шли на могилы покойников, где оставляли крашеные яйца, всякую еду и зажигали свечи (за исключением мусульман). Так как своих покойников каждая семья хоронила вблизи своих жилищ, на любимых покойниками местах, а могилы были разбросаны по всему селу, то все село покрывалось огнями свеч. Отдельные абжуйские фамилии, у которых были установлены пасхальные жертвоприношения, приносили на одну из могил своих покойников жареную овцу, туша которой тут же разрезалась на части, поедалась и запивалась вином.

---

[1] Джанашиа Н.С. Абхазцы // Журн. «Моамбе». № 7. 1897. С.47 (на груз. яз.).
[2] Джанашиа Н.С. Статьи... С.33.

---

[1] Джавахишвили И.А. История грузинского народа. – Тб. 1951. С. 95 (на груз. яз.).
[2] Джанашиа Н. С. Статьи... С. 37.

В день Пасхи популярным был храмовый праздник в церквах, где проводился крестный ход, церковный хор исполнял религиозные песни (имелись и специальные звонари). Считалось желательным участие в празднике всех взрослых жителей, за исключением больных.

Рано утром, после возвращения из церкви, устраивалось «моление богам» Анцва рныхуара (Анцәа рныҳәара) или Анцваху (Анцәахә) – с целью уберечь семью и скот от болезней. Причем это «моление богу» обязаны были совершить в Абжуа и христиане и магометане. Моление совершал старший в присутствии всех членов семьи, а жертвенным животным являлся трехгодовалый холощеный козел (в большинстве семьей женщинам не разрешалось есть мясо жертвенного животного). Варили мясо, пекли пирог с сыром и зажигали восковую свечу. Перед молением старший открывал винный кувшин – аҳапшьа – подносил к горловине его мясо, пирог, зажженную свечу и просил Всевышнего охранять всех членов семьи, скот и птицу от всех невзгод.

В тот же день одновременно с Анцәахә приносили жертву и Елыр-ныхе. Эти два божества в понятии верующего абхаза были идентичными. К. Цагурия удивлялся, какое может быть правосудие у русских, раз они не обращаются к Илорской иконе. «Это мнение, – пишет Н.С. Джанашиа, – являлось общим для абхазов»[1]. Порядок же жертвоприношений Елыр-ныхе был такой же, как и при молении богам – Анцәахә. Этот обряд через определенный промежуток времени справлялся и в лесу. У многих абжуйцев, имелись коровы, посвященные Илорской иконе[2].

На второй день Пасхи устраивали моление усопшим – аишаргылара (аишәаргылара). По народным представлениям умершие предки способствовали нормальному функционированию всей жизни общины, почему связь с ними полагалось регулярно обновлять по праздникам. Поэтому день усопших справляли несколько раз в году (во второй день Пасхи, в день Петра и Павла, в Успенье, на Рождество Христово). Один из таких праздников, как уже отмечалось, проводился в начале весны, что совпадало с на-

[1] Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии... С. 38.
[2] Там же.

чалом весенних полевых работ и отгоном скота на горные пастбища. А другой праздник, посвященный усопшим, совпадал по времени с уборкой урожая зерновых культур (примерно середина июля).

К Пасхе проводились состязания по борьбе, метанию камней, джигитовке, в танцах и пении, игре в мяч. В женскую Пасху (первую после Пасхи воскресенье) наиболее популярными были скачки и состязания лошадей в беге[1]. О широком бытовании состязательных игр на весенних праздниках абхазов говорят и другие авторы[2]. Ряд этнологов видят в такого вида состязаниях отголосок культа плодородия, древнего аграрно-магического ритуала, символизировавшего противоборство зимы и лета[3].

Накануне дня Успенья Богородицы (Нанҳәа), совпадающего с завершением летних работ и началом осенней страды, абжуйцы старались установить обереги, способные по их представлениям

[1] Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии... С.45.
[2] Басария С.П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношениях. – Сухум-кале. 1923. С. 70; Вахания О.В. Абхазские народные игры. – Сухуми. 1959. С. 86; Reineggs J.Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. – Bd.II. München. 1797. С. 432.
[3] Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. 2...С. 107; Покровская Л.В. Земледельческая обрядность // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. – М. 1983. С. 49; Фрэзер Дж. Золотая ветвь. – М. 1980. С. 354. По мнению В.Г. Ардзинба в древности подобные состязания «имели функцию стимуляции и регенерации продуктивных сил космоса в критические периоды жизни... прежде всего весной (Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. – М. 1982. С.80). На связь таких состязаний у абхазов с земледелием указывает также то, что накануне праздничных скачек готовились лепешки из кукурузной муки «аквакар», после чего совершали моления за успех скакуна и его седока (Аджинджал И.А. Обычаи в дореволюционной Абхазии. Архив АИЯЛИ. Рукопись сгорела во время пожара в АИЯЛИ в 1992 г.); Маан О.В., Горбунов Б.В. Традиционные состязательные игры абхазов // Журн. «Аказара» («Искусство»). 1. 1998 г. С. 8–10. (на абх.яз.).

отвести от людей порчу, сглаз и пр. Для предохранения от злых духов к волосам прилепляли кусочки воска, на ворота каждого дома на жердь из крушины вешали череп лошади, так как считалось, что лошадиный череп оберегает человека и его хозяйство от дурного глаза и злых духов. По другим сведениям от сглаза на ворота каждого дома вешали крест-накрест ветки крушины.

Как и у многих народов мира, у абхазов для очищения от дурного глаза считалось важным прикоснуться к пламени огня. Отсюда, очевидно, и произошел обычай перепрыгивать через костер. Костры разжигались во дворе каждого дома вечером 14 августа. Жгли обычно лен, коноплю или папоротник. В огонь бросали соль. Полагалось перепрыгнуть через костер (даже детям, неспособным еще самим перепрыгнуть, помогали родители). Когда соль начинала стрелять, начинали бить по костру палкой, приговаривая: «черта сожгли». По словам старожил с. Кутол, особое магическое действие имел костёр, разведённый на развилке семи дорог[1]. Крушину снимали с ворот в первый понедельник после Нового года.

В более раннее время костры имели совершенно очевидную связь с солярным культом. С течением времени ритуал, переосмысливался, но приписывание огню очистительных свойств продолжает бытовать вплоть до настоящего времени.

В ночь на Успенье приходилось наибольшее число гаданий. К ним относились: девичье гадание «Адзархума», «Адзырюра» – слушание на перекрёстке дорог в полночь; гадая о предвещении болезни и смерти вешали ремни и пояса на верёвку на ночь. Было широко распространено девичье гадание о личном счастье с солёными хлебцами на перекрёстке «Ан(л)ымирах» и т.п.[2].

В самый день Успенья совершался обряд «Ацланыхуара» (Ацланыҳәара), т.е. «моление духу дерева», в целях предохранения детей от падения с деревьев, вымаливания благополучия в

[1] Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии... С. 66.

[2] Барцыц М.М. Судьба в системе традиционного мировосприятия абхазов // «Мосты». Сб. научных статей. Вып. I. – Сухум. 1998. С. 35.

семье, ниспослания плодородия земле, урожая[1]. Обряд совершался под священным деревом. Подростка подводили к дереву (обычно дубу). Старшая женщина приставляла левую ногу ребёнка к дереву (обязательно надо было коснуться священного дерева), а в правую руку клала акваквар. Старший в семье произносил молитву «духу дерева», прося предохранить подростков и взрослых от падения с деревьев.

В ночь перед молением «Ацланыхуара» девушки собирали полевые цветы, которые в день праздника приносили в качестве жертвоприношения: складывались у священного дерева. Затем начиналось веселье; состязания в танцах, играх. Победителям среди мужчин преподносили по одному цветку.

Во второй половине августа отмечали день усопших. На стол клали в основном дары нового урожая. Старший в доме мужчина обращался к покойникам с просьбой быть к его семье снисходительным, охранять очаг. Через некоторое время, пока «покойники насыщались едой», молельщик брал от каждого блюда по кусочку, обливал его вином (нередко приготовленным специально для этого дня из нового урожая винограда) и клал на курящийся

[1] Почитание деревьев у абхазов, как известно, было явлением широко распространенным, вплоть до начала XX века, играя важную роль в магико-религиозных обрядах, посвященных плодородию почвы и увеличению урожая зерновых, увеличению приплода скота. К священным деревьям, обладающим живительной силой и магической энергией, относились дуб, граб, самшит, рододендрон, грецкий орех, крушина, можжевельник и т.д. Кроме того, почитание отдельных деревьев, видимо, было связано и с тем, что в их дуплах (в частности, бука и липы) водились дикие пчелы. С древесным духом дерева необходимо было считаться, поскольку ему приписывалась способность насылать разные несчастия. К числу же священных и счастливых деревьев в наше время абжуйцы относит, главным образом, ясень, яблоню, черешню, грушу и орех. Из счастливых деревьев изготовляли, к примеру, различные амулеты, которые надевали на домашних животных, особенно на дойных коров и буйволиц, чтобы молния и «дурной глаз» не сразили их.

ладан и, вновь обращаясь к покойникам, просил их уйти к себе, обещая на будущий год накрыть «более обильный стол».

Ежегодно, весной и летом, проводился праздник богини пчел Анана-Гунды, чтобы пчелы хорошо роились. Для этого, по данным Г. Ф. Чурсина, абжуйцы в августе, перед постом, проводили специальный обряд. Четыре женщины пекли амгиал (чурек) прямоугольной формы, затем становились спиной по четырем углам дома и молились покровительнице пчел Анана-Гунде, чтобы она послала удачу и благополучие в пчеловодстве[1]. Число четыре в приведенном ритуале (четыре угла дома – места жертвоприношений) – это сакрально отмеченные точки пространства, где как бы происходит контакт с иным миром. Они символизируют вершины углов четырехугольной геометрической фигуры, которые лежат в основе структуры ритуального пространства. Со своей стороны, четырехугольник, как известно, является символом земли (противостоит кругу, который обычно символизирует небо), а закрепленная с четырех сторон геометрическая фигура это логическое воплощение идеи неподвижности, т. е. символ стабилизованного мира.

По другому поверью абжуйцев считалось, что, если роевня, в которую собран рой, останется на ночь под деревом, ее нельзя брать до ближайшей субботы, ибо пчелы, улетевшие за взятком, не найдут ее, а в субботу все пчелы собираются в роевне. После приведения в порядок пасеки, устраивалось моление пчелам (шьханыҳә). Готовили не менее 10 пирожков и молились. Кроме того, во время роения, примерно с начала и до конца мая или с середины мая до середины июня пчеловодам не полагалось что-либо отдавать из дома ни даром, ни за деньги[2].

Накануне Нового года, завершивший обучение кузнечному ремеслу, устраивал жертвоприношение в честь божества кузни Шашвы – моление Ажира-ныхуа (Ажьира-ныҳәа). Для этого

[1] Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии...С.93–94. При этом не исключено, что само абхазское название Успенья – Нанхуа (Нанҳәа) происходит от «Анана-Гәында лныҳәа» (моление в честь Анана-Гунды).

[2] Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии... С. 122.

ученик резал холощеного козла, затем блюдо с вареной козлятиной, тарелка с сырным чуреком ставились перед наковальней, к наковальне прикреплялась свеча[1].

Кузнец зажигал свечу, брал в руку фундуковую палку, на которую были насажены сердце, легкие и печень жертвенного животного и, обращаясь к наковальне, просил «помочь ученику в кузнечном ремесле и оградить его от всех болезней и злых духов». По завершении моления кузнец три раза ударял молотом по наковальне[2]. У отдельных фамилий Абжуа имелись специальные помещения, где проводились моления. Проводились и моления с принесением в жертву овцы за здравие детей (по сведениям некоторых информаторов, кузница могла способствовать лечению не только больных детей, но и страдающих бесплодием женщин). Многие семьи в Абжуа приносили в жертву поросенка, а фамилия Ченгелия молилась Шашвы в великий четверг и приносила в жертву постные блюда[3].

Накануне Рождества Христова проводилось моление, посвященное покровителю больных (а по некоторым данным и покровителю скота) – Анапра. Каждый член семьи молился за себя, а за семью молился старший в семье, просивший божество Анапра избавить от желудочной болезни. По завершении молитвы старший поворачивался налево, кланялся кувшину с вином, черпал из него стакан вина, выпивал его и закусывал чуреком, после чего то же самое повторяли все члены семьи. Вино, посвященное божеству Анапра, нельзя было продавать.

По завершении всех осенних работ, приступали к встрече Новогоднего праздника – Рождества Христова – важнейшей даты не только в календарном цикле, но и во всей традиционной жизни абхазов, в частности абжуйцев. Празднование Нового года про-

[1] Чочуа А.М. Избранные сочинения... С. 22; Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии... С. 68–69. Перед закланием жертвенного козла в честь божества кузни, абжуйцы обливали его холодной водой. Если животина встряхивалась и разбрызгивала воду, считалось, что она годна для заклания. В противном случае искали другого козла, предварительно посоветовавшись с знахаркой.

[2] Чочуа А. М. Избранные сочинения... С. 23.

[3] Джанашиа Н. С. Статьи... С. 72.

водилось по старому стилю 14 января наступившего года. На Новый год обязательно резали скот и устраивали обильную трапезу. Соседи и родственники обменивались краткими визитами. Принято было ловить дроздов и живьем дарить их девушкам в знак поздравления с праздником. Новый год принято было встречать непременно в кругу своей семьи, родственников. Традиция эта, соблюдавшаяся, надо полагать, в течение многих веков, очевидно, восходит к культу поклонения домашнему очагу как семейной святыне, от которой зависело благополучие и изобилие в семье. Стремление встретить приход Нового года под родительским кровом, объясняется и древним культом предков (на Новый год было принято задабривать духи умерших предков), представлением о том, что в новогоднюю ночь предки возвращаются в дом, а с их приходом вновь утверждается непрерывная связь поколений. Возможно также, что понимание особого значения новогодней ночи как времени года, когда надо быть особенно бдительным против темных сил, породило обычай не спать в эти часы.

Рано утром, в день Рождества Христова в Абжуйской Абхазии, совершали обряд жертвоприношения под названием Агуныхуа (моление сердцу), являющийся, по мнению Н.С. Джанашиа, пережитком совершавшегося под Рождество моления и жертвоприношения божеству Нового года – Шарпы-ныхуа (утреннее моление)[1]. За полночь начиналось веселье и поздравления с Новым годом. Колядовали в основном молодые люди, закутав лица в башлыки, что первоначально имело защитительное значение против черных сил (в закрывании лица, в том числе и масками, усматриваются следы культа плодородия). После поздравлений колядовщиков приглашали в дом и угощали. Большое значение придавалось их одариванию, так как благополучие семьи представлялось зависимым от обилия розданных даров (впоследствии денег). Случаи же, когда колядовщики обходили вниманием то или иное хозяйство, воспринималось хозяевами как оскорбление. Первый понедельник после Нового года считался самым счастливым днем. В этот день соблюдалось суеверие о «счастливой» и «несчастливой» ноге. Считалось, что если человек с «легкой ногой» (амшьта бзиа) первым посетит дом после Нового года (а в некоторых семьях просили соседей, нога которых считалась «легкой», рано утром посетить и освятить их), то в этой семье в течение целого года ожидалось благополучие. Поэтому каждая семья старалась, чтобы в этот день их посетил человек с «легкой ногой»[1], который, войдя во двор, обходил все строения и в попадавшиеся щели вставлял веточку фундука (обладавшего, как считалось, оберегающей и одаривавшей целебной жизненной силой) и просил оградить данную семью от сглаза и «злых духов», послать ей счастья и удачи.

Обряды, не приуроченные к определенным дням. Проводились и религиозные обряды, не приуроченные к какому-либо календарному дню, а выполнявшиеся по необходимости. К магическому действу прибегали, например, при вылавливании души утонувшего[2].

С заботами крестьян о будущем урожае были связаны обряды для вызывания дождя с молением богине водной стихии Дзиуоу. Обряд приурочивался к поздней весне и к июню-июлю. По свидетельству Н. С. Джанашиа, в конце XIX – начале XX века в некоторых сёлах Абжуа (в с. Адзюбжа) в этом обряде участвовали только дети, тогда как во многих других местах (например, по соседству с Адзюбжей в с. Атара) в устройстве Дзиуоу принимали участие и взрослые[3]. Суть обряда состояла в том, что женщины и дети, собравшись, шли к берегу реки с наряженной деревянной куклой-чучелом самого божества Дзиуоу, подходили к реке и некоторое время ходили по берегу с пением ритуальной песни, посвященной Дзиуоу: «Дзиуоу, Дзиуоу, дзарикуакуа маркылдашь. Сын владетеля жаждет воды, немного воды, дзарикуакуа мыркылдашь…» (видимо, в прошлом песня была более содержательной, с течением времени обряд потерял свое первоначальное магическое значение и превратился в детскую игру). Затем бросали в реку чучело – ритуальный эквивалент человеческой жертвы (при этом в с. Джгиарда в воду бросали также осколки

[1] Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии… С.52.

[1] Чочуа А. М. Избранные сочинения… С.27.
[2] Там же. С.25–26.
[3] Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии… С.63.

разбитого молнией дерева). После этого со смехом (приносившим, по поверью, полям плодородие) начинали обливать друг друга водой или бросать кого-либо в воду в полном одеянии[1].

Для вызывания дождя устраивалось также общинное моление – Ацуныхуара (Ацуныҳәара). Оно проводилось в складчину – на средства всего поселка. Места проведения молений и по сей день, в абжуйских сёлах называют ацуныхуарта. Представления об обряде ацуныхуара хорошо сохранились. Большинство информаторов, главным образом, пожилого возраста, верили в действенность этого обряда, бытовавшего вплоть до недавнего времени. Так, в 1930-е годы, во время одного из засушливых сезонов, когда земля нуждалась во влаге, антирелигиозно настроенные абжуйские комсомольцы решили высмеять общественное моление ацуныхуара. Однако в ближайшую неделю после совершения моления, на удивление всем, хлынул дождь – то ли молельщики домолились, то ли тучи перезрели. В результате осмеяли комсомольцев, а многие уверовали в сверхъестественную силу моления.

До 1930-х годов на ацуныхуара не допускались женщины, позднее же после молитвы о ниспослании дождя они расходились – им запрещалось участвовать в трапезе – есть мясо жертвенного животного. Позднее уже и женщины стали участвовать в трапезе. Моление устраивалось в воскресный день, ближе к вечеру. Резали быка, поскольку это животное олицетворяло силу, способную обеспечить плодородие полям. Жертвенное животное покупалось на средства сельчан. Каждый селянин на моление приносил свою долю угощения – кукурузную муку, ачашә, вино (напитки стали приносить примерно с 1930–х годов). В пору одной из сильных засух, вспоминает А. М. Чочуа, во время ацуныхуара, пока парни варили мясо и мамалыгу, девушки сделали чучело Дзиуоу и понесли его на берег Кодора с пением ритуальной песни.

[1] «В доброе старое время, – писал Г. Ф. Чурсин, – чтобы умилостивить разгневанного владыку вод, в жертву ему бросали в реку или озеро человека». Позднее «стали довольствоваться тем, что его только окунали и толкали в воду» (Чурсин Г. Ф. Очерки по этнологии Кавказа… С. 59).

На месте моления сооружался легкий навес (ашәымкьаҭ), покрытый ветками фундука. Под навесом, на земле, расстилались листья фундука и грецкого ореха. На них раскладывалась еда. Старший из мужчин, обнажив голову, становился у навеса лицом к востоку с фундуковой палочкой, на которую были нанизаны сваренные сердце, печень и легкие жертвенного быка, и произносил вслух молитву: «Всемогущий Бог, нас одолевает сильная засуха, погибают посевы, растения, животные и птицы. Ниспошли нам обильный дождь, оживи все, что нуждается во влаге, спаси нас, слуг Твоих. Жертвуем Тебе быка».

Все присутствующие во время моления на ацуныхуара, стоя лицом к востоку с обнаженными головами, внимательно слушали молельщика. После произнесения молитвы, молельщик отрезал от сердца, печени и легких жертвенного животного по кусочку, окроплял вином и забрасывал на навес. По окончании молитвы селяне (раздельно мужчины и женщины) садились по обе стороны импровизированного стола на земле и приступали к трапезе, (действо есть на земле связано с культом предков). Юноши подавали по мере необходимости мясо, мамалыгу, вино и мучные изделия[1].

Многие в Абжуа молились духу шелковичных червей. Духу хлопка варили в большом количестве «акваквары», старшая женщина в священный для данной семьи день приносила эти «акваквары» в жертву духу хлопка на хлопковое поле и просила «дать хороший урожай». Духу шелковичных червей жертву приносили в помещение, где содержались шелковичные черви. При сборе льна (ақәны) старшая женщина совершала моление духу льна Кукун. При этом также в жертву приносились «акваквары»[2]. Совершались моления по понедельникам и четвергам.

По свидетельству Н.С. Джанашиа, в лесу совершали жертвоприношения божеству «ах-ду» («большая голова», от ах(ы) – голова, ду – большая). В жертву приносился бычок, которого семья выбирала в своем или чужом стаде и откармливала в течение 5-6 лет. Холостить его запрещалось. Во время ритуала к рогам жерт-

[1] Чочуа А.М. Избранные сочинения… С. 25.
[2] Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии… С. 61–62.

вы прикрепляли по одной свече. Акваквары готовились только пшеничные. Шкуру быка отдавали молельщику. На молении запрещалось присутствие женщин[1].

В случае мора на животных, тушили все огни и добывали священный огонь путем трения сухих фундуковых палок под песню горя – Аирг-ша (Аиргь-шәа). Затем разводили большие костры, между которыми проводили домашних животных и людей. Завершался ритуал тем, что каждый уносил по горящей головешке и вновь в домах разжигался огонь в очагах от священного огня.

Множество религиозных воззрений было связано с брачно-семейными, свадебными и другими обычаями. Например, аглаха (аглахьа) – моление о здоровье новорожденного ребенка и роженицы: на молении присутствовали только женщины, а устраивалось оно в доме роженицы по истечении семи дней после рождения ребенка. Роженице расплетали косы, распускали подол платья, расстегивали ворот рубашки, развязывали пояс, что, помимо практического значения – облегчения родов, носило и магический характер. Чтобы у роженицы было много молока, совершали моление у речки – божеству вод Дзызлан.

По словам старожилки с. Джгиарда Осиа Гушьки, для предохранения от несчастного случая (амашәыр) отправляется специальное моление с жертвоприношением – «Амашәырныҳәа». Моление это сопровождает каждый выход со двора неудачливого[2].

Среди народов Кавказа, как отмечено Г. Ф. Чурсиным, религиозное почитание гор «получило особенно яркое выражение у абхазов». Абхазы почитали не только «священные горы», но и камни с таких гор, называемые божествами «небесного происхождения». К ним относили в первую очередь белые и черные камни, а также палевого цвета с естественным сквозным отверстием. Несколько абхазских амулетов в виде круглого камня с двумя отверстиями хранятся в Российском государственном музее в

[1] Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии... С.70.
[2] Барцыц М. М. Судьба в системе традиционного мировосприятия... С. 38–39.

Санкт-Петербурге, в коллекциях, собранных А. Миллером в 1907 г. в с. Адзюбжа[1]. Абжуйцы верили в то, что камень с отверстием приносит здоровье и предостерегает от сглаза. На горе Малый Ходжал, например, лежит глыба с отверстием. В старину женщину, вступающую в брак, проводили через это отверстие – чтобы молодая была здоровой и не страдала бы бесплодием (нечисть не могла пройти через отверстие). Не случайно также и то, что на пасхальной неделе абжуйцы устраивали массовые танцы и гремели котлами с лежащими в них белыми камнями.

Вплоть до недавнего времени у населения Абжуйской Абхазии сохранялись тотемические воззрения и связанные с ними обычаи. Многие из фамилий считались состоящими в родстве с каким-либо видом животного; запрещалось убивать животных, есть их мясо. Например, фамилия Сабекия из с. Адзюбжа не убивала голубей, ибо, как рассказывают, голуби в отсутствии членов семьи Сабекия сумели однажды потушить в их доме пожар и спасти детей, после чего члены фамилии дали обет никогда не убивать голубей как своих спасителей. Они также не убивали зайцев и не ели зайчатины по следующей причине. Одна девушка этого рода как-то пряла во дворе дома. В это время из леса собаки выгнали зайца, который, ища спасения, бросился в подол девушки. Та накрыла зайца косынкой и отогнала собак. Затем приподняла край косынки, прижала зайца к себе и почувствовала его сильное сердцебиение, словно заяц говорил: «Я твой гость, делай, что хочешь со мной. Девушка сказала: «Иди, ты свободен» и отпустила зайца. С тех пор носители фамилии Сабекия не едят зайчатины[2].

Носители фамилии Джикирба в с. Атара не употребляли в пищу сердца животных, так как один из их предков решил, что для того чтобы быть бесстрашными, его однофамильцы не должны есть сердца животных и наложил проклятие на тех, кто посмеет нарушить этот запрет.

Носители фамилии Айрынба в с. Джгиарда не ели мяса пернатой дичи; члены фамилии Чочуа (абх. Ачачуа) не ели почек животных (почка по–абх. «а–чача»); род Гулиа (от абх. «агу» –

[1] Смыр Г. В. Религиозные верования... С. 60–61.
[2] Гулиа Д. И. Сочинения. Т. 4... С. 13.

сердце) не потреблял в пищу сердца животных; фамилия Квициния – рыбы.

Были фамилии, которые не употребляли в пищу отдельные части туши животного. Например, фамилия Цагурия (с. Адзюбжа) «не употребляла мясо плечевой части крупного рогатого скота»[1].

Носители фамилии Когония (с. Кутол) не употребляли в пищу мяса лопаточной части животины. По преданию, некогда один из представителей этой фамилии был убит молнией, после чего знахарка не рекомендовала когониевым употреблять в пищу мясо указанной части животного.

Религиозные верования и обряды, о которых мы выше говорили, восполняли недостаток знаний об окружающей реальности. Они являлись одним из факторов формирования личности, системы традиционных ценностей. Вместе с тем, верования содержали и некоторые отрицательные стороны – санкционировали определенные мотивы социального поведения – отрицательное отношение к образованию, просвещению и т.д. Но в то же время они формировали и реалистические взгляды на окружающую действительность. У человека веками накапливались знания об окружающей природе. Полевые материалы говорят о том, что абхазы обладали достаточными знаниями, например, в области ботаники, зоологии, метеорологии, с уважением относились к редким растениям – тису, клену, сосне и др. Абхазы жили в гармонии с природой, они от неё брали столько, сколько необходимо для достойного существования индивида, семьи. По словам старожила с. Члоу Шалико Джопуа (1922 г.р.) когда его молодые однофамильцы шли в грабовый или каштановый лес за строительным материалом, их сопровождали старшие, следили чтобы рубили лишь необходимое для хозяйственных целей. По дрова ходили в другой лес. По представлениям абхазов, окружающий человека мир связан с ним незримой прочной нитью: нельзя загрязнять воду, реки, озёра, ручьи. Согласно сведений старожил, еще в 20-30-х годах XX столетия, весной жители очищали берега

[1] Чурсин Г. Ф. Материалы... С. 128–130.

реки Кодор от наносов, вплоть до того, что мыли камни, а источники и ключи тщательно благоустраивали[1].

§ 2. Народная медицина

Под термином народная медицина следует понимать комплекс сложившихся в определенном районе рецептов и приемов лечения, передаваемый изустно из поколения в поколение[2].

В народной медицине выделялись два основных направления: первое – лечение болезней на основе эмпирических знаний и второе направление – религиозно-магическое лечение заболеваний. Лица, тесно связанные с религиозно-магической деятельностью, чаще выступали носителями медицинских знаний. Для определения и лечения различных заболеваний, люди обращались к помощи гадалки или гадальщика (аԥшɷы) и прорицательниц (ахалаɷы, аԥааɷы), в роли которых чаще выступали женщины. Знахарь – мужчина обычно гадал и предсказывал по лопаточной кости домашнего животного и грудной кости домашней птицы. По лопатке (расположенным на ней пятнам, линиям и прожилкам) гадальщики предсказывали судьбу отдельных людей, семей и целых родов. Гаданием на зернах фасоли (аҟәдырԥара) и игральных картах занимались преимущественно женщины, которые «определяли» причины болезней и способы их излечения. Чтобы верно определить причину болезни (амзыз) и способ умилостивления разгневанного Бога или духа, прорицатель должен был видеть перед собой больного или что-нибудь из его вещей. Влияние гадальщиц и прорицательниц было настолько значительно, а их покровительство считалось настолько действенным, что многие крестьянские семьи стремились породниться с ними (прибегали обычно к удочерению).

[1] Смыр Г.В. Религиозные верования...С.129.

[2] Бромлей Ю.В. Народная медицина как предмет этнографии // Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. – М. 1981. С.211.

В роли знахаря выступал и мулла. Обычно он лечил травами, но в основном заговорами, молитвами. Один из наиболее распространенных способов «лечения» заключался в следующем: больному мулла давал пить воду, в которую предварительно клал бумажку с выписками из Корана, а затем набрасывал на больного простыню и окуривал его серой. Эта процедура называлась ацабылты (атцабылтәы) – букв: «подлежащий сжиганию под чем-то»), будучи завернутым в бумагу с выписками из Корана. Для предохранения от дурного глаза и болезней, мулла давал больному талисман – треугольником сложенную бумажку с изречениями из Корана, зашитую в сафьян. Этот талисман-амулет постоянно носили под мышкой. Если целый ряд заболеваний легко объяснялся (например, рана или перелом, расстройство желудка от переедания или вредной пищи, болело горло от простуды и т. п.), то многие другие болезни (внутренние, инфекционные, нервные и т. д.) трудно было объяснить видимой причиной, их связывали с влиянием сверхъестественных сил. В таких случаях прибегали к умилостивлению духа той или иной болезни мольбами и жертвами. Так, при кровотечениях из носа, головной боли, некоторых болезнях сердца, желудка, при головокружении (головной боли) устраивалось моление в честь божества Агырдзы (Агырзныхәа), что переводится как «моление рода Агрба».

Согласно абжуйским материалам Г. Ф. Чурсина, когда мать отпускала сына на чужбину, так же, как и при молении Агырдзы, обносила вокруг его головы петуха, затем, надрезав петуху гребень, мазала выступившей кровью лоб сына, после чего считалось, что всякие болезни, которые могли постигнуть сына, падут на петуха. Через неделю, в четверг (как правило, обряд Агырдзы совершался ежегодно, в каждый четверг), Агырдзу готовили акваквары и резали жертвенного петуха.

Для предохранения от дурного глаза и злых духов совершался обряд Адзат (азатә). Одному из членов семьи обязательно посвящали телку из домашнего стада. Перед посвящением, старший в семье, в присутствии всех домочадцев подводил лучшую годовалую телку к тому, кому она посвящалась, отрезал телке кончики ушей, присыпал раны крошеным табаком, а затем произносил

слова посвящения. Если это была девушка, то, выходя замуж, она забирала с собой и посвященную себе корову.

При болезнях совершались также моления и жертвоприношения божеству радуги (ацәаԥәа), божеству оспы – Ахьы Зосхан (в Абжуйской Абхазии этому богу приносили в дар козла). Если больному не помогали никакие моления, тогда, по совету знахаря, обращались к духу, обитавшему вне дома (к нему относили и покойников, «недовольных» своими оставшимися в живых ближайшими родственниками) Аднықоу (Адәны иԥоу). Старший в доме заворачивал в навощенный кусок холста деньги (обычно рубль или больше), клал их на чердак и просил «хранителя Аднықоу» отогнать болезнь от больного и впредь ограждать семью от всякой хвори. Затем назначался день моления. В жертву божеству приносили ягненка. Вся семья во главе со старшим становилась перед аишәа – столом с приготовленной едой. У стола жгли ладан или воск. Затем старший (рядом с ним больной, если был в состоянии) вновь произносил молитву-хвалу Аднықоу и просил его избавить больного от болезней. Только после этого, вся семья садилась за стол. Прибегали и к другому способу лечения. Больного, одетого во все белое под вечер сажали во дворе. Вокруг него трижды обводили под белым покрывалом молодую кобылицу или жеребца (иногда теленка или корову). Совершая этот обряд, старая («чистая») женщина (а иногда и старик) бросала на животное 20 маленьких фундуковых веточек, а двумя хворостинками, тоже фундуковыми, хлестала его. При этом произносила молитву Аднықоу – испрашивала прощения провинившейся семье, отпущения грехов больному – дать ему «возможность впредь свято исполнять свой долг перед ним». Тут же давался обет принести искупительную жертву, которую определял прорицатель. Для избавления от желтухи и отеков молились «Царице земли», от зуда и коросты – духу Ашвырагы (Ашәырагь – «нарывы заживляющий»). Больного корью (абҷы) или коклюшем (аимҳәаршәаа) ребенка проносили или проводили под подрытыми для этого корнями грецкого ореха[1] (обряд являлся имитацией нового рождения ребёнка, земляное же отверстие под грецким орехом, в

[1] Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии… С. 60.

данном случае имитировало материнское лоно). Если в семье заболевал один ребенок, то для профилактики эту процедуру проделывали и с остальными детьми. Но родители ребёнка больного корью прежде всего принимали обет пойти босиком к Илорскому святилищу и там принести в жертву белую овцу[1]. Переболевшего корью можно было купать спустя сорок дней со дня заболевания. Детей, страдающих лихорадкой, иногда обливали через сито холодной водой – считалось, что это избавляет от хвори[2]. Причём, названия таких инфекционных, по тем временам неизлечимых болезней, как оспа, корь, коклюш, абжуйцы чаще всего заменяли благозвучными именами, чтобы не навлечь на себя кары божеств этих болезней. Так, оспу, по словам старожил с. Кындыг, называли «ацәарԥшза», букв. «украшающий кожу», или же говорили «аҳцәа итаait» – «его посетили цари (господа)»; шрамы от оспы называли «аҳцәа рҭыԥ», букв. «место царей», т.е. царское место; коклюш называли «аимҳәа бзиа», букв. «хороший кашель»; корь называли «анцәа ичымазара» – «болезнь бога»[3].

В борьбе с болезнями большое значение придавалось железу. По данным И.А. Аджинджала, долго болевшего, хилого ребёнка проносили под очажной цепью (ахныԥьыр дыцыргон): «по правую и левую сторону от очажной цепи становились старшие женщины посёлка и проносили ребёнка передавая туда и обратно друг другу три раза. При этом они говорили: «С сегодняшнего

[1] Бигвава В. Л. Современная сельская семья у абхазов... С. 83. Лечение кори нашло отражение и в художественной литературе. Так, в романе Б. В. Шинкуба «Рассечённый камень» описан эпизод, где дед просит о ниспослании здоровья внуку, больному корью: «О, золоченная мать Золотого Зосхана, восседавшего на коне, Ханиа Белая! Болен маленький ангел, не лишай его тепла своих глаз и своего сердца». На шее описываемого в романе мальчика висел камушек с дырочкой, по всей вероятности, амулет–оберег от болезней и сглаза.

[2] Джанашиа Н.С. Статьи... С. 108; Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии... С. 212.

[3] Начкебия С.М. Табу и лечебная магия в народной педиатрии абхазов // XLVIII итоговая научная сессия АБИГИ. Тезисы докладов. – Сухум. 2004. С. 6.

дня мы тебя освободили от болезни (иахьарнахыс иуҟәаҳхит)»[1]. И. А. Аджинджал приводит и другой факт: «В селе Илори, в церкви св. Георгия хранится железный лук с железной тетивой, длиной около 2–х метров, выкованный, как говорят, одним местным кузнецом и принесённый в село Илори в подарок св. Георгию. Одержимых нечистой силой взрослых и детей пропускали между тетивой и луком для избавления их от болезней. О больных, пропущенных между луком и тетивой, говорили: «Пропустили через лук (ахыцеихац дыцыргеит)»[2].

Во многих абжуйских сёлах изготавливали в страстной четверг в кузнице железные кольца. Их ношение, по мнению абжуйцев, избавляло от образования на глазах ячменя, а на пальцах заусениц[3]. Для тех же целей иногда употребляли простой железный напёрсток. Его нагревали на огне и прикладывали к больному глазу[4].

Вместе с тем в большинстве религиозно-обрядовых песен и текстов магических заговоров нет обращений к сверхъестественным силам. Например, «Песня ранения», по мнению абжуйцев, обращается к силе воли больного, придает бодрость, внушает уверенность в выздоровлении.

Магические ритуалы и иррациональные способы лечения, оказывавшие положительное воздействие на психику и соматику, при удачном сочетании с медикаментозным лечением, в ряде случаев способствовали быстрому излечению больного.

Само собирание лекарственных трав иногда носило культовый характер: часто обставлялось магическими обрядами (см. главу «Религиозные верования и культы»).

В Абжуйской Абхазии известен целый ряд народных рецептов и приемов лечения, лекарственных растений. Эти сведения передавались из поколения в поколение. Закрепление такой информации (народного опыта лечения), видимо, в какой-то мере

[1] Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии... С. 269.

[2] Там же.

[3] Чурсин Г. Ф. Культ железа у кавказских народов... С.83; Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии... С. 269.

[4] Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии... с.269

обеспечивалось семейными традициями в виде тех же достаточно устойчивых религиозных обрядов, культов и ритуалов.

В период родового строя, с его замкнутым образом жизни, передача способов лечения отдельных болезней, как известно, ограничивалась пределами рода, позже – пределами фамилии. Пережитки этого явления наблюдаются и в настоящее время. Так, например, почти каждой фамилии приписывается умение лечить определённую болезнь, а также умение приготовлять то или иное лекарство. Фамилии Шамба (с. Тхина) приписывается умение лечить сибирскую язву. Лекарство, приготовляемое для лечения этой болезни, носит наименование «шамаарыхушв» (лекарство Шамба). Фамилии Ферзба (с. Отап) приписывается лечение нескольких болезней. Лекарства, применяемые при этом, именуются «ферызаарыхушв» (лекарство Ферзба) и славятся своими целебными качествами[1]. Многие народные лекари даже получали официальные разрешения на врачебную практику. Во второй половине XIX в. среди них в Абжуйской Абхазии выделялись: Раджеб Тамот-ипа, Цацуа, Чхапелиа, Арканиа, Киут и др.[2].

В период коллективизации, например, как отмечалось Комиссией по улучшению труда и быта женщин при ЦИКе Абхазской республики, в Кодорском районе было «развито знахарство»[3].

Согласно полевым этнографическим материалам, лекарственные растения и снадобья, приготовленные из них, лекари, прежде чем практиковать на больных, испытывали на себе. Нередко эти лекарства являли собой смесь различных растений, обладающих одинаковыми целебными свойствами.

Абжуйские врачеватели широко использовали лекарственные средства растительного происхождения: исходным сырьем служили чистотел (аҭаҭлуба), подорожник (ахәырбҕьыц), лопух (ауадабҕьы), липа (аҭәаԥла), лишайник, зимовник многоцветный (аԥьаҟәа), алоэ, крапива (ахәыц), кукурузное рыльце (аԥш аԥаԥа), лист кольраби (ахәылбҕьы), бархатцы (Tagetes minuta L),

[1] Акаба Л.Х. Абхазы Очамчирского района... С.106–107.
[2] Бгажба М.Т. Растительные ресурсы Абхазии... С.380.
[3] Смирнова Я.С. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины... С. 159.

чёрная бузина (амцырбҕьы), ежевичные корни и листья (амаахыр адаԥқәеи абҕьқәеи), барбарис (акаԥахәыр), зверобой (ажьафархь), цветы акации (ақәыцԥла, алакаԥиа ашәтқәа), локонос (аԥьампаз) и многие другие растения.

Целители, которые лечили травами, по всей видимости, знали, что время и погода влияют на лечебные свойства трав. Травы для сушки собирались в начале цветения, листья – во время буйного цветения растения и обязательно в сухую погоду, в первой половине дня, когда было солнечно и безветренно; спелые ягоды и плоды собирали ранним утром до восхода солнца. Корни луковицы и корневища выкапывали осенью, после того, как увядала ботва или весной при проявлении листьев; кору – ранней весной. При сборе лекарственного сырья старались не повредить корни растений и качество сырья[1].

В лечебных целях часто применяли керосин (агаз), а также медный купорос, серу, квасцы. Все названные лечебные средства обычно использовали в виде настоя и применялись как при внутренних болезнях, так и при наружных. Кроме перечисленных выше трав, в народной медицине широко пользуют мед, растительное и сливочное масло, воск, яичный желток и т.д. Гнойные раны, нарывы, обычно, лечили крапивой, истолченной в керосине. При кровотечении ранку присыпали порошком из сухих листьев подорожника, а также смазывали смесью керосина с растительным маслом. Ушную боль снимали следующим образом: в огонь клали сырую ветку хурмы (мелкого сорта). Капельки воды, выступавшие на ней, капали в ушную раковину. При заболевании десен рекомендовали полоскание рта три раза в день отваром трех веток граната, соком из черного винограда, использовались квасцы. При головной боли прикладывали ко лбу лист кольраби, смазанный медом. Температуру сбивали накладыванием влажной тряпки на лоб, при этом ее часто меняли. При кашле согревали грудь горячей мамалыгой, которую обильно посыпали солью; поили отваром укропа.

[1] Начкебия С.М. О некоторых терминах народной медицины в абхазском языке // Кавказ: история, культура, традиции, языки... С. 494–495.

В Абжуйской Абхазии были свои известные костоправы. Например, Бирам Джикирба*, Зылбей Ешьыл (Яшвили, Адгуа-ипа), Патух Самсониа (с. Первая Бедиа) и др. Лечение Зылбея Ешьыл заключалось в следующем: место перелома предварительно парили в теплой воде, чтобы легче было вправить кость. Затем кость вправлялась. На поврежденный участок накладывалась тряпица, смазанная месивом из трех желтков, и, наконец, место перелома туго перевязывалось, т.е. накладывался своеобразный гипс. Таким же способом он лечил и вывихи. Трещину в кости он лечил следующим образом: три куска древесины липы, очищенных от коры, в течение 45 минут варил в молоке, затем, полученным клеем трещина смазывалась и перевязывалась. Лечение длилось до 15 дней. При легких растяжениях в три литра теплой воды Ешьыл добавлял чайную ложку белой соли и накладывал повязку.

Народный лекарь–костоправ Патух Самсониа также безукоризненно проводил сложные хирургические операции, вправлял кости после тяжёлых переломов. По его стопам пошёл сын, Кондрат, известный абхазский хирург, заслуженный врач Абхазии[1].

Больных с заболеваниями почек поили настойкой из кукурузного рыльца, айвы, очищенной от кожуры. Бородавки присыпали крошеным чистотелом, затем заговаривали это место; при болях в спине прикладывали лопух и перевязывали марлей. Глазные болезни лечили свежей уриной (промывали).

Желтуху лечили следующим средством: 41 штуку цветков бархатца кипятят в одном литре воды. Процеженный отвар смешивают с 300 г меда. Принимают по три столовой ложки три раза в день натощак. Количество цветков, согласно поверью, должно быть нечетное, т.е. на пол-литра воды добавляют 21 штуку бархатца. Снимает желтуху на третий день. Сердечные заболевания лечили настойкой бузины на сахаре. Это же средство применялось и при расстройстве кишечника, которое лечили также отваром из свежей или сушеной кожуры граната с сахаром или отваром барбариса. Ребенка при желудочных заболеваниях поили соком из толченых листьев подорожника, смесью толченых жженных ольховых сережек с медом; при воспалении мочевого пузыря и запорах ребенка лечили смесью сока лишайника с соком подорожника. В качестве присыпки от запревания использовали труху ольховых досок, побитых шашелем. Об этом средстве писал и К. Д. Мачавариани: «В случае появления красноты в складках кожи ребенка, ее посыпают желтоватой пылью, собираемой из гнилых (трухлявых. – О. М.) ольховых досок»[1]. Для снятия боли роженице давали смесь из толченого лишайника и персика, а также отвар травы, которую старожилы называют акамуниа.

Средством для «родовспоможения» считается, например, «Мырцхулаа рыхәшә» (лекарство Мирцхулава). Семь корней толченого поповника – черноголовникового закладывают в трехлитровую банку и заливают колодезной водой, затем отваривают и отцеженный отвар принимают по полстакана 3-4 раза в день. В каждую лунку, откуда выкопали растение, бросают щепотку соли. Воду набирают из колодца, не оборачиваясь. Для облегчения отека у скотины требуется девять корней поповника.

По свидетельству информаторов, под ногтями пальцев руки появляется болезнь, способная разрушать кости, называется асацрал (асацрал). Если ее не лечить, она переходит в гангрену, которая нередко приводит к ампутации пальцев.

В состав лекарства, которым лечат асацрал, входят корень прасы (лука порея), три яичных желтка, столовая ложка свиного жира (несоленого), пшеничная мука (определяют на глаз, чтобы

---

* Один сельчанин, по совом старожил, собирая виноград, свалился с дерева и сломал руку в трех местах, словом, получил закрытый перелом. Послали за Бирамом. На заре советской власти, как известно, коммунисты с большим недоверием относились к знахарям. Бирам, прибыв к пострадавшему, сказал хозяйке дома: «Я знаю, что твои сыновья коммунисты, они не любят меня, но я пришел из-за уважения к тебе». Операция по вправке кости Бирамом была проведена так искусно, что пациент впоследствии еще воевал, причем приемная комиссия не нашла у него никаких изъянов.

[1] Куправа А. Э. Первая Бедиа. Рукопись... С. 5.

[1] Мачавариани К.Д. Некоторые черты из жизни абхазцев. Положение женщины в Абхазии // Мачавариани К. Д. Очерки и рассказы. – Батум. 1909. С.56.

взялись желтки), 2-3 стружки с ветки ивы, длиной 20-25 см (предварительно снимается кора), нагар, образующийся на котле снаружи (ачуан ацышэ). Компоненты перемешиваются, рану смазывают полученным месивом и перевязывают. Если болезнь запущена, то лечение длится 20-25 дней, если не запущена – две недели. В сутки раз повязку меняют. Перед применением лекарства произносят заговор: «Асацрал в полночь на дороге повстречал св. Георгия. Тот спрашивает асацрал: «Куда путь держишь?» Асацрал отвечает: «Есть мясо, грызть кости!» «Тогда скажи, какое твое лекарство? Мое лекарство такое…». Далее произносится состав лекарства в порядке перечисленном выше.

Абжуйские знахари при лечении некоторых заболеваний сочетают народные средства с аптечными лекарствами. Так, при лечении бронхиальной астмы (ашьырхынц ахәшә) изготавливают довольно сложное средство: тщательно промытые ракушки, добытые в водоемах, подсушиваются на сковороде, затем толченые в ступке ракушки просеивают через тонкое (густое) сито. Одну столовую ложку ракушечной пудры смешивают с 5 г серы аптечной и 5г жженых квасцов. В полученную смесь добавляют, тщательно помешивая 1л меда. Лекарство хранят в стеклянной посуде в прохладном месте. Принимают по чайной ложке 3 раза в день до еды. На курс лечения требуется 3л меда. Для лечения экземы (ақачала) использовали смесь из толченого лишайника со сливками, снятыми с буйволиного молока. Места, пораженные болезнью, смазывали полученной мазью, накладывали сверху лист ахула (кольраби) и перевязывали. Повязку меняли один раз в день. До излечения ежедневно больного купали в отваре из листьев крапивы и зверобоя. Пользуются и другим средством: высохшую плодоножку тыквы (аҟаб аракәа) и ромашку собачью (аҳәакама, афыцга), подсушенную на костре, толкут с белыми квасцами (ашьаб). Затем эту смесь просеивают через сито и смешивают со сливками, снятыми с буйволиного молока. Соотношение компонентов: 2 горсти плодоножек тыквы, 2 горсти (можно и побольше) собачьей ромашки, чайная ложка толченых квасцов, 100г сливок. Полученная мазь наносится на больные места. Одновременно принимают вовнутрь настойку на колодезной воде

(«азхьампш») из толченого лишайника (20г) с квасцами (2-3 г). На пораженные места мазь наносится в день 2-3 раза.

Цур Дзапшипа (с. Тхина), например, лечила шейный хандроз – больного сажала у раскрытой двери, затем проводила по больному месту лезвием топора и при этом произносила заговор (?); затем топором раскалывала на куски древесный уголь и три раза дула на них (магический прием). Действо это повторялось шесть раз в день. Благоприятными для проведения процедур днями считались вторник, четверг и суббота.

Рожистое воспаление лечили настойкой из крапивы, зверобоя, бузины, лаконоса, корня ежевики.

В Абжуйской Абхазии знают несколько средств лечения геморроя: 1. Отвар из толченых листьев крапивы и корня бузины, корня лаконоса, зверобоя, чистотела, листьев мушмулы и толченого корня ежевики (эти же средства использовали и при лечении рожистого воспаления). 2. Отвар из меда с месивом из апсуажь (сорт абхазского винограда). Эти же снадобья заворачивали в пряжу шелковичного червя и прикладывали к кровоточащей ране – останавливали кровь. 3. Отвар из листьев мушмулы, смешанный с медом, тетрациклином и белыми квасцами.

В прошлом свои ворожеи и знахари имелись в каждом поселении. Поскольку знахарские познания передавались изустным путем, они, безусловно, подвергались значительному искажению, а во многих случаях, при сохранении внешней формы, от их первоначальной сущности мало что оставалось. Не надо забывать и то, что состав и технология приготовления лекарств, а также заговоры являлись сферой тайной. Знахари и по сей день, держат их в строгом секрете, передавая их лишь своим потомкам. Жительница с. Пакуаш В.К., узнав о цели прихода автора этих строк, категорически отказалась что-либо сообщить, так как, по ее убеждению, «если она расскажет об этом, то они (снадобья и заговоры) потом не будут действовать».

Имена отдельных лекарей, например, Тайя Ешьыл, который, как и его сын Зылбей, был замечательным костоправом, были известны далеко за пределами села. Нередко лекарь за лечение получал вознаграждение – скотом, зерном, оружием и т.д.

Было бы неправильно подозревать народных врачевателей в излишней суеверности, они лечили не только заговорами и молитвами. Напротив, многие заболевания знахари считали следствием нарушения обрядовых, правовых и моральных предписаний; следствием отравления организма нездоровой пищей, переедания, антисанитарии.

§ 3. Народное творчество

Абжуа – один из своеобразных центров народного творчества Абхазии. Сказки, сказания об Абрскиле – абхазском Прометее, об ацанах, нартские сказания, песни и предания о народных героях – это неполный перечень того, что до наших дней донесли абжуйские старожилы. Основоположник абхазской литературы Д. И. Гулиа в статье «Страницы из моей жизни», в частности, пишет: «Народное творчество – неиссякаемый источник. Из него литератор может черпать до конца своих дней…»[1].

Выдающимся памятником духовной культуры абжуйских абхазов является легенда об Абрскиле, которую в других частях Абхазии знают более слабо. Легенда об Абрскиле, принадлежащая к типу прикованных к горам или заточённых в пещере героев, основан на древних мифологических мотивах, но в условиях Абхазии, как эпический памятник, он сформировался, по-видимому, сравнительно позже нартского эпоса, уже в период консолидации древнеабхазских племён и образования единой абхазской народности, так как основная забота героя Абрскила – это защита Абхазии от иноземных поработителей. Он постоянно объезжает на своём крылатом коне – араше границы страны: как бы какой враг не ступил на Абхазию. Верховный бог, которому перестал поклоняться герой, одолел его хитростью и заточил в Члоускую пещеру. Но и в заточении Абрскил не сдаётся, не падает духом, он только и думает о том, как бы вырваться из подземелья и расправиться с врагами родной земли[1].

[1] Цит. по: Агрба В.Б. Из истории дореволюционной абхазской литературы… С.38.

Ряд мотивов сказания об Абрскиле находят параллели в эпосе о Гильгамеше. И сами образы Гильгамеша и Абрскила проявляют немало сходных черт. Оба героя преследуют одну и ту же цель… Как Гильгамеш, так и Абрскил настойчиво и последовательно до конца отвергает жалкую покорность верховному божеству, остаётся героем и в своём поражении[2].

Легенда об Абрскиле сформировалась на территории исторической Апсилии. В связи с чем нельзя не обратить внимания на созвучие имён Абрскил и апсил. Возможно, они связаны друг с другом. В таком случае можно предположить, что легенда по своему происхождению имеет отношение «не только к определённой территории, но бесспорно и к определённому этническому коллективу – абхазскому племени апсилов»[3].

Абхазские ученые–просветители А. М. Чочуа, Д.И. Гулиа, Н. С. Джанашиа с вожделением вспоминают имена абжуйских сказителей: Чакуа Сабекия, Быджгуа Канхуа, Куасты Лолуа, Куастандела Жения, Алексея Джанашиа, Кана Цагурия и других. Это с их слов богатейший фольклорный материал был записан Нико Джанашиа и его сыном Симоном Джанашиа. Фольклорные материалы, собранные летом 1921 года Симоном Джанашиа в с. Адзюбжа, в бытность его студентом Тбилисского государственного университета, вошли в четвертый том трудов ученого. В собрание вошли 15 абхазских сказок, два героических сказания о нартах, более 350 абхазских пословиц и более 50 загадок[4].

[1] Салакая Ш.Х. Абхазский народный героический эпос. – Тб. 1966. С. 108–111, 114, 116–117, 119 и сл.; Зухба С.Л. Типология абхазской несказочной прозы… С. 240 и сл.; Джапуа З. Д. Абхазские архаические сказания о Сасрыкуа и Абрыскиле. – Сухум. 2003. С. 137–138 и сл.

[2] Зухба С.Л. Типология абхазской несказочной прозы… С.256–257.

[3] Инал–Ипа Ш. Д. Вопросы этно–культурной истории… С. 251.

[4] Джанашиа С.Н. Труды. Т.IV… С.172–250; Зухба С.Л. Абхазское народное поэтическое творчество…С.71.

Материалы, записанные С. Н. Джанашиа, представляют интерес как для фольклористов, так и для языковедов. Например, сказка о животных – «Ахәылԥцыси, амԥи, азԥаси рԥакәы» («Летучая мышь, колючка и зимородок») близка к мифам этиологического характера. В волшебных сказках есть сюжеты, не встречающиеся в других абхазских сказках. В частности, сказка «Шьԥангаз» («Штангаз»), по своему сюжету, очень близка к хорошо известной сказке «Аеапа Цьамхәыхәы» («Джамхух – сын оленя»). В сюжете абжуйского варианта этой сказки наблюдаем новые мотивы – эпизод об отце, который оставляет своих детей и уходит, куда глаза глядят, из-за того, что он становится не в состоянии содержать свою семью, эпизод о том, как его ищут. Древние мотивы встречаются в волшебных сказках «Ашьнаԥәмеи анхаԥи» («Ашнакума и крестьянин»), «Ԥәамахьеи Ашьханыԥәеи» (Куамаха и Ашханыкуа), «Ахьԥисаԥси Сахсагани» (Ахтисага и Сахсаган) и в других.

В героических сказаниях о нарте Сасрыкве, записанных С. Н. Джанашиа, нартов 80 братьев, тогда как в большинстве известных нам вариантов этих сказаний их 99, а отец нартов – немощный старик. В одном же из вариантов, записанных учёным, отец нартов предстает настолько мужественным, что угоняет весь скот у великанов. В этом же сказании говорится, что после смерти отца нартов, пастух нартов выкупил себе в жены Сатаней Гуашу у ее сыновей. И звали ее не так как в известных вариантах сказаний, а Саканиа Хангуаша.

В другом сказании о нарте Сасрыкве говорится, что инициаторами обычая справления поминок являются нарты, в частности, сам Сасрыква.

Абхазские пословицы, включенные в «Труды» С. Н. Джанашиа, снабжены грузинскими переводами.

В народных преданиях абжуйцев, нашли отражение бурные политические события из истории Абхазии раннего средневековья (VI-VIII вв.).

Существуют многочисленные варианты выдающегося исторического предания о многогранной деятельности Апсха (Ацсха), т.е. «царя Абхазии» (или Апсилии). Это предание также территориально приурочено больше к современной Юго–Восточной Аб-

хазии, т.е. известно, прежде всего, абжуйским абхазам. Появление первых сказаний об Апсха следует отнести к эпохе полной консолидации древнеабхазских племён и образования Абхазского царства.

Одна из легенд приурочивает резиденцию апсха к району Кодора. Предание гласит, что апсха жил у устья реки Кодор. Однажды к нему приехал пастух кур – акутыхча (акәтыхьча) – из местности Сатамашо, что в 10-12 км к юго-востоку от устья Кодора. Когда акутыхча приблизился к дворцу, пред ним предстала страшная картина. На обширной поляне, что перед дворцом, по одну сторону сидели волки, по другую – лисицы. Между ними все время ходили посредники, очевидно, было крупное недоразумение. В конечном итоге произошла свалка, из которой победителями вышли лисицы. Большинство волков было истреблено, а оставшиеся в живых бежали. Акутыхча поспешил о виденном сообщить апсхе. Выслушав его, апсха пришел к заключению, что какой-то маленький народ объявит ему войну, в которой он потерпит поражение, и что ему лучше бежать, пока не поздно. И он бежал, а царство его заняли другие народы…[1].

Согласно преданиям абхазской старины, коренным и самым древним абхазским владетельным родом считается Ачба. В одном из сказаний, посвященном генеалогии Ачбовых и Чачбовых, сообщается, что в глубокой древности первым в Абхазию пришел род Ачба. Один из представителей этого рода, по имени Бабышь, поселился в Уарче[2] (в окрестностях Уарчи и по сей день есть местность Бабышьира). Братья же Бабышьа Ачба поселились в районе нынешнего с. Кутол, в местности, которая и ныне называется Ачааркыт («поселение Ачбовых»). Как-то в Уарчу со стороны гор вошел с отрядом некий византиец. В эти края он прибыл не морем, а по суше – вкруговую. Увидев из-за хребта море, он удивился – не понял в чем дело и двинулся узнать, что за чудо открылось ему. Жена византийца, которая сопутствовала ему в походе, была на сносях. В первую же ночь по прибытии в Уарчу, она родила сына в доме Бабышьа Ачба, у которого незваные гос-

[1] Гулиа Д. И. Собрание сочинений. Т. 6… С. 315.
[2] Зухба С.Л. Абхазское народное поэтическое творчество…С. 359.

ти остановились. Византиец счел за позор, что его жена разрешилась под чужой кровлей. Ранним утром следующего дня, он, не попрощавшись с хозяевами, тайком со своей женой и людьми покинул дом Бабышьа, оставив там своего младенца. Бабышь, не ожидавший такого исхода, в недоумении обратился к своим братьям за советом, как ему поступить. Те посоветовали воспитать младенца, но не давать ему фамилии Ачба. По согласованию братьев, ребенку дали фамилию Чачба, созвучную фамилии Ачба[1]. Так сказывают, от сына византийца, которого воспитали Ачбовы, произошла фамилия Чачба – позднефеодальных владетелей Абхазии.

Большой интерес представляет и вариант сказания, записанного во время экспедиции в 1952 г. Он, в частности, также гласит об Ачба, как об исконных владетелях Абжуйской Абхазии с резиденцией в с. Моква, где ими был построен и Моквский собор. Но после того как Адиан (Дадиани) начал войну с Ачачба, и военные действия развернулись в Абжуйской Абхазии, она в результате этой войны была присоединена к Мегрелии. Многие роды из Абжуа переселились тогда на Северный Кавказ во главе с Ачба к сородичам последних – князьям Лоу. Прошло время, и потомки Ачба–Алоу вместе со своими людьми вернулись на родину и, изгнав адиановских правителей, снова стали править на землях своих предков. Однако Ачачба отняли у Ачба «удельные права» и отдали Абжуйскую Абхазию своему родственнику, низводя Ачба до положения второстепенных князей. Название с. Члоу также связывается с подобным вариантом сказания, где название села объясняется как Ач-Лоу[2].

А вот в фамильном предании дворян Маан (Маргания) сообщается, что в с. Адзюбжа, в усадьбе Сасрыквы Маан, во время летних каникул гостил, будучи учеником Кутаисской гимназии, выдающийся грузинский поэт и мыслитель Акакий Церетели. В Адзюбжу Акакий приехал по приглашению Кычына Маан, однокашника по Кутаисской гимназии. В имении Маан, в старой

[1] Салакая Ш.Х. Абхазский народный героический эпос...С.128.
[2] Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства и культуры... С.16; Инал-Ипа Ш.Д. Антропонимия абхазов... С. 256–257.

апацхе, Акакий с упоением слушал народные предания абхазов, одно из которых позже легло в основу его поэмы «Наставник» («Абадзей»)[1]. По сообщению фольклориста С. Л. Зухба, грузинским «акакиеведам» неизвестно пребывание А. Церетели в Абхазии. Принято считать, что в основу его поэмы «Наставник» легло сказание, записанное либо в Аджарии, либо услышанное Церетели от поэта Георгия Чачба (Шервашидзе), или же от других абхазов. Абхазский литературовед Ш. Х. Салакая, сравнивая фольклорную основу поэмы А. Церетели «Наставник» с новеллами известного абхазского писателя Михаила Лакербай «Аргун Сейдык» и «Друзья», с рассказом видного адыгского писателя Тембота Керашева «Испытание мужества», заключает, что в основе названных литературных произведений лежат распространенные у абхазо-адыгских народов различные варианты одного и того же фольклорного сюжета[2].

Следует отметить, что поэма «Наставник» об абхазском кодексе чести – аламысе – никакого отношения не имеет к «разложению традиционных моральных устоев, в результате новых социальных отношений», как об этом писали еще в недавнее время некоторые абхазские исследователи. И в сказании, и в поэме воспитатель казнит себя – кончает жизнь самоубийством, считая себя виновником за преступление, содеянное воспитанником. Преступник же остается в живых, что согласно национальному обычаю является жестоким наказанием, поскольку в глазах общества он живой труп.

Среди жанров изустного творчества у абжуйцев пользовались и пользуются особой популярностью героические песни[3]. В этих песнях воспевается удальство, преданность, мужество, доброта, справедливость, пристойность – качества, которые составляли, по представлениям абхазов, идеал человека. Среди селян невозможно было найти того, кто не знал бы и не смог исполнить одной и

[1] Записано со слов Хасана Ивановича Маргания осенью 2000г.
[2] Зухба С.Л. Об абхазо-грузинских литературных взаимосвязях // Известия АИЯЛИ. Т. IX. – Сухуми. 1981.
[3] Ковач К. Песни кодорских абхазцев. – Сухум. 1930. С.7–14, 22–25.

более народных песен. Песня их сопровождала на досуге, на семейных и общественных торжествах, во время работы. Героические песни исполняли исключительно мужчины. Они слагались талантливыми народными певцами-импровизаторами. Память абжуйцев хранит имена славных односельчан исполнителей народной песни, например, Пача Логуа в с. Баслаху, Джара Пачлиа в с. Пакуаш, Тараша Аршба в с. Ткуарчал, Багыра Кобахия в с. Адзюбжа и других.

Трудовые песни как-то: «Песню сучильщиц ниток», «Песню вышивальщиц» и др. чаще исполняли женщины. Во время отправления различных ритуалов исполнялись обрядовые песни: вызывания дождя «Дзиууа», богине плодородия «Джаджы», охотничья песня «Айергь», песня, исполнявшаяся во время лечения больного «Аршышра ашәа» и др. Одними из лучших исполнительниц народных песен под аккомпанемент ачамгура и гитары в 1930-е годы считались, например, Дуда Ашуба (девичья фамилия – Шармат) из с. Джгиарда, Антица Абаш из с. Адзюбжа. В начале 1930-х годов в Советский Союз приезжала делегация компартии США, в составе которой был американский негр по имени Джон. Узнав, что в Абхазии, в с. Адзюбжа, проживают негры, он посетил село. Джону очень понравилось музыкальное творчество Антицы, он пригласил ее поехать с ним в США. Антица Абаш приглашение не приняла.

Кстати, известный негритянский певец Поль Робсон, будучи в 1960-е годы в СССР, интересовался неграми из Абжуа, в частности, сказал, что в числе многих имеющихся у него негритянских песен сохранилась и песня предков абхазских негров[1].

Об одном из замечательных абжуйских сказочников Бираме Пхазоу, в частности, пишет в своих трудах Д. И. Гулиа[2].

В своё время в Абхазии было весьма популярно имя народного сатирика Чагу Чацба (Чац Чагу, как звали его в народе), уроженца с. Гуп. Он не имел возможности получить какое-нибудь образование, но хорошо говорил на русском, турецком, греческом и персидском языках, не считая родного абхазского. И самое

[1] Газ. «Заря Востока». 22 августа 1958 г.
[2] Гулиа Д. И. Сочинения. Т.4... С. 99.

главное, он был великолепным рассказчиком. Его притчи и анекдоты, проникнутые лукавым и весёлым народным юмором, до сих пор передаются из уст в уста. Чагу Чацба высмеивал скупость и взяточничество, эгоизм толстосумов, суеверия и отсталые обычаи.

Школой устной народной словесности, а также игры на национальных инструментах (ачамгуре, апхьарце)* были «ачапшьара» – ночные бдения у постели больного, среди бдящих бывали и акечеки – острословы, в обязанность которых в первую очередь входило поддержание весёлого настроения. Комические и сатирические сценки разыгрывались, например, и в ночь бдения у «аншьан» в годовщину смерти кого-либо из селян, когда, присутствовавшая молодежь разделялась на две группы и исполняла песню амерта[1]. Запевала одного из хоров начинал так: «Уа мерта-черта сыздырам аха»[2] – и дальше прибавлял свой экспромт, характеризовавший кого-либо из другого хора (в данном случае не принято было обижаться). «Амерта» пелась только на поминках глубоких стариков[3]. Песня сменялась легендами и загадками. Так проводили время бдящие до утренней зари.

Во время коротания ночи у постели больного, а также во время ночных работ в осенюю страду, например, при очистке (лущении) кукурузных початков, в Абжуйской Абхазии нередко исполнялась короткая комическая инсценировка «Цикурат». Диалог происходил между наседкой» и «голодными цыплятами» (их было восемь–десять). «Цыплята» домогали «наседку» просьбой по-

* На апхьарце играли и на могиле утопленника. При совершении обряда вылавливания души утопленника играли на свирели – ачарпын. Некогда в каждом селе были свои апхьарцисты: они были очень популярными (см.: Хашба И.М. Из музыкальной культуры абхазов // Современное абхазское село. – Тб. 1967. С. 117). Хорошим апхьарцистом в с. Адзюбжа считался, например, Мамсыр Допуа; в с. Пакуаш – Екуп Харчлаа и т.д.
[1] Джанашиа Н.С. Статьи... С. 86–87.
[2] Н.С. Джанашиа предполагает, что слова песни амерта-черта имеют отношение к грузинскому выражению «гмерто чемо» («Боже мой») (Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии... С.86–87).
[3] Анчабадзе Ю.Д. Странные поминки // СЭ. 1. 1982. С. 132.

кормить их. «Наседка» отвечала жалобным и пискливым голосом: «Нечем, нечем». Она старалась убежать и скрыться, но «цыплята», обступив, не пускали её. Помимо юмористической окраски, это представление было направлено против нерадивых хозяек[1].

Вспоминая свои детские и юношеские годы, проведённые в родном с. Гуп, известный абхазский писатель Д. Х. Дарсалия отмечал, что прежде во время ночных бдений у постели больного молодёжь устраивала короткие импровизированные инсценировки на различные темы. Эти инсценировки были очень смешными и взбадривали всех присутствующих. Так, например, показывали театрализованное комическое представление под названием «Килчаж и Чакуаж» – о старике и старухе. Роли исполняли двое юношей, переодетые в стариков. Старик и старуха встречаются в пути, старик ухаживает за старухой. Она то отвергает его домогательства, то отвечает взаимностью, то они обмениваются непристойностями, то поют, то танцуют вместе. Ставилась в таких случаях и юмористическая сценка под названием «О барыня, барыня!» В ней осмеянию подвергались глупые и ленивые барыни[2].

---

[1] Зухба С.Л. Элементы драмы и театра в абхазском фольклоре // Кавказ: история, культура, традиции, языки… С. 593.

[2] Дарсалия Д. Х. Избранное. – Сухуми. 1970. С. 373 (на абх. яз.). В сохранившемся тексте записи упомянутого здесь Д. Дарсалия драматического представления «Килчаж и Чакуаж», старик и старуха, вспоминая свою молодость, предаются страсти. Персонажи говорят и ведут себя так, как будто для них безразлично общественное мнение. Приведённый пример и аналогичные абхазские народные театрализованные представления напоминают фамильярно–площадную речь, которую М.М. Бахтин характеризовал как одну из многообразных проявлений и выражений народной смеховой культуры Средневековья и Возрождения вообще. Наличие в приведённом примере имитации полового акта, является каким-то отголоском древних эротических ритуалов, связанных с сакральным смехом, который способен вызывать новое рождение и воспроизведение жизни (см.: Зухба С. Л. Элементы драмы и театра… С. 593–594).

Местом, где проходили разнообразные народные представления, игры и увеселения, являлись, как известно, абхазские свадьбы.

Очень популярными здесь были выступления акечек с куклами (акендж), когда они разыгрывали различные комические сценки, в основном также бытового характера. Примечательно, что имелись своеобразные «специалисты» по изготовлению кукол. Более того, имелись ученики, оказывавшие помощь старшим в изготовлении кукол. В Абжуйской Абхазии устроителем кукольных спектаклей был Татуаз Ашуба со своими учениками[1].

Летом 1929 года, в период организации колхозов, в с. Атара, куда на сельский сход приехал Н.А. Лакоба, в заключение официальной встречи с главой Абхазского правительства, участниками драматического кружка с. Адзюбжа была поставлена пьеса «Аламыс» – коллективный труд молодой абжуйской интеллигенции – Э. Акшба, П. Чкадуа, М. Хашба, М. Делба и других[2]. Во время спектакля произошел курьезный случай. Ясон Чочуа, игравший революционера, должен был имитировать убийство урядника царской охранки, роль которого исполнял Болтенков Кузьма, местный житель, потомок русских колонистов. Для этой цели Чочуа вооружили наганом, в барабане которого, помимо холостых патронов было и несколько заряженных. Рассчитывали, что выпущены будут холостые патроны. Однако, когда Ясон потянул пистолет из кармана, раздался выстрел, причем не холостой. К счастью, пуля, не задев ногу Ясона, вонзилась в пол. Через несколько минут загорелся карман актера, и он вынужден был убежать со сцены. Кузьма и Ясон так хорошо сыграли, что неудачный выстрел и загорание брюк были спокойно встречены зрителями.

По материалам Н. С. Джанашиа, по выходным дням молодежь устраивала гуляния, игрища, на которых состязались в игре в мяч, в джигитовке, борьбе, метании камней, в песнях и танцах[3].

---

[1] Маан О. В. Социализация личности… С. 111.

[2] Отдельные моменты из истории села Адзюбжа… С. 8

[3] Анчабадзе Ю.Д. Традиционные развлечения абхазского крестьянства в конце XIX-начале XX в. // СЭ. 4. 1981. С. 110.

Уже тогда Н. С. Джанашиа с сожалением отмечал, что такие празднества отходят в область преданий.

Издревле, наиболее популярным местом сборов абжуйцев, как и по сегодняшний день, являлось с. Моква. Здесь проводились народные собрания с участием представителей Абжуа, проходили многолюдные гулянья, конно-спортивные состязания и «аимцакиачара». Аналогично, в средние века, значительное место ежегодных сборов абжуйских абхазов находилось на территории с. Кындыг, в районе крепости "Санто-Томассо". Здесь также устраивались конные состязания, соревнования силачей, водили хороводы. Эти гулянья были популярны и в Западной Грузии, почему поляна была известна у них под названием Сатамашо, что, как указывалось, в переводе с грузинского означает «место народных игрищ».

В конце XIX века, на левом берегу реки Кодор, в местности Набешь (позже затопила река) были устроены большие игрища по случаю окончания строительства Кодорского лесозавода. Праздник проводился в день Успенья Богородицы. Начались игрища с состязания по аимцакиачара. По традиции, игровой мяч изготавливался новобрачной. Тогда этой чести удостоилась Пшыц (Апшцба) Дзыркуи. Игроку, первому забросившему мяч в амба (ворота), владелец завода Максимов установил приз – 50 рублей золотом. Деньги были зашиты в мяч. Приза удостоился Кация Кадыр. Восхищенный игрой Кадыра, Максимов подарил ему еще 5 рублей золотом[1]. В скачках на этих игрищах принимали участие гости–наездники и скакуны Смецкого. Первый приз разделили наездники Камкия Хуса и Амзцба Бакура. По примеру Максимова, местная знать одарила наградами и призеров других видов состязаний.

Традиционные народные развлечения и игры привлекали большое количество зрителей. Подобные состязания, по словам Н. С. Джанашиа, «собирают абхазов со всей их прекрасной Родины» и они готовы на целые недели прервать свои работы, чтобы посмотреть на них»[1].

[1] Камкиа Ш.Т. От Абрскила до наших дней. Этюды и очерки. – Сухуми. 1988. С. 24–26 (на абх. яз.).

Важно отметить, что соперничество, состязания на праздниках, представляющих, например, два села, не исключали в то же время многосторонних – трудовых, торговых, брачных, бытовых и других взаимных отношений между людьми.

Состязания на народных праздниках оказывали на зрителей сильное и разностороннее эмоциональное воздействие, состоявшее, прежде всего, в чувстве восхищения драматизмом борьбы, искусством владения силой, ловкостью, красотой противоборства.

По мнению М.М. Бахтина, игра на народном празднике «выводила за пределы обычной жизненной колеи, высвобождала от законов и правил жизни, на место жизненной условности ставила другую, более сжатую, весёлую и улегчённую условность»[2]. Сходную точку зрения высказал И. Хейзинга. Праздничные народные игры считал он, «отделяет участников игры от повседневной жизни, создавая свой собственный замкнутый в себе мир»[3]. По словам Б.Х. Бгажнокова игрища, вторгаясь в повседневный быт общины, выступали в роли «перерывов» или «разрывов» постепенности, столь же необходимых для нормального течения жизни, как и функционирование всех других социальных институтов»[4].

В целом же, игрища на народных праздниках абхазов призваны были отвлечь от повседневности, тяжёлого труда, от жизненных трудностей, коренным образом переключить эмоциональный настрой[5]

[1] Джанашия Н.С. Статьи по этнографии... С. 88.
[2] Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М.1965. С.255.
[3] Токарев С.А. История изучения календарных обычаев и поверий // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. – М. 1983. С. 18.
[4] Бгажноков Б.Х. Черкесское игрище. Сюжет, семантика, мантика. – Нальчик. 1991. С. 14.
[5] Маан О.В., Горбунов Б.В. Традиционные состязательные игры абхазов... С. 10.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплексное историко-этнографическое изучение Абжуа позволило автору настоящей монографии проследить социально-экономическое развитие и политическую историю одного из ведущих регионов Абхазии.

Сообщения письменных источников и археологические памятники, обнаруженные здесь, изучение которых только начинается, свидетельствуют о том, что в Абжуйской Абхазии, с древности сложилась весьма развитая культура, в которой в свою очередь явно прослеживаются существенные локальные различия. Это, прежде всего, наблюдается в устройстве могил и погребальных обычаях, которые, как известно, являются важнейшими признаками этнографического порядка. Совокупность имеющихся данных позволили сделать вывод о том, что особенности конструкций могильных сооружений и погребальные обычаи Абжуйской Абхазии не сравнимы с известными погребальными обычаями других районов страны.

Археологи установили существование на этой территории городища первой половины I тыс. до н.э., нуждающегося в дальнейшем исследовании. Соответствующий могильник III в. до н.э. с богатым инвентарём, свидетельствует о привилегированном имущественном положении погребённого, который, судя по атрибутам, являлся знатным воином. Древности низовья Кодора могут раскрыть историческое прошлое и материальную культуру не только Абжуйской Абхазии, но отчасти и самого Сухума – одного из древнейших городов Восточного Причерноморья.

Материалы исследования свидетельствуют о том, что территория обитания кораксов – апсилов – абхазов была подвержена иммиграции. Здесь побывали греки, римляне, византийцы, лазы, персы, генуэзцы, турки, грузины, русские, что не могло не отразиться на культуре местного населения. Материалы находок на левом берегу Кодора и в районе г. Очамчира хорошо иллюстрируют проникновение в местный быт элементов, например, греческой культуры.

Материалы исследования позволяют сделать вывод о том, что историческая Апсилия была крупной в экономическом отношении областью на торговом пути, ведущему через Цебельду к Клухорскому перевалу – важнейшему связующему звену Черноморского побережья с Северным Кавказом, Средиземноморья с Восточной Азией.

Средневековая Апсилия также являлась важным духовно-религиозным центром Абхазии – здесь располагался крупнейший Драндский собор, где находилась резиденция архиепископа Себастополя. В эпоху Абхазского царства через Драндский храм шло распространение христианства на Северный Кавказ.

Материалы исследования позволяют сделать вывод о том, что значительное влияние на экономическое развитие Абжуйской Абхазии, как и в целом Абхазии, оказало генуэзское присутствие. Несмотря на работорговлю, широко практиковавшуюся ими, генуэзское присутствие повлияло на развитие производительных сил, способствовало появлению более современных форм производства и земледелия, более совершенных форм торговли и ремесленничества. Литературные источники позволили выявить на исследуемой территории торговую факторию «Каво зизибар». Основное назначение этой фактории, вероятнее всего, заключалось в вывозе лесных пород региона, кстати, генуэзцы часто называли Абхазию «берегом ценного леса».

Есть все основание считать, что аборигенное абхазское население непрерывно проживало в Абжуа и далее на юго-восток до реки Ингур, и ни о каком их появлении здесь с XVII века или этническом освоении их территории мегрелами не может быть речи, поскольку это абсолютно не соответствует реалиям народной жизни. Об этом говорит и приведённый в работе топонимический материал. Кроме того, этнические границы исторически, как известно, были всегда более устойчивы, нежели политические, которые с течением времени могли меняться. В период позднего средневековья Абжуйская Абхазия являлась крупнейшим торгово-экономическим районом всего абхазского побережья. При этом, к сожалению, главным образом, центром работорговли. Работорговля, этот кощунственный способ обогащения, наносил невосполнимый ущерб генофонду Абхазии, и в то же время рабы, вывозившиеся из Исгаура–Искурии–Скурчи, как и из Себастопо-

лиса–Сухума, сыграли важную роль в экономическом и культурном развитии государств Причерноморья и Средиземноморья.

После присоединения Абхазии к России в 1810 г., Абжуйская Абхазия постепенно превращалась в район производящий сельскохозяйственные культуры, которые в большом количестве реализовывались как внутри Абхазии, так и за её пределами. С проникновением экономики, ориентированной на рыночные отношения, на территории исследуемого района появляется крупнейшее промышленное предприятие Абхазии – Кодорский лесопильный завод.

Благодаря позитивному влиянию русской культуры, территория Юго–Восточной Абхазии стала по существу одним из главных очагов развития абхазской национальной культуры и колыбелью абхазской науки. Она является родиной одного из самых выдающихся представителей старшего поколения абхазских просветителей – Ф. Х. Эшба, первого историка и народного поэта Абхазии Д. И. Гулиа, видного абхазского просветителя А. М. Чочуа, видного учёного и общественного деятеля Н.С. Джанашиа, классика абхазской литературы и государственного деятеля С. Я. Чанба, одного из видных просветителей абхазского народа В/М./. Н. Маан. В с. Адзюбжа провёл свои детские и юношеские годы академик С. Н. Джанашиа.

Данные, изложенные в монографии, также свидетельствуют, что Абжуйская Абхазия было и остаётся важным военно-стратегическим районом Абхазии. Это подтверждают абхазо-мегрельские феодальные войны XVII в., события, связанные с присоединением Абхазии к России в начале XIX века, сражение на Кодоре абхазских повстанцев с грузинскими меньшевиками в 1918 г. и грузино-абхазская война 1992–1993 гг.

Анализ материалов, приведённых в работе со всей определённостью констатируют тяжелейший удар, нанесённый по этнокультурному развитию абхазов трагическими событиями XIX-XX вв. Это, прежде всего, их неоднократное насильственное выселение из исторической родины. Население Абжуа, как и население центральной Абхазии, подверглось выселению в 60-х – 70-х гг. XIX века. Другим тяжелейшим ударом для Абхазии явились массовые репрессии 30-х – 50-х гг. XX века, которые нанесли значительный урон кадровому потенциалу республики. Продолжением этой политики было заселение Абхазии, и главным образом, Абжуа, переселенцами из Западной Грузии, которое не прекращалось и во время, и после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. И, наконец, грузино-абхазская война в 1992–1993 гг., в победоносном окончании которой для Абхазии самое активное участие приняло население Абжуйской Абхазии.

Этнографическая характеристика Абжуйской Абхазии изложенная в монографии, отхватывает проблемы материальной культуры, хозяйственной деятельности, семейных и общественных отношений, духовной культуры. И следует отметить, что традиционная культура, пусть во многом трансформированная, здесь продолжает существовать. Несмотря на происходящие в обществе существенные процессы нивелировки традиционной культуры, люди осознают значение национальных ценностей и сохраняют многое из уходящего. Они сохраняются, прежде всего, в этических и моральных установках, в чувстве собственного достоинства человека, в этикете застолья и т.д. В Абжуйской Абхазии возрождаются предметы традиционного быта, например, плетёные хозяйственные постройки – апацхи, амбары и т.п. изделия народного промысла и др. В то же время многие хозяйства служат примером сочетания современного с традиционным. Несмотря на неимоверно тяжёлые последствия грузино-абхазской войны и трудности послевоенной жизни, население Абжуа не пало духом. И заслуга в этом молодёжи, прошедшей войну. Они своими руками поднимают район из руин. Их стараниями решаются первоочередные задачи восстановления народного хозяйства. В соответствии с постановлением правительства республики «О мерах по экономическому и социально–культурному развитию Очамчирского района», в настоящее время здесь работают 33 средние общеобразовательные школы. Капитально отремонтированы и введены в строй Адзюбжская, Тамышская, Лабрская, Гуадская и другие школы. В г. Очамчира функционируют четыре средние школы, школа искусств, спортивная школа, Дом культуры.

Сегодня можно строить самые различные проекты о будущем Абхазии, но несомненно, что её судьбу решит сам народ. Необ-

ходимо чтобы он, народ, владел природными богатствами в каждом населённом пункте. Необходимо чтобы абжуйцы являлись хозяевами своих плодородных земель, лесов, внутренних вод, песка, гравия и других даров природы. Абжуйцы это прекрасно понимают, как и то, что их собственное благополучие, неразрывно связано с благополучием страны, в которой они живут.

И, наконец, нельзя не сказать о важнейшей, на наш взгляд, научной задачей, стоящей перед исследователями – это проведение на территории Абжуйской Абхазии планомерных археологических раскопок, которая, как можно судить на основании изложенного в настоящей работе материала, далека до своего завершения. Все предметы материальной культуры, обнаруженные в этом районе являются лишь самой незначительной частью того, что здесь ещё может быть обнаружено. По мнению покойного проф. Ш.Д. Инал–Ипа, Абжуа является настоящим кладом. По свидетельству археолога В.В. Бжания, «на территории Абжуйской Абхазии расположено много важных и ценных для исторической науки археологических городищ, поселении и могильников». Поэтому без проведения соответствующих наземных и морских подводных изысканий, ещё рано ставить последнюю точку в изучении истории Абжуйской Абхазии. Случайно обнаруженные в последние годы в этом районе вещественных свидетелей прошлого, столетиями укрытые землёй, по настоящему заинтересовали исследователей, что даёт основание на проведение здесь больших археологических исследований. Требуется лишь время, энергия и финансовые средства для проведения необходимых исследований. И конечно, необходимо, чтобы археологические памятники этого района, необычайно хрупкие, уязвимые для современной хозяйственной деятельности (некоторые захоронения в могильниках залегают всего в 30–40 сантиметрах от поверхности) не попали под нож бульдозера раньше, чем они попадут в поле зрения учёных. Нет сомнения в том, что целенаправленные исследования помогут не только существенно дополнять наши представления о культурном развитии района, но по–новому продолжить изучение различных сторон истории и культуры Абхазии.

Библиография

Абакелия Н. Миф и ритуал в Западной Грузии. – Тб. 1991.

Абрамишвили Р. М. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии. Автореф. канд. дисс. – Тб. 1962.

Абрюцкий 2-ой. Статистический взгляд на Абхазию // Краткие исторические сведения об Абхазии // Тифлисские ведомости. № 27–29. – 1831.

«Абхазия» // Газ. 9 июля 1991 г.; 21 сентября 1991г.

Абхазия в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945). Сборник документов. – Сухуми. 1978.

Абхазия: документы свидетельствуют: 1937–1953. Сост. Б.Е. Сагария, Т.А.Ачугба, В.М.Пачулия – Сухум. 1992.

Абхазия в русской литературе. Сост. И.И. Квициния– Сухуми. 1982.

Абхазия и в ней Ново–Афонский Симоно–Кананитский монастырь. Сост. И. Н. 1898.

Абхазская АССР. Административно–территориальное деление. – Сухуми. 1975.

Абхазский букварь. – Тифлис. 1865.

Абхазский архив. XX век. Вып. I. Сост. С.З. Лакоба, Ю.Д. Анчабадзе – М. 2002.

Абшилава А. А. Трудящиеся Очамчирского района Абхазской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). – Сухуми. 1960.

Абшилава А. А. Сыны Абхазии – Герои Советского Союза. – Сухуми. 1961.

Абшилава А. А. История промышленности Абхазской АССР. 1921–1941 гг. – Тб. 1969.

Аверкиев И. С северо-восточного прибрежья Черного моря // Газ. «Кавказ» № 7. 1866г.

Авидзба В. Д. Проведение в жизнь крестьянской реформы в Абхазии. – Сухуми. 1985.

Агафий. О царствовании Юстиниана. – М.–Л. 1953.

Агрба В.Б. Из истории дореволюционной абхазской литературы. – Сухуми. 1988.

Агумаа Я. Состояние и перспективы развития пчеловодства в Абхазии. – Сухум. 1997.

Аджинджал И. А. Обычаи в дореволюционной Абхазии. Архив АИЯЛИ. Рукопись сгорела во время пожара 1992 г.

Аджинджал И.А. Из этнографии Абхазии. – Сухуми. 1969.

Аджинджал Е.К. Из истории абхазской государственности. – Сухум. 1996.

Аджинджал Е.К. К вопросу о деколонизации Абхазии // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА 28–31 мая 2001г. – Сухум. 2004.

Адзинба И.Е. Архитектурные памятники Абхазии. – Сухуми. 1958.

Адлейба Е.А. Наше родословие. (Народные сказания и статьи). – Сухум. 1996 (на абх. яз.).

Адлейба Е.А. Звараки. – Сухум. 1999 (на абх.яз.).

Акаба Л.Х. Абхазы Очамчирского района // КЭС. Т. 1. – М.1955.

Акаба Л. Х. Материалы о быте рабочих–абхазов Ткварчели // Труды АБИЯЛИ. Т. XXXI. – Сухуми. 1960.

Акаба Л. Х. О некоторых религиозных пережитках у абхазов // Современное абхазское село. – Тб. 1967.

Акаба Л. Х. У истоков религии абхазов. – Сухуми. 1979.

Акаба Л.Х. Исторические корни архаических ритуалов абхазов. – Сухуми. 1984.

АКАК. Т. X. – Тифлис. 1885.

«Алашара» // Газ. Вестник Московского общества абхазской культуры «Нартаа». Октябрь. 1990г.; январь 1991г.

Альбов Н. М. Из Абхазии //Альбов Н.М. Леса Абхазии. Из «Записок Императорского Общества Сельского Хозяйства Южной России». – Одесса. 1892.

Альбов Н. М. Этнографические наблюдения в Абхазии // ЖС. Вып. III. – Спб. 1893.

Альбов Н.М. Очерк растительности Колхиды // «Земледелие». Периодическое издание Географического отделения Императорского общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. Кн.1. – М. 1896.

Амиранашвили А. И. Новая находка в низовьях реки Ингура. – Тифлис. 1935.

Амичба Г.А. Некоторые вопросы коневодства и верховой езды у абхазов // Современное абхазское село. – Тб. 1967.

Амичба Г.А. Культура и идеология раннесредневековой Абхазии (V–X вв.) – Сухум . 1999.

Амичба Г.А. Абхазия в эпоху раннего средневековья. – Сухум. 2002.

Амичба В.А. Некоторые вопросы абхазской антропонимии // Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики. – Сухум. 2000.

Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Историко-этнографические области (проблема историко-этнографического районирования) // СЭ. 3. 1975.

Антелава И.Г. К вопросу о феодальных отношениях в Абхазии в XVII – XVIII веках // ТАГМ. Вып. 1. – Сухуми. 1947.

Антелава И.Г. Очерки по истории Абхазии XVII-XVIII веков. – Сухуми. 1949.

Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI – XVII вв.) – Сухуми. 1959.

Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии. – М. 1964.

Анчабадзе З.В. Очерк этнической истории абхазского народа. – Сухуми 1976.

Анчабадзе З.В., Дзидзария Г.А. Дружба извечная, нерушимая. – Сухуми. 1972.

Анчабадзе З.В., Дзидзария Г.А., Куправа А. Э. История Абхазии. Учебное пособие. – Сухуми. 1986.

Анчабадзе Ю.Д. Традиционные развлечения абхазского крестьянства в конце XIX – начале XX в. // СЭ. 4. 1981.

Анчабадзе Ю.Д. Странные поминки // СЭ. 1. 1982.

Анчабадзе Ю.Д. «Прекрасный обычай гостеприимства…» // СЭ. 4. 1985.

Анчабадзе Г. Абхазская хроника XIX века // Газ. «Кавказский акцент» №14, 1-15 июля 2000г.; № 15, 16-31 июля 2000г.

Апакидзе Д. Б. Центральная Колхида в эпоху поздней бронзы – раннего железа. – Тб. 1991.

«Апсны» // Газ. 30 июля 1996г.; 21 марта 2002г. (на абх.яз.)

«Апсны ахсаала» (карта Абхазии). 1912г. Сост. на абх. яз. шт. – кап. кн. М.Л. Шервашидзе (Чачба).

«Апсны капш» // Газ. 31 мая 1990г. (на абх.яз.).

Аргун А.Х. История абхазского театра. – Сухуми. 1978.

Аргун А. Х. Абхазский театр и фольклор. – Тб. 1986.

Аргун Ю.Г., Павленко А.П., Спицына Н.Х. Фамильно-родовая система и брачные ареалы // Абхазское долгожительство. – М. 1987.

Аргун Ю.Г. Этнология абхазов. Учебное пособие. – Сухум. 2003 (на абх.яз.).

Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. – М. 1982.

Архив Абхазского государственного музея. Ф.3. Д.110: Ф.3. Д.111: Ф.3. Д.1: Ф.3. Д.3: Ф.3. Д.120.

Ачугба Т.А. Поселение абхазов в Аджарии. – Батуми. 1988 (на груз.яз.).

Ачугба Т.А. На полпути по дороге на Родину // Газ. «Аидгылара». 6 октября 1989 г.

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л. 1983.

Барамидзе М.В., Бжания В.В., Квирквелия Г.Т. Раскопки в Адзюбжа // Археологические открытия 1978 года. – М. 1979.

Барамидзе М.В., Чигошвили Т.В., Квирквелия Г.Т., Хубутия Г.П., Чумбуридзе В.Г., Гамкрелидзе Г.А. Основные итоги археологической экспедиции Абхазии // Полевые археологические исследования в 1981 году // Краткие сообщения. – Тб. 1984.

Барач Г.П. Внутренние водоемы Абхазской АССР, их промысловая ихтиофауна и рыбохозяйственное значение. – Сухуми. 1960.

Барцыц М.М. Судьба в системе традиционного мировосприятия абхазов // «Мосты». Сб. научных статей. Вып. I. – Сухум. 1998.

Басария С.П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношениях. – Сухум-кале. 1923.

Басария С.П. Избранные сочинения. – Сухуми. 1967.

Басария С.П. Самурзаканцы или мурзаканцы // Материалы по истории Абхазии. Вып.1. – Сухуми. 1990.

Басария С.П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Пособие для 8–9 классов общеобразовательных школ, лицеев, колледжей. 2–е издание. – Сухум. 2003.

Бахиа С.И. Абхазская «абипара» – патрономия. – Тб. 1986.

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М. 1965.

Бгажба Х.С. Н.С. Джанашиа – краевед Абхазии // Труды АБИЯЛИ. Т. XXV. – Сухуми. 1954.

Бгажба Х.С. Этюды и исследования. – Сухуми. 1974.

Бгажба М.Т. Растительные ресурсы Абхазии и их использование. – Сухуми. 1964.

Бгажба М.Т. Дрозд песню поет. – Сухуми. 1968 (на абх.яз.).

Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Памятники села Герзеул. – Сухуми. 1980.

Бгажба О.Х. По следам кузнеца Аинара. – Сухуми. 1982.

Бгажба О.Х. Черная металлургия и металлообработка в древней и средневековой Абхазии. – Тб. 1983.

Бгажба О.Х. История железообрабатывающего производства в Западном Закавказье. Автореф. докт. дисс. – М. 1994.

Бгажба О.Х. Скифы и древние абхазы // Нужная газета. 21 ноября 2001 г.

Бгажба О.Х. Где проходила «Клисура» Джуаншера? // Абхазоведение. Вып. II. – Сухум. 2003.

Бгажноков Б.Х. Черкесское игрище. Сюжет, семантика, мантика. – Нальчик. 1991.

Белая книга Абхазии. Документы, материалы, свидетельства. – М. 1993.

Беляев М.А. Лесное хозяйство и эксплуатация леса в Абхазии // Абхазия. Геоботанический и лесоводственный очерк. – М.-Л. 1936.

Беляев М.А. Лесная промышленность Абхазии // Абхазия. Геоботанический и лесоводственный очерк. – М.-Л. 1936.

Берадзе Т.Н. Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии. – Тб. 1989.

Бжания Ц.Н. Скотоводческое хозяйство в Абжуйской Абхазии (Этнографический очерк) // Труды АИЯЛИ. Т. XXVIII. – Сухуми. 1957.

Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства абхазов. Этнографические очерки. – Сухуми. 1962.

Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов. – Сухуми. 1973.

Бжания В.В. Поселения Очамчирской культуры в горах Абхазии // Кавказ и Восточная Европа в древности. – М. 1973.

Бжания В.В., Бжания Д.С., Когония Л.М., Джопуа А.И. Раскопки Тамышского поселения //Археологические открытия 1983 года в Абхазии. – Тб. 1987.

Бжания Д.С., Вардания Г.И., Джопуа А.И., Сангулия Г.А. Раскопки в селе Тамыш //Археологические открытия в Абхазии 1985г. – Тб. 1990.

Бжания В.В., Бжания Д.С., Когония Л.М., Сангулия Г.А., Джопуа А.И. Работы в селе Тамыш // Археологические открытия в Абхазии 1986–1987гг. – Тб. 1990.

Бжания Д.С. Исследования Гагрского могильника эпохи бронзы и разведки в г. Ткуарчал // XLV итоговая научная сессия АБИГИ. Тезисы докладов. – Сухум. 2001.

Бигвава В.Л. Современная сельская семья у абхазов. – Тб. 1983.

Бигвава В.Л. Образ жизни абхазских долгожителей. – Тб. 1988.

Бигуаа С. Абхазское виноделие // Журн. «Эхо Кавказа». 1. – М. 1992.

Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // ВЭС. – М. 1956.

Боденштедт Ф. По Большой и Малой Абхазии. О Черкессии. Автор, предисловие, комментарии, послесловие – Дениса Чачхалиа. – М. 2002.

Бороздин К.А. Закавказские воспоминания. Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861г. – Спб. 1885.

Борьба за Октябрь в Абхазии // Сборник документов и материалов. 1917–1921. Сост. Г. А. Дзидзария. – Сухуми. 1967.

Борцы за Октябрь в Абхазии. – Сухуми. 1981.

Брешко–Брешковский Н. Н. «Дикая дивизия» // Журн. «Эхо Абхазии». 3. – М. 1994.

Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. – М. 1973.

Бромлей Ю.В. Народная медицина как предмет этнографии // Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. – М. 1981.

Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1. – М. 1823.

Броссе М. История Грузии. – Спб. 1848.

Брюсов А.Я. Передвижение племен по археологическим данным // СА. № 27. – М. 1957.

Буачидзе Г. Мари Броссе. Страницы жизни. – Тб. 1983.

Букия С.Г., Колосовская О.В. и др. Геологическая карта и карта полезных ископаемых Абхазской АССР. – М. 1971.

Бутба В.Ф. Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуйцу». – Сухум. 2000.

Вавилов Н.И. Избранные труды. Т. IV. – М. – Л. 1964.

Ваганов А. «Скурча принимает чемпионов» // Газ. «Советская Абхазия». 23 февраля 1988 г.

Важная веха в истории Абхазии. Сборник документов и материалов. Составитель и автор предисловия акад. Б.Е. Сагария. – Сухум. 2002.

Вахания О.В. Абхазские народные игры. – Сухуми. 1959.

Вахания О.В. Очерки по истории физической культуры Абхазии (1921–1960гг.). – Сухуми. 1961.

Вахушти. Описание царства Грузинского (География Грузии). – Тб. 1941 (на груз. яз.).

Введенский А.Н. Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела // ССКГ. Вып. VI. Отд. III. – Тифлис. 1872.

Вейцман Х.С. К охране и восстановлению фазана в Абхазии // Природа и социалистическое хозяйство. Т.6. – М. 1933.

В.Н. Маан. Некролог //Газ. «Советская Абхазия». 22 мая 1946г.

Военная карта Сухумского и Сочинского округов 1902–3–6–7 гг. Кутаисской Черноморской губернии и Кубанской области.

«Воин Абхазии» // Газ. № 2. Февраль 1999г.

Волкова Н.Г. Этнические процессы в Закавказье в XIX – XX вв. // КЭС. Т. IV. – М. 1969.

Волкова Н.Г. Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту (XIX – начало XX в.) // КЭС. – М. 1989.

Воронов Ю.Н. К вопросу о локализации кораксов и их крепости в Абхазии. ВДИ. 3. – М. 1968.

Воронов Ю.Н. Археологическая карта Абхазии. – Сухуми. 1969.

Воронов Ю.Н. Келасурская стена // СА. № 2. – М. 1973.

Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. – М. 1975.

Воронов Ю.Н. Древности Военно-Сухумской дороги. – Сухуми. 1977.

Воронов Ю.Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. – М. 1978.

Воронов Ю.Н. Диоскуриада – Себастополис – Цхум. – М. 1980.

Воронов Ю.Н. Памятники каменного века Военно-Сухумской дороги. – Тб. 1984.

Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Главная крепость Апсилии. – Сухуми. 1986.

Воронов Ю.Н. Драма Клухорской (Военно-Сухумской) дороги. – Сухум.1994.

Воронов Ю.Н. Колхида на рубеже средневековья. – Сухум. 1998.

Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия. – Сухум. 1998.

Всесоюзная перепись населения 1926г. ЦСУ СССР. Т. XIV. – М. 1929.

Габелия Е.К. Абхазские всадники. Исторический очерк. – Сухуми. 1990.

Ган К.Ф. Поездка в Мингрелию, Самурзакань и Абхазию // КВ. №4. – Тифлис. 1902.

Ган К.Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий. – Тифлис. 1909.

Географический энциклопедический словарь. – М. 1989.

Гожба Р. Именной посемейный список жителей Цебельдинского военного округа, изгнанных в Турцию // Газ. «Апсны Капш». 21 июня 1990 г.

Гожба Р. Абхазия – страна древних мореплавателей // Газ. «Республика Абхазия». 25–26 июля 1998г.; 1–2 августа 1998г.

Гуажба Р. «Путешествие на Кавказ» // Газ. «Республика Абхазия». 18 апреля 1998 г.

Гуажба А. Обычное право абхазов как возможный источник методов народной дипломатии // Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе. – Сочи. 1999.

Гуажба Р. Абхазские всадники// Газ. «Республика Абхазия». 18–19 августа 2001 г.; 21–22 августа 2001 г.

«Голос Трудовой Абхазии» // Газ. 5 июля 1923 г.

«Город в горах». – Сухуми. 1971.

Горький М. Рождение человека // Горький М. По Руси. – М. 1973.

Горлов Ю.В., Бжания Д.С. Работы совместной экспедиции Абхазского Института АНА и Института археологии РАН // XLVIII итоговая научная сессия АБИГИ. Тезисы докладов. – Сухум. 2004.

Государственная почвенная карта СССР. Изд. АН СССР. – М. 1959.

Грове Г. «Холодный Кавказ». – СПб. 1879.

Грузинская Советская Энциклопедия. – Тб. 1981.

Г.С. «Возвращение» // Газ. «Кавказ». № 72. 1852г.

Гулиа Д. И. Сочинения. Т.4. – Сухуми. 1962 (на абх.яз.).

Гулиа Д. И. Избранное. – Сухуми. 1973.

Гулиа Д. И. Собрание сочинений. Т. 3. – Сухуми. 1983.

Гулиа Д. И. Собрание сочинений. Т. 6. – Сухуми. 1986.

Гулиа Д. И. Избранное. – М. 1986.

Гунба М. М. Атарские гончарные печи. – Тб. 1985.

Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии н.э. – Сухуми. 1989.

Гюльденштадт А. О гаванях по Азовскому, Черному и Белому морям. «Географический месяцеслов на 1776 год». – СПб. 1776.

Данилов С. Трагедия абхазского народа // Материалы по истории Абхазии. 7.

Дарсалия Д.Х. Избранное. – Сухуми. 1970 (на абх.яз.).

Дбар С. А. Исторические формы захоронений у абхазов // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 75–летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И.Гулиа АНА 28–31 мая 2001г. – Сухум. 2004.

Делба М. Адзюбжские негры // Журн. «Алашара». № 4. 1981 (на абх.яз.).

Джавахишвили И.А. История грузинского народа. Кн. 1. – Тб. 1951 (на груз. яз.).

Джанашиа Н.С. Село Адзвибжа или Швацкали (Абхазия) // Газ. «Иверия». № 200. 1897г. (на груз. яз.).

Джанашиа Н.С. Абхазцы // Журн. «Моамбе». № 7. 1897г. (на груз. яз.).

Джанашиа Н.С. Кое-что из быта Абхазии // Газ. «Иверия». № 109. 1902г. (на груз. яз.).

Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии Абхазии. Составил и написал предисловие Х.С. Бгажба. – Сухуми. 1960.

Джанашиа С.Н. Труды. Т.IV. – Тб. 1968 (на груз. яз.).

Джаошвили В.Ш. Население Грузии. Экономико-географическое исследование – Тб. 1968.

Джапуа З.Д. Абхазские архаические сказания о Сасрыкуа и Абрыскиле. – Сухум. 2003.

Джикия С. К происхождению слова «Lazut». Сообщения АН ГССР. № 2. Т. V. 1944 // Материалы по истории Абхазии. 7.

Джикия С. Заметки по поводу «симинди-симидали». Труды ТГУ им. Сталина. Т. XXX – XXXI. 1947 // Материалы по истории Абхазии. 7.

Джонуа Ч.М. Огонь тушат огнем. Воспоминания. – Сухуми. 1974 (на абх.яз.).

Джонуа Б.Г. INDOARICA в Абхазии //Абхазоведение. Вып. I. – Сухум. 2000.

Джопуа А.И. Клад бронзовых топоров из с.Члоу // Археологические открытия в Абхазии. 1985 г. – Тб. 1990.

Джопуа А.И. Исследования ацангуар в Соуипсара и Цыгуиашта // XLV итоговая научная сессия АБИГИ. Тезисы докладов. – Сухум. 2001.

Джопуа А.И. Ацангуарские сооружения в урочище Ламкац // Тезисы докладов научной конференции, посвящённой 90–летию со дня рождения Георгия Алексеевича Дзидзария. – Сухум. 2004.

Джугели В. Тяжелый крест. – Тифлис. 1920.

Дзидзария Г.А. Из истории мореходства в Абхазии // Труды СГПИ им. А. М. Горького. Т. XII. – Сухуми. 1958.

Дзидзария Г.А. Домашняя промышленность и ремесло в Абхазии в XIXв. (До крестьянской реформы 1870г.) // Труды АБИЯЛИ. Т. XXIX. – Сухуми. 1958.

Дзидзария Г.А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. – Сухуми. 1958.

Дзидзария Г.А. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. – Сухуми. 1960.

Дзидзария Г.А. Очерки истории Абхазии 1910–1921. – Сухуми. 1963.

Дзидзария Г.А. С.П. Басария // Басария С.П. Избранные сочинения. – Сухуми. 1967.

Дзидзария Г.А. Декабристы в Абхазии. – Сухуми. 1970.

Дзидзария Г.А. Советская власть в Абхазии в 1918 году. – Сухуми. 1972.

Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми. 1975.

Дзидзария Г. А. Ф.Ф. Торнау и его Кавказские материалы XIX века. – М. 1976.

Дзидзария Г. А. В.И. Ленин и Абхазия. – Сухуми. 1977.

Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. – Сухуми. 1979.

Дзидзария Г. А., Качарава Ю.М. Из истории совместной борьбы грузинского и абхазского народов. – Тб. 1981.

Дзидзария Г. А. Лыхны. (Очерк дореволюционного прошлого села) – Сухуми. 1986.

Дзидзария Г. А. А. М. Чочуа // Чочуа А.М. Избранные сочинения. – Тб. 1987.

Дзидзария Г.А. Труды. 1 – Сухуми. 1988.

Дзидзария Г.А. Труды. 2. – Сухуми. 1990.

Дзидзария (Дзария) О. П. Морская лексика в абхазском языке. – Сухуми. 1989.

Дзидзария (Дзари) О.П. Строительная лексика абхазского языка. – Сухум. 1998.

Дмитрий Маргания (Маан) – протоиерей – просветитель. Составление, предисловие и послесловие доктора филологических наук Х.С. Бгажба. – Сухум. 1999.

Древнеегипетские памятники из музеев СССР. Каталог выставки. (Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина). – М. 1991.

«Дроеба» // Газ. № 23. 1867г.: № 36–37. 1876г. (на груз. яз.).

Дудко А.П. Из истории дореволюционной школы в Абхазии (1851–1917 гг.). – Сухуми. 1956.

Дудко А.П. Из истории педагогического образования в Абхазии. – Сухуми. 1961.

Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа. Т. 1. – Сухуми. 1937.

Ельницкий Л.А. Из исторической географии древней Колхиды // ВДИ. № 2(3). – М. 1938.

«Единение». //Газ. 4. Июль 1990г.

Жан де Люк. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин // ЗООИД. Т. XI. – 1879.

«Живописная Россия». Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Под общей редакцией П.П. Семенова (Вице-председателя Императорского Русского Географического Общества). Том девятый. Кавказ. – С.–Петербург. – М. 1883.

Завадский Ф. Абхазия и Цебельда // Газ. «Кавказ». № 59. 1867г.

«Закавказье» // Газ. 13 августа 1911 г.

Замятнин С.Н. Очерки по палеолиту. – М.-Л. 1961.

«Записка депутации от Черноморского побережья о проведении Черноморской железной дороги. – С.-Петербург. 1912.

Заповедники СССР. Заповедники Кавказа. – М. 1990.

«Заря Востока» // Газ. 22 августа 1958 г.

Захаров С.А. Почвенно–географический очерк Абхазии. – Сухум. 1930.

Званба С.Т. Абхазские этнографические этюды. – Сухуми. 1982.

Земледелие и скотоводство у абхазов (Материалы к историко–этнографическому атласу Грузии). – Тб.1986.

Зиновьев В. Кое–что о лесах Черноморского побережья // Газ. «Кавказ». 11 июня 1887 г.

Золотарев А.М. Военно-географический очерк окраин России и пути в соседние территории. – СПб. 1903.

Зубов П. Картина Кавказского края. Кн. II. Ч. VII. – СПб. 1835.

Зухба С.Л. Абхазское народное поэтическое творчество. – Сухуми. 1981 (на абх.яз.).

Зухба С.Л. Об абхазо-грузинских литературных взаимосвязях // Известия АИЯЛИ. Т. IX. – Сухуми. 1981.

Зухба С.Л. Типология абхазской несказочной прозы. – Майкоп. 1995.

Зухба С.Л. Элементы драмы и театра в абхазском фольклоре // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 75–летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА 28–31 мая 2001 г. – Сухум. 2004.

Иванов Вяч. Вс. Сходные черты в культе волка на Кавказе, в древней Малой Азии и на Балканах // Всесоюзная научная конференция. Тезисы докладов. – Тб. 1975.

Иващенко М.М. Великая Абхазская стена // Известия АБНО. Вып. 4. – Сухум. 1926.

Иващенко М.М. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. – Тифлис. 1935.

«Иверия» // Журн. №11. 1881 // Газ. «Абхазия». 16 июля 1991г.

«Иверия» // Газ. 15 июля 1905 г.

Избранные произведения писателей Советской Абхазии. – Тб. 1938.

Известия о деятельности Сухумского общества сельского хозяйства. 6-го ноября 1916 г. Январь-февраль 1917 г.

ИКОИРГО. Вып. II. Т. IX. – Тифлис. 1896.

Иллюстрированный словарь научных терминов и иностранных слов. – М. 1908.

Инадзе М.П. К истории Грузии античного периода. (Флавий Арриан и его сведения о Грузии). Автореф. канд. дисс. – Тб. 1953.

Инал–Ипа Ш.Д. О топонимике Очамчирского района. Рукопись. 1949 г.

Инал–Ипа Ш.Д. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. – Сухуми. 1954.

Инал–Ипа Ш.Д. О мореплавании в Абхазии в античный период и феодальную эпоху // Труды АБИЯЛИ. Вып. 30. – Сухуми. 1959.

Инал–Ипа Ш.Д. Абхазы. – Сухуми. 1965.

Инал–Ипа Ш.Д. К абхазо-осетинским этнокультурным связям // Происхождение осетинского народа. – Орджоникидзе. 1967.

Инал–Ипа Ш.Д. Страницы исторической этнографии абхазов. – Сухуми. 1971.

Инал–Ипа Ш.Д. Традиции и современность. – Сухуми. 1973.

Инал–Ипа Ш.Д. Прыжок благородного оленя. (К 100-летию со дня рождения Народного поэта Абхазии Д.И. Гулиа). – Сухуми. 1974.

Инал–Ипа Ш.Д. Вопросы этно-культурной истории абхазов. – Сухуми. 1976.

Инал–Ипа Ш.Д. Памятники абхазского фольклора. – Сухуми. 1977.

Инал–Ипа Ш.Д. Очерки об абхазском этикете. – Сухуми. 1984.

Инал–Ипа Ш.Д. Воспитание ребенка по обычаю аталычества // Труды. – Сухуми. 1988.

Инал–Ипа Ш.Д. О моём народе, его истории и Отечестве // Газ. «Советская Абхазия». 16 сентября 1989 г.

Инал–Ипа Ш.Д. Об изменении этнической ситуации в Абхазии в XIX – начале XX в. // СЭ. 1. 1990.

Инал–Ипа Ш.Д. «Он бескорыстно служил родному краю» // Газ. «Республика Абхазия». 7 августа 1992 г.

Инал–Ипа Ш.Д. Ступени к исторической действительности. – Сухум. 1992.

Инал–Ипа Ш.Д. Садзы. Историко-этнографические очерки. – М. 1995.

Инал–Ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов. – Майкоп. 2002.

Информация о некоторых результатах расследования событий, имевших место в г. Сухуми, других городах и районах Абхазской АССР 15–16 июля 1989 года // Важная веха в истории Абхазии. Сборник документов и материалов. Составитель и автор предисловия акад. Б. Е. Сагариа. – Сухум. 2002.

История древнего мира. – Ч. 2. Греция и Рим – М. 1982.

История Абхазии. – Сухум. 1991.

Ишмуратов Б.М. Региональные системы производительных сил: Методологические основы географического анализа. – Новосибирск. 1979.

«Кавказ» // Газ. 11 августа 1877 г.; 22 февраля 1878 г.; 5 октября 1900 г.

«Кавказский акцент» // Газ. № 5, 17–29 февраля; № 14, 1-15 июля; № 15, 16–31 июля 2000 г.

Камкиа Ш.Т. От Абрскила до наших дней. Этюды и очерки. – Сухуми. 1988 (на абх.яз.).

Камкиа Ш.Т. Адзюбжа в прошлом и настоящем //Газ. «Апсны. №66. 1997г. (на абх.яз.).

Карла Серена. Путешествие по Самурзакану и Абхазии. 1881г. Перевод с французского Р. Г. Крючкова. Рукопись. Архив Абхазского государственного музея. Ф. 3. Д. 146.

Карла Серена. Путешествие по Абхазии. Автор проекта и редактор, предисловие и комментарии: Денис Чачхалиа. Перевод с французского Р. Черниковой. – М. 1999.

Карпеев И.В. «Дикая дивизия»//Журн. «Эхо Кавказа». 3. – М. 1994.

Карта ССР Абхазии. – Сухум. 1926.

Карта «Аԥсны ахәынҭқарра». – Сухум. 1977.

Карта Западной части Кавказского края, составленная из топографических сведений, собранных о Закубанских горских народах и дополненная расспросами 1842 года. – Тифлис. 1842.

Карта Кавказского края. – Тифлис. 1847.

Карта памятников материальной культуры Абхазской АССР. Сост. И.Е. Адзинба, черт. В.И. Патарая. 1939.

Карта перспективных нефтегазоносностей мезазойских отложений Абхазии. 1996 г.

Каталог археологических материалов. Музей Грузии. Т. II. – Тб. 1955.

Кахидзе А.Ю. Города Причерноморья Грузии в античную эпоху. (Кобулети – Пичвнари). – Тб. 1971.

Кация А.К. Мармал–абаа архитектурный памятник средневековья. Рукопись. 1958 г.

Кация А.К. Илори. – Сухуми. 1963.

Кация А.К. Скурчинский залив. Дневник. 1980 г.

Кация А.К. Абхазская архитектура. Рукопись. 2002 г.

Кация Р.Н. Итальянские колонии на Черноморском побережье Кавказа и их взаимоотношения с местными народами (конец XIII–XV вв.). Дисс. на соискание учен. ст. канд. ист. наук. – М. 1985.

«Квали» // Журн. № 42. 1898. (на груз. яз.); № 49. 1899 // Газ. «Абхазия» 1 июля 1991 г.

Кварчия В.Е. Животноводческая (пастушеская) лексика в абхазском языке. – Сухуми. 1981.

Кварчиа В.Е. Материалы топонимики Очамчирского района Абхазской АССР. Ч. 1. – Сухуми. 1988 (на абх.яз.).

Кварчия В., Ачугба Т. Об этнической и демографической ситуации в Абхазии в прошлом и настоящем // Историческая справка//Литературная Абхазия. 2. 1991.

Кварчия В.Е. Топонимика Абхазии. – Сухум. 2002 (на абх. яз.).

Кварчия В.Е. Историческая и современная топонимия Абхазии (Историко-этимологическое исследование). – Сухум. 2006.

Квезерели-Копадзе Н. Дорожные сооружения древней Абхазии. – Сухуми. 1955.

Кецба-Давыдова Б. Страницы пионерской летописи Абхазии. – Сухуми. 1968.

Книга Вечной Памяти. Составитель и ответственный редактор, канд. ист. наук, майор В. М. Пачулия. – Сухум. 1997.

Кобахия А., Тарасов А. Леса Абхазии. – Сухуми. 1984.

Кобахия А. Самшитники Абхазии // Земля – наша кормилица. Проблемы охраны земельных ресурсов Абхазии. – Сухуми. 1988.

Кобычев В.П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. – М. 1982.

Ковалевский П.И. Кавказ. Т.1. Народы Кавказа. – СПб. 1914.

Ковач К. Песни кодорских абхазцев. – Сухум. 1930.

Козлов В.И., Павленко А.П. Жилищно-бытовые условия // Абхазское долгожительство. – М. 1987.

Колаковский А.А. Растительный мир Колхиды. – М. 1961.

Колаковский А.А. Плиоценовая флора Кодора. – Сухуми. 1964.

Колаковский А.А. Флора Абхазии. Т. I. – Тб. 1980; Т.II. – Тб. 1982; Т.III. – Тб. 1985; Т. IV. – Тб. 1986.

Колаковский А.А., Воронов Ю.Н. Юрий Николаевич Воронов. – М. 1981.

Копешавидзе Г.Г. Традиционная система питания (этнографический аспект) // Абхазское долгожительство. – М. 1987.

Костюковский Б., Табачников С. Главный университет. – М. 1975.

Краткий политический словарь. – М. 1983.

Крушкол Ю.С. Древняя Синдика. – М. 1971.

КСХ. № 174. 1897.

Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. – Сухуми. 1922.

Кузнецов В.А. Очерки истории алан. – Орджоникидзе. 1984.

Куправа А.Э. Агротехническая и кредитная помощь крестьянству Абхазии в годы восстановительного периода (1921–1925 гг.) // Труды АИЯЛИ. Т. XXVIII – Сухуми. 1957.

Куправа А.Э. Аграрная политика Советской власти в Абхазии в 1921–1925гг. // Труды АБИЯЛИ. Т. XXIX. – Сухуми. 1958.

Куправа А.Э. Крестьянство Абхазии в годы восстановительного периода. – Сухуми. 1959.

Куправа А.Э. Первые мероприятия Советской власти в Абхазии. (1921–1922 гг.) // Труды АБИЯЛИ. Т. XXXI. – Сухуми. 1960.

Куправа А.Э. Верный сын народа. (К 80–летию со дня рождения М.К. Цагурия) // Журн. «Алашара». № 5. 1976 (на абх. яз.).

Куправа А.Э. Из истории абхазской антропонимии. К вопросу преобразований фамильных имён. – Сочи. 2003.

Куправа А.Э. Агу–Бедиа. Рукопись. 2003 г.

Куправа А.Э. Первая Бедиа. Рукопись. 2003 г.

Куправа А.Э. Охурей. Рукопись. 2003 г.

Куправа А.Э. Река. Рукопись. 2003 г.

Куфтин Б.А. Материалы к археологии Колхиды. Т.I. – Тб. 1949; Т.II. – Тб. 1950.

Куфтырева Н.С., Лашхия Ш.В., Мгеладзе К.Г. Природа Абхазии. – Сухуми. 1961.

Кучуберия Л.Е. К вопросу о развитии брачных обычаев и свадебной обрядности абхазов // Современное абхазское село. – Тб. 1967.

Лабахуа А.М. Ткварчельский клад. (Записки горного инженера). – Сухуми. 1982.

Лакоба С.З. Из истории развития капитализма в Абхазии // Известия АБИЯЛИ. Т. X11. – Тб. 1983.

Лакоба С.З. Боевики Абхазии в революции 1905-1907 годов. – Сухуми. 1984.

Лакоба С.З. «Крылились дни в Сухум-кале». – Сухуми. 1988.

Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. – Сухуми. 1990.

Лакоба С.З. Абхазия: после двух оккупаций. – Гагра. 1994.

Лакоба С. Асланбей // «Нужная газета». №1. 1998г.

Лакоба С.З. Асланбей. – Сухум. 1999.

Лакоба С.З. Басария С. П. Штрихи к политическому портрету // Басария С.П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Пособие для 8–9 классов общеобразовательных школ, лицеев, колледжей. – Сухум. 2003.

Ламберти Арк. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией // СМОМПК. Вып. 43. – Тифлис. 1913.

Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т.1. – СПб. 1890.

Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т.II. – СПб. 1904.

Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. Вып. XIX-XXX. – М. 1947-1949.

Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. №3. – М. 1949.

Лашхия Ш.В. Абхазская АССР. Природные ресурсы и хозяйственная практика. – Тб. 1982.

Лейберов И.П. Цебельдинская находка. – М. 1980.

Лежава Г.П. Рабочий класс Абхазии в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) – Тб. 1984.

Лежава Г.П. Изменение классово–национальной структуры населения Абхазии (конец XIXв. – 70–е гг. XX в.) – Сухуми. 1989.

Лесная энциклопедия. Том первый. – М. 1985.

Ломоури Н.Ю. Из исторической географии древней Колхиды // ВДИ. № 4. – М. 1957.

Ломоури Н.Ю. Абхазия в античную и раннесредневековую эпохи. – Тб. 1997.

Лоция Чёрного моря. – Л. 1987.

Лукин А.Л. Археология Бзыбской Абхазии // Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Т. 1. – Л. 1941.

Люлье. Черкессия. Историко–этнографические статьи // Материалы по истории черкесского народа. Северо-Кавказский филиал традиционной культуры. М.Ц.Т.К. «Возрождение». 1990.

Ляйстер А.Ф., Чурсин Г.Ф. География Закавказья. – Тифлис. 1929.

Маан О.В. Ораторское искусство у абхазов и его роль в социализации личности // Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986–1987гг. Тезисы докладов. – Сухуми. 1988.

Маан О.В. По поводу «запоздалой» рецензии // Газ. «Республика Абхазия». 15 ноября 1991г.

Маан О.В. Фамильные сходы у абхазов // Полевые исследования. Т. 1. Вып. 2. – М. 1993.

Маан О.В. Находки в селе Адзюбжа // Газ. «Республика Абхазия». 24–25 апреля 1996 г.

Маан О.В., Горбунов Б. В. Традиционные состязательные игры абхазов. // Журн. «Аказара» (Искусство). 1. 1998г. (на абх.яз.).

Маан О. В. Находка в Адзюбже // Газ. «Республика Абхазия». 7–8 октября 1998 г.

Маан О.В. Безвинные жертвы из Адзюбжи // Газ. «Республика Абхазия». 28–29 апреля 1999г.

Маан О.В. О некоторых местах поклонения святым у абхазов//XLIV итоговая научная сессия АБИГИ. Тезисы докладов. – Сухум. 2000.

Маан О.В. Из истории судоходства в Абхазии // Абхазоведение. Вып. I. – Сухум. 2000.

Маан О.В. К вопросу о племени караксов // XLV итоговая научная сессия АБИГИ. Тезисы докладов. – Сухум. 2001.

Маан О.В. Социализация личности в традиционно–бытовой культуре абхазов (вторая половина XIX – начало XX вв.) – Сухум. 2003.

Маан О.В. Из истории фамильных имён абхазов // Абхазоведение. Вып. II. – Сухум. 2003.

Маан О.В. Этнополитическая ситуация в Абжуйской Абхазии в XVII в. // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 75–летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА 28–31 мая 2001г. – Сухум. 2004.

Маан О.В. Храм «Елыр–ныха» // XXXVII Международный конгресс востоковедов. Тезисы докладов. – М. 2004.

Маан О.В. Очерки истории и культуры населения низовьев реки Кодор. – Сухум. 2004.

Малия Е.М., Акаба Л.Х. Одежда и жилище абхазов. – Тб. 1982.

Малия Е.М. Древо–Свечи в поминальной обрядности абхазов // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 75–летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА 28–31 мая 2001г. – Сухум. 2004.

Марр Н.Я. О языке и истории абхазов. – М.-Л. 1938.

Марыхуба И.Р. О балкарских родах абхазского происхождения Апсуваевых, Джапуевых… // Газ. «Хасэ». 3 сентября 1994г.

Марыхуба И.Р. Ефрем Эшба. – Сухум. 1997.

Матарадзе Н.И. Страницы прошлого. – Сухуми. 1957.

Материалы Всесоюзной переписи населения 1989г. (Архив Государственной статистики Республики Абхазия).

Материалы официальных радиосводок по Восточному фронту. 1992–1993 гг. (Архив Министерства Обороны Республики Абхазия).

Мафедзев С.Х. О народных играх адыгов.– Нальчик. 1986.

Мачавариани К. Д. Некоторые черты из жизни абхазцев // СМОМПК. Вып. IV. – Тифлис. 1884.

Мачавариани К.Д. Некоторые черты из жизни абхазцев. Положение женщины в Абхазии // Мачавариани К.Д. Очерки и рассказы. – Батум. 1909.

Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии. – Сухум. 1913.

Мачавариани К.Д. «Светлой памяти павшего на войне героя, корнета К.Ш. Лакербай». – Сухум. 2003.

Меликсет-Беков Л.М. Pontica Transcaucasica Ethnica. По данным Миная Медичи от 1815–1819 гг. // СЭ. № 2. 1950.

Мелихов А.Н. Абхазия в годы первой русской революции // Из истории революционных событий в Абхазии в 1905-1907гг. – Сухуми. 1955.

Месхи Ш. Симон Джанашиа. – Тб. 1947 (на груз.яз.).

Минасян Э.Г. Истребительные батальоны Абхазии в Великой Отечественной войне (1941–1945гг.). – Сухуми. 1980.

Минасян Э.Г. Трудящиеся Абхазии – фронту (1941–1945). – Сухуми. 1989.

Мезенцев В. Энциклопедия чудес. – Алма–Ата. 1989.

Мускаев А.И., Першиц А. И. Народные традиции кабардинцев и балкарцев. – Нальчик. 1992.

«Народная партия Абхазии» (НПА) // Газ. 30 января 1999г.

Народы России // Черкесы и абхазцы. – Санкт–Петербург. 1879 // Материалы по истории Абхазии. 4.

Народы Кавказа. Этнографические очерки. II. – М. 1962.

Начкебия С.М. Табу и лечебная магия в народной педиатрии абхазов // XLVIII итоговая научная сессия АБИГИ. Тезисы докладов. – Сухум. 2004.

Начкебия С.М. О некоторых терминах народной медицины в абхазском языке // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Материалы Международной научной конференции, посвящённой

75–летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА 28–31 мая 2001г. – Сухум. 2004.

«Наше слово». // Газ. 16 марта; 10 мая 1920г.

Несколько слов о применении народных обычаев к судопроизводству Абхазии // ССКГ. Вып. IV. Отд. III. – Тифлис. 1871.

Окладников А.П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. – Л. 1970.

Олонецкий А.А. Очерки по развитию капиталистических отношений в Абхазии (конец XIX – начало XX в.). – Сухум. 1934.

Олонецкий А.А. Крестьянская реформа 1870 года в Абхазии // Труды АИЯЛИ. Т. 25. – Сухуми. 1954.

Олонецкий А.А. Сельское хозяйство Абхазии перед войной 1914г. // ТАГМ. Вып. II. – Сухуми. 1957.

Отдельные моменты из истории села Адзюбжа Очамчирского района. 1965г. Машинопись // Архив АБИГИ. Ф.6. Д.1.

Отчет ОВПХК за 1864 год. – Тифлис. 1865.

Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани // ССКГ. Вып.III. Отд. l. – Тифлис. 1870.

Очерки истории Абхазской АССР. Ч. 1. – Сухуми. 1960.

Очерки истории Абхазской АССР. Ч. II. – Сухуми. 1964.

Очерки истории Грузии (в восьми томах). Т. II. Грузия в IV–X веках. – Тб. 1988.

Памятники грузинского права. Т. II. – Тб. 1965 (на груз. яз.).

Пантюхов И.И. Антропологические наблюдения на Кавказе. – Тифлис. 1893.

Пантюхов И.И. Влияние малярии на колонизацию Кавказа. – Тифлис. 1899.

Пахомов А. Абхазия в сельскохозяйственном отношении // ЗКОСХ. Вып. 1–2. – Тифлис. 1868.

Пахомов А. Исторические записки по истории Абхазии и князей Шервашидзе // Исторический вестник. Т. 7. – Тб. 1957.

Пачалиа Ш. Путь актера. – Сухуми. 1968 (на абх. яз.).

Пачулиа В.П. По историческим местам Абхазии. – Сухуми. 1960.

Пачулиа В.П. Из Сочи в Сухуми. Путеводитель. – М. 1965.

Пачулиа В.П. В краю золотого руна. – М. 1968.

Пачулиа В.П. Здесь помнят Дмитрия Гулиа. – Сухуми. 1974.

Пачулиа В.П. «Грот царицы пчел» // Газ. «Советская Абхазия». 19 сентября 1975 г.

Пачулиа В.П. В Сухумской ссылке // Газ. «Советская Абхазия». 19 ноября 1976 г.

Пачулиа В.П. Абхазия. – Сухуми. 1976.

Пачулиа В.П. Черноморское побережье Кавказа. – М. 1980.

Пачулиа В.П. Русские писатели в Абхазии. – Сухуми. 1980.

Пачулиа В.П. Памятники и памятные места революционной и боевой славы Абхазии. – Сухуми. 1981.

Пачулиа В.П. Как была уничтожена ореховая роща Бабышьа // «Ерцаху». Литературный сборник. – Сухуми. 1984.

Пачулиа В.П. Падение Анакопии. Легенды Кавказского Причерноморья. – М. 1986.

Пачулиа В.П. Древняя, но вечно молодая Абхазия. – Сухуми. 1991.

Пачулия В.М. Отечественная война народа Абхазии 1992–1993гг. Краткий обзор боевых действий // Газ. «Эхо Абхазии». 1 октября 2003г.

Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Чёрного моря в 1750-1762 годах. (В изложении Е.Д. Фелицына) // Материалы для истории черкесского народа. 1990.

Подробное описание Абхазии, составленное из лучших известий об Абхазии в 1834 году // Собрание отдельных поступлений Ленинградской публичной библиотеки им. С.-Щедрина в 1928 году. № 554 / 1, 554 / 2.

Покровская Л.В. Земледельческая обрядность // Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. – М. 1983.

Покровский М.В. Русско-адыгейские торговые связи. – Майкоп. 1957.

Поль Гибаль. Одесса, 20 января 1821г. Дневник моего путешествия от Черного моря до Каспийского и от Астрахани до Таганрога. (Начато 21 марта 1820 года и окончено 20 декабря того же года). Перевод с французского Р.Г. Крючкова. – Сухуми. 1965.

Потто В.А. Кавказская война. Т.2. – Ставрополь. 1994.

Прицкер Л.М. Добрый след на земле // Газ. «Советская Абхазия». 10 января 1980 г.

Прицкер Л.М. История курортов Абхазской АССР. – Тб. 1987.

Прокопий из Кесарии. Война с готами. – М. 1950.

Путешествие профессора Нордмана по Закавказскому краю // ЖМНП. № 11. – СПб. 1838.

Путешествие Шардена по Закавказью в 1672–1673гг. // Журн. «Кавказский вестник». 1900–1901гг.

Путешествие Шардена по Закавказью в 1672–1673гг. – Тифлис. 1902.

Пчелы и человек. (Сборник). Ред. Н. Филлиповский. – М. 1981.

Рамишвили А.Т. О назначении стоянок с «текстильной керамикой» Восточного Причерноморья // СА. № 4. – М. 1975.

«Республика Абхазия» // Газ. 26 января 1994г.; 9 февраля 1994 г.; 1–2 апреля 1999г.; 8–9 июня 2004г.

Русско-итальянский учебный словарь. – М. 1990.

Рыбинский Г.А. Сухумский округ. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении. – Тифлис. 1894.

Рыбинский Г. А. Абхазские письма. XXIV // Газ. «Кавказ». № 22. 1895г.

Саблин С. Древний собор в Драндах // Газ. «Кавказ». № 8. 1846 г.

Сагария Б.Е. О «белых» и «чёрных» пятнах в истории Абхазии // Газ. «Единение». 1. Январь 1990г.

Сагария Б.Е. О трагических страницах в истории Абхазии. – Сухум. 1995.

Сагария Б.Е. Трагедия македонских абхазов. – СПб. 1995.

Сакания С.М. Моквский храм. Параллели Византии и Киевской Руси // XLIV итоговая научная сессия АБИГИ. Тезисы докладов. – Сухум. 2000.

Салакая Ш.Х. Абхазский народный героический эпос. – Тб. 1966.

Сангулиа С. В том далеком, 29-м…// Газ. «Советская Абхазия». 30 марта 1988 г.

Сатунин К.А. К орнитологии Абхазии // Птицеведение и птицеводство. Год 4. Вып. 2. – М. 1913.

Сахокия Т. Путешествия. – Тб. 1950 (на груз. яз.).

Сведения об удобствах квартирного размещения всех родов войск в пределах Российской империи и квартирные карты губернии и областей. Абхазия. Составлено при 1-ом отделении департамента Генерального штаба. – 1843 г.

Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. Кн. II. – Спб. 1847; Кн. III. – Спб. 1850.

Скворцова Н.А., Майзель Б. Н. Итальянско-русский словарь. – М. 1977.

Скилак Кариандский. Перипл обитаемого моря. Перевод с древнегреческого и комментарии В.Ф. Шелова–Коведяева // ВДИ. №2. – М. 1988.

Следственные материалы по делу контрреволюционной, право–троцкистской, повстанческо–вредительской организации молодежи в Абхазии. Дело «Организаторы». – Народный Комиссариат Внутренних дел Абхазии. IV отд. УГБ. – Сухум. 1938 г.

Словарь абхазского языка. Т. 1. – Сухуми. 1986.

Смирнова Я.С. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины (XIX–XX вв.) // КЭС. I. – М. 1955.

Смирнова Я.С. Искусственное родство у народов Северного Кавказа. Формы и эволюция // КЭС. Т. IX. – М. 1989.

Смыр Л.Г. Сухумское Общество Сельского Хозяйства (1898–1922гг.). – М. 1996.

Смыр Г.В. Религиозные верования и свободомыслие у абхазов. (Этнокультурные аспекты). Дисс. на соискание учён. ст. докт. ист. наук. – Майкоп. 1997.

Смыр Г.В. Основные особенности абхазских фамилий. – Сухум. 2000 (на абх.яз.).

«Советская Абхазия» // Газ. 22 мая 1946г.; 2 ноября 1961г.; 2 марта 1962г.; 17 ноября 1967г.; 27 марта 1968г.; 24 сентября 1974г.; 10 ноября 1976г.; 19 ноября 1976г.; 7 января 1977г.; 26–27 сентября 1979г.; 10,19 января 1980 г.

«Советский спорт» // Газ. 24 января 1978 г.

Соловьев Л.Н. Энеолитическое селище у Очемчирского порта в Абхазии // Материалы по истории Абхазии. 1. – Сухуми. 1939.

Соловьев Л.Н. Палеолитические стоянки долины р. Кодор в связи с историей Кодорской долины // Выездная сессия Груз. филиала АН СССР в г. Сухуми 26–29 сентября 1940г. – Тб. 1940.

Соловьев Л.Н. Следы древнего соляного промысла близ г. Сухуми и г. Очамчира // ТАГМ. Вып. 1. – Сухуми. 1947.

Соловьев Л.Н. Диоскурия–Севастополис–Цхум //ТАГМ. Вып.1. – Сухуми. 1947.

Соловьев Л.Н. Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии // СА. Т. 14. – М. 1950.

Соловьев Л.Н. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы. – Стоянки Воронцовской пещеры // Труды АИЯЛИ. Т.29. – Сухуми. 1958.

Соловьев Л.Н. Первобытное общество на территории Абхазии. Природа и человек нижнего и среднего палеолита Абхазии – Сухуми. 1971.

Соловьев Л.Н. Памятники каменного века Абхазии. – Тб. 1987.

Социалистическая промышленность Абхазской АССР 1921–1950 гг. // Сборник документов. Сост. Б.Г. Берулава, А.А. Абшилава, А.Э. Куправа – Сухуми. 1981.

Справочник по климату СССР. Вып. 14. Температура воздуха и почвы. – Л. 1967.

Справочник по климату СССР. Вып.14. Влажность воздуха, атмосферные осадки, снежный покров. – Л. 1970.

Стефанов Т.Т. Михайловский крепостной пехотный батальон на Кавказе. 1819-1906. Юбилейный выпуск. – Батум. 1906.

Студенецкая Е.Н. Пища и связанные с ней обряды и обычаи как показатель национального своеобразия и национальных связей // Археолого–этнографический сборник. Вып. 1. – Нальчик. 1974.

«Сухумский вестник» // Газ. № 10, № 38. 1912г.; № 262, № 278, № 279. 1913г.; № 1. 1916г.

«Сухумский листок» // Газ. № 388. 1914г.

Схема землеустройства Очамчирского района на 1986–2010 годы. – Тб. 1988.

«Счастье старого негра» // Газ. «Заря Востока». 17 августа 1958 г.

Тайлор Э. Б. Первобытная культура. – М. 1989.

Тарасов А.И., Чолокуа К.Ч. Человек и лес. – Сухуми. 1979.

Тарба Б.Г. Русский язык в абхазской школе. – Сухуми. 1972.

Тария А. Книга памяти. 1941–1945. – Сухум. 2000.

Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Бгажба О.Х. Древнейшие железные изделия из Гюэноса // КСИА. Вып. 191. – М. 1987.

Токарев С.А. История изучения календарных обычаев и поверий // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. – М. 1983.

Топографическая карта Сухумского округа. Хранится в фондах Управления по геологии, геодезии и картографии Республики Абхазия.

Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. Ч. 1. – М. 1864.

Трапш М.М. Археологические раскопки в окрестностях Сухуми // Труды АИЯЛИ. Т. 29. – Сухуми. 1958.

Трапш М.М. Полевая запись. 7 марта 1962г. Пос. Балан. Хранится в Отделе древней истории и археологии Абхазского Государственного музея.

Трапш М.М. Труды. Т. II. Древний Сухуми. – Сухуми. 1969.

Трапш М.М. Труды. Т. IV. Материалы по археологии средневековой Абхазии. – Сухуми. 1975.

«Тревога с берегов Скурчи» // Газ. «Известия». 6 сентября 1967 г.

Труды съезда деятелей Черноморского побережья Кавказа. Т. 3. – Петербург. 1914.

Турецко-русский словарь. – М. 1977.

Турчанинов Г.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. – Л. 1971 // Материалы по истории Абхазии. 7.

Турчанинов Г.Ф. Открытие и дешифровка древнейшей письменности Каказа. – М. 1999.

Тхайцухов М.С. Генеология абазинских фамилий как историко-этнографический источник // Известия АИЯЛИ. Т. XV. – Сухуми. 1989.

Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык. – Тифлис. 1888.

Успенско-Драндский общежительный монастырь в Абхазии, на Кавказе, близ г. Сухума. Историко-археологическое описание Епископа Агафодора. – Ставрополь. 1894.

«Утверждение наше в Абхазии» // Кавказский сборник. Т.XIII. – Тифлис. 1889.

Учёт населения Очамчирского района Абхазской Республики на 1. 01. 1992г.

Фадеев А.В. К вопросу о феодализме в Абхазии. – Сухум. 1931.

Фадеев А.В. Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. – Сухум. 1932.

Фадеев А.В. Краткий очерк истории Абхазии. Ч. 1. – Сухум. 1934.

Флора СССР. Т. V. – Л. 1936.

Фон-Дервиз Н.В. Сухумский округ. (Заметки бывшего лесничего) // ЗКОРГО. Кн. XXV. – Тифлис. 1906.

Формаковский Ф. «По поводу статьи «Пьяный мед» // Черноморский селянин. № 1. Январь. 1913.

Фрезер Дж. Золотая ветвь. – М. 1980.

Хагуш Б.А. Вопросы топонимики в абхазском языке // Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики. – Сухум. 2000.

Ханке Х. Люди. Корабли. Океаны. 6000 лет мореплавания. – М. 1984.

Хахутайшвили Д. А. Приморье Юго-Западной Грузии в эпоху раннего железа. – Тб. 1986.

Хахутайшвили Д. А. Производство железа в древней Колхиде. – Тб. 1987.

Хашба М. В весенние дни. Воспоминания // Журн. «Алашара». Август. № 8. 1968 (на абх.яз.).

Хашба И.М. Из музыкальной культуры абхазов // Современное абхазское село. – Тб. 1967.

Хашба В. Атарская крепость // Журн. «Апсны аказара» (Искусство Абхазии). 1. – Сухуми. 1986 (на абх яз.)

Хеция А.Д. Очерки о ястребиной охоте абхазов //Газ. «Апсны Капш». 8 сентября 1990г. (на абх.яз.).

Хеция А.Д. О термине Ашәарацара «охота», «охотиться» в абхазском языке // Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики. – Сухум. 2000.

Хотелашвили М. К. Античная ручная мельница из Скурчи //Дзеглис мегобари (Друг памятников). № 15. – Тб. 1968.

Хотелашвили М.К. Земледельческие орудия Абхазии античного и раннесредневекового времени // Материалы по археологии и искусству Абхазии. – Сухуми. 1974.

Хотелашвили М.К. Село Дранда. Рукопись 1982 г.

Хотелашвили М.К., Якобсон А. Л. Византийский храм в с. Дранда (Абхазия) // ВВ. Т. 45. – М. 1984. Отдельный оттиск.

Хоштария Н.В. Археологические исследования в Уреки // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Вып. 1. – Тб. 1955.

Хрушкова Л.Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. – Тб. 1980.

Хрушкова Л.Г. Абхазия. Краткий исторический очерк. – М. 2003.

Цагарели А. Мингрельские этюды. Вып. 1. – Спб. 1880.

Цвижба Л. И. Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке. – Сухум. 2001.

Цвинария И. И. Поселение Гуандра. – Тб. 1978.

Цвинария И. И. Раскопки в с. Псырцха Гудаутского района и разведки в с. Гуп Очамчирского района // Археологические открытия 1983 года в Абхазии. – Тб. 1987.

Цвинария Г. И. Кутол. Рукопись. 2003г.

Центральный государственный архив Абхазии. – Сухум. Фонд (1) Сухумской епархиальной конторы. Оп. 1. Д. 1049.

«Цнобис пурцели» // Газ. 22 мая 1905 г.

Цулая Г. В. Из грузино–абхазской антропонимии // ЭО. № 1. – М. 1999.

Чамагуа Е. И. Виноградарство в Абхазии. – Сухуми. 1974.

Чанба Р. К. Земледелие и земельные отношения в дореволюционной Абхазии. – Тб. 1977.

Чанба С.Я. На пути к сознательности. (Статьи и заметки. 1911–1916гг.). – Сухуми. 1982.

Чарая П. Г. Абхазия и абхазы // Газ. «Иверия». № 173. 1888 г. (на груз. яз.).

Чарая П. Г. Землевладение в Абхазии // Журн. «Квали». №12 1897. (на груз. яз.).

Чачхалиа Д.К. Хроника Абхазской церкви // Газ. «Абхазия». №1 (29). 1994г.

Чачхалиа Д. К. Абхазская православная церковь. Хроника. Прибавления. – М. 1997.

Чачхалиа Д. К. Через века и расстояния. (К истории итало-абхазских отношений) //«Колокол» (Общественно-политический, научно-публицистический, литературно-художественный журнал). № 4. – Сухум. 2001.

Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. – М. 1985.

Черноморский селянин. №15. 1-го августа. 1912г.

ЧСХ. Орган Сухумского Общества Сельского Хозяйства. – Сухум. 1910; 1913; 1914; 1915; 1916; 1917.

Черных Е.Н. Металл – Человек – Время. – М. 1972.

Чернявский В.И. Записка о памятниках Западного Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно. Протоколы подготовительного Комитета V археологического съезда в Тифлисе. – М. 1879.

Черняк В.В. Уроки старых мастеров. – М. 1989.

Чеснов Я.В. К этнографическому изучению жизнедеятельности человека (на примере традиционной абхазской культуры) // СЭ. 3. 1987.

Чеснов Я.В. Молодые мужчины в традиционном абхазском обществе // Газ. «Алашара». Вестник Московского общества абхазской культуры «Нартаа». Январь 1991г.

Читая Г.С. К вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий // Сообщения АН ГССР. Т. II. №4. – Тб. 1957.

Чкадуа П. Псхуские рассказы. Рассказы, очерки, воспоминания, сказки. – Сухуми. 1979 (на абх. яз.).

Чкадуа П. Горная Абхазия, год 1942. – Сухуми. 1983.

Чкадуа Ш. Гриша Делба // Газ. «Апсны». 2 июля 1991г. (на абх.яз.).

Чолокуа К.Ч. Дары лесов Абхазии. – Сухуми. 1982.

Чочуа А.М. Избранные сочинения. – Тб. 1987.

Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа. – Тифлис. 1913.

Чурсин Г.Ф. Культ железа у кавказских народов. – Тифлис. 1927.

Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. – Сухуми. 1957.

Шавров Н. Обзор производительных сил Кавказского наместничества за 1879 г. – Тифлис. 1879

Шалашников М. Потомки Абрскила. – Сухуми. 1977.

Шамба Г.К. Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии. – Сухуми. 1970.

Шамба Г.К., Квициния В.К. Открытия в пос. Агудзера близ Сухуми // ТАГМ. Вып. 5. – Сухуми. 1980.

Шамба Г.К., Шамба С.М. Археологические памятники верховья реки Галидзга (Джантух). – Тб. 1990.

Шамба Г.К. Абхазия в I тысячелетии до нашей эры. – Сухум. 2000.

Шамба Г.К. По следам древностей Восточной Абхазии (Гальский район) // Абхазоведение. Вып. 1. – Сухум. 2000.

Шамба Г.К., Бжания Д.С. Археологические работы Абхазского института // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 75–летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА 28–31 мая 2001г. – Сухум. 2004.

Шамба С.М. Очамчира – один из древнейших городов мира. Рукопись. 2003г.

Шария В. Абхазская трагедия. – Сочи. 1994.

Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. – М. 1971.

Шафиро И.Б., Дарсалия Я.М., Кортуа И.Е., Чикватия В.Ф. Долголетние люди Абхазии. – Сухуми. 1956.

Шенгелия Н.Н. Османские источники истории Грузии XV – XIX вв. – Тб. 1974.

Шенкао Н.К. К вопросу изучения дальнего метательного оружия у народа Абаза // XLIV итоговая научная сессия АБИГИ. Тезисы докладов. – Сухум. 2000.

Шиллинг Е.М. Круглые постройки у народов Западного Кавказа // Известия АИЯЛИ. Т. III. – Тб. 1974.

Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1934 года по 1427 год. – Баку. 1984.

Шинкуба Б.В. Избранные сочинения. – Сухуми. 1967 (на абх. яз.).

Шинкуба А.Е. Процесс охоты и культ горы Ажвейпшныхвара (по материалам Абжуйской Абхазии) // Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986–1987гг. Тезисы докладов. – Сухуми. 1988.

Штайн Гюнтер. Путешествие по стране Руставели. – М. 1980.

Энегольм. Краткое описание Имеретии, Гурии, Мингрелии и Абхазии. Фонд ВУА. № 18497. – Тифлис. 1819.

Энциклопедический словарь Эфрона и Брокгауза. Т. XXIa. – СПб. 1897.

Этническая «революция» в Абхазии (по следам грузинской периодики XIX века). Составитель, переводчик материалов периодики с грузинского, автор предпосылочных статей и ответственный редактор кандидат исторических наук Т. А. Ачугба. – Сухум. 1995.

Эшба Ф. Местечко Очемчиры, селения Илори и Беслахубы // СМОМПК. Вып. III, – Тифлис. 1891.

«Юный натуралист» // Журн. № 2. 1878 г.

Kvirkvelia G. On the Early Hellenistic buriails of North-Western Colchis. – Archaologischer Anzeiger, Heft 1, 1995.

Kvirkvelia G. Hoplite Armour in Colchis. – Phasis (Tbilisi State University of Classical Philology, Byzantology and Modern Greek Studies), № 2–3, 2000.

Vovage au Caucase chez Tcherkesses les Abkhases en Colchide, en Georgie, en Armenie et Grimee par Frederic Dubois de Montpereux. Atlas. – Paris. 1843.

CHARTE LAN DERAM. "Caucasus nach den besten Vor handehen Charlen, Reisen und astronomischen J.C.Reinecke".

Eichvald E. Reise auf dem Caspischen Meere und in den Kaukasus, unternommen in den Jahren 1825–1826. Bd. I. – Stuttgart. 1837.

Kroll M. Der Fasan, seine Lebensweise, Hege und Jagd. – Berlin. 1957.

Guldenstadt D. Reisen durch Rusland und im Caucasischen Geburge. – St. Petersburg. 1787.

Lapinski T.B. Die Bergvölker des Kaukasus und ihr Freiheitskampf gegen die Russen. Bd. 1. – Hamburg. 1863.

Reineggs J. Allgemeine historisch–topographische Beschreibung des Kaukasus. Bd. II. – München. 1797.

Volker des Kaukasus und ihre freiheitskampfe gegen die Russen. Ein Beitrag zur neuesten Geschichte des Orients von Fridrich Bodenschtedt. Bd. II. – Berlin. 1855.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБНО – АБХАЗСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО

АИЯЛИ – АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ им. Д.И.ГУЛИА

АКАК – АКТЫ КАВКАЗСКОЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ (ТИФЛИС)

ВВ – ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК

ВДИ – ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ (МОСКВА)

ВУА – ВОЕННО–УЧЕНЫЙ АРХИВ

ВЭС– ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК (МОСКВА)

ЖМНП – ЖУРНАЛ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

ЖС – ЖИВАЯ СТАРИНА

ЗООИД – ЗАПИСКИ ОДЕССКОГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ

ЗКОРГО – ЗАПИСКИ КАВКАЗСКОГО ОТДЕЛА РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА (ТИФЛИС)

ЗКОСХ–ЗАПИСКИ КАВКАЗСКОГО ОБЩЕСТВА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА (ТИФЛИС)

ИКОИРГО – ИЗВЕСТИЯ КАВКАЗСКОГО ОТДЕЛА ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА (ТИФЛИС)

КВ – КАВКАЗСКИЙ ВЕСТНИК

КСИА – КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР

КСХ – КАВКАЗСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО (ТИФЛИС)

КЭС – КАВКАЗСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК (МОСКВА)

МАК – МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ КАВКАЗА

МИА – МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

ОВПХК – ОБЩЕСТВО ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ХРИСТИАНСТВА НА КАВКАЗЕ

ПИИЭ – ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР

СА – СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

СЗМ – СОТРУДНИК ЗАКАВКАЗСКОЙ МИССИИ

СМОМПК – СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ОПИСАНИЯ МЕСТНОСТЕЙ И ПЛЕМЕН КАВКАЗА (ТИФЛИС)

ССКГ – СБОРНИК СВЕДЕНИЙ О КАВКАЗСКИХ ГОРЦАХ (ТИФЛИС)

СОСХ – СУХУМСКОЕ ОБЩЕСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

СПИ – СУХУМСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ им. А.М.ГОРЬКОГО

СЭ – СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

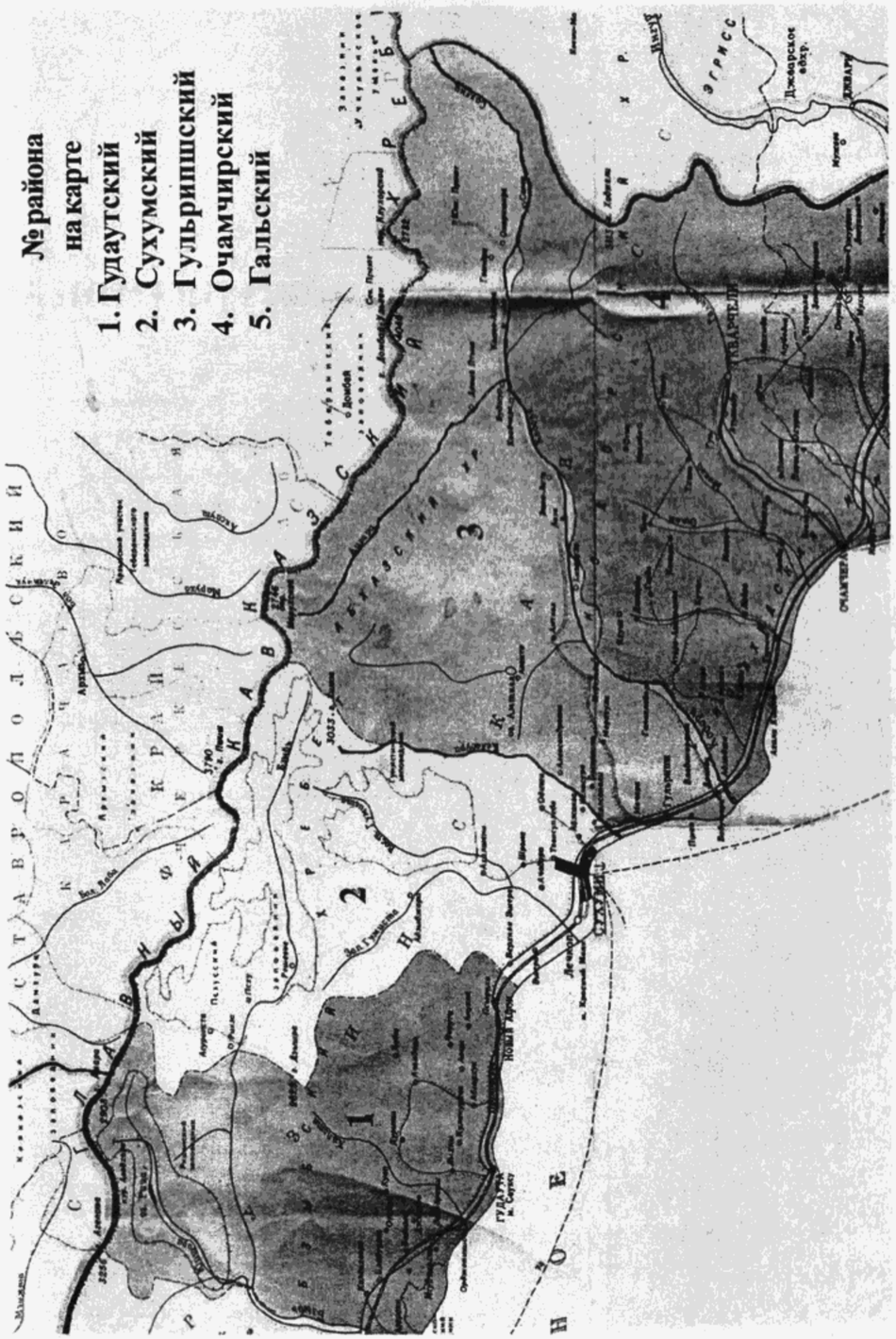
ТАГМ – ТРУДЫ АБХАЗСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ

ЦГВИА – ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ (МОСКВА)

ЧСХ – ЧЕРНОМОРСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

ЭО – ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

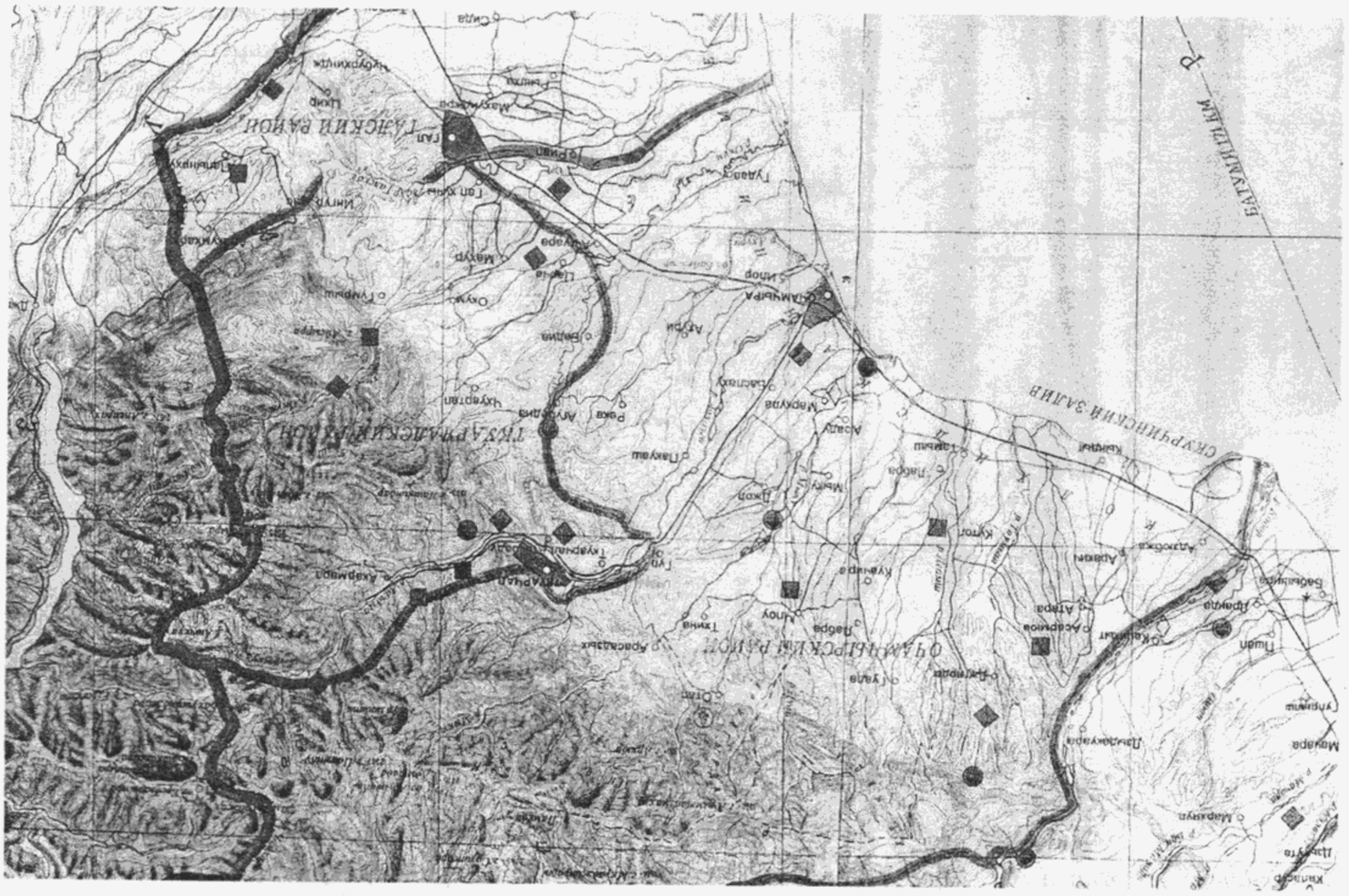
Картографические и иллюстративные материалы

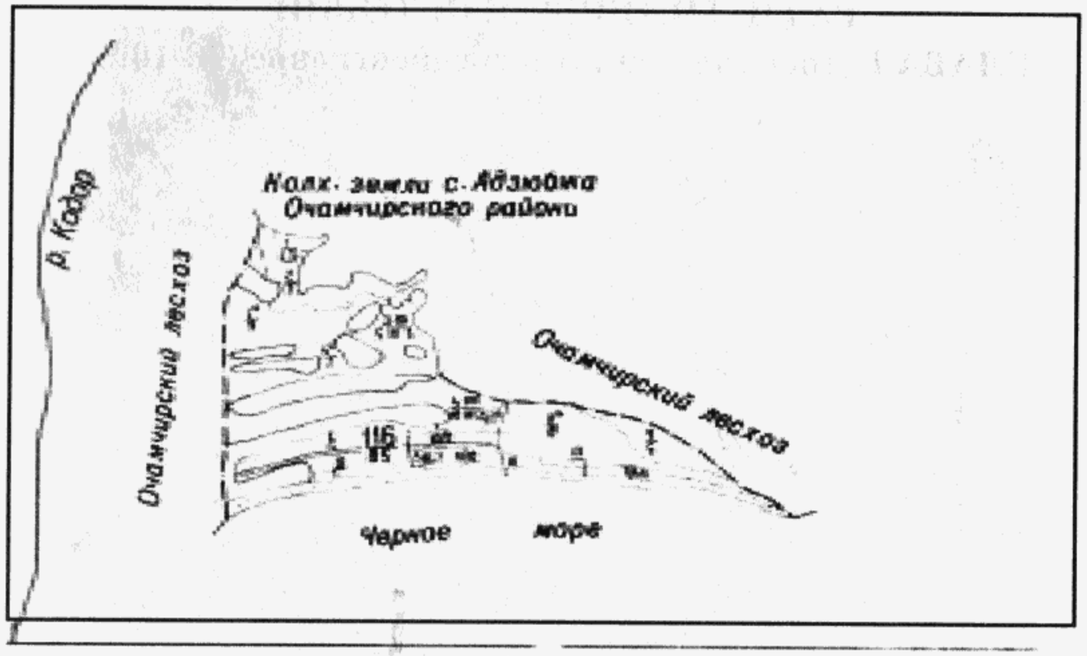
Карта №1. Фрагмент карты "Административно-территориальное деление Абхазской АССР" за 1986 г.

Долина реки Гагидзга.

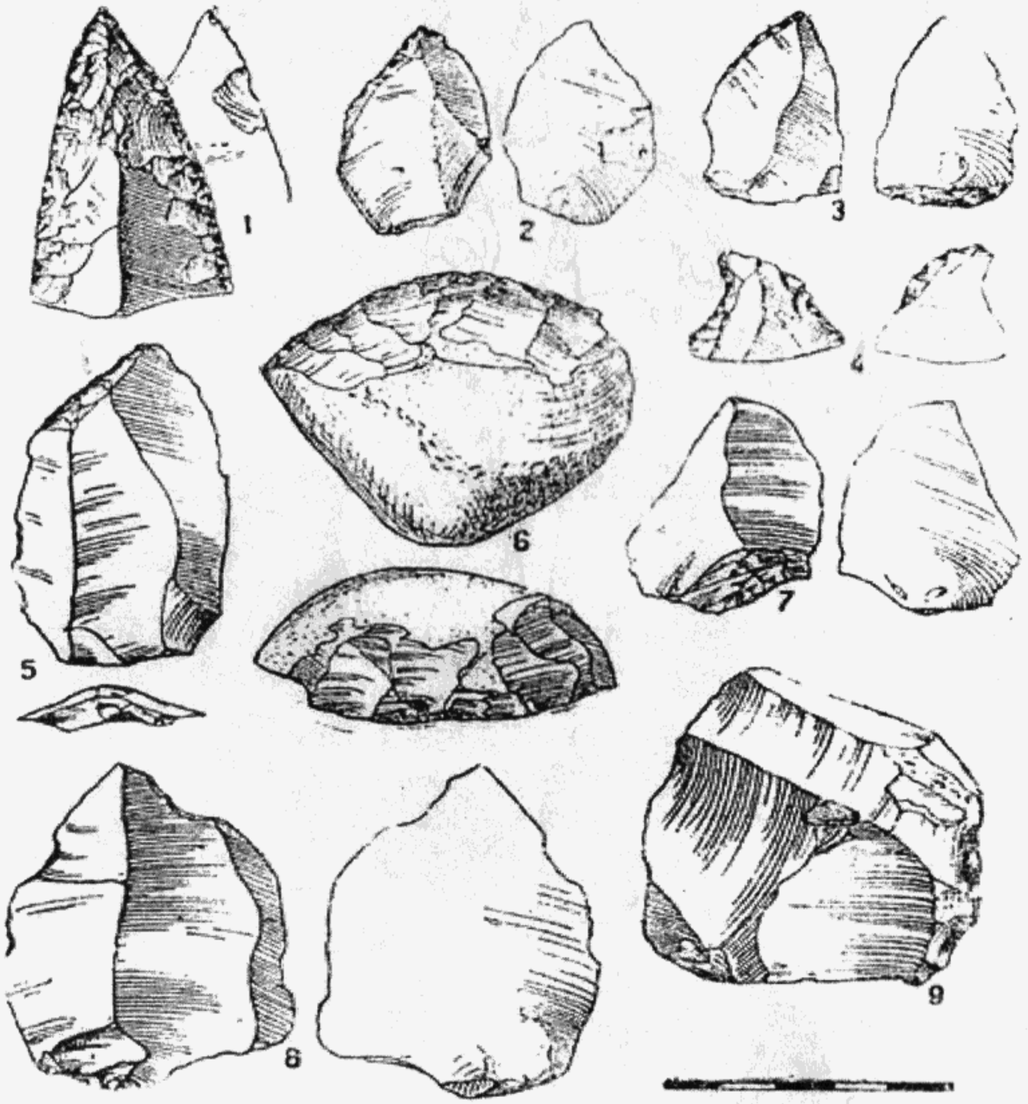
Карта №2. Фрагмент карты "Республика Абхазия". 1997 г.

Псху-Гумистинский заповедник. Схема Скурчинского заказника.Лесотаксационное устройство 1985 г.

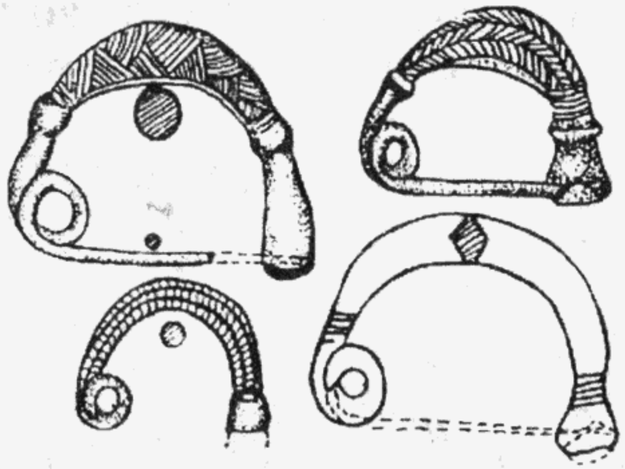
РАЗДЕЛ II. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ

ГЛАВА I. Древний период и средневековье (38-100)

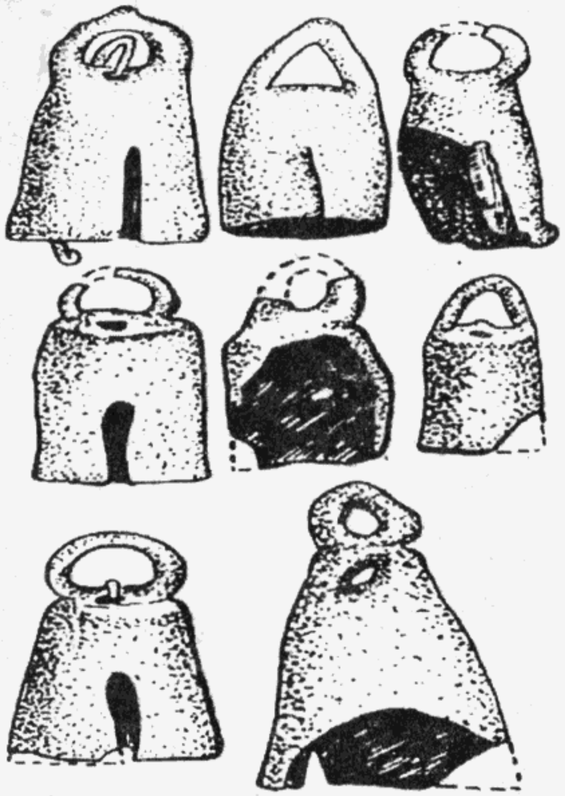

Орудия мустьерского типа из Очамчир. 1-3 – остроконечники. 4-5 – отщепы с частичной подправкой ретушью. 6 – массивное скребло. 7-8 – трехугольные отщепы без вторичной обработки. 9 – дисковидный нуклеус. В кн.: Замятнин С. Н. Палеолит Абхазии – Сухуми. 1937.

1.

2.

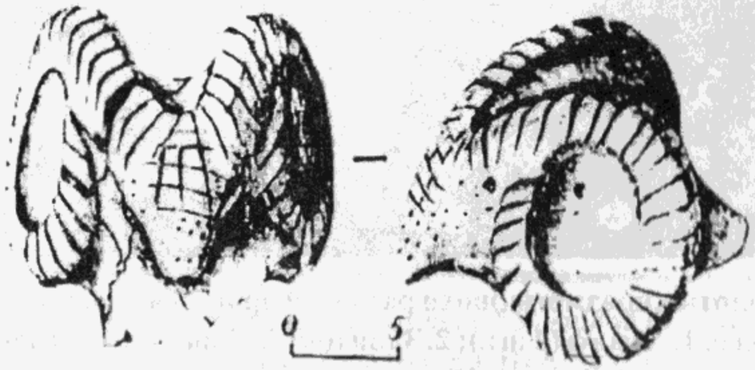

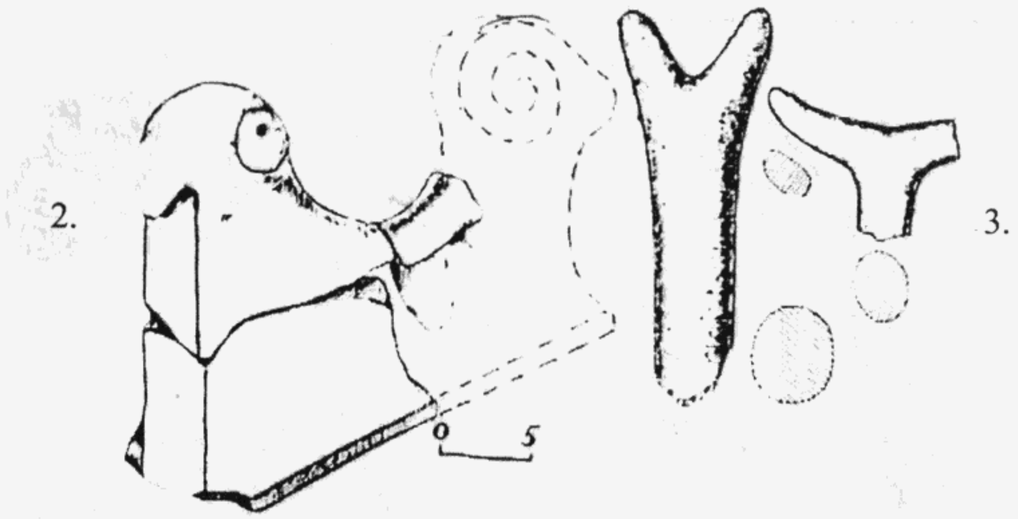
3.

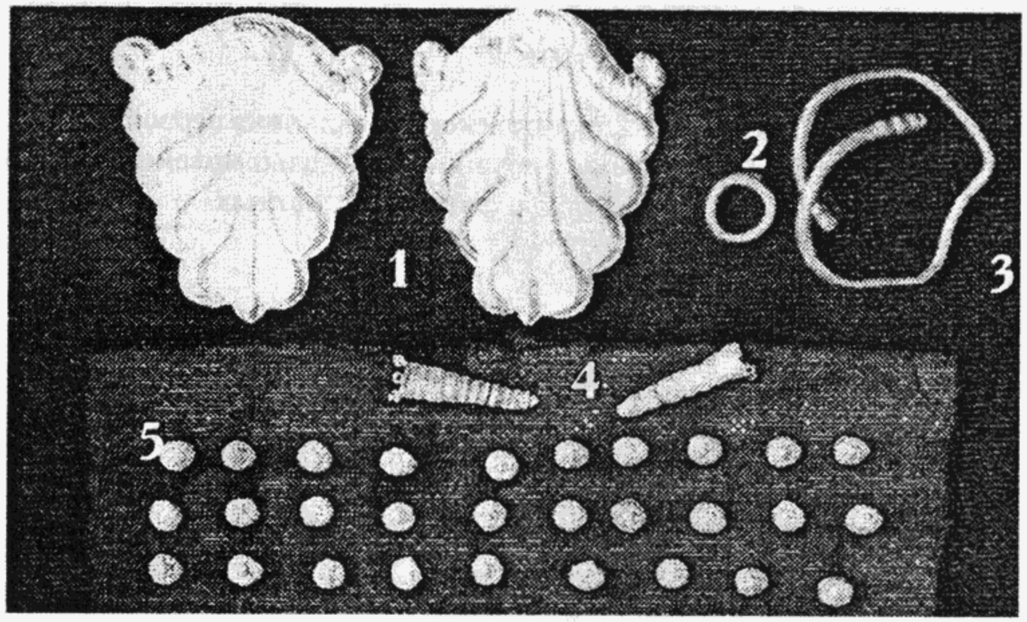
Бронзовые предметы из Джантухского могильника первой половины I тыс. до н.э. 1. Бронзовые фибулы. 2. Бронзовые колокольчики. 3. Скульптурные фигурки животных.

1.

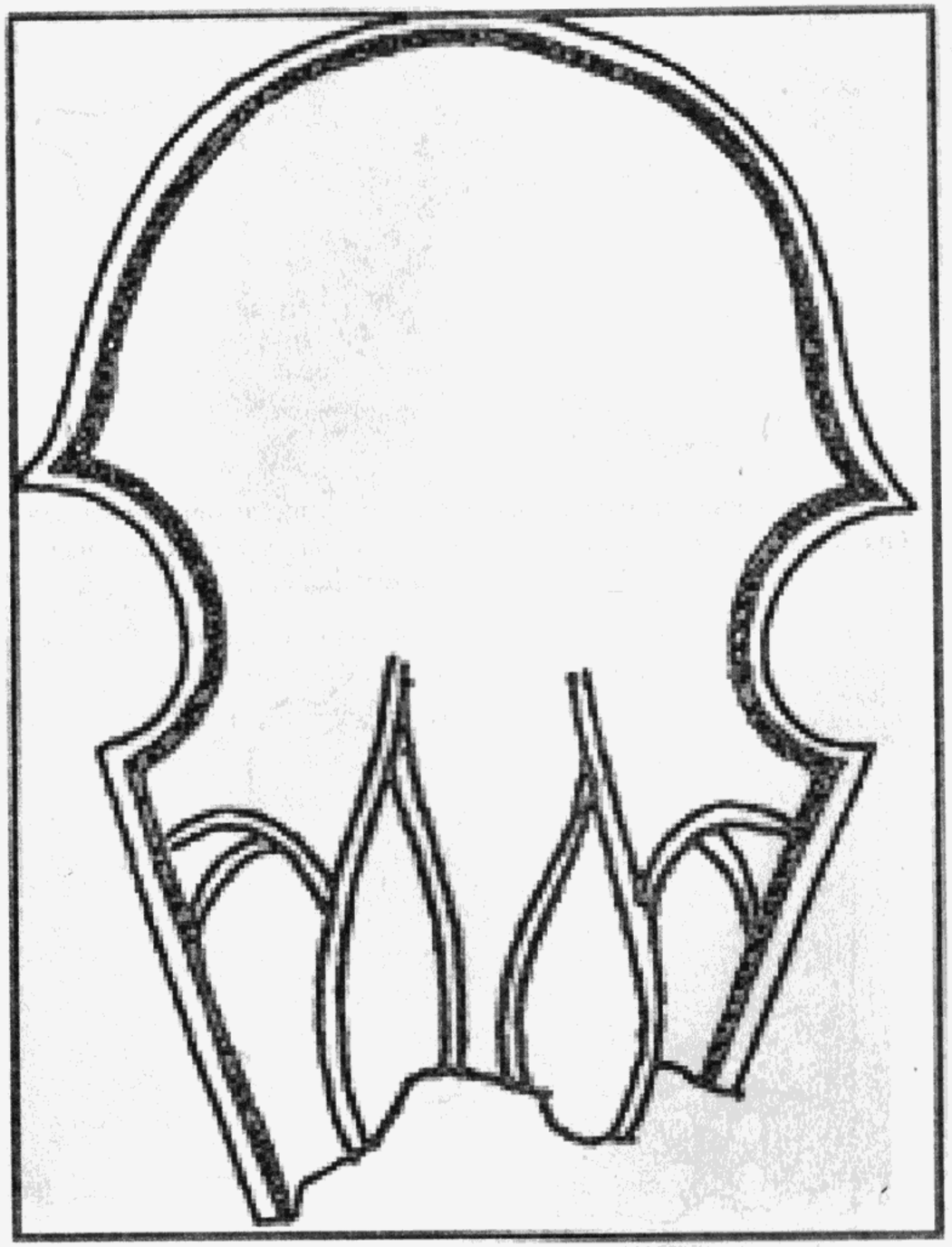

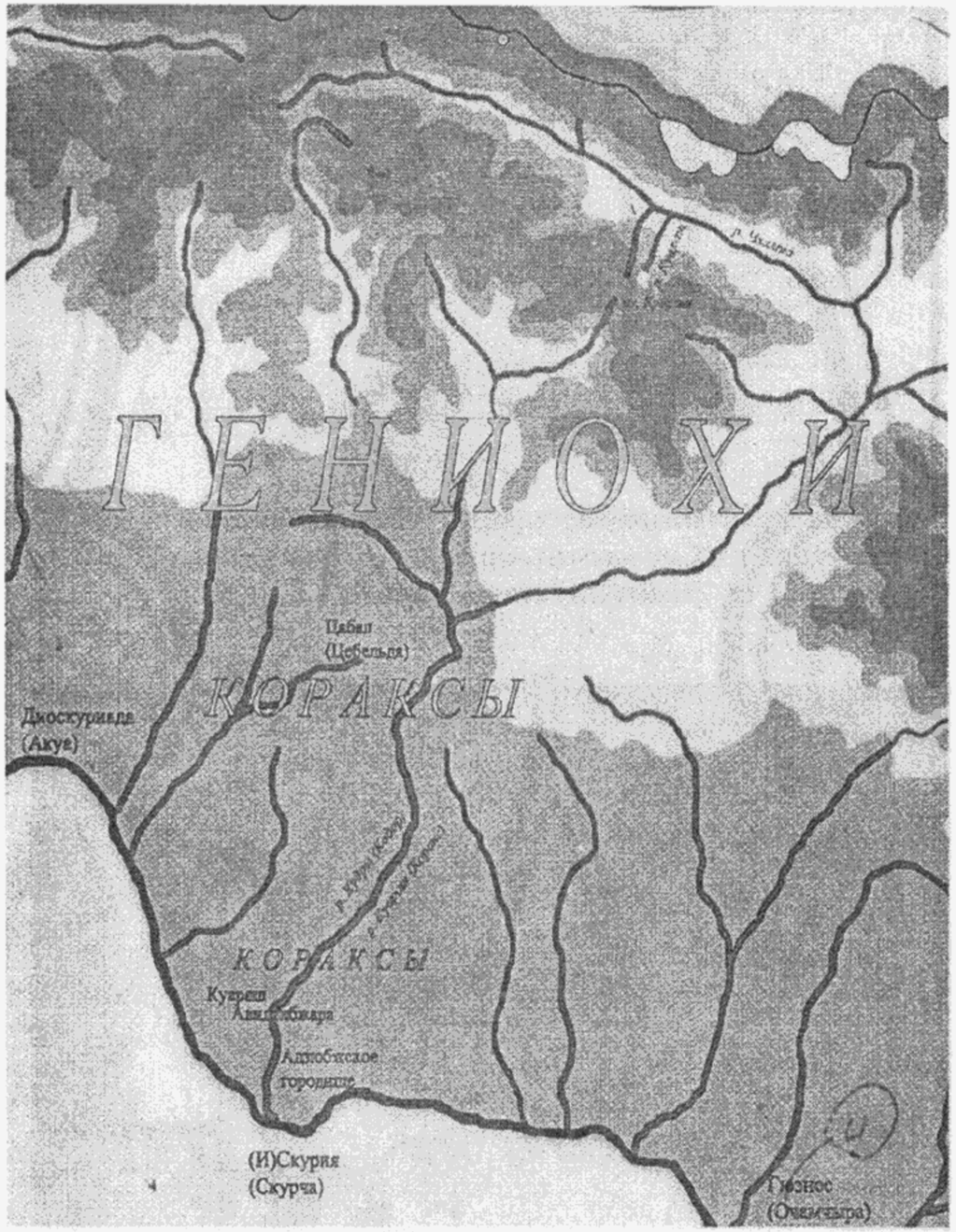
Археологические находки из Тамышского поселения эпохи поздней бронзы. 1. Глиняная скульптура бараньеи головки. 2. Очажная подставка. 3. Глиняные рогатые столбики.

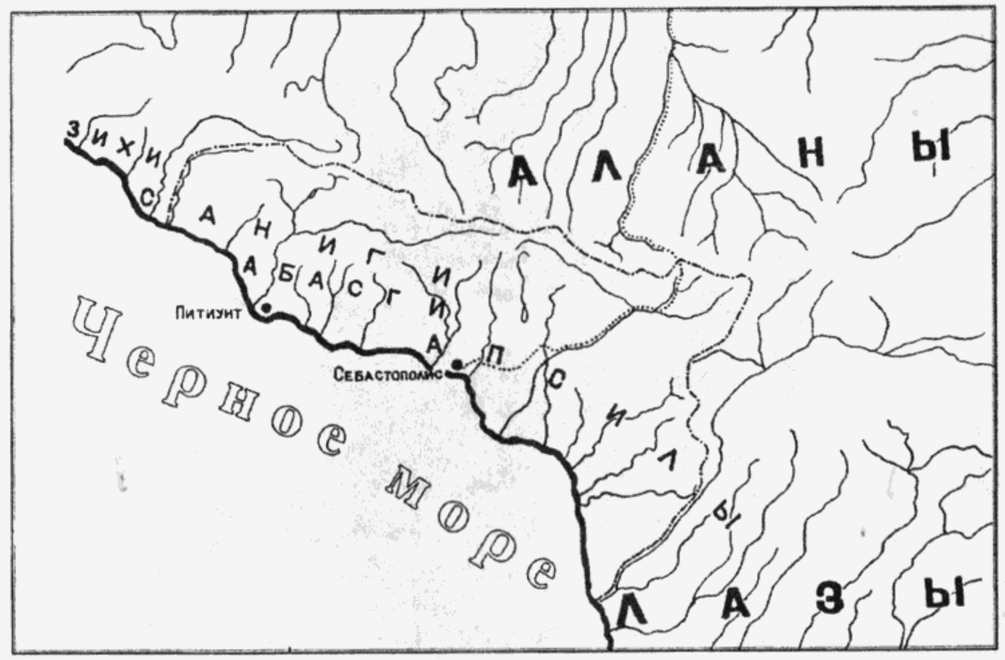
Золотые предметы эпохи развитой бронзы из могильников с. Адзюбжа. 1. Аканф (2 шт.); 2. Завиток; 3. Браслет; 4. Подвески; 5. Бляшки. Из фондов Абхазского Государственного музея.

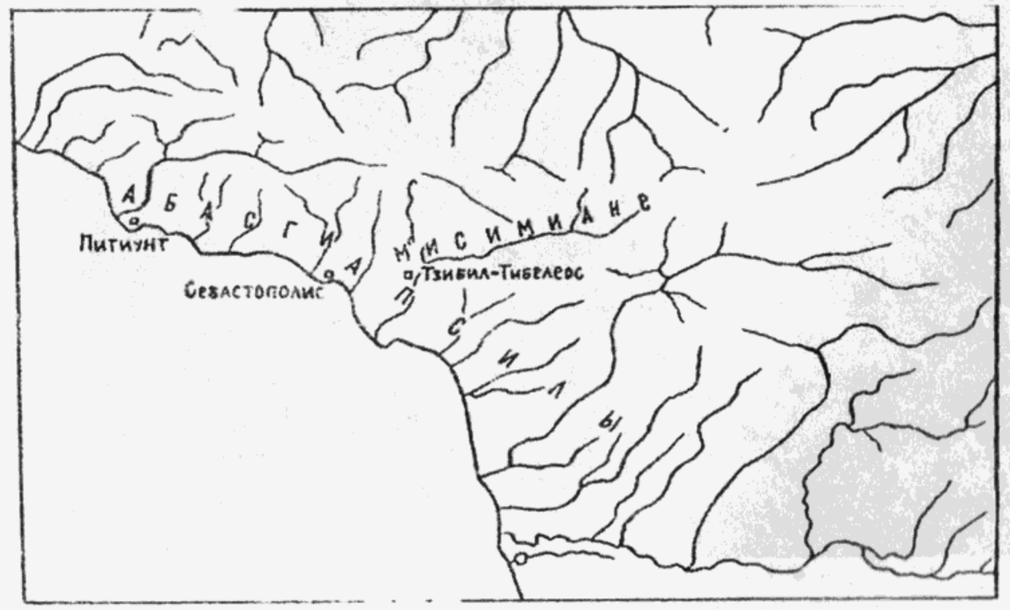
Прорисовка сохранившейся части бронзовой конской маски из с. Адзюбжа (пос. Балан, III в. до н.э.).

Реконструкция карты бассейна р. Кодор и его окрестностей в VI-I вв. до н.э.

Карта расселения апсилов и окрестных народов. В кн.: История Абхазии. – Сухум. 1991 г.

Карта локализации мисимиан и окрестных народов. По Г.К. Шамба. В кн.: Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия...

Драндский собор. Рис. 1838 г.

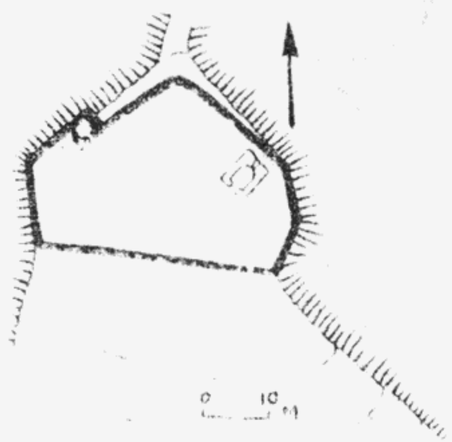

Илорская церковь. Каменная икона IV в. Св. Георгий поражает императора Диоклетиана. Восточный фасад церкви.

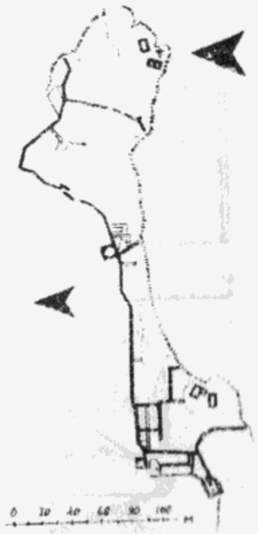

Моквский собор

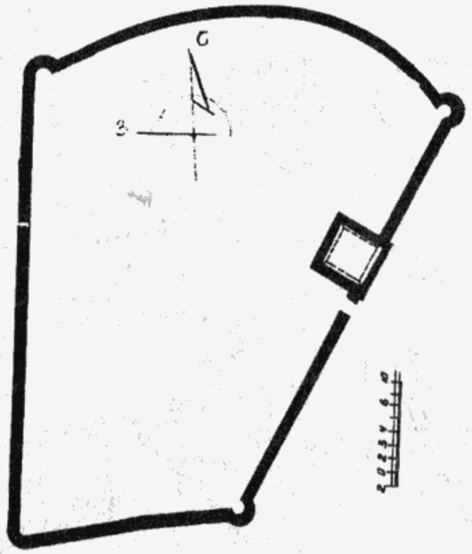
Моквский собор

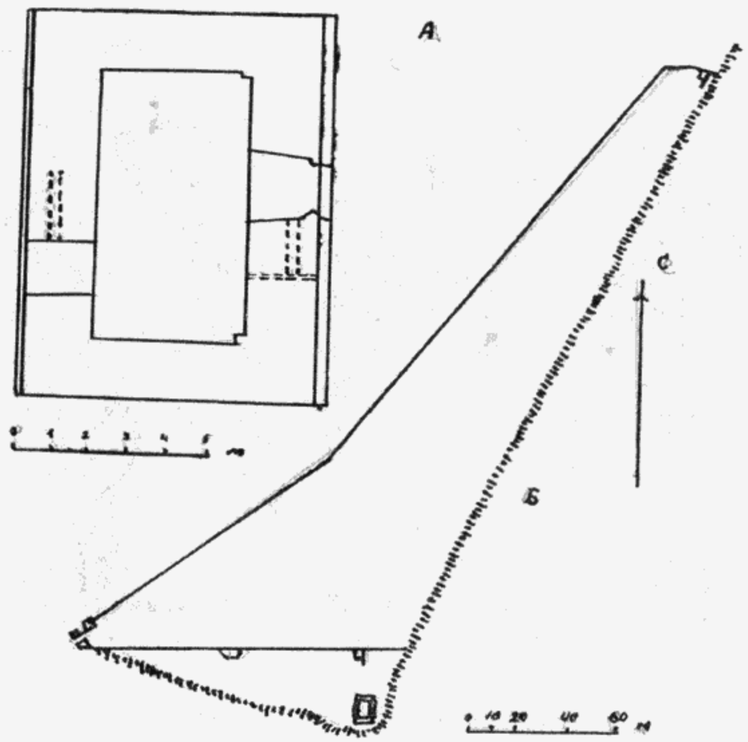
План Пскальской крепости

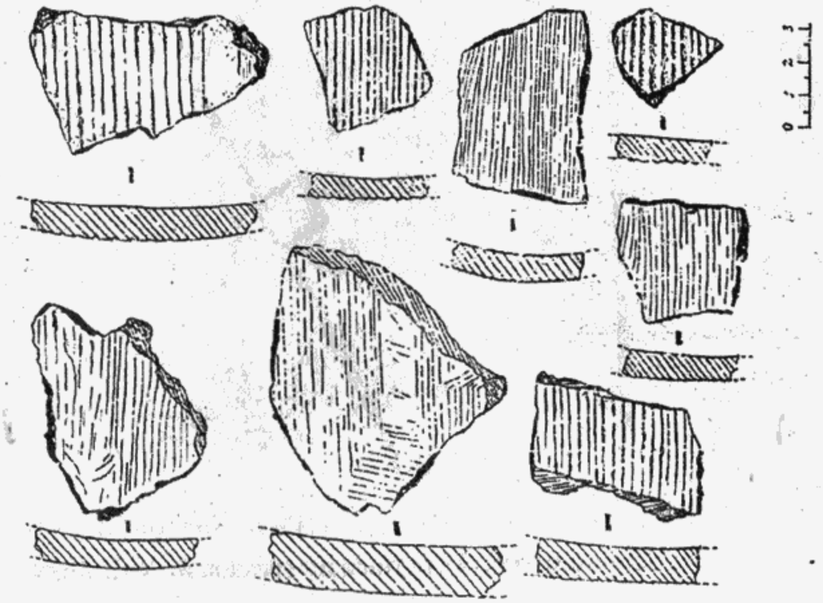
План крепости Цибилиум.

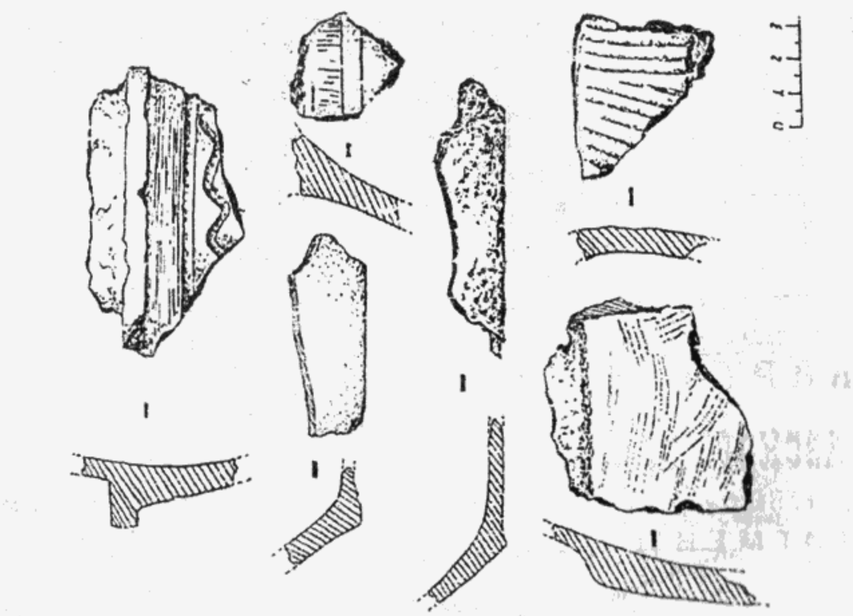

План Атарской крепости. Чертёж В. Хашба.

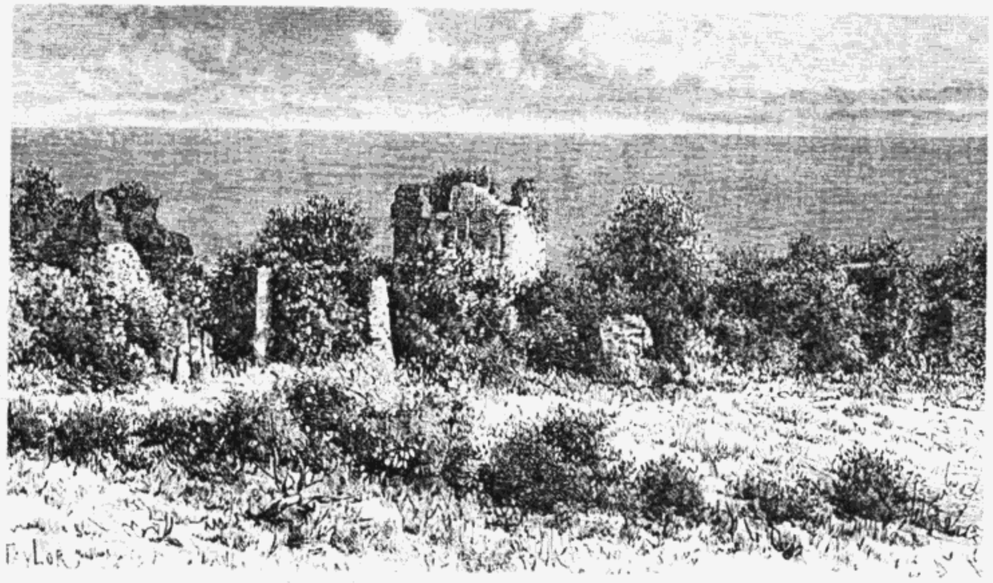

Крепость Нарджхьоу: а) план башни, б) общий план.

Керамическая посуда VI в. н.э. из Келасурской башни (№ 153) Чхоуского участка. Датировка и рисунки А.И. Джопуа. 2001г.

Развалины (генуэзской?) крепости в Юго–Восточной Абхазии. В кн.: Карла Серена. Путешествие по Абхазии. – М. 1999.

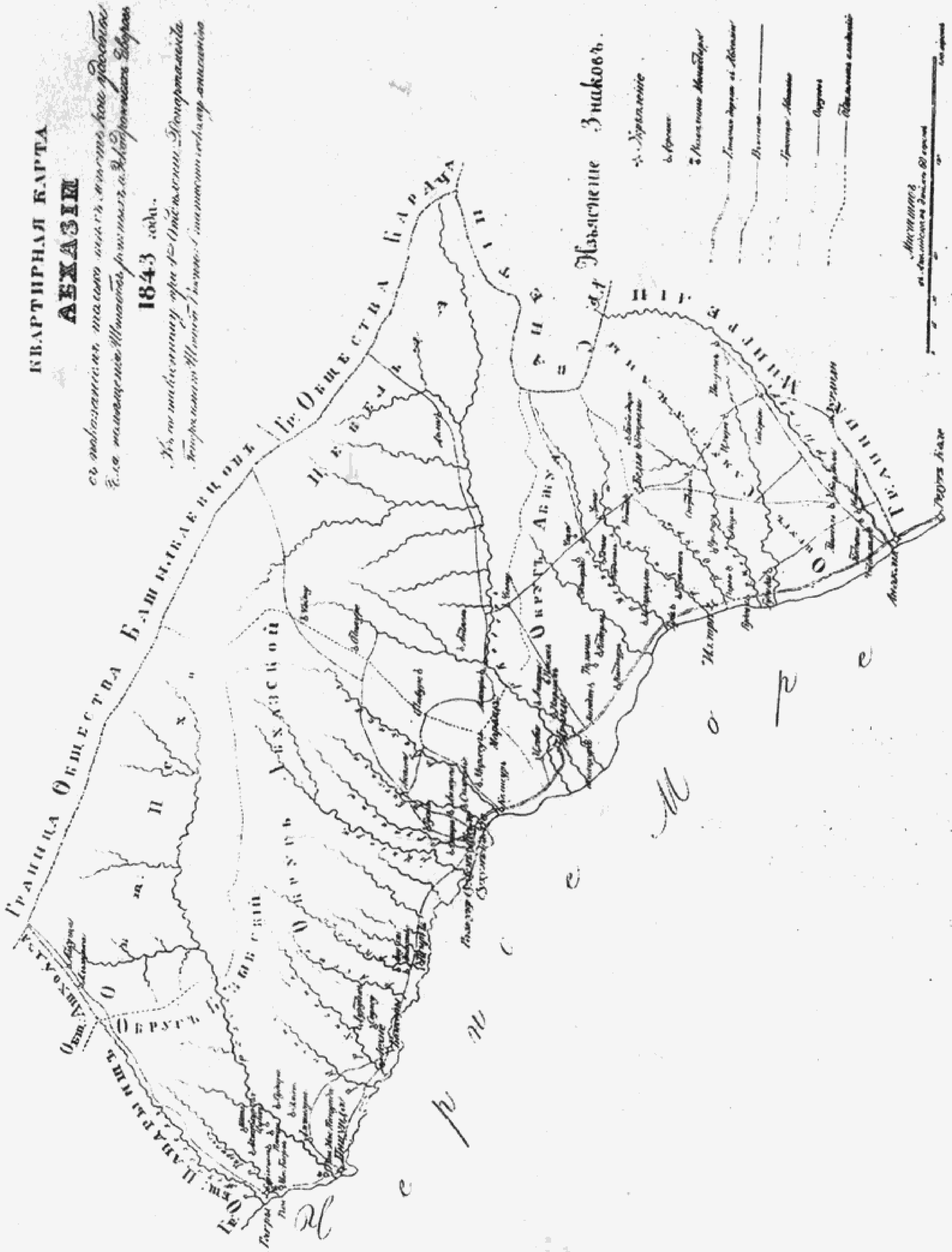

"CHARTE LAN DERAM. Caucasus nach den besten Vor handenen Charten, Reisen und astronomischen. J.C.N.Reinecke». Wimar, 1810. Немецкая карта 1810 г. (фрагмент)

Торговые ряды на поляне возле Илорского храма. Из альбома Христофора Кастелли. Сер. XVII в.

ГЛАВА II. НОВОЕ ВРЕМЯ (100–163)

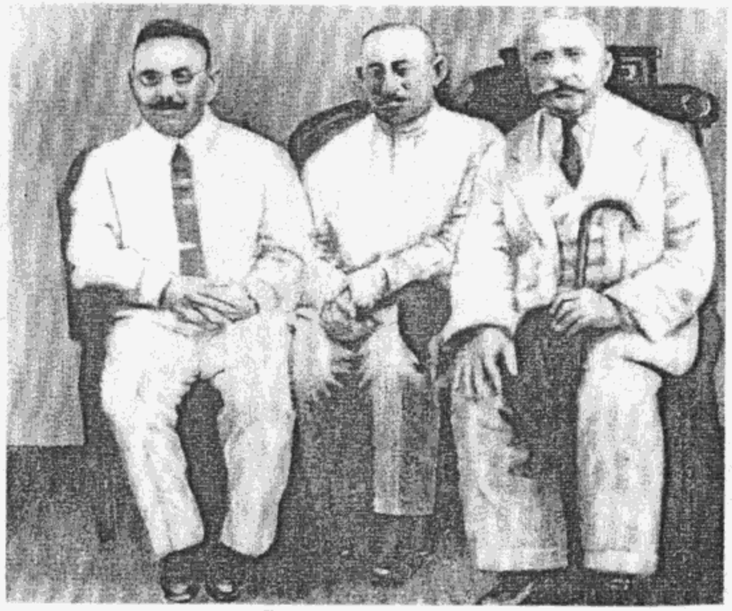
Ф. Х. Эшба

Н. С. Джанашиа (из архива акад. Х. С. Бгажба)

Слева направо: Г. Курцикидзе, И. Гегиа и С. Эшба

Выдающиеся деятели культуры и просвещения Абхазии. Слева направо: А. М. Чочуа, И. Н. Маргания, Д. И. Гулиа. Фото 1924 г.

С. Я. Чанба

Групповой снимок всадников Абхазской сотни Кодорского участка, участников первой мировой войны. Слево направо сидят: Когония Темраз, Абаш Шаабан, Ахуба Митро, Гарцкия Нахарбей, Когония Константин. Стоят: Цагурия Миша, Кация Кан, Карчава Николай (из фондов Абхазского Государственного музея).

Памятник у Кодорского моста, посвящённый событиям 1918 года

ГЛАВА III. СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (163–218)

А. М. Горький в Очамчире. 1929 г.

М.К. Цагурия – видный государственный деятель, заместитель начальника Центрального управления народнохозяйственного учёта СССР (впоследствии ЦСУ СССР); репрессирован в 1938 г.

Г. Я. Делба – генерал-лейтенант ВД Абхазии; репрессирован в 1937 г.

Н. Я. Ходосов (1913–1984), участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза.

В день поэзии в с. Адзюбжа в ознаменование 100-летия со дня рождения Д. И. Гулиа. На снимке: представители интеллигенции села (слева направо:1. К. Гумба; 2. И. Инал-Ипа; 4. А. Кация) и писатели – гости праздника (слева направо: 3. М. Квиливидзе; 5. П. Бебия; 6. А. Джонуа; 7. Н. Квициния; 8. Ш. Акобия).

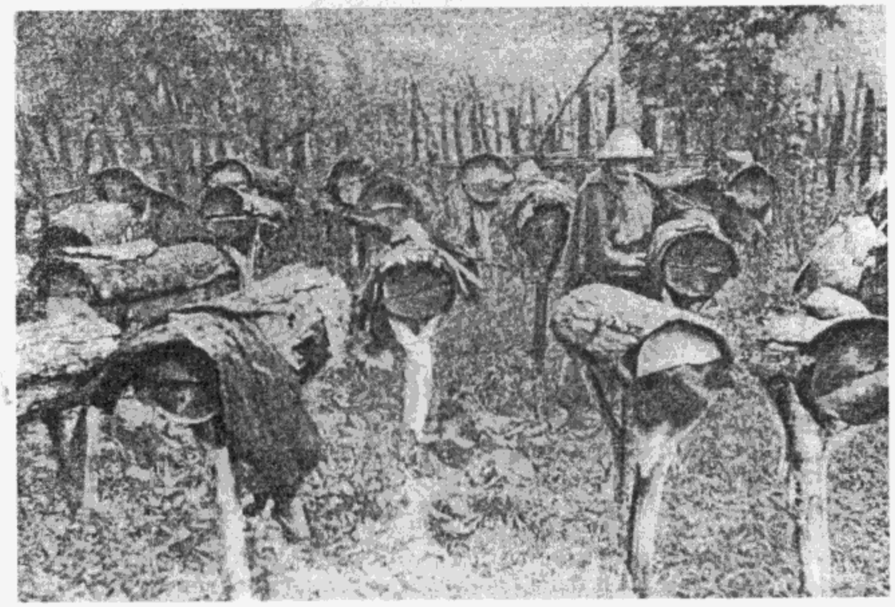

Автограф грузино-абхазской войны 1992-1993 гг. Расстрелянный памятник абхазскому этнографу Ц. Н. Бжания, воздвигнутый на его могиле в с. Тамыш . Фото 1994 г. Из архива Д. С. Бжания.

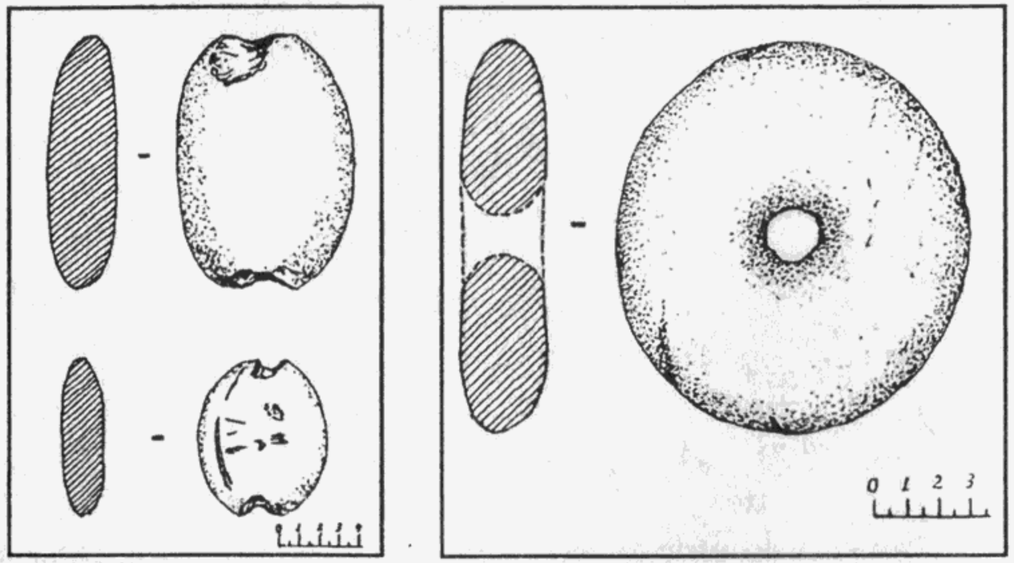

Автограф грузино-абхазской войны 1992-1993 гг. Разгромленный почтамт в с. Тамыш. Фото 1994 г. Из архива Д.С. Бжания.

РАЗДЕЛ III. ОЧЕРКИ ЭТНОЛОГИИ.
ГЛАВА V. Хозяйственные занятия (232–308)

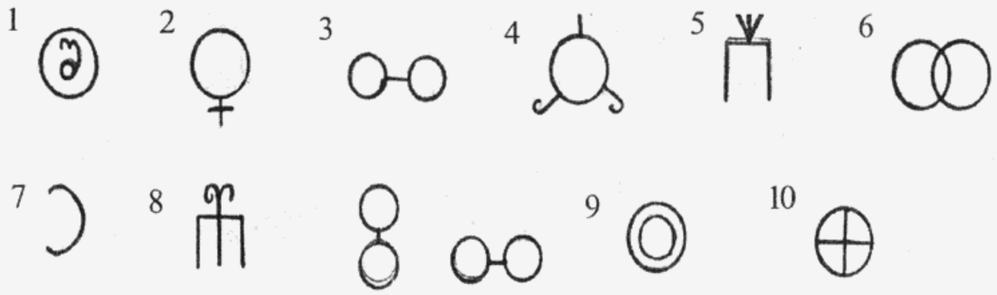
Пасека из долбленых ульев. Сел. Джгиарда. Фото 1950 г.

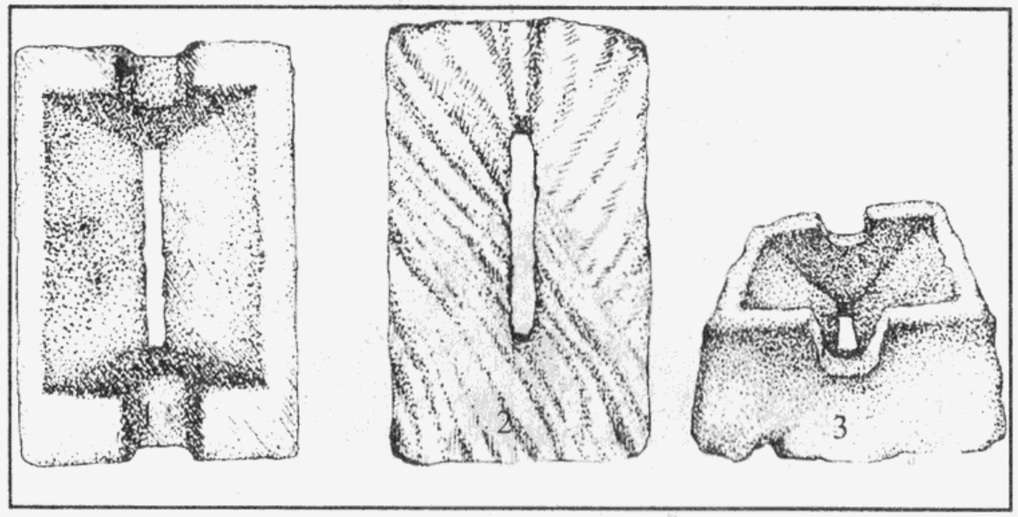
Каменные грузила эпохи бронзы. Выявлены научной экспедицией АбИГИ в 2001 г. в с. Адзюбжа. Хранятся в Абхазском Институте гуманитарных исследований им Д. И. Гулиа.

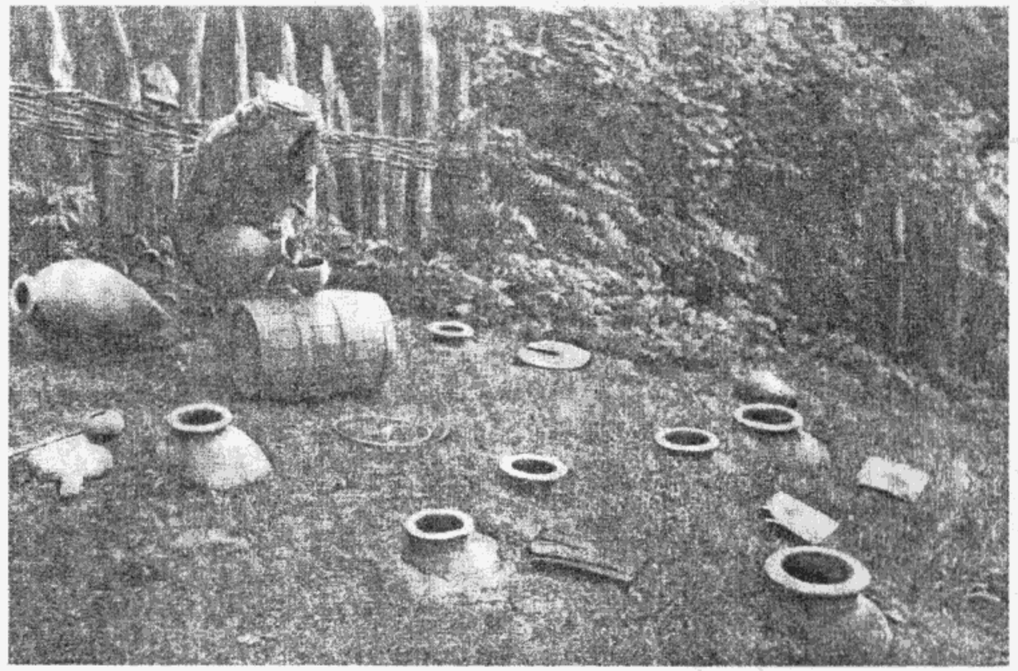
Слева направо: **Т. Квициния и А. Допуа на горном курорте Адзгара. 1936 г.**

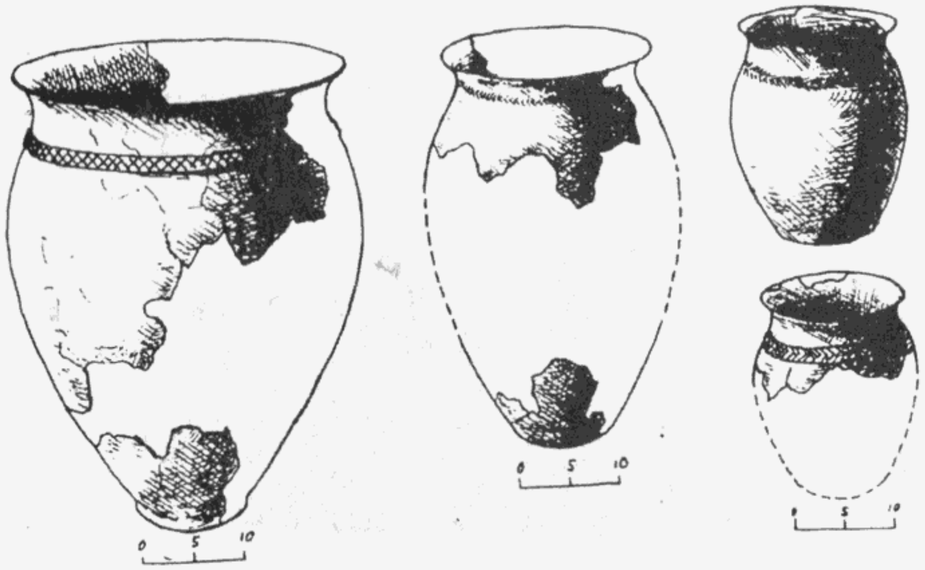
Фамильные тамги: 1.Чачба (Тамыш); 2.Ачба (Ткуарчал); 3.Маршан (Гуп); 4.Маан (Адзюбжа); 5.Допуа; 6.Аршба; 7.Джопуа (Члоу, Моква); 8.Камкия (Асадзуа); 9.Куцниа (Атара); 10.Сакания (Кутол).

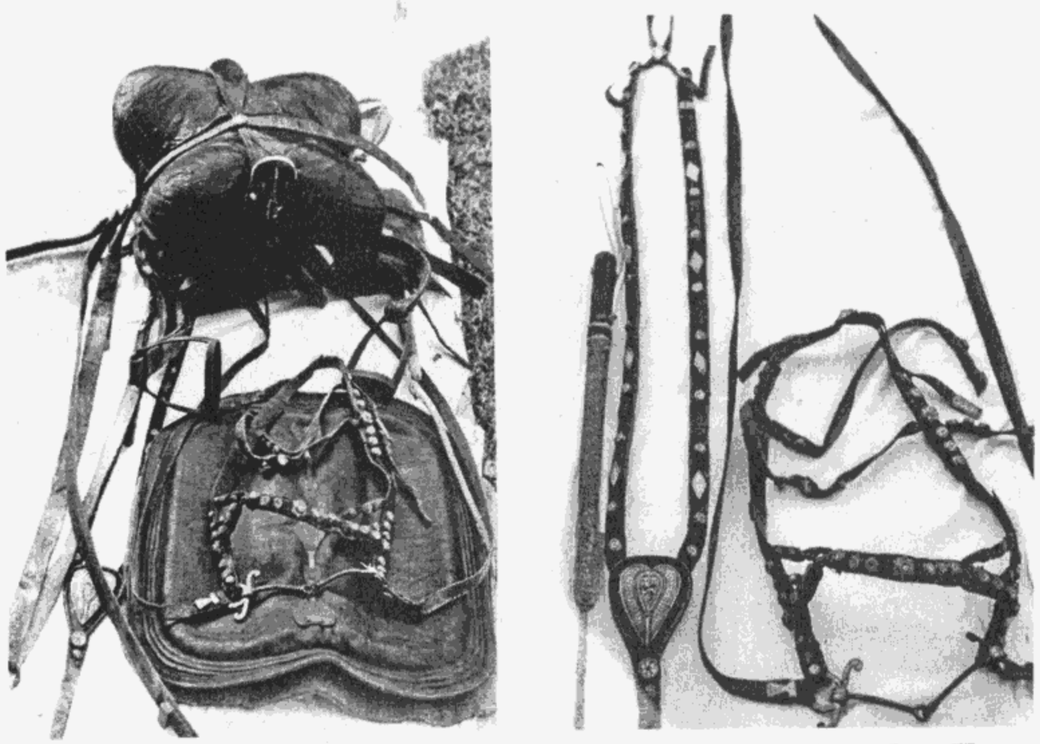
1. Верхний жернов античной ручной мельницы из Скурчи; 2. Нижняя рабочая поверхность жернова; 3. Вид сбоку на воронку для засыпки зерна.

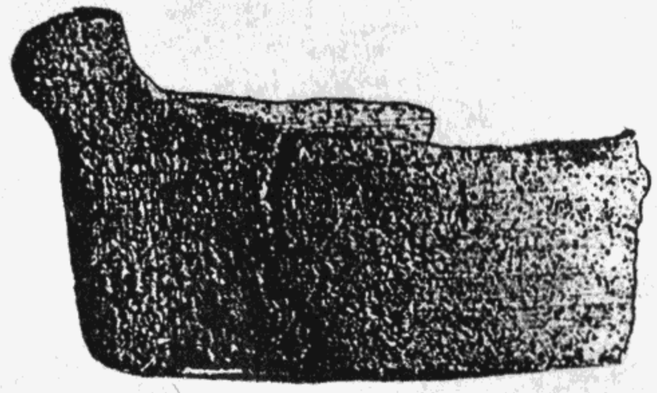
Старинный способ хранения вина. Сел. Джгиарда. Фото 1950 г.

Керамические сосуды из Тамышского поселения эпохи поздней бронзы.

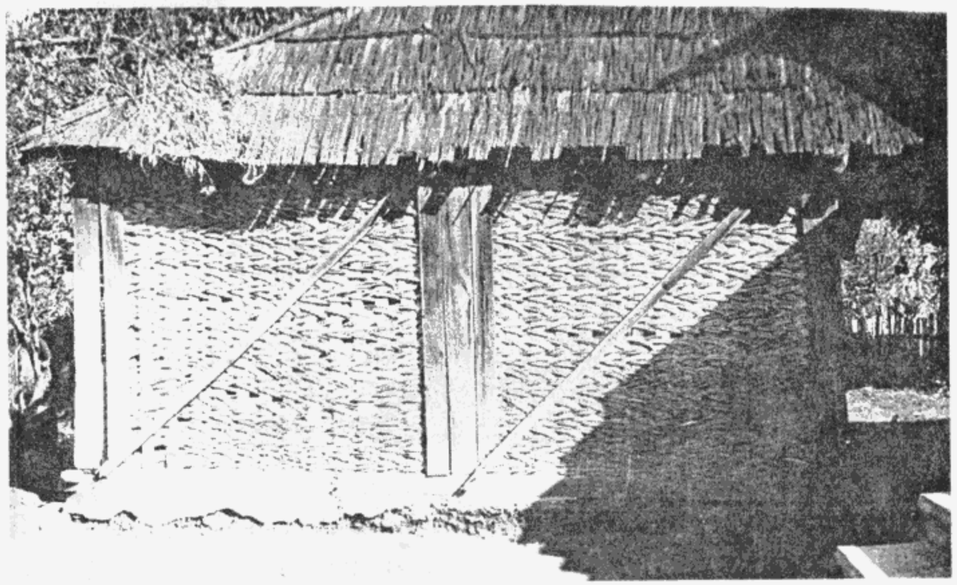

Мужское седло, кнут и уздечный набор старожила из с. Адзюбжа Ивана Жвания (Жьениа). Фото 1989 г.

Керамическая модель судна выявленная в слоях IX - VIII вв. до. н. э. Тамышского поселения. Автор выражает благодарность Д. С. Бжания за предоставленную возможность публикации материала.

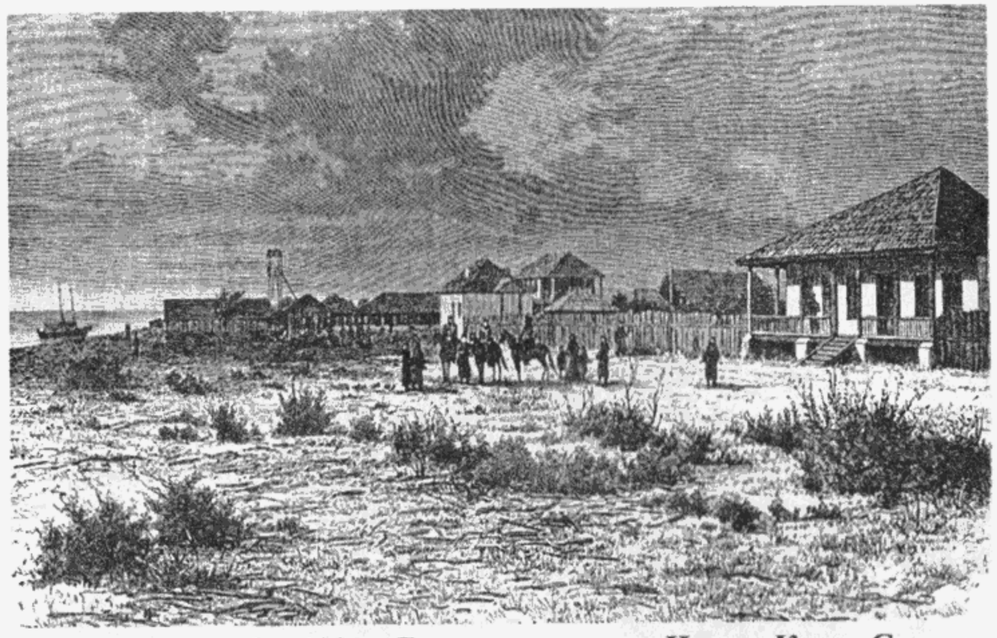
ГЛАВА VI. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА (308–345)

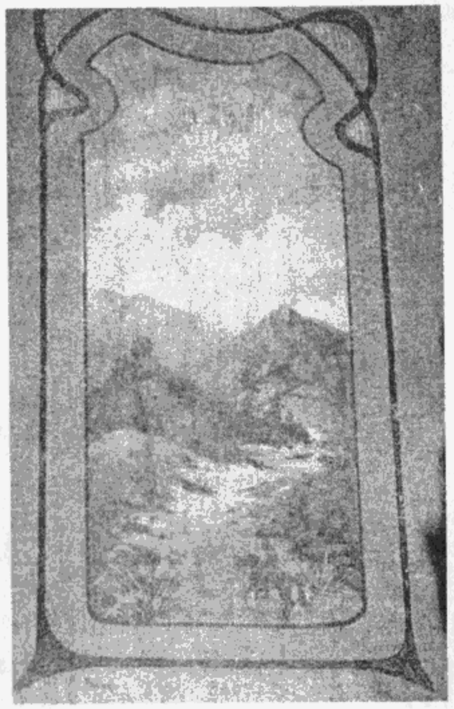
Апацха. Фото 1950 г.

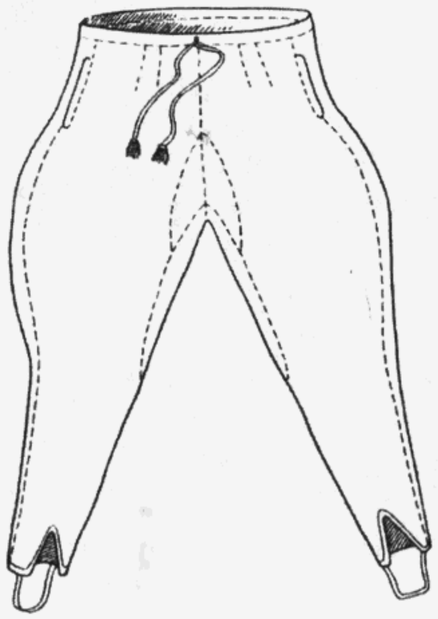
Абхазский дом – агаюны. Фото 1998 г.

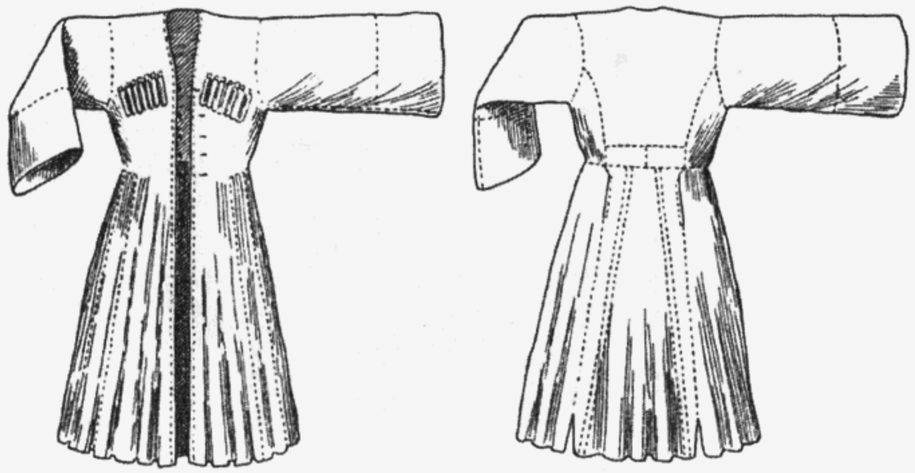
Очамчира, ноябрь 1881г. Дом главы округа. Из кн.: Карла Серена. Путешествие по Абхазии...

Фрагмент росписи стены в спальне Кана Цагурия, известного сказителя. Сел. Адзюбжа/ Фото 1997 г.

Мужские штаны айкуа. Сел. Члоу

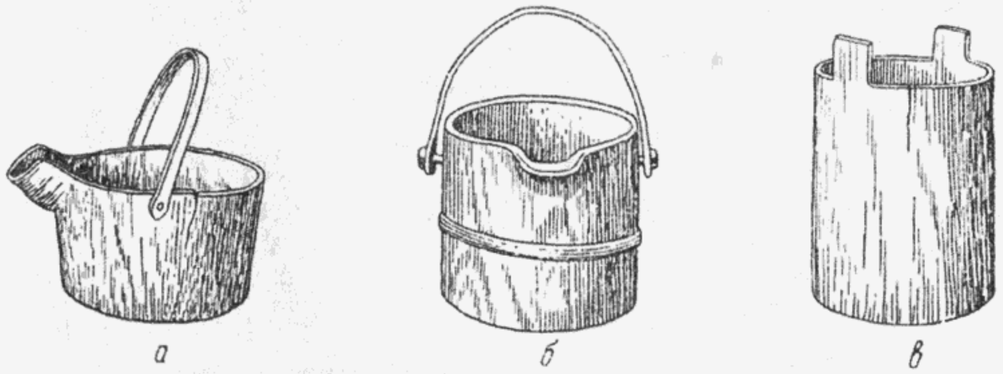
Черкеска

Абжуйцы. Сел. Тхина. Фото начала XX в.

Григорий Андреевич Курцикидзе - внук прапорщика Георгия Давыдовича Курцикидзе. Очамчира, 40-е годы XX в.

Деревянная утварь: а,б - аныга - подойник; в - апкул – сосуд для сыра

ГЛАВА VII. БРАК И СЕМЬЯ. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ (345–455)

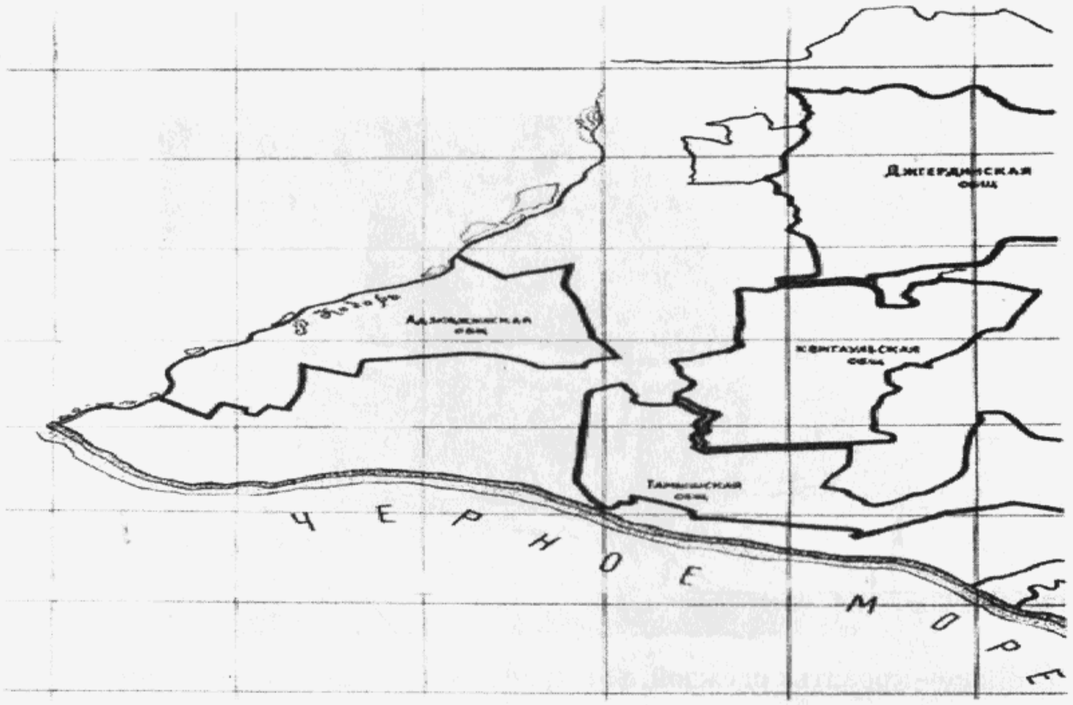
Абхазская семья. В кн.: "Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении". Под общей редакцией П.П. Семенова....

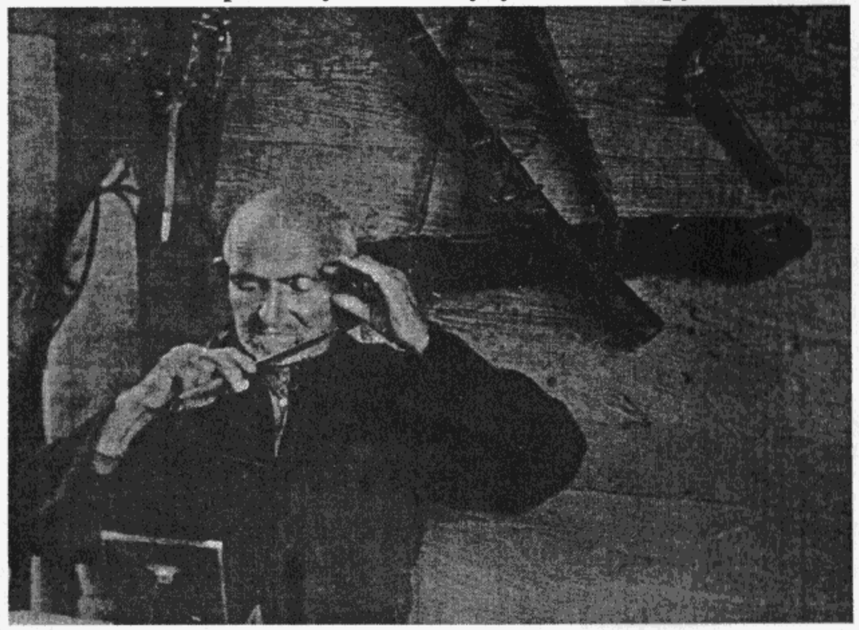
"Семейство негров изъ Адзюбжа". Из кн.: П. И. Ковалевский. "Кавказ". Том I. Народы Кавказа. – Спб. 1914.

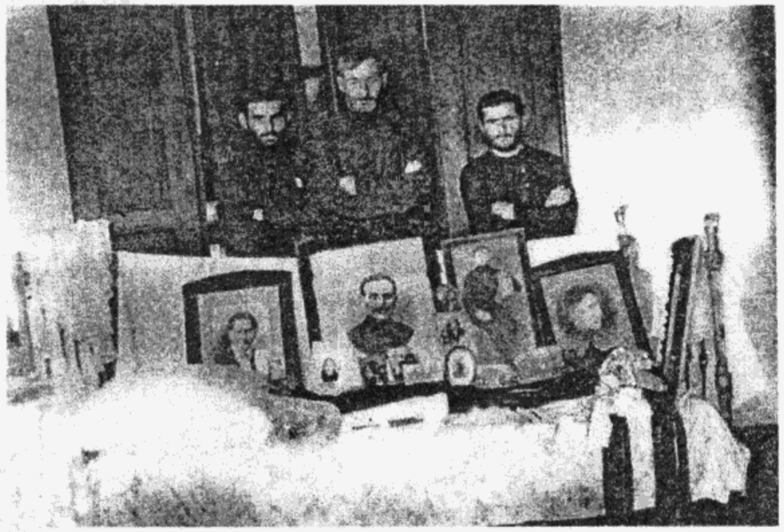
Апсуваева Шамсиа с дочерью Лидой – балкарки из абхазского рода Маан, жительницы с. Эльбрус (Кабардино-Балкарская Республика).

Фрагмент Отчетной карты съемочных и межевых работ, производимых чинами Межевого отдела (с 22 августа 1911 г. по 1913 г.) в Кодорском участке Сухумского округа.

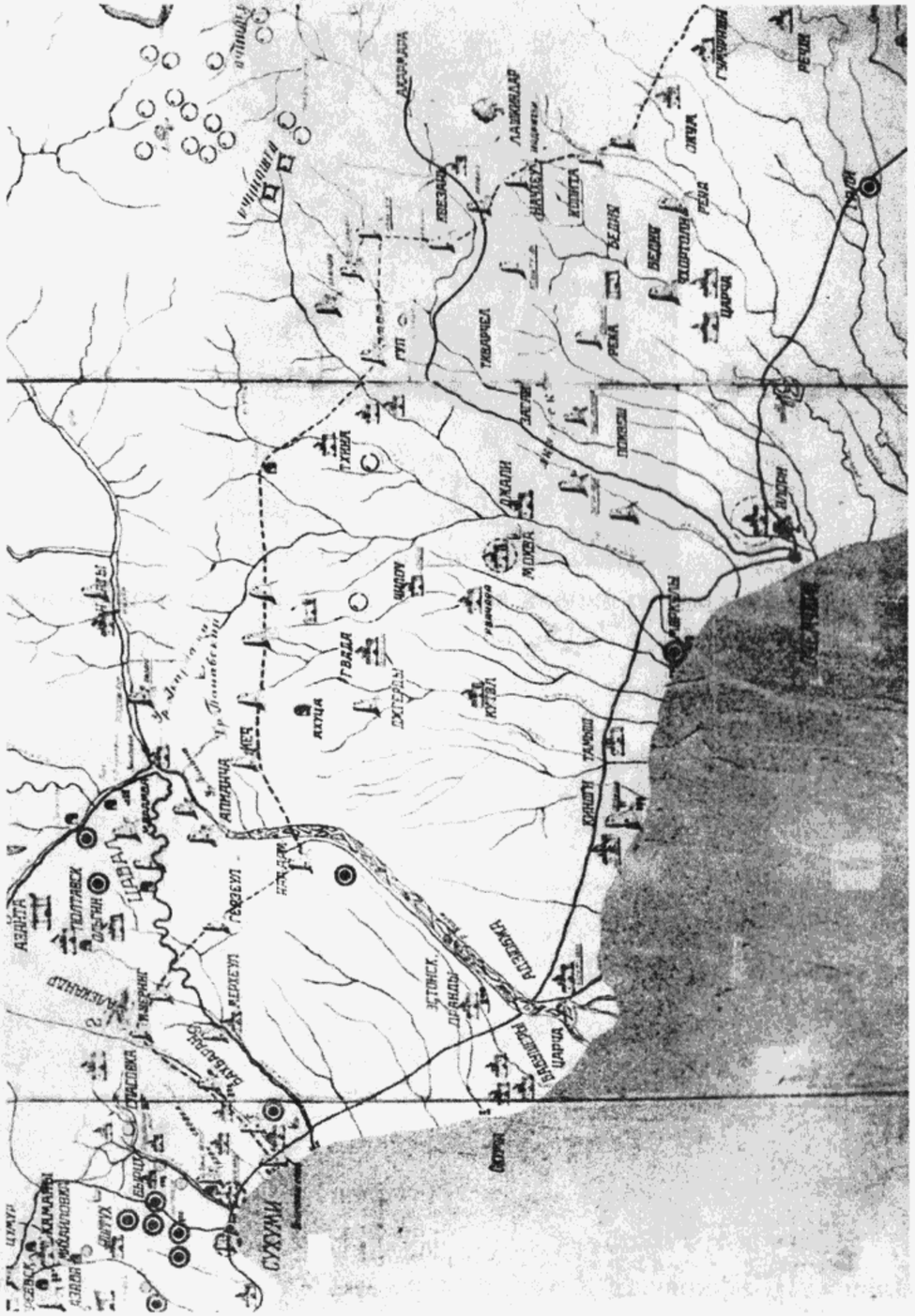

105-летний Бинагу Квициния (сел. Атара), бреющийся абхазским ножом. На втором плане стена, увешанная его вооружением. Фото 1936 г.

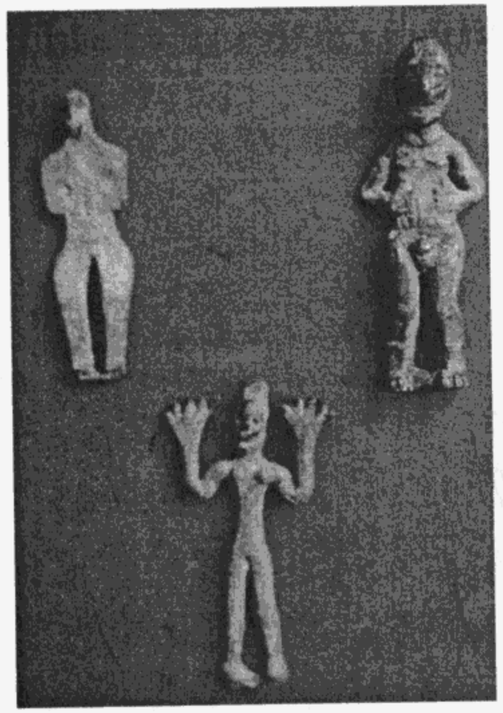

Аншьан – кровать с одеждой, фотографиями усопшего и почивших близких его родственников. Очамчира, 1953 г.

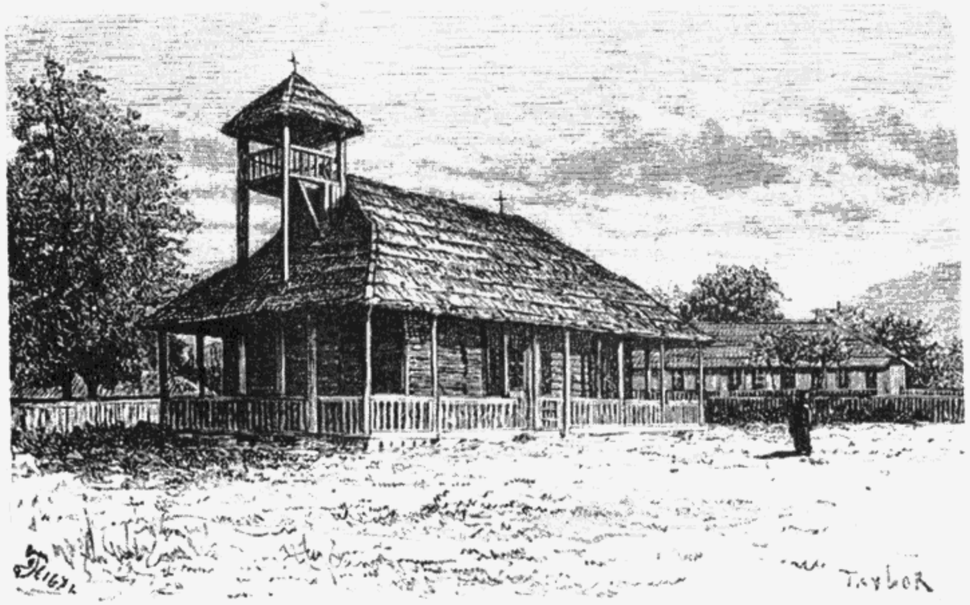
ГЛАВА VIII. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА (455-509)

Фрагмент карты: "Памятники материальной культуры Абхазской АССР. Сост. И. Е. Адзинба. 1939 г.

Бронзовые фигурки из района приустья р. Кодор эпохи поздней бронзы. Из фондов Абхазского Государственного музея.

Площадь и церковь в с. Кутол. В кн.: Карла Серена. Путешествие по Абхазии.....

Сказитель из с. Отап Сергей Адлейба (71 г.). Фото 1998 г. Из фольклорного архива АБИГИ.

Хор долгожителей Очамчирского района "Абжуаа". Фото. 1980-х гг.

На обложке книги американского этнолога Полы Гарб долгожитель из с. Адзюбжа Самсон Ханашович Кация (1883-1978) с внуком Бесланом.

На празднике "Абжуеизара". Сел. Моква

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Раздел первый. **ОЧЕРК ГЕОГРАФИИ** 23
Раздел второй. **ОЧЕРКИ ИСТОРИИ**
Глава I. **Древний период и средневековье**
§ 1. Данные археологических и письменных источников... 38
§ 2. Древнее население региона 55
§ 3. Архитектурные памятники раннего и зрелого средневековья (VI–XIV вв.)..... 64
§ 4. Регион в XIV – XVII веках 79
§ 5. Торговля и экономика в XVII – XVIII веках..... 93
Глава II. **Новое время**
§ 1. Последствия присоединения Абхазии к России 100
§ 2. Проникновение капиталистических отношений..... 114
§ 3. Видные деятели культуры и просвещения второй половины XIX – начала XX веков 126
§ 4. Социально-экономическая жизнь региона..... 141
§ 5. Всадники «Абхазской сотни»..... 149
§ 6. Абжуйцы в 1917-1921 гг..... 157
Глава III. **Советский период**
§ 1. Мероприятия первых лет новой власти 163
§ 2. Годы репрессий. Заселение Абжуйской Абхазии иноэтническими элементами..... 173
§ 3. Годы Великой Отечественной войны. Продолжение переселенческой политики..... 185
§ 4. Период «развитого социализма». Эпоха перестройки и начала гласности..... 197
§ 5. Абжуа в период Отечественной войны абхазского народа 1992-1993гг..... 206
Раздел третий. **ОЧЕРКИ ЭТНОЛОГИИ**
Глава IV. **Основные этнодемографические процессы** 219
Глава V. **Хозяйственные занятия**
§ 1. Охота. Пчеловодство. Рыболовство 232
§ 2. Скотоводство 253
§ 3. Земледелие 263

§ 4. Домашние ремесла 277
§ 5. Пути сообщения и судоходство..... 288
Глава VI. **Материальная культура**
§ 1. Поселения и жилище 308
§ 2. Одежда 325
§ 3. Пища 336
Глава VII. **Брак и семья. Общественные отношения**
§ 1. Брак и свадебные обычаи 345
§ 2. Семья и семейный быт 359
§ 3. Патронимия и фамилии 371
§ 4. Сословия 391
§ 5. Аталычество 407
§ 6. Народное собрание. Кровная месть. Военная организация 414
§ 7. Гостеприимство 430
§ 8. Погребальные и поминальные обычаи 438
Глава VIII. **Духовная культура**
§ 1. Религиозные верования и культы 455
§ 2. Народная медицина 487
§ 3. Народное творчество 498
Заключение..... 510
Библиография..... 515
Список сокращений..... 548
Картографические и иллюстративные материалы 550

Омар Владимирович Маан

АБЖУА

Историко-этнологические очерки Очамчирского района Абхазии

Формат 60х84 1/16. Тираж Физ. п. л. 37,25 . Усл. п. л. 34,65.
Заказ № 69.

Республика Абхазия
ГПП "Дом печати"
г. Сухум, ул. Эшба, 168.